

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 36.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, сентября 5-го.

Содержаніе: По поводу переживаемыхъ событій военнаго времени. I.
Русскій героизмъ. — Открытое письмо братьямъ-сопастырямъ. —
Мученическіе акты, какъ одинъ изъ источниковъ житій святыхъ. —
Желательная перемена въ практикѣ собесѣдованій съ сектантами.

По поводу переживаемыхъ событій военнаго времени.

I. РУССКІЙ ГЕРОИЗМЪ.

Когда съ театра войны пришла вѣсть о геройскомъ под-
вигѣ военнаго священника о. С. Щербаковскаго, своимъ
личнымъ мужествомъ ободрявшаго и ободрившаго измучен-
ныхъ въ неравной борьбѣ съ врагомъ русскихъ бойцовъ и
съ крестомъ въ рукѣ увлекшаго за собою впередъ приуныв-
шихъ было подъ тяжкими ударами сильнѣйшаго непріятеля
беззавѣтныхъ храбрецовъ—нашихъ воиновъ, чье пастырское
сердце тогда радостно не дрогнуло и не отозвалось горячимъ
сочувствіемъ къ этому герою?— Вѣдь этотъ герой-пастырь—
родной намъ, собратъ нашъ по духу и по плоти, онъ—въ

полномъ смыслѣ слова—*плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ!*

Великій подвигъ геройства и мужества проявилъ тамъ, на р. Ялу, у Тюренчена, неизвѣстный дотолѣ священникъ, вичѣмъ ранѣе не выдѣлявшійся изъ ряда своихъ собратьевъ, скромный, какъ и всѣ вообще русскіе пастыри. И въ этомъ, на видъ заурядномъ, молодомъ военномъ священникѣ оказалось такое богатство великаго духа, что совершенный имъ подвигъ сталъ повсюду теперь предметомъ удивленія, восторженнаго одобренія и безконечныхъ разговоровъ. Имя о. С. Щербаковскаго прославляютъ не въ одной Россіи, но и далеко за предѣлами Русскаго государства, въ странахъ Запада и Востока. Можно сказать, *среди всѣхъ народовъ* превозносятся выдающееся геройство его, и воздается ему должная дань похвалы и уваженія.

Радуется сердце православнаго русскаго пастыря, видя въ подвигѣ о. С. Щербаковскаго воплощеніе того исконнаго духа русскаго *благочестія*, которое цѣлью жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и всѣхъ вмѣстѣ русскихъ людей полагаетъ девизъ *пожертвованія* собою „за вѣру, царя и отечество“. Больше нѣтъ той любви,—твердо всегда помнить русскій человѣкъ,—какъ если положить душу свою за самое дорогое, чтò у насъ есть: за *вѣру* православную христіанскую, за *Царя* Русскаго—отца земли нашей, поильца и кормильца нашего и перваго и самаго неутомимаго труженика на общее благо, и за всю землю, за *отечество* наше русское. Трогательныя молитвы, сопровождаемыя умиленнымъ пѣніемъ, въ благоуханномъ куреніи оміама, возносятся Церковію за православныхъ воиновъ, животъ свой на полѣ брани положившихъ. Но не за однихъ только усопшихъ героевъ молится Церковь; она предстательствуетъ и за живыхъ носителей идеи самопожертвованія, испрашивая у Господа укрѣпленія мужествомъ и силою военачальниковъ и христіолюбивое воинство во главѣ съ Государемъ Императоромъ, верховнымъ его вождемъ. Невольно поднимается у каждаго духъ, когда въ

церкви слышатся торжественныя многолѣтствованія Государю и Его побѣдоносному христолюбивому воинству.

Внушая идеи самопожертвованія своимъ чадамъ, Православная Русская Церковь являетъ наглядный примѣръ того, какъ надо полагать душу свою за вѣру, царя и отечество въ лицѣ пастырей-учителей самопожертвованія. Подвигъ о. С. Щербаковского въ военныхъ лѣтонисяхъ далеко не единичный. Геройскими подвигами пастырей блещутъ, можно сказать, страницы исторіи всѣхъ русскихъ войнъ. Не мало священническихъ именъ сохранила благодарная о нихъ память потомства, но еще больше покрыто ихъ забвеніемъ, какъ скоро забываются и безчисленныя имена героевъ — рядовыхъ воиновъ, скромныхъ и непритязательныхъ на „мірскую славу“. Да и не возможно ихъ запомнить. Въ строю русскихъ войскъ, говорятъ, что ни солдатъ, то герой. То же и въ ряду военнаго духовенства. Какъ запомнить подвиги всѣхъ воиновъ? Какъ сохранить память о всѣхъ пастырскихъ подвигахъ на войнѣ? ¹⁾ Духомъ высокаго героизма проникнуто—вѣримъ—

¹⁾ Въ газетѣ „Русь“ отъ 17 іюля с. г. (№ 214) въ корреспонденціи Г. Эрастова изъ Вафангоу есть нѣсколько строкъ о томъ, какъ благословлялъ на рѣшительный бой и ободрялъ войска полковой священникъ. Корреспондентъ не называетъ его фамиліи, передавая только фактъ. Очевидно, такое отношеніе священника къ дѣлу — обычное на войнѣ явленіе. „Передъ рядами появился священникъ въ епитрахили, съ крестомъ въ рукѣ. Громъ орудій и рвущихся шрапнелей заглушалъ его молитвенныя слова, но ихъ слышалъ Тотъ, къ Кому были направлены теперь сердца и помыслы идущихъ на смерть людей. А затѣмъ—весь полкъ, какъ одинъ человекъ, мощнымъ хоромъ тысячъ голосовъ запѣлъ молитву... Замерли послѣднія слова, и полкъ стройными рядами двинулся туда, гдѣ уже давно, шипя и свистя, носились *и адъ и смерть со всѣхъ сторонъ*. Священникъ широкимъ знаменіемъ креста въ послѣдній разъ напутствовалъ проходившіе мимо ряды. Фланговые, поравнявшись съ нимъ, то и дѣло отдѣлялись отъ строя и спѣшили приложиться къ кресту...—„Всѣхъ, дѣти мои, всѣхъ васъ святымъ крестомъ осѣняю. Не отставайте, не выходите изъ строя. За всѣхъ молюсь Господу Богу, всѣхъ васъ отдаю въ Его руки!“—говорилъ подбѣгавшимъ солдатамъ расстроганный, взволнованный священникъ“. — Какая кровная, тѣсная связь чувствуется между этими храбрецами, безстрашно, съ молитвою идущими на смертный бой съ врагомъ, и благословляющимъ ихъ духовнымъ отцомъ! Однимъ и тѣмъ же героизмомъ христіанскаго духа соединены они...

все православное русское пастырство, и вотъ почему оно такимъ горячимъ сочувствіемъ отзывается на подвигъ о. С. Щербаковскаго и гордится имъ. Подвигъ этого военнаго русскаго священника указалъ и обнаружилъ всему міру, чѣмъ въ глубинѣ своего духа живетъ наше бѣдное, скромное и часто обездоленное духовенство, чѣмъ, среди всѣхъ житейскихъ невзгодъ, питается его духъ, и какія сокровища возвращаетъ оно въ себѣ и хранитъ въ „святая святыхъ“ сердца. Скромень русскій пастырь, но онъ—вѣрный носитель христіанскаго идеала и неуклонный хранитель основныя началъ русской церковно-государственной жизни. Тяжело ему бываетъ носить святыя идеалы, живя въ бѣдности, въ лишеніи, отказывая себѣ подчасъ чуть не въ насущномъ кускѣ хлѣба. Въ трудныхъ условіяхъ приходится ему жить и собирать, въ буквальный смыслѣ, по *копейкамъ* обезпеченіе себѣ и семьѣ, въ которой, смотришь, вотъ уже подросли дѣти—нужно ихъ обучать и воспитывать, а тамъ и пристраивать въ жизни. Кажется, всѣ внѣшнія условія должны бы располагать пастырей къ духовному огрубѣнію, потерѣ идеала, къ устремленію помысловъ на мелкія стяжанія. Но нѣтъ,—жизнь часто ломаетъ, но не калѣчитъ бѣдныхъ тружениковъ; богатство духа остается у нихъ цѣлымъ до конца дней. И оно цѣнится у русскаго пастырства настолько высоко, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія бояться измѣны духу ради даже грудъ золота и серебра, если бы кто предложилъ ихъ, какъ цѣну измѣны¹⁾.

¹⁾ Подобное опасеніе выразилъ недавно преосвящ. Волинскій *Антоній* въ „Окружномъ посланіи къ Волинскому духовенству“. Владыка находитъ, что внѣ матеріальной зависимости отъ прихода священникъ, почувствовавши себя обезпеченнымъ, „усвоятъ немеленно буржуазныя привычки до воротничковъ и перчатокъ включительно (станетъ музыкантомъ, коннозаводчикомъ, любителемъ поверхностной литературы, газетъ и т. п.) и перестанетъ быть истиннымъ пастыремъ“.—Правдивый отвѣтъ на это незаслуженное и обидное подозрѣніе данъ о. *Теодоромъ Тихвинскимъ* на страницахъ „Миссіонерскаго Обзорія“ въ статьѣ: „Мысли и чаянія сельскаго священника, по поводу *Посланія* епископа Антонія“ („М. О.“, 1903 г., № 15, стр. 599).

Да у пастыря и не возникает мысли о возможности этой мѣны. Идеи духа занимаютъ въ его сердцѣ такое недосыгаемо-высокое положеніе, окружены такимъ священнымъ сіяніемъ, имъ такъ искренно покланяется и такъ ихъ любовно чтитъ священникъ, что самую мысль о забвеніи или потерѣ святыни духа, въ погонѣ за земными благами, онъ почелъ бы странною и печестивою. „Трудна жизнь,—говоритъ себѣ въ тяжелыя минуты раздумья о завтрашнемъ днѣ священникъ,—но надо же какъ-нибудь устроиваться, приспособляясь къ ея условіямъ, надо усиленнѣй трудиться, надо въ потѣ лица, снискивать насущное пропитаніе, отдавая заботѣ о *мірскомъ и тѣлесномъ* всѣ свободныя отъ пастырскихъ обязанностей часы досуга. Есть, вѣдь, еще и большіе труженики, чѣмъ я, а имъ даетъ жизнь меньше того, чтò есть у меня, такъ что слава Богу и за то, чтò я имѣю!“... Этимъ „слава Богу за все“ заканчиваетъ обычно русскій пастырь свои невеселыя думы о насущномъ кускѣ хлѣба и затѣмъ такъ же бодро принимается завтра за трудъ, какъ усердно трудился сегодня, вчера, третьяго дня. Трудится, бьется въ жизни до глубокой старости, несетъ трудовую ношу до гробовой доски,—но не падаетъ духомъ, не теряетъ вѣры въ проповѣдуемая имъ основы жизни и не разстается съ своей вѣрой никогда. Вѣра остается въ сердцѣ смиреннаго русскаго священника навсегда самымъ драгоценнымъ сокровищемъ. Онъ заботливо оберегаетъ, возвращаетъ и созидаетъ ее, твердо памятуя, что это достояніе, этотъ „талантъ“ онъ долженъ будетъ представить на судъ вѣчному Судіи и отъ вѣры и дѣлъ своихъ долженъ будетъ Имъ или *осудитися*, или *оправдитися*. Сходя въ могилу, добрѣ потрудившійся на своемъ длинномъ вѣку старецъ Божій даритъ, „на вѣчную память“, и своимъ дѣтямъ и внукамъ то же духовное сокровище, которое сберегалъ въ себѣ всю жизнь. Такъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ наслѣдіе христіанскаго православно-русскаго духа въ средѣ нашего духовен-

ства, раждая героевъ въ немъ самомъ и, подь въздѣйствіемъ духовенства, во всемъ русскомъ народѣ.

Въ исторіи культурнаго развитія русскаго народа, особенно же въ дѣлѣ созиданія его нравственнаго облика, безспорно, не было сильнѣе и дѣйственнѣе вліянія, какъ вліяніе религіи и духовенства. Воспринявшій христіанство въ самомъ началѣ исторической жизни, можно сказать—рожденный, а затѣмъ воспитываемый въ христіанствѣ, русскій народъ есть самый религіозный народъ въ мірѣ. Въ христіанскую эру исторіи челоуѣчества еще не было народа, жизнь котораго такъ широко и глубоко захватывалась бы *всюду*. Русская набожность, проникающая собою все формы жизни и сообщающая своеобразный, безпримѣрный характеръ міросозерцанію русскаго народа, давно уже обращаетъ на себя вниманіе и иноземныхъ высоко-культурныхъ, но, въ то же время, маловѣрующихъ націй. Ему пророчатъ особенную будущность, отъ него *языки міра* ожидаютъ новаго *слова жизни*, въ немъ лучшія русскіе мыслители чаютъ созданія вождельннаго царства Христова на землѣ въ союзѣ правды и любви всехъ людей подь единодержавіемъ Христа. Но *кто* же создалъ русскій народъ таковымъ? кто научалъ его христіанской вѣрѣ и непрестанно, безбоязненно внушалъ тѣ мощныя устои жизни, которыхъ ни за что и никому не распатать въ русскомъ народѣ?

Русскій православно-христіанскій духъ созданъ русскими пастырями. Они вдохнули въ народъ то, чѣмъ сами всегда дышали,—вѣру христіанскую и, вмѣстѣ съ нею, трогательную любовь къ царю и беззавѣтную преданность родной землѣ. Оттого вѣроу крѣпокъ русскій народъ, и не падаетъ онъ духомъ въ тяжкія години различныхъ бѣдствій, или, какъ онъ ихъ называетъ, „испытаній Божіихъ“; оттого не сокрушаютъ его нравственной и даже физической мощи постоянная нужда, частыя голодовки, недоѣданье, ставшее теперь, кажется, зауряднымъ уже явленіемъ, и вся эта поистинѣ несчастная внѣшняя обстановка, въ которой проводитъ жизнь

большая часть русскаго народа; оттого среди бѣдствій и лишеній сохраняется въ русскомъ человѣкѣ бодрость духа и непоколебимая вѣра въ лучшее когда-нибудь будущее. Съ глубокою сердечною вѣрою въ Страстотерпца — Христа и въ „единое на потребу“ спасеніе, открытое міру Христомъ, живетъ русскій народъ, имѣя въ лицѣ пастыря-учителя жизни постоянный примѣръ неослабной духовной бодрости. Тяжелъ трудъ крестьянина, тяжела и *поденная работа* священника. Мало вознаграждаетъ трудъ и того и другого, но ни въ томъ, ни въ другомъ жизненная борьба не въ силахъ угасить главнѣйшаго — *духа*.

Рука объ руку начинаютъ жить они оба — сельскій пастырь и простой поселенинъ; рука объ руку проходятъ они свое жизненное *теченіе* на землѣ и не разлучаются до самой гробовой доски. Приходитъ смерть, грозная и страшная; заноситъ она безжалостно свою косу надъ головою обреченнаго. Жутко человѣку смотрѣть въ лицо смерти... Но ни жалобы, ни воздыханія, ни тѣмъ болѣе проклятія вы не услышите изъ устъ умирающаго русскаго человѣка. Умираетъ онъ, „точно обрядъ совершаетъ“: сосредоточенно, спокойно — съ молитвой, съ благословеніемъ священника и окружающихъ его смертныи одръ. Ни одинъ, говорятъ, въ мірѣ человѣкъ не умѣетъ такъ поразительно-спокойно умирать, какъ русскій. Недаромъ онъ всю жизнь молится о дарованіи ему *христіанской* кончины — безболѣзненной, непостыдной и мирной. Чудные образы *русской* — непостыдной и мирной — кончины нарисованы у нашихъ писателей и составляютъ лучшія страницы ихъ художественныхъ произведеній, на которыхъ останавливаешься всякій разъ съ новымъ и новымъ раздумьемъ и наслажденьемъ... Умирающій проникается весь *тхрою*. Какъ дымкою, окутывается онъ благодатно-таинственною атмосферою, создаваемой около него священникомъ... Предъ лицомъ смерти въ послѣдній разъ на землѣ встрѣчаются учитель жизни — пастырь съ ученикомъ. Какъ будто провѣряетъ пастырь здѣсь, у смертнаго одра, насколько хорошо

усвоилъ себѣ за истекшую жизнь христіанскую вѣру его духовный сынъ, отчетливо ли понялъ онъ небесный идеалъ вѣры, научился ли все земное считать суетою и тлѣномъ ради царствія Христова, возлюбилъ ли небесное отечество паче всего въ жизни, готовился ли къ нему...—„Да, я научился,—какъ бы такъ отвѣчаетъ возлежащій на смертномъ одрѣ,—презирать земное и *омынять его въ уметы* ради царствія Христова и правды его святой; привыкъ смирать гордый свой духъ и мятежную, страстную плоть; не ужасаетъ меня смерть; не жаль мнѣ разставаться съ землею и съ тѣмъ, что было здѣсь такъ дорого; съ вѣрою и упованіемъ благоговѣнно приближаюсь къ вратамъ небесной, новой жизни,—приближаюсь, но... и трепещу. Прости меня, Господи, немощнаго, грѣховнаго, часто глубоко подавшаго человѣка, но ни разу не лишенаго въ жизни Твоего милосердія и благодатной Твоей помощи; пощади меня, Господи, и прими въ небесныя Твои селенія. *Въ руки Твои предаю духъ мой!*“

Какая глубина содержанія въ послѣднихъ словахъ!—„И—грѣшенъ, по я—Твое созданіе,—слышится въ нихъ:—я заслуживаю наказаніе по грѣхамъ моимъ, но знаю, что Твое милосердіе безприкладно, и не побѣдитъ его множество грѣховъ моихъ. Вѣрую и уповаю, что безконечно благъ Ты, Спасе мой. Съ вѣрою въ Твое милосердіе, имѣя въ себѣ *залогомъ* живота вѣчнаго пречистое Твое Тѣло и честную Кровь Твою, предаю духъ мой въ Твои руки, Творче, Судіе и Спасе мой!“..

Кто же учитъ русскаго человѣка *умирать* по-христіански?—Учитъ его этому тотъ же пастырь, который училъ его и *жить* по-христіански.

Не такъ бросается въ глаза смерть среди житейской обычной обстановки, когда она является вполне естественною и неизбѣжною, особенно же когда уноситъ съ собой людей, уже кончившихъ полный, такъ сказать, кругъ земного бытія. Но вотъ наступаютъ дни войны,—и обычный порядокъ измѣняется. Смерть уноситъ теперь не единицы, не десятки

жертвъ въ одномъ мѣстѣ, а сотни и тысячи. Все это—жизни молодых, едва начавшія еще раскрываться. Казалось бы, этимъ людямъ только бы жить, только бы наслаждаться жизнью... При обычномъ порядкѣ вещей, человѣкъ готовится къ смерти въ теченіе долгихъ лѣтъ и за это время успѣваетъ надлежащимъ образомъ сосредоточить на ней свои помыслы; но на войнѣ черезъ часъ, черезъ минуту, даже не вздохнувъ, можно отойти туда, откуда уже нѣтъ возврата, и гдѣ уже нѣтъ покаянія. Внезапная („напрасная“) смерть не способна ли навести ужасъ на самую чистую и свободную отъ тяжелыхъ укоровъ совѣсти душу?... Не передать словами ужаса смерти, носящейся по полю брани! „Какъ предстану на судъ безсмертному Царю, и что отвѣчу Ему?—этотъ вопросъ никогда съ такою силою и такъ грозно не представляется человѣку, какъ на войнѣ. Какъ бы ни былъ кто твердъ духомъ, но не можетъ онъ хладнокровно относиться къ ужасному призраку смерти, витающему надъ головой положительно на каждомъ шагу. Слишкомъ великъ ужасъ этого призрака, чтобы можно было спокойно чувствовать себя!

Но не падаетъ и на войнѣ духъ русскаго воина.

Среди всѣхъ ужасовъ кровопролитѣйшихъ сраженій его не оставляетъ чудодѣйственная, бодрящая *вѣра*, какъ не покидаетъ его и учитель вѣры — пастырь, остающійся и здѣсь неизмѣннымъ вѣрнымъ его другомъ. Прочность ихъ союза никогда съ такою наглядностью не обнаруживается, какъ на бранномъ полѣ, среди грохота орудій, свиста и треска снарядовъ, среди стоновъ раненыхъ и умирающихъ. Кто поднимаетъ упавшій духъ воина?—Священникъ. Кто св. крестомъ изгоняетъ страхъ изъ сердца солдата и вливаетъ какъ бы новую въ него силу?—Священникъ. Кто, наконецъ, успокаиваетъ взволнованную душу смертельно раненаго, кто облегчаетъ ему переходъ въ загробную жизнь, кто благодатнымъ таинствомъ услаждаетъ и дѣлаетъ блаженными его послѣднія минуты?—Все тотъ же священникъ.

Безъ сомнѣнія, когда окончится нынѣшняя тяжелая, кровопролитная война, и военные пастыри, окруженные вполне заслуженнымъ ореоломъ, возвратятся вмѣстѣ съ русскими храбрецами домой, они расскажутъ много назидательнаго изъ своей пастырской практики на полѣ военныхъ дѣйствій. Но намъ хотѣлось бы и теперь напомнить, что писалъ съ театра военныхъ дѣйствій четверть вѣка тому назадъ, въ Русско-Турецкую войну, одинъ изъ выдающихся тогдашнихъ военныхъ священниковъ *В. В. Гурьевъ*. Позволяемъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ страницахъ интереснаго *дневника* (въ письмахъ къ друзьямъ), принадлежащаго перу этого достойнаго представителя военного духовенства ¹⁾.

Н. Пальмовъ.

---

¹⁾ Письма о. В. В. Гурьева печатались сначала въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1880 г. (кн. 2, 6, 7, 8, 9, 11 и 12), а затѣмъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ.—Калишскій протоіерей Вакхъ Васильевичъ Гурьевъ родился въ Воронежск. г. Въ Воронежѣ получилъ онъ семинарское образованіе и въ родной губерніи началъ пастырскую дѣятельность. Затѣмъ служилъ военнымъ священникомъ въ Западномъ Краѣ. Скончался въ 1890 г., шестидесяти лѣтъ отъ роду (Энциклоп. Словарь *Брокгауза и Ефрона*, т. IX, кн. 18, стр. 919).

Открытое письмо братьямъ-сопастырямъ.

Въ переживаемое нынѣ нами тяжелое время мысли и чувства всѣхъ устремлены на Дальній Востокъ, почти всѣ явленія внутренней жизни отступаютъ на задній планъ передъ тревогою за дорогихъ людей, кровь которыхъ льется на поляхъ Манчжуріи и окрашиваетъ собою воды Тихаго Океана. Да и можетъ ли быть иначе? Найдется ли гдѣ-нибудь въ Россіи человѣкъ, который искренно не печалился бы при неудачахъ нашихъ воиновъ и не радовался бы даже самымъ незначительнымъ ихъ удачамъ? Сердце каждаго истинно-русскаго человѣка, какъ гражданина великаго и могущественнаго государства, трепетно бьется при всякомъ новомъ извѣ-

¹⁾ Письма о. В. В. Гурьева печатались сначала въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1880 г. (кн. 2, 6, 7, 8, 9, 11 и 12), а затѣмъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ.—Калишскій протоіерей Вакхъ Васильевичъ Гурьевъ родился въ Воронежск. г. Въ Воронежѣ получилъ онъ семинарское образованіе и въ родной губерніи началъ пастырскую дѣятельность. Затѣмъ служилъ военнымъ священникомъ въ Западномъ Краѣ. Скончался въ 1890 г., шестидесяти лѣтъ отъ роду (Энциклоп. Словарь *Брокгауза и Ефрона*, т. IX, кн. 18, стр. 919).

сти съ театра войны, гдѣ наше храброе войско терпѣливо и съ вѣрою въ свою правоту и силу, грудью отстаиваетъ интересы всего русскаго народа, его національное достоинство.

А какъ же и чѣмъ же мы, братья-сопастыри, примемъ участіе въ столь трудномъ и тяжеломъ для отечества испытаніи? молитвой?... Но только ли молитвой?—Война требуетъ громаднхъ денежныхъ средствъ, требуетъ немалыхъ денежныхъ средствъ на собственно военныя издержки, и на оказаніе помощи больнымъ и раненымъ. Къ посильному участію въ этомъ-то дѣлѣ и постараемся склонять своихъ прихожанъ, сами показывая имъ примѣръ. Вѣдь наши неустрашимые воины изнемогаютъ на полѣ брани отъ холода и зноя, отъ постоянного сознанія близости смерти. Они безстрашно идутъ на жерла пушекъ, задыхаются отъ ядовитыхъ газовъ, умираютъ растерзанные гранатами. Никакое перо не въ состояннн изобразить всѣхъ ужасовъ браннаго поля. Въ жаркихъ бояхъ подъ ногами дѣйствующихъ частей цѣлыми кучами лежатъ, судорожно корчась отъ невыносимыхъ страданій, неподобранные раненые, вся надежда которыхъ на помощь товарищей, находящихся въ строю. И помощь эта имъ по мѣрѣ возможности оказывается. Но, оказывая помощь несчастнымъ товарищамъ, воины отвлекаются тѣмъ самымъ отъ участія въ бою съ непріателемъ; отступая съ поля брани, они, притомъ же, не всѣхъ раненыхъ могутъ захватить съ собой. А потому, необходимо, чтобы на театрѣ военныхъ дѣйствій было достаточное количество братьевъ и сестеръ милосердія, не говоря уже о достаточномъ количествѣ перевязочныхъ матеріаловъ и всевозможныхъ медицинскихъ средствъ. Будемъ же склонять, братья-сопастыри, народъ къ пожертвованію на Красный Крестъ, который всѣмъ этимъ вѣдаетъ!.. И можно съ полною увѣренностью сказать, что не найдется крестьянки, которая не принесла бы на это св. дѣло куска или хотя отрѣзка холста; она и сама съ готовностію послала бы его солдатамъ, страдающимъ на войнѣ, да не знаетъ, кому, какъ и гдѣ передать; она даже не знаетъ, что въ Манчжуріи терпятъ

въ этомъ нужду. Нашлись бы и такія крестьянки, которыя дали бы что-либо и побольше холста. На деревенскихъ прихожанъ въ этомъ случаѣ должно обратить особенное вниманіе. Деревня—это вѣдь 100 милліоновъ народа—народа, правда, бѣднаго, но—кто отъ достатка, кто отъ бѣдности, а всѣ дадутъ что-нибудь. Денегъ у простого народа мало, а потому лучше всего привлекать ихъ къ пожертвованіямъ, главнымъ образомъ, натурою. Это дастъ возможность всѣмъ, даже бѣднякамъ, принять посильное участіе въ пожертвованіяхъ на св. дѣло. На войнѣ пригодится все. Кусокъ холста сбережетъ нѣсколько солдатскихъ ногъ, прикроетъ нѣсколько солдатскихъ плечей... Пожертвованія натурою хорошо было бы сформировать съ временемъ года: къ зимѣ—овчины, валенки, полушубки и т. д; къ веснѣ и лѣту—другіе подходящіе предметы, въ особенности же—сапоги, которые, вслѣдствіе каменной почвы Кореи, а также непроходимой вязкой грязи Манчжуріи въ періодъ дождей, необыкновенно быстро изнашиваются.

Если когда, то именно теперь въ войскѣ—вся наша сила, весь нашъ оплотъ. Сознывая это, мы не должны забывать своей непремѣннѣйшей нравственной обязанности относительно тѣхъ воиновъ, которые волею Державнаго Вождя нашего призваны нынѣ въ дѣйствующую армію. Высочайшими указами исподволь объявляется мобилизація различныхъ военныхъ округовъ или нѣкоторыхъ частей ихъ. Сколько семействъ крестьянъ и городскихъ обывателей остаются безъ своихъ кормильцевъ! сколько проливается слезъ отъ тягости разлуки съ отцами, мужьями и братьями!... Но какъ ни тяжело разставаться, а неизбежно приходится: того требуетъ долгъ. Но если долгъ однихъ—грудью идти противъ врага, то долгъ другихъ—оказывать посильную матеріальную помощь семействамъ тѣхъ чиновъ запаса, которые ушли на войну. Отсюда, на нашей же обязанности, братья-сопастыри, лежитъ—добрымъ словомъ привлекать своихъ прихожанъ къ пожертвованіямъ и на нужды семействъ ушедшихъ на войну чиновъ

запаса. „Лиха бѣда—починь“, говоритъ русская пословица; а разъ будетъ сдѣлано начало, то, безъ сомнѣнія, каждый изъ нашихъ прихожанъ, памятуя, что „по капелькѣ—море, а по былинкѣ—стогъ“, пожертвуетъ и этимъ семьямъ—если не деньгами и разными предметами, то хоть руками своими: поможетъ убрать и вспахать поле и т. п.

Итакъ, братья-сопастыри, въ наступившіе для нашей дорогой родины тяжелые дни поможемъ и мы ей съ своей стороны—кто словомъ, кто дѣломъ. Дадимъ отъ избытка своего хотя бы то, что намъ не нужно, побудимъ къ тому же и другихъ: это въ нашихъ рукахъ, была бы только добрая воля. Примемся за дѣло со всею энергіею, а главное—безотлагательно: нужда не ждетъ, а все растетъ и растетъ.

Богъ на помощь святому и доброму дѣлу!

Свящ. *Іоаннъ Добронравовъ.*

Мученическіе акты, какъ одинъ изъ источниковъ житій святыхъ.

Въ ряду разнообразныхъ памятниковъ христіанской литературы самый обширный отдѣлъ ея составляютъ памятники агіографическіе. Это и естественно. Христіанская Церковь искони чтитъ св. угодниковъ Божіихъ. Ихъ добродѣльные подвиги, служа образцомъ истинно-христіанской жизни, представляли и представляютъ весьма много назидательнаго и поучительнаго. „Ищущіе назиданія въ благочестіи находили и находятъ въ жизнеописаніяхъ святыхъ примѣры и наставленія, какъ нести иго Господне благое не утомляясь, доколѣ Господь не призоветъ къ блаженному покою, — какъ, одушевляясь чистою любовью къ Господу Іисусу Христу, постоянно взирая на Его крестный путь, во всѣхъ дѣлахъ имѣя единое на потребу, не терять ни одной минуты для вѣчности и, трудясь для спасенія другихъ, въ то же время, при помощи благодати Божіей, устроить свое спасеніе“.

Появленіе агіографическихъ произведеній въ христіанской Церкви относится къ начальнымъ временамъ христіанства. Первыми изъ этихъ произведеній были *сказанія о мученикахъ*, такъ называемые *акты мученическіе*, о значеніи которыхъ, какъ источника для *житій святыхъ*, мы и имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ.

Въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ своего существованія христіанство много разъ подвергалось гоненіямъ въ предѣлахъ Римской имперіи—частію по прямому приказанію императоровъ¹⁾, частію по требованію народной толпы, кричавшей въ столичныхъ и провинціальныхъ амфитеатрахъ—*christianos ad leones*, частію по доносамъ различныхъ враговъ христіанства, въ особенности евреевъ²⁾. Безстрашное поведеніе мучениковъ приводило въ изумленіе язычниковъ, у самихъ же христіанъ они пользовались глубочайшимъ почтеніемъ. Самое страшное преступленіе въ глазахъ Церкви—отреченіе отъ Христа, ведшее къ исключенію изъ христіанской общины, прощалось, если за кающагося отступника высказывался одинъ изъ *исповѣдниковъ*³⁾ и давалъ ему реко-

¹⁾ Первый извѣстный рескриптъ, направленный противъ христіанъ, былъ изданъ имп. Траяномъ (112 г.) въ формѣ отвѣтнаго посланія къ Виенскому проконсулу Плинію Младшему, письменно спрашивавшему императора, какъ поступать ему относительно христіанъ. Хотя нѣкоторые изслѣдователи стараются ослабить значеніе этого рескрипта для положенія христіанъ въ Римской имперіи, но значеніе это (въ рескриптѣ Траяна рѣчь идетъ о христіанствѣ, какъ *положительномъ*, активномъ преступленіи, осуждается вѣра христіанская, *poten ipsam*, отъ нея требуютъ отреченія, за нее предають казни) прекрасно выяснено въ статьѣ: „Христіанская Церковь и римскій законъ въ теченіи двухъ первыхъ вѣковъ“ („Труды Кіевск. Д. Ак.“ 1893—1894 г.).

²⁾ О причинахъ гоненій на христіанъ (причинахъ троякаго рода—*государственныхъ, религіозныхъ, общественныхъ*) см. изслѣдованіе профессора А. П. Лебедева: „Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ Греко-Римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ“. Изд. 2, Москва, 1897 г., стр. 1—32.

³⁾ *Исповѣдниками* назывались лица, подвергшіяся мученіямъ за исповѣданіе Христа, но, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, оставшіяся въ живыхъ.

мендательное письмо (libellus) къ епископу. Христіане внимательно слѣдили за всѣмъ процессомъ мучениковъ, присутствовали при ихъ допросахъ, пыткахъ, старались проникнуть къ нимъ въ тюрьмы и, наконецъ, не щадили никакихъ средствъ, чтобы достать честныя останки ихъ и похоронить въ своихъ катакомбахъ. Чтобы лучше сохранить память о мученикѣ, они вырѣзывали на свинцовой доскѣ имя его, сопровождали иногда это имя краткимъ указаніемъ какъ на время, такъ и на образъ кончины мученика. Въ катакомбахъ ихъ хоронили въ болѣе обширныхъ комнатахъ, гдѣ надъ ихъ останками сооружали алтари и совершали богослуженіе. Въ день памяти мученика вѣрнымъ сперва сообщали изустно свѣдѣнія о его кончинѣ лица, при ней присутствовавшія, а потомъ, во избѣжаніе забвенія, начали эти рассказы предавать записи. Чѣмъ страшнѣе были гоненія, чѣмъ больше было мучениковъ, тѣмъ болѣе усиливался энтузіазмъ христіанъ по отношенію къ нимъ, но и тѣмъ труднѣе было сохранить память обо всѣхъ ихъ. Поэтому, уже во II и III вѣкахъ въ болѣе важныхъ городахъ, какъ Римъ, Александрія, Антиохія, мѣстные епископы дѣлають распоряженія, чтобы ихъ діаконы внимательно слѣдили за всѣми мучениками и исповѣдниками и составляли письменныя свидѣтельства объ ихъ подвигахъ. Въ Римѣ, по словамъ Папской лѣтописи, этимъ дѣломъ одновременно занимались семь діаконъ и семь иподіаконъ, каждый въ особой regio (въ особомъ городскомъ кварталѣ). Въ катакомбахъ встрѣчаются изображенія епископа, которому діаконы подаютъ составленные ими свитки съ мученическими актами. Первоначально эти акты существовали отдѣльно о каждомъ мученикѣ, но представители Церкви очень рано стали заботиться о составленіи изъ нихъ сборниковъ¹⁾. Подобные сборники сперва состояли изъ свода актовъ

¹⁾ Сборники мученическихъ актовъ были двоякаго рода: 1) *Passionarii*, гдѣ въ календарной формѣ излагались подъ каждымъ днемъ болѣе или менѣе подробные рассказы о мученической кончинѣ тѣхъ или другихъ исповѣдниковъ, и 2) *Martyrologii*, гдѣ также въ календарной формѣ

мучениковъ, относящихся къ извѣстной мѣстности или даже къ народу. Такъ, есть извѣстіе, что Діонисій Александрійскій въ III вѣкѣ составилъ сборникъ актовъ мучениковъ Египта; въ IV вѣкѣ существовалъ сборникъ актовъ мучениковъ въ Палестинѣ; тогда же знаменитымъ Евсевіемъ Памфиломъ, еп. Кесарійскимъ, сдѣланъ былъ первый опытъ свода въ одно большое собраніе всѣхъ этихъ частныхъ сборниковъ. Но уже этотъ первый собиратель, несмотря на доступность ему имперскихъ и церковныхъ библіотекъ и архивовъ, жаловался на невозможность добыть многіе извѣстные ему по слухамъ акты и сборники актовъ. По всей вѣроятности, многіе изъ этихъ актовъ погибли во время страшнаго гоненія Діоклетіана, по распоряженію котораго истреблялись всевозможныя христіанскія книги. Къ сожалѣнію, этимъ не ограничилась гибель актовъ: въ эпоху вторженій варваровъ въ IV и особенно въ V вѣкахъ продолжалось истребленіе памятниковъ какъ греко-римской, такъ и христіанской письменности¹⁾. Между прочимъ, въ это время погибло и упомянутое большое собраніе актовъ Евсевія Памфила. По крайней мѣрѣ, въ концѣ VI вѣка папа Григорій Великій безуспѣшно искалъ его въ библіотекахъ Востока и Запада.

Какъ только совершилось упроченіе варваровъ на развалинахъ западной Римской имперіи, и утвердилось среди нихъ христіанство, интересъ къ собранію мученическихъ актовъ возобновился. Уже въ VII вѣкѣ встрѣчаются большіе любители этихъ актовъ, какъ видно изъ письма Лангрскаго епископа къ одному изъ клириковъ, которому онъ сообщилъ

.....
 лишь кратко обозначались имена тѣхъ мучениковъ, память которыхъ праздновалась въ извѣстный день. Послѣдняя форма едва ли не древнѣе первой, такъ какъ о мартирологахъ есть упоминаніе въ письмахъ Кипріана. Рунварту удалось найти два древнихъ мартиролога — Римскій и Кароленгскій IV и V вв. (См. Acta Martyrum T. Theodorici Runart opera ac studio collecta selecta atque illustrata... Editio juxta exemplar Veronense novis curis quam emendatissime recusie. Ratisbonae an. 1859, pag. 630—631).

¹⁾ О Гензерихѣ Вандальскомъ, напр., извѣстно, что онъ приказывалъ истреблять христіанскія книги и библіотеки.

акты трехъ мѣстныхъ мучениковъ. Организациія школъ при церквахъ и монастыряхъ во времена Карла Великаго, способствовавшая просвѣщенію вообще, въ то же время повліяла, между прочимъ, и на усиленіе интереса къ мученическимъ актамъ: ихъ достаютъ тогда изъ Италіи, Англіи, переводятъ съ греческаго языка на латинскій, передѣлываютъ въ стихи. Монахъ бенедиктинскаго монастыря св. Германа, близъ Парижа, Узуардъ (около 876 г.) составилъ древнѣйшій на западѣ Мартирологъ („Usuardi martyrologium“, впервые изд. въ 1568 г. въ Лувенѣ).

Что касается до востока, то здѣсь въ VIII и въ первой половинѣ IX вѣка (до 842—времени торжества православія) агиографія подверглась большой опасности, такъ какъ во время гоненія на иконы икоборцы истребляли не только иконы, но и агиографическіе памятники (житія святыхъ и мученическіе акты). Но съ X вѣка и здѣсь интересъ къ означеннымъ памятникамъ возрастаетъ: они тщательно собираются и, въ видахъ назидательнаго чтенія, получаютъ литературную обработку. Такою обработкою житій (въ томъ числѣ и мученическихъ актовъ) прославился въ X в. Симеонъ Метафрастъ¹⁾. Съ XI вѣка эта переработка получаетъ широкое распространеніе, вытѣсняя житія и акты первоначальные.

Болѣе серьезное отношеніе къ мученическимъ актамъ (на западѣ) начинается собственно только съ XVI в., когда, съ одной стороны, стремились по возможности всѣ ихъ собрать, и съ другой—желали издать ихъ по возможно лучшимъ рукописямъ—и притомъ въ возможно полной формѣ. Наиболее обычный способъ распределенія мученическихъ актовъ въ различныхъ собраніяхъ, появившихся съ XVI вѣка, календарный: къ отдѣльнымъ днямъ мѣсяцевъ стали приурочивать акты извѣстныхъ мучениковъ, не обращая вниманія на то:

¹⁾ Метафрастомъ, между прочимъ, пользовался и св. Димитрій Ростовскій при составленіи своихъ знаменитыхъ Честій-Мисей.

когда они жили и гдѣ пострадали. Первый ввелъ эту систему Л. Сурій (*Vitae sanctorum orientis et occidentis*, изд. 1564 г.). Ее же усвоили для своихъ обширныхъ коллекцій іезуиты болландисты и бенедиктинцы изъ конгрегаціи св. Мавра. Система эта, какъ извѣстно, принята и въ нашихъ Четьяхъ-Минейхъ. Религіозные споры протестантовъ и католиковъ о значеніи преданія вообще находили для себя удобную почву при оцѣнкѣ историческаго значенія сохранившихся до насъ мученическихъ актовъ. Замѣчательно, что представители католицизма, въ лицѣ іезуитовъ-болландистовъ и бенедиктинцевъ изъ конгрегаціи св. Мавра, нисколько не обнаруживали при этомъ готовности отстаивать во что бы то ни стало достовѣрность каждаго житія или акта. Болландисты въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ къ издаваемымъ ими *Acta sanctorum* заходили такъ далеко, что нѣкоторые томы ихъ коллекцій вызывали открытое порицаніе со стороны римской курии, и болландисты даже принуждены были удалиться въ протестантскую Голландію для того, чтобы имѣть возможность спокойно продолжать свое знаменитое изданіе.

Но истиннымъ творцомъ исторической критики христіанскихъ памятниковъ вообще и *Acta sanctorum* въ особенности являются бенедиктинцы изъ знаменитой французской конгрегаціи св. Мавра. Одинъ изъ такихъ бенедиктинцевъ Руинартъ подвергъ внимательному пересмотру всѣ извѣстные ему рукописи и изданія мученическихъ актовъ и въ 1689 г. издалъ свои знаменитые *Acta martyrum sincera et selecta* ¹⁾. Какъ показываетъ самое заглавіе, Руинартъ принялъ въ свое собраніе только такіе акты, за которыми признавалъ значеніе болѣе или менѣе достовѣрныхъ. Поэтому, въ предисловіи онъ счелъ необходимымъ разъяснить, какіе именно акты и почему считаетъ онъ достовѣрными.

По степени исторической достовѣрности Руинартъ дѣлитъ акты на нѣсколько классовъ. *На первомъ мѣстѣ* онъ

¹⁾ Мы пользуемся изданіемъ 1859 г.

ставить такъ называемые проконсульскіе, или судебные акты (*acta proconsularia, praesidialia*). Они представляютъ собою подлинники протоколовъ, которые велись судебными писцами во время допроса мучениковъ въ трибуналъ. Тутъ съ точностію указывались время и мѣсто суда, имена предсѣдателя и подсудимымъ, а равно вопросы судьбы, отвѣты на нихъ мучениковъ и, наконецъ, приговоръ суда ¹⁾. Христіане старались добывать копіи съ этихъ протоколовъ, платя за нихъ довольно крупныя суммы, такъ что за акты Проба и Андроника было заплачено 200 динарiевъ ²⁾; если въ числѣ судейскихъ писцовъ случайно были тайные христіане, послѣдніе считали своимъ долгомъ доставать подобныя копіи епископу, какъ представителю мѣстной церкви. Въ составъ подлиннаго судебного протокола входило обозначеніе времени производства допроса посредствомъ наименованія консуловъ даннаго года, указаніе состава суда, содержаніе вопросовъ и отвѣтовъ при допросѣ и, наконецъ, приговоръ. Но христіане считали необходимымъ дополнить этотъ основной документъ краткими данными біографическаго содержанія о происхожденіи и общественномъ положеніи мученика и описаніемъ его кончины и погребенія. Подобныя добавленія къ основнымъ актамъ, сдѣланныя освѣдомленными современниками, нисколько не уменьшаютъ историческаго значенія самыхъ актовъ. По такимъ житіямъ легко было бы изучить всѣ условія гоненій на христіанъ; но, къ сожалѣнію, подобныхъ судебныхъ протоколовъ дошло до насъ не много; Руинартъ насчитываетъ ихъ

---

¹⁾ Точность записи объясняется знакомствомъ древнихъ съ своего рода стенографіею—съ сокращенною азбукою, выработанною во времена Цицерона; притомъ, предсѣдатель суда иногда приказывалъ прочитывать записанное, особенно если ему приходилось оканчивать дѣло, начатое его предмѣстникомъ.

²⁾ Интересъ христіанъ къ мученическимъ актамъ зависѣлъ и отъ желанія знать точно, кто во время гоненія измѣнилъ вѣрѣ, предалъ своихъ, выдалъ христіанскія книги и другіе предметы, чтобы вѣрнѣе рѣшить вопросъ о падшихъ.

не болѣе 18 (Іустина Философа, Кипріяна, еп. Карфагенскаго, муч. Сперата и др. ¹⁾).

¹⁾ Для ознакомленія съ характеромъ проконсульскихъ актовъ приведемъ (въ переводѣ) выдержку изъ мученическихъ актовъ Іустина Философа. Префектъ Рустинъ сказалъ Іустину: „Будь же послушенъ самимъ богамъ и эдиктамъ императора“. Іустинъ же ему отвѣчалъ: „Никто изъ тѣхъ, кто повиноваться будетъ наставленіямъ нашего Спасителя, не можетъ быть схваченнымъ и осужденнымъ“. Тогда префектъ Рустинъ спросилъ его: „Къ какого рода ученію и обществу ты принадлежишь?“ Ему Іустинъ отвѣтилъ: „Я пытался изучить всякаго рода общества и свѣдущъ во всѣхъ ученіяхъ. Послѣ же всѣхъ я примкнулъ къ христіанскому ученію, хотя оно и не нравится тѣмъ, кто руководствуется ложными знаніями“. Тогда Рустинъ сказалъ: „Неужели, несчастный, тебя радуетъ это ученіе?“ — „Весьма, потому что я слѣдую за тѣми самыми христіанами, которые имѣютъ правильное ученіе“. Префектъ: „Какое же это ученіе?“ — Іустинъ отвѣчалъ: „Истинное ученіе, которое мы, христіане, хранимъ съ благоговѣніемъ, состоитъ въ томъ, что мы признаемъ истиннаго Бога, Творца всего того, что мы видимъ, и того, что не видимо тѣлесными очами, — и что мы исповѣдуемъ Господа Іисуса Христа, Сына Божія, о Которомъ предвозвѣстили давно пророки, что Онъ придетъ судьей рода человѣческаго, вѣстникомъ спасенія и учителемъ для тѣхъ, которые будутъ у Него усердно поучаться. Я же, какъ человѣкъ, слишкомъ ничтоженъ и слабъ, чтобы могъ сказать что-нибудь великое о Его безконечномъ Божествѣ; думаю — это сдѣлали уже пророки, такъ какъ они за много вѣковъ, по божественному вдохновенію, предсказали появленіе на землѣ Того, Кого я считаю Сыномъ Божиимъ“. Префектъ спросилъ: „Въ какомъ мѣстѣ собираются христіане?“ Іустинъ ему отвѣтилъ, что всякій приходитъ въ то мѣсто, куда хочетъ и можетъ. — „Или ты думаешь, — сказалъ онъ, — что мы имѣемъ обыкновеніе собираться всѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ? Дѣло обстоитъ вовсе не такъ; потому что христіанскій Богъ не ограниченъ какимъ-либо мѣстомъ. но, будучи невидимъ, наполняетъ небо и землю, и, гдѣ бы ни обратились къ Нему вѣрующіе, тамъ и возносится Ему слава“. Тогда префектъ сказалъ ему: „Ну, такъ скажи, гдѣ вы сходитесь, и гдѣ ты собралъ учениковъ своихъ?“ Іустинъ сказалъ: „Я до сихъ поръ пребывалъ близъ дома нѣкоего Мартина, по прозванію Тиміотина, у бань. Пришелъ я въ Римъ только во второй разъ и не зналъ другого мѣста, кромѣ того, о которомъ сказалъ. А когда ко мнѣ кто захочетъ прійти, я съ нимъ приобщаюсь чтенію истины“. — „Итакъ, ты христіанинъ“, сказалъ Рустинъ. — „Конечно, я христіанинъ“, отвѣтилъ Іустинъ. (*Acta martirum... Ruinarti*, pag 105—106, ed. 1859 г.). Прежде нѣкоторые ученые не высоко цѣнили мученическіе акты св. Іустина, но въ настоящее время подлинность ихъ (за исключеніемъ небольшихъ наслоеній въ

Второй класс мученических актов составляют такъ называемые *acta originalia*. Подъ этимъ именемъ Руинартъ разумѣетъ собственноручныя записи мучениковъ о произведенныхъ имъ допросахъ и объ испытанныхъ ими страданіяхъ, составленныя мучениками или въ тюрьмѣ, по просьбѣ проникавшихъ къ нимъ христіанъ, или же въ формѣ писемъ на имя друзей и представителей Церкви. Подобныя записи, по мнѣнію Руинарта, не отличаются тою степенью достовѣрности, какая принадлежитъ судебнымъ протоколамъ. Мученики, подъ вліяніемъ энтузіазма, невольно могли привносить въ свои рассказы и нѣчто такое, что казалось только имъ лично бывшимъ, напр.: чудесную печувствительность къ пыткамъ, видѣнія и т. п. — Оригинальныхъ актовъ сохранилось еще меньше, чѣмъ судебныхъ. Къ числу ихъ Руинартъ относитъ акты мученицъ Перпетуи ¹⁾ и Фелицаты, посланія Игнатія Богоносца и нѣк. др. ²⁾ М. Гн.

(Окончаніе слѣдуетъ).

началѣ и въ концѣ) признается всѣми. Въ нихъ видятъ слѣды глубокой древности. Въ нихъ нѣтъ анахронизмовъ, которые бы показывали ихъ позднѣйшее происхожденіе. Христіанское исповѣданіе Іустина мученика дышитъ простотою П вѣка. Отвѣтъ Іустина на вопросъ: „Гдѣ собираются христіане?“—указываетъ на простоту церковныхъ собраній первыхъ вѣковъ и т. п.

¹⁾ *Erat (Перпетуя) ipsa annorum circiter Vigintiduorum. Haec ordinem totum martyrii sui jam ipsu narravit, sicut conscriptum manu sua et suo sensu reliquit.*—Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе Перпетуи. (Ruinarth, p. 138 и др).

²⁾ Относящіяся къ этому отдѣлу мученическіе акты заключаютъ въ себѣ также драгоцѣнныя свѣдѣнія; но для выясненія исторической достовѣрности послѣднихъ требуется большая критическая работа. Образецъ такой работы можно видѣть, напр., въ книгѣ проф. Лебедева: „Эпоха гоненій на христіанъ“ по отношенію къ мученическимъ актамъ св. Игнатія Богоносца, куда вошло и его Посланіе, гдѣ авторъ передаетъ содержаніе двухъ главныхъ редакцій этихъ актовъ—*Кольбертинской* (помѣщенной у Ruinarth'a на стр. 62—70) и *Ватиканской* (напечат. у Dressel'я въ *Opera patrum apostolicorum*. Lipsiae, 1857 стр. 368—375). и выясняетъ относительное достоинство этихъ редакцій.

Желательная переменна въ практикѣ собесѣдованій съ сектантами.

Многіе миссіонеры считаютъ своею священною обязанностію въ началѣ собесѣдованій выставить на видъ *противоположность* по предлагаемому вопросу ученія православнаго и сектантскаго.— „Мы признаемъ почитаніе иконъ дѣломъ богоугоднымъ, сектанты не признають. Пусть же они докажутъ...“; или: „Мы почитаемъ крестъ, сектанты не почитаютъ...“ и т. п. Собесѣдники сразу раздѣляются, какъ противники. Какъ бы готовясь къ бою, въ душѣ всѣ становятся „стѣна на стѣну“. Съ напряженнымъ вниманіемъ выслушиваютъ стороны вступительную рѣчь миссіонера, а дослушавъ до конца, глубоко вздыхаютъ: „Что-то будетъ?..“ Въ это время душевное настроеніе большинства простецовъ бываетъ почти тождественнымъ съ тѣмъ, тоже напряженнымъ, настроеніемъ, которое испытываютъ кулачники при процедурѣ надѣванія голицы и сбрасыванія тулуповъ. По сродному всѣмъ намъ прирастѣ ко всему огромному (царь-пушка, царь-колоколъ, дьяконы-исполины), простой народъ любитъ грандіозныя, боевыя бесѣды. Разбить противниковъ на-голову, прижать, „какъ ужа, вилами“,—вотъ вождельніе, отъ котораго трепещутъ сердца православныхъ и сектантовъ. Въ слободѣ Александровомъ Гаѣ, Новоузенскаго уѣзда, до сихъ поръ съ восхищеніемъ рассказываютъ о бесѣдахъ крестьянина-миссіонера (кажется, Никиты Рубцова), подвизавшагося около полувѣка тому назадъ. Главной его доблестію сторожила Александра Гаю признають умѣнье „ставить еретикамъ капканы“. „Сектанты,—вопрошала однажды Никита своихъ сопротивниковъ:— скажите мнѣ, куда вы пойдете послѣ смерти?“— „На лоно Авраамово, полагаемъ“, отвѣчали тѣ.— „Къ Аврааму вамъ нельзя: онъ былъ обрѣзанъ, а вы не обрѣзаны“.— „Ну, такъ на лоно Христово“.— „Къ Христу нельзя. Онъ и обрѣзанъ и крещенъ, а вы ни обрѣзаны, ни крещены. Хотите, я вамъ скажу, куда вы пойдете?..“— „Куда?“— „На лоно къ дьяволу:

онъ такъ же, какъ вы, не обрѣзанъ и не крещенъ, одна статья съ вашимъ братомъ“. — „Помнимъ, — рассказываютъ старожилы, — съ какимъ замираніемъ сердца ожидали въ Николаевскомъ уѣздѣ прибытія на бесѣды епархіальнаго миссіонера. — „Казенный миссіонеръ ѣдетъ!“ — летала по народу новость. Знаемъ, что при этомъ извѣстїи у многихъ сектантскихъ говоруновъ екнуло сердце отъ страха. „Начнетъ качать — только повертывайся. Въ казенные какого-нибудь не назначать“.

Мы уже упомянули, что при горячей полемической бесѣдѣ настроеніе сторонъ характеризуется преобладающимъ желаніемъ оправдать себя и свое и опровергнуть противника. Это настроеніе, постепенно усиливаясь, часто къ концу бесѣды достигаетъ степени настоящаго *полемическаго экстаза*. Обѣ стороны съ жаромъ хватаются за одни и тѣ же тексты, толкуя — одинъ такъ, другой иначе. Такъ, подъ „подножіемъ ногъ Божіихъ“ сектанты рѣшительно во всѣхъ случаяхъ будутъ разумѣть землю, хотя бы текстъ и представлялъ къ тому большія затрудненія. Обѣ стороны приходятъ къ одному убѣжденію, что „безсовѣстный противникъ“ не хочетъ признать „песомнѣнной“ истины. Въ результатѣ длиннаго жаркаго говоренія получается ровный нуль.

Причина малопродуктивности публичныхъ полемическихъ бесѣдъ кроется не въ закоснѣлой только злобности, ненависти сектантовъ къ православію; есть другая, не менѣе важная, причина — неправильная постановка дѣла собесѣдованій съ отъавшими.

Наше мнѣніе — начинать миссіонерамъ бесѣду не съ разногласія, а съ согласія, — не съ затаенной вражды, а съ искренняго сочувствія православныхъ и сектантовъ высокому предмету собесѣдованія.

Не все изъ упованія сектантовъ заслуживаетъ осужденія, порицанія. Нѣкоторыя части ихъ ученія, за которыя они особенно крѣпко держатся, вполне согласны съ православіемъ, а потому и стѣдятъ того, чтобы, начавъ бесѣду съ

этихъ именно пунктовъ, мы засвидѣтельствовали ихъ важность и значеніе въ дѣлѣ спасенія по суду нашей православной совѣсти.

Вамъ нужно вести бесѣду о почитаніи иконъ, креста. Вы знаете, что сектанты будутъ яростно нападать на васъ. Но почему?— Потому, что они предполагаютъ, что имъ придется избрать одно изъ двухъ—или признать иконы и крестъ и отказаться отъ „поклоненія въ духѣ и истинѣ“, или удержать дорогое для нихъ (и для насъ) послѣднее ученіе и отвергнуть иконы и крестъ. Неправы, конечно, сектанты въ томъ, что имъ предстоитъ такая дилемма; но совсѣмъ ли правы тѣ, которые вводятъ ихъ въ заблужденіе неумѣлой постановкой вопроса?—Нѣтъ! Держите себѣ на умѣ, что у васъ будетъ бесѣда о почитаніи св. иконъ, но пока не упоминайте о нихъ ни единымъ словомъ. Начните съ раскрытія православнаго ученія о поклоненіи въ духѣ и истинѣ, и вы увидите, каково будетъ впечатлѣніе.

Прочтеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ брошюры преосв. Θεοφана: „О молитвѣ“ вы заставите своихъ собесѣдниковъ раскрыть глаза отъ изумленія; всѣ станутъ спрашивать, по длинно ли таково ученіе Церкви, не одни ли вы такъ вѣруете и проповѣдуете; а затѣмъ будутъ слушать не только безъ злобы, но и съ сочувствіемъ. Послѣ передачи общихъ положеній о поклоненіи въ духѣ и истинѣ, вы затѣмъ говорите о значеніи Св. Писанія, какъ руководства въ подвигахъ истинно-духовной жизни; а вѣдь сектанты особенно любятъ слушать объ этомъ. Затѣмъ, по примѣру 7-го вселенскаго собора, вы сближаете по содержанію евангеліе съ иконами (чѣмъ тѣснѣе, подробнѣе и нагляднѣе, тѣмъ лучше), и, наконецъ, можно представить доказательства въ пользу иконопочитанія и разобрать недоумѣнныя возраженія. Говоримъ это не на основаніи однихъ теоретическихъ соображеній, но отчасти и по опыту. Въ селѣ N. намъ приходилось выслушивать бесѣду съ молоканами, которая ведена была приблизительно по предлагаемому нами плану.— „Не думайте, бра-

тіе,—говорилъ миссіонеръ,—что православные при богослуженіи требуютъ одного усерднаго преклоненія головы, колѣнь, осѣненія крестомъ. Нѣтъ, не въ томъ суть богослуженія по ученію Церкви. Отъ истинно-православнаго поклонника требуется прежде всего, чтобы онъ имѣлъ въ душѣ благоговѣйныя къ Богу чувства: страха Божія, смиренія, любви къ Богу, прославленія, благодаренія. Кто не имѣетъ такихъ чувствъ въ душѣ, тотъ, хотя бы цѣлый день простоялъ на колѣняхъ, не есть истинный поклонникъ“. Изъ пятерыхъ, выступившихъ противъ священника, начетчиковъ четверо съ видимымъ удовольствіемъ подтвердили справедливость сказаннаго; но пятый, самый старшій, и котораго привычка—обязательно возражать православнымъ стала второй натурой, не согласился и началъ доказывать, что человекъ, покланяющійся тѣлесно, хотя бы не имѣлъ благоговѣйныхъ чувствъ, все же есть покланяющійся Богу.—„Не дѣло ты говоришь, Иванъ Яковлевичъ,—возражали четверо своему старшему собрату:—онъ (священникъ) говорить правду“. И такъ въ продолженіе всей бесѣды они нѣсколько разъ останавливали закорузлаго возражателя, а послѣ бесѣды пригласили къ себѣ священника откушать чаю, къ величайшей досадѣ разсвирѣбѣвшаго Ивана Яковлевича.

Труднѣйшій вопросъ о крестѣ пройдетъ самымъ благополучнымъ образомъ, если начать бесѣду съ признаваемаго сектантами положенія, что крестъ Христовъ есть страданія Его, и постепенно перейти потомъ къ предметамъ и лицамъ, причинившимъ Христу страданія, т. е. отъ внутренняго креста къ внѣшнему (съ внутренней же, духовной стороны нужно начинать и бесѣды о таинствахъ).

Нужно быть зоркимъ діалектикомъ, чтобы въ цѣпи положеній замѣтить то, съ котораго начинается поворотъ въ нежелательномъ для сектантовъ направленіи. Слѣдуя за миссіонеромъ, они признаютъ положеніе за положеніемъ—вплоть до послѣдняго, предъ которымъ съ недоумѣніемъ и останавливаются. Чтобы яростно спорить, для того нужно знать, что

это—не мое, а его; а какъ будешь спорить противъ того, что—и его и мое вмѣстѣ?

Простому русскому народу такія бесѣды на первыхъ порахъ не особенно правятся.—„Все чего-то соглашается съ молоканами!“—съ неудовольствіемъ говорятъ они. Но сектанты съ первой же бесѣды поймутъ, какъ разрушительны для ихъ упованія эти видимыя уступки въ ихъ пользу православнаго миссіонера. Какъ послѣ того назовешь Православную Церковь мертвой Церковью, убиваемой буквой и обрядомъ, когда тамъ, оказывается, больше ихъ самихъ ревнують о Словѣ Божіемъ, о поклоненіи духомъ и истиной, пошение креста Христова понимаютъ въ смыслѣ подражанія страданіямъ Христовымъ и проч., и притомъ имѣютъ объ этихъ предметахъ понятія настолько глубокия, что имъ ничего подобнаго и во снѣ не снилось. Совершенного знанія духовной жизни безъ совершенной жизни по духу быть не можетъ; значить, въ православіи есть люди совершенные, духовные, спасающіеся. (Сам. еп. в. 1904 г., № 14).

С. М. М.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го августа 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 37.

Подписка принимается въ редакціи
журнала, при Кіевской духовной
Семинаріи.

1904 года, 12-го сентября.

Содержаніе: По поводу переживаемыхъ событій военнаго времени.—II. Пастырь на войнѣ.—Сельское духовенство и крестьянское хозяйство.—Мученическіе акты, какъ одинъ изъ источниковъ житій святыхъ (оковчаііе).—Обычная исторія.

По поводу переживаемыхъ событій военнаго времени.

II. ПАСТЫРЬ НА ВОИНѢ.

Необыкновенною твердостью вѣрующаго духа долженъ владѣть священникъ на полѣ брани. Кругомъ—кровь, отовсюду—раздирающіе душу стоны раненныхъ, ужасное хрипѣнье умирающихъ. А священнику надо предлагать слово христіанскаго утѣшенія однимъ, ободрять другихъ, готовить къ смертному исходу третьихъ. Если въ обычной жизни не легко чувствуетъ себя тотъ, кому приходится брать на себя нравственную отвѣтственность за благополучіе другихъ, то во сколько кратъ тяжелѣе приходится священнику на войнѣ, когда больные и умирающіе смотрятъ на него, какъ на по-

слѣдную надежду, и въ немъ ищутъ единственнаго утѣшенія и ободренія. Потеряй присутствіе духа священникъ,—погибли и они. Безъ согрѣвающей теплоты благодатной вѣры у нихъ не останется *ничего*, что спасало бы ихъ отъ ужаса надвигающейся смерти... Много надо пастырю имѣть доблести христіанскаго духа, чтобы сохранять себя не только въ равновѣсіи, не поддаваясь столь естественному здѣсь малодушію, но всегда быть *возвышенно* настроеннымъ, съ пламенемъ вѣры въ сердцѣ и съ искреннимъ привѣтомъ Христовой любви къ страждущимъ на устахъ. Между тѣмъ, вся обстановка священнодѣйствій на войнѣ такъ необычна, что каждою мелочью способна смутить духъ пастыря. Извѣстно, напр., съ какою заботливостью относятся къ праху почившаго близкіе его и сродники. Какъ бы ни были они бѣдны, долгъ любви къ умершему заставляетъ ихъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы онъ, по доброму христіанскому обычаю, былъ и омытъ, и прибранъ, и отпѣтъ въ церкви. Его „поминаютъ“ въ обычные дни, особенно же молятся о немъ въ нарочитые дни поминовеній. Родные приходятъ къ нему на могилу и, по силѣ своей, стараются украсить ее чѣмъ-нибудь...—Но вотъ впечатлѣнія о. Вакха Гурьева при совершеніи имъ *перваго* погребенія въ военной обстановкѣ. „Вчера, при закатѣ солнца, въ тишинѣ прелестнаго вечера, я хоронилъ уже первую жертву дизентеріи, рядового Малороссійскаго полка М. Сотниченка (письмо отъ 26 окт. 1877 г. изъ болгарск. селенія Трестеникъ - Семереть). Положили несчастный трупъ въ могилу прямо безъ гроба, въ грязнѣйшемъ бѣльѣ, въ изорванной одеждѣ, ничѣмъ не покрывъ... О, какъ тяжело было бросить первую лопату сырой земли на свѣжій человѣческій трупъ и прямо—въ открытое лицо!.. Ты знаешь мою глупую натуру: не выдержалъ и горько заплакалъ; да при этомъ вырвалось изъ сердца нѣсколько жаркихъ, но горькихъ словъ, и мои пѣвчіе и солдаты-носильщики, принесли своего товарища не на носилкахъ, а въ рогожѣ и собравшіеся посмотрѣть первыя похороны,—все мы невольно расплакались и хотъ

этимъ почтили *вѣчную память* товарища“ (Русск Вѣстн. 1880 г., 2, стр. 679).

Смерть отъ болѣзней, особенно отъ эпидемическихъ (дизентеріи, тифа и т. п.), возбуждаетъ несравненно болѣе тяжелыя чувства, нежели смерть на полѣ битвы или въ госпиталѣ отъ раны. „Достаточно выговорить одно роковое слово—*военный тифъ*, чтобы понять, чтобы почувствовать всю горечь, всю тяжесть нашего душевнаго состоянія.. Ты не можешь себѣ представить того, какія невыносимо-тягостныя чувства охватываютъ всю душу, когда придешь на кладбище и станешь среди десятка гробовъ надъ темною могилою... Когда мы хоронили убитыхъ на полѣ сраженія или скончавшихся отъ тяжкихъ ранъ, тамъ было другое чувство—горькое, конечно, щемящее, но какое-то острое, скоропреходящее. Вернешься, бывало, съ кладбища въ кружокъ людей живыхъ, веселыхъ, полныхъ надеждъ, и острое чувство, тебя охватывавшее, постепенно проходитъ. Теперь же не то, совсѣмъ не то... На кого ни посмотришь, всѣ сильно встревожены, обезкуражены; на всѣхъ лицахъ замѣтно уныніе, какая-то фатальная безнадежность, близкая къ полному отчаянію. „Нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія“—читаешь невольно въ глазахъ каждаго, и подъ этими-то впечатлѣніями идешь въ лазаретъ нацутствовать, идешь на кладбище хоронить, и всюду, кругомъ тебя, смерть или зрѣлище смерти наступающей, приближающейся, неизбежной, неминуемой. И это каждый Божій день, съ утра до вечера. Пойми же теперь, до чего невыносимо тягостно это неотступное, постоянно тебя томящее чувство, ноющее, какое-то медлительное, тягучее, болѣзненно-тупое и притупляющее чувство тоски и тревоги не за другихъ уже, а за себя, за свою жизнь, за свою душу“ (письмо изъ Казанлыка, отъ 10 февр. 1878 г.; „Р. В.“ 1880 г., 5, стр. 572—573).

Въ тяжелыя минуты, или лучше сказать—во все время безпросвѣтно-тяжелой и мучительной жизни среди заразы и смерти, гдѣ самъ пастырь ищетъ необходимой поддержки себѣ и ободренія падающему духу?—Въ вѣрѣ въ Бога и въ

надеждѣ на безконечное милосердіе Божіе, которое пощадить жизнь его, столь необходимую для паствы, и которое укрѣпить колеблющейся духъ его. Въ самомъ дѣлѣ, кругомъ безпощадно косить смерть,—а священникъ цѣль и невредимъ... Не явный ли это знакъ особеннаго благоволенія Божія къ нему и попеченія о немъ? „Какъ мнѣ не благоговѣть предъ неисповѣдимыми путями Промысла Божія, вся во благое для меня направляющаго?—размышляетъ о. Гурьевъ, безтрепетно смотря въ глаза неприкасающейся къ нему смерти:—какъ не предавать себя безгранично, беззавѣтно Его премудрому руководительству? *Да будетъ воля Твоя*, повторяю я изъ глубины души, и бодро, не боязненно иду въ лазаретъ, на кладбище, среди самой сѣни смертной, глубоко вѣрующей, что благодать Божія, въ немощахъ врачующая и оскудѣвающую въ насъ силу восполняющая, помируетъ и спасетъ меня... Святѣйшая вѣра наша—какъ ты утѣшительна, и какая въ тебѣ сила и ободреніе!“ (тамъ же, 6, стр. 144). Самъ твердо надѣясь на милость и помощь Божію, онъ, обремененный постоянно непосильной работой около больныхъ, раненыхъ и умершихъ, убѣдительно просить и друзей *молиться* о себѣ. „Работы свыше силъ человѣческихъ!.. Тяжело мнѣ ужасно: день и ночь въ лазаретѣ, оторваться нельзя. Вѣрю, ты молишься... Бога ради, *не преставай моляся!* Здоровья, силъ физическихъ мнѣ проси! Устаю, изнемогаю, а дѣла впереди—конца не видно.. Молись“ (отъ 2 дек. 1877 изъ Трестеника; 1, стр. 704).

Особенно при такой обстановкѣ становится тяжело на душѣ въ великіе праздники. Мысль переносится на далекую родину, въ кругъ родныхъ и знакомыхъ; грезится уютный семейный очагъ; живо представляются предпраздничныя приготовления, общая праздничная настроенность, встрѣча и провожденіе праздника... А на войнѣ попрежнему грохочутъ пушки, несутся къ небу стоны раненыхъ, не смолкаетъ зауспокойное пѣніе (кн., 3, стр. 662). Въ минуты воспоминаній о родинѣ и покинутомъ домѣ всего лучше, если есть воз-

возможность, уходитъ *въ себя* и скрывается отъ глазъ даже тѣхъ, съ которыми живешь вмѣстѣ и несешь одинъ тяжелый крестъ скорбей и бѣдствій военнаго времени. Въ уходѣ куда-нибудь въ степь, подалеже отъ окружающаго и окружающихъ, испытываешь,—говорить о. Гурьевъ,—положительное наслажденіе. Не мѣшаютъ здѣсь ни холодъ, ни дождь, ни непогода. „Среди безмолвія, подъ широкими окраинами горизонта, мнѣ какъ-то дышится шире, свободнѣе. Я испытываю невыразимое спокойствіе, наслажденіе, и пою себѣ, *пою Богови моему, дондеже есмь...* Спутники мнѣ непріятны, тутъ вся сила именно въ безлюдьи, въ непосредственномъ общеніи съ природою и съ Богомъ“ (кн. 4, стр. 130).

Благодать Божія, *немогущая врачующая и оскудѣвающая воспомяющая*, сообщаетъ пастырю твердость вѣры и незаблещенность духа при всевозможныхъ „случайностяхъ“ войны. Этими качествами, а также явно оказываемою ему помощью Божіею такъ силенъ на войнѣ пастырь, что его многочисленная паства не только повсюду, даже *вдали* отъ него, *слышитъ его голосъ*, но и сама всею душою стремится къ нему. Чрезвычайно интересно изображаетъ о. Гурьевъ отношеніе къ нему больныхъ и раненыхъ. Для нихъ батюшка—все: онъ — и отецъ духовный, и писарь „въсточекъ“ домой, и душеприказчикъ—надежный исполнитель послѣдней воли умирающихъ. Постоянно вращаясь среди искалѣченнаго люда, присутствуя при самой смерти многихъ, священникъ всего яснѣе постигаетъ силу словъ Писанія: *братъ отъ брата наставляемъ, яко врагъ твердъ*. Я,—говорить о. Гурьевъ,—приношу имъ въ лазаретъ слова утѣшенія, а они меня безмолвно назидаютъ. Чѣмъ?—Покорностью *воли Божіей*. „Придешь въ лазаретъ, въ околотокъ,—истинно сердце надрывается!.. Эти стоны безотрадныя, эта удивительная, непостижимая для меня покорность судьбѣ, такая тихая, всевыносящая; хоть бы ропоть, озлобленіе, отчаяніе,—ничего подобнаго. Вотъ гдѣ истинная школа терпѣнія, смиренія, всецѣлой покорности Промыслу Божію! Не я ихъ утѣшаю, назидую,—они меня безмолвно

поучаютъ. Тяжела эта горькая наука, но она памятна, потому что слишкомъ очевидна и выразительна“ (кн. 6, стр. 144).

Появится священникъ въ лазаретѣ, и со всѣхъ сторонъ къ нему просьбы: „Батюшка, напишите мнѣ“, взываетъ одинъ. „Эти писанія,—говорить о. Гурьевъ,—эти предсмертныя завѣтныя письма терзаютъ и мучатъ меня несказанно; какъ начнетъ онъ диктовать: „жепѣ моей Степанидушкѣ навѣки нерушимо“... Пауза, слезы... „милому сыночку Васенькѣ“,—опять пауза, опять слезы... „дражающимъ родителямъ моимъ, батюшкѣ NN, матушкѣ NN“,—а у самого не сходитъ съ глазъ эта горячая, безнадежная, земная слеза... Ну, какъ тутъ писать?!. Не чернилами, а горькими слезами, измученнымъ сердцемъ пишутся и диктуются эти предсмертные, послѣдніе завѣты любящей души“ (тамъ же). Не кончитъ священникъ съ однимъ, къ нему уже обращены десятки просьбъ другихъ. Въ лазаретѣ и въ операціонной палатѣ всѣ заняты и завалены работой, такъ что иногда больной или раненый не можетъ дозваться доктора, фельдшера или сестры милосердія. Одна надежда на батюшку: онъ какъ-то всѣхъ сумѣетъ устроить и успокоить.—„Нельзя ли чѣмъ, батюшка, накрыть мнѣ стрѣленную ногу, — совсѣмъ окоченѣла?“...— „Батюшка, нельзя ли горяченькаго чайку,—намъ недостаю?“...—„А мнѣ бы фуфаечку; мою совсѣмъ разорвали на перевязкѣ“... — „Хоть кусочекъ хлѣбца, — другой день не ѣмши“...—„Жарко, душно, разстегните!“ — вопить какой-то солдатикъ, прижимая руки къ разбитой груди“... и пр. и пр. „А что я могу сдѣлать?!. Дѣлалъ,—говорить о. Гурьевъ,—видитъ Богъ,—дѣлалъ, что могъ и какъ умѣлъ“ (кн. 3, стр. 634—635). „А вотъ сибирецъ, узнавшій меня, со слезами проситъ: „Батюшка, отпишите въ Курску губернію моей Аринушкѣ, что я вотъ какъ“,—и показываеъ здоровою рукою на другую, или вѣрнѣе—на половину другой, оторванной гранатой. — „Не желаешь ли причаститься?“ — спрашиваю его.—„Охъ, батюшка, да развѣ тутъ можно?“—Можно, го-

ворю, и становлюсь на колѣни, разстегиваю кожанъ—подъ нимъ у меня короткая епитрахиль и на груди дароносица — „Говори за мною: „Вѣрую, Господи“... Онъ повторилъ, и я причастилъ его... Гдѣ же тутъ читать молитвы? Господь ихъ слышитъ, Господь ихъ видитъ“ (кн. 3, стр. 629).

А присутствіе священника при операціи раненаго? Сколько бодрости вливаетъ въ него одинъ *видъ* священника, не говоря уже о ласковомъ, участливомъ отношеніи батюшки къ раненому! Сами врачи приглашаютъ священника въ операціонную палату, когда предстоятъ тяжелыя операціи.— „Вы что же, батюшка, не собираетесь съ нами?“—обращается къ о. Гурьеву одинъ изъ докторовъ, отправляясь въ лазаретъ.— „Я сегодня поѣду на позицію хоронить убитыхъ“, отвѣчалъ я.— „А развѣ безъ васъ тамъ некому этого сдѣлать?“— „Конечно, есть кому,—тамъ три полковыхъ священника; но все же и я долженъ тамъ быть“.— „А мнѣ кажется,—замѣтилъ довольно серьезно мой добрый сожитель,— что ваше присутствіе здѣсь будетъ гораздо полезнѣе, нежели тамъ: *вы намъ нужны здѣсь*; вы должны помогать намъ“.— „Да какъ же я могу помогать вамъ?“—спросилъ я въ недоумѣніи.— „А вотъ пойдите съ нами въ лазаретъ,—тамъ мы вамъ покажемъ, на что вы тутъ нужны; я ужъ это испыталъ не разъ, знаю; пойдите непременно“... Приходимъ въ лазаретъ. Принесли раненыхъ; первымъ былъ рядовой Астраханскаго полка Калиникъ Коваленко съ огнестрѣльною раной лѣвой руки выше локтя съ раздробленіемъ костей. Когда его положили на столъ, докторъ Назаровъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „Батюшка, благословите его, успокойте, уговорите“... Я подошелъ къ несчастному страдальцу,—блѣденъ, какъ смерть, и весь дрожитъ не столько отъ холода, сколько отъ волненія и боязни за свою жизнь... Я благословилъ его и братски сталъ убѣждать, что рука его (черная отъ гангрены) никуда уже не годится, что ее нужно отнять, что онъ будетъ живъ, Богъ дастъ, выздоровѣетъ и скоро возвратится на родину къ своей семьѣ... Жадно слушалъ меня

страдалецъ, остановивъ на мнѣ свои большіе, открытые глаза, и когда я окончилъ, онъ тихо, умоляюще сказалъ мнѣ: „Батюшка, не отходите отъ меня“... Стали хлороформировать, потомъ изслѣдовать рану, а въ это время на другомъ столѣ раненый, которому стали немного выпрямлять ногу для наложенія гипсовой повязки, поднялъ страшный крикъ. „Батюшка!—закричалъ мнѣ Рибо (докторъ-хирургъ):—да уговорите хоть вы этого горлана, чтобъ онъ не оралъ; чистая баба, а не гренадеръ“. Сталъ я уговаривать; мало-по-малу онъ угомонился и пересталъ ревѣть“... Когда послѣ тяжелой операціи привели Коваленка въ чувство, „онъ прямо взглянулъ на меня и тихо спросилъ: „Вы тутъ батюшка?“—Тутъ, тутъ, мой дорогой,—и я поцѣловалъ его, подаль ему глотокъ бѣлаго вина; онъ видимо сталъ приходить въ полное сознаніе...—Стали снимать со стола, уложили на носилки, а онъ поворачиваетъ ко мнѣ голову и такъ жалобно молвитъ: „Батюшка!“.. Съ тобою, съ тобою, мой милый, я самъ тебя уложу въ постель... Проводили мы его вмѣстѣ съ Назаровымъ, который, послѣ того какъ уложили больного, шепнулъ мнѣ на ухо: „дайте ему еще полрюмки вина, онъ васъ послушаетъ“.. Я предложилъ, больной принялъ и сталъ закрывать глаза, засыпая. На обратномъ пути въ операціонную Назаровъ спросилъ меня: „Ну, батюшка, теперь вы поняли, какую именно помощь вы намъ можете здѣсь оказывать?“ И съ этой минуты на мнѣ лежала обязанность уговаривать кричащихъ, успокаивать стонущихъ, ободрять приготовляемыхъ къ ампутаціямъ, давать вино послѣ тяжкихъ операцій, кормить молокомъ и яйцами безрукихъ, безногихъ, а въ свое время напоить чаемъ и весь наличный персоналъ врачей“ (кн. 3, стр. 638—639).

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сельское духовенство и крестьянское хозяйство.

Въ № 218-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщенъ весьма интересный *ответъ* преосв. Антонія, еп. Волынскаго и Житомирскаго, на сдѣланный ему официальный запросъ объ участіи сельскаго духовенства въ общихъ задачахъ о поднятіи крестьянскаго хозяйства. Приводимъ этотъ *ответъ* цѣликомъ, хотя съ нѣкоторыми отдѣльными пунктами его и нельзя согласиться.

Соглашаясь,—говорить преосв. Антоній,—съ мыслью о привлеченіи духовенства къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, считаемъ съ своей стороны необходимымъ указать на слѣдующія условія русской жизни, подтверждающія значеніе проекта.

Въ прошедшемъ 1903 году, въ засѣданіи Губернскаго Сельско-хозяйственнаго Комитета, членами собранія, съ особенною настойчивостью отмѣчалось то обстоятельство, что мѣстные крестьяне (а мы прибавимъ: и вообще русскіе крестьяне) въ высшей степени консервативны въ своихъ сельско-хозяйственныхъ пріемахъ и брайнѣ неподатливы не только на реформы, теоретически имъ предлагаемыя, но и на такія, коихъ живой и благодѣтельный примѣръ предъ ихъ глазами. Упоминалось именно о томъ, что образцоваго хозяйства живущихъ среди нихъ чеховъ и нѣмцевъ мѣстные крестьяне не перенимаютъ и чуждаются (скажемъ отъ себя: слава Богу!) этихъ просвѣщенныхъ носителей культуры хуже, чѣмъ евреевъ. Тогда же указывалось на безуспѣшность сельско-хозяйственной школы въ NN уѣздѣ, а равно и другихъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ въ отношеніи къ быту окрестнаго крестьянства, нисколько не усвоивающаго образцовыхъ пріемовъ названныхъ училищъ, при чемъ ученики послѣднихъ, вмѣсто ожидавшагося возвращенія ихъ на родную ниву, расходятся въ управляющіе къ панамъ или просто въ приказчики, писаря и т. п.

Явленіе это повсемѣстное на Руси. Въ N-ской губерніи извѣстный земскій дѣятель А. Д. устроилъ прекрасную школу

для обученія дѣтей зажиточныхъ крестьянъ болѣе рациональному веденію хозяйства. Школа имѣла едва ли не 17 выпусковъ, а учредитель говорилъ мнѣ, что еще ни одинъ ея воспитанникъ не пожелалъ возвратиться къ землѣ своего отца, но все разошлись на должности управляющихъ или писарей. Очевидно, что пропасть, раздѣляющая крестьянскій бытъ отъ быта такъ называемой интеллигенціи, глубока, но она обусловливается не невѣжествомъ перваго, какъ обыкновенно думаютъ, а разностью самаго отношенія къ жизни и къ матеріальному довольству; это двѣ разныя культуры: одна религіозно-аскетическая, а другая по преимуществу матеріальная.

Итакъ, если усвоеніе хозяйственныхъ усовершенствованій такъ плохо дается нашему крестьянству, то, конечно, одною изъ первыхъ заботъ правительства или земства должно быть изысканіе способовъ къ тому, чтобы расположить крестьянъ не чуждаться разумныхъ нововведеній. Здѣсь-то и приходится вспомнить о томъ единственномъ интеллигентномъ кругѣ или сословіи, къ которому крестьяне готовы относиться съ довѣріемъ и послушаніемъ, какъ къ людямъ себѣ близкимъ, т. е. о духовенствѣ.

Къ сожалѣнію, о немъ-то одномъ и забыли, когда, два года тому назадъ, были учреждены Уѣздные и Губернскіе Комитеты по улучшенію сельскаго хозяйства, а въ настоящее время поднято большое дѣло о разсмотрѣніи проекта новаго Положенія о крестьянахъ въ Губернскихъ Комитетахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ призваны были къ работѣ представители всѣхъ вѣдомствъ, министерствъ и круговъ общества, исключая духовенства, которое, особенно въ лицѣ представителей сельскаго пастырства, стоитъ ближе всѣхъ къ крестьянскому сословію и знаетъ съ нимъ не по одной какой-либо сторонѣ его быта, но по всѣмъ: по религіозной, семейной, общественной, экономической, школьной, медицинской и т. д. и т. д.

Въ частности, священники нашего малороссійскаго края настолько усердные и искусные хозяева, что эта отрасль жизни дѣлаетъ ихъ менѣе усердными проповѣдниками и богомольцами, но зато вполне способными осуществить, при добромъ желаніи, всё тѣ чаянія, которыя на нихъ возложены въ *Запискѣ*. Привѣтствуя, поэтому, мысль о привлеченіи духовенства къ участию въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, считаю долгомъ упомянуть и о томъ, что такая мѣра ограждаетъ государственныхъ дѣятелей отъ крупныхъ ошибокъ, какія допущены были ими за послѣднее десятилѣтіе въ отношеніи къ крестьянству, по причинѣ односторонняго взгляда на послѣднее, какъ только на рабочую экономическую силу, а не какъ на общество живыхъ нравственныхъ личностей, имѣющихъ нужды и интересы помимо экономическихъ, интересы несравненно болѣе цѣнные, нежели матеріальное благосостояніе. Такъ, одною изъ самыхъ вредныхъ реформъ, принимаемыхъ къ части крестьянъ трехъ нашихъ уѣздовъ, было разрушеніе ихъ сельскаго купножитія чрезъ пресловутое расселеніе ихъ на *волока*, т. е. на отдѣльные хутора. Если даже допустить, что такое расселеніе будетъ содѣйствовать экономическому прогрессу нашихъ малороссовъ, то послѣднее не искупается тѣмъ огромнымъ *нравственнымъ урономъ*, коимъ по необходимости сопровождается.

„Разселившись на волока, вы сдѣлались волками“, такъ заключаютъ мѣстные священники свои обличительныя рѣчи прихожанамъ, упрекая ихъ за нехождение въ церковь, за забвеніе дѣтьми школы, за пьянство, нарушеніе постовъ, развратъ молодежи, усилившееся воровство и т. п. явленія, оказавшіяся печальными послѣдствіями нѣмецкой мѣры расселенія, введенной нѣкоторыми мировыми посредниками, потому ли, что они не предвидѣли отъ нея никакой бѣды, или потому, что они именно и желали ея, дабы русскій крестьянинъ поскорѣе преобразился въ типъ французскаго блузника, столь желательный для нашихъ марксистовъ.

Почему же результатомъ культурныхъ предпріятій явилось столь быстрое одичаніе сельскихъ жителей?—Весьма понятно, почему. Нельзя скрывать того, что, даже при хорошемъ священникѣ и усердномъ школьномъ учителѣ, все-таки главною воспитывающею силой русскаго мужика остается до сихъ поръ (и дай Богъ, чтобъ и впредь такъ было) сельская община, какъ носительница вѣковѣчныхъ христіанскихъ понятій и бытовыхъ преданій. Сила народнаго быта, — дѣйствуя двумя могучими рычагами: соревнующаго подражанія и стыда, — поддерживаетъ въ каждомъ уваженіе къ родителямъ, цѣломудріе холостыхъ и женатыхъ, трудолюбіе, благочестіе и честность. Разселеніе по волокамъ наполовину освобождаетъ семью и личность отъ общественнаго контроля, отъ страха быть опозореннымъ и осмѣяннымъ за всякое скверное дѣло и нравственное неряшество, а кромѣ того, лишаетъ ихъ возможности учиться у общества доброму православному обычаю, отнимаетъ вообще благодѣтельную силу общенности, признаваемую всѣми историками и моралистами.

Бѣдность не порокъ, но порокомъ причиняется бѣдность, и послѣдствія разселенія крестьянъ по *волокамъ* уже многихъ изъ нихъ обѣднило, потому что пьянство, распутство и лѣнь никогда не бывають условіями обогащенія. Да еслибъ и не случилось этихъ неизбѣжныхъ послѣдствій нравственнаго упадка крестьянъ, то пусть они лучше остались бы навсегда бѣдными, но честными гражданами и добрыми христіанами, нежели богатыми культурными дикарями.

Впрочемъ, если бы кто и не пожелалъ признать цѣнности нравственнаго начала и объявилъ бы матеріальное благосостояніе единственною цѣлью своей дѣятельности въ отношеніи къ русскому крестьянству, то и при такой даже нигилистической точкѣ зрѣнія онъ долженъ былъ бы считаться съ религіознымъ и моральнымъ бытомъ русскаго крестьянства, если бы только не закрылъ глазъ предъ фактической дѣйствительностью.

Кому не извѣстно, что благосостояніе является удѣломъ нашихъ сельскихъ обществъ всегда, когда въ нихъ бываетъ крѣпокъ религіозный и нравственный строй? Кто читалъ многочисленныя произведенія литературы въ родѣ *Крестьянскаго царства* Немировича-Данченко, тотъ знаетъ, что въ Россіи высшее развитіе хозяйственной энергіи, доходящей до геніальной изобрѣтательности, представляютъ собою крестьянскіе монастыри въ родѣ Валаама, Соловковъ, Глинской пустыни, Святыхъ Горъ, Новаго Аѳона, Іонинскаго-Троицкаго монастыря въ Кіевѣ и т. п. Вторую степень хозяйственнаго благоустройства являютъ собою въ Великороссіи поселки наиболѣе строгихъ старовѣрскихъ толковъ. Удивительнѣе всего оказывается именно то обстоятельство, что довольство и обиліе бывають удѣломъ тѣхъ именно элементовъ русскаго крестьянства, которые наименѣе дорожатъ имъ, наиболѣе проникнуты аскетическимъ пренебреженіемъ къ настоящей жизни и всецѣло поглощены ожиданіемъ жизни будущей, загробной. При этомъ подобный удѣлъ благосостоянія достается труженикамъ, часто весьма чуждымъ всякихъ техническихъ улучшеній своей работы, иногда живущимъ въ самомъ суровомъ климатѣ или въ самой отдаленной глуши.

Напротивъ того, бѣлизость большихъ центровъ, знакомство съ наилучшими хозяйствами помѣщиковъ, фабрикъ или иностранныхъ колонистовъ, соединяясь съ усвоеніемъ ихъ противонравственнаго вліянія, выработало типъ крестьянина, имѣющаго жилетку и калоши, но не знающаго, будетъ ли онъ сегодня ужинать, и не могущаго поддержать свое небольшое хозяйство отъ лѣности, безпечности и пьянства.

Это повсемѣстный законъ русской жизни, въ силу котораго *сохраненіе религіознаго и нравственнаго строя является самою главною причиною крестьянскаго благосостоянія, такъ что всякія иныя, даже наиболѣе разумныя, мѣропріятія являются лишь вторичными и вспомоществовательными условіями послѣдняго*, — это первенство религіознаго начала въ русской народной жизни должно убѣдить всѣхъ народныхъ

дѣятелей, хотя бы и грубыхъ матеріалистовъ по своимъ личнымъ воззрѣніямъ, въ томъ, что 1) при всякой попыткѣ вводить какія-либо преобразованія или улучшенія въ экономической жизни крестьянъ должно прежде всего цѣнить ихъ съ религіозно-бытовой точки зрѣнія, и если они въ этомъ отношеніи не безвредны, то немедленно отъ нихъ отказаться; 2) должно помнить, что главною силою, охраняющею въ крестьянствѣ религію и нравственность, является само крестьянское общество съ его самобытнымъ строемъ, а потому послѣдній должно охранять какъ высшую драгоцѣнность (деревенскую скученность жилищъ, общину, волостной судъ, круговую поруку, общинное владѣніе и пр., изъ чего многое, къ сожалѣнію, уже уничтожено); 3) всякое нововведеніе, строго проверенное на опытѣ, должно вводиться въ жизнь крестьянъ черезъ тѣ органы, которые получили уже народно-историческую санкцію, и потому освятить собою въ глазахъ крестьянъ самое нововведеніе, т. е. прежде всего черезъ духовенство и затѣмъ черезъ школу, но только черезъ такую, которая находится въ строгомъ согласіи съ церковнымъ и народнымъ бытомъ сельскаго общества. При этомъ мы разумѣемъ воздѣйствіе школы и учителя не на дѣтей, какъ того требовали нѣкоторые наивные ораторы Сельско-хозяйственныхъ Комитетовъ, а на взрослыхъ, что, конечно, и изъ хорошихъ учителей доступно не многимъ.

Дѣти же не могутъ быть реформаторами сельскаго хозяйства, ибо первая ихъ попытка учить родителей навсегда закончится здоровою волосьянкой, а выросши, они—дай Богъ, чтобы грамоты не забыли, и гдѣ ужъ имъ помнить свѣдѣнія по агрономіи!

Вотъ какіе общіе принципы воздѣйствія на народную жизнь должны признать даже матеріалисты; что же касается болѣе просвѣщенныхъ радѣтелей блага народнаго, то они и сами знаютъ, что русскій крестьянинъ не есть только рабочій и никогда не согласится признавать себя таковымъ только, но онъ 1) христіанинъ, сынъ Православной Церкви, живущій

для исполненія заповѣдей Божіихъ и желающей наследовать блаженную вѣчность, 2) гражданинъ Русской земли, желающей знать свою родину, и имѣть живое и сознательное общеніе со своими согражданами, дорожащей славой своего Царя и отечества, и уже 3) земледѣлецъ по заповѣди Божіей, данной Адаму и Ною, всегда согласный облегчить условія своего труда и умножить его плоды, но лишь въ точномъ согласіи съ первыми двумя назначеніями своей жизни, а не въ качествѣ ея единственной или конечной цѣли.

Мученическіе акты, какъ одинъ изъ источниковъ жизнїи святыхъ ¹⁾).

Къ третьему классу мученическихъ актовъ Руинартъ относитъ тоже современные акты, но составлявшіеся не писцами суда и не самими мучениками, а посторонними лицами, присутствовавшими при допросѣ и страданіяхъ исповѣдниковъ христіанства. Такими составителями актовъ являются или тѣ римскіе діаконы и иподіаконы, которые въ каждомъ кварталѣ слѣдили за дѣянїями мучениковъ, или скорописцы-каллиграфы, которыхъ нанимали богатые христіане и посылали въ судъ для составленія своего рода стенографическихъ отчетовъ о процессахъ, или, наконецъ, просто друзья и почитатели исповѣдника, тайно слѣдившіе за нимъ до его кончины. Подобныя составители актовъ всегда относятся съ большимъ сочувствіемъ къ страданіямъ мученика, чего обыкновенно совсѣмъ не касались судебные акты, и о чемъ сравнительно мало говорили акты *оригинальные*. Такъ, церковь Смирнская издала посланіе, извѣщавшее прочія церкви о мученической кончинѣ Поликарпа Смирнскаго ²⁾. Вѣнскіе и Ліонскіе хри-

¹⁾ См. № 36 за 1904 г.

²⁾ *Epistola ecclesiae Smyrnensis de martyrio sancti Policarpi, episcopi et sociorum ejus* (Ruinart, стр. 77 и д., гдѣ мученическая кончина Поликарпа относится къ 166 г. Попытка Ваддингтона и нѣкоторыхъ дру-

стіане описали мученіє первыхъ миссіонеровъ-христіанъ въ Галлії—Потена и его товарищей ¹⁾. Діаконъ Понтій оставилъ намъ разсказъ о мученической кончинѣ Кипріана, еп. Кароагенскаго ²⁾. Разумѣется, авторы подобныхъ актовъ вносили въ нихъ не мало указаній на тѣ впечатлѣнія, какія производили страданія мучениковъ какъ лично на нихъ, такъ и на другихъ, при этихъ страданіяхъ присутствовавшихъ. Безъ энтузіастическаго увлеченія не обходилось и здѣсь, что было, само собою разумѣется, вполне естественно. И въ данномъ случаѣ историкъ имѣетъ дѣло не только съ фактами, но и съ тѣми послѣдствіями, къ которымъ они приводили. Изумленіе предъ мужествомъ исповѣдниковъ сопровождалось нерѣдко обращеніемъ въ христіанство присутствовавшихъ язычниковъ и даже самихъ мучителей. Тертуліанъ еще въ началѣ III вѣка утверждалъ (и вполне справедливо), что кровь мучениковъ служитъ сѣменемъ новыхъ христіанъ ³⁾.

гихъ ученыхъ приурочить эту кончину къ 155 году въ настоящее время большинствомъ изслѣдователей признается несостоятельной.—Существуетъ двѣ редакціи мученическихъ актовъ Поликарпа — краткая и болѣе подробная).

¹⁾ *Epistola ecclesiarum Vienensis et Lugdunensis de martyrio sancti Pothini episcopi et aliorum plurimorum* (Ruinart, стр. 107—117. Посланіе это вполне сохранилось въ Церковной исторіи Евсевія VI, откуда заимствовано и Руинартомъ).

²⁾ Ruinart, стр. 252—261. Кромѣ произведенія діакона Понтія: *Vita et passio sancti Caecilii Cypriani episcopi Carthaginensis et martyris*, дошли до насъ и проконсульскіе акты Кипріана, т. е. записи его допросовъ у проконсула (см. Ruinart, стр. 261—264. *Acta proconsularia S. Cypriani*).

³⁾ Для характеристики этого рода памятниковъ приведемъ небольшую выдержку изъ Посланія церквей Вьенской и Ліонской о мученичествѣ Бландины: „Между тѣмъ, какъ всѣ мы боялись за Бландину, да и сама госпожа ея по плоти, бывшая также въ числѣ мучениковъ одною изъ подвижницъ, опасалась, что, по тѣлесной своей немощи, Бландина не найдетъ въ себѣ даже довольно смѣлости для произнесенія исповѣданія, она исполнилась такой силы, что мучители ея, смѣнявшіе другъ друга и вслѣдствіе мучившіе ее съ утра до вечера, наконецъ, утомились, изнемогли и признали себя побѣжденными, потому что не знали уже, что болѣе дѣлать съ нею. Они дивились, что въ ней оставалось еще дыханіе, тогда какъ

Изъ четвертому классу Руинартъ относитъ тѣ акты, которые составлялись на основаніи преданія вскорѣ послѣ мученической кончины исповѣдниковъ. Руинартъ готовъ предполагать, что въ основу подобныхъ записей могли лечь и подлинныя акты, но составители ихъ преслѣдовали уже до извѣстной степени литературныя цѣли, и потому выбрасывали изъ оригинальныхъ актовъ точныя указанія на время и мѣсто мученія исповѣдниковъ, на составъ суда и другія, по ихъ мнѣнію, излишнія и скучныя подробности, а вмѣсто этого вносили въ свои труды похвалы мученикамъ, назидательныя увѣщанія читателямъ, порицанія гонителямъ и т. п. Подобныя акты, изданныя Руинартомъ въ количествѣ 25, будучи разсматриваемы съ исторической точки зрѣнія, уступаютъ въ этомъ отношеніи актамъ первыхъ трехъ вѣковъ, такъ какъ здѣсь остатки старины перемѣшаны съ сказаніями позднѣйшими ¹⁾.

Но самый большой по количеству отдѣлъ повѣтствова- ній о мученикахъ составляютъ болѣе или менѣе случайныя упоминанія объ ихъ дѣяніяхъ у позднѣйшихъ писателей. Мы уже говорили, что христіане тщательнo отмѣчали день кончины мученика и ежегодно въ этотъ день совершали на его могилѣ богослуженіе. Когда въ IV вѣкѣ прекратились гоне-

---

все тѣло ея было истерзано и исколото, и свидѣтельствовали, что и одного рода пытки должно бы быть достаточно для изведенія души ея изъ тѣла, а пхъ было такъ много и столько жестокихъ! По блаженна, подобно мужественному подвижнику, обновляла свои силы исповѣданіемъ; слова: „Я христіанка, у насъ нѣтъ ничего худого“—служили ей подкрѣпленіемъ, отдохновеніемъ и облегченіемъ въ мученіяхъ“ (Евсевій, Церк. Ист., стр. 231).

¹⁾ Таковы, напр., мученическіе акты Ахациа, относимые къ 250 г. (Acta disputationis sancti Achatii episcopi et martyris.—Ruinart, стр. 199—202), гдѣ замѣтна искусственность и вставка подробностей, противорѣчащихъ исторически-извѣстному положенію дѣлъ въ половинѣ III вѣка. Таковы же акты Трифона и Респіциа (ibid., стр. 208—211), гдѣ говорится, что мучениковъ приходили погребать священники и монахи;—но монаховъ въ половинѣ III в. еще не было.

нія, и христіанство восторжествовало надъ язычествомъ, бого-служеніе начали совершать не въ катакомбахъ и не въ частныхъ домахъ (какъ было прежде), а въ особо построенныхъ для этого храмахъ, базиликахъ. При этомъ сохранился и древній обычай читать въ храмахъ мученическіе акты. Читались лишь такіе акты, въ подлинности которыхъ никто не сомнѣвался¹⁾. Если почему-либо древнихъ актовъ не сохранилось, а между тѣмъ память объ извѣстномъ мученикѣ живо сохранилась у жителей извѣстной мѣстности, то представители Церкви считали своимъ долгомъ почитать подвиги подобнаго исповѣдника въ похвальномъ словѣ въ честь его, произносимомъ въ храмѣ предъ вѣрующими, или же составляли въ честь его гимны. Разумѣется, и въ этихъ похвальныхъ рѣчахъ и въ этихъ гимнахъ сообщались нѣкоторыя подробности объ обстоятельствахъ кончины восхваляемаго мученика. Полагаютъ, что нѣкоторыя изъ этихъ подробностей являются несомнѣнными остатками сохранившагося преданія, другія же—только шаблонныя описанія мученій, навѣяныя чтеніемъ мученическихъ актовъ. Руинартъ счелъ возможнымъ признать нѣкоторое историческое значеніе лишь за тѣми изъ подобныхъ сказаній о мученикахъ, которыя встрѣчаются у древнѣйшихъ отцевъ Церкви, жившихъ послѣ окончанія гоненій. Такое значеніе, напр., онъ признаетъ за рассказомъ св. Іоанна Златоуста о муч. Домѣ и Вероникѣ. Указанное историческое значеніе признается также за сказаніями и упоминаніями о различныхъ мученикахъ, встрѣчающимися у древнѣйшихъ историковъ Церкви IV, V и VI вв., напр., у Евсевія, Сократа, Созомена, Θεодорита, Руфина и др.

Но, очевидно, указываемый Руинартомъ критерій для выясненія историческаго значенія сказаній о мученикахъ основанъ на чисто внѣшнихъ, хронологическихъ соображе-

¹⁾ Отъ чтенія мученическихъ актовъ *сомнительныя* Церковь предостерегала (см. постановленія собора, бывшаго при папѣ Геласіи въ концѣ V в.—Cursus Completus Migne, t. 50, col. 160—161).

ніяхъ, а не на изученіи содержанія самыхъ источниковъ. Отъ этого многіе позднѣйшіе рассказы о мученикахъ, хотя бы они, по своему содержанію и способу изложенія, приближались къ болѣе древнимъ, не приняты Руинартомъ въ его собраніе. Поэтому, не удивительно, что собраніе Руинарта и его методъ оцѣнки мученическихъ актовъ вызвали и вызываютъ цѣлый рядъ недоумѣній и возраженій. Именно, указываютъ, прежде всего, на то, что средневѣковые писатели не имѣли, въ большинствѣ случаевъ, обычая отмѣчать, на основаніи какихъ данныхъ они составляли свои *passiones*, и потому виѣшній, хронологическій критерій, указываемый Руинартомъ, хотя и долженъ былъ быть принимаемъ во вниманіе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ, но, во всякомъ случаѣ, не какъ единственный. Другіе критеріи должны быть извлекаемы изъ самихъ актовъ. Первоначально изслѣдователи указывали преимущественно на такіе критеріи, которые бы давали возможность отнестись отрицательно къ изучаемому акту. Если мученическіе акты изобиловали чудесами, если самыя чудеса отличались странностію, если языкъ актовъ былъ многословенъ, если въ уста мучениковъ и мучителей влагались длинныя рѣчи, или исповѣднику приписывались бранныя выраженія по отношенію къ идоламъ и мучителямъ, если мучителямъ приписываютъ попытки соблазнить мучениковъ почестями, если самыя пытки отличаются утопченностію, — все это, по мнѣнію изслѣдователей XVII—XVIII вв., могло служить указаніемъ неподлинности и недостоверности актовъ. — Но всѣ подобныя соображенія отличаются апріорнымъ характеромъ и не даютъ положительныхъ основаній для правильной оцѣнки историческаго значенія мученическихъ актовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ IV—V вв. православные не стѣснялись укорять еретиковъ, то почему не могли дѣлать того же раньше мученики противъ мучителей, подражая **Маккавеямъ**? Что страннаго и необычнаго въ томъ, что гонители, лишь бы привлечь на свою сторону исповѣдниковъ, какъ выдающихся среди христіанъ лицъ, обѣщали за это имъ по-

чести?—Что касается чудесъ, то, разумѣется, православный историкъ не можетъ отнести отрицательно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя соотвѣтствуютъ богословскому опредѣленію понятія „чудо“ (отрицанія возможны только по отношенію къ чудесамъ, носящимъ сказочный, не соотвѣтствующій указанному опредѣленію, характеръ). Притомъ, нѣкоторыя чудеса не представляютъ ничего невѣроятнаго даже съ обычной точки зрѣнія,—напр., отказъ звѣрей бросаться на мученика (это случалось и съ язычниками, отданными на растерзаніе звѣрей).

Болѣе положительнымъ характеромъ отличаются указанія позднѣйшаго французскаго изслѣдователя Le Blant'a, подвергшаго пересмотру мученическіе акты, какъ вошедшіе въ собраніе Руинарта, такъ и не вошедшіе туда¹⁾. По своимъ первоначальнымъ занятіямъ христіанскою этнографікою и археологіею, Леблянъ обосновательно познакомился съ древнею исторіею христіанской Церкви и Римской имперіи. Онъ научился опредѣлять по различнымъ и едва замѣтнымъ для неопытнаго глаза признакамъ время происхожденія отдѣльныхъ—какъ письменныхъ, такъ и вещественныхъ—памятниковъ христіанской древности; приступая съ такимъ запасомъ знаній къ анализу мученическихъ актовъ, умѣетъ въ каждомъ, повидимому, позднѣйшемъ актѣ указать на несомнѣнные слѣды пользованія авторомъ древнимъ источникомъ. Означенныя указанія онъ находитъ, напр., въ употребленіи такихъ юридическихъ терминовъ, которые вполнѣ были умѣстны въ произведеніяхъ III—IV вв., но какихъ не могъ бы выдумать позднѣйшій авторъ, если бы его произведеніе все цѣликомъ было плодомъ измышленія, или—когда находитъ указанія на такія детали въ описаніи производства допросовъ, пытокъ, казни, какія опять-таки не могли быть измышлены позднѣйшими фальсификаторами. Наконецъ, свѣдѣнія хронологическія, генеалогическія, историческія въ заподозрѣнномъ доку-

¹⁾ Les Actes des Martyrs. Paris 1881 г.

ментъ, въ сопоставленіи ихъ съ несомнѣнными данными, опять служатъ для Лебляна основой для признанія за нѣкоторыми изъ такихъ документовъ извѣстной доли достовѣрности.

Что касается до порчи мученическихъ актовъ въ позднѣйшее время, то она, по мнѣнію Лебляна, происходила отъ разныхъ причинъ. Именно: 1) отъ неумѣлаго перевода актовъ съ греческаго языка на латинскій; 2) отъ попытокъ въ IV—V вв. воспроизводить по памяти акта и *passiones*, погибшіе во время Діоклетіана, при чемъ зачастую древняя терминологія замѣнялась новою, и перепутывалась хронологія, генеалогія, географія; 3) отъ благочестиваго желанія возвысить славу мученика чрезъ распространеніе его отвѣтовъ и приписываніе ему дѣяній (напр., чудесъ). Буквальное сходство подобныхъ деталей въ различныхъ актахъ, по мнѣнію Лебляна, говоритъ за то, что одни изъ нихъ могли служить образцомъ для другихъ.

Къ сожалѣнію, Леблянъ, умѣвшій съ такимъ остроуміемъ и провицательностію обратить вниманіе изслѣдователей на многіе изъ мученическихъ актовъ, о которыхъ они прежде отзывались съ пренебреженіемъ, какъ недостовѣрныхъ, какъ издѣлій позднѣйшихъ фальсификаторовъ, не довелъ своей работы до конца. Тѣмъ не менѣе, основы, положенныя имъ для изученія означенныхъ актовъ, не остались безъ вліянія на дальнѣйшую разработку одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ исторіи христіанской Церкви, именно—о *гоненіяхъ на христіанъ со стороны язычниковъ*. Въ настоящее время люди науки, высоко цѣняя *Acta sincera* (подлинныя мученическіе акты), какъ драгоцѣннѣйшій источникъ для исторіи христіанскаго подвига святыхъ добродѣльныхъ мучениковъ въ первые вѣка христіанства, съ надлежащимъ вниманіемъ относятся и къ такимъ актамъ, которые носятъ на себѣ явные слѣды позднѣйшей руки, такъ какъ, при строго-критическомъ отношеніи и къ интерполированнымъ актамъ, при тщательномъ изученіи ихъ (послѣ очищенія и выдѣленія научною

критикою недостовѣрнаго), и въ нихъ можно находить свѣдѣнія и черты, цѣнныя какъ для характеристики положенія христіанства въ періодъ гоненій, такъ и для житій самихъ св. мучениковъ.

М. Гн.

Обычная исторія.

Свѣтская журналистика и литература такъ часто бывають не справедливы и даже жестки по отношенію къ духовенству, что на всякомъ добромъ словѣ съ этой стороны невольно останавливаемъ съ особеннымъ вниманіемъ, отдыхаешь на немъ душой. Въ Москвѣ издается недорогой, общедоступный журналъ „Родная Рѣчь“. Въ № 13-мъ этого журнала помѣщена небольшая передовая статья, на которой многимъ и очень многимъ слѣдовало бы остановить свое вниманіе. Заглавіе статьи такое: „Духовные въ нашихъ совѣщаніяхъ“. Считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ содержаніемъ этой интересной на нашъ взглядъ статьи.

Автора статьи поражаетъ полнѣйшее отсутствіе представителей духовенства въ совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ общаго значенія. Изъ такихъ вопросовъ онъ останавливается на слѣдующихъ *двухъ*: на вопросѣ о воспитаніи и образованіи и на вопросѣ крестьянскомъ, особенно на послѣднемъ. „Теперь, — говоритъ авторъ, — наступаетъ время серьезной мысли о томъ, чтобы упорядочить деревню. Выдвигаются планы установленія твердаго порядка управленія, суда. Дѣло необходимое, назрѣвшее и плодотворное“. Но рѣшеніе вопросовъ крестьянской жизни (деревенскій судъ, администрація, постановка народнаго просвѣщенія и т. д.) только тогда можетъ быть удачнымъ, если оно будетъ сообразовано съ духомъ, упованіями, недугами и нуждами именно *нашей* деревни, *нашего* народа, съ запросами народной души. Духовенство въ этихъ вопросахъ пріобрѣтаетъ огромное значеніе потому, что „оно въ массѣ своей само изъ народа и знаетъ жизнь его, конечно, лучше совершенно постороннихъ этой жизни людей“, лучше тѣхъ, которые рѣшаютъ вопросы народной жизни — вопросы первостепенной важности. Сама жизнь говоритъ за высказанное сейчасъ мнѣніе о необходимости участія духовенства въ совѣщаніяхъ по вопросамъ крестьянской жизни: крестьяне очень часто обращаются къ духовенству за совѣтами въ своихъ житейскихъ затрудненіяхъ; сверхъ

того, священнику, какъ духовнику, открыты все тайны совѣсти прихожанъ; его взору предстаетъ народъ, не какъ отвлеченная экономическая единица, съ которой можно производить какіе угодно эксперименты, а какъ цѣлостный организмъ со *своими* запросами и идеалами. Наимолѣе же желательно для автора участіе въ высшихъ общественныхъ совѣщаніяхъ нашихъ архиепископствъ, особенно выдающихся изъ нихъ. „Съ такими членами, по знанію народнои жизни, не могутъ сравниться ни администраторы, ни юристы, имѣющіе при прохожденіи службы отношеніе лишь къ внѣшней, матеріальной сторонѣ жизни народа“: тѣмъ болѣе это желательно, что „многіе изъ нашихъ архиепископствъ сами были на приходахъ священниками, духовниками, интимными наблюдателями и совѣтниками народа во всехъ запросахъ его жизни и совѣсти“.

Таково содержаніе этой *доброй* статьи, подъ которой, надѣмся, согласится подписаться каждый изъ читателей. Разумѣется, свѣтская ultra-либеральная печать едва ли станетъ на сторону „Родной Рѣчи“ по данному вопросу. Усердно хлопоча о самыхъ широкихъ правахъ для всехъ, она ревниво бережетъ безправіе духовенства. Ей всюду мерещится западный клерикализмъ, и на самое духовенство она смотритъ, какъ на представителей темноты и вѣковой отсталости... Но, вѣдь, о какихъ-либо правахъ на свѣтскую власть духовенство православное никогда и не мечтало, что съ полною очевидностью доказываетъ вся исторія Русской Церкви. Клерикализмъ у насъ совершенно не возможенъ, потому что его нѣтъ въ нашей исторіи, и упрекнуть въ немъ православное духовенство по меньшей мѣрѣ будетъ не справедливо, такъ какъ оно всегда сознавало, что мірская власть—не для него, и никогда за нею не гошилось. Мы говоримъ только лишь о *вліяніи на жизнь*, о возможности этого *вліянія словомъ и совоѣтомъ* въ разныхъ *совѣщаніяхъ*,—а это совсѣмъ не клерикализмъ. Такое вліяніе, право на него всегда было у правящей Церкви во всехъ христіанскихъ странахъ съ древнѣйшихъ временъ и принесло свою долю общественной пользы.

Покажемъ на примѣрѣ, чего мы хотѣли бы для духовенства. Въ настоящее время свѣтская печать усердно хлопочетъ о всесловной волости. Духовенство, какъ близко стоящее къ народу, весьма желательно въ этой будущей волости, какъ полноправный его членъ, какъ участникъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Но это вовсе не значитъ того, будто духовенству желательно имѣть какую-то власть въ де-

ревнѣ, право быть избраннымъ въ сотскіе или старосты,— вообще — имѣть административныя права. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что свѣтская печать, трактуя о всесословной волости, рѣдко упоминаетъ о духовенствѣ: фельшера, акушерки, учителя, помѣщики, полгода проживающіе въ городѣ, и т. д. — вотъ они способны всячески врачевать деревню, всесторонне развивать жизнь ея; ну, а духовенство—о немъ что-то совсѣмъ молчатъ...

Къ сказанному выше о значеніи участія духовенства въ совѣщаніяхъ по вопросамъ общественнаго значенія добавимъ еще слѣдующее. Кромѣ знанія народной жизни, духовенство внесло бы въ какое-угодно совѣщаніе больше солидности и серьезности. Представьте себѣ собраніе, гдѣ присутствуетъ архіерей. Горячо обсуждается какой-нибудь вопросъ. Стороны неизбежно увлекаются. Спрашивается: въ присутствіи архіерей увлекутся ли стороны до взаимныхъ колкостей, грубостей (извѣстно, что русскій спорить не умѣетъ и въ спорѣ слишкомъ... горячъ), не говоримъ уже „о доказательствахъ отъ стульевъ и подсвѣчниковъ?..“ То же и на сельскомъ сходѣ: въ присутствіи священника все же постѣсняются явившіеся на сходъ выпить до-пьяна, сказать „крѣпкое слово“ и т. п., что въ настоящее время на сходахъ не рѣдкость.

Участіе духовенства въ совѣщаніяхъ возвысило бы престижъ духовенства, подняло бы его довольно подавленное самосознаніе, сблизило бы, на почвѣ практическаго добра, съ другими слоями общества, дало бы ему возможность говорить и о своихъ нуждахъ. Почему знать—быть можетъ, то недовѣріе и пренебреженіе, съ которыми такъ часто относятся къ духовенству свѣтскіе люди, смѣнились бы болѣе теплыми чувствами?...

Свящ. В. П.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 5-го сентября 1904 года.

Цензоръ, священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 38.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, сентября 19-го.

Содержаніе: Нѣсколько словъ о цензурѣ проповѣдей—По поводу пережи-
ваемыхъ событій военнаго времени. II. Пастырь на войнѣ (окон-
чаніе).—Знахари въ деревнѣ и необходимыя мѣры противъ нихъ
со стороны духовенства.—Завѣты престарѣлаго іерея молодымъ
духовнымъ лицамъ.

Нѣсколько словъ о цензурѣ проповѣдей.

Въ № 14-мъ „Церковнаго Вѣстника“ за текущій годъ
свящ. Любимовъ въ статьѣ своей: „Проповѣдь и цензура“
возстаетъ противъ предварительной цензуры проповѣдей и въ
частности противъ должности цензора. „Не пора ли,—спра-
шиваетъ онъ,—уничтожить эту предварительную цензуру, или,
по крайней мѣрѣ, передать ее въ болѣе свѣдущія руки?“

Что сказать по поводу этого?—Совершенно уничтожить
предварительную цензуру проповѣдей едва ли возможно; да
и вопросъ еще: будетъ ли это полезно для самаго дѣла? Ре-
формировать же ее, дѣйствительно, слѣдовало бы.

Прежде всего, оцѣнка поученій балльною системой дол-
жна отойти въ область преданій, какъ обидная и унижитель-
ная для современнаго духовенства. Должна быть выработана

общая для цензоровъ инструкція, которой бы они руководились при разсмотрѣннн представляемыхъ имъ проповѣдей.

Въ настоящее время очень многихъ изъ цензоровъ затрудняетъ вопросъ: какъ должны они относиться къ представляемымъ имъ для цензуры поученіямъ, чтобы исполнять свою обязанность не формально только? — Въ устраненіе недоразумѣннй, весьма полезно было бы установить такія правила, руководясь которыми, цензоръ ясно могъ бы опредѣлить себѣ, что именно въ проповѣди подлежитъ его суду, и чего онъ не долженъ касаться, какъ предмета, предоставляемаго свободѣ проповѣдника.

Въ основаніе такихъ правилъ могутъ быть положены правила и законы какъ церковные, такъ и церковно-гражданскіе, и обязанность цензора, поэтому, должна опредѣляться тѣми требованіями, какія предъявляются къ церковнымъ проповѣдникамъ правилами св. Церкви и распоряженіями мѣстнаго епархіальнаго начальства, а именно: 1) цензоръ долженъ наблюдать, чтобы представленное для цензуры поученіе вполне согласовалось съ духомъ православно-христіанскаго вѣро-и правоученія; 2) чтобы разъясненія свои проповѣдникъ основывалъ „на Священномъ Писаніи и ученіи св. отецъ“ и самое Свящ. Писаніе разъяснял по руководству и толкованію послѣднихъ, „дабы не уклониться отъ подобающаго“. 19 правило 6 вселенскаго собора говоритъ: „Предстоятели церквей должны по вся дни... поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ Священнаго Писанія разумѣння и разсужденія истины и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ отецъ. И аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то не иначе да изьясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя Церкви въ своихъ писаніяхъ“. Такимъ образомъ, согласіе съ Словомъ Божіимъ и православіе—вотъ самыя главныя и существенныя качества, которымъ должна удовлетворять каждая проповѣдь. На эти именно качества и долженъ прежде всего указывать о. цензоръ въ своемъ отзывѣ.

Но помимо указанныхъ качествъ, въ проповѣди должны быть и другія, также довольно важныя. Проповѣдникъ, напр., говорить въ своей проповѣди о такомъ предметѣ, о которомъ, имѣя въ виду составъ его слушателей и степень ихъ развитія, лучше было бы не говорить. Можетъ ли цензоръ указать такому проповѣднику на неумѣстность избраннаго имъ предмета?—По нашему мнѣнію, можетъ и даже долженъ. Отсюда вытекаетъ *вторая* обязанность для цензора, а именно: онъ долженъ наблюдать, чтобы представленное для цензуры поученіе соотвѣтствовало возрасту, состоянію и нравственнымъ потребностямъ слушателей (Уставъ духовн. консисторій).

Далѣе. Проповѣдникъ выражается въ своей проповѣди языкомъ непонятнымъ, отвлеченнымъ, испещряетъ ее иностранными словами. Можетъ ли цензоръ указать такому проповѣднику на неумѣстность этихъ словъ въ проповѣди и замѣнить ихъ другими словами и выраженіями?—Безъ сомнѣнія, можетъ. Отсюда *третье* правило для цензора: онъ долженъ наблюдать, чтобы „языкъ поученій былъ внятнѣй, живой, простой, сообразный съ достоинствомъ предметовъ и мѣста ученія, удобопонятнѣй и безъ употребленія иностранныхъ словъ (Указы Св. Синода отъ 25 янв. 1821 г. и 19 іюня 1890 года)¹⁾.

Имѣя въ виду наставленія и примѣры Спасителя и св. апостоловъ, каждый пастырь долженъ выразить свою ревность къ славѣ Христовой твердымъ защищеніемъ интересовъ Церкви, *обличеніемъ пороковъ*, господствующихъ въ его приходѣ. Можетъ случиться, что при обличеніи пороковъ проповѣдникъ допуститъ слишкомъ рѣзкія выраженія. Имѣетъ ли право

¹⁾ Указъ Св. Синода отъ 19 іюня 1890 г. требуетъ еще *наглядности* выраженія мыслей и *конкретности* изложенія. Цензоръ, такимъ образомъ, долженъ наблюдать, чтобы „слово свое или бесѣду пастырь-проповѣдникъ подтверждалъ указаніями на примѣры людей добрыхъ и Богу угодившихъ, иначе сказать — освящавъ свою проповѣдь примѣрами и случаями изъ жизни святыхъ“.

цензоръ указать такому проповѣднику на неумѣстность рѣзкихъ выраженій въ поученіи? — Имѣеть полное право въ виду того, что рѣзкое обличительное поученіе принесетъ не столько пользы, сколько вреда. Митр. Филаретъ говоритъ, что „отъ неумѣренности въ обличеніяхъ можетъ родиться въ сердцахъ слушателей раздражительность, которая закладеть ухо сердца ихъ“. Вотъ почему и св. ап. Павелъ даетъ пастырямъ совѣтъ „исправлять въ духѣ кротости“ (Гал. 6, 1).

Наконецъ, въ проповѣди могутъ встрѣчаться такія мысли и разсужденія, которыя, по своей отвлеченности—а, быть можетъ, и намѣренно неясному изложенію,—могутъ быть не поняты слушателями, какъ слѣдуетъ, и повести къ превратнымъ толкованіямъ.—Цензоръ, по нашему мнѣнію, долженъ обратить особенное вниманіе свое на то, чтобы въ представляемыхъ поученіяхъ не были допускаемы разсужденія, которыя, по отвлеченности и неудобопонятности, могутъ породить въ слушателяхъ превратныя мысли и толкованія.

Если представленная для цензуры проповѣдь не удовлетворяетъ всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, то цензоръ имѣеть полное право не разрѣшать поученія къ произнесенію. Въ этомъ случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, только исполнить свой долгъ. У насъ же, если и найдется цензоръ, который желалъ бы какъ должно отнестись къ представляемому ему проповѣдямъ и указать на довольно крупныя подчасъ ихъ недостатки, то онъ рискуетъ возбудить ропотъ и нажить себѣ не мало непріятностей. Избѣгая всего этого, большинство цензоровъ разсмотрѣніе представляемыхъ имъ проповѣдей обыкновенно ограничиваетъ только своею подписью или стереотипными замѣчаніями, въ родѣ слѣдующихъ: „Проповѣдь сія Слово Божію не противна“; или: „Проповѣдь православна“ и т. п. Но такъ ли должно быть на самомъ дѣлѣ?—Вышеизложенныя законоположенія достаточно ясно показываютъ, чего долженъ цензоръ требовать отъ представляемыхъ на его разсмотрѣніе проповѣдей.

Свящ. *Іоаннъ Добронравовъ.*

По поводу переживаемыхъ событій военнаго времени ¹⁾).

II. ПАСТЫРЬ НА ВОЙНѢ.

Однажды, когда о. Гурьевъ былъ занятъ какою-то работою въ лазаретѣ, за нимъ присылаютъ въ операціонную палату. „Я,—разсказываетъ онъ,—отказался за спѣшнымъ недосугомъ; фельдшеръ прибѣгаетъ въ другой разъ и говоритъ: „Непремѣнно нужно, батюшка, и тамъ спѣшная работа“. Прихожу.—„Что вамъ нужно?“—спрашиваю д. Назарова.—„А вотъ гг. офицеры просятъ васъ“... Смотрю: въ палату принесены два тяжело раненые офицера: шт.-кап. Молчановъ и прап. Каневцевъ; у перваго перебита голень и сквозная рана въ груди, у другаго пуля засѣла въ коляѣнномъ суставѣ; ихъ принесли сюда для того, чтобы произвести окончательный діагнозъ ихъ ранъ и опредѣлить, нужно ли произвести немедленно ампутацію, или отпривать съ однѣми перевязками въ Боготь... Завидѣвъ меня, Каневцевъ, уже положенный на операціонный столъ, почти закричалъ мнѣ: „Батюшка, подите сюда“. Я подошелъ.—„Станьте, пожалуйста, вотъ тутъ, возлѣ меня“, умоляющимъ голосомъ проговорилъ онъ. Бѣдный молодой человекъ былъ въ страшно возбужденномъ, почти истерическомъ состояніи.—„Что они хотятъ со мною дѣлать?“—испуганно-растерянно спросилъ онъ, смотря какими-то пронзительно-устремленными на меня глазами. Тихо, снокойно я разсказалъ ему, зачѣмъ принесли его сюда, что и для чего хотятъ сдѣлать, и завѣрилъ священническою совѣстью, что ни въ какомъ случаѣ ему не будутъ теперь же дѣлать операцію. Онъ немного успокоился; но только-что наложили хлороформъ, какъ съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій нервный припадокъ, онъ чуть не соскочилъ со стола. Опять нѣсколько минутъ я долженъ былъ урезонивать

¹⁾ См. № 37 с. г.

его, пока онъ снова успокоился. Когда хлороформъ подѣйствовалъ, и онъ безчувственно заснулъ, Назаровъ и другіе врачи рассказали мнѣ, что то же самое, что я ему говорилъ, они повторяли десять разъ, увѣряя его честнымъ словомъ; но онъ ничего слушать не хотѣлъ, твердя настойчиво: „Позовите ко мнѣ батюшку“... Диагнозъ Молчанова не требовалъ хлороформа, и врачи признали возможнымъ отправить его въ такомъ положеніи въ Боготъ на усмотрѣніе знаменитаго Пирогова. То же самое порѣшили и о Каневцевѣ“ (Письмо изъ Трестеника отъ 3 дек. 1877 г.; кн. 3, стр. 644—645).

Чрезвычайно успокоительно вліяетъ на больныхъ и раненыхъ заботливое и нѣжное отношеніе къ нимъ въ госпиталѣ, особенно священника. Они смотрятъ на священника, не просто какъ на добраго и отзывчиваго человѣка, готоваго помочь, чѣмъ умѣетъ и можетъ, но какъ на слугителя Божія и небеснаго посланника, обладающаго благодатною силою ниспосылать миръ въ страждущую душу и успокоивать ее такъ, какъ никто другой изъ окружающихъ не въ состояніи успокоить. Поэтому, великую радость приноситъ всегда приходъ священника въ госпиталь, а тѣмъ болѣе, когда онъ является сюда со святыней, также когда приходитъ пріобщать больныхъ св. Таинъ, или когда приноситъ имъ изъ храма привѣтствіе съ Свѣтлымъ Праздникомъ. „Въ прошлое воскресенье (6 ноября) я служилъ обѣдницу и молебень,—пишетъ о. Гурьевъ отъ 10 ноября 1877 г.:—по окончаніи богослуженія я обходилъ со св. крестомъ всѣ наши лазаретные шатры и всѣ землянки, гдѣ помѣщаются наши больные, которыхъ у насъ было въ то время 298 человѣкъ. Это посѣщеніе благотворно дѣйствуетъ на болящихъ: многіе со слезами радости и горячей молитвы прикладываются ко кресту, слабые подползаютъ на колѣнахъ, а къ самымъ слабымъ, не могущимъ повернуться, самъ я подползаю... Посмотрѣли бы вы, съ какою невыразимою отрадою встрѣчаютъ меня эти *недугующіе, страждущіе!* Мнѣ самому это хожденіе доставляетъ много утѣшенія: на душѣ становится какъ-то легче, отраднѣе“... (кн. 1 стр. 690).

Или вотъ какъ описываетъ о. Гурьевъ посѣщеніе имъ лазарета въ первый день *Пасхи*: „О, какъ же утѣшилъ меня Господь среди нашихъ *недугующихъ, страждущихъ и обремененныхъ!*.. Не умѣю описать той скорбной радости, тѣхъ слезъ умиленія, съ которыми повсюду встрѣчали насъ, когда мы входили въ палатки и дома съ громкимъ пѣніемъ *Христосъ воскресъ!* Никогда не забуду одного случая: входимъ мы въ небольшую комнату, гдѣ лежали одни только наши многострадальные фельдшера—эти истинные, но не вполне признанные доселѣ ратоборцы-труженики минувшей войны. Слѣва, у самой двери, на полу лежитъ фельдшеръ Ладановъ въ сильнѣйшемъ періодѣ возвратнаго тифа: у него постоянный бредъ, и мнѣ врачи наши сообщили уже, что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе. Въ ту минуту, когда мы переступили порогъ и громко запѣли: *Христосъ воскресъ*, Ладановъ быстро поднялся на своемъ убогомъ ложѣ, устремивъ на насъ широко раскрытые, докрасна распаленные глаза свои, прислушался, и вдругъ, зарыдавъ, началъ, сколько было силы, подпѣвать изъ наболѣвшей груди: *Христосъ воскресъ!*.. Изъ лазарета мы перешли въ полковой околотокъ, размѣщенный въ трехъ домахъ. Не спрашивайте, какая была обстановка въ этомъ несчастномъ околоткѣ,—и теперь даже страшно вспоминать, и не дай Богъ никому видѣть... Съ невыразимо-отрадными слезами радости и умиленія встрѣчали насъ вездѣ; многіе изъ болящихъ, обращаясь ко мнѣ съ благодарными слезами на глазахъ, простодушно заявляли, что *теперь* и у нихъ праздникъ, что я *сдѣлалъ* имъ праздникъ... Заходимъ мы и къ болящимъ врачамъ нашимъ и къ офицерамъ,—вездѣ радость неподдѣльная, сердечная, удовольствіе высокое!..“ (кн. 6, стр. 155—156).

На войнѣ устанавливается тѣсная связь, *духовное родство* пастыря съ его многочисленною военною паствою. Это не потому только, что священникъ является добрымъ и неизмѣнно-отзывчивымъ другомъ больныхъ и раненыхъ въ лазаретѣ и на полѣ сраженія, но—и это главнымъ образомъ—

потому, что на войнѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо, ихъ сближаетъ единство тѣхъ высшихъ интересовъ, которыми безусловно всѣ живутъ въ военное время. Среди призраковъ смерти отходить на задній планъ вся *суета* нашей повседневной жизни, которая всего чаще отвлекаетъ людей отъ *вѣры*. На войнѣ забываются мелочи и дразги жизни, наполняющія ее въ мирное время. У всѣхъ беретъ преобладаніе надъ прочими душевными движеніями сознаніе важности и отвѣтственности лежащаго на плечахъ *дѣла*, кто бы это ни былъ—пусть даже послѣдній рядовой резерва. Всякому въ каждую минуту предносится возможная для него *смерть*... Въ этихъ-то своеобразныхъ условіяхъ военной жизни превосходно, по наблюденію о. Гурьева, и интеллигентомъ-офицеромъ оцѣнивается достоинство и значеніе въ жизни человѣка религіи и благодатнаго священства. „Большинство раненыхъ офицеровъ (въ Казанлыкскомъ лазаретѣ),—передаетъ свое наблюденіе о. Гурьевъ,—все люди молодые и все питомцы извѣстнаго періода шестидесятыхъ годовъ, выросшіе и въ семьѣ и въ школѣ подъ вліяніемъ свирѣпствовавшихъ тогда бредней Писарева, Чернышевскаго, Фейербаха, Бюхнера и *tutti quanti*... Понятно, что религіозное чувство парализовано было въ нихъ до послѣдней степени; но вотъ, благодаря шипѣнію турецкихъ пуль и ужасамъ кровавой битвы, это чувство проснулось, воскресло и заговорило въ нихъ такъ громко и сознательно, что теперь никакіе Фохты и Мошоты не ослабятъ его до конца жизни... Говорятъ: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился; а мы можемъ, съ своей стороны, прибавить къ этому—только не въ отрицательной, а въ положительной формѣ: кто въ битвѣ бывалъ, тотъ вѣрѣ въ Бога научился!.. Страшенъ этотъ урокъ, зато и памятенъ на всю жизнь“ (кн. 4, стр. 610—611).

Съ тяжелою сердечною болью переносятъ на войнѣ настыр и его пасомые необходимую разлуку. Предъ выѣздомъ изъ Казанлыка о. Гурьевъ пишетъ (отъ 12 февр. 1878 г.): „Сегодня я служилъ въ большомъ домѣ послѣднюю прощаль-

ную обѣдницу, такъ какъ на этой недѣлѣ, въ среду или въ четвергъ, мы непременно выступимъ отсюда. Не умѣю тебѣ объяснить, какъ и почему, но всякое *прощанье*, гдѣ бы оно ни было, всегда наводитъ на меня невольную грусть... Несмотря на самую тяжелую обстановку, несмотря на ежедневную, почти ежеминутную опасность зараженія, которой я лично подвергаюсь, находясь въ постоянномъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ тифозными, когда я ихъ исповѣдую или причащаю, мнѣ тяжело, мнѣ грустно было прощаться съ ними. Подъ вліяніемъ такого настроенія я служилъ обѣдницу беспокойно, съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ, которое самъ же слышалъ и котораго никакъ не могъ подавить въ себѣ. Настаетъ время чтенія Евангелія; беру въ руки божественную книгу живота и спасенія, раскрываю наугадъ, гдѣ откроется,—и что же ты думаешь? на какомъ мѣстѣ открылось?—*Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы!*.. Чуть не зарыдалъ я, читая эти высоко-отрадныя слова небснаго Утѣшителя!.. Такъ вотъ Кто остается съ моими *недугующими* и *обремененными*, вотъ Кто одинъ никогда не покидаетъ ихъ, никогда не уѣзжаетъ отъ нихъ!.. На душѣ у меня сдѣлалось какъ-то легко, легко... И посмотрѣлъ бы ты, какъ молились мои *недужные, обремененные* страдальцы: такой задушевной, такой простой, изъ самой глубины сердца вытекающей молитвы я ни разу еще не видалъ въ жизни!.. Прикладываясь ко кресту, многіе изъ нихъ цѣловали мою руку какимъ-то долгимъ лобзаніемъ, многіе цѣловали въ губы, въ щеку... Прощаніе вышло очень трогательное... Я что-то говорилъ имъ въ утѣшеніе, чѣмъ-то выражалъ имъ чувства, наполнившія мою душу, но словъ не помню,—не въ словахъ тутъ была сила, тутъ царило чувство, одно чувство, такое хорошее, святое!.. (кн. 5, стр. 577—578).—Радостно встрѣчаютъ раненые батюшку, и когда снова увидятъ его въ своемъ кругу. „Въ теченіе моей десятидневной отлучки (въ Адрианополь),—пишетъ о. Гурьевъ,—лазаретные уже не надѣялись меня увидѣть снова.—„Тутъ,

батюшка, послѣ васъ разговоръ у насъ пошелъ,—передавалъ мнѣ одинъ простодушный калѣка,—что коли-ежели, молъ, нашего батюшку въ Адрианополь потребовали, значить, тамъ ему и оставаться. Ну, теперь, слава Богу, воротились“ (тамъ же, стр. 574)... Есть ли большее утѣшеніе для пастыря и ббольшая радость, когда онъ видитъ, что съ такою горячею любовью относятся къ нему его духовныя чада?!

Какъ бы подводя итогъ своей пастырской дѣятельности на полѣ брани и въ лазаретѣ, среди мертвецовъ, больныхъ и раненыхъ, и давая ей нравственную оцѣнку, о. Гурьевъ ставитъ вопросъ: можно ли эту въ высшей степени напряженную, даже сверхчеловѣческую работу счесть подвигомъ?—Смиранный *русскій* пастырь, безъ лицемѣрія и притворной скромности, но съ полнымъ сознаниемъ и чистосердечно, безъ колебаній, отвѣчаетъ: „нѣтъ“. „Если бы *вы* были очевидцами (всѣхъ трудовъ и лишеній на войнѣ),—говоритъ онъ,—вы бы навѣрно сказали, что мы совершаемъ что-то важное, что каждый шагъ нашъ есть *подвигъ*; а мы именно этого-то и не признаемъ:—такъ *нужно*—вотъ и весь отвѣтъ, и всему дѣлу рѣшеніе... *Нужно* жить въ землянкахъ,—живемъ; *нужно* терпѣть голодъ,—голодъ терпимъ; *нужно* во что бы то ни стало взять Плевну,—взяли; *нужно* перевалить зимой черезъ Балканы,—перевалили. Въ этомъ словѣ для насъ непреложный законъ, который всѣ мы нравственно обязаны исполнить, это нашъ долгъ,—и всѣ—отъ фурштата до генерала вкдючительно—глубоко проникнуты сознаниемъ этого долга, непремѣнною обязанностью исполнить честно, добросовѣстно, по-русски. Какой же тутъ подвигъ? Мы убѣждены, что, кого ни поставь на наше мѣсто, будь только онъ русскій человѣкъ, непремѣнно онъ сдѣлаетъ то же самое и поступитъ именно такъ, какъ мы теперь. Значить, и вся наша заслуга состоитъ только въ томъ, что изо всѣхъ русскихъ людей намъ выпало счастье показать и доказать на дѣлѣ, какъ русскіе люди умѣютъ исполнять свой долгъ“ (изъ Казанлыка отъ 15 янв. 1878 г.; кн. 4, стр. 600).—Золотыя слова, достойныя добраго

русскаго пастыря, какъ и вообще всякаго русскаго человѣка! Совершая великое дѣло, русскій человѣкъ, въ какомъ бы званіи онъ ни былъ и какое бы служеніе ни несъ, никогда не мечтаетъ о славѣ, не рассчитываетъ, что за подвигъ его будутъ превозносить, признаютъ героемъ. Оттого-то онъ и не щадитъ живота своего и не задумываясь приноситъ себя въ жертву, когда это потребуется, за *отру, царя и отечество*.

Однако, скромность и смиреніе *добръ* потрудившихся на бранномъ полѣ нашихъ родныхъ *героевъ* не мѣшаетъ намъ, ихъ соотечественникамъ, воздать имъ сердечную дань признательности, любви и уваженія за все, понесенное ими въ бояхъ. Когда мы чувствуемъ героевъ, то прежде всего этимъ удовлетворяемъ собственной сердечной потребности выразить имъ глубокое сочувствіе по поводу тѣхъ ихъ великихъ и изумительныхъ *дѣлъ* на войнѣ, которыя не обинуясь признаемъ *подвигами*. Въ сочувствіи къ себѣ наши герои отказать намъ не могутъ. Оно для нихъ дорого. Съ большою признательностью о. Гурьевъ вспоминаетъ, напр., сердечную встрѣчу, устроенную мѣстнымъ обществомъ возвращавшимся домой героямъ въ Люблинѣ и трогательно рассказываетъ, какъ въ Николаевѣ какой-то маленькій гимназистъ поднесъ ему букетъ цвѣтовъ: „Я шелъ впереди полка съ крестомъ; взобрались мы на гору, вошли въ какую-то широкую улицу; масса народа стоитъ по обѣимъ сторонамъ шпалерами,—общій восторженный крикъ: ура! Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ маленькій прехорошенькій гимназистикъ и, подавая мнѣ отличный, роскошный букетъ, говоритъ: „Это вамъ, батюшка, за Плевну!..“ Вѣришь ли, мнѣ кажется, что самый орденъ съ мечами, пожалованный мнѣ за плевненскую битву, я получилъ, я взялъ въ первый разъ въ руки не съ такимъ удовольствіемъ, не съ такимъ хорошимъ чувствомъ, какъ этотъ первый букетъ отъ этого прелестнаго мальчугана“ (кн. 6, стр. 748, 741).

Дорого героямъ общее сочувствіе потому, что оно свидѣтельствомъ *внѣшнимъ* утверждаетъ цѣнность тѣхъ идеаловъ,

тѣхъ основъ русской жизни и русскаго міросозерцанія, которыя они мужественно защищали предъ врагомъ своею грудью. Чествованіе героевъ есть торжество общей нашей русской вѣры въ эти идеалы...

Н. Пальмовъ.

Знахари въ деревнѣ и необходимыя мѣры противъ нихъ со стороны духовенства.

Несмотря на несомнѣнно крупныя успѣхи современной научной медицины, которые сдѣланы ею за послѣдній вѣкъ, и которыми она по праву можетъ гордиться предъ своею прошлою исторіей, всеневная жизнь на каждомъ шагу убѣждаетъ всякаго, что эти блага далеко еще не составляютъ общаго достоянія страждущаго человѣчества. Только избранные люди изъ сравнительно привилегированныхъ классовъ общества могутъ еще пользоваться благодѣтельною помощію медицины, а для многихъ, особенно крестьянъ, это является почти недоступнымъ. Въ силу особыхъ, исторически сложившихся условій жизни, нашъ простой народъ по необходимости продолжаетъ еще держаться старозавѣтныхъ преданій и порядка. Для него почти не существуетъ разумной медицинской помощи, а потому онъ предпочитаетъ темныхъ цѣлителей. Знахари и знахарки, колдуны и ворожеи, повитухи и „бабушки“—вотъ дѣйствующій кадръ жрецовъ тьмы, невѣжества и довѣрчивости окружающихъ. Правда, народъ знаетъ о медицинѣ, убѣждается нерѣдко въ ея значеніи, но его отпугиваютъ отъ нея темныя элементы. Легіону неприванныхъ цѣлителей слишкомъ не выгоденъ возвратъ народа отъ старины, когда бабушки и знахарки были въ чести великой. Время, казалось, ушло далеко, но предрасудки старыя еще сохранились. За нихъ твердо держится корысть, ихъ обильно питаетъ безпросвѣтная тьма. А подъ кровомъ ея корыстолюбивые друзья народа обдѣлываютъ свои дѣла и запугиваютъ довѣрчивыхъ простолюдиновъ докторами и фельдшерами. Ихъ

обликъ не страшенъ деревнѣ, а страшны запугиванья: „подика къ доктору, онъ-те это вырѣжетъ, то отрѣжетъ, и станешь вѣкъ не человѣкъ“... А всезнающая знахарка и знахаръ лѣчатъ просто: взварь—внутри, снадобье—снаружи. Поможетъ—хорошо, не поможетъ—всѣ подь Богомъ ходимъ, умирать все равно когда-нибудь надо. И мрутъ безропотно и старые и малые. До доктора далеко, а свой домашній врачъ-знахарь—близко. Онъ имѣетъ подь руками и „свои средства“, вполне радикальныя и вѣрныя: или черезъ день выздоровѣетъ человѣкъ, или черезъ день послѣ приема ихъ помереть,—и опять—„какъ кому суждено“...

Картина слишкомъ привычная для каждаго русскаго человѣка и особенно знакомая тѣмъ, кто близко знаетъ сельскую народную жизнь. Не хочется вѣрить, что это происходитъ въ XX вѣкѣ, послѣ всѣхъ успѣховъ и триумфовъ прошлаго вѣка, преодолевшаго пространство, подчинившаго себѣ молнію, побѣдившаго цѣлый рядъ грозныхъ болѣзней!... А между тѣмъ, тяжелая дѣйствительность насильно убѣждаетъ въ этомъ.

Не трудно разгадать и причину такого грустнаго явленія. Стоитъ лишь познакомиться съ положеніемъ врачебнаго дѣла въ Россіи. По статистическимъ даннымъ, въ 1899 г. изъ 12482 врачей въ Россіи жили въ городахъ 9422 врача и только 3060 въ деревняхъ, т. е. менѣе $\frac{1}{4}$, при чемъ въ городахъ на одного врача приходилось 1700 человѣкъ, а въ деревнѣ 36000. Въ среднемъ, городской врачъ принимаетъ четырехъ больныхъ въ день, а сельскій—98. Если на каждаго больного употреблять по $\frac{1}{4}$ часа, то сельскій врачъ долженъ работать въ сутки больше 24 часовъ. Слѣдовательно, для деревень нужно еще 7200 врачей, чтобы сравнять ихъ съ городами въ отношеніи врачебной помощи. Не удивительно, поэтому, что знахари и колдуны, эти представители народной медицины, прочно держатся въ народѣ и пользуются сильной популярностью. Нельзя послѣ этого и народъ винить, что онъ обращается къ нимъ: ища спасенія, онъ невольно

бросается во всѣ стороны, гдѣ только видить хотя бы прозрачный проблескъ надежды. Въ этомъ случаѣ нашъ народъ оказывается въ буквальный смыслѣ въ положеніи утопающаго, который хватается за соломинку. Но видѣлъ-ли кто-нибудь, чтобы хотя одинъ утопающій нашелъ въ соломинкѣ спасеніе? То же самое, конечно, переживаетъ и простой народъ. Онъ часто не уклоняется отъ раціональной медицинской помощи, а страдаетъ отъ недостатка ея. Чтобы получить эту помощь при современномъ положеніи врачебнаго дѣла, надо десятки верстъ исколесить по нашимъ, воспѣтымъ поэтами и проклинаемымъ обывателями, проселкамъ и дорогамъ; но и это часто не оказывается дѣйствительнымъ. И вотъ, народъ, окруженный со всѣхъ сторонъ грозными болѣзнями, не встрѣчая медицинской помощи, естественно идетъ къ единственному своему совѣтнику-знахарю, вѣра въ таинственныя познанія котораго унаслѣдована имъ еще отъ предковъ.

Но, при всей своей естественности и неизбѣжности, деревенское знахарство—все-таки явленіе грустное, служащее показателемъ бѣдности, отсталости и беспомощности нашего деревенскаго населенія,—явленіе, которое желательно было бы уже видѣть отшедшимъ въ область преданій. Надѣяться на такую перспективу можно лишь въ далекомъ будущемъ, когда надъ темной деревней взойдетъ солнце знанія, и всюду будетъ доступна простому народу правильно-организованная научная помощь медицины. А когда наступятъ такіе свѣтлые и счастливые дни, то надъ народомъ свободно успѣетъ оправдаться русская пословица: „пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ“... Ясно, что народу необходимо придти на помощь въ его затруднительномъ положеніи теперь же. И въ этомъ случаѣ ближайшій долгъ лежитъ на всѣхъ интеллигентныхъ людяхъ, которые самую жизнь поставлены въ тѣсныя отношенія съ народомъ. А такъ какъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ часто единственно-интеллигентными лицами является наше духовенство, то ему прежде всего и удобнѣе всего, по своему положенію, оказывать посильную помощь темному люду.

У многихъ, однако, можетъ явиться вполне естественный вопросъ: какъ и чѣмъ можетъ сельское духовенство быть полезно народу въ этомъ смыслѣ?

Отвѣтъ на это едва ли можетъ затруднить духовенство, если только оно пожелаетъ искренно придти на помощь темному люду. Для этой цѣли оно располагаетъ многими вѣрными средствами, способными значительно измѣнить неприглядное положеніе дѣла. Особенно благодарная задача можетъ выпасть на долю тѣхъ изъ нашего духовенства, кто священствуетъ въ самыхъ глухихъ приходахъ, гдѣ нѣтъ никакой медицинской помощи, и гдѣ, поэтому, прочнѣе держится типъ самозванныхъ „цѣлителей“ разныхъ недуговъ. Тамъ даже было бы предосудительно играть роль посторонняго зрителя и закрывать глаза на происходящее. Голосъ чловѣколюбія зоветъ cadaго прилагать заботы къ ослабленію, если не къ полному уничтоженію, отзвуковъ давно забытаго язычества съ вѣрою въ чудесниковъ. Двойкій путь можетъ быть избранъ духовенствомъ для борьбы со зломъ: оно должно, съ одной стороны, парализовать значеніе сельскихъ знахарей чрезъ личное воздѣйствіе на нихъ и ихъ почитателей-односельчанъ, а съ другой—расположить крестьянъ къ разумной медицинской помощи, гдѣ она есть, въ противномъ же случаѣ—стараться замѣнить ее своими посильными совѣтами и указаніями, приобретаемыми знакомствомъ съ общераспространенною популярною медициною. Само собою понятно, что для всего этого потребуется не мало усилій и труда; но простое чловѣколюбіе и сознаніе полной безпомощности крестьянъ дадутъ силы преодолѣть препятствія. Во всякомъ случаѣ, затрудненія не могутъ и не должны остановить ревностнаго пастыря въ исполненіи имъ своихъ священныхъ обязанностей по отношенію къ своимъ пасомымъ, вѣреннымъ его духовному руководству и попеченію..

Въ большинствѣ случаевъ имя знахаря окружено въ народѣ особымъ ореоломъ таинственнаго и чудеснаго. На этотъ счетъ почти повсемѣстно, гдѣ только есть знахари, распро-

страняются самыя нелѣпыя сказки объ ихъ чудодѣйственныхъ талантахъ и познаніяхъ. Виновниками этихъ бредней являются, конечно, сами же знахари, сознательно устанавливающіе свой вѣсь чрезвычайными вымыслами. Когда положеніе твердо создано, тогда уже не трудно эксплуатировать темный людъ.—И вездѣ, гдѣ только есть знахари, ими употребляются одни и тѣ же приемы обмана, которыми они прежде всего заботятся установить свою таинственную связь и общеніе съ „вечистою силою“, чтобы тѣмъ легче вліять на толпу.

Само собою понятно, что, при извѣстной настойчивости, духовенство свободно можетъ разсѣять всѣ эти вредные вымыслы. Если же до сихъ поръ по мѣстамъ имѣютъ силу знахари, то причина лежитъ только въ томъ, что часто священники не обращаютъ на это никакого вниманія и даже не придаютъ этому явленію никакого значенія. Но едва ли можно легкомысленно смотрѣть на знахарей и обходить ихъ молчаніемъ. Ихъ вліяніе на народъ далеко не невиннаго свойства. Они сильно вредятъ самому же пастырю тѣмъ, что тормазятъ его просвѣтительную дѣятельность и задерживаютъ народъ въ темнотѣ, не говоря уже о томъ, что отбиваютъ его отъ разумной медицинской помощи. Поэтому, долгъ пастыря—своевременно принимать мѣры противъ такихъ непрошенныхъ „благожелателей“ народа. Для этого необходимо уяснять крестьянамъ, что тотъ или иной знахарь—ни больше, ни меньше, какъ простой обманщикъ, морочащій людей. Лучшее всего, конечно, разоблачать его вымышленные рассказы непосредственною провѣркою фактовъ. Тамъ, гдѣ знахарь старается показать, что извѣстное дѣйствіе произведено имъ при помощи злой силы, необходимо отыскать настоящую причину и дать крестьянамъ естественное объясненіе. Одновременно нужно воздѣйствовать и на самого знахаря. Ему слѣдуетъ разъяснить, что обманывать простыхъ людей нелѣпыми выдумками и грѣшно, и не честно. Если бы это вразумленіе не подѣйствовало, то можно даже прибѣгнуть къ церковной

епитиміи, а въ крайнемъ случаѣ—и къ содѣйствию полицейской власти. Это иногда бываетъ положительно необходимо, такъ какъ знахари не особенно охотно бросаютъ свое прибыльное ремесло.

Знахарство требуетъ особаго вниманія со стороны духовенства уже потому, что часто знахари, при лѣченіи разныхъ болѣзней, употребляютъ чисто кощунственныя дѣйствія чтобы тѣмъ больше укрѣпить вѣру окружающихъ въ свое общеніе съ злыми духами. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не имѣется на лицо предосудительныхъ и кощунственныхъ манипуляцій, а дѣло ограничивается однимъ лѣченіемъ болѣзней, знахарство должно быть по возможности искореняемо. Лѣченіе знахарей, какъ извѣстно, часто вмѣсто пользы приноситъ прямой вредъ. Сельскимъ жителямъ хорошо знакомо, сколько погибаетъ народу отъ этихъ доморощенныхъ докторовъ. Среди ихъ лѣкарствъ первое мѣсто занимаютъ обыкновенно ядовитыя вещества, напр., сулема, мышьякъ. Не имѣя никакого понятія о дозахъ, знахари составляютъ лѣкарства „на-глазъ“, а потому ихъ цѣлебная практика нерѣдко заканчивается смертью пациента, а въ лучшемъ случаѣ—послѣдній дѣлается калѣкою на всю жизнь. Особенно такая участь выпадаетъ на долю тѣхъ крестьянъ, которые имѣли несчастіе заболѣть такъ называемыми „секретными болѣзнями“. Конечно, удивительнаго въ этомъ очень мало. Что можетъ вылѣчить человѣкъ, который беретъ смѣло за починку сложной человѣческой машины, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни объ ея механизмѣ, ни о силахъ, приводящихъ ее въ движеніе? Мало того, знахарки въ селахъ иногда бываютъ причиною цѣлыхъ эпидемій, создаваемыхъ своеобразнымъ методомъ лѣченія. Въ свое время былъ въ газетахъ описанъ, напр., такой случай. Появилась въ одной деревнѣ оспа на одномъ ребенкѣ, но скоро потомъ развилась и цѣлая повальная болѣзнь. Откуда возникла такъ быстро эпидемія,—разгадка этого оказалась въ знахаркѣ. Послѣдняя

пришла на помощь своимъ крестьянамъ... Она посоветовала вытонить баню, куда собрали всѣхъ дѣтей для заговора, а одного больного—для излѣченія. Здѣсь „бабушка“ попарила вѣнникомъ больного ребенка, а потомъ тѣмъ же вѣнникомъ принялась и за здоровыхъ, сопровождая процессъ лѣченія соотвѣтствующими заговорами. Исходъ лѣченія оказался самый блестящій: оспа съ „одного вѣничка“ пришла на всѣхъ дѣтей.—Бываютъ и такія обстоятельства въ деревенской жизни, когда знахарки пользуются своимъ искусствомъ для безнравственныхъ цѣлей. Особенно широкую практику знахаркамъ доставляютъ провинившіяся или, по народному выраженію, „согрѣшившія“ дѣвушки или солдаты, которымъ нужно „покрыть грѣхъ“, т. е. устранить слѣды проступка. Но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, дѣло нерѣдко оканчивается крайне печально для пользуемыхъ пациентокъ. И несмотря на это, знахарки продолжаютъ со спокойною совѣстью дѣйствовать на пользу общую, заботясь больше всего о своемъ карманѣ, а не о погибающихъ людяхъ. Положить предѣлъ такой дѣятельности знахарокъ и оберечь населеніе отъ ихъ неумѣстныхъ услугъ и составляетъ прямую обязанность духовенства.

Случается, конечно, что и народная медицина иногда владѣетъ нѣкоторыми полезными познаніями, что доказано даже научными изслѣдованіями нѣкоторыхъ дотолѣ неизвѣстныхъ цѣлебныхъ лѣкарствъ, и мы вовсе не отрицаемъ огульно ея значенія. Даже и научно образованные доктора не совсѣмъ пренебрегаютъ этой областью. Опыты ихъ показали, что народная медицина содержитъ въ себѣ крупинцы истины, весьма цѣнныя для страждущаго человѣчества. Но такія явленія настолько рѣдки, а польза народной медицины такъ незначительна по сравненію съ громаднымъ вредомъ, что существованіе ея на ряду съ научной медициной не только не желательно, а даже не терпимо. Поэтому, нужно употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы отвлечь народъ отъ

его знахарей и направить въ сторону разумной медицинской помощи, гдѣ, конечно, такая имѣется.

Но здѣсь можетъ возникнуть вполне естественное затрудненіе. Какъ долженъ поступать священникъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ медицинская помощь совершенно отсутствуетъ? Вѣдь извѣстно, что врачебныхъ участковъ слишкомъ еще мало, и они находятся часто на такомъ большомъ разстояніи, что далеко не каждый крестьянинъ имѣетъ возможность воспользоваться совѣтомъ врача. Ясно, что, парализуя значеніе знахарей въ народѣ, послѣднему необходимо взаимно этого предлагать положительную помощь, которой совершенно негдѣ получить въ глухихъ селахъ и деревняхъ.—Въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, для священника необходимо имѣть самому хотя бы элементарныя познанія въ медицинѣ. Это является далеко не лишнимъ даже и тогда, когда по близости имѣется врачъ. Случается, напр., что въ приходѣ неожиданно заболѣваетъ серьезною болѣзнь крестьянинъ. Прежде чѣмъ обращаться въ больницу, его домашніе обыкновенно сбѣгаютъ къ батюшкѣ съ приглашеніемъ приобщить больного, благодаря чему священникъ оказывается первымъ лицомъ, констатирующимъ опасную болѣзнь. Не имѣя никакого понятія въ медицинѣ, какъ можетъ онъ помочь бѣдѣ до прибытія врача или фельдшера? А между тѣмъ, это иногда бываетъ совершенно необходимо, при крайней безпомощности нашихъ крестьянъ, которые обыкновенно полагаются на „авось“. Но болѣзнь не терпитъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ малѣйшее упущеніе ведетъ къ роковому исходу. Важно, поэтому, сдѣлать первоначальное указаніе, а то и просто посоветовать немедленно обратиться къ врачу, что крестьяне иногда не догадываются сдѣлать.—Что знакомство съ медициной нужно въ пастырской практикѣ, это прекрасно сознаютъ и сами пастыри, чувствуя постоянно свое безсиліе оказать помощь въ неотложныхъ случаяхъ. Доказательствомъ этого служить тотъ фактъ, что нѣкоторые пастыри, наученные опытомъ, знакомятся съ медициной и даже заводятъ у себя домашнія

аптечки, гдѣ имѣють самыя необходимыя медикаменты. Лучшими помощницами въ этомъ дѣлѣ являются жены священниковъ, которыя добровольно принимаютъ на себя трудъ облегчать страданія больныхъ крестьянъ, за что, конечно, и пользуются въ приходѣ общою любовью и уваженіемъ. Онѣ то сами лѣчатъ крестьянъ, гдѣ это посильно, а то руководятъ лѣченіемъ, назначеннымъ врачомъ. А нашему крестьянину бываетъ нужно даже и это послѣднее. По своему непониманію, онѣ нерѣдко вмѣсто пользы отъ лѣкарства больше вредить себѣ... И сколько можетъ найтись случайностей, которыми такъ богата жизнь простолюдина, когда священникъ или его жена сумѣють оказать темному люду незамѣнимую услугу!.. Въ этомъ, кстати замѣтимъ, лежитъ одно изъ вѣрныхъ средствъ возвысить и свой авторитетъ среди прихожанъ. Крестьянинъ всегда оцѣнитъ своего батюшку, когда онѣ является врачомъ не только духовныхъ его немощей, но и физическихъ. Нѣтъ даже нужды это доказывать: всякому понятно само собой...

Независимо отъ разныхъ случаевъ изъ области пастырской практики, знакомство съ медициной пригодится каждому священнику и въ его частной жизни. Сельскій священникъ, за отсутствіемъ близкой помощи врача, всегда рискуетъ оказаться въ безвыходномъ критическомъ положеніи, когда заболѣетъ самъ лично или кто-нибудь изъ членовъ семьи. Не имѣя подъ руками никакихъ лѣкарствъ и безъ всякаго представленія о характерѣ болѣзни, невольно придется полагаться на силу и сопротивляемость организма и лѣчиться первобытнымъ способомъ, т. е. переживать то же состояніе, какое испытываютъ и крестьяне. Такъ въ дѣйствительности и случается. Но что простиительно для крестьянъ, то вовсе не къ лицу духовенству, которое легко можетъ избавиться отъ подобной безпомощности. А при современной популяризаціи научныхъ познаній не составитъ и труда усвоить необходимыя для постоянного обихода свѣдѣнія по медицинѣ. Былое время, когда медицина была окутана таинственной непостижимостью

и составляла достояніе избранныхъ лицъ, теперь миновало. Всякій образованный человекъ, при общедоступномъ изложеніи всѣхъ тайнъ этой науки, легко можетъ воспользоваться нужными познаніями и средствами не только самъ, но и подѣлиться съ нуждающимися крестьянами. На помощь въ этомъ духовенству приходятъ разныя дешевыя изданія и журналы по медицинѣ, отличающіеся такою простотою и ясностью изложенія, что свободно могутъ быть понимаемы даже крестьянами. Слѣдовательно, съ этой стороны никакихъ затрудненій не можетъ встрѣтиться, лишь бы было доброе расположеніе...

Въ виду всѣхъ изложенныхъ доводовъ въ пользу необходимости знакомства духовенства съ медициной, является вполне желательнымъ, чтобы преподаваніе медицины было введено во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ. Польза отъ этого неоспорима, а въ желаніи изучать такую живую науку едва ли можетъ быть сомнѣніе. При этомъ можно бы преподавать самыя существенныя и необходимыя свѣдѣнія по анатоміи, гигиенѣ, діагностикѣ и терапіи, чтобы воспитанники, выходя изъ семинаріи, имѣли ясное понятіе о разумной медицинѣ и въ своемъ служеніи могли приходить на помощь страждущему темному люду. Преподаваніе медицины слишкомъ мало потребуетъ расходовъ при существованіи при каждой семинаріи больницы и постояннаго врача ¹⁾.

¹⁾ Извлеч. изъ ст. А С—ина (Орл. еп. в., 1904 г., № 24).

Завѣты престарѣлаго іерея молодымъ духовнымъ лицамъ.

Грустное, очень грустное явленіе наблюдается въ послѣднее время: религіозность падаетъ не только среди свѣтскихъ людей, но отчасти даже среди духовенства.

Припомните прежнихъ духовныхъ—священниковъ и прочихъ членовъ причта. Какъ они были религіозны, какъ истово

¹⁾ Извлеч. изъ ст. А С—ина (Орл. еп. в., 1904 г., № 24).

совершали богослуженіе, какъ долго, бывало, вычитывали положенныя предъ священнослуженіемъ правила, какъ поддерживали религіозность въ семьѣ, какъ строго соблюдали посты и т. п.! Правда, что въ прежнія времена духовныя лица сами мало читали книгъ, особенно свѣтскихъ, вслѣдствіе чего мало были развиты, мало заботились и о просвѣщеніи народа; но зато они удовлетворяли религіозныя потребности прихожанъ какъ должно, безъ торопливости и поспѣшности, какъ это теперь часто бываетъ.

Какъ сами истинно-вѣрующія, духовныя лица прежняго времени поддерживали религіозность и въ наствѣ своей. Они обладали великимъ сокровищемъ, которое не всегда можно встрѣтить у духовенства „новой формаціи“. Это сокровище—религіозность, которая такъ важна для всѣхъ, въ особенности же для духовенства. Вѣдь мы—соль земли, вѣдь мы—свѣтъ міра, вожди другихъ именно прежде всего въ дѣлахъ вѣры. Какими же мы можемъ быть *свѣтлыми* вождями, если сами будемъ слѣпы, если сами не будемъ имѣть того, что свѣтитъ другимъ?

Пришлось мнѣ познакомиться съ однимъ уже немолодымъ священникомъ. Когда мы съ нимъ разговорились по поводу ослабленія религіозности въ духовенствѣ, онъ сообщалъ, между прочимъ, о себѣ лично слѣдующее. „Я,—сказалъ онъ,—воспитывался въ семьѣ, гдѣ сохранялась глубокая, искренняя религіозность. Какъ сейчасъ помню: бывало, когда отецъ мой готовился служить, то вечеромъ вычитывалъ усердно правило предъ большою иконою Спасителя, несущаго крестъ. Мать и мы, дѣти, тоже обыкновенно при этомъ молились, стоя на колѣняхъ позади отца. Въ духовномъ училищѣ и въ семинаріи насъ, разумѣется, обязательно заставляли ходить въ церковь, при чемъ ходили мы не только къ утренѣ и обѣднѣ, но и къ вечернѣ по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. На квартирахъ заставляли насъ неопустительно читать вечернія и утреннія молитвы и т. п. По окончаніи курса въ семинаріи я тотчасъ же поступилъ священникомъ въ село. Помню, съ

какимъ я религиознымъ подъёмомъ духа принималъ таинство священства, съ какимъ благоговѣніемъ совершалъ божественныя службы въ первое время послѣ своего постриженія въ санъ священника!.. Потомъ, подъ вліяніемъ чтенія свѣтскихъ книгъ, а также и общества, среди котораго приходилось вращаться, особенно общества свѣтской молодежи, религиозность моя стала мало-по-малу ослабѣвать. Я—не то, чтобы потерялъ вѣру, но сталъ *ни теплъ, ни хладенъ* къ ней. Врагъ нашего спасенія, *искій кого поглотити*, хотѣлъ меня, многогрѣшнаго раба, погубить. Но многомилостивый Господь не попустилъ, чтобы я погибъ, а сотворилъ такъ, что я вскорѣ снова *пришелъ въ разумъ истины*. Одинъ разъ молился я Божіей Матери и называлъ Ее заступницею усердною, защитницею вдовъ и сиротъ и ихъ кормилицею и при этомъ, окаянный, осмѣлился подумать, что, если бы Она дѣйствительно помогала всѣмъ нуждающимся, то такихъ людей и не было бы на свѣтѣ. Потомъ подумалъ: „вотъ у меня есть въ городѣ одна родственница-вдова, которая страшно бѣдствуетъ. Если бы Ты, Пресвятая Богородице, помогла этой несчастной женщинѣ, тогда я бы не сомнѣвался въ Твоей помощи всѣмъ страждущимъ и обременнымъ напастьми“. И что же бы вы думали? — Черезъ мѣсяць послѣ этого она, при моей самой маленькой денежной поддержкѣ на первоначальное обзаведеніе, сняла квартиру, стала держать квартирантовъ и съ тѣхъ поръ живетъ совершенно безбѣдно, благословляя Бога... Глубоко вѣрю, что Царица Небесная помогла несчастной.—Другой подобный же поразительный случай былъ уже лично со мной въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ,— продолжалъ онъ.— У меня сильно началъ болѣть правый бокъ. Сначала я употреблялъ разныя домашнія средства, но ничто не помогало. Послалъ за врачомъ, а самъ лежу въ постели и не могу почти пошевеливаться. На стѣнѣ около кровати висѣла икона новоявленного угодника Божія— преп. Серафима Саровскаго. — „Отчего бы мнѣ, — подумалъ я,— не попросить новоявленного чудотворца, чтобы онъ и мнѣ помогъ, какъ помогъ уже многимъ, особенно во время

открытія св. его мощей?“—Съ глубокою вѣрою обратился я съ молитвою къ преп. Серафиму, положилъ его икону на больное мѣсто, — и нестерпимая до тѣхъ поръ боль въ боку моментально прекратилась и потомъ уже не возобновлялась... *О чудесе!.. Дивна дѣла Твоя, Господи!.. Много можетъ мольба Матери Божіей и св. угодниковъ ко благосердію Владыки!..* Съ того времени я совершенно измѣнился и о своемъ прежнемъ маловѣріи не могу безъ дрожи вспомнить“, закончилъ свой рассказъ священникъ.

Бойтесь же, молодые собратья, потерять св. вѣру. Безъ св. вѣры человѣкъ — что корабль въ морѣ безъ руля и компаса.

Престарѣлый іерей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 13-го сентября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Авц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 39.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 26-го сентября.

Содержаніе: Къ дѣятельности сельскаго духовенства во время мобилизаціи.—
Юридическая помощь священнику.— По своей дорогѣ (разсказъ).—
Завѣты престарѣлаго іерея молодымъ духовнымъ лицамъ (продол-
женіе).

Къ дѣятельности сельскаго духовенства во время мобилизаціи.

Рѣдкая по своему кровопролитію и весьма трудная вслѣд-
ствіе нашей фактической неподготовленности и крайней отда-
ленности театра военныхъ дѣйствій, наша война съ Японіей
грозитъ затянуться на довольно продолжительное время и
потребуетъ отъ насъ слишкомъ еще большихъ жертвъ вне-
реди. Въ то время, какъ доблестные защитники Портъ-Ар-
тура удивляютъ весь міръ своимъ необыкновеннымъ героизмомъ
и успѣли покрыть себя неувядаемой славой; въ то время,
какъ Манчжурская армія искусно задерживаетъ наступленіе
врага на сѣверъ и готовится нанести ему рѣшительный
ударъ,—нашъ Тихо-океанскій флотъ потерпѣлъ рядъ неудачъ,

значительно затруднившихъ благополучное и близкое окончаніе войны. Особенно чувствительна для насъ неудача, постигшая Портъ-Артурскую эскадру, когда она сдѣлала попытку прорвать блокаду и соединиться съ эскадрой Владивостокской. 28-го іюля въ 9 часовъ утра Портъ-Артурская эскадра, какъ извѣстно, со всеми предосторожностями, при радостныхъ кликахъ и самыхъ искреннихъ благопожеланіяхъ портъ-артурцевъ, вышла почти въ полномъ своемъ составѣ въ Желтое море подѣ начальствомъ прославившагося уже своими подвигами въ настоящую войну контръ-адмирала Витгефта, отдавшаго ясный и точный приказъ всемъ судамъ идти, во что бы то ни стало, во Владивостокъ. Первый бой съ значительно превосходившими силами противника, благодаря искусному маневрированію нашей эскадры, сопровождался довольно удачными для насъ операціями, и все, повидимому, сулило блестящую удачу смѣло задуманному предпріятію. Но вотъ непріятельскій снарядъ попадаетъ въ башню флагманскаго судна, и осколкомъ убиваетъ наповаль славнаго командира эскадры. Начальствованіе переходитъ, по старшинству службы, къ контръ-адмиралу кн. Ухтомскому, который даетъ сигналъ: „слѣдовать за мной“. Прикрѣпленный къ поручнямъ мостика, сигналъ этотъ былъ, по всей вѣроятности, прочитанъ не всеми судами, да къ тому же никто изъ командировъ отдѣльныхъ судовъ, безъ сомнѣнія, не могъ и понять его въ смыслѣ возвращенія въ Портъ-Артуръ, потому что это разрушало бы задачу всего предпріятія и рѣшительно ничѣмъ не вызывалось. Слѣдствіемъ этого и послѣдовавшаго затѣмъ цѣлаго ряда другихъ недоразумѣнійъ былъ „разбродъ“ нашей эскадры. Главныя силы ея уведены были изъ боя въ Портъ-Артуръ, гдѣ обречены теперь на полное почти бездѣйствіе; прорвавшіяся же суда подверглись преслѣдованію со стороны во много разъ превосходившаго непріятельскаго флота, и нѣкоторыя были потоплены, другія же хотя и укрылись въ нейтральныхъ портахъ, но, по требованіямъ международнаго права, разружены и для всей настоящей войны потеряны. Такимъ об-

разомъ, мы теперь остались почти безъ флота на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ какъ и Владивостокская крейсерская эскадра, вѣдствие неудачи эскадры Портъ - Артурской, потеряла также большой уронъ. *Вторая* же Тихо-Океанская эскадра, подъ командой контръ-адмирала Рождественскаго, скоро прійти на Дальній Востокъ не можетъ, да и отъ дѣйствій ея такого успѣха уже едва ли можно ожидать, на какой можно было съ увѣренностію рассчитывать, если бы *первая* эскадра не понесла столь чувствительныхъ потерь. Японія же—держава морская, и поражение ея на сушѣ, особенно если взять во вниманіе необыкновенное упорство и чисто болѣзненное самоувѣреніе и самолюбіе нашего противника, не положить конца войнѣ до тѣхъ поръ, пока мы не сдѣлаемся господами и на морѣ и не начнемъ громить самыхъ Японскихъ острововъ. А это совершиться скоро не можетъ.

Такимъ образомъ, война наша съ Японіей затянется еще на довольно продолжительное время, и намъ придется не разъ прибѣгать къ мобилизаціи не только частичной, а, можетъ быть, и общей, къ призыву на дѣйствительную службу и къ отправкѣ на театръ военныхъ дѣйствій запасныхъ чиновъ арміи. Въ виду этого, поднятый о. Доброправовымъ въ напечатанномъ въ № 36-мъ нашего журнала за текущій годъ „Открытомъ письмѣ братьямъ-сопастырямъ“ вопросъ о томъ, въ чемъ можетъ особенно благодѣтельно проявиться дѣятельность приходскаго духовенства въ настоящіе тяжелые для нашего отечества дни, получаетъ весьма важное значеніе не только въ той части своей, гдѣ онъ приглашаетъ братьевъ-сопастырей къ помощи находящимся на театрѣ военныхъ дѣйствій, но не меньше и въ той, гдѣ онъ проситъ прійти на помощь и оставшимся безъ кормильца семьямъ призванныхъ на дѣйствительную службу нижнихъ чиновъ запаса. О. Доброправовъ намѣчаетъ въ общемъ и главнѣйшіе способы и средства для осуществленія этого послѣдняго рода помощи, при чемъ намъ достовѣрно извѣстно, что весьма и весьма многіе изъ

сельскихъ приходскихъ священниковъ съ первыхъ же дней мобилизаціи заявили уже себя въ этомъ отношеніи съ самой лучшей и желательной стороны. Какъ на образецъ сколько „безхитростной“, столько же благодѣтельной и многоплодной дѣятельности такой, укажемъ на дѣятельность одного сельскаго священника Новгородской епархіи. „Конечно, — читаемъ въ письмѣ его въ редакцію Новгородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, — всѣ мои собратья прекрасно понимаютъ, какими послѣдствіями для крестьянскаго хозяйства будетъ сопровождаться призывъ нерѣдко единственнаго кормильца семьи въ ряды дѣйствующей арміи. Всѣ и безъ моихъ описаній были свидѣтелями того тяжелаго раздумья объ участи оставляемой семьи и тѣхъ слезъ, которыми жены и дѣти провожали на войну своихъ мужей и отцовъ. Я, посмотрѣвъ-шись на эти картины, самъ для себя рѣшилъ слѣдующее.

„Первое. Какъ и многіе, — а, можетъ быть, и всѣ мои собратья, — я съ начала войны починаю о здравіи за каждой литургіей всякаго изъ своихъ прихожанъ, который только состоитъ въ рядахъ дѣйствующей арміи. Объ этомъ я нашель нужнымъ сказать своимъ пасомымъ — не для того, конечно, чтобы они благодарили меня, — нѣтъ! Мысль у меня была та, что это сообщеніе дастъ нѣкоторую отраду тѣмъ семействамъ, у которыхъ тамъ, за тысячи верстъ, сражается съ японцами ихъ сынъ или братъ. Теперь, съ призывомъ запаса, мой списокъ починаемыхъ о здравіи увеличится. И опять — въ утѣшеніе родителямъ, женамъ и дѣтямъ отправившихся на войну — я объявилъ въ церкви о своемъ намѣреніи молиться о здравіи призванныхъ изъ запаса воиновъ. Имена всѣхъ ихъ я читаю на сугубой ектеніи.

„Второе. И доселѣ я старался не проходить мимо того дома, пасельники котораго встрѣчали и провожали день думами о своихъ присныхъ въ Манчжуріи, Портъ-Артурѣ или Владивостокѣ. И на будущее время я проникнуть твердымъ намѣреніемъ по возможности чаще заглядывать въ тѣ избы,

гдѣ и среди трудового лѣтнего времени мысли то и дѣло обращаются къ воину-мужу, сыну или брату.

„Третье. Доселѣ я съ искреннимъ усердіемъ собиралъ трудовыя конейки и холсты въ пользу Краснаго Креста. Теперь меня озабочиваетъ мысль о помощи тѣмъ семействамъ, въ которыхъ послѣ мобилизаціи остались женщины съ малолѣтними дѣтьми. Нѣкогда я самъ у себя собиралъ такъ называемыя *помочи* для того, чтобы скосить траву или сжать рожь; обычай, правда, давно уже оставленъ мною, такъ какъ я не счелъ удобнымъ для себя угощать *помочанъ* водкою, до которой они такіе охотники, и которая въ громадномъ количествѣ истребляется на всякой *помочи*. Теперь, если Богъ судить, я попытаюсь возобновить *помочи*, но уже не для своихъ нуждъ, а для того, чтобы облегчить трудъ тѣхъ семействъ, въ которыхъ на войну отправился глава семьи, оставивъ жену и малолѣтнихъ дѣтей. Надѣюсь не на себя, а на Бога и на доброе сердце нашихъ крестьянъ. И я вѣрю, вѣрю непременно, что сосѣди, въ удобное для нихъ время, по моему призыву, не откажутся и безъ всякаго угощенія деревней поработать на полосахъ своихъ односельчанъ-воинновъ.

„У меня есть, далѣе, церковно-приходское попечительство. Думаю, что и оно удѣлитъ свою посильную ленту въ помощь особенно нуждающимся семействамъ воинновъ.

„Накопецъ, не постыжусь, а почту за великую для себя честь пойти и попросить у наиболѣе состоятельныхъ прихожанъ деньжонокъ или, если понадобится, то хлѣба, сѣна и пр. для тѣхъ же семействъ...

„Пишу это единственно въ той мысли, что, можетъ быть, и другіе мои собратья откликнутся на этотъ вопросъ, указавши и еще новыя пути для облегченія участи *труждающихся и обремененныхъ*“.

Дай Богъ побольше такихъ добрыхъ, ревностныхъ пастырей, всею душею входящихъ въ тяжелое положеніе своихъ

обездоленныхъ прихожанъ! Много вольютъ они отрады и благодатнаго утѣшенія въ истерзанныя сердца ихъ, много горькихъ слезъ утрутъ у плачущихъ,—а ихъ теперь очень много по необъятнымъ пространствамъ Руси Святой!. *Память такихъ пастырей навѣки пребудеть во благословеніи.*

Юридическая помощь священнику.

Въ настоящее время дѣятельность приходскаго пастыря осложнилась весьма многими обязанностями. Большую часть изъ нихъ составляютъ, конечно, обязанности, налагаемыя духовнымъ начальствомъ. Однако, есть не мало и такихъ, которыя налагаются, такъ сказать, извнѣ, и которыя, тѣмъ не менѣе, составляютъ все-таки обязанности, требующія въ исполненіи своемъ полнаго вниманія и обстоятельнаго знакомства съ существующими на тотъ или другой случай распоряженіями, правилами, узаконеніями. Неправильное исполненіе обязанностей сопровождается нежелательными послѣдствіями: въ лучшемъ случаѣ это будетъ передѣлка уже сдѣланнаго, въ худшемъ — штрафы и другія наказанія. Такимъ образомъ, для пастыря Церкви является въ настоящее время насущной необходимостью знать тотъ сводъ распоряженій и узаконеній, которымъ точно регламентировалась бы вся его officialная, такъ сказать, дѣятельность, гдѣ точно изображались бы его права, равно какъ и всѣ обязанности, помимо, конечно, собственно пастырскихъ.

Такого сборника распоряженій, который исчерпывалъ бы все, что до обязанностей священника относиться можетъ, не существуетъ, да и быть не можетъ, какъ по чрезвычайной универсальности, которую долженъ былъ бы имѣть въ себѣ таковой сборникъ, такъ, главнымъ образомъ, и потому еще, что распоряженія и узаконенія имѣютъ текущій характеръ, т. е. каждый день можетъ приносить ихъ или совершенно новыя, дотолѣ не существовавшія, или же такія, которыми

прежніи распоряженія или измѣняются, или же совершенно отмѣняются. Но если полнаго сборника руководственныхъ указашій для пастыря и не существуетъ, однако все-таки сборники, исчерпывающіе пастырскую практику въ значительной степени, имѣются въ достаточномъ количествѣ.

1) Въ ряду такихъ сборниковъ прежде всего можно указать „Сборникъ постановленій и распоряженій по Самарской епархіи“, составленный, какъ значится на обложкѣ, секретаремъ Самарской духовной консисторіи В. Соловьевымъ (изданіе 1899 года). Сборникъ этотъ, заключающійся въ *двухъ* томахъ, довольно объемистый и съ виду (825—592 стран.), содержитъ въ себѣ *всѣ* начальственные распоряженія, касающіяся духовенства вообще и Самарскаго въ частности, каковыя можно было собрать ко времени изданія „Сборника“. Хотя составителемъ „Сборника“ официально значится В. Соловьевъ, однако по существу дѣла должно сказать, что „Сборникъ“ этотъ представляетъ собою коллективный трудъ почти всей Самарской консисторіи. Въ составленіи его, кромѣ В. Соловьева, трудились протоіерей В. В. Лаврскій, столоначальники консисторіи и канцелярія вообще. Цѣлью же изданія было, съ одной стороны, ознакомить духовенство епархіи съ кругомъ его обязанностей и формой точнаго ихъ выполненія, съ другой же—облегчить консисторію отъ постоянной работы по части разъясненія и рѣшенія тѣхъ весьма многихъ вопросовъ въ пастырской дѣятельности, которые, будучи однажды разрѣшены въ „Сборникѣ“, не возбуждали бы уже недоумѣній. „Сборникъ“, въ виду его такого особеннаго значенія, выполненъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ къ дѣлу и усердіемъ, и полнота его не оставляетъ желать большаго. О достоинствѣ и значеніи этой книги можно судить отчасти потому, что начальства другихъ епархій, познакомившись съ книгой, выписываютъ ее для руководства своему духовенству, не смущаясь выраженнымъ въ заглавіи специальнымъ назначеніемъ книги (*по Самарской епархіи*). Какъ на недостатокъ этой книги, можно указать на то, что при ней

нѣтъ алфавитно-предметнаго указателя, который значительно облегчилъ бы пользованіе этою справочною книгою. Такой указатель тѣмъ болѣе для нея необходимъ, что, при значительномъ объемѣ, оглавленіе этой книги имѣетъ слишкомъ общій характеръ. Указанное обстоятельство, затрудняя пользованіе книгою, лишаетъ ее, слѣдовательно, въ значительной степени той пользы, приноситъ которую она предназначена.

2) Но „Сборникъ“ Соловьева былъ изданъ, какъ значится на обложкѣ, въ 1899 году, поѣтому и распоряженія, касающіяся духовенства, ограничиваются этимъ годомъ (вѣрнѣе—предыдущимъ, т. е. 1898 г.). Жизнь же, между тѣмъ, шла и идетъ своимъ чередомъ, кое-что растетъ здѣсь и развивается, кое-что измѣняется, иное и совсѣмъ уничтожается. Измѣнились нѣсколько и дополнились съ того времени и порядки по строю и жизни духовенства. „Сборникъ“ Соловьева, такимъ образомъ, по необходимости въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ не сталъ соответствовать дѣйствительности. Чѣмъ же дополнить его?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: такъ какъ всѣ начальственные распоряженія и руководственные указанія для духовенства консисторія обыкновенно печатаетъ въ официальной части мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, а иногда разсылаетъ и отдѣльные печатные циркуляры, то, слѣдовательно, естественнымъ и совершенно необходимымъ для руководства духовенству прибавленіемъ къ „Сборнику“ Соловьева является официальная часть мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей съ 1899 года и циркулярные указы консисторіи, которые должны храниться въ церковныхъ библіотекахъ. И до тѣхъ поръ, пока не появится въ свѣтъ новый, *дополнительный* сборникъ, въ родѣ „Сборника“ Соловьева, сводъ печатаемаго въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ матеріала и систематизація его въ связи, конечно, съ разсылаемыми циркулярами, должны составлять прямую обязанность и заботу самого духовенства.

3) Сборниковъ частнаго изданія, регламентирующихъ дѣятельность духовенства, существуетъ нѣсколько. Изъ нихъ

особеннаго вниманія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ книжка подъ такимъ заглавіемъ: „Алфавитный указатель дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1901 г. включительно) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ духовному вѣдомству православнаго исповѣданія. Составилъ С. В. Калашниковъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное содержаніемъ узаконеній и распоряженій послѣдняго времени. Спб. 1902 г.“ Мы нарочно выписали полнѣе заглавіе книги: оно настолько полно, что дѣлаетъ уже излишнимъ изложеніе ея содержанія. Изъ собственнаго опыта пользованія этою книгою мы скажемъ только, что содержаніе ея дѣйствительно соотвѣтствуетъ заглавію и нисколько не разочаровываетъ читателя. Книга построена такимъ порядкомъ. Дѣйствующія постановленія не приводятся здѣсь цѣликомъ (иначе книга разрослась бы до размѣровъ чрезвычайныхъ), но изъ нихъ выписывается сущность, и затѣмъ помѣщаются даты, показывающія, гдѣ именно заключаются постановленія. При книгѣ имѣется довольно полный предметно-алфавитный указатель, при посредствѣ котораго пользованіе книгою упрощается и облегчается до послѣдней степени. Въ подтвержденіе и въ поясненіе сказаннаго о книгѣ возьмемъ такой примѣръ. Предположимъ, что нужно рѣшить вопросъ: вписывается ли въ формуляръ (кѣировыя вѣдомости) судимость, если обвиненный окажется по суду консисторіи совершенно оправданнымъ? Обращаясь къ алфавитному указателю книги, находимъ требующееся для насъ названіе „судимость“ подъ номеромъ 2401, отыскавъ который въ прямомъ порядкѣ нумераціи статей, проходящей чрезъ всю книгу, читаемъ: „Въ формулярные списки священно-церковнослужителей вовсе не вносятся взысканія за проступки, наложенные по непосредственному архіерейскому судопроизводству, хотя бы производилось негласное дознаніе (ст. 155 Уст. дух. консистор.); затѣмъ всѣ случаи судимости священно-церковнослужителей по фор-

мальному судопроизводству епархіального начальства (156—174 ст. Уст. дух. консистор.), хотя бы они отъ суда и отвѣтственности были оправданы, вносятся въ формулярные о службѣ списки ихъ“.—Будучи вполне убѣждены въ полной пригодности и особенной приспособленности указанной книжки для справокъ, мы смѣло и охотно рекомендуемъ ее всѣмъ, у кого имѣется желаніе просвѣтить себя относительно правъ, обязанностей и отвѣтственности, связанныхъ съ духовнымъ саномъ, и вообще узнать объ укладѣ церковномъ не въ схемѣ только, но и въ деталяхъ: по этой книгѣ на всякій вопросъ можно отвѣтить весьма скоро и если не совершенно обстоятельно, то, во всякомъ случаѣ, по существу совершенно вѣрно. Книга имѣетъ въ себѣ 592 страницы; продается въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Тузова; цѣна 3 руб. 25 коп.

4) Несомнѣнно полезная для іереевъ книга подъ названіемъ: „Сборникъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ о бракѣ и разводѣ“. С. Григоровскаго. Названіе книги нисколько не говоритъ о ея пригодности въ практикѣ пастырей. Но въ ней есть специально разработанные отдѣлы: „метрическій и о родствѣ и свойствахъ“ дающіе возможность разобраться даже въ самыхъ трудныхъ и сложныхъ комбинаціяхъ въ этой области. И такъ какъ пастырю Церкви постоянно приходится рѣшать такіе вопросы—вопросы очень часто трудные и нерѣдко весьма отвѣтственные, то и понятно, почему мы съ особою настойчивостью хотѣли бы рекомендовать духовенству эту книгу. Стоимость ея 1 р 75 коп., выписывать можно только отъ автора: С.-Петербургъ, Литейный просп., д. № 32.

5) Помощь въ затруднительныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ оказываютъ также редакціи „Церковныхъ Вѣдомостей“ и „Церковнаго Вѣстника“. Въ послѣднемъ существуетъ спеціальный отдѣлъ подъ заглавіемъ: „Изъ области церковной практики“. Сопоставляя данныя обоихъ журналовъ, мы приходимъ къ такому заключенію: такъ какъ „Церковныя Вѣдомости“ выписываются непременно каждымъ причтомъ, и

такъ какъ журналъ этотъ стоитъ ближе къ центральному органу духовной власти—Св. Синоду, то и пользоваться этимъ именно органомъ для разъясненія возникающихъ недоумѣній духовенству гораздо удобнѣе.

6) Приходскому священнику, кромѣ вопросовъ въ сферѣ собственно духовнаго вѣдомства, весьма часто приходится встрѣчаться съ вопросами вѣдомства гражданскаго, и, слѣдовательно, ему представляется настоятельная необходимость быть знакомымъ съ собраніемъ гражданскихъ законовъ. Случаевъ, гдѣ можетъ явиться такая необходимость, весьма много. Права владѣнія, наследственныя, предупрежденіе и пресѣченіе преступленій, судъ во всѣхъ его формахъ—все это вопросы и положенія, съ которыми встрѣтится можетъ всякій. И если основательное и широкое знакомство съ законами доступно лишь юристамъ, то интеллигентный чловѣкъ обязанъ, по крайней мѣрѣ, знать, гдѣ найти ему освѣщеніе предмета или положенія для уясненія его въ собственномъ пониманіи. Тѣмъ болѣе необходимо знать это приходскому и въ особенности сельскому священнику—не столько, пожалуй, для себя, сколько для просвѣщенія темноты его прихожанъ. Нужно, такимъ образомъ, священнику имѣть въ своей библіотекѣ „Собраніе законовъ Россійской Имперіи“ въ шестнадцать томахъ. Но приобрѣтеніе *шестнадцати* большихъ и дорогихъ книгъ можетъ испугать чловѣка даже и не изъ робкаго десятка. Приобрѣтать же только наиболѣе употребительныя изъ означенныхъ томовъ, напр.: X, XV и XVI, значило бы сводить дѣло къ полумѣрѣ. Вотъ почему мы и считаемъ не безполезнымъ сообщить, что въ продажу съ недавняго времени поступили *„всѣ шестнадцать томовъ, заключенные только въ двѣ книги, стоимость коихъ въ отдѣльныхъ хорошихъ переплетахъ всего 15 рублей“*. Книги эти съ виду не особенно большія, приблизительно каждый экземпляръ въ Библію удлиненаго формата. Всѣ *шестнадцать* томовъ свода законовъ вмѣстились тутъ на такомъ маломъ, такъ сказать, пространствѣ, только благодаря тому, что из-

датели наблюдали крайнюю экономію въ мѣстѣ; шрифтъ выбранъ, конечно, малый. Но изданіе выполнено прекрасно, шрифтъ отличается отчетливостію, и объ книги, при своей компактности, представляются для справокъ чрезвычайно удобными. Особенная цѣнность этого изданія заключается, между прочимъ, въ томъ, что оно вышло, такъ сказать, на дняхъ (въ 1901 году) и содержитъ въ себѣ, слѣдовательно, законы новые, дѣйствующіе, опираться на которые можно безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ дѣйствительномъ значеніи. Получать это изданіе можно, адресуясь въ С.-Петербургъ, въ юридическій магазинъ Чичинадзе, Невскій, д. 55. ¹⁾

Когда уже набрана была настоящая замѣтка, прочитали мы еще объ одной весьма и весьма полезной въ юридическомъ отношеніи для духовенства книгѣ:

„Полный кругъ духовныхъ законовъ. Собраніе необходимыхъ свѣдѣній для духовныхъ консисторій, благочинныхъ церквей и монастырей, настоятелей соборовъ и приходскихъ городскихъ и сельскихъ церквей, церковныхъ старостъ и духовныхъ слѣдователей“. Въ 3-хъ частяхъ. Изданіе неофициальное. Составилъ кандидатъ богословія и юрисконсультъ Н. Н. Соловьевъ. М. 1903—4 г., стр. 632+32, Ц. 2 руб.

Книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія пастырей Церкви и особенно должностныхъ лицъ среди духовенства, какъ весьма полезное справочное руководство. Она составлена на основаніи дѣйствующихъ законовъ, распоряженій и разъясненій Св. Синода, начиная съ 1867 г. до 1 января 1903 г., и церковной практики. Отъ другихъ подобныхъ руководствъ книга г. Соловьева выгодно отличается *двумя* особенностями: во-1-хъ, тѣмъ, что принимаетъ во вниманіе новѣйшіе законы, какъ, напр., инструкцію настоятелямъ церквей 1902 г. и новый законъ о виѣбрачныхъ дѣтяхъ, вступившій въ силу 1 янв. 1903 г.; во-2-хъ, сравнительно хорошею систематичностью, которая значительно облегчаетъ наведеніе необходи-

¹⁾ Сам. еп. в., 1904 г., № 15.

мыхъ справокъ. Въ *первой* обширнѣйшей (стр. 5—414) части книги изложены законы, касающіеся церковнаго устройства, управленія, богослуженія, благочинія, матеріальнаго права церкви и духовенства, церковныхъ школь и др. *Вторая* часть спеціально посвящена духовному суду, при чемъ здѣсь излагаются законоположенія о подсудности лицъ духовныхъ суду духовному и общимъ судамъ, о духовныхъ слѣдователяхъ, ихъ правахъ и обязанностяхъ, о производствѣ слѣдствій и наказаніяхъ, которымъ подвергаются духовныя лица. *Третья* часть отведена исключительно для *приложеній*, въ числѣ которыхъ помѣщены: 1) Положеніе объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морского вѣдомствъ; 2) циркулярный отзывъ главнаго штаба командующихъ войсками о религіозно-нравственномъ воспитаніи войска; 3) Инструкція благочиннымъ церквей; 4) правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ воспитанникамъ церковно-приходскихъ школь и 5) цѣлый рядъ образцовъ и формъ церковнаго письмоводства и духовнаго судопроизводства, а также указатель церковныхъ (евангельскихъ, апостольскихъ и парамійныхъ) чтеній на цѣлый годъ¹⁾.

Итакъ, какъ видятъ читатели, для справочной (назовемъ ее юридической) библіотеки священника въ необходимомъ размѣрѣ требуются средства совсѣмъ небольшія, всего *на-все 22 рубля*. Располагая этими и выше указанными пособиями, священникъ, при доброй охотѣ и вниманіи къ дѣлу, можетъ быть настолько освѣдомленнымъ по каждому возникающему у него дѣлу, что ему не представится уже надобности обращаться съ вопросами къ подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, какъ и что дѣлать. Онъ самъ будетъ знать, что требуется для дѣла, онъ станетъ его хозяиномъ и, освѣдомленный со всѣхъ сторонъ, будетъ въ состояніи направлять его по своему усмотрѣнію).

По своей дорогѣ.

(Разсказъ).

I.

Съ ранняго утра въ домѣ о. Стефана всѣ были на ногахъ. Матушка Анна Михайловна встала раньше всѣхъ и торопливо начала будить прислугу, отдавая ей при этомъ многочисленныя приказанія. Сама Анна Михайловна цѣлый день безъ усталости бѣгала и суетилась. По всему видно было, что въ домѣ ожидается что-то важное и торжественное... Да, для о. Стефана и Анны Михайловны сегодня былъ своего рода праздникъ: ожидали пріѣзда сына Павлуши, только-что окончившаго курсъ семинаріи.

За обѣдомъ Анна Михайловна, смотря въ даль, сказала мужу:

— Вотъ мы дождались, слава Богу, что и другой нашъ сынъ будетъ священникомъ. За Якова я не такъ боялась: онъ у насъ спокойный и ровный характеромъ; а Павлуша такой живой, что легко могъ свихнуться въ семинаріи. Но теперь онъ окончилъ курсъ, и я радуюсь, что и второго сына увижу въ рясахъ.

— Почему знать — пойдетъ ли онъ въ священники?— сказалъ о. Стефанъ:—воля его; мы можемъ ему только совѣтовать.

Анна Михайловна поникла головой. Она и слышать не хотѣла, чтобы ея Павлуша не былъ священникомъ, и потому прекратила разговоръ.

Начало вечерѣтъ. Солнце клонилось къ западу, игралъ своими послѣдними лучами на золотыхъ крестахъ сельскаго храма. Анна Михайловна то подходила къ окну, то выходила на крыльцо посмотрѣть, не ѣдетъ ли Павлуша. Наконецъ, изъ-за рѣвки показался тарантасъ, запряженный парюю лошадей. Анна Михайловна быстро выбѣжала на крыльцо; вышелъ и о. Стефанъ, котораго она позвала. Тарантасъ шибко въѣхалъ во дворъ и остановился у крыльца.

— Здравствуй, родимый!... Здравствуй, голубчикъ!... Здравствуй, Павлуша!—радостно восклицала Анна Михайловна, обнимая сына, едва тотъ успѣлъ выйти изъ тарантаса.— Поздравляю тебя съ окончаніемъ курса,—говорила она, выпусткая, наконецъ, сына изъ своихъ объятій.

Павлуша поздоровался съ отцомъ, который также поздравилъ его съ окончаніемъ курса.

— Умыться тебѣ нужно; больно ужъ ты запыхался дорогою-то, — заботливо говорила Анна Михайловна.

Когда Павлуша умылся, сѣли за столъ.

— Ну, какъ же твои экзамены сошли? --- спросилъ о Стефанъ.

— Ничего,—какъ-то нѣхотя отозвался сынъ, очевидно, не желая вспоминать о томъ, что доставило ему столько тревогъ и непріятностей.

— И владыка былъ на экзаменѣ? — опять спросилъ о Стефанъ.

— Былъ, даже миѣ пришлось отвѣчать при немъ.

— А похудѣлъ какъ ты, бѣдпекый!—промолвила Анна Михайловна, все время не отрывавшая глазъ отъ сына.— Какъ тебѣ глаза потянуло! И щеки зацали, и самъ ты, точно, избави Богъ, послѣ болѣзни.

— Ничего, поправлюсь, маменька,—утѣшительнымъ тономъ сказалъ Павлуша.

— Что-жъ тамъ новаго у васъ въ городѣ?—спросилъ о Стефанъ:—не слышно—остается секретарь консисторіи на своемъ мѣстѣ?

— Объ этомъ говорятъ много, но опредѣленнаго ничего нельзя вывести.

— Смотрю я на тебя, Павлуша, и думаю: сколько тебѣ, бѣдному, пришлось ѣздить изъ города домой! Помнишь, какъ ты маленькимъ ѣздилъ съ Яшей и какъ, бывало, не хочешь ѣхать изъ дому послѣ праздника или послѣ каникулъ?—говорила Анна Михайловна.

Долго еще шель разговоръ въ томъ же родѣ, при чемъ о. Стефанъ разспрашивалъ о городскихъ и консисторскихъ новостяхъ, а Анна Михайловна, смотря на сына, вспоминала прошлое и упрасивала его побольше ѣсть. Уставшій съ дороги Павлуша сидѣлъ полусонный и какъ-то вяло отвѣчалъ отцу и матери.

— Онъ хочетъ спать. Иди, голубчикъ!—сказала, наконецъ, Анна Михайловна.

Павлуша удалился въ кабинетъ, гдѣ ему была приготовлена постель. Раздѣвшись и перекрестившись, онъ быстро заснулъ блаженнымъ сномъ, забывши о семинаріи и о цѣлой вереницѣ выдержанныхъ экзаменовъ.

II.

Павель Степановичъ Рождественскій окончилъ курсъ студентомъ, о чемъ старался изо всѣхъ силъ, такъ какъ завѣтною его мечтою было—держать экзамень въ университетъ. Онъ съ жадностью читалъ различныя сочиненія и по литературѣ, и по естественной исторіи, и по политической экономіи и проч., дѣлалъ извлеченія изъ нихъ, записывалъ поразившія его чѣмъ-нибудь мысли. Но какъ, повидимому, ни былъ начитанъ Павель Степановичъ, однако его далеко нельзя было назвать человѣкомъ серьезнымъ и сложившимся. Отъ него можно было слышать поверхностныя и даже чисто-дѣтскія сужденія, составлявшія наслѣдіе школы и среды товарищей. Таковы, напр., были сужденія его о семинаріи и о сельскихъ священникахъ. На послѣднихъ, между прочимъ, онъ смотрѣлъ, какъ на людей отсталыхъ, не приносящихъ никому никакой пользы. Къ этому онъ пришелъ не путемъ долгихъ размышленій и изученія жизни и быта священниковъ, которыхъ зналъ, а говорилъ и думалъ такъ потому, что такъ думаютъ и говорятъ „другіе“, разумѣя подъ этими „другими“ извѣстный кружокъ товарищей и тѣхъ немногихъ свѣтскихъ знакомыхъ, у которыхъ онъ бывалъ въ губернскомъ городѣ;

да и въ газетахъ и въ журналахъ онъ частенько начитывалъ то же. И вотъ онъ рѣшилъ избрать себѣ другой—лучшій жизненный путь и сталъ мечтать о поступленіи въ университетъ. Но какъ-то отнесется отецъ къ этой его „затѣвѣ“?—Павель Степановичъ зналъ своего отца, какъ человѣка умнаго, глубоко-убѣжденнаго и твердаго въ своихъ рѣшеніяхъ. Долго онъ не рѣшался заговорить съ отцомъ о своихъ планахъ; молчалъ и о Стефанѣ. Такъ дѣло продолжалось болѣе двухъ недѣль, пока случай не вывелъ Павла Степановича изъ его неопредѣленнаго положенія.

III.

Было воскресенье. Павель Степановичъ прохаживался по дорожкѣ отцовскаго сада. Онъ любилъ смотрѣть на открывавшіеся отсюда виды: на сельскую площадь, гдѣ собиралась молодежь, на прихотливо разбросанныя хаты, на узкія съ изгибами улицы села и проч. Любилъ онъ также и просто гулять въ саду, за которымъ заботливо ухаживалъ о Стефанъ, въ каждомъ изъ своихъ приходоу непремѣнно разводившій садъ возлѣ церкви и въ своей усадьбѣ. Въ то время, какъ Павель Степановичъ собирался было уже направиться въ домъ пить вечерній чай, вдругъ онъ замѣтилъ отца, который шелъ къ нему навстрѣчу. Поровнявшись съ сыномъ, о Стефанъ спросилъ:

— Что это ты, Павлуша, любиешься моимъ приходомъ?

— Да... Послѣ города особенно интересно наблюдать село. Теперь оно кажется милѣе и привлекательнѣе; теперь въ жизни его можно открыть такую сторону, которой совсѣмъ не замѣчаешь, когда живешь въ немъ безвыѣздно.

Долго вертѣлся разговоръ „вокругъ да около“, пока, наконецъ, о Стефанъ прямо не спросилъ сына:

— Почему же ты не хочешь быть священникомъ?

Павель Степановичъ съ напускною серьезностью и довольно горячо отвѣтилъ:

— Потому, что служеніе въ званіи сельскаго священника не представляетъ собою ничего истинно-высокаго и полезнаго. Каждый новорукоположенный хочетъ только приблизиться къ этому и сдѣлаться болѣе или менѣе порядочнымъ священникомъ; но всегда обыкновенно идеализма у такихъ священниковъ хватаетъ на два, много на три года, а потомъ начинается скучная, однообразная жизнь безъ всякихъ свѣтлыхъ моментовъ,—начинается то, что называется „деревенскимъ прозябаньемъ“. Потому сельскіе священники и являются людьми совершенно отсталыми. Они не знакомы ни съ требованіями, ни съ духомъ времени,—а это—согласитесь—громаднѣйшій недостатокъ... А если бы кто и захотѣлъ остаться „идеалистомъ“ до конца своей жизни, такого засмѣютъ свои же собратья, назовутъ непременно „выскочкой“ и будутъ мѣшать проведенію въ жизнь и осуществленію его благородныхъ плановъ... Вотъ это все и отталкиваетъ лучшихъ изъ семинаристовъ, а въ частности и меня, отъ поступленія въ священники, и я рвусь всей душой въ университетъ, откуда дорога свѣтлѣе и просторнѣе.

Когда сынъ окончилъ, по лицу о. Стефана скользнула добродушная улыбка, и онъ сказалъ:

— Я и не зналъ, Павлуша, что ты такой ораторъ.

Спокойный тонъ отца удивилъ и встревожилъ Павла Степановича. Онъ думалъ, что отецъ сразу же начнетъ ему возражать.

— Я это сказалъ, не какъ ораторъ, а какъ человекъ убѣжденный,—съ нескрываемымъ чувствомъ обиды промолвилъ Павелъ Степановичъ.

— Знаю я ваши убѣжденія. У тебя однѣ только заученныя фразы, которыя можно слышать на каждомъ шагу. А вотъ ты бы провѣрилъ все, что наговорилъ...

— Я все сказалъ на основаніи опыта... Я вамъ могу представить примѣры...

— Миѣ твоихъ примѣровъ не нужно. А вотъ гдѣ у тебя опытъ-то?.. Видишь—ты молчишь? А между тѣмъ, ты,

не имѣя никакого опыта, долженъ былъ бы, прежде чѣмъ говорить, хорошенько подумать о томъ, что хочешь сказать.

— Много я уже думалъ по этому поводу.

— Хоть и много, да, видно, плохо. Въ своихъ мысляхъ ты не доходилъ до конца, а все хваталъ верхушки... Говоришь ты, напр., о томъ, что новорукоположенные священники скоро отказываются отъ своего идеализма. Но кто же мѣшаетъ тебѣ держаться его до гробовой доски? Кто будетъ виновать, что ты совершенно опустишься и сдѣлаешь безсодержательную свою жизнь?..

— Да деревенскія условія, царящія кругомъ тьма и грубость.

— Образованный человѣкъ не долженъ говорить обо всемъ этомъ; его долгъ—бороться со тьмой и разгонять её.

— Но вы, папа, забываете еще собратьевъ...

— Которые—добавляй—раздѣляются на людей дѣятельныхъ и трезвыхъ и на праздныхъ и опустившихся. Но опять таки: кто можетъ тебѣ запретить стать на сторону первыхъ, во всемъ идти рядомъ съ ними и не обращать вниманія на насмѣлки вторыхъ?

— Но сельскій священникъ—съ ограниченнымъ образованіемъ. Онъ не можетъ во всемъ быть руководителемъ своихъ прихожанъ и помогать имъ. Его помощь чисто духовная, узкая. Я вотъ, напр., хочу быть докторомъ и хочу оказывать народу болѣе существенную пользу.

— Можешь оказывать эту пользу, и будучи священникомъ. Вѣдь ты же знаешь о Аѳанасія, который занимается лѣченіемъ? И смотри: сколько къ нему идетъ сельскаго люда, сколько онъ получаетъ благодарностей!.. Точно также ты могъ бы быть руководителемъ народа и въ хозяйственной области.

— У васъ, папа, какое-то однообразное рѣшеніе вопросовъ.

— Да, однообразное, потому что я все свожу къ чело-
вѣку и утверждаю, что *отъ него* зависитъ все, что въ немъ,
а не вовнѣ главная сила дѣятельности.

Въ это время Анна Михайловна позвала ихъ пить чай
и тѣмъ прервала разговоръ.

IV.

Осень... Поздняя, холодная осень... Одинокó возлѣ цер-
кви пріютилась церковно-приходская школа. Крытая соло-
мой, съ обитыми дождемъ стѣнами, она не отличалась издали
отъ остальныхъ сельскихъ избъ. Стоитъ она убого и молча-
ливо. Но вотъ распахнулась дверь, и оттуда одинъ за дру-
гимъ начали выбѣгать школьники. Послѣднимъ вышелъ учи-
тель—Павель Степановичъ Рождественскій и направился въ
домъ отца. Видъ у него былъ усталый, фигура согнутая.
Онъ учительствуетъ уже около двухъ мѣсяцевъ. Поступилъ
онъ на учительское мѣсто частію по собственному желанію,
частію же по совѣту отца, не оставивши, впрочемъ, окон-
чательно мечты и объ университетѣ. Дѣло было такъ. Разъ
о. Стефанъ сказалъ сыну:

— Знаешь, Павлуша, важное дѣло требуетъ продолжи-
тельнаго времени для своего обдумыванія. Ты все твердишь
объ университетѣ. Твое дѣло, а я совѣтовалъ бы тебѣ годикъ
повременить, подумать и отдохнуть. Лучшее для этого поло-
женіе—учительство, которое будетъ спасать тебя отъ скуки.
Кромѣ того, ты можешь заработать учительствомъ и немнож-
ко денегъ, которыя тебѣ въ университетѣ пригодятся.

Павель Степановичъ согласился на предложеніе отца.
За короткое время самостоятельной жизни и дѣятельности
онъ увидѣлъ многое, о чемъ раньше какъ будто даже не
подозрѣвалъ. Предъ нимъ предсталъ точно новый народъ, ко-
торого онъ доселѣ не зналъ, а если и зналъ, то не такимъ,
каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Увидалъ Павель Степановичъ
этотъ темный народъ, узналъ поближе его нужды, и ему
стало стыдно, что онъ хотѣлъ убѣждать отъ него, и вмѣстѣ

съ тѣмъ жаль этого добродушнаго народа, который оставляють близкіе и родные его сыны, родившіеся и выросшіе среди него и воспитавшіеся почти на его же кровные гроши...

— Зачѣмъ мнѣ университетъ?.. И здѣсь широка и просторна дорога, и здѣсь можно трудиться и работать. Не нужно только уставать и падать! Нужно твердо помнить слова отца, что *все зависитъ отъ человека...*

Такъ и пошелъ Павелъ Степановичъ *по своей дорогѣ* и совсѣмъ оставилъ мысль о поступленіи въ университетъ.

Н. Я—ій

Завѣты престарѣлаго іерея молодымъ духовнымъ лицамъ ¹⁾).

(Продолженіе).

„Господи! любовію Твоею узви
души наша“!

Св. ап. и еванг. Іоаннъ Богословъ, когда состарѣлся, то постоянно говорилъ: „дѣти! любите другъ-друга!“ Такими же словами и я начинаю это свое письмо: „духовныя лица! любите другъ-друга, любите членовъ причта, своихъ сослуживцевъ, любите и своихъ прихожанъ“. *Въри безъ дѣль*, т. е. безъ любви, *мертва есть*. Одного того, чтобы религіозность не только не ослабѣвала, но еще развивалась и укрѣплялась въ насъ,—какъ я говорилъ объ этомъ въ прошлый разъ,—одного этого—повторяю—мало, а нужно еще, чтобы любовь сопутствовала вѣрѣ.

Счастливы тѣ изъ насъ, которые имѣютъ любовь между собою и между прихожанами. Дай Богъ, чтобы любовь эта еще болѣе усиливалась, еще болѣе усовершеншалась!

Но, положи руку на сердце, всѣ ли мы можемъ смѣло сказать, что имѣемъ должную любовь, что не нуждаемся въ

¹⁾ См. № 38 за 1904 г.

совѣтъ — наставленіи св. ап. и еванг. Іоанна Богослова?— Грустно, а нужно сознаться, что не вездѣ существуетъ миръ между отдѣльными членами причтовъ съ одной стороны и между причтами и прихожанами—съ другой. Духовныя консисторіи наши завалены дѣлами, которыя доказываютъ, что полного мира *нѣтъ въ насъ*, что *любовь отпадаетъ* между нами. Но почему же нѣкоторые причты наши живутъ мирно между собою и съ прихожанами, тогда какъ другіе постоянно враждуютъ?

Очевидно, намъ нужно спросить самихъ себя: все ли мы дѣлаемъ для того, чтобы не *отпадали* любовь у насъ ко всѣмъ? Не бываемъ ли сами мы причиною того, что нѣтъ мира среди насъ? — Не такъ давно праздновался 50-лѣтній юбилей одного престарѣлаго дьячка, или, по-современному, псаломщика. Въ стихахъ, прочитанныхъ и преподнесенныхъ однимъ изъ участниковъ торжества юбиляру, говорится, что онъ за все время своего 50-лѣтняго скромнаго служенія Церкви ни съ кѣмъ не имѣлъ вражды. Юбиларъ дѣлалъ такъ: если кто его, бывало, обидитъ, онъ прощалъ обидчика; если же кого самъ невольнo обижалъ, то тотчасъ же просилъ прощенія.—Всѣ ли мы поступаемъ такъ?..

Если сумѣлъ такъ прожить человекъ, не получившій никакого образованія, то людямъ, получившимъ болѣе или менѣе достаточное образованіе, каковыми теперь является большинство изъ насъ, вовсе не къ лицу заводить вражду и не имѣть мира. У насъ даже выходитъ какъ-то наоборотъ—вражда среди членовъ причта возникаетъ очень часто именно на почвѣ образованности:—„Какъ же,—говорятъ многіе,—быть мнѣ ниже товарища, когда я—*студентъ*, а онъ нѣтъ? Боже мой! Какъ далеки мы еще отъ того, чтобы „большій изъ насъ былъ слугою, если желаетъ быть выше другихъ!..“

Сохрани насъ, Господи, отъ честолюбія и славолубія!
узави души наша любовію! Просвѣти насъ любовію креста Твоего, Господи!..

Какъ на войнѣ враги всегда стараются поражать военачальниковъ, такъ врагъ нашего спасенія, *искій кого поглотити*, прежде всего и болѣе всего нападаетъ на насъ, пастырей духовныхъ, такъ какъ, если будутъ поражены пастыри, то легко уже поразить и пасомыхъ. Намъ нужно имѣть это въ виду постоянно.

Мы постоянно молимся: *о миръ всего міра* и пр., а сами этого мира не имѣемъ. Мы забываемъ прямую заповѣдь Спасителя: *аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и иди прежде смирися съ братомъ твоимъ* и т. д. Какъ далеко отстоятъ отъ выполненія этой св. заповѣди тѣ изъ насъ, которые не только не примиряются, но намѣренно все болѣе и болѣе развиваютъ вражду, часто по самымъ ничтожнымъ поводамъ!.. Я лично знаю двухъ священниковъ, у которыхъ взаимная вражда дошла до того, что когда одинъ служитъ, то другой рѣдко бываетъ въ церкви; болѣе того — даже матушки, жены этихъ священниковъ, бываютъ въ церкви только тогда, когда служатъ ихъ мужья, а когда служатъ соперникъ, то онѣ не ходятъ въ храмъ Божій. Вотъ до чего доводитъ вражда!..

Вотъ почему благомысляющимъ людямъ, желающимъ принести благо ближнимъ, нужно принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы не было, по возможности, ни малѣйшей вражды между членами причта, къ чему и клонится рѣчь моя. Вѣдь когда враждуютъ между собою члены причта, тогда уже начинается не жизнь, а каторга: все сводится не къ служенію св. дѣлу, а ко всевозможнымъ интригамъ противъ врага, чтобы всячески „подкопаться“ подъ него. И чѣмъ же чаще всего кончается все это? — Въ лучшемъ случаѣ — переводомъ враждующихъ на новые приходы. *Царство, раздѣльшееся на ся, не устоитъ*. А потому, оставимъ, отцы и братія, кто имѣетъ, вражду, *объемемъ другъ-друга, рцемъ: братіе и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ*. •

Пишущій эти строки былъ бы очень счастливъ, если бы, прочитавши ихъ, хотя кто-либо изъ враждующихъ собратовъ оставилъ вражду и примирился.

Миръ Божій да водворится въ сердцахъ нашихъ, и Богъ мира да будетъ съ нами!

Престарѣлый іерей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 22-го сентября 1904 года.

• Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, октября 3-го.

Содержаніе: На распутьи — Одинъ изъ недостатковъ нашей обычной проповѣди. — *Praeclara exempla meliora sunt proscriptis.* — Завѣты престо-рѣлаго іерея молодымъ духовнымъ лицамъ (окончаніе).

На распутьи.

Проникнуть въ таинственную лабораторію, гдѣ созидается „ткань души“ современной молодежи, значить — освѣтить для себя до извѣстной степени отчетливо такъ тревожный въ наши дни вопросъ — на что можетъ опереться въ своихъ надеждахъ общественная жизнь, ждущая для своего благоустройства свѣжихъ работниковъ и новыхъ хозяевъ, а Церковь — своихъ членовъ. Естественнѣе всего было бы думать, что послѣ родителей внимательному взору школьнаго воспитателя прежде и яснѣе другихъ возможно тамъ почерпнуть самыя цѣнныя наблюденія и сказать свое компетентное слово по поставленному вопросу. Но факты жизни и данныя педагогическаго опыта не позволяютъ особенно рассчитывать на этотъ источникъ. Это не преувеличеніе, а неоспоримое (можетъ быть, и

нелестное для нашего школьнаго воспитанія), жизнью почти узаконенное положеніе: сокровенный міръ внутренняго, духовнаго созрѣванія ученика проходитъ очень часто мимо поля воспитательнаго наблюденія. Какъ ученикъ постепенно изъ малосмыслящаго ребенка съ крохотнымъ кругозоромъ вырастаетъ подъ школьной фѣрулой чрезъ долгодѣтнее усидчивое усвоеніе разнообразныхъ курсовъ въ „зрѣлаго“ по аттестату юношу—это еще, пожалуй, видно бываетъ тому, кто не совсѣмъ безучастно смотритъ на шумную и пеструю школьную толпу. Но это вѣдь лишь казовая сторона картины, за которою стоитъ внутренній фонъ ея,—то, чтѣ даетъ краскамъ рисунка ихъ блескъ, яркость или тусклость и сѣрую неопредѣленность. Параллельно съ тѣмъ, какъ ученикъ переходитъ отъ одного учебника къ другому, изъ одного класса въ слѣдующій, перерабатывая и усваивая учебный матеріаль, внутри его идетъ живая сознательная работа: выясняется, крѣпнеть и слагается въ опредѣленную форму его индивидуальное міровоззрѣніе. Тутъ идетъ уже невидимое простому глазу дѣло строенія души въ направленіи, опредѣляемомъ множествомъ часто совершенно случайныхъ условій, среди которыхъ на долю школы, къ сожалѣнію, выпадаетъ далеко не руководящее значеніе...

Завѣтное дѣло выработки „идеаловъ“ совершается, оказывается, какъ-то за дверью школы, оберегается ревниво отъ „казеннаго“ контроля и отливается въ формы, часто глубоко чуждыя принципамъ школьнаго воспитанія и надеждамъ Церкви. Чувствуется, что около души ученика школы работаетъ болѣе могущественная, чѣмъ-то обаятельная, покоряющая сила другого порядка, обладающая счастливою особенностью легко побѣждать, увлекать собою почти стихійно... Учащаяся среда покоряется ей охотно и обрабатывается здѣсь весьма своеобразно—своеобразно въ худшую сторону, организуясь внослѣдствіи въ ту притязательную и легко думающую „интеллигенцію“, которая стоитъ теперь передъ Церковью съ высокоподнятымъ протестующимъ лицомъ. То,

что такой изломъ души молодежи совершается не подъ вліяніемъ школы, безспорно. Но справедливо ли это поставить въ заслугу школы—это другой вопросъ.

Довольно яркую полосу свѣта бросаетъ на отмѣченное явленіе и его причины одна статья въ журналъ „Міръ Божій“ за 1903 г. (ноябрь—декабрь). Одному любознательному педагогу (бывшему) пришла на умъ не безынтересная мысль—ознакомиться съ внутренними запросами учащейся молодежи путемъ опроса, какія книги ими читаются, какія книги они выдѣляютъ, какъ любимыя, и почему? Получено было 933 отвѣта отъ учащихся самыхъ разнообразныхъ средне-учебныхъ заведеній. Авторъ статьи („Что читаетъ наша учащая молодежь“), собравши эти отвѣты, привелъ ихъ въ нѣкоторую систему и сопровождалъ своими размышленіями. Получился документъ въ высокой степени интересный. Документъ этотъ даетъ намъ, между прочимъ, объясненіе одной и, пожалуй, существенной причины, почему наша „интеллигентная“ среда такъ далека отъ пониманія истинныхъ, христіанскихъ идеаловъ, такъ часто даже враждебна всякому религіозно-философскому, или, какъ обычно теперь (не точно) выражаются, „мистически“—метафизическому направленію и въ литературѣ, и въ жизни. Мало сказать, что наша философско-религіозная литература не знакома огромному большинству широкой свѣтской публики. Названный документъ объясняетъ, что она и *не можетъ* имѣть серьезныхъ читателей въ этомъ кругу. Для того, чтобы сколько-нибудь глубоко интересоваться этой литературой, нужны нѣкоторый навыкъ къ ней, извѣстный вкусъ и подготовка. Ничего подобнаго нѣтъ въ свѣтскомъ обществѣ. Послѣднее въ молодыхъ своихъ поколѣніяхъ,—и именно въ то время, когда слагаются литературные вкусы, и образуется міровоззрѣніе,—совершенно отстранено отъ вліянія христіанской философіи. Когда проповѣдь этой философіи начинаетъ стучаться въ сознаніе учащихся, она находитъ, что ея мѣсто уже занято тамъ. Тутъ свое дѣло уже сдѣлано другими руками. Такъ называемое „внѣклассное чтеніе“ успѣло уже

положить на умственную работу юношества настолько прочную печать, настолько основательно сформировало въ определенномъ направленіи его „убѣжденія“, что всякое новое направленіе мысли, разъ оно критически прикасается къ этимъ убѣжденіямъ, сознательно, иногда страстно отталкивается или—въ лучшемъ случаѣ—молчаливо игнорируется..

Что же и съ какимъ успѣхомъ читаетъ наша учащаяся молодежь?—Вотъ отвѣтъ статистическаго документа. Естествознаніе, какъ и слѣдовало ожидать, въ научной области занимаетъ безспорно—первое мѣсто. Дарвинъ и его русскій популяризаторъ Тимирязевъ стоятъ въ центрѣ вниманія. Въ общественныхъ наукахъ главенствуютъ симпатіи на сторонѣ политико-экономической литературы (Зомбартъ, Исаевъ, Чупровъ). Читая Ницше (56 отв.). Изъ художественной литературы больше всего читаютъ гр. Л. Толстого, вслѣдъ за нимъ—М. Горькаго (Толстой—691, М. Г.—586 отв.), Достоевскаго (3 мѣсто). Потомъ идетъ Тургеневъ (470), Чеховъ. Затѣмъ... Писаревъ—437 и Добролюбовъ—401... Удивительно, что такіе классики, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, читаются съ меньшимъ усердіемъ; по крайней мѣрѣ, эти писатели показаны въ графѣ авторовъ, читанныхъ менѣе 100 разъ.

Какіе же вопросы волнуютъ нашу учащуюся молодежь? Чего она ищетъ отъ книги?—На этотъ вопросъ даются отвѣты самими учащимися, полные искренности и, въ своей искренности, подчасъ трагической окраски. Съ различными варіаціями въ формулировкѣ, они сводятся приблизительно къ такимъ выраженіямъ: „я мучусь вопросомъ о смыслѣ жизни; для чего живетъ человѣкъ; гдѣ цѣль жизни?... есть ли правда на землѣ? въ чемъ она?“.. Поиски за разрѣшеніемъ этихъ больныхъ недоумѣній даютъ печальные результаты. „Скептицизмъ и пессимизмъ (въ худшемъ значеніи понятія),—замѣчаетъ авторъ статьи,—свили себѣ гнѣздо среди значительной части юношества“. „Относительно *этихъ* вопросовъ,—пишетъ одинъ корреспондентъ автора,—у меня посто-

яннаго убѣжденія не составилось; я бросаюсь, какъ мнѣ кажется, изъ одной крайности въ другую и жду случая, который, я увѣренъ, прійдетъ и дастъ цѣль моей жизни“. „Я не нахожу удовлетворительнаго отвѣта (на вопросъ о смыслѣ жизни),—пишетъ другой,—вотъ уже 3-й годъ. Временами я дохожу до отчаянія и начинаю думать, что въ жизни нѣтъ никакого смысла... Гдѣ правда, въ чемъ она? И только буду счастливъ и спокоенъ тогда, когда этотъ проклятый вопросъ хоть какъ-нибудь разрѣшу. Но если... если я не разрѣшу его, то вѣрнѣе всего дойду до отчаянія, и что тогда со мной будетъ, трудно сказать“.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ писемъ говорится о „бессмысленности (стр. 118, 12 кн.), о ничтожествѣ жизни“, о „болзни жизни“, о страхѣ передъ ней. И вопросъ о самоубійствѣ для такихъ юношей является самымъ важнымъ вопросомъ жизни. Покончить самоубійствомъ „всѣ расчеты съ жизнью“—эта мысль неотвязчиво преслѣдуетъ ихъ, не даетъ покоя и интереса къ жизни и правильной работѣ.

Иногда скептицизмъ приводитъ къ индифферентности, безразличію, почти равносильному духовной смерти. „Совѣсть, честь, долгъ, грѣхъ—все это придумано людьми для ихъ устрашенія. Безъ нихъ жизнь становится интересной и пріятной. И я живу только для себя и это стараюсь внушить и товарищамъ... Кто знаетъ, можетъ быть, Ницше правъ, когда сказалъ: „нѣтъ ничего истиннаго, и все позволено“...

„Что тамъ, за чертой жизни, никто не знаетъ. Кувыркнемся — и все тутъ. А потому, живи и другимъ давай жить“...

Такова страшная повѣсть трагической беспочвенности и преждевременной духовной дряхлости молодости.. Явленіе, думаемъ, общественное, но какое ужасное!

И нужно ли удивляться, что оно есть, существуетъ? Оказывается, учащіеся читаютъ книги и зачитываются ими вполне самостоятельно, безъ чьего бы то ни было умнаго руководства или помощи. „Среди отвѣтовъ учениковъ нѣтъ ука-

заній или ссылокъ на то, что преподаватели руководятъ чтеніемъ и рекомендуютъ списки необходимыхъ для прочтенія книгъ“. Читая, поэтому, часто безсистемно, по случайной рекомендаціи и все, что ни попадаетъ въ руки. Бросаются отъ книги къ книгѣ, хватаютъ обѣими руками отовсюду массу свѣдѣній, набиваютъ ими голову, не перебариваютъ хорошо, а иногда и совсѣмъ не используютъ, ненужнымъ подчасъ хламомъ зачитываются, хорошее обходятъ... Вслѣдствіе этого, напр., истинно-художественное, гуманизирующее вліяніе чистой поэзіи, такъ могущественно дѣйствующее на идеалистическій строй души молодежи, пропадаетъ здѣсь безслѣдно, такъ какъ художники чистаго искусства, оказывается, не въ чести. Съ другой стороны, безбрежное море тяжелыхъ вопросовъ жизни, волною врывающихся въ неокрѣпшую и чувствительную душу неопытныхъ читателей изъ массы разностильной литературы, производятъ тамъ истинную сумятицу и отлагается чаще всего недоброкачественнымъ осадкомъ. И, разумѣется, иначе и быть не можетъ. Если для вопліѣ сложившейся въ смыслѣ умственной крѣпости головы разобраться въ массѣ вопросовъ и рѣшеній, даваемыхъ литературой, дѣло весьма не легкое, то что же сказать о зеленой юности, для которой каждое печатное слово, каждая мысль по серьезному вопросу одинаково убѣдительны и въ равной мѣрѣ новы? И вотъ, мы узнаемъ, что, напр., Достоевскій, изъ наиболѣе читаемыхъ авторовъ, въ окончательной оцѣнкѣ юныхъ корреспондентовъ промелькнулъ совершенно невоспринятымъ со стороны всей своей неисчерпаемой нравственно-философской поучительности, и отъ него въ ихъ воспоминаніяхъ остался фантастическій образъ обскуранта-публициста, проповѣдывавшаго (буквально) „ненависть къ свободѣ, вражду къ выработаннымъ кровавымъ потомъ (sic!) формамъ жизни западной Европы, преклонявшася предъ духовной нищетой нашего народа“... и... только. Тургеневъ хорошо усвоенъ только въ базаровской философіи о пресловутомъ лопухѣ, которымъ оканчивается человѣческая жизнь,

и совершенно не понять, какъ наилучшій выразитель всей безысходности материалистическаго пессимизма. Гр. Л. Толстой, любимѣйшій изъ всѣхъ писателей, „философскія“ произведенія котораго для многихъ корреспондентовъ „были цѣлымъ откровеніемъ“, потерянъ цѣликомъ въ К. Левинѣ, Пьерѣ Безуховѣ, Платонѣ Каратаевѣ, „Дѣтствѣ“ и „Отрочествѣ“ и воспринять въ наилучшихъ своихъ мысляхъ, какъ безудержный, злой и озлобленный зоиль, непримиримый врагъ Церкви и всякаго государственнаго строя.

Основательно усвоены такіе ходкіе по нынѣшнему времени писатели, какъ Горькій—художникъ, въ числѣ многихъ современныхъ молодыхъ писателей безусловно лишенный таланта нравственнаго творчества. Изъ его „философіи“ хорошо понято только, что онъ „громко кричитъ противъ тѣхъ формъ жизни, которыя давятъ въ людяхъ все лучшее, святое, ихъ духъ, ихъ любовь и стремленіе къ свободѣ“...

Все это до невыразимости грустно и обидно. Обидно за молодую силу, такъ бесмысленно погибающую; за свѣжія чувства, такъ святотатственно и грубо смятыя и опошленныя; за розовую зарю свѣтлыхъ идеаловъ, потухающую, еще не успѣвъ разгорѣться яснымъ днемъ... Кого винить за это?— Пусть со всею основательностью рѣшаютъ этотъ вопросъ другіе. Мы же лишь мимоходомъ не можемъ не предъявить обвинительныхъ пунктовъ по данному „дѣлу“, во-первыхъ, семьѣ, которая безопасно поживаетъ въ большинствѣ случаевъ на преступномъ убѣжденіи, что разъ ребенокъ сданъ школѣ, слѣдовательно—родители свободны отъ всякой заботы и нравственной отвѣтственности за цѣнность и чистоту его души; во-вторыхъ, школѣ, которая не умѣетъ или не хочетъ подойти съ своимъ совѣтомъ и спасительнымъ указаніемъ къ ученику въ то время, когда онъ готовъ, по безволю и малоопытности, очертя голову, бросаться въ бездну за блуждающими огнями „лжеименнаго“ знанія; и, наконецъ, болѣе всего—совѣсти тѣхъ самозванныхъ учителей, разныхъ развивателей, о которыхъ недавно попечитель Оренбургскаго округа сказалъ,

что они пришли на мѣсто законныхъ школьныхъ дѣятелей и, ни мало не разсуждая о послѣдствіяхъ своей работы, сумѣли школьную науку подмѣнить для малосмысленной толпы ребятишекъ внѣшкольною пропагандою марксизма, социализма, нищезанства, босячества и практическимъ упражненіемъ въ хулиганствѣ („Церк. Вѣд.“, 1904 г., № 26)...

Что въ данныхъ обстоятельствахъ нужно дѣлать нашей свѣтской школѣ, объ этомъ были опубликованы не одинъ и не два министерскихъ циркуляра. Насъ интересуетъ другой вопросъ, который тутъ самъ собою возникаетъ для нашей духовной школы. Вѣдь ясно, что нашему духовенству прежде другихъ и ближе другихъ приходится чувствовать результаты безпринципнаго (что часто равносильно-безрелигіознаго) самовоспитанія и самообразованія нашей интеллигенціи. Не ясно ли вмѣстѣ съ тѣмъ, что для успѣшности духовной миссіи при такихъ обстоятельствахъ наше духовенство само лишено дѣйствительнаго и дѣйственнаго средства, попросту говоря—весьма не богато общимъ образованіемъ. Это старыи вопросъ, но важность его особенно чувствуется въ нынѣшніе дни, когда свѣтское общество съ высокоуміемъ непогрѣшимости вынуждаетъ духовенство на активную борьбу за принципы духа и жизни. О расширеніи курса общеобразовательныхъ наукъ въ системѣ семинарскаго обученія было говорено не мало. Намъ хочется, подъ вліяніемъ помянутаго выше документа, лишь вновь поставить на очередь вопросъ о внѣклассномъ чтеніи и въ семинаріяхъ. Нельзя не сознаться, что этотъ предметъ въ семинаріяхъ достаточно пренебреженъ. Между тѣмъ, въ значительной степени, вслѣдствіе именно этого, вліяніе „духовной миссіи“ среди интеллигенціи у насъ такъ слабо и мало дѣйственно. Чтобы имѣть успѣхъ у интеллигентныхъ „протестантовъ“, упорствующихъ противъ всякой религіозной метафизики именами научныхъ и литературныхъ авторитетовъ, нужно заговорить языкомъ привычныхъ ей понятій, противопоставивъ энциклопедической безсвязности или тенденціозной аподиктичности ея „убѣжденій“ силу здороваго

анализа и глубокой критики авторитетовъ, которые, какъ это часто бываетъ,—особенно съ авторитетами художественной литературы,—являютъ собою иногда прекрасные образцы „свидѣтельствъ отъ внѣшнихъ“ въ пользу религіозно-филозофскихъ идеаловъ. А для этого необходимо пополнить спеціальный запасъ богословско-филозофскихъ знаній, даваемыхъ семинарскимъ курсомъ, знаніями и освѣдомленностью въ области и свѣтскихъ наукъ. Затруднительно сдѣлать это путемъ введенія курса такихъ наукъ въ классное преподаваніе, но вполне возможно, по нашему мнѣнію, достигнуть этого систематически-правильною постановкою чтенія внѣкласснаго. Въ этомъ случаѣ получаетъ особенно важное значеніе дѣятельность преподавателей словесности и филозофскихъ наукъ. Прекраснымъ восполненіемъ класснаго курса словесности и необходимымъ пособіемъ для будущей дѣятельности пастырей среди интеллигенціи (въ живомъ общеніи съ нею и въ трудахъ печатныхъ) было бы тщательное внѣклассное изученіе русскихъ классиковъ новаго и новѣйшаго періодовъ литературы (Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, особенно же Достоевскій и гр. Л. Толстой),—изученіе подъ руководствомъ преподавателя и—главное—со стороны освѣщенія въ ихъ произведеніяхъ философіи жизни: вопросовъ вѣры и морали. Равнымъ образомъ, философія и психологія вмѣстѣ съ апологетическимъ богословіемъ, какъ классные предметы, были бы приближены къ живымъ требованіямъ и запросамъ времени путемъ внѣклассной разработки особенно важныхъ въ настоящую минуту общихъ вопросовъ христіанской религіи и морали, такъ часто затрогиваемыхъ и неосновательно рѣшаемыхъ въ свѣтской популярной научной литературѣ (каковы вопросы о психологіи религіозной вѣры, о нравственномъ прогрессѣ въ отличіе отъ механическаго и экономическаго пониманія идеи эволюціи; вопросы соціальной морали, вопросы объ отношеніи христіанства къ земной жизни и т. под.).

Полагаемъ, что для семинаристовъ съ крѣпкою головою и отзывчивымъ сердцемъ (а мало ли ихъ у насъ?) подобная работа будетъ весьма по душѣ. Все дѣло—въ разумной организаціи такихъ занятій. Мы склонны съ особенною настойчивостью рекомендовать въ этомъ случаѣ, съ нашей точки зрѣнія, очень цѣлесообразный методъ, какъ составленіе семинаристами по указаніямъ преподавателей рефератовъ на подлежащія темы и разборъ ихъ путемъ живого обмѣна мыслей на общихъ собраніяхъ—по образцу такого же рода собраній, которыя нашли себѣ сочувственный откликъ у студентовъ духовныхъ академій. Пусть даже не всѣ семинаристы примутъ въ этой работѣ активное участіе. Важно тутъ иногда просто только ввести аудиторію въ курсъ живыхъ вопросовъ времени, воспитать въ нихъ вкусъ къ идейной работѣ и заохотить къ серьезному дѣлу широкаго и разумнаго саморазвитія и подготовки къ осмысленной жизненной дѣятельности... Вѣримъ, что такая работа никогда не пройдетъ даромъ, а въ лучшемъ случаѣ—постепенно сниметъ съ репутаціи нашего духовенства обидное клеймо отсталости и коснаго равнодушія ко всему, что касается наболѣвшихъ вопросовъ текущаго времени, и постепенно же подготовитъ въ лицѣ духовенства дѣятелей, которые въ состояніи будутъ на распутьи стоящими указать правый путь христіанской жизни.

Свящ. *Евгеній Капраловъ.*

Одинъ изъ недостатковъ нашей обычной проповѣди.

Намъ приходилось слышать и читать довольно много проповѣдей. Значительное количество ихъ, однако, лишено было одной, по нашему мнѣнію, существеннѣйшей черты, отсутствіемъ которой и объяснялась недостаточная дѣйственность ихъ на умы и сердца слушателей. Имѣемъ въ виду нѣкоторую безсодержательность, наблюдаемую во многихъ про-

повѣдахъ всякій разъ, какъ только проповѣдникъ начинаетъ призывать слушателей къ благочестивой, добродѣтельной жизни. Тутъ часто все дѣло кончается фразами примѣрно такого содержания: „будемъ же всемѣрно избѣгать грѣха, будемъ воплощать въ своей жизни законъ Божій, такъ часто нами нарушаемый; помните, что въ осуществленіи заповѣдей Божіихъ—наше счастье временное и залогъ вѣчнаго блаженства, и наоборотъ“ и т. д. По выслушаніи проповѣди, гдѣ сказатель ея отдѣльвается подобнаго рода общими призывами, чувствуется глубокая неудовлетворенность. Мы соглашаемся съ проповѣдникомъ, что нужно избѣгать грѣха и жить добродѣтельно. Одно—и самое важное—для слушателя остается нерѣшеннымъ: какъ начать эту добродѣтельную жизнь, противоположную тому грѣховному усиленію, въ которомъ онъ чувствуетъ себя пребывающимъ доселѣ? Какъ ни странно сказать, но можно,—говоримъ безъ преувеличеній,—десятки лѣтъ слушать проповѣди, десятки лѣтъ томиться желаніемъ вступить на надлежащій путь жизни, и однако все время пребывать въ невѣдѣніи того, что прежде всего требуется отъ человѣка понятіемъ благочестія, добродѣтели, святости жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое добродѣтель, къ которой призывъ и составляетъ конечную цѣль проповѣди?—Мы сами учились въ семинаріи, и при словѣ добродѣтель нашему сознанию представляются троякаго рода обязанности, лежащія на человѣкѣ—въ отношеніи къ Богу, людямъ и самому себѣ. Но, спрашивается, въ исполненіи этихъ обязанностей гдѣ тотъ предѣлъ, за которымъ почувствуется человѣкомъ счастье добродѣтели, миръ совѣсти, удовлетворяющій его въ томъ, что онъ стоитъ на прямомъ пути благочестія, или жизни по Богу?—Ставя этотъ вопросъ, мы спрашиваемъ о томъ, что неизбѣжно переживается всякимъ внимательнымъ христіаниномъ по выслушаніи имъ церковной проповѣди. Внутренняго опыта жизни по Богу онъ не имѣетъ, и ему, поэтому, приходится пока только теоретически разсуждать о томъ, насколько цѣненъ, желателенъ и — главное—возможенъ для

практическаго осуществленія тотъ призывъ къ святости, какой онъ выслушалъ въ церкви. Но пусть цѣнность этого призыва, какъ призыва, идущаго отъ лица Христа Спасителя, будетъ для него несомнѣнною. Однако вмѣстѣ съ вопросомъ о возможности для него благочестивой жизни остаются,—имѣя въ виду указанное понятіе добродѣтелей,—нерѣшенными еще слѣдующіе вопросы. „Чтобы жить добродѣтельно, и долженъ исполнять свои обязанности по отношенію къ Богу. Тутъ,—вѣроятно, разсуждаетъ слушатель, даже получившій спеціальную богословскую подготовку, —идеть рѣчь о готовности человѣка въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ и себѣ слѣдовать заповѣдямъ Божиимъ; идетъ затѣмъ уже прямо и непосредственно рѣчь о нашемъ долгѣ молиться Богу какъ дома, такъ и за общественнымъ богослуженіемъ. Объ исполненіи обязанностей къ Богу чрезъ установленіе должныхъ отношеній къ ближнимъ и себѣ,—продолжаетъ разсуждать такой человѣкъ,—подумаю особо; но вотъ обязанность молитвы. Гдѣ предѣлъ исполненія этой обязанности? Значить ли это, что я молитвою долженъ освящать начало и конецъ дня и всякаго дѣла, съ молитвою приступать ко вкушенію пищи и молиться послѣ ея принятія, участіемъ въ общественномъ богослуженіи, наконецъ, освящать праздничные дни; или этою обязанностию требуется нѣчто большее?“ Каждый изъ такихъ людей слышалъ о болѣе или менѣе постоянномъ молитвенномъ настроеніи свв. подвижниковъ. Ихъ примѣръ, спрашивается, обязателенъ ли для насъ? И, наконецъ, постоянное молитвенное настроеніе въ обычныхъ условіяхъ мірской жизни представляется прямо невозможнымъ. Итакъ, призывъ къ добродѣтели въ смыслѣ исполненія обязанностей въ отношеніи къ Богу, лишь только мы подумаемъ о практическомъ осуществленіи его, сразу же порождаетъ вопросы, мѣшающіе намъ бодро приступить къ осуществленію этого призыва.

Но идемъ дальше.

Обязанность послушанія волѣ Божіей требуетъ отъ насъ должныхъ отношеній къ людямъ. Проповѣдникъ говоритъ

намъ о любви къ ближнимъ, какъ нормѣ, которой должны отвѣчать наши отношенія къ людямъ на основаніи заповѣди Спасителя. Тутъ въ умѣ у насъ проходятъ мѣста Свящ. Писанія, показывающія силу этой любви, простирающейся до самоотверженія, и широту ея, обнимающую всѣхъ, не исключая и враговъ. Но опять сомнѣнія. „Вотъ я рѣшилъ и здѣсь послѣдовать призыву проповѣдника“; но какъ мнѣ быть, чтобы осуществить этотъ призывъ къ любвеобильнымъ отношеніямъ къ ближнимъ? Ко мнѣ является нищій, покрытый рубищемъ, погорѣлецъ, лишившійся всего во время пожара. Что я долженъ дѣлать? Обязываюсь ли къ существенной помощи, выражающейся въ десяткахъ рублей за счетъ моихъ личныхъ ограниченій и за счетъ ограниченій моей семьи? Или, быть можетъ, мой долгъ будетъ исполненъ, если я помогу, не внося чрезъ эту помощь матеріальныхъ стѣсненій въ свою жизнь и особенно въ жизнь моихъ присныхъ? И вообще—то,—продолжаю разсуждать я,—разъ мы странники и пришельцы на землѣ, цѣли которыхъ должны быть на небѣ, разъ намъ вмѣнено въ обязанность пецись только о пасущемъ хлѣбѣ на сегодняшній день, то любовныя отношенія къ ближнимъ не требуютъ ли отъ меня вообще отреченія отъ собственности, по примѣру извѣстнаго евангельскаго богача?“

Въ виду существованія св. подвижниковъ, „смирившихъ плоть свою“ чрезъ столпничество, попеніе веригъ и т. п., возникаетъ вопросъ и о должномъ исполненіи обязанностей въ отношеніи къ себѣ. Впрочемъ, что говорить объ этихъ выдающихся подвигахъ? Несомнѣнно, аскетическіе идеалы нашихъ проповѣдниковъ (говоримъ о громаднѣйшемъ большинствѣ ихъ) требуютъ разрѣшенія даже такого вопроса, какъ вопросъ о позволительности удовольствій супружеской жизни. Итакъ, о чемъ бы мы ни разсуждали по выслушаніи проповѣди, всюду насъ ожидаютъ сомнѣнія и недоумѣнія. И это даже у человѣка, не чуждаго богословской науки. Положеніе всѣхъ прочихъ людей представляется въ данномъ случаѣ безотраднымъ. Мы знаемъ жену одного священника, кото-

рая съ утра до вечера работаетъ по хозяйству, которая готова помочь ближнему по мѣрѣ силъ и усердно молится Богу. Но она скорбитъ иногда по поводу этой своей жизни, проходящей „въ суетѣ мірской“. Ей кажется, что для спасенія слѣдовало бы ей оставить своего мужа, дѣтей и идти на богомолье по монастырямъ. Призывъ къ добродѣтельной жизни, слѣдовательно, она пойметъ, какъ призывъ къ паломничеству, такъ какъ съ дѣтства, очевидно, она привыкла чтить этотъ подвигъ и въ немъ видѣтъ воплощеніе святости. Случалось намъ слышать и такія разсужденія: „вотъ какъ жили святые-то угодники, а мы что—работаешь съ утра до ночи, и о Богѣ-то порядкомъ вспомнить некогда!“ Или вотъ передъ вами мать, которую Господь надѣлилъ большимъ семействомъ. И тутъ жалобы: „Какая моя жизнь! Возишься съ дѣтьми и днемъ и ночью: ни дома помолиться, ни въ церкви постоять не имѣешь возможности“. Читатели данной замѣтки приведутъ тысячи другихъ подобныхъ примѣровъ. И,—скажемъ безъ преувеличеній,—стонъ стоитъ по нашей православной, живущей религіозными идеалами, Руси отъ этого признанія несоотвѣтствія своей жизни тѣмъ идеаламъ, которые предлагаются для осуществленія. Радоваться ли этому?—Намъ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать такъ: и *да*, и *нѣтъ*. *Да*,—поскольку, наблюдая, положимъ, поразительное вниманіе при чтеніи житія святого, слезы при сообщеніи о его постѣ, мы чувствуемъ, что нашъ народъ безусловно религіозенъ, съ сильными запросами на благочестіе. *Нѣтъ*,—поскольку христіанство есть религія успокоенія, поскольку, во вторыхъ, эта безпомощность въ опредѣленіи понятія богоугодной жизни сказывается подчасъ въ самыхъ уродливыхъ явленіяхъ.

Выше мы говорили о женѣ священника. Теперь продолжимъ. Она отправлялась иногда на богомолье—въ праздникъ, напр., Рождества Христова, лишая свою семью той радости этого праздника, какая переживается членами семьи только при полномъ ея сборѣ. Или еще примѣръ. Лишившаяся доче-

ри интеллигентная женщина ежедневно ходить за 2 версты въ монастырь, къ мѣсту ея вѣчнаго упокоенія, для присутствованія тамъ на литургіи. Прочія дѣти остаются безъ материнскаго призора, мужъ; вѣроятно, безъ сытнаго обѣда и съ сознаниемъ тяготы такихъ проявленій благочестія. Скажутъ: это аномаліи, примѣры на личностяхъ, лишенныхъ здраваго смысла. Но оглянитесь вокругъ себя, не найдете ли вы тысячи подобныхъ примѣровъ среди людей, настроенныхъ благочестиво? — Вотъ мать семейства, имѣющая пятерыхъ дѣтей и доселѣ оплакивающая свое дѣвство. Наконецъ, если не брать этихъ, исключительныхъ на первый взглядъ и обычныхъ, по нашему глубокому убѣжденію, явленій, все же намъ до слезъ жалко смотрѣть на крестьянина или крестьянку, которые, напрягая надъ работою всѣ свои жилы, остаются при томъ убѣжденіи, что этотъ ихъ трудъ—„суета мірская“, а добро навсегда останется далеко отъ нихъ.

Свою рѣчь мы ведемъ къ тому, что проповѣдь должна ближе стоять къ жизни, что она всегда должна призывать не къ чему-то туманному, слишкомъ общему, порождающему массу недоумѣній, съ сопутствующею имъ нравственною неудовлетворенностію. Дѣйствуя на волю, въ ней создавая рѣшимость пересоздать свою жизнь, проповѣдь въ то же время должна показать и тотъ путь, идя по которому, человекъ будетъ практически осуществлять образовавшуюся въ немъ готовность на дѣла благія. Просматривая „Московскій Сборникъ“ К. П. Побѣдоносцева, мы натолкнулись на такіа разсужденія его: „если кто изнываетъ болѣзненно въ тускломъ мерцаніи невѣрнаго свѣта и молить изъ глубины душевной о томъ, чтобы свѣтъ дневной озарилъ его изъ потемокъ, пусть приметъ къ сердцу... безцѣнное и спасительное правило: „дѣлай дѣло, которое всего тебѣ ближе, и въ которомъ самый ближній долгъ твой. Дѣлай его—за нимъ объявится другой, послѣдующій долгъ, и все станетъ ясно“ (М. 1896 г., стр. 268—269). Тутъ намъ припомнилась одна арабская легенда, которая говоритъ, что однажды архангелъ Гавріиль былъ по-

сланъ милосердымъ Богомъ предостеречь Соломона Великолѣннаго, чтобы онъ не впалъ въ грѣхъ, и спасти измученнаго, удрученнаго ношей муравья отъ надвигавшагося ливня; и оба дѣла,—замѣчаетъ легенда,—были равно важны архангелу, такъ какъ Господь послалъ для обоихъ. Припомнились еще намъ слова Жоржа Герберта: „думая, что всякое дѣло отъ Господа, мы найдемъ священной и грязную работу служанки; и кто мететъ комнату, исполняя Богомъ данное дѣло, облагородитъ этотъ трудъ“. Пришли намъ на память тѣ наставленія, которыя даются св. ап. Павломъ въ посланіи къ Ефесянамъ въ гл. 5—6, и въ параллель имъ проповѣдь Іоанна Крестителя (Лк. 3, 10—14). Сообразивши все это, мы подумали: *проповѣдническій призывъ къ добродѣтели не долженъ ли прежде всего быть призывомъ къ честному исполненію дома, лежащаго на каждомъ изъ насъ?* Не слѣдуетъ ли съ особенной настойчивостію и обязательно во всякой проповѣди напоминать слушателямъ, что слово вѣры, проповѣдуемое пастырями Церкви, на самомъ дѣлѣ близко къ намъ (Римл. 10, 8), какъ призывъ къ честному исполненію нашихъ прямыхъ обязанностей? Не будетъ ли справедливымъ, если проповѣдники возможно чаще будутъ повторять то, что говоритъ апостолъ въ отмѣченныхъ выше главахъ посланія къ Ефесянамъ: семьянинъ ты,—люби свою жену, какъ себя, и дѣтей своихъ воспитывай въ страхѣ Божиѣмъ; жена ты,—повинуйся мужу, какъ Господу; дѣти вы,—вашъ долгъ почитать своихъ родителей; рабъ ты, слуга,—исполняй свои обязанности, какъ дѣло, возложенное на тебя Самимъ Господомъ и т. д. Если справедливо, что добродѣтель прежде всего есть честное, во славу Божию и при Божіей помощи совершаемое, исполненіе нашихъ ближайшихъ обязанностей, то создавшаяся подъ вліяніемъ проповѣди рѣшимость пересоздать себя и свою дѣятельность по указаніямъ заповѣдей Божіихъ можетъ сряду же переходить въ жизнь, безъ всякихъ сомнѣній и недоумѣній. Отмѣченные въ началѣ нашей замѣтки вопросы уже не будутъ ставиться съ той настойчивостію, и отвѣтъ на нихъ

не будетъ тогда такъ туманенъ, какъ при призывѣ къ добродѣтели не въ указываемомъ нами смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если добродѣтель прежде всего есть честное исполненіе ближайшаго моего долга, то мнѣ ясно, что, помимо нарочитаго обращенія къ Богу утромъ и вечеромъ, предъ началомъ и окончаніемъ каждаго дѣла, предъ вкушеніемъ и послѣ вкушенія пищи, помимо не вызываемаго теперь уже необходимостью праздничнаго отдыха, когда участіе въ общественномъ богослуженіи и благочестивое субботованіе будетъ для меня не тяжелою обязанностію, а радостнымъ отдохновеніемъ послѣ недѣльныхъ трудовъ,—помимо всего этого, и вся моя, съ благословенія Божія совершающаяся, работа будетъ непрерывнымъ хвалебнымъ гимномъ Создателю. Менѣ острыми окажутся тогда и вопросы о любви въ отношеніяхъ къ ближнимъ. „Я долженъ исполнить добросовѣстно прежде всего ближайшій долгъ свой“, разсуждаю я тогда. И у меня естественно устанавливается градація моихъ обязанностей къ людямъ: къ роднымъ, единовѣрцамъ, единоплеменникамъ и т. д. Навсегда положенъ будетъ чрезъ такого рода проповѣдь конецъ и тѣмъ уродливымъ явленіямъ, которыя создаются на почвѣ желанія жить добродѣтельно при отсутствіи яснаго понятія о благочестіи въ его ближайшемъ смыслѣ. Я не буду тогда считать себя героемъ, если, не занимаясь прямымъ своимъ дѣломъ, а принимая участіе въ совершенно чуждой для меня агитаціи, понесу за это должное возмездіе. Мать тогда не броситъ своего мужа и дѣтей ради важнѣйшаго, по ея мнѣнію, хожденія по монастырямъ и т. д. А тотъ подъемъ духа, который буду переживать я при мысли, что, честно исполняя свои обязанности, я чрезъ это самое готовлюсь къ блаженной вѣчности,—развѣ онъ не законное мое достоиніе? Говорятъ о борьбѣ среди крестьянъ съ темнымъ явленіемъ сквернословія. Но если этотъ труженикъ на свое дѣло будетъ смотрѣть, не какъ „на суету мірскую“, а какъ на святое Божіе дѣло, развѣ не поостерегается онъ за святымъ дѣломъ осквернять свой языкъ гнилыми словами?

Мы знаемъ, что призывъ къ добродѣтели въ указанномъ смыслѣ есть призывъ, быть можетъ, къ начаткамъ ея. Но если бы и такъ, развѣ человѣкъ можетъ сразу войти на высоту святости?—Во всякомъ случаѣ, тутъ все же указано будетъ нѣчто положительное. Совѣсть подскажетъ далѣе, чего не слѣдуетъ дѣлать, и прочныя основы добродѣтели, сопровождающіяся бодрымъ настроеніемъ, будутъ заложены въ человѣкѣ. Потомъ за ближнимъ долгомъ „объявится другой, послѣдующій долгъ, и все станетъ ясно“. („Правосл.-Русское Слово“).

Praeclara exempla meliora sunt prooeptis.

Praeclara exempla meliora sunt prooeptis,—и мы имѣемъ въ виду поговорить по вопросу объ оживленіи дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ не словами, а фактами. Предъ нами не старый еще священникъ, 11 лѣтъ служащій въ томъ приходѣ, куда Господь судилъ ему поступить изъ діаконствъ. При опредѣленіи на приходъ ему сряду же пришлось задуматься надъ вопросомъ объ обнесеніи церкви приличною оградой, о наружной и внутренней отдѣлкѣ приходскаго храма, о пріобрѣтеніи новаго колокола взамѣнъ разбитаго и т. д.

Сначала дѣло шло довольно туго. Нужно было внушить прихожанамъ довѣріе къ себѣ, поселить въ нихъ увѣренность, что и бѣднота, дѣйствуя дружно, можетъ достигнуть очень многого. Самое же главное—требовалось утвердить прихожанъ въ той мысли, что дѣла, касающіяся храма, ихъ дѣла, ихъ забота.

Необходимый ремонтъ приходскаго храма начать былъ съ ограды. На средства попечительства надѣлали кирпичу и съ прибылью продали его. Въ слѣдующіе годы повторялась та же операція, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока, помимо необходимаго на устройство ограды кирпича, не было

собрано столько именно денегъ, сколько необходимо было на покрытіе расходовъ для найма рабочихъ. Крестьяне сначала съ недоувѣріемъ смотрѣли на „затѣи“ приходскаго попечительства, руководимаго батюшкой, но когда ограда была сдѣлана—и сдѣлана безъ затребованія положеннаго приговоромъ подушнаго сбора съ нихъ, ихъ недоувѣріе смѣнилось удивленіемъ и благодарностію дѣятельности приходскаго попечительства.

Чтобы обезпечить, затѣмъ, довѣріе прихожанъ къ дѣятельности попечительства и довѣріе самого попечительства къ себѣ, священникъ этотъ за правило положилъ слѣдующее. 1) Разъ навсегда онъ отказался быть предсѣдателемъ попечительства, оставаясь только его членомъ. 2) Попечительскія деньги всегда вѣдались не имъ и хранились не у него, а въ церковномъ сундукѣ. 3) Никакихъ расходовъ изъ попечительскихъ денегъ онъ не вѣдалъ единолично: „Деньги ваши, вы должны и расходовать ихъ“, говорилъ онъ членамъ попечительства на предложеніе единолично нанять рабочихъ или пріобрѣсти то или другое для церкви по своему выбору; 4) Имъ было разъ навсегда заведено—въ одинъ изъ великихъ праздниковъ читать вслухъ всѣхъ прихожанъ отчетъ о приходѣ и расходѣ попечительскихъ суммъ. Вычитаетъ священникъ поступленія въ попечительство и спросить: все ли записано?—„Все, батюшка“. Далѣе читался расходъ попечительства съ подробнымъ указаніемъ сдѣланныхъ въ теченіе года затратъ. Въ заключеніе опять ставился вопросъ о правильности записей.

Такимъ порядкомъ дѣятельности попечительства сряду достигалось нѣсколько цѣлей. Безкорыстіе священника въ его заботахъ объ усиленіи дѣятельности попечительства ставилось внѣ всякихъ сомнѣній. Члены попечительства видѣли въ себѣ хозяевъ своего дѣла, голосъ которыхъ всегда съ удовольствіемъ выслушивался и принимался къ свѣдѣнію; они видѣли, что каждая ихъ трудовая копейка расходуется подъ ихъ контролемъ и идетъ туда, куда они и направляли ее.

Съ другой стороны, и прочіе прихожане, выслушивая въ извѣстные дни въ церкви отчеты о дѣятельности попечительства, получали всѣ побужденіе принять ближайшее и непосредственное участіе въ этой дѣятельности и вмѣстѣ съ членами попечительства привыкали смотрѣть на благоустройство храма, какъ на свое дѣло, какъ на свою прямую обязанность.

Дальнѣйшія предпріятія попечительства еще болѣе утвердили прихожанъ въ этой послѣдней мысли. Послѣ устройства ограды настало время заняться наружною и внутреннею отдѣлкою церкви. Священникомъ въ храмъ было объявлено и объ этихъ новыхъ задачахъ для ревнителей его благолѣпія. Одинъ изъ прихожанъ, указавъ на всеобщую бѣдность односельчанъ,—а нужно замѣтить, что рѣчь идетъ о приходѣ исключительно крестьянскомъ,—предложилъ исхлопотать сборную книжку въ духовной консисторіи. Но тутъ же получилъ отъ священника надлежащее вразумленіе.—„А что, Василій,—спросилъ священникъ,—когда ты предъ праздникомъ затепливаешь лампаду предъ иконою, то былъ ли бы ты доволенъ, если бы въ твою лампаду подливалъ масло твой сосѣдъ?“ Крестьянинъ не понялъ, къ чему клонится рѣчь, и отвѣтилъ: „Конечно, нѣтъ“.—„Но вѣдь этого ты желаешь, когда рѣчь идетъ о нашемъ приходскомъ храмѣ. Украсимъ мы его на собранныя деньги, но будемъ ли мы довольны, входя въ свою церковь?—Нѣтъ, вотъ если бы Богъ помогъ намъ украсить ее на свои трудовыя копейки, тогда другое дѣло. Вошли бы мы тогда въ храмъ Божій и чувствовали бы, что все это—наше, приходское.“—Такимъ же образомъ осуществлена была и *вторая* задача—наружная отдѣлка церкви. Потомъ уже отъ самого прихода послѣдовало предложеніе купить новый колоколъ (въ 80 пудовъ), деньги за который были уплочены приходомъ же въ теченіе одного года. Повѣшенъ онъ былъ въ Пасхѣ, а на слѣдующій годъ въ день Пасхи же было объявлено прихожанамъ, что теперь звонить на колокольніѣ уже ихъ колоколъ, такъ какъ долгъ колокольному заводу

покрыть совершенно. Тутъ же отъ священника послѣдовало предложеніе подновить окраску и живопись внутри церкви. На другой день и на этотъ ремонтъ дружными приношеніями прихожанъ было собрано свыше *ста* рублей. Теперь крестьяне рѣшили во что бы то ни стало собрать постепенно деньги на устройство новаго каменнаго храма взамѣнъ существующаго деревяннаго. 400 р. попечительскихъ денегъ, назначенныхъ для этой цѣли, уже положены на книжку при казначействѣ, и мы увѣрены, что лѣтъ чрезъ 15 усиліями крестьянской бѣдноты будетъ осуществлена и эта задача. Крестьяне твердо вѣрятъ въ осуществимость этого дѣла,—а вѣра двигаетъ горами.

Нужно замѣтить въ заключеніе, что теперь въ этомъ приходѣ всѣ общественныя крестьянскія деньги,—напр., за сдаваемые въ аренду уголья, — деньги, которыя въ другихъ мѣстахъ нерѣдко расходуются на водку, здѣсь неизмѣнно идутъ въ церковь.

Никакихъ выводовъ изъ сообщеннаго мы не дѣлаемъ: они ясны и безъ того. Видно, что изъ дѣятельности попечительства, при благоразумной постановкѣ его, можетъ развиться общее дѣло, которое мало-по-малу возбудитъ интересъ и захватитъ весь приходъ.

В. Ф.

(Окончаніе слѣдуетъ).

**Завѣты престарѣлаго іерея молодымъ духовнымъ
лицамъ ¹⁾.**

(Окончаніе).

Въ прошлый разъ я говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ причта между собою; теперь поговорю объ отношеніяхъ причтовъ къ прихожанамъ и наоборотъ.

---

¹⁾ См. № 39 за 1904 г.

Къ великому сожалѣнію, у насъ отношенія духовенства къ прихожанамъ далеко не вездѣ нормальны, что доказывается массою „дѣлъ“, которыя разбираются нашимъ духовнымъ начальствомъ. А сколько такихъ дѣлъ не доходитъ до начальства!

Причиною нашего недовольства прихожанами служить по большей части и главнымъ образомъ ненормальность вознагражденія за наши труды. Но нѣтъ ли, помимо этого, и другихъ какихъ-либо причинъ къ неудовольствію собственно прихожанъ на духовенство? Условія вознагражденія за трудъ вездѣ у насъ одни и тѣ же, а между тѣмъ, въ иныхъ приходяхъ существуютъ добрыя отношенія между прихожанами и причтомъ, а въ другихъ — нѣтъ; даже въ двухъ-трехъ-штатныхъ приходяхъ къ одному причту относятся такъ, а къ другому или къ другимъ иначе. Что же это значитъ?..

Ясно отсюда, что дѣло не въ однихъ прихожанахъ, что не одни условія жизни бываютъ причиною ненормальныхъ отношеній, а и мы сами — духовныя лица, вслѣдствіе чего намъ нужно чаще обращать вниманіе на себя, на свою дѣятельность: не бываемъ ли мы сами виноваты въ томъ антагонизмѣ, который нерѣдко царитъ между причтами и прихожанами?

Спросимъ себя прежде всего, какъ исполняемъ мы свой /пастырскій долгъ въ отношеніи къ своей паствѣ? Заботимся ли мы, чтобы давать духовную пищу своимъ прихожанамъ? Проповѣдуемъ ли Слово Божіе, какъ должно? Занимаемся ли въ школахъ по Закону Божію, какъ слѣдуетъ? Совершаемъ ли самыя требы и вообще богослуженіе, какъ полагается, неспѣшно, истово и т. п.? Однимъ словомъ, вполнѣ ли мы заслуживаемъ того, чего требуемъ съ прихожанъ? — Прежнее духовенство мало брало за требы, теперешнее же беретъ гораздо больше; но дѣлаетъ ли оно для прихожанъ больше, чѣмъ дѣлало прежнее духовенство? — Прежнее духовенство вело слишкомъ простой образъ жизни. Что говорить — теперь такъ жить не

приходится духовенству, какъ жило оно въ старину; но не переступаемъ ли мы уже границъ, т. е. не дозволяемъ ли себѣ того, что можно назвать роскошью?..

Нужно входить въ положеніе прихожанъ, въ большинствѣ людей бѣдныхъ. Намъ болѣе, чѣмъ кому-либо, извѣстно, какъ трудно живется нашимъ прихожанамъ; а потому, со-всѣмъ не приходится своими чрезмѣрными требованіями еще болѣе увеличивать тяготу ихъ жизни. Прѣжнее духовенство само работало, не покладая рукъ; оно именно *въ потъ лица своею* зарабатывало хлѣбъ свой. Нынѣшнее же духовенство хочетъ и жить подчасъ болѣе, чѣмъ прилично, и труда бѣгаетъ. Святитель Митрофанъ Воронежскій говоритъ: „употреби трудъ, храни мѣрность—богатъ будешь“. Всегда ли соблюдаемъ мы это наставленіе святителя? Если не всегда, то какъ мы можемъ учить другихъ соблюдать его, когда сами не соблюдаемъ? Вспомнимъ св. ап. Павла, который не обременялъ своихъ слушателей содержаніемъ себя, а самъ работалъ своими руками.—Какъ далеки мы бываемъ часто отъ того, какъ жилъ св. апостоль!..

Здѣсь припоминаются мнѣ слова одного престарѣлаго іерея, что „гораздо больше значить то, какъ мы расходуетъ добытыя средства, чѣмъ то, какъ добываемъ ихъ“. Мы часто видимъ, что человѣкъ и много получаетъ, но неразумно тратитъ свои средства, — и выходитъ не ладно. Чтобы расходовать зарабатываемыя средства благоразумно, съ расчетомъ, для этого мы должны пріучить своихъ женъ и дочерей всегда умѣло соблюдать строгую бережливость,—и повѣрьте—тогда гораздо меньше будетъ столкновеній у причтовъ съ прихожанами, такъ какъ не рѣдко неразумныя траты нашихъ женъ и дочерей являются причиною нашихъ чрезмѣрныхъ требованій съ прихожанъ вознагражденія... Да не подумаютъ молодые духовныя лица обоего пола, что мы пишемъ эти строки съ цѣлію укорить ихъ. Боже сохрани! Мы желаемъ только предостеречь, чтобы не возникли потомъ непріязненныя отношенія между причтами и прихожанами. Установятся, не дай

Богъ, такія отношенія, тогда слишкомъ тяжело будетъ жить на приходѣ! Зачѣмъ же допускать намъ себя до этого?..

Помоги вамъ Господь сохранить мирныя отношенія къ прихожанамъ, — и съ Его всеявленою благодатною помощью смѣло и бодро идите на дѣло свое и на дѣланіе свое.

Престарѣлый іерей.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го сентября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 41.

Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1904 года, 10-го октября.

Содержаніе: По поводу разъясненія узаконеній, касающихся производства работъ въ праздничные дни.—*Præclara exempla meliora sunt proscriptis* (окончаніе).—Ошибки въ папемъ церковномъ пѣніи.—О войнѣ и послѣдствіяхъ ея.

По поводу разъясненія узаконеній, касающихся производства работъ въ праздничные дни.

Въ „Нравительственномъ Вѣстникѣ“ опубликовано отъ 28 мая текущаго года Высочайше утвержденное измѣненіе и дополненіе гражданскихъ узаконеній относительно производства работъ въ праздничные дни. Доселѣ дѣйствовавшими узаконеніями по этому вопросу были статьи 23 и 24 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и статья 300 Общаго учрежденія губернскаго. Первая изъ этихъ статей гласить: „Воскресные и праздничные дни церковные и гражданскіе а) посвящаются отдохновенію отъ трудовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ набожному благоговѣнію, б) посему дни сіи, воздерживаясь отъ безпутной жизни болѣе, нежели въ другіе, надлежитъ праздновать съ благоговѣніемъ и чистотою и в) хо-

дять въ церковь къ слушанію службы Божіей, а особливо литургіи“. Согласно второй статьѣ, „во все праздничные дни, въ которые присутственныя мѣста свободны отъ собраній, а училища отъ ученія, нигдѣ казенныхъ и другихъ публичныхъ работъ не производить какъ вольными или казенными мастерами, такъ и арестантами, безъ особаго на то Высочайшаго дозволенія, исключая: 1) случаевъ чрезвычайныхъ, когда отъ отлагательства можетъ произойти вредъ постройкамъ, ущербъ казнѣ и остановка въ сообщеніяхъ; 2) тѣхъ вѣдомствъ, кои руководствуются особыми уставами, силою коихъ работы по симъ днямъ именно разрѣшаются или требуются“. Статья Общаго учрежденія губернскаго говоритъ: „Губернаторы имѣютъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ постановленій о должномъ уваженіи въ народѣ воскресныхъ дней, особенно торжествуемыхъ Церковью праздниковъ, наблюдая, чтобы въ сіи дни, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, означенныхъ въ Уст. о пред. и пресѣч. прест., нигдѣ не производилось казенныхъ и публичныхъ работъ“.

Вопросъ о разъясненіи и измѣненіи этихъ статей возбужденъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, которое, находя, что чрезмѣрное число дней, празднуемыхъ сельскимъ населеніемъ, вредно отражается на ходѣ сельскихъ работъ и вообще на благосостояніи крестьянъ, а неправильное толкованіе изложенныхъ статей закона даетъ основаніе властямъ препятствовать производству крестьянами работъ въ праздничные дни, ходатайствовало о разъясненіи и измѣненіи этихъ статей въ томъ смыслѣ, что добровольное занятіе работою въ праздничные дни предоставляется усмотрѣнію каждаго, „и никакая власть не должна чинить въ семъ трудящимся какихъ-либо препятствій“. Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ вышеуказанныя статьи закона относительно праздничныхъ дней, нашель, что въ первой изъ этихъ статей указывается въ сущности только на то, что праздничные дни посвящаются отдохновенію отъ работъ, благоговѣнію и мо-

литвѣ, а потому въ эти дни надлежитъ воздерживаться отъ порочной жизни; второю статьею (24-ю) паглядно подтверждается отсутствіе въ законѣ общаго запрещенія работъ въ праздники, а дѣйствию содержащагося въ ней запрещенія работать въ праздничные дни ограничено исключительно производствомъ работъ казенныхъ и публичныхъ—и то за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, когда допускаются и такія работы; что же касается статьи 300 Общаго учрежденія губернскаго, то она повторяетъ лишь приведенныя постановленія Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, опредѣляя лежащія въ этомъ отношеніи на губернатора обязанности. Такимъ образомъ, указанныя статьи носятъ скорѣе характеръ нравственнаго указанія или совѣта, чѣмъ законодательнаго требованія. Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: I. въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: *„Добровольное занятіе работою въ воскресные, праздничные и торжественные дни церковные и гражданскіе предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить трудящимся какихъ-либо въ семь препятствій“*. II. *„Исключить изъ статей 300 Общаго учрежденія губернскаго (Свод. зак., т. II, изд. 1892 г.) и 24 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій содержащееся въ нихъ указаніе на воспрещеніе производства въ воскресные и праздничные дни публичныхъ работъ“*. Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта 10 мая 1904 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Новый законъ о праздникахъ, не отрицая того, что праздники должны быть посвящаемы христіанами отдохновенію и богоугоднымъ дѣламъ милости, благотворенія и молитвы, предоставляеть должное провозженіе праздниковъ свободной волѣ и совѣсти каждаго. „*Всякая мысль,—говоритъ Государственный Совѣтъ,—о колебаніи высокаго значенія праздниковъ и торжественныхъ дней была бы, конечно, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнута какъ обсуждавшимъ это дѣло Осо-*

бымъ совѣщаніемъ, такъ и Государственнымъ Совѣтомъ. Поэтому, освященное вѣрою и благоговѣйнымъ въ теченіе вѣковъ почитаніемъ христіанъ начало праздничнаго отдыха должно и впредь оставаться неизблемымъ. Но только это отдохновеніе—въ чемъ заключается его цѣль—ни для кого не можетъ быть принудительнымъ“. Какъ истинно-христіанской нравственностью можетъ быть названа лишь нравственность, истекающая не изъ рабскаго страха предъ закономъ или карою закона, а изъ искренняго убѣжденія и христіанской вѣры, такъ, въ частности, и достождное провозженіе христіанномъ праздниковъ должно быть свободнымъ, а не принудительнымъ. Это—идеаль, къ которому должны стремиться христіане. Правда, къ осуществленію идеала ведетъ долгій и тернистый путь постепеннаго совершенствованія, — путь, на которомъ иногда возможны,—а иногда необходимы, смотря по степени развитія осуществляющихъ христіанскій идеаль людей,—болѣе или менѣе рѣшительныя побужденія, но тѣмъ не менѣе идеаль долженъ всегда имѣться въ виду, какъ цѣль, какъ путеводная точка. Прежній законъ о праздникахъ, указывая, въ чемъ должно состоять ихъ христіанское провозженіе, предоставлялъ губернаторамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подвѣдомственнымъ имъ властямъ наблюдать за тѣмъ, чтобы въ дни праздничныя не производились публичныя работы, можно полагать, съ цѣлью охранять отъ возможныхъ соблазновъ простой народъ, въ которомъ не вполне созрѣло понятіе о должномъ провозженіи христіанскихъ праздниковъ. Новизданный законъ производство работъ — публичныхъ ли то, или частныхъ — всецѣло предоставляетъ свободной волѣ каждаго, надѣясь, что крестьяне сами поймутъ, въ какихъ случаяхъ вынужденная крайней необходимостью (напр., въ лѣтнюю или весеннюю страдную пору) работа не будетъ противна ихъ христіанскому долгу. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи на помощь крестьянамъ прійдутъ ихъ духовные руководители-пастыри. Они разъяснятъ крестьянскому люду, что правительственнымъ разрѣшеніемъ работать въ праздничныя

дни не нарушается значеніе и святость праздниковъ, а имѣются въ виду нужды ихъ сельскаго быта, въ которомъ вынужденное празднованіе ипогда очень вредно можетъ отражаться—и дѣйствительно отражается—на ихъ благосостояніи; что законъ, отмѣнивъ *принудительное* (хотя, по существу, такого принужденія со стороны закона и раньше не существовало, какъ разъяснилъ Государственный Совѣтъ) празднованіе, однако, въ неотмѣненной статьѣ¹⁾ ясно указываетъ, что праздничные дни „посвящаются отдохновенію отъ трудовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ набожному благоговѣнію“. Разумѣется, такіа разъясненія пастыря Церкви нисколько не будутъ противорѣчить новоизданному закону, такъ какъ, по заявленію Государственнаго Совѣта, „освященное вѣрою и благоговѣйнымъ въ теченіе вѣковъ почитаніемъ начало праздничнаго отдыха должно и впредь оставаться неизблемымъ“. Напротивъ, и теперь въ полной силѣ остается долгъ пастыря—настойчиво указывать своимъ пасомымъ, въ чемъ должно состоять христіанское провозженіе праздниковъ. Производство или непроизводство работъ въ праздничные дни предоставлено закономъ волѣ каждаго, но на обязанности пастыря попрежнему лежитъ направленіе воли христіанина такъ, чтобы она не шла противъ освященныхъ вѣрою и вѣками завѣтовъ христіанской религіи. Свобода воли, исключая виѣшнее принужденіе, не исключаетъ убѣжденія и направленія. Могучимъ оружіемъ убѣжденія и долженъ пользоваться пастырь,—разумѣется, въ тѣхъ видахъ, чтобы и данный законъ былъ всеми правильно понятъ, чтобы крестьяне не подумали, что этимъ закономъ отрицается значеніе праздниковъ, какъ дней, посвященныхъ отдыху и молитвѣ. Особенно подобное настойчивое разъясненіе является необходимымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть сектанты, отрицающіе значеніе и святость праздниковъ. Такіе сектанты, какъ, напр., штундисты, можно думать, не преминутъ воспользоваться новымъ закономъ, чтобы,

¹⁾ Ст. 23-я Устава о пред. и пресѣч. прест.

ложно толкуя его, найти въ немъ подтвержденіе справедливости своего отрицанія праздниковъ и производить соблазнъ среди вѣрныхъ сыновъ Церкви. Такой соблазнъ они могутъ производить какъ своими открытыми на глазахъ у вѣрующихъ работами въ воскресные и праздничные дни, такъ и еще болѣе—своими рѣчами. И пастырю нужно быть насторожѣ, чтобы рѣчи сектантовъ не смутили его пасомыхъ.

Еще сильнѣе и дѣйствительнѣе можетъ быть такой соблазнъ, если сектанты или просто невѣры, погрязшіе въ матеріалистическихъ расчетахъ, явятся работодателями въ заводской или сельско-хозяйственной промышленности. Въ такихъ случаяхъ соблазнъ можетъ переходить въ принужденіе—если не физическое, то въ не менѣе подчасъ дѣйствительное принужденіе капитала и работодателя. Весьма вѣроятны такіе случаи, когда работодатели — по религіознымъ ли то, или просто по матеріальнымъ расчетамъ—будутъ принимать къ себѣ на работу лишь такихъ христіанъ, которые согласятся работать у нихъ и въ праздничные дни, и будутъ отказывать тѣмъ, кто не дастъ такого согласія. Трудно устоять противъ такого искушенія угнетенному нуждою и часто лишенному работы крестьянину. Не многое и священникъ можетъ сдѣлать въ подобныхъ случаяхъ: у него остается все то же оружіе—убѣжденіе, могучее въ однихъ случаяхъ и слабое въ другихъ. Къ сожалѣнію, пока законъ не указываетъ средствъ для огражденія сельскаго и рабочаго люда отъ подобныхъ эксплуататоровъ; но нужно надѣяться, что современемъ и законъ придетъ на помощь работающимъ, чтобы защитить ихъ отъ власти эксплуататоровъ. Если крестьянамъ предоставлена свобода работать, когда имъ хочется, и когда имъ нужно, то имъ еще необходимѣй свобода и возможность отдыхать хотя бы въ воскресные и важнѣйшіе праздничные дни. Во многихъ западно-европейскихъ государствахъ (въ Англіи, Германіи, Бельгіи и др.) свобода праздничнаго отдыха для рабочихъ ограждена государственнымъ закономъ; почти повсемѣстно въ нашихъ городахъ обязательными постановленіями город-

скихъ самоуправленій и губернаторовъ запрещена торговля въ воскресные и важнѣйшіе церковные праздничные дни съ извѣстнаго часа, чтобы, такимъ образомъ, оградить праздничный отдыхъ приказчиковъ и мелкихъ служащихъ въ магазинахъ и конторахъ. Государственный Совѣтъ въ своемъ разъясненіи узаконеній, касающихся производства работъ въ праздничные дни, отмѣчаетъ обратную крайность, замѣченную въ средѣ сельскаго населенія и вредно отражающуюся на благосостояніи крестьянъ,—обиліе празднуемыхъ крестьянами дней. „Число празднуемыхъ сельскимъ населеніемъ дней,—говоритъ Государственный Совѣтъ,—дѣйствительно чрезмѣрно. Считая работу въ такіе дни недозволенною, крестьяне проводятъ въ бездѣйствіи не только установленные Церковью праздники и высокаторжественные гражданскіе дни, но также и многочисленные мѣстные праздники, значительная часть которыхъ даже не имѣетъ для себя основаній въ церковномъ уставѣ. При этомъ, по сложившимся въ крестьянской средѣ бытовымъ условіямъ, празднованіе не рѣдко соединяется съ разгуломъ, продолжающимся иногда далеко за предѣлы празднуемаго дня. Отсюда понятно, что число нерабочихъ дней достигаетъ въ сельскихъ мѣстностяхъ до 120—140 и даже болѣе въ годъ, при чемъ на самое цѣнное для сельско-хозяйственныхъ работъ время, съ апрѣля по сентябрь включительно, приходится до 77 праздниковъ“. Чрезмѣрное обиліе праздниковъ у крестьянъ,—и притомъ праздниковъ, часто установленныхъ или возвышенныхъ въ своемъ значеніи ими самими иногда по причинѣ невѣжества и суевѣрія,—не подлежитъ сомнѣнію. Нужно позаботиться о томъ, чтобы количество дней, празднуемыхъ крестьянами, было меньше, чтобы они праздновали лишь дни, освященные дѣйствительно великими церковными и религіозными воспоминаніями, и проводили эти дни согласно съ предписаніями Церкви христіанской. Но было бы несправедливостью, если бы крестьяне или рабочіе, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, были лишены и совсѣмъ праздничнаго отдыха, или если бы свобода и возможность

для нихъ такого отдыха не была ограждена отъ внѣшнихъ посягательствъ. Поэтому, желательно, чтобы свобода праздничнаго отдыха въ важнѣйшіе праздники (напр., дванадцатые и др.)—и непременно въ воскресные дни—была ограждена закономъ,—разумѣется, не въ смыслѣ принужденія отдыхать, а въ смыслѣ неприкосновенности праздничнаго отдыха со стороны внѣшнихъ притязаній. А такой неприкосновенности и свободѣ отдыха въ праздничные дни можетъ грозить опасность для многихъ крестьянъ и вообще рабочихъ, если подъ покровомъ новоизданнаго закона раскроютъ свою ненасытную пасть эксплуатація, матеріализмъ и стремленіе къ наживѣ, сопровождаемые невѣріемъ.

Гдва ли въ настоящее время нужно кому-либо доказывать необходимость для рабочихъ классовъ праздничнаго отдыха—не только какъ выраженія почитанія праздниковъ, но и какъ благотворнаго средства сохранять и поддерживать физическія силы работающихъ и какъ средства предохраненія ихъ отъ полнаго погрязанія въ заботы о матеріальныхъ нуждахъ о тѣлѣ, въ ущербъ заботамъ о душѣ. Но по этому поводу намъ невольно приходятъ на память мысли двухъ энергичнѣйшихъ защитниковъ праздничнаго отдыха, собственно отдыха воскреснаго дня—французскаго проповѣдника Берсье и англійскаго Фаррара. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей мы напомнимъ и нашимъ читателямъ въ слѣдующемъ номерѣ

А. Троицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Praeclara exempla meliora sunt proceptis.

(Окончаніе 1).

Другая картина.—Кончена служба въ одинъ изъ праздниковъ. Священникъ, полный сердечной радости, идетъ изъ церкви домой. Здѣсь онъ встрѣчаетъ старушку лѣтъ семидесяти. Она близко ему знакома, такъ какъ почти въ каждый воскресный и праздничный день неопустительно является въ храмъ. Поставить къ печкѣ корзиночку и палку, безъ которой, по слабости, не можетъ ходить, и стоять большую часть службы на колѣняхъ и усердно молится. По окончаніи службы она идетъ по погосту для собиранія „кусочковъ“, а въ домѣ священника обыкновенно поджидаетъ изъ церкви своего духовнаго отца для принятія отъ него благословенія. Съ какою любовію она склоняетъ свою сѣдую голову, принимая благословеніе и дважды цѣлуя руку священника!..

— Авдотьюшка, милая, что съ тобой?—спросилъ священникъ.—Онъ пораженъ, видя у старушки разбитую бровь съ довольно значительною раной, изъ которой сочится кровь.

Несчастная, со слезами на глазахъ, отвѣчаетъ:

— Ослабѣла, батюшка, я, состарѣлась, силушки нѣтъ... Вечоръ пошла съ топоромъ колоть дрова на истопье, положила дровно на дровно, наклонилась, ударила топоромъ по концу дровна, а другимъ-то мнѣ въ бровь, — я тутъ и сунулась.

Священнику представилась ветхая, покривившаяся набокъ, кругомъ на подпоркахъ, избенка, въ которой старушка въ холоду въ теченіе часто цѣлой недѣли принуждена ѣсть собранные въ воскресенъе черствые „кусочки“. Хорошо, если старая вдова попадѣя засушить ей испитого чаю: тогда она вскипятитъ его въ чугуночкѣ и размочитъ въ немъ свои „кусочки“, которыхъ не разгрызть ей беззубому рту.—

1) См. № 40-й за 1904 г.

Припоминается ему и другая, еще болѣе жалкая, безродная старушка. У послѣдней нѣтъ даже своего угла. Прихожанинъ по милости далъ ей мѣсто въ своемъ домѣ.—„Храни Богъ, умереть добрый человѣкъ,—гдѣ тогда пріютится убогая сирота?—думаетъ священникъ... Морозно, поднялась и вьюга. Какъ-то она, Авдотьюшка, доберется до своего холоднаго угла? какъ-то она отогрѣветъ свои окоченѣлыя кости? Господи, помоги мнѣ вырвать ихъ изъ такой безотрадной доли! помоги мнѣ внушить прихожанамъ мысль собрать подобную бѣдноту, дать имъ кусокъ хлѣба и теплый уголь!.. Прежде—слѣдуетъ расположить къ этому предсѣдателя мѣстнаго приходскаго попечительства. Старикъ оцъ—сердечный,—несомнѣнно, откликнется на доброе дѣло“...

Скоро наступилъ храмовой праздникъ. Священникъ, по обычаю, ѣдетъ послѣ обѣдни изъ деревни въ деревню, ходитъ изъ избы въ избу съ молебнами. Вотъ и изба предсѣдателя мѣстнаго приходскаго попечительства.

— Батюшка! поѣсть, чайку попить,—предлагаетъ старикъ.

— Съ радостью, дѣдушка, — отвѣчаетъ священникъ:— мнѣ и ѣсть и пить хочется, да къ тому же и поговорить съ тобою необходимо объ одномъ дѣлѣ.

За столомъ священникъ передаетъ о своемъ желаніи пріютить бѣдныхъ, безродныхъ старухъ, которыя терпятъ и голодь и холодъ. Говоритъ, а ужъ по лицу предсѣдателя видить, что не нравятся ему эти рѣчи.

— Кого же будетъ мѣръ кормить? — слышитъ онъ вопросъ.

— Вотъ, напр., Ольгу. У нея, самъ знаешь, изба безъ угловъ да и черная... Гляди—вотъ-вотъ развалится и задавить собою свою несчастную хозяйку. Печь въ избенкѣ безъ трубы, потолокъ дотого низокъ, что нельзя человѣку стать прямо. Давно вѣдь она уже живетъ въ такой-то конурѣ, глотая ѣдкій дымъ; а оттого, что въ теченіе десятка лѣтъ при-

нуждена была гнуть спину, она теперь — уродь-человѣкъ: и ходить-то, опираясь руками въ колѣна.

— Знаю, знаю... Богъ наказываетъ ее за ея прежніе грѣхи. Что она продѣлывала въ своей молодости! Съ мужемъ не жила, съ другимъ связалась... Да и теперь не жалѣй, батюшка, ее; худой она человѣкъ—молодыхъ парней и дѣвокъ на худыя дѣла наталкиваетъ... сводничаетъ...

— Тогда Аннѣ оказать помощь.

— Ахъ, это той, у которой дочь-то живетъ „въ усадьбѣ“ да прощиваетъ на чаяхъ свои денежки, а матку кормить не хочетъ? У нея и сынъ есть, да бросилъ мать-старуху, гдѣ-то вдали шатается. Его можно судомъ заставить давать рубля три въ мѣсяць на хлѣбъ маткѣ.

Священникъ назвалъ еще двухъ - трехъ прихожанокъ, которыя кормятся милостынею; но предсѣдатель находилъ и за ними то то, то другое, почему и не слѣдуетъ міру заботиться о нихъ.

— Господи! на кого такъ надѣялся я, въ томъ и не встрѣтилъ сочувствія доброму дѣлу!—думалъ священникъ, сядя въ сани съ тѣмъ, чтобы продолжать дальнѣйшій объѣздъ прихожанъ:—нѣтъ, видно, не пришло еще время для начала общей приходской благотворительности.

Прошла зима, и лѣтомъ, въ страдную пору, иной крестьянинъ радъ даже такой безродной старушонкѣ, оставляя ее домъ стеречь или ребятишекъ присмотрѣть. Лѣтомъ онѣ рѣдко даже за „кусочками“ пойдутъ въ праздничный день, а больше кормятся своимъ „трудомъ“. Однако, лѣто продолжается не вѣкъ... Прошло оно, и снова наступаетъ тяжелое время для безродныхъ старцевъ и старушекъ. Ѣдетъ священникъ въ школу, а навстрѣчу ему та же Авдотьюшка, съ тою же корзинкою, съ тою же клюкой... Отвернулся священникъ... Бури поднялась въ его сердцѣ. Жаль ему несчастныхъ богомольныхъ старушекъ. Извѣстно священнику, что она молится всегда, и днемъ и ночью, за тѣхъ, кто подаетъ ей кусокъ хлѣба.

— Батюшка, можно-ль молиться за новопреставленнаго ночью лежа?—какъ-то спросила Авдотьюшка священника:— по своей слабости, иной разъ я не могу подняться и лежа молюсь. Вотъ дана мнѣ копеечка, чтобъ помивала я раба Божія Теодора,—такъ я ее изо рта не выпускаю въ теченіе сорока дней, чтобы она напоминала мнѣ о томъ, что я должна молиться.

Говорить старушка, а сама изо рта достала копеечку и держитъ ее въ рукахъ. Припомнивъ этотъ случай, священникъ мечтаетъ:

— Какъ было бы хорошо собрать эту бѣдноту богомольную и поселить рядомъ съ церковью! Во время заказной заупокойной службы пришли бы старики и старушки, молитва священника, усиленная молитвами старцевъ, поднялась бы къ престолу Царя царей... Какъ это хорошо было бы и для священника, и для старцевъ, и для того, за кого служба совершается!.. Несомнѣнно, прихожанинъ-заказчикъ оставитъ подаваніе на содержаніе старцевъ, хотя бы тѣми же „опекищами“ (ржаная масляная лепешка), которые въ былое время предлагались ему (священникъ отказался отъ такого подаванія съ перваго же года своей службы въ приходѣ)... Какъ легко можно корить при церкви бѣдноту! Случается, жертвуютъ прихожане телятъ по своимъ обѣтамъ, чтобы скотинка лучше велась. Въмѣсто того, чтобы продавать ихъ часто за безцѣнокъ, лучше бы заколотъ для бѣдноты въ пищу; а кожу отдать въ обработку. Тутъ уже и башмаки бѣднякамъ вышли бы. „Погробины“ можно отдать,—на рубахи имъ довольно будетъ. 1-го ноября приносятъ въ часовенку Космы и Даміана бараньи головы и ноги, шерсть и ленъ. И это все можно отдать на содержаніе призрѣваемыхъ: изъ головъ и ногъ будутъ ѣсть студень, а изъ шерсти сваятъ имъ сапоги. Изъ попечительскаго овса, который собирается ежегодно, можно удѣлить часть на крупу, блины и кисель. При маломъ сочувствіи прихожанъ соберется ржи достаточное количество

на цѣлый годъ... Господи! неужели не найду сочувствія доброму дѣлу!..

Побылъ въ школѣ священникъ, а оттуда ѣдетъ „въ усадьбу“. Тамъ управляющій—лютеранинъ, но добрый, хороший человекъ. Священникъ привыкъ дѣлиться съ нимъ и горемъ и радостью, какъ съ человекомъ развитымъ и сердечнымъ. Сообщаетъ ему о своемъ желаніи открыть приходскую богадѣльню, но въ то же время высказываетъ опасеніе, что, пожалуй, не встрѣтитъ сочувствія со стороны прихожанъ, ссылаясь на приведенный выше разговоръ съ председателемъ мѣстнаго приходскаго попечительства.

— Батюшка!—говоритъ собесѣдникъ:—Господь поможетъ вамъ въ добромъ дѣлѣ. Открывайте богадѣльню, даже не совѣтуясь съ прихожанами. Мужички увидятъ вашу заботу о несчастной бѣднотѣ, изъ ихъ же среды вышедшей, и помогутъ. „Усадьба“ будетъ вамъ давать на это доброе дѣло ежегодно 12 пудовъ муки и 15 р. денегъ.

Батюшка не усидѣлъ на стулѣ. Въ его головѣ уже составляется цѣлый планъ будущей богадѣльни и ея дѣятельности.

— Теперь я вѣрю,—говоритъ онъ,—что попечительство согласится на открытіе богадѣльни. Укажу ему на ваше пожертвованіе, какъ на прямое доказательство того, что на помощь къ попечительству по содержанію приходской бѣдноты придутъ и другіе. Слава Богу! Я убѣжденъ, что въ скоромъ будущемъ мы увидимъ открытіе богадѣльни.

Вечеромъ того же дня священникъ отправился въ мѣстное волостное управленіе. Здѣсь онъ встрѣтилъ волостного старшину, писаря и распорядителя мѣстнаго волостного банка. Священникъ сообщилъ имъ о своемъ желаніи открыть богадѣльню. Съ полнымъ сочувствіемъ выслушали они его, съ радостью узнали о томъ, что будущая богадѣльня имѣетъ уже такое значительное ежегодное пожертвованіе, какъ 12 пудовъ муки и 15 руб. денегъ. Рѣшено было въ первое же очередное собраніе членовъ попечительства поднять вопросъ

о призрѣніи безродныхъ престарѣлыхъ членовъ приходской семьи.

Предъ собраніемъ пропѣта была молитва: „Царю Небесный“. Нѣкоторые изъ членовъ передаютъ пожертвованія, собранныя ими въ попечительскія суммы, отъ другихъ поступаютъ членскіе взносы. Одинъ изъ членовъ попечительства принимаетъ и записываетъ пожертвованія въ приходо-расходную книгу. Затѣмъ священникъ выступилъ съ своимъ предложеніемъ объ открытіи богадѣльни. Члены раздѣлились на партіи. Одни—человѣкъ десять—близко къ сердцу приняли предложеніе. Другіе—человѣкъ пять-шесть—были противъ богадѣльни, ссылаясь на невозможность содержанія ея при неимѣніи запаснаго капитала. Третьи не знали, къ какой сторонѣ примкнуть.

— Откроемъ богадѣльню, если будутъ средства, а не будетъ средствъ, разберемъ бѣдноту по домамъ, — сказалъ одинъ изъ этой послѣдней партіи.

— Нѣтъ и нѣтъ,—возразилъ другой:—подумайте, какой будетъ стыдъ для насъ, если мы не выполнимъ того, за что беремся!..

— Братцы!—сказалъ священникъ:—не будемъ окончательно рѣшать этого вопроса сегодня, оставимъ его до слѣдующаго собранія, а за это время вы все хорошенько обдумайте, посоветуйтесь съ односельчанами, а потомъ, Богъ дастъ, и порѣшимъ такъ или иначе...

„Журналъ засѣданія... церковно-приходскаго попечительства 190... года, января—1 дня.

На очередномъ собраніи 27 ноября 19... года мѣстный священникъ поднималъ вопросъ о призрѣніи безродныхъ и престарѣлыхъ членовъ приходской семьи, которые принуждены ради своего пропитанія ходить съ корзинкою для сбора кусочковъ. По новости даннаго вопроса въ нашей приходской жизни, мы рѣшили обсудить его должнымъ образомъ, почему окончательное рѣшеніе было отложено до слѣдующаго оче-

редного собранія попечительства, каковымъ и слѣдуетъ считать собраніе въ настоящій день Нового года.

Обсудивъ предварительно дома, въ средѣ односельчанъ, предложеніе священника о призрѣніи безродныхъ и престарѣлыхъ членовъ приходской семьи, не способныхъ къ труду и не имѣющихъ средствъ къ жизни, мы въ настоящее собраніе единогласно признали своею святою обязанностью облегчить жизнь нашихъ сестеръ и братьевъ, кои, собравъ подаваніе, довольствуются имъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ послѣдняго даннаго имъ куска хлѣба. Намъ извѣстно, что одни изъ нихъ зимою нерѣдко сидятъ въ своихъ ветхихъ холодныхъ избушкахъ, не имѣя для топлива дровъ; другіе, не имѣя своего угла, „Христа ради“ приняты и согрѣты или ихъ дальними родственниками, или совершенно чужими людьми.

„Съ надеждою на помощь Божию въ добромъ дѣлѣ, мы постановили: 1) открыть при церкви, въ зданіи церковной сторожки, гдѣ имѣется свободная, мѣрою 3×3 саж., комната, приходскую богадѣльню для призрѣнія изъ среды прихожанъ безродныхъ и престарѣлыхъ лицъ обоого пола, не способныхъ къ труду и не имѣющихъ средствъ къ жизни. 2) Открытіе богадѣльни постановили произвести 1-го марта сего года, приурочивъ сіе истинно доброе дѣло къ памяти незабвеннаго нашего благодѣтеля Государя Императора Александра II. 3) Для начала дѣла опредѣлили изъ суммъ попечительства тридцать (30) рублей. 4) Для веденія хозяйственной части въ открываемой богадѣльнѣ и для особаго попеченія о ней мы избрали изъ среды себя слѣдующихъ лицъ (идеть перечень ихъ).

Обо всемъ вышензложенномъ и написали сей журналъ“.

Вѣсть о томъ, что попечительство открываетъ богадѣльню, быстро облетѣла весь приходъ.

— Батюшка, отецъ родной! — взмолилась Авдотья, вскорѣ послѣ того явившись къ священнику... — переняла я вѣсточку,

что ты открываешь для насъ, старыхъ, богадѣльню... Запиши меня, Христа ради! ..

Говорить, а сама въ ноги священнику кланяется.

— Что ты, Авдотьюшка! Богу кланяйся, Его благодари... Безъ церковно-приходскаго попечительства я не смѣла бы и думать о чемъ-либо подобномъ. За нихъ, за крестьянъ, молись, старушка!

— О родимый, и за тебя и за мiръ крещеный буду всегда молиться!.. А когда же мнѣ притти-то въ богадѣльню?..

— Въ пятницу, старушка, на третей недѣлѣ поста.

— Знаю: въ богадѣльню будутъ еще проситься Анна Маришина съ Гонячева, да Никола Грязный съ Кузнецова, да Санюшка съ Задушенья.

— Пусть идутъ, старушка, Богъ на всѣхъ хлѣба пошлетъ.

Дѣйствительно, названныя Авдотьей лица пришли записаться, за исключеніемъ Санюшки, полунѣмой, глушенькой дѣвушки. Говорили, что братъ, у котораго она живетъ, не позволилъ ей итти въ богадѣльню, такъ какъ ея милостыней онъ кормится со своею женою.

Въ назначенный день явились трое „богадѣльцевъ“ на дворъ къ священнику. Матушка озаботилась приготовить для нихъ баню и вручила каждому ея самую сшитое новое, чистое бѣлье. Грязный,—не по прозвищу только, а и на самомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ не имѣлъ запаснаго бѣлья и въ банѣ не былъ, по его словамъ, болѣе двухъ мѣсяцевъ,—песказанно обрадовался и бѣлью и банѣ. Нужно было видѣть, какъ этотъ старикъ, больной и „удушливый“, бѣгомъ направился въ баню, чтобы понять то чувство, которымъ горѣло его благодарное сердце.

Вымылись и старушки. Священникъ повелъ ихъ въ приготовленное для нихъ помѣщеніе.

— Вотъ эта кровать тебѣ, Николай; эта тебѣ, Анна; а эта тебѣ, Авдотья.

Чистота въ помѣщеніи, отдѣльныя кровати съ соломенными тюфяками, съ подушками и байковыя одѣяла произвело на „богадѣльцевъ“ ошеломляющее впечатлѣніе. Старикъ сталъ къ лежанкѣ, старушки усѣлись на скамью, опутивъ головы.

— Привыкайте, милые, Господь съ вами!—сказалъ священникъ и ушелъ.

Въ день открытія богадѣльни, къ Божественной литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, вмѣстѣ съ членами мѣстнаго церковно-приходскаго попечительства, собралось около 300 человѣкъ богомольцевъ. По окончаніи литургіи священникъ вышелъ на средину храма и отслужилъ великую панихиду по Государѣ Императорѣ Александрѣ II, а затѣмъ, прежде чѣмъ итти въ отведенное для богадѣльни помѣщеніе для служенія водосвятнаго молебна, произнесъ соотвѣтствующее поученіе на притчу о милосердомъ самарянинѣ. Затѣмъ, всѣ направилась въ помѣщеніе богадѣльни. По окончаніи молебна, жена управляющаго, перваго человѣка, который откликнулся на доброе дѣло, передала „старцамъ“ два бѣлыхъ хлѣба и два пирога, матушка—четыре чайныхъ прибора и чайникъ, а церковный староста—два фунта сахару и $\frac{1}{4}$ фунта чаю.

Изъ помѣщенія богадѣльни члены попечительства перешли въ среднее помѣщеніе церковной сторожки—комнату мѣрою 3×4 саж. Волостной старшина вручилъ попечительству подписной листъ, по которому онъ собралъ въ пользу богадѣльни деньгами 12 руб. 58 коп. и 6 пудовъ ржаной муки. Между прочимъ, на собраніи попечительства присутствовалъ крестьянинъ, который въ прежнее время во всемъ осуждалъ дѣятельность попечительства, выражая при этомъ свои мнѣнія грубо и дерзко. Члены попечительства были поражены, когда онъ попросилъ священника принять и отъ него на богадѣльню пудъ ржаной муки, мѣру жита и ведро творогу.

12-го марта было собраніе уполномоченныхъ по веденію хозяйственной части въ богадѣльни. Имъ священникъ сообщилъ о поступившихъ на богадѣльню пожертвованіяхъ въ количествѣ 22 р. 58 к., 24 пуд. ржаной муки, 1 мѣры жита, 5 мѣръ картофеля и отъ попечительства 10 мѣръ овса. Затѣмъ священникъ передалъ просьбу одной старушки, крестьянской вдовы Марѳы, принять ее въ богадѣльню (у нея 4 замужнихъ дочери, но всѣ отказались дать матери кусокъ хлѣба). Уполномоченные по веденію хозяйственной части и богадѣльни постановили: 1) принять въ богадѣльню крестьянскую вдову Марѳу; 2) выдать каждому изъ призрѣваемыхъ по одному фунту сахару срокомъ на мѣсяць и на то же время $\frac{1}{4}$ фунта чаю на всѣхъ.

В. Ф.

---

¹⁾ Даже въ печатныхъ потныхъ Херувимскихъ допущены повторенія словъ: „всѣхъ подыметь, всѣхъ подыметь“. Напр., см. Церковно-пѣвческой сборникъ, т. II, ч 1-я, 327 и 328 стр.

Ошибки въ нашемъ церковномъ пѣніи.

„Особенно понравилась присутствовавшимъ вторая часть Херувимской пѣсни, со словъ: „яко до Царя всѣхъ подыдемъ“. Такія фразы неоднократно можно въ нынѣшнее время встрѣтить въ замѣткахъ о какомъ-нибудь концертѣ или о церковной службѣ. Это—не корректурная ошибка: если бы была ошибка, то ее во второй разъ не повторили бы. Несомнѣнно, репортеры показываютъ здѣсь свое знаніе; вѣроятно, управляющіе хорами исполняли эти слова: „яко до Царя“,—такъ всѣ слышали и запомнили. Совершенно безспорно, что самъ композиторъ, не понимая смысла пѣснопѣнія, старался звуками изобразить подниманіе всѣхъ до Самого Царя ¹⁾. Большая часть композиторовъ поглощены вѣдь одною заботою—отличиться самымъ хитрымъ, часто нелѣпнымъ, выраженіемъ въ звукахъ отдѣльныхъ предметовъ и дѣйствій, безъ вниманія къ цѣлостности произведенія; желаютъ изобразить землю, рогъ,

¹⁾ Даже въ печатныхъ нотныхъ Херувимскихъ допущены повторенія словъ: „всѣхъ подыдемъ, всѣхъ подыдемъ“. Напр., см. Церковно-пѣвческой сборникъ, т. II, ч 1-я, 327 и 328 стр.

вертепъ, раба и т. д. Сообразуясь съ композиторами, управляющіе хорами, каждый по-своему, стараются отличиться въ пониманіи и исполненіи пѣснопѣній; напр., петербургскій регентъ И. Я. Терновъ (не къ умаленію его сказано) въ одномъ пѣснопѣснн слова: „убити ищеть Иродъ“ исполняетъ хоромъ едва слышно, и репортеръ объясняетъ правильность его пріема тѣмъ, что Иродъ *тайно* призывалъ волхвовъ, и поэтому пѣвцамъ надо исполнять эти слова чуть слышно. Хитро, но едва ли умно и не художественно. Провинціальныя такъ называемые регенты, подражая Тернову, вездѣ, гдѣ ни встрѣтится слово „тайно“, уже постараются совсѣмъ не пропѣвать это слово или исполнять съ закрытымъ ртомъ, думая, что это по-столичному выражаетъ понятіе тайны; другіе же, ставя ни во что пріемы художественнаго исполненія лучшихъ хоровъ, сдѣлаютъ наоборотъ, приказавъ пѣвцамъ это слово „тайно“ гаркнуть, предполагая этимъ выразить свою мысль о томъ, что тайное открывается.

Такимъ образомъ искажается текстъ богослужебныхъ пѣснопѣній, и прививается неправильное или нехудожественное исполненіе ихъ. Искаженіе текста происходитъ и не отъ однихъ композиторовъ, а также оттого, что такъ называемые регенты, не понимая славянскаго текста и оборотовъ рѣчи въ пѣснопѣніяхъ, измѣняютъ по своему слова. Напр., въ одной изъ пасхальныхъ стихиръ хоры даже неприходскихъ церквей поютъ: „и не навидящихъ насъ простимъ вся воскресеніемъ“; на самомъ дѣлѣ надо быть: *пенавидящимъ*, такъ какъ при глаголѣ *проститъ* дополненія ставятся на вопросы *кому проститъ* и *что проститъ*. Также въ началѣ великаго слово-словія слова: „великія ради славы Твоея“ присѣдиняютъ въ пѣніи къ предыдущимъ: „благодаримъ Тя“, предполагая, что мы только благодаримъ Бога „великія ради славы“ Его, а хвалимъ не „великія ради славы“... На самомъ дѣлѣ, это выраженіе, какъ относящееся и къ „хвалимъ“, и къ „благодаримъ“, должно быть выдѣлено въ особую пѣвческую строку,

какъ это сдѣлано въ Синодскомъ и другихъ обиходахъ и дѣлается во всѣхъ благоустроенныхъ хорахъ.

Отъ того же непониманія оборотовъ рѣчи церковно-славянскаго текста пѣснопѣный регенты допускаютъ неправильное пѣніе стихиръ на день Пятидесятницы: „Преславная днесь“. Оборотовъ рѣчи, и называемый дательнымъ самостоятельнымъ, они считаютъ за простой дательный и соединяютъ въ одну пѣвческую строку слова: „глаголетъ бо собраннымъ ученикомъ Христовымъ“; на самомъ дѣлѣ слова: „глаголетъ бо“ должно относить къ предыдущей строкѣ и послѣ нихъ дѣлать остановку, а слова: „собраннымъ“ и проч. соединять съ слѣдующими „бысть шумъ“. Такія я подобныя ошибки въ пѣніи допускаются даже членами причтовъ и не должны быть терпимы.

Обращаясь къ Херувимской пѣснѣ, надо замѣтить, что трудность ея пониманія и объясненія происходитъ отъ неправильнаго славянскаго перевода; именно, словомъ *подыметь* переведено греческое реченіе, которое вовсе не значитъ *подымать*, а значитъ *принимать, срѣтать*; далѣе, въ пѣснопѣннѣ слово *дориносима* вовсе не значитъ *копьеносима*, потому что греческое реченіе *дорифорсо* никогда не значило *носить на копьяхъ* или *съ копьями*, а значитъ—*торжественно сопровождать*. Херувимская пѣснь возбуждаетъ насъ, дабы мы..., отложивъ всякое житейское попеченіе..., достойно *приняли* Царя всѣхъ и почтили Того, Кого *окружаютъ* ангельскіе чины; она убѣждаетъ насъ оставить всякое житейское попеченіе, потому что чрезъ причащеніе предлежитъ *принять* великаго Царя.— Ни о копьяхъ, ни о щитахъ, ни о преторіанцахъ нѣтъ тутъ намека: Царь вселенной представляется боголѣпно сопровождаемымъ ангельскими воинствами. „Сего Царя, грядущаго къ намъ невидимо въ храмъ принести Себя въ жертву, потщимся *усрѣсть* съ благоговѣніемъ и принять Его въ наши души, воспѣвая торжественно съ серафимами, предтекущими и восклицающими Ему: аллилуія!“

Первый, измыслившій и пустившій въ обращеніе щиты, копья, поднятіе на щитахъ и копьяхъ (?), преторіанцевъ и прочее неподобное, былъ протоіерей Ив. Вас. Рождественскій, бывшій законоучитель дворянскаго полка. За нимъ по невѣрному пути пошли оо. протоіереи: Рудаковъ, Д. Соколовъ, К. Никольскій, П. Лебедевъ, В. Николаевскій и Пл. Аѳинскій, пр. Владиславлевъ, Свирѣлинъ, В. Знаменскій и иные¹⁾. Толкованія ими вышеуказанныхъ словъ Херувимской пѣсни являются ихъ собственными, ни на чемъ не основанными фантазіями²⁾.

---

¹⁾ См. Пр.-Р. Сл., 1904 г., № 9.

²⁾ Волог. еп. в., 1904 г., № 13.

О войнѣ и послѣдствіяхъ ея.

Война наводитъ на грустные размышленія какъ по тѣмъ поводамъ, по которымъ она начинается, такъ и по тѣмъ естественнымъ послѣдствіямъ, которыми она сопровождается. Мотивы войны далеко не всегда законны и справедливы, какъ не всегда справедливы и заключаемая послѣ войны мирныя условія. Война—это ни болѣе, ни менѣе, какъ коллективное насиліе, и самая сущность войны состоитъ въ томъ, что торжествуетъ не тотъ, кто правъ, а тотъ, кто сильнѣе или хитрѣе, матеріально или умственно. Вся культура, вся цивилизація XX вѣка, которою современное человѣчество такъ гордится, свидѣтельствуетъ только о непререкаемыхъ взглядахъ торжества силы и отдаетъ дикостию и варварствомъ, такъ какъ опирается на торжество сильнаго надъ слабымъ.

Прекрасная цѣль и мысли Гаагской конференціи трудно достижимы, по крайней мѣрѣ, для нашего времени. Какъ ни хороши и обаятельны въ теоріи философская мораль и религіозная идея о мирѣ, но единомыслія трудно достигнуть какъ среди единичныхъ членовъ семьи, такъ и среди кол-

¹⁾ См. Пр.-Р. Сл., 1904 г., № 9.

²⁾ Волог. еп. в., 1904 г., № 13.

лективныхъ человѣческихъ обществъ и народностей. Въмѣстѣ съ прогрессомъ человѣчества увеличиваются преступленія и тюрьмы, хотя, по здимому, отъ культуры человѣчество въ правѣ ожидать совершенно противоположнаго.

Правда, религія предлагаетъ намъ къ смягченію нравовъ и искорененію вражды между людьми—„возлюбить ближняго, какъ самого себя“; „лучше давать, чѣмъ принимать“..; „не дѣлать другому, чего не желаемъ себѣ“... Но какъ далеко расходятся идеалы религіи отъ идеаловъ XX вѣка!..

Благоразуміе требуетъ мириться съ неизбѣжнымъ, а изъ неизбѣжныхъ золь человѣчества война—самое неизбѣжное, и хотя война всегда сопровождается ужасомъ и кровопролитіемъ, но она имѣетъ и воспитательное значеніе для народа,—въ этомъ ея обратная сторона; и если, по поговоркѣ, „нѣтъ худа безъ добра“, то постараемся разобраться въ войнѣ и ея послѣдствіяхъ, не найдется ли тамъ хотя искорки, могущей освѣтить наши мрачныя мысли?

Развитіе народа прививаетъ ему сознаніе, что отдаленныя предѣлы и даже пустынные окраины его отечества должны быть такъ же охраняемы, какъ и середина государства; защита своего домашняго очага и своей собственности должна побудить всѣхъ объединиться при защитѣ ихъ общаго отечества. Хотя и можно доводить свое миролюбіе и кротость до „непротивленія злу“, но когда грабитель или бѣшеная собака бросаются на насъ или на нашихъ близкихъ, то христіанское чувство любви должно заставить насъ отбиваться какъ отъ грабителя, такъ и отъ бѣшеной собаки; значитъ, бывають войны, которыя представляютъ право необходимой самообороны и самозащиты.

Общая нужда, въ родѣ національной защиты государства, всегда объединяетъ людей, заглушаетъ личныя, эгоистическія чувства, поднимаетъ лучшія, высшія чувствованія: любовь къ родинѣ, самоотверженіе, самопожертвованіе, мужество и храбрость—спеціально военныя доблести. Война даже неудачная, и та приноситъ свою долю пользы, такъ

какъ заставляеть общество вдуматься, встряхнуться, перестать думать объ однихъ личныхъ, эгоистическихъ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, заставляеть общество подняться выше обыденныхъ узкихъ семейныхъ и матеріальныхъ заботъ и объединиться,—а въ объединеніи сила.

Наше отечество много знаетъ неудачныхъ войнъ, послужившихъ ему на пользу, къ улучшенію и возрожденію,—что не всегда достигалось самыми удачными войнами...

Какъ послѣ болѣзни мы лучше цѣнимъ здоровье, такъ и послѣ войны мы лучше используемъ мирное время. Болѣзнь и рана незначительнаго и второстепеннаго члена тѣла чувствуется организмомъ съ одинаковою болью, какъ и важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ органовъ, и заставляеть человѣка принимать мѣры и лѣчить ихъ одинаково... Такъ и въ государственномъ организмѣ—нападеніе на самую отдаленную часть государства чувствуется всѣмъ государственнымъ организмомъ и заставляеть употреблять мѣры огражденія и защиты. И это особенно наглядно доказываетъ русско-японская война. Нападеніе японцевъ на Портъ-Артуръ возбудило патріотическій энтузіазмъ, охватившій всю Россію и побудившій стать на энергичную защиту этого отдаленнаго уголка Россіи, примыкающаго къ нашимъ сибирскимъ окраинамъ. Прошло уже то время, когда при мысли о Сибири у большинства русскаго народа являлось только неясное представленіе о ссыльцѣ, поселенцахъ и переселенцахъ. Съ проведеніемъ Великой Сибирской желѣзной дороги для Сибири начался великій историческій моментъ объединенія окраинъ съ центромъ Россіи. Несомнѣнно, что русско-японская война и послѣдствія ея еще больше сплотятъ Сибирь въ общегосударственный организмъ,—и въ этомъ сплоченіи зиждется великое будущее Сибири.

Правда, что и теперъ, во время войны, чувствуется объединеніе всѣхъ народностей, населяющихъ громадныя пространства Сибири. Пасынки природы: холодный камчадалъ, угрюмый тунгузъ, молчаливый якутъ, чукчи и зыряне сдѣла-

лись дороги намъ, какъ меньшіе братья; у всѣхъ послышалось одно біеніе сердца государственнаго тѣла и одно намѣреніе самозащиты и отраженія врага. .

Да будетъ же этотъ патріотическій подъемъ во время настоящей войны тѣмъ объединяющимъ духомъ, который, подобно цементу, скрѣпляетъ разнородныя и разноплеменные народности нашего отечества въ одну плотную, компактную массу, великую по внѣшнему виду и славную по своимъ внутреннимъ принципамъ, основаннымъ на началахъ объединяющей христіанской религіи и незыблемаго самодержавія—этихъ основныхъ устояхъ нашего отечества! ¹⁾

Свящ. Д. С.

---

¹⁾ Волянск. еп. вѣд., 1904 г., № 21-й.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 1-го октября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, октября 17-го.

Содержаніе: Памяти преосв. Иринея, епископа Орловскаго и Сѣвскаго.—
По поводу разъясненія узаконеній, касающихся производства ра-
ботъ въ праздничные дни (окончаніе).—О задравныхъ и заукой-
ныхъ помянникахъ.—Большая несправедливость (по поводу выбо-
ровъ церковныхъ старостъ).—Объ изданіяхъ для народа.

Памяти преосв. Иринея, епископа Орловскаго и Сѣвскаго.

Преосв. Иринея, епископъ Орловскій и Сѣвскій, без-
спорно принадлежалъ къ числу выдающихся архинастырей
нашей отечественной Церкви, и неожиданная кончина его
вызвала чувство глубокой скорби и искренняго сожалѣнія въ
сердцахъ очень и очень многихъ, болѣе или менѣе близко
знавшихъ покойнаго владыку. Для обстоятельной характери-
стики преосв. Иринея и надлежащей оцѣнки его многоплод-
ной дѣятельности не скоро еще настанетъ время; но свѣжая
могила нѣкоторымъ образомъ налагаетъ на каждого прав-
ственную обязанность подѣлиться съ другими своими воспо-

минаніями, которыя впослѣдствіи могутъ оказаться весьма цѣннымъ матеріаломъ для будущаго біографа. Такія воспоминанія появились уже на страницахъ нѣсколькихъ періодическихкихъ изданій — какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ дополненіе къ напечатанной въ № 27-мъ нашего журнала за текущій годъ статьѣ г. П. Петрушевскаго: „Памяти преосвященнаго Ириней, епископа Орловскаго и Сѣвскаго, бывшаго ректора Кіевской духовной семинаріи и редактора журнала *Руководство для сельскихъ пастырей*“, мы имѣемъ въ виду подѣлиться въ настоящій разъ съ читателями весьма любопытными воспоминаніями бывшаго редактора газеты „Ураль“ С. К. Эфрона (Литвина), помѣщенными въ іюльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, украшенной — кстати сказать — прекрасно исполненнымъ портретомъ преосв. Ириней.

Воспоминанія К. С. Эфрона относятся къ тому времени, когда преосв. Ириней перемѣщенъ былъ съ Подольской кафедрѣ на Екатеринбургскую (1900—1902 г.). Много энергии и архипастырской мудрости требовало служеніе въ полупольской, полу-католической Подоліи; не менѣе труднымъ являлось служеніе и въ Екатеринбургской епархіи. Екатеринбургъ считается столицей раскола не только всего Урала, но и всей Сибири. Во главѣ екатеринбургскихъ старообрядцевъ стоятъ „пріемлющіе священство“ (австрійцы), какъ самыя богатые, вліятельныя и воинствующие; за ними слѣдуютъ „часовенные“ (бѣглопоповцы), „безпоповцы“ и мн. др. Само собою понятно, что городъ въ религіозномъ отношеніи постоянно находится въ самомъ напряженномъ состояніи, и со стороны православнаго духовенства и мѣстнаго архіерея требуется очень много такта, распорядительности, а еще больше — любви и человѣчности, чтобы умиротворяюще дѣйствовать на заблуждающихся, не давать лишнихъ поводовъ къ обостренію розни между православными и старообрядцами. И преосв. Ириней съ первыхъ же шаговъ своей архипастырской дѣятельности въ Екатеринбургской епархіи такъ поставилъ дѣло, что, нисколько не раздражая старообрядцевъ, въ

то же время и не потакалъ имъ ни въ чемъ. Одинъ разъ С. К. Эфрону случилось быть у преосв. Ириней во время приѣма. Въ приемной было много просителей: кто съ проше-ніемъ въ рукахъ, кто и такъ. Преосвященный стоялъ у окна, терпѣливо выслушивая каждаго изъ просителей по очереди. Вотъ подходитъ къ нему почтенный старикъ, одѣтый по-русски, богато и чисто. Старикъ поклонился преосвященному земнымъ поклономъ и сложилъ руки ладонями вверхъ, прося благословенія. Владыка впился глазами въ старика и благо-словенія не далъ.

— Благословите, владыка, — слышался несмѣлый го- лось старика.

Но тутъ—по словамъ С. К. Эфрона — произошло нѣчто неожиданное, приведшее въ смущеніе всѣхъ присутствовав- шихъ. Преосвященный приблизился вплотную къ старику и произнесъ крикливо и гнѣвно:

— Лжець!.. обманщикъ!.. притворщикъ!.. Скажи, въ какого Бога ты вѣруешь?! Если ты раскольникъ, то будь честнымъ рас- кольникомъ! Какъ смѣешь ты подойти ко мнѣ за благослове- ніемъ?.. У тебя ко мнѣ просьба, и ты захотѣлъ поддѣлаться ко мнѣ своею ложью... Развѣ я для тебя священнослужитель?.. Развѣ ты признаешь мое епископское достоинство?.. Зачѣмъ при- шелъ ты ко мнѣ съ ложью на устахъ?.. Уходи!.. уходи, ис- куситель!..

Вдругъ волненіе и гнѣвъ владыки улеглись, и онъ за- кончилъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ:

— Какъ бы былъ я радъ, какое это было бы большое счастье, если бы ты и подобные тебѣ являлись ко мнѣ съ открытымъ сердцемъ, съ искреннимъ желаніемъ получить отъ меня благословеніе!.. О Господи!.. какое бы это было сча- стье!.. И какъ я молю объ этомъ постоянно Царя Небеснаго!..

Старикъ повалился преосвященному въ ноги и въ пол- номъ смыслѣ слова возопилъ:

— Прости, владыко, грѣшенъ я предъ тобой, много грѣ- шенъ!.. Дѣйствительно, пришелъ къ тебѣ съ ложью...

Онъ поднялся на ноги, по лицу его струились слезы.

— А теперь не откажи, благослови!.. Отъ полноты моихъ чувствъ тебя молю: не откажи, благослови!.

Преосвященный благословилъ старика и облобызавъ его. Лицо раскольника просіяло.

— А о дѣлѣ моемъ теперь говорить не буду,—сказалъ затѣмъ раскольникъ:—нестоящее оно... А за ласку твою, за привѣтливость и за строгость тоже—спасибо!.. Вразумилъ ты меня, оканнаго!.. Это ты большое, божеское дѣло совершилъ!..

И, сдѣлавъ владыкѣ земной поклонъ, съ просвѣтленнымъ лицомъ, онъ поспѣшно удался... Черезъ нѣкоторое время этотъ старикъ-раскольникъ присоединился къ православію на правахъ единовѣрія.

Много въ Екатеринбургѣ старообрядцевъ разныхъ толковъ и согласій, не мало и единовѣрцевъ, имѣющихъ свои церкви. *Наслѣдственнымъ попечителемъ* единовѣрческихъ церквей въ Екатеринбургѣ состоялъ въ то время городской голова и глава екатеринбургскихъ единовѣрцевъ Г. Г. Казанцевъ, нынѣ уже покойный (прапрадѣдъ Г. Г. Казанцева построилъ первую единовѣрческую церковь на личные средства, и съ тѣхъ поръ почетная обязанность *попечителя* единовѣрческихъ церквей въ Екатеринбургѣ переходила къ его потомкамъ какъ бы *по наслѣдству*). Это былъ человекъ весьма образованный, не чуждый наукѣ (выдающійся химикъ; состоялъ одно время лаборантомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ у проф. Д. И. Менделѣева) и искусству (былъ недурнымъ актеромъ-любителемъ, имѣлъ собственный театръ, огромную бібліотеку и написалъ нѣсколько драмъ, которыя шли на провинціальныхъ сценахъ), богатый, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ городѣ. Вдругъ разнеслась вѣсть, что преосв. Иринеи выразилъ желаніе служить литургію въ единовѣрческой церкви. Заволновались по этому поводу старообрядцы, заволновались и сами единовѣрцы. Старообрядцы и разные сектанты злорадовались, что православный архіерей „обмірщитъ“ единовѣрческую церковь троеперстнымъ крестомъ; по тому же по-

воду приуныли и единовѣрцы, а вмѣстѣ съ ними и наслѣдственный попечитель ихъ церквей Г. Г. Казанцевъ. Не зная, какъ быть и что дѣлать, Г. Г. Казанцевъ рѣшилъ обратиться за совѣтомъ и помощью къ С. К. Эфрону.

— Положительно не знаю, какъ поступить, — говорилъ сильно взволнованнымъ голосомъ Г. Г. Казанцевъ, пріѣхавши по этому поводу къ С. К. Эфрону:—желаніе преосвященнаго служить у насъ возбуждаетъ среди прихожанъ тревогу. Если архіерей будетъ служить по нашимъ книгамъ и по нашему обиходу, то это будетъ для насъ великимъ радостнымъ событіемъ; если же будетъ служить по-великороссійскому, то ужасно боюсь послѣдствій: всѣ наши старики разбѣгутся изъ храма, и многіе изъ нашихъ навсегда уйдутъ къ „австрійцамъ“ и „часовеннымъ...“ Вы себѣ представить не можете, какъ волнуются единовѣрцы.

— Заѣхали бы къ архіерею и разъяснили бы ему все это,—посоветоваль С. К. Эфронъ.

— Не хорошо, не ловко. Я мало его знаю; онъ можетъ еще обидѣться, и своимъ вмѣшательствомъ я могу еще напортить. Не возьмете ли вы на себя переговорить съ нимъ? Говорятъ, третьяго дня вы провели у него дѣлный вечеръ и остались очень довольны его пріемомъ. Архіерей, по слухамъ, весьма благоволитъ къ вамъ. Право, переговорите съ нимъ. Хорошее, божеское дѣло сдѣлаете...

С. К. Эфронъ старался, по волиѣ понятнымъ причинамъ, отклонить отъ себя вмѣшательство не въ свое дѣло и попросилъ дать подумать до слѣдующаго дня. Но къ вечеру въ тотъ же день онъ получилъ записку отъ Г. Г. Казанцева, спѣшившаго подѣлиться „великою радостью“. Оказалось, что преосв. Ириней вытребовалъ къ себѣ единовѣрческій служебникъ и единовѣрческаго старика-священника, котораго прінялъ чрезвычайно милостиво, обласкалъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о единовѣрческомъ церковно-служебномъ обиходѣ. При этомъ сказалъ, что желаетъ совершить въ единовѣрческой церкви службу такъ, какъ это установлено единовѣрче-

скими старинными святоотеческими обычаями, чтобы не смущать простецовъ-единовѣрцевъ; отзывался съ большой похвалой о единовѣрцахъ за ихъ ревность къ вѣрѣ и за то, что они умѣютъ истово молиться. Сказалъ также, что любить и уважаетъ единовѣрцевъ и не видитъ никакой разницы между единовѣріемъ и православіемъ. Послѣ довольно продолжительной бесѣды преосвященный такъ же милостиво отпустилъ единовѣрческаго священника, какъ и принялъ, а единовѣрческій служебникъ оставилъ у себя, чтобы ближе ознакомиться съ порядками единовѣрческой службы, во избѣжаніе какихъ-либо уклоненій и могущихъ произойти во время самаго совершенія литургіи ошибокъ. „Не можете себѣ представить, — заканчивалъ свою записку Г. Г. Казанцевъ, — какое это вызвало ликование среди единовѣрцевъ: ликую и я вмѣстѣ съ своими!“

На этомъ первомъ служеніи преосв. Ириней въ единовѣрческой церкви въ Екатеринбургѣ присутствовалъ, между прочимъ, и С. К. Эфронъ, который въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ произведенное какъ на него лично, такъ и на прочихъ присутствовавшихъ въ храмѣ впечатлѣніе: „Никогда въ моей жизни я не видѣлъ такой торжественно-молитвенно-настроенной толпы. Трогательное умиленіе было написано на всѣхъ лицахъ молящихся, и присутствіе Бога чувствовалось въ храмѣ такъ сильно, такъ осязательно, что ощущалась какая-то особенная, неземная радость; радость эта была разлита по всему храму, и казалось, что ею былъ насыщенъ самый воздухъ въ храмѣ. Церковь была переполнена не только единовѣрцами, но и австрійцами, часовенными, безпоповцами и всякими другими раскольниками. Мѣста въ храмѣ не хватило для всѣхъ, желавшихъ присутствовать на архіерейскомъ служеніи, и вся площадь вокругъ церкви была заполнена народомъ. Служба шла величаво и медленно, старинные напѣвы великолѣпнаго хора раздавались торжественно, епископъ Ириней въ моменты выхода изъ алтаря, окруженный сонмомъ священниковъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей въ Екатерин-

бургѣ, въ праздничномъ облаченіи, казался Божиимъ предвозвѣстникомъ мира, который отнынѣ долженъ наступить на землѣ и воцариться навѣки“.

Какъ оказалось впоследствии, это первое служеніе преосвящ. Ириней въ единовѣрческой церкви имѣло большое значеніе для всей Екатеринбургской епархіи: съ одной стороны, у „австрійцевъ“ и другихъ раскольниковъ было отнять поводъ „дразнить“ единовѣрцевъ, что у нихъ нѣтъ полного клира, что напрасно они молятся за православнаго епископа, который ихъ знать не хочетъ и не признаетъ ихъ православными; съ другой стороны, служеніе православнаго архіерея въ единовѣрческой церкви явилось осязательнымъ доказательствомъ для самихъ же раскольниковъ, что единовѣріе пользуется полною благодатью, имѣя полный церковный клиръ, состоящій изъ діакона, священника и епископа. Эта увѣренность въ полнотѣ церковнаго клира въ единовѣрціи побудила потомъ многихъ раскольниковъ присоединиться къ православію на правахъ единовѣрціи.

Человѣкъ широкой инициативы и неутомимой энергіи, преосв. Ириней отзывался на все важнѣйшіе запросы текущей жизни и весьма внимательно слѣдилъ за состояніемъ и современнымъ развитіемъ науки и литературы не только духовной, но и свѣтской. Въ бытность свою ректоромъ Кіевской духовной семинаріи онъ, по званію редактора журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, съ каждой дневной почтой получалъ много различныхъ періодическихъ изданій. Послѣ обѣда и вечеромъ все это онъ успѣвалъ просмотрѣть, и въ 8 часовъ утра слѣдующаго дня полученныя имъ накануне періодическія изданія лежали уже въ преподавательской сборной комнатѣ съ помѣтками цвѣтнымъ карандашомъ и съ надписями, какому преподавателю на какую статью или отдѣльное мѣсто ей слѣдуетъ обратить вниманіе, о чемъ, по требованію времени, слѣдовало бы написать статью, и какую именно нужно дать ей постановку и т. п. Такимъ преосв. Ириней оставался и до конца своей жизни, при чемъ каждый

переходъ его на повую кафедру тотчасъ же отмѣчался рѣдкимъ оживленіемъ и кореннымъ улучшеніемъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей. Къ наукѣ и литературѣ онъ былъ очень требователенъ и въ своихъ критическихъ отзывахъ, подчасъ довольно рѣзкихъ, обнаруживалъ большую эрудицію и не мало художественнаго чутья. Интересную въ этомъ отношеніи бесѣду съ преосв. Иринеемъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ С. К. Эфронъ.

С. К. Эфронъ въ первый разъ счелъ долгомъ своимъ лично явиться къ преосв. Иринею, спустя недѣли три послѣ его пріѣзда въ Екатеринбургъ. Получивши приглашеніе владыки „пожаловать“ какъ-нибудь „попить чайку“ вечеромъ съ „отличнымъ кievскимъ вареньемъ“, С. К. Эфронъ не замедлилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, и дней черезъ пять-шесть послѣ перваго свиданія отправился къ нему въ 8 часовъ вечера. Онъ засталъ преосв. Иринея сидящимъ на диванѣ съ книжкой въ рукахъ и по краямъ обложки увидѣлъ, что владыка читаетъ „Вѣстникъ Европы“. Преосв. Иринею встрѣтилъ С. К. Эфрона, какъ стараго знакомаго. Благословивши и усадивши его, онъ заговорилъ:

— Пользуюсь каждой свободной минутой, чтобы почитать. Къ сожалѣнію, весьма мало времени у меня, чтобы перечитывать все, что надо. Ужъ очень много нынче печатаютъ. И сколько хламу выбрасываютъ типографіи! Хорошія книги и статьи попадаются рѣдко... Этотъ журналъ все-таки лучше и серьезнѣе другихъ...

Преосв. Иринею указалъ на отложенную имъ при входѣ С. К. Эфрона на столвшій подлѣ дивана столикъ книжку журнала.

— Это, кажется, „Вѣстникъ Европы“?—перебилъ преосвященнаго С. К. Эфронъ.

— Да, „Вѣстникъ Европы“,—продолжалъ онъ:—читаю и предпочитаю его больше другихъ журналовъ. Не потому,—улыбнулся владыка,—что согласенъ съ его направленіемъ, а потому, что издаетъ его человекъ серьезный и порядочный,

и пишутъ въ немъ люди порядочные и серьезные. Журналь этотъ не зубоскалитъ, не паясничаетъ, не прячетъ кукиша въ карманѣ, не прибѣгаетъ къ задираательной и пошлой полемикѣ. Разумѣется, мнѣ не симпатичны доктрины, которыя проповѣдуетъ журналъ; нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ даже противны. Но надо отдать ему справедливость, что проповѣдь его открытая, честная. „Вѣстникъ Европы“ въ этомъ отношеніи почти одинъ является настоящимъ, заправскимъ бариномъ среди современной хамской журнальной братіи своей. Его конституціонализмъ меня не пугаетъ, ибо онъ приверженецъ постепенности и преданъ Царственному Дому... Другое дѣло—журналы въ родѣ (преосв. Ириней назвалъ при этомъ нѣсколько журналовъ),—развѣ это серьезные изданія? Мальчишество на каждомъ шагу... Противно ихъ перелистывать даже, а приходится... Необходимо знать, о чемъ и въ этихъ журналахъ пишутъ, а главное—какъ пишутъ, къ какимъ формамъ прибѣгаютъ, чтобы быть во всеоружіи для борьбы со зломъ, которое они сѣютъ... Намъ, пастырямъ, призваннымъ направлять стадо Христово ко благу, необходимо возникнуть во все, что волнуетъ общество въ данный моментъ; каковы чаянія, надежды и мысли общества... Все это отражается въ журналахъ, газетахъ, и поневолѣ мы должны, мы обязаны слѣдить за журналами, за газетами. Нельзя безъ этого, если хочешь съ пользою служить Церкви и народу... Приходится иногда даже тратить время на чтеніе беллетристики...

— Неужели и беллетристику читаете?—спросилъ С. К. Эфронъ.

— Мало, но читаю. Недавно прочелъ нѣсколько рассказовъ Горькаго: „Супруги Орловы“, „Мальву“ и еще нѣсколько мелкихъ. Не понимаю, чѣмъ такъ пришелся Горькій по вкусу современному обществу? Талантъ его ниже средняго, и, во всякомъ случаѣ, этотъ писатель гораздо ниже Помяловскаго, Рѣшетникова и Глѣба Успенскаго,—ужь не говорю о Тургеневѣ, Толстомъ, Писемскомъ, Гончаровѣ, До-

стоевскомъ. Развѣ можно сравнивать этого карлика съ такими гигантами? Вѣдь у Горькаго нѣтъ настоящихъ, живыхъ людей, съ плотью и кровью: все у него надумано, искусственно, преувеличено... А вотъ грязи... грязи въ его произведеніяхъ много... Человѣкъ онъ безъ предразсудковъ, и чувство обонянія у него совсѣмъ не развито... Очень и очень смердитъ отъ многихъ страницъ въ его разказахъ...

Отъ свѣтской литературы преосв. Иринеи перешель затѣмъ къ духовной, при чемъ подвергъ рѣзкой критикѣ многихъ духовныхъ писателей и большинство духовныхъ журналовъ.

— Вообще,—продолжалъ онъ,—въ настоящее время у насъ во всемъ и вездѣ господствуетъ какой-то хаосъ, мы стоимъ на какомъ-то распутии, а настоящаго, Божьяго пути не видимъ, не хотимъ его видѣть, отворачиваемся отъ него... Даже, если возьмемъ нашу богословскую науку. Чтò она собою теперь представляетъ? Прочитали бы такъ называемыя ученые изслѣдованія, которыя, подъ видомъ кандидатскихъ и магистерскихъ диссертаций, представляются въ духовныя академіи для полученія ученыхъ богословскихъ степеней. Въ нихъ есть все: и ученость, и эрудиція, и знаніе литературы предмета, и множество выписокъ и цитатъ, и широкія обобщенія, и все, чтò хотите... Но все это только съ виду, для людей непосвященныхъ. Если же углубиться въ эти работы за послѣднія 20-30 лѣтъ, то окажется, за весьма немногими исключеніями, что все это—либо хламъ, либо кража и пережевываніе нѣмецкихъ богослововъ и философовъ. Большинство сочиненій нашихъ русскихъ богослововъ суть только простыя кражи у нѣмцевъ, рѣже у англичанъ. Владѣя нѣмецкимъ языкомъ, прослыть ученымъ богословомъ въ нынѣшнее время не представляетъ труда. И знаете, какой отъ этого происходитъ вредъ?..

Преосв. Иринеи при этомъ глубоко вздохнулъ.

— ... Наше семинарское и академическое богословіе плодитъ еретиковъ... Удивляются, что у насъ являются свя-

щенники въ родѣ (онъ назвалъ по фамиліи одного священника). Да онъ же и есть прямой продуктъ академическаго богословія... Да,—какъ-то уныло закончилъ преосв. Ириней:—наше академическое богословіе—богословіе запада, а не православное...

С. К. Эфронъ просидѣлъ въ тотъ вечеръ у преосв. Ириней до половины одиннадцатаго часа ночи. Все время владыка говорилъ то съ бодрымъ воодушевленіемъ, то впадая въ минорный тонъ и грусть. Несмотря на свой довольно преклонный возрастъ, онъ чувствовалъ и волновался, какъ молодой: необыкновенно живые глаза его то вдохновенно сверкали огнемъ молодости, то заволакивались облаками грусти. Когда онъ такъ строго отзывался о свѣтской и духовной литературѣ, видно было, что владыка сильно скорбитъ душою, что та и другая слишкомъ мало соотвѣтствуютъ своему высокому назначенію.

— Россія—великая страна,—между прочимъ замѣтилъ преосв. Ириней съ большимъ воодушевленіемъ:—и она заслуживаетъ болѣе серіознаго отношенія къ себѣ, и не только заслуживаетъ, но и нуждается въ болѣе серіозной литературѣ... Крѣпко надѣюсь, что Господь пошлетъ ей это...

Требовательный къ себѣ, преосв. Ириней былъ требователенъ и по отношенію къ другимъ, особенно же къ подчиненнымъ, занимавшимъ болѣе или менѣе отвѣтственные посты. Выговоры его макировавшимъ своими обязанностями, вслѣдствіе вспыльчивости и вообще горячности характера, бывали иногда слишкомъ уже суровы. Но, какъ всѣ вообще вспыльчивые люди, онъ скоро отходилъ и нисколько не считалъ для себя унизительнымъ первый же сознавать свои промахи и ошибки и по возможности всѣми мѣрами исправлять ихъ. Вотъ почему между нимъ и *нѣкоторыми* подчиненными происходили на первыхъ порахъ недоразумѣнія и даже неудовольствія, которыя вскорѣ затѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ преосв. Иринеемъ, разсѣивались безслѣдно, и онъ оставлялъ по себѣ во всѣхъ самая свѣтлыя воспоминанія.

Какъ ни кратковременно сравнительно было служеніе его въ Екатеринбургской епархіи, однако его здѣсь скоро поняли и по достоинству оцѣнили. „Внезапная кончина его“, по словамъ С. К. Эфрона, „должна была угнетающимъ образомъ подѣйствовать на нашъ югъ и Уралъ: и тутъ и тамъ представившійся епископъ своею плодотворною дѣятельностью оставилъ послѣ себя завидную память; и тутъ и тамъ онъ пользовался любовью за непрерывные труды свои на пользу ближнихъ, за чуткость и отзывчивость своего любвеобильнаго сердца, за свои заботы о духовномъ просвѣщеніи, за строгость къ самому себѣ и за снисхожденіе къ другимъ, за свою примѣрную благочестивую жизнь, за свое неутомимое усердіе къ храмамъ Божиимъ, за свою хозяйственную и отеческую заботливость о *малыхъ сихъ* и за всѣ другія счастливыя свои качества, которыми онъ былъ надѣленъ Провидѣніемъ. Кончина святителя, несомнѣнно, вызвала скорбь у всѣхъ, кто зналъ его лично. И скорбь эта должна была быть (еще) чувствительнѣе, больнѣе, потому что поразила она своей неожиданностью“.

**По поводу разъясненія узаконеній, касающихся
производства работъ въ праздничные дни.**

(Окончаніе ¹⁾).

Указавъ на ученіе Ветхаго Заѣта о субботѣ и Новаго Заѣта о воскресномъ днѣ, а также на существованіе одного въ недѣлю дня отдыха у языческихъ народовъ древности, Берсье называетъ постановленіе о днѣ покоя постановленіемъ божественнымъ, всемірнымъ и вѣчнымъ, постановленіемъ благодѣлительнѣйшимъ, которое мы должны хранить, какъ даръ, какъ милость Божію. Постановленіе о днѣ покоя, благое для всѣхъ, особенно благодѣтельно для людей, преданныхъ тяжелому физическому труду. Что плоть человѣческая ежеднев-

---

¹⁾ См. № 41 за 1904 г.

но нуждается въ отдыхѣ, это знаетъ каждый; но что наименѣе всего признается, такъ это—необходимость правильнаго возвращенія къ отдыху. Расчитывать на отдыхъ во время остановокъ работы, а въ моменты спѣшности работы предаваться ея гнету неустанно — это самый неудачный расчетъ. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на состояніе фабричнаго люда, ослабленнаго и зачахнувшаго отъ избытка труда, которому предшествуетъ, по непреодолимому противодѣйствию, избытокъ развлеченій и грубыхъ удовольствій. Статистика сравниваетъ съ изумленіемъ физическую выраждаемость рабочихъ, не имѣющихъ воскреснаго отдыха и не умѣющихъ надлежаще пользоваться имъ съ крѣпостью, напр., англійскихъ рабочихъ. Если хотите имѣть вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствіи воскреснаго отдыха, то вѣрьте тѣмъ, которые наилучшимъ образомъ умѣютъ извлекать выгоду изъ себѣ подобныхъ и брать какъ можно больше работы и жертвъ своей стѣпательности. Вѣрьте плантаторамъ, которые изъ своекорыстнаго расчета заботливо наблюдаютъ за днемъ отдыха своихъ негровъ не потому, чтобы они заботились объ ихъ душѣ, но потому, что наблюдали, какъ постоянная работа обезсиливала, разслабляла и убивала ихъ рабовъ. Кто знаетъ, что такое физическая усталость, кто хотя изрѣдка испытывалъ её, тотъ знаетъ, каковъ ея гнетъ, если она является ежедневно, истощая немощный организмъ. Работая нерѣдко 18 часовъ въ сутки, труженики лишены вождедѣннаго отдыха, и воскресенье захватывается также работой, захватывается всецѣло за исключеніемъ, можетъ быть, нѣсколькихъ часовъ, когда разстроенный водоворотомъ работы труженикъ или труженица идутъ искать возбуждающихъ средствъ въ водоворотѣ удовольствій. „Итакъ,—воскликаетъ проповѣдникъ,—дайте имъ воскресный въ собственномъ смыслѣ день—день покоя съ его яснымъ, сладостнымъ утромъ, съ его мирнымъ пробужденіемъ, не знающимъ кошмара непосильной работы, и спасая ихъ тѣло,—кто знаетъ, не спасете ли вы и ихъ душъ?“

Физическій покой не есть единственное чествованіе воскреснаго дня. Кромѣ физической природы, у насъ есть еще духовная, которую нужно развивать и усовершенствовать, если мы не хотимъ жить одними дикими и низшими инстинктами и не хотимъ видѣть ихъ въ основѣ общества. По мысли Берсье, развитіе духовно-нравственной природы человѣка не возможно безъ воскреснаго дня.

Въ настоящее время трудъ, работа, движимыя на верхнихъ ступеняхъ честолюбіемъ, на среднихъ—стремленіемъ къ наживѣ, матеріальнымъ благамъ и удобствамъ, на низнихъ—нуждою и голодомъ, являются все болѣе и болѣе поглощающими. Общество дѣлается похожимъ на огромный механизмъ, захватывающій въ свои колеса отдѣльныя человѣческія личности и лишаящій ихъ послѣдней свободы. На каждомъ поприщѣ приходится завоевывать себѣ положеніе силою, не теряя ни минуты,—и горе тѣмъ, кто опоздаетъ! Такъ на всѣхъ поприщахъ—на однихъ болѣе, на другихъ менѣе. Войдите, напр., въ одну изъ нашихъ большихъ фабрикъ. Среди ошеломляющаго шума вы увидите тамъ, какъ сотни людей поднимаются и склоняются каждую секунду, чтобы послушно слѣдовать за движеніями станка или ковальной машины, безпрерывно вертящейся съ утра до ночи. Подумайте только, что такъ проходитъ ихъ жизнь каждый день, каждый часъ, и представьте себѣ, что случилось бы съ ихъ душами, если бы этотъ трудъ не прерывался никогда!

Случайные часы досуга не приносятъ съ собою никакого отдыха, никакого благотворнаго успокоенія. „Но пусть придетъ воскресный день! Пусть этотъ шумъ остановится! Пусть водворятся тишина и молчаніе, и эти придушенные люди вздохнуть свободно и придуть въ себя! Они вспомнятъ, что они не автоматы, не машины, не мертвыя орудія, а люди. Въ продолженіе воскреснаго дня они вспомнятъ, что имѣютъ душу съ ея духовными потребностями“. Несомнѣнно, многіе ненадлежаще воспользуются свободой воскреснаго дня, предадутся грубымъ развлеченіямъ и удовольствіямъ, рассла-

бляющимъ тѣло и порочающимъ душу; но, по мысли Берсье, полная свобода воскреснаго дня послужить для рабочихъ наилучшею охраной и отъ грубыхъ увлеченій. Въ этомъ отношеніи имъ поможетъ семья. Если бы съ утра работникъ могъ мирно находиться въ кругу своей семьи, если бы онъ могъ свободно отдавать первые часы этого дня тѣмъ, кого любить и о комъ призванъ заботиться, онъ почерпнулъ бы въ этомъ очищающемъ впечатлѣніи наибольшую силу противъ грубыхъ соблазновъ. Съ другой стороны, мать и дѣти почувствовали бы тогда тѣсную нравственную связь съ нимъ, благородная жизнь сердца и законныхъ привязанностей снова заняла бы свое мѣсто. „Уничтожьте воскресный день, и вы ослабите семейную жизнь и поколеблете краеугольный камень всего общества!“ Конечно, сохранить свободу воскреснаго дня—это еще не значитъ узаконить надлежащее празднованіе его: для многихъ этотъ день будетъ днемъ веселья и безумнаго разгула; но если у нихъ будетъ свобода, чтобы погубить себя, то на нихъ же и падеть отвѣтственность за это. Во всякомъ случаѣ, для жизни внутренней и духовной необходимъ особый день: необходимъ такой день отдыха, въ который земная суета должна смолкнуть, предоставивши доступъ голосу Божію, — день, когда между пастыремъ и пасомыми не стояла бы, какъ стѣна, воскресная работа, когда бы они возносили къ Богу умъ и сердце, не отданные и не подчиненные безвозвратно міру, своимъ обычнымъ и принижвающимъ заботамъ. Поэтому, свобода воскреснаго отдыха—это „оплотъ, безъ котораго поднимающійся приливъ практицизма угрожаетъ всеобщимъ наводненіемъ и потопленіемъ“.

Тѣ же мысли о необходимости воскреснаго отдыха какъ для тѣла, такъ и для души выражаетъ и другой проповѣдникъ—Фарраръ. Не только,—говоритъ онъ,—трудъ благословенъ, но и отдыхъ послѣ труда также благословенъ. Господь не создалъ насъ только рабами, чтобы мы всю жизнь проводили за ужасной, грязной земной работой. Даже животныя—и тѣ нуждаются въ отдыхѣ. Лошадь, которой даютъ отдох-

нуть одинъ день въ нелѣлю, будетъ сильнѣе, здоровѣе, дольше пригоднакъ работѣ, чѣмъ лошадь, работающая изо дня въ день. И человѣкъ, работающій всѣ семь дней недѣли вмѣсто *шести*, получить возмездіе въ безсиліи и раздражительности. Рабочіе классы, проводящіе цѣлые дни за тяжелой работой, а на фабрикахъ и заводахъ—среди доменныхъ печей, подъ густымъ покровомъ дыма, оглушенные безостановочно вертящимися колесами машинъ, лишенные освѣжающаго чистаго воздуха, болѣе, чѣмъ кто-либо, нуждаются въ отдыхѣ. Если бы этотъ день не защищало Св. Писаніе, то онъ могъ бы исчезнуть, а рабочіе очутились бы въ рукахъ самаго алчнаго, скареднаго хозяина, самаго низкаго и жаднаго собрата. Для духовно-нравственной жизни воскресный отдыхъ—это мость, переброшенный черезъ мутныя волны жизни, по которому мы можемъ достигнуть другаго берега. Воскресенье повелѣваетъ всему мірскому уступить мѣсто духовному, отложить ради блаженнаго отдыха и святости всѣ земныя труды и заботы. Слѣдовательно, еженедѣльно повторяющееся воскресенье назначено Господомъ, чтобы удержать насъ отъ великаго водоворота времени и чувства. Оно напоминаетъ намъ, что за конторщикомъ, купцомъ или ремесленникомъ скрывается человѣкъ, т. е. нѣчто неизмѣримо высшее,—человѣкъ, сотворенный по образу Божію, наследникъ безсмертія. Сколько купцовъ, дѣловыхъ людей, конторщиковъ, проводящихъ цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы, даже годы за однимъ и тѣмъ же столомъ, за одними и тѣми же счетными книгами и счетами до тѣхъ поръ, пока не сторбится ихъ спина, и морщины не покроютъ ихъ лица! Ихъ сердца настолько притупляются занятіями, что господа эти какъ бы забываютъ, что они—люди. Занятіе само по себѣ можетъ быть правильнымъ, честнымъ. Но если человѣкъ посвящаетъ ему всю свою жизнь, если онъ забываетъ о своей душѣ, если сердце и божественный духъ губятся и уродуются лихорадочною предапностью дѣлу, то, несмотря на всѣ кажущіеся успѣхи, жизнь такого человѣка низка и презрѣнна. Воскресенье является вѣстникомъ,

посланнымъ Небомъ для спасенія утлой ладьи нашей жизни изъ поглощающихъ ее волнь: когда все стремится опутать насъ забвеніемъ, погрузить насъ въ притупляющія занятія или подавляющую и тѣло и духъ непрерывную работу, одно воскресенье напоминаетъ намъ, что у нашей души есть вѣрный и сильный якорь, не удерживающій насъ въ коварныхъ и тѣнистыхъ глубинахъ воды, но влекущій и прикрѣпляющій къ предвѣчной Скалѣ.

А. Троицкій.

О заздравныхъ и заунокойныхъ помянникахъ.

Тяжелыя современныя политическія событія отечества нашего неодинаково отзываются въ сердцѣ русскихъ людей, но у каждаго сообразно съ его развитіемъ, съ его званіемъ и общественнымъ положеніемъ. Въ сердцѣ служителей Церкви Христовой, между прочимъ, они отзываются такъ, что при каждомъ молитвенномъ церковномъ поминовеніи,— и на проскомидіи предъ Божественной литургіей, и на самой литургіи, особенно по совершеніи спасительной евхаристической жертвы, по возгласѣ „Изрядно о Пресвятѣй“,—вслѣдъ за именами Высочайшихъ Царствующихъ Особъ невольно встаетъ въ сознаніи, при поминовеніи живыхъ, и славное имя раба Божія, воина боярина Алексія¹⁾, а въ числѣ умершихъ— незабвенное имя повопреставленнаго убіеннаго воина боярина Стефана²⁾. За ними сейчасъ же приходятъ на мысль и многія другія имена живыхъ и умершихъ славныхъ героев современной войны. Слѣдуетъ и цѣлый сонмъ православныхъ русскихъ воиновъ, и подвизающихся на брани, и положившихъ уже душу свою за вѣру, Царя и отечество. Во мгновеніе ока мысленно въ сознаніи проносится и вся тяже-

¹⁾ Главнокомандующій Манчжурской арміей генер. Куропаткинъ.

²⁾ Погибшій на броненосцѣ „Петронавловскъ“ адмир. Макаровъ.

лая картина этого крестнаго воинскаго подвига — картина страшная и по ужасамъ безпримѣрная. При этомъ чувствуется какъ бы нѣкоторое таинственное сраствореніе молитвы, возносимой здѣсь, у престола Божія, на землѣ, съ молитвою самихъ христіанскихъ героевъ, величіемъ своего подвига, подъятаго ими даже до потери жизни своей, ходатайствующихъ на небѣ о нашемъ счастьи, благополучіи и спасеніи и о мирномъ преуспѣяніи всей нашей жизни.

Думается, что многимъ изъ служителей Церкви хорошо знакомы эти внутреннія молитвенныя настроенія. Съ чувствомъ живой, сердечной радости мы не можемъ не отмѣтить и того, что и люди мірскіе видимо переживаютъ то же самое въ своихъ молитвенныхъ возношеніяхъ за живыхъ и умершихъ и выражаютъ свою любовь къ воинамъ, проливающимъ за насъ кровь свою на Дальнемъ Востокѣ, тѣмъ же молитвеннымъ церковнымъ ихъ поминаніемъ за Божественной литургіей. По должности кладбищенскаго іерея намъ приходится ежедневно прочитывать обывательскіе церковныя помянники, въ которыхъ, на ряду съ именами сродниковъ, встрѣчается имя повонр. воина боярина Стефана. Правда, это — лишь въ нѣкоторыхъ, далеко не во многихъ. А между тѣмъ, желательно было бы, чтобы славныя имена защитниковъ нашего отечества — и живыхъ и умершихъ — какъ можно чаще, и особенно теперь, украшали собою каждый семейный молитвенный помянникъ¹⁾. Долгъ пастырей Церкви — разъяснить высокую важность этого дѣла. Отсутствие записи православныхъ воиновъ въ нашихъ помянникахъ, конечно, не свидѣтельствуетъ о нашей холодности къ нимъ, потому что въ противо-

---

¹⁾ Примѣръ Тамбовской Общины Краснаго Креста, внесшей въ свой синодикъ имя погибшаго на мѣстоцѣ „Страшный“, уроженца Тамбовской губерніи матроса Θεодора Захарова Андреева для вѣчнаго поминанія вмѣстѣ съ именами другихъ воиновъ, уроженцевъ Тамбовской губерніи, положившихъ свою жизнь за вѣру, Царя и отечество (Губернск. Вѣдом. за 1904 г. № 107), заслуживаетъ искренняго и широкаго подражанія.

вѣсь этому есть много и другихъ увѣреній нашей къ нимъ расположенности; но, во всякомъ случаѣ, оно говоритъ о недостаточно правильномъ пониманіи нѣкоторыми высоты и важности именно литургійной молитвы за живыхъ и умершихъ. Евхаристическая молитва приносится по дерзновенію и въ силу крестныхъ заслугъ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, и она выше, дѣйствительнѣе и спасительнѣе всякаго другого молитвеннаго обращенія; она объемлетъ собою одинаково и живыхъ и умершихъ и, можно сказать, неисчислима въ своихъ благодатныхъ послѣдствіяхъ, если приносится съ вѣрою и любовію. Она низводитъ таинственное благословеніе и освященіе на всѣхъ людей, особенно же на тѣхъ, за коихъ она приносится, внутренне очищаетъ ихъ, ободряетъ и укрѣпляетъ и доставляетъ имъ самое надежное незримое избавленіе отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Но не въ этомъ ли болѣе всего и нуждается теперь наше христіанское русское воинство?..

Дѣлая предположеніе о недостаточно правильномъ пониманіи нѣкоторыми высокой важности литургійныхъ молитвъ за живыхъ и умершихъ, мы не можемъ здѣсь не отмѣтить нѣсколько личныхъ своихъ наблюденій, повидимому, оправдывающихъ нашу догадку. По обязанностямъ службы съ грустію и съ болію въ сердцѣ неоднократно приходилось намъ наблюдать, что подаваемые во святой алтарѣ помянники многими содержатся весьма небрежно. Между ними встрѣчаются крайне ветхіе и истрепанные, исчерканные карандашемъ, замаранные чернилами, облитые масломъ и даже пропитанные керосиномъ. По всему видно, что хранятся они въ домахъ не въ подобающемъ мѣстѣ, кладутся вездѣ, гдѣ придется, какъ обыденная вещь, на ряду съ прочими предметами хозяйственнаго обихода. Между тѣмъ, достойное уваженіе къ ихъ высокому молитвенному употребленію должно бы подсказывать, что хранить ихъ слѣдуетъ въ приличномъ мѣстѣ, въ чистотѣ и въ опрятности, и лучше всего—гдѣ-нибудь по близости къ священнымъ домашнимъ иконамъ. У нѣкото-

рыхъ есть добрый обычай подавать просфоры и помянники въ особыхъ мѣшечкахъ или платкахъ; но платки и мѣшечки попадаютъ иногда грязные, въ мѣшкахъ же крохи отъ просфоръ остаются невыбранными по дѣлымъ недѣлямъ и, замѣтно, здѣсь смѣшиваются съ пылью и съ соромъ отъ обыкновенныхъ домашнихъ предметовъ. Въмѣсто помянниковъ подаются иногда простыя записки съ именами живыхъ и умершихъ. Но что мы видимъ и здѣсь?—Записки эти нерѣдко бываютъ на обрывкахъ бумаги отъ ученическихъ тетрадей, отъ записныхъ книжекъ и отъ хозяйственныхъ даже счетовъ, такъ что, на ряду съ именами живыхъ и умершихъ, можно иногда встрѣтить помѣтки о количествѣ мяса, рыбы и проч. Конечно, разумное пониманіе священной важности этихъ записокъ никогда не могло бы допустить подобныхъ странныхъ явленій. Въ самомъ расположеніи именъ во многихъ помянникахъ замѣчается необдуманность, беспорядочность. Иногда въ началѣ помянника идутъ, напр., имена мірскихъ людей и даже младенцевъ, и между ними вдругъ встрѣчается неожиданно имя святителя Питирима (въ Тамбовской епархіи), Высочайшихъ Царственныхъ Особъ, далѣе—опять имена мірскія, потомъ—людей монашествующихъ, служителей Церкви и т. д. въ полномъ беспорядкѣ и спутанности. Между тѣмъ, по самому существу дѣла, кажется, было бы гораздо приличнѣе помѣщать въ началѣ помянника прежде всего приснопамятное имя святителя Питирима и затѣмъ имена Царственныхъ Особъ, лицъ монашествующихъ, служителей Церкви, а далѣе уже мірскія имена сообразно съ возрастомъ лицъ, обозначаемаыхъ ими, и съ ихъ родственнымъ значеніемъ для каждаго въ отдѣльности семейства, т. е. сначала должны быть выписаны имена родителей плотскихъ и духовныхъ и за ними всѣхъ родственниковъ въ ихъ постепенности, съ особымъ перечисленіемъ младенцевъ въ концѣ, такъ какъ для этихъ послѣднихъ, по церковному чину, установленъ отдѣльный родъ поминовенія, и существуютъ за умершихъ младенцевъ, особыя ектеніи не о прощеніи Богомъ грѣховъ ихъ, а „о еже по

неложному Своему обѣщанію тѣхъ небеснаго царствія сподобити“. Сообразно съ этимъ должно вести и задравные помянники. Къ именамъ лицъ, умершихъ недавно, обыкновенно прибавляется слово „новопреставленный“, какъ это и принято церковнымъ обычаемъ; но вслѣдствіе безучастнаго и небрежнаго отношенія къ помянникамъ нерѣдко приходится наблюдать, что слово это прибавочное остается при именахъ цѣлые годы ¹⁾, и въ такомъ видѣ возносится о нихъ и церковное моленіе, потому что церковные причты, при множествѣ и спѣшности поминовенія, не имѣютъ возможности входить въ тщательное разсмотрѣніе этихъ обозначеній. Поэтому, долгъ каждаго въ отдѣльности семейства самому слѣдить уже за всѣми подобными измѣненіями своего помянника, равно какъ и за тѣмъ, чтобы лица, вновь родившіяся или умершія, своевременно записаны были въ немъ въ соотвѣтствующей статьѣ. Между тѣмъ, часто случается видѣть, что лица умершія, будучи записаны въ своемъ мѣстѣ, продолжаютъ числиться и между живыми, потому что никто не позаботился вычеркнуть ихъ изъ той рубрики, и въ такомъ видѣ цѣлые годы совершается о нихъ и церковная молитва. Странно, затѣмъ, что во многихъ помянникахъ доселѣ остается среди мірскихъ, грѣшныхъ людей, нуждающихся въ заупокойныхъ моленіяхъ, и имя преподобнаго старца Серафима. Дѣлаетъ большую честь жителямъ Тамбовскаго края, что это достолюбезное имя встрѣчается почти въ каждомъ помянникѣ. Но послѣ совершившагося прославленія его и причтенія къ лику святыхъ, имя его, какъ имя святого угодника Божія, должно быть изъято изъ заупокойныхъ помянниковъ. Отселѣ мѣсто ему уже не въ помянникахъ, а въ церковномъ мѣсяцесловѣ святыхъ. По этому вопросу мы многимъ владѣльцамъ помянниковъ, приносимыхъ въ нашъ кладбищенскій храмъ, дѣлали

¹⁾ По принятому Церковію обычаю, это прибавленіе должно быть дѣлаемо лишь до 40-го дня, въ крайнемъ случаѣ—до окончанія года кончины.

отъ себя личныя разъясненія, во многихъ исключали изъ числа прочихъ чертою это отнѣвъ священное имя; но и доселѣ количество помянниковъ съ этимъ именемъ еще очень велико. Нужно бы всѣмъ обратить вниманіе на это и самимъ позаботиться сдѣлать въ помянникахъ соотвѣтствующія по этому поводу исправленія. Съ прискорбіемъ считаемъ нужнымъ отмѣтить, затѣмъ, и часто допускаемья въ помянникахъ искаженія именъ: Синафонъ вм. Ксенофонъ, Климанъ вм. Климентъ, Ктирина вм. Екатерина и мн. др. Иногда же самыя начертанія именъ настолько бываютъ въ нихъ не ясны и не отчетливы, что даже и опытный глазъ часто остается предъ ними въ большомъ затрудненіи. Конечно, и это само по себѣ далеко не свидѣтельствуетъ о томъ, что владѣльцами помянниковъ со всею живостію сознается ихъ высокое назначеніе.

Говоря о помянникахъ, въ заключеніе не можемъ не коснуться и замѣчаемаго во многихъ богомольцахъ предразсудка, что самое важное поминовеніе живыхъ и умершихъ бываетъ во время пѣнія Херувимской, вслѣдствіе чего нѣкоторые нарочито откладываютъ подавать свои помянники или записки именно до этого момента, и число просфоръ, подаваемыхъ въ это время, по указанной причинѣ, значительно умножается. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что это—моментъ божественной литургіи дѣйствительно важный и знаменательный, ибо люди въ благоговѣйномъ обращеніи къ Пресвятой Троицѣ призываются въ это время „отложить всякое житейское попеченіе, чтобы поднять Царя всѣхъ“, и въ древней Церкви въ это именно время происходило отдѣленіе хлѣба и вина, необходимыхъ для совершенія таинства, отъ всѣхъ прочихъ, сдѣланныхъ христіанами, литургійныхъ приношеній. Но чтобы это было самое важное время для поминовенія, нигдѣ церковнымъ чиномъ не указывается. Напротивъ, такимъ моментомъ является время послѣ совершенія божественной евхаристіи, по возгласѣ „Изрядно о Пресвѣтѣй“, когда священникъ предъ Божественными Тайнами со-

кровенно вслѣдъ за святыми дѣйствительно поминаетъ всѣхъ живыхъ и умершихъ. Это поминовение, воистину, особенно спасительно для людей. Подготовительное же къ нему поминовение совершается на проскомидіи предъ божественной литургіей. На эти два момента и должно быть обращено вѣрующими особенное вниманіе.

Конечно, многіе, прочитавъ здѣсь изложенное, могутъ сказать, что всѣ разъясненія о помянникахъ суть мелочи, не имѣющія существеннаго значенія въ дѣлѣ молитвы. Тѣмъ не менѣе и по этимъ уже мелочамъ можно судить о внутреннемъ, духовномъ отношеніи человѣка къ дѣлу поминовенія живыхъ и умершихъ. Всякій, кто смотритъ съ должнымъ благоговѣніемъ на святость и глубокую знаменательность самаго мѣста, гдѣ возносится благодатная молитва за живыхъ и умершихъ, никогда не допуститъ здѣсь никакой небрежности или неразумности и по отношенію къ помянникамъ. Наоборотъ же, кто недостаточно проникновенно смотритъ на это великое дѣло, тотъ и по отношенію къ помянникамъ будетъ всегда небреженъ и неразуменъ. Но если и въ житейскихъ дѣлахъ вездѣ похваляются порядокъ и точность, то тѣмъ болѣе пужно искать ихъ въ молитвѣ и богослуженіи. Скажемъ даже больше того: — здѣсь, въ церковномъ богослуженіи, все по преимуществу должно быть особенно свято, наиболѣе разумно и въ назиданіе всѣмъ благочестно (Тамб. еп. вѣд., 1904 г., № 27).

Петръ Успенскій

Большая несправедливость.

(По поводу выборов церковных старостъ).

Выборы церковных старостъ къ православнымъ церквамъ производится въ настоящее время на основаніи „Инструкціи церковнымъ старостамъ“, утвержденной и изданной

въ 1890 году. Вникая въ содержаніе этой „Инструкціи“, нельзя не признать того, что она нѣсколько несправедлива какъ въ отношеніи духовенства, такъ равно и въ отношеніи прихожанъ.

Говоря о лицахъ, имѣющихъ право избранія и право быть избранными, „Инструкція“ ни однимъ словомъ не обмолвилась о приходскихъ причтахъ, объ ихъ правѣ участія въ этомъ важномъ дѣлѣ приходской жизни: право избранія всецѣло предоставлено однимъ прихожанамъ. Думается намъ, что причту, особенно же священнику, въ данномъ случаѣ должно быть предоставлено полное право голоса какъ рекомендовать, такъ и устранять то или другое лицо, — и вотъ почему. Священникъ и вообще причтъ — не чужіе, не посторонніе для прихода люди, а *первые* прихожане своего храма; они служатъ интересамъ храма и прихода, слѣдовательно — должны быть равноправными со своими прихожанами: этого требуетъ простая справедливость. Какъ духовникъ, знающій совѣсть и душу своихъ прихожанъ, священникъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ его прихожанъ, можетъ опредѣлить пригодность и качества того или другого лица, выставляемаго кандидатомъ въ церковные старосты.

Наконецъ, опредѣлять и оцѣнить дѣятельность того или другого лица, отбывшаго трехлѣтній срокъ въ званіи церковнаго старосты, всего лучше можетъ причтъ, который по церковно-хозяйственнымъ дѣламъ постоянно входитъ въ сношенія съ церковнымъ старостой. Прихожане со старостой входятъ въ соприкосновеніе только тогда, когда покупаютъ у него церковную свѣчу, а причтъ имѣетъ съ нимъ дѣло чуть не каждый день, знаетъ больше, чѣмъ кто-либо другой, какъ староста ведетъ церковное хозяйство, и на основаніи документовъ и отчетовъ, имъ представляемыхъ, правильнѣе можетъ судить о его добросовѣстности въ денежномъ отношеніи.

Не совсѣмъ справедлива, по нашему мнѣнію, „Инструкція“ церковнымъ старостамъ и по отношенію къ самимъ прихожанамъ. § 8 „Инструкціи“ говоритъ слѣдующее: „Право

избирать церковнаго старосту къ приходской церкви принадлежить исключительно проживающимъ въ предѣлахъ прихода лицамъ, не моложе 25 лѣтъ, имѣющимъ право участвовать въ собраніяхъ мѣстнаго городского или сельскаго общества или въ собраніяхъ дворянства“. Такъ какъ право участія въ сельскихъ и городскихъ собраніяхъ имѣютъ только домохозяева и домовладѣльцы, то, естественно, и при выборахъ церковнаго старосты только они имѣютъ голосъ.

Что касается городскихъ собраній и выборовъ, то такой порядокъ многими уже признается устарѣлымъ; въ нѣкоторыхъ городахъ поднять вопросъ о томъ, чтобы права избирателей и право быть избранными представителями мѣстнаго управленія были расширены и на лицъ съ образовательнымъ цензомъ. Право голоса въ церковныхъ дѣлахъ, въ частности въ выборахъ церковнаго старосты, по нашему мнѣнію, не должно быть ограничиваемо ни образованіемъ, ни состояніемъ. Какъ часто приходится наблюдать, что люди, которые не могутъ похвалиться ни тѣмъ, ни другимъ, горячо любятъ богослуженіе, свой приходскій храмъ, живо интересуются всѣмъ, что дѣлается въ приходѣ. Такіе люди если и пойдутъ въ церковные старосты, то не затѣмъ, *да видимы будутъ чловѣчки*, и не за медалями и почетнымъ гражданствомъ, а чтобы потрудиться для храма Божія.

Свящ. В. Пестряковъ.

Объ изданіяхъ для народа.

Въ настоящее время замѣчается большой спросъ на произведенія печати, имѣющія какое-либо отношеніе къ войнѣ, а спросъ, въ свою очередь, вызвалъ къ дѣятельности спекуляцію. Чрезвычайно ходкимъ товаромъ сдѣлались газеты, изъ которыхъ многія стали выходить и по вечерамъ въ видѣ прибавленій, уснащенныхъ всевозможными заманчивыми заголовками. Появились лубочныя картины, изображающія будто бы различные виды морскихъ столкновеній съ японцами. Хотя на нѣкоторыхъ изъ этихъ картинъ и стоитъ помѣтка: „До-

зволено цензурою. 1900 г.“, тѣмъ не менѣе народъ охотно платитъ за нихъ кровные пятаки и цѣлыми толпами останавливается у оконъ книжныхъ и табачныхъ лавочекъ, гдѣ картины выставлены. Пущены, наконецъ, въ продажу листки съ описаніемъ чудесъ, явно рассчитанные на религіозный интересъ,—обстоятельство, которое дало полное право газетѣ „Заря“ назвать этого рода промышленность „спекуляціей со-вѣстью“. Алчность,—говоритъ газета,—такъ далеко заходитъ, и аппетиты такъ разгораются, что нѣкій г-нъ не устыдился выпустить теперь листокъ подъ заглавіемъ: „Чудеса святителя Николая въ наши дни“. Услужливые продавцы, которыхъ, кстати, на улицахъ за послѣднее время расплодилось очень много, выкрикиваютъ: „Новыя чудеса святителя Николая на Дальнемъ Востокѣ!“ Народъ платитъ пятачки и испытываетъ разочарованіе, ибо въ листкахъ описывается случай давно минувшихъ дней, а именно случай, имѣвшій мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время китайскаго похода. Это ли не примѣръ сугубо низменной эксплуатаціи самыхъ святыхъ чувствъ изъ-за пятачка!

Что предложеніе идетъ вслѣдъ за спросомъ, это естественно, и что книжные торговцы пользуются благопріятнымъ случаемъ и сбываютъ завалившійся товаръ, за это нельзя ихъ строго осуждать. Но несомнѣнно и то, что наша интеллигенція не отличается достаточною чуткостью къ духовнымъ нуждамъ народа, и потребность народа въ чтеніи, все болѣе развивающаяся вмѣстѣ съ распространеніемъ грамотности, не находитъ у ней должнаго и умѣлаго удовлетворенія. Книгъ, правда, много, но между ними мало пригодныхъ для народа. Въ моменты приподнятаго народнаго настроенія, каковъ, напр., настоящій, недостатокъ особенно сильно даетъ себя чувствовать. Слѣдовало бы обратить на этотъ предметъ вниманіе (Кормч., Совр. Об., 1904 г., № 224).

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го октября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 43.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, октября 24-го.

Содержаніе: Нѣсколько словъ о взаимоотношеніи и тѣсной связи между христіанскими догматами и христіанскимъ правоученіемъ.—*Pia desideria* со стороны провинціальной интеллигенціи по отношенію къ духовенству.— Изъ дневника новорукоположеннаго священника (продолженіе).— На рожденіе Паслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича (30-го іюля 1904-го года).— Руководственныя указанія ходатайствующимъ о назначеніи пенсіи.

Нѣсколько словъ о взаимоотношеніи и тѣсной связи между христіанскими догматами и христіанскимъ правоученіемъ.

Въ обычномъ людскомъ представленіи догматы православной вѣры и правоученія являются различными между собою до противоположности. Тогда какъ догматическая сторона христіанской религіи представляетъ собою теоретическое ея обоснованіе и формулировку,—правоученіе имѣетъ въ виду проведеніе христіанскихъ началъ въ практическую жизнь человѣка. Догматы постигаются преимущественно вѣрою, или довѣріемъ къ богооткровенной истинѣ и формули-

руются при помощи разума, а нравственность осуществляется преимущественно волевыми способностями человека.

Есть ли взаимоотношение и болѣе или менѣе тѣсная связь между христіанской догматикой и христіанскимъ правоученіемъ; иначе—имѣеть ли догматическая сторона вѣры какое-либо вліяніе на христіанскую нравственность, и какое именно,—объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія.

Самымъ крайнимъ изъ этихъ мнѣній нужно признать мнѣніе объ альтруистической нравственности, т. е. о возвышенномъ нравственномъ настроеніи и поведеніи, не зависящемъ отъ религіозныхъ воззрѣній, каковы бы они ни были, и коренящемся лишь въ самомъ человекѣ, въ его естественной нравственной природѣ. По этому мнѣнію, человекъ самъ является мѣркою для оцѣнки своихъ нравственныхъ дѣяній.— На это надо замѣтить, что, каковъ человекъ самъ по себѣ, такова должна быть и его альтруистическая мораль. Недавно умершій нѣмецкій философъ Ницше, напр., вообразилъ себя сверхчеловекъмъ и проводилъ въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ грубый эгоизмъ, въ силу котораго каждый человекъ, признающій себя сверхчеловекъмъ и ставящій себя выше обыкновенныхъ людей, имѣеть нравственное право пользоваться ими, только какъ орудіями для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Конечно, при такихъ уродливыхъ эгоистическихъ воззрѣніяхъ не можетъ быть въ человекѣ мѣста для альтруистической морали, какъ нѣтъ ея и у коварныхъ и вѣроломныхъ японцевъ, несмотря на то, что послѣдніе не безъ основанія гордятся усвоеніемъ послѣднихъ результатовъ европейской внѣшней культуры.

Другіе современные моралисты,—и во главѣ ихъ пресловутый Л. Н. Толстой,—повидимому, придерживаются началъ христіанской, евангельской нравственности; но зато они не только не видятъ никакого соотношенія между догматами и правоученіемъ христіанскими, а даже вовсе отрицаютъ догматическую сторону новозавѣтнаго христіанскаго ученія, какъ позднѣйшую вставку въ это ученіе и какъ искаженіе его.

Графъ Л. Н. Толстой, какъ моральный писатель, исключительно старается развивать только правоучительную сторону Христова ученія, отвергая и догматы, и таинства, и обряды христіанской Церкви.

Графъ Л. Н. Толстой имѣетъ массу послѣдователей не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Имѣетъ онъ не мало и противниковъ, которые, однакоже, опровергая его и борясь съ нимъ, волей — неволей должны были вращаться преимущественно въ излюбленной имъ области христіанскаго правоученія. Такимъ образомъ, общее направленіе богословской и философской мысли у насъ въ Россіи въ настоящее время—по преимуществу правоучительное, а не догматическое.

Но это господствующее направленіе не исключаетъ совершенно и богословскихъ тенденцій, а только придаетъ имъ особое направленіе и особую окраску, можно сказать—правоучительную. Богословы этого направленія пытаются, съ одной стороны, пересмотрѣть существующія системы православнаго вѣроученія и очистить ихъ отъ мертвенныхъ схоластическихъ наслоеній, а съ другой—оживить эти системы новымъ духомъ, приблизить ихъ къ человѣческому пониманію и къ человѣческой жизни.

Въ настоящее время весьма нерѣдко можно слышать упреки по адресу извѣстныхъ нынѣ системъ православнаго догматическаго богословія преосвященныхъ: Антонія Амфи-театрова, Макарія Булгакова и Сильвестра Малеванскаго, какъ представляющихъ собою, въ большей или меньшей мѣрѣ, пережитки господствовавшей въ старой Кіевской академіи богословской системы схоластическаго характера. Не ограничиваясь этими позднѣйшими системами, вѣкоторыя идутъ дальше въ пересмотрѣ и дистилляціи нашихъ руководствъ по православному богословію и добрались уже до извѣстнаго „Исповѣданія православныя вѣры“ Петра Могилы, бывшаго и доселѣ еще остающагося символическою книгою нашей Православной Церкви. Одинъ изъ нашихъ современныхъ бого-

слововъ въ кандидатской диссертациі своей сопоставляетъ богословствованіе Іосифа Волоцкаго въ его „Просвѣтителѣ“ съ „Исповѣданіемъ православныя вѣры“ Петра Могилы и отдаеть рѣшительное предпочтеніе первому передъ послѣднимъ—именно за отсутствіе у преп. Іосифа схоластики, которую онъ находитъ у Петра Могилы. Другой ученый, по слухамъ, кропотливо изучаетъ теперь „Исповѣданіе православныя вѣры“ Петра Могилы съ цѣлію опредѣлить его источники, которые онъ хочетъ отыскивать на инославномъ западѣ, и очистить эту символическую книгу нашу отъ схоластическихъ наслоеній.

Но идеѣ, мы не можемъ не сочувствовать подобнымъ ученымъ работамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасаемся, чтобы не привели онѣ къ отверженію и того, что вовсе не относится къ такъ называемой западной схолистикѣ. Еще до „Исповѣданія православныя вѣры“ Петра Могилы существовало въ нашей Православной Церкви „Богословіе“ св. Іоанна Дамаскина, которое легло въ основу даже западнаго схоластическаго богословія, а въ Кіевской академіи въ XVIII вѣкѣ иногда преподавалось и въ школахъ, взамѣнъ схоластическаго богословія (напр., Давидомъ Нащинскимъ). А св. Іоаннъ Дамаскинъ, этотъ первый православный богословъ-систематизаторъ, построилъ свою систему на основаніи Свящ. Писанія и церковнаго преданія и особенно на основаніи символа вѣры. Символь же вѣры, въ свою очередь, имѣетъ свои корни въ Свящ. Писаніи и преданіи первенствующей Христовой Церкви. Поэтому, нужно опасаться, чтобы, вмѣстѣ съ схоластической шелухой, не изгнать изъ православнаго богословія и зерна евангельской истины, какъ это сдѣлалъ графъ Л. Н. Толстой, перекроившій Евангеліе по своему вкусу.

Симпатичнѣе, по нашему мнѣнію, опыты тѣхъ нашихъ богослововъ, которые идутъ не столько отрицательнымъ путемъ изгнанія схоластики изъ богословія, сколько положительнымъ путемъ оживленія и приближенія его къ человѣческому пониманію и къ человѣческой жизни. Разъ наше догматическое

богословіе внутренно обновится и оживеть, оно найдетъ себѣ и соотвѣтствующую живую форму. Представители этого направленія (преосв. Антоній Храповицкій, профессоръ А. Введенскій и др.) требуютъ раскрытія догматовъ вѣры въ ихъ генезисѣ, пытаются анализировать идею о Богѣ въ самомъ Себѣ, Его проявленіи и отношеніи къ людямъ и ищутъ соотвѣтствія основныхъ догматическихъ истинъ съ духовными способностями и нравственными качествами человѣка-христіанина. Но все это — пока только опыты, не приведшіе еще къ чему-либо цѣльному и систематическому.

Мы, съ своей стороны, предлагаемъ опытъ обоснованія христіанской нравственности на коренныхъ догматическихъ истинахъ и именно на главнѣйшемъ догматѣ православной вѣры о Пресв. Троицѣ, пользуясь при этомъ исключительно сопоставленіемъ христіанской вѣры съ другими религіями.

Проф. *Н. Петровъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Pia desideria со стороны провинціальной интеллигенціи по отношенію къ духовенству.

Audiatur et altera pars.

„Дайте содержательное богослуженіе, вдохните идею въ обряды, дайте хорошую проповѣдь: интеллигенція всю душою пойдетъ въ храмъ и полюбитъ его“.

Въ настоящее время, когда вопросъ объ отношеніи интеллигенціи (и народа) къ Церкви получилъ такой жгучій интересъ, когда рѣшеніемъ его заняты особы просвѣтительныя общества и періодическія изданія (особенно „Новый Путь“ и „Миссіонерск. Обозрѣніе“), весьма важно выслушать по этому предмету всякое сужденіе, а тѣмъ болѣе—искреннее и горячее. Мнѣнія и разсужденія передовой интеллиген-

ціи относительно нѣкотораго разлада между учащими силами Церкви и свѣтскимъ обществомъ извѣстны уже изъ „Новаго Пути“, главнымъ образомъ изъ отдѣла: „Записки религіозно-философскихъ собраній“. Откровенно говоря, желанія, предъявляемая столичной интеллигенціей учащимъ силамъ Церкви, съ одной стороны, неопредѣленны и малопонятны, съ другой—слишкомъ смѣлы и, во всякомъ случаѣ, по плечу только немногимъ избраннымъ, дѣйствительнымъ талантамъ и съ высшимъ образованіемъ. Вѣроятно, многіе провинціальныя пастыри, слушая или читая о такихъ заявленіяхъ передовой интеллигенціи, изумлялись и спрашивали: если таковы требованія отъ пастыря, то „кто же можетъ снастись?“—т. е. оказаться на высотѣ своего пастырскаго призванія, удовлетворить всѣмъ запросамъ, предъявляемымъ потребностями времени. Благовременный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—газеты, не всегда съ чистою ревностью зорко наблюдающей за бытомъ, всѣми движеніями, измѣненіями въ жизни духовнаго сословія, а иногда дѣлающей и всевозможныя вылазки противъ недочетовъ строя духовнаго образованія и жизни духовенства. Статья корреспондента озаглавлена: „И будетъ едино стадо“... (Въ залогъ примиренія). Отвѣтъ дается только въ концѣ статьи, послѣ многочисленныхъ и тяжкихъ обвиненій по адресу духовенства, такъ что нужно имѣть не мало спокойствія и даже мужества, чтобы всѣ ихъ прочесть¹⁾). Помни извѣстное изреченіе премудраго, что только *нечестивому* обвиненія *раны*,—притомъ, обвиненія, очевидно, справедливыя,—въ виду указанныхъ соображеній, предлагаемъ довольно подробное извлеченіе изъ этой замѣчательной, *въ извѣстномъ смыслѣ*, статьи, написанной искренне и горячо. Она тѣмъ

¹⁾ Въ своемъ походѣ противъ духовенства авторъ сильно напоминаетъ Иеронима Преображенскаго (несомнѣнно, псевдонимъ), написавшаго письмо къ покойному преосв. Амвросію, архіеп. Харьковскому, напечатанное послѣднимъ въ апрѣльской книжкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ за 1901 и перепечатанное въ „Недѣлѣ“ за 1901, № 18.

болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе, что авторъ ея—сынъ псаломщика, учился въ духовной семинаріи и хотя, съ 6-ти-лѣтняго возраста осиротѣвъ, былъ на воспитаніи въ одномъ дворянскомъ семействѣ и изъ семинаріи поступилъ въ университетъ, тѣмъ не менѣе еще до сихъ поръ, какъ онъ полусерьезно, полу-иронически выражается, „къ рясамъ не равнодушенъ: должно быть, кровь сказывается“; онъ еще до сихъ поръ какъ бы слышитъ завѣтъ своего отца: „На меня, сынокъ, не смотри... *не-удашникъ*—я! Не то, что родня поповская, а овца меня ковырнуть поровить. Только ты на меня не смотри, и самъ отъ святѣйшія Бо-жі-я Церкви (отчеканивалъ по слогамъ отецъ) уходить не смѣй. Великое служеніе это... Вонъ сторожъ тамъ—мужикъ-мужикомъ! А какъ на колокольнѣ сидитъ, да въ колоколь *звоняетъ*, такъ видишь ли: славу Божию землѣ возвѣщаетъ—тайнственно великое въ душахъ совершаетъ“. Въ настоящее время авторъ—земскій врачъ, „самое, можно сказать, миролюбивѣйшее существо“, находится въ дружбѣ со всею ближайшею провинціальною интеллигенціей и знаетъ ея желанія и стремленія.—Такъ рекомендуетъ самъ себя авторъ въ предисловіи къ своей статьѣ. Статья его составлена нѣсколько посиѣшно; поэтому, въ ней нѣтъ логически-стройнаго плана: авторъ часто возвращается къ одному и тому же, повторяется, впадаетъ въ явныя противорѣчія. Сужденія, высказываемыя авторомъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя принять безъ ограниченій: много въ жизни духовенства онъ неправильно понялъ, невѣрно освѣтилъ, но мѣстамъ сгустилъ краски или частнымъ случаямъ придалъ общее значеніе. Но мы не имѣемъ цѣлью критиковать его статью; наша задача—лишь познакомить съ нею въ главнѣйшихъ чертахъ читателей. Желая снять съ себя всякое подозрѣніе въ утрированіи мыслей автора, мы, большею частью, будемъ говорить его собственными словами, измѣнивши лишь неудачный ходъ его мыслей.

Авторъ въ своей статьѣ доказываетъ, что самое дѣленіе русскаго общества, съ одной стороны, на духовенство, пре-

данное Церкви, и интеллигенцію (съ народомъ), враждебную Церкви, есть фикція, выдумка духовенства. „Въ своей полемикѣ противъ интеллигенціи духовные журналы ни разу не опредѣлили, кого они имѣютъ въ виду, кто эта таинственная *интеллигенція*“. И на самомъ дѣлѣ, интеллигенція существуетъ только въ воображеніи духовныхъ журналовъ, по преимуществу столичныхъ. Для Церкви же Божіей есть только міряне, болѣе или менѣе вѣрующіе. Партийность принципиально противна русскому человѣку, какъ и превозношеніе надъ человѣкомъ иного образа мыслей, иного лагеря. Искусственное дѣленіе Россіи на лагеря—это тема, навязанная намъ врагами Россіи и внушающая всѣмъ ложное убѣжденіе въ существованіи этихъ лагерей. Кромѣ извращенія фактического положенія дѣла, здѣсь курьезно то, что духовенство выдѣляетъ себя изъ интеллигенціи, т. е., попросту говоря, изъ просвѣщеннаго общества. Но духовные журналы идутъ дальше; они утверждаютъ, что въ Россіи между Церковью и интеллигенціей существуетъ вражда. „Посмотрите, съ какимъ рвеніемъ и трудолюбіемъ, наивною и непостижимымъ ослѣпленіемъ разрабатываютъ тамъ, на руку нашихъ враговъ, злонамѣренную тему о какихъ-то нашихъ внутреннихъ распряхъ, о недобромъ настроеніи нашей интеллигенціи, о миссіи среди нея и пр. Такъ и кажется, что Россія, дѣйствительно, раздѣлена на какіе-то враждебные лагеря, изъ которыхъ главные взаимные враги—интеллигенція и Церковь! А особнякомъ отъ нихъ стоитъ (по г. Смирягину) народъ—пьяный, грубый, уже съ намеками на рабочее движеніе. Вотъ слова одного вліятельнаго *духовнаго* журнала („Мисс. Обзор.“ 1904, 10, 1338): обѣ стороны (интеллигенція и духовенство) стоятъ въ положеніи двухъ воиствующихъ лагерей, и, конечно, духовенство, при своей робости, инертности (это представители-то Церкви!), при корпоративной разъединенности (?—это уже очевидная натяжка!), паходится въ положеніи осажденныхъ, побѣжденныхъ (!)“. И правду сказать, вѣдь теперь утвердилось мнѣніе, что интеллигенція, дѣйствительно, вра-

ждебна Церкви. „Съ этимъ положеніемъ почти не спорять,— такъ сильно и упорно духовные журналы проводили въ общее сознание этотъ миражъ.—Но такъ ли это?—Интеллигенція не можетъ быть враждебна Церкви уже потому, что она не знаетъ Церкви. Учебные годы ей никакого знанія о Церкви не сообщили, а послѣ годовъ ученія она о церковной жизни, о святости этой жизни никакого представленія получить не могла. Интеллигенція не знаетъ Церкви, не имѣетъ о ней никакого представленія. А духовная журналистика её еще больше запутываетъ своими писаніями, нисколько ничего не выясняя. Черезъ то у интеллигенціи и является представленіе, что Церковь—это общество людей духовнаго званія (=происхожденія). Если вы кого-нибудь изъ военнаго сословія или статскаго чиновника спросите, принадлежитъ ли онъ къ Православной Церкви, онъ скажетъ: „Я—православный, но къ Церкви не принадлежу,—вѣдь я не изъ духовнаго званія!“.. Но наша современная интеллигенція, даже не имѣющая возможности узнать, что такое Церковь, и въ чемъ заключается ея жизнь, все-таки бессознательно, но глубоко, до самыхъ глубинъ души своей, церковна. Вѣдь Церковь, Христомъ основанная и возглавляемая, есть организмъ истины. Жизнь этого организма состоитъ въ чувствѣ (духѣ) любви. Этотъ духъ любви, объединяющій христіанъ, и есть духъ истины. Все, что совершается въ духѣ любви, совершается и въ духѣ истины, т. е. въ духѣ святой Православной Церкви¹⁾. Но кто рѣшится утверждать, что интеллигенція не дѣлаетъ ничего добраго, не помогаетъ ближнимъ, безучастна къ государственнымъ нуждамъ и т. п! Вотъ мои маленькія наблюденія. Случился въ С—ской губ. голодъ. Вся наша интеллигенція работала, кормила, помогала, жертвовала и силами и

¹⁾ Эти разсужденія автора напоминаютъ намъ слѣдующія слова А. С. Хомякова: „Не Христа ли любить тотъ, кто любитъ правду? Не Его ли ученикъ, самъ того не зная, тотъ, чье сердце отверсто для состраданія и любви?“

здоровьемъ... Въ Петербургѣ страшное наводненіе причинило массу несчастій: студенты университета оказывали огромныя услуги пострадавшимъ. Въ глубинѣ души интеллигенція, какъ интеллигенція, и церковна, и духовна, и въ своемъ терпѣніи—великодушна. Почитайте хоть *Вѣстникъ Европы*, дѣйствительно, самый интеллигентный журналъ. Посмотрите, какъ его стремленія и идеалы безсознательно церковны. Ни одной стрѣчкой онъ не обнаруживаетъ склонности идти противъ дѣятельнаго (а не на словахъ) служенія людямъ: его идеаль—самая широкая взаимопомощь и служеніе сильныхъ слабымъ. Развѣ это не идеаль церковной жизни?.. Вздумайтесь въ то огромное массовое движеніе, которое вызвала въ интеллигенціи Японская война. Посмотрите, какія чудеса организаторскаго таланта она проявила и какъ быстро сплотилась на борьбу съ общими врагами! Сколько, значить, силъ духовныхъ въ Россіи было забыто!.. Но вѣдь вся эта *общая* работа, весь этотъ героизмъ взаимнаго довѣрія и любви къ страждущимъ—вѣдь это именно церковный духъ,—духъ любовнаго общенія!.. Напрасное обвиненіе возводятъ наши журналы и на народъ, огульно обзывая его *пьянымъ и грубымъ*. Его настроеніе въ отношеніи церковности не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Какой-то бездонный идеализмъ, неисчерпаемое довѣріе къ людямъ и терпѣніе, неискоренимое никакими напастями, стремленіе быть возлѣ храма Божьяго и въ топографическомъ и въ нравственномъ отношеніи—все это характеризуетъ русскій народъ и понынѣ, какъ религиознѣйшій въ мірѣ, не способный убояться никакой критики своего духовнаго склада. Говорятъ, что капля пробиваетъ и камень. Но вотъ въ теченіе почти трехъ столѣтій русскій народъ пробиваютъ капли и даже цѣлый потокъ безрелигиозныхъ теченій,—и все-таки вся сердцевина русскаго народа безусловно здорова и не поклонилась чужимъ богамъ. И этотъ русскій народъ держится ясно сознаннаго и опредѣленно выраженнаго политическаго строя самодержавія“.

Но, будучи, по своимъ идеаламъ, стремленіямъ и дѣятельности, церковны и духовны, интеллигенція, а отчасти уже и народъ, весьма критически относятся къ духовному сословію и къ духовенству, даже прямо, можно сказать, не любятъ его. А тѣ, которые, по своей малоразвитости, не могутъ разсмотрѣть Церкви за духовенствомъ, холодно относятся и къ самой Церкви. „Но въ этомъ недружелюбномъ отношеніи интеллигенціи къ духовенству и охлажденіи ея къ Церкви виновно одно духовенство. Л. Н. Толстой пишетъ: „Когда мнѣ говорятъ о Церкви, я ничего себѣ не могу представить, кромѣ толпы жадныхъ поповъ“. Вотъ одно изъ трагическихъ недоразумѣній, которое должно быть занесено на страницы русской исторіи. Историкъ долженъ будетъ написать такъ: въ концѣ XIX в. одинъ изъ геніальнѣйшихъ людей міра, одинъ изъ проницательнѣйшихъ писателей Россіи не могъ въ русскомъ обществѣ замѣтить никакой идеи церковности; какими-то судьбами, усиліями какихъ-то русскихъ дѣятелей, идея церковности совершенно затерялась въ русскомъ обществѣ. Идея Церкви мало-по-малу растерялась и замѣнилась въ общественномъ сознаніи цѣлымъ рядомъ представленій совершенно конкретнаго свойства: „о духовномъ вѣдомствѣ“, т. е. массѣ канцелярій этого вѣдомства, о духовномъ сословіи, о духовномъ званіи и т. п. Да, выше приведенныя слова Толстого, по моему мнѣнію, заключаютъ въ себѣ весь трагизмъ современнаго состоянія Россіи! Она выросла на религіи и православіи. Ее возрастили и укрѣпили московскіе митрополиты допатріаршаго періода. Ее вскормила, можно сказать, идея церковности, идея взаимопомощи, взаимной любви, идея всеобщей семьи. И вдругъ Толстой, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, отобразились все движенія русской мысли его времени, во всеуслышаніе говоритъ: „Я не понимаю, что такое Церковь; это только попы“. И Толстой и русское общество находятся въ печальномъ недоразумѣніи, въ незнаніи, что такое Церковь, въ чемъ ея жизнь заключается, *гдѣ эта Православная Церковь, гдѣ церковная жизнь. Это*

вопросы и запросы русской души. Но духовенство не только не пытается въ своей дѣятельности и жизни отвѣтить на эти „вопросы и запросы“, показать въ своей дѣятельности и жизни истинно-церковную жизнь, но дѣйствуетъ въ противоположномъ смыслѣ. Лучшіе духовные журналы не обинуясь говорятъ: Церковь—это духовенство („Церковн. Вѣстникъ“), служеніе Церкви состоитъ въ служеніи „духовному сословію in corpore“ („Миссіонерск. Обзорѣніе“) ¹⁾. Скрываясь за Церковь со своими мелкими интригами и грѣшками, духовенство старается отгородить себя китайскою стѣною отъ другихъ сословій, какъ сословіе высшее—привилегированное. Казалось бы, какое еще другое служеніе должно быть болѣе открыто для всѣхъ жаждущихъ, какъ не священническое служеніе Богу въ Церкви христіанской? И тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности изъ этого великаго служенія духовенство дѣлаетъ свою монополію, будто бы лица, достойныя служенія Богу, могутъ родиться только въ духовномъ сословіи. Въ этомъ „корпусѣ“ духовнаго сословія рѣчь о служеніи Церкви самымъ наивнымъ образомъ смѣшивается съ проектами объ обезпеченіи духовнаго сословія; служеніе истинѣ мало-по-малу забылось, а осталась лишь забота о внѣшнемъ благоприличіи. Въ послѣдніе годы кружокъ свѣтскихъ лицъ, которымъ было закрыто специальное духовное образованіе, рѣшился самостоятельно разрѣшать церковные вопросы. Очень естественно, что эти лица о многомъ толковали вкривь и вкось, и странно было бы ожидать отъ нихъ безошибочныхъ сужденій. Но, во всякомъ случаѣ, это—проявленіе дѣйствительной жизни, это не индифферентизмъ, а исканіе, стремленіе къ истинѣ. Какъ же отнеслись духовные журналы къ этому стремленію интеллигенціи?—Крайне несочувственно! „Какъ? Въ нашу область чужіе, иносословные идутъ?—Нѣтъ, это наша монополія!..“ и мало-по-малу добились уничтоже-

¹⁾ Справедливость этихъ ссылокъ лежитъ на совѣсти автора, корреспондента „С.-П. Вѣдомостей“. М. П.

нія этого кружка, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что истина торжествуетъ при всеобщемъ о ней молчаніи.. Мы боимся именно духовнаго сословія „in cogroge“, какъ выражается „Миссіонерское Обозрѣніе“; этого-то „корпуса“ сословно-партійнаго, этого status in statu дѣйствительно мы и боимся, это виѣ-церковное, гражданское (политическое), сословное направленіе жизни нашего духовенства представляетъ изъ себя миниатюрное подражаніе устроенію католическаго духовенства; характерная особенность этого настроенія нашихъ дѣятелей изъ духовнаго сословія та, что у нихъ всякое колебаніе между церковными и сословными интересами разрѣшается непременно въ сторону послѣднихъ. Въ своихъ стремленіяхъ къ отдѣленію отъ другихъ сословій духовенство даже позаимствовало на западѣ характерное слово для себя— „клерикализмъ“. Къ стыду русской духовной журналистики, первымъ произнесъ слово „клерикализмъ“ духовный журналъ— „Миссіонерское Обозрѣніе“¹⁾: въ томъ онъ жестоко повиненъ предъ всѣмъ русскимъ народомъ. Духовенство стремится отдѣлиться, отгородиться отъ другихъ сословій“. Между тѣмъ, служеніе Церкви ни въ какомъ случаѣ не есть служеніе раздѣленію. Вслѣдствіе этого, и получилось то, что „духовные журналы съ полемическимъ направленіемъ, дѣйствительно, по-моему, и не церковны и не духовны, и ужъ со всѣмъ не великодушны ни въ терпѣніи, ни въ снисхожденіи. Они не церковны, потому что грубо сословны; не духовны, потому что не назидательны, не евангельскаго духа; и не великодушны, такъ какъ прощать они не умѣютъ, а лишь бранить, карать и пр. — Въ Свящ. Писаніи читали мы и учили: „пасите Божіе стадо не принужденно, но охотно,

¹⁾ „Миссіонер. Обозрѣніе“ (1904, № 10, с. 1338) пишетъ: „Огромная и вліятельная часть общества, такъ называемая современная интеллигенція, будучи по своимъ идеаламъ и стремленіямъ враждебною вѣрѣ и Церкви, естественно, не можетъ относиться иначе, какъ свысока, враждебно и презрительно къ духовному сословію in cogroge. Клерикализмъ— пугало, бѣльмо на глазу нашей либеральной интеллигенціи; оппозиція всему, что исходитъ отъ Церкви и духовенства—ея цароль“.

не для гнусной корысти, но изъ усердія и не господствуя подъ наслѣдіемъ Божиимъ, но подавая примѣръ стаду“ (у св. апост. Петра). Эти слова теперь являются прямымъ анахронизмомъ“.

Ко всему этому нужно присоединить небрежное отношеніе духовенства къ дѣлу своего служенія. „Лично я—совѣмъ не аристократъ и не очень требователенъ, да кромѣ того богослуженіе самъ хорошо знаю. Но во многихъ сельскихъ храмахъ я не могу молиться,—такъ возмутительно-неряшливо, нелюбовно, небрежно все обставлено: и пропуски самыхъ содержательныхъ мѣстъ богослуженія, и невозможное чтеніе и пѣніе—все это дѣйствуетъ болѣзненно даже и на меня, отъ природы ко всему привычнаго человѣка... Дымъ кадильный... Припоминается что-то очень поучительное изъ литургики: онъ долженъ намъ напоминать о небѣ, вѣчности... Но я вижу въ своемъ селѣ, какъ батюшка иногда машетъ пустымъ кадиломъ, именно машетъ! небрежно, неблагоговѣйно, и я... уѣзжаю въ другое село: тамъ служба лучше! А рядомъ со мной живущія три помѣщичьи семьи не ѣздятъ туда: далеко! Нужно ли послѣ этого удивляться, если интеллигенція очень критически относится къ духовенству, даже болѣе того—не довѣряетъ ему, не любитъ его? Интеллигенція, будучи безсознательно церковна, желаетъ, чтобы все церковное было безукоризненно ¹⁾): и батюшка въ ея представленіи долженъ быть безукоризненной жизни,---батюшку-картежника или велосипедиста (я видалъ такого) интеллигенція прямо презираетъ!.. Нужно ли послѣ этого удивляться, что сейчасъ русскій народъ запутался въ жизни, не можетъ разобраться, гдѣ добро и гдѣ зло,—такъ много у зла стало разновидностей, и такъ часто оно стало принимать видимость добра!. Народъ ищетъ воплощенія своей вѣры, ищетъ своихъ вождей и пойдетъ за ними. А духовенство, забывши мудрую

¹⁾ Развитие этихъ мыслей можно читать въ статьѣ М. Меньшикова „Недѣля“ 1900, 44, „Отклики“).

пословицу о виновности пастыря въ безрелигіозности и безнравственности паствы, своимъ порицаніемъ интеллигенціи и народа все болѣе и болѣе отдѣляетъ паству отъ себя. Какъ назвать этотъ разрывъ съ паствою?—Пастырь безъ паствы—это что-за явленіе съ церковной точки зрѣнія? этотъ „разрывъ“—какой цѣны? Вѣдь паства ушла отъ пастырей; она ищетъ себѣ учителей и руководителей, удовлетворяющихъ ея исканіе истины,—а ея пастыри оказываются только равнодушными зрителями“.

„Скоро (послѣ настоящей войны) мы должны будемъ пережить историческій кризисъ, когда огромныя силы русской земли, проснувшіяся и сейчасъ нашедшія себѣ приложеніе въ далекой Манчжуріи, вернутся домой и потребуютъ работы—широкой, свободной, любовной... Эта работа можетъ быть великая, огромная по своимъ результатамъ, доженствующая, быть можетъ, исцѣлить всѣ нестроенія Россіи. Отцы-пастыри! Если вы окажетесь внѣ этого всеобщаго одушевленія, вы будете отвѣтственны предъ исторіей. Если вы сейчасъ не пропустите время, постарайтесь изучить всѣ требованія, которыя предъявляетъ вамъ интеллигенція. Если проясните въ своемъ сознаніи ея идеалы и ихъ отъ всей души благословите, ибо они этого заслуживаютъ,—если вы заручитесь довѣріемъ интеллигенціи и станете во главѣ ея стремленій, вы заслужите вѣчную признательность Россіи. Но если вы позволите нашимъ близорукимъ духовнымъ писателямъ опять затянуть свою излюбленную пѣсенку о нецерковности интеллигенціи,—это будетъ историческимъ преступленіемъ, и интеллигенція, быть можетъ, уже навсегда откажется имѣть съ вами дѣло. Здѣсь отъ васъ, отцы, требуется величайшая осторожность и напряженная нравственная дѣятельность, своего рода духопровидѣніе въ угадываніи историческихъ потребностей народа и психологическихъ моментовъ его жизни. Мы всѣ, русскія земскія силы, дружно должны реализовать свои идеалы и прекрасныя стремленія русской души, безбоязненно идти впередъ во взаимномъ довѣрїи. Наши

общіе идеалы неоспоримы въ своей нравственной безупречности; идеалы интеллигенціи, какъ основанные на принципахъ одушевленной дѣятельности внѣ партій, заслуживаютъ всякихъ симпатій, ихъ бояться нѣтъ никакихъ основаній. Ихъ нужно благословить.—Идеалы эти заставляютъ быть снисходительнымъ къ интеллигенціи въ ея осужденіи духовенства. Она желаетъ хорошихъ священниковъ; она непремѣнно заинтересуется содержательнымъ богослуженіемъ. Храмъ, по мысли интеллигенціи, долженъ быть чистъ, содержаться опрятно, лучше, чѣмъ домъ бабушки (я самъ слышалъ такое сравненіе); и все въ храмѣ и бабушкѣ должно быть прекрасно. Это идеалъ интеллигенціи. Она сама поможетъ облагородить наши храмы, если будетъ надежда, что внѣшнее благообразіе будетъ соответствовать и внутреннему“.

„Итакъ, дайте содержательное богослуженіе, вдохните идею въ обряды, дайте хорошую проповѣдь: интеллигенція всею душою пойдетъ въ храмъ и полюбитъ его“.

М. П.

Изъ дневника новорукоположеннаго священника ¹⁾.

17 марта. — Въ субботу *пятой* недѣли Великаго поста пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ замѣчательнаго случая. Одинъ мальчикъ, лѣтъ 13, когда настало время причащенія, выскочилъ изъ толпы и со смѣхомъ подошелъ къ св. чашѣ. Но Господь тутъ же его вразумилъ: мальчикъ, несмотря на всѣ усилія, не могъ проглотить частицы св. Таинъ. Положивъ св. частицу обратно въ потиръ, я сказалъ ему: „нужно подходить къ св. чашѣ со страхомъ Божіимъ“. Мальчика отвели въ сторону. Черезъ минуту я позвалъ его снова причаститься, предварительно сказавши: „иди со страхомъ Божіимъ сюда“. Мальчикъ, вразумленный свыше, съ благоговѣніемъ подошелъ.

---

¹⁾ См. № 19 за 1904 г.

и припялъ св. Тайны. — Эготъ случай сильно подѣйствоваль на всѣхъ пристунавшихъ къ причащенію св. Христовыхъ Тайнъ.

Подобный же случай былъ въ приходѣ Вологодскаго уѣзда, въ 5 верстахъ отъ моей родины. Одинъ крестьянинъ трижды подходилъ къ св. чашѣ, и ни въ одинъ разъ не могъ причаститься. За грѣхи ли его, въ которыхъ онъ, быть можетъ, не покался отцу духовному, Господь не сподобилъ этого крестьянина св. причастія, или по какой другой причинѣ, судить дѣло не наше.

20 іюля.—День св. пророка Іліи особенно читается крестьянами моего прихода. Предъ этимъ праздникомъ они съ давнихъ временъ установили недѣльный постъ, и все коровье масло, накопленное въ теченіе этой недѣли, жертвуется ими въ храмъ. Такой добровольный постъ установленъ ими по слѣдующему поводу. Около ста лѣтъ тому назадъ, по рассказамъ прихожанъ и моего предшественника—священника 76-ти лѣтъ, во всемъ приходѣ предъ праздникомъ св. прор. Іліи свирѣпствоваль страшный моръ скота, по преимуществу коровъ. Въ своемъ бѣдственномъ положеніи крестьяне обратились съ горячею молитвою къ св. прор. Іліи, чтобы онъ умолилъ Господа о прекращеніи падежа скота, при чемъ наложили на себя недѣльный постъ и дали обѣщаніе все масло, накопленное за эту недѣлю, принести въ храмъ. И моръ, молитвами св. пророка и милостію Божіею, прекратился.

22 іюля.—Не могу забыть, какъ однажды, проходя мимо деревни З., я довольно быстрымъ шагомъ шелъ все впередъ и впередъ. Вдругъ слышу позади себя несмѣлый дѣтскій голосъ: „батюшка, красное солнышко, благослови насъ!“ Оглянулся назадъ,—и что же оказалось?—Довольно большая толпа милыхъ крестьянскихъ дѣтей отъ 3—4 лѣтъ и болѣе около полуверсты уже идетъ за мной желая получить благословеніе! Ободрилъ ихъ, благословилъ всѣхъ и преподаль соотвѣтству-

ющее наставленіе. Рады были дѣти, получивши благословеніе; но еще больше радъ былъ я и за нихъ и за ихъ родителей.

5-го октября. — Съ самыхъ первыхъ дней своего пастырскаго служенія мнѣ приходилось слышать отъ прихожанокъ жалобы на жестокое, безчеловѣчное обращеніе съ ними ихъ мужей, и я рѣшилъ всѣми мѣрами бороться съ этой язвой крестьянскаго семейнаго быта и облегчить положеніе многострадальныхъ прихожанокъ своихъ, на которыхъ ихъ мужья привыкли смотрѣть, какъ на своихъ безотвѣтныхъ рабынь. Нерѣдко приходилось мнѣ на первыхъ порахъ видѣть несчастныхъ прихожанокъ, избитыхъ въ кровь, съ распущенными волосами, съ опухшимъ лицомъ,—и я весь содрогался въ такихъ случаяхъ отъ ужаса. Спрашивается: за что же такъ истерзаны были онѣ своими мужьями-тиранами? — За самый малый проступокъ, чаще же всего — совершенно безъ всякой вины. Случилась какая-нибудь неудача въ семейныхъ или хозяйственныхъ дѣлахъ, виновата жена, и всю свою досаду, всё свое горе мужъ вымещаетъ на ней; бьетъ всѣмъ, что только попадетъ подъ руку; ни слезы ея, ни плачь крошекъ-дѣтей не могутъ остановить озвѣрѣвшаго „хозяина“. Невыносимо-больно смотрѣть пастырю на этихъ несчастныхъ жертвъ грубаго произвола и жестокаго сердца!.. На основаніи Слова Божія и твореній св. Іоанна Златоуста, я неоднократно говорилъ на виѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ мужа и жены; дѣлалъ тоже и при всякомъ вообще удобномъ случаѣ—во время личныхъ сношеній по какимъ-либо дѣламъ, во время требоисправленій и т. п. И—благодареніе Господу Богу—мое простое и безыскусственное слово не осталось безплоднымъ. На дняхъ ко мнѣ приходитъ одна прихожанка и говоритъ: „Благодарю тебя, батюшка, что ты образумилъ моего мужа. До твоего пріѣзда въ нашъ приходъ онъ немилосердно билъ меня. Все свое горе и всякую семейную неудачу выносилъ на мнѣ. Бывало, разгорячится, начнетъ бить меня всѣмъ, что только попадетъ подъ руку. Много разъ я пыталась было даже ли-

шить себя жизни, чтобы только освободиться отъ побоевъ мужа; но Богъ спасаль меня. Теперь же, какъ онъ сталъ ходить къ тебѣ на бесѣду, сдѣлался куда лучше, совсѣмъ переимѣнился: не только пересталъ бить меня, но и гнѣвъ старается сдержать, какъ только вспомнить твою бесѣду". — „Радуюсь, Катерина, что Господь вразумиль твоего мужа,—сказаль я:—помоги ему Господь до конца жизни удержаться отъ гнѣва и грубаго обращенія съ тобой! Да и ты, гляди, не раздражай его, и когда онъ скажетъ тебѣ что-либо обидное, не возражай, а лучше претерпи,—этимъ неперемѣнно побѣдишь его гнѣвъ“.

26-го октября.—Вечеромъ сегодня мнѣ пришлось услышать любопытный рассказъ объ одномъ своемъ прихожанинѣ. Сначала онъ былъ обыкновеннымъ человѣкомъ, и притомъ бѣднякомъ. Но вотъ онъ рѣшилъ копить свои скудныя сбереженія и дотога пристрастился къ деньгамъ, что сталъ отказывать себѣ, а тѣмъ болѣе другимъ, рѣшительно почти во всемъ и въ концѣ концовъ сдѣлался богачемъ. Накопленныя деньги онъ закапываетъ въ землю и уже обратно никогда и ни за что не возьметъ. Живетъ онъ въ убогой избушкѣ, коекакъ сколоченной изъ старыхъ разобранныхъ хлѣбовъ; зимой и лѣтомъ ходитъ въ полушубкѣ, армякѣ и шапкѣ собственного своего издѣлія и въ каждомъ приходящемъ къ нему видитъ лихова человѣка, явившагося ограбить его... Рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ приступить къ обращенію на путь истинный этого погибающаго человѣка. Буду почаще посѣщать его и бесѣдовать съ нимъ о тлѣнности богатства, о томъ, что неразумная привязанность къ богатству послужить ему на гибель и приведетъ его во тьму кромѣшную, гдѣ червь не усыпаетъ, и огонь не угасаетъ; стану говорить ему о томъ, для чего посылается намъ богатство, и какъ имъ должно пользоваться и т. п. Пусть онъ и самъ все это знаетъ,—нужды нѣтъ—я буду повторять ему одно и то же много разъ, пока не добьюсь своего, т. е. пока не вырву его изъ страшныхъ когтей сребролюбія и скупости.

Св. Василій Великій часто говорилъ о пьянствѣ; многимъ это не правилось, и нѣкоторые изъ слушателей какъ-то замѣтили ему, что все это они сами знаютъ да и читали о томъ же. На это святитель отвѣтилъ: „не умолкну о семъ глаголати: если вы сегодня не послушаете, то, быть можетъ, завтра послушаете, а если не завтра, то послѣзавтра или когда-нибудь да послушаете“. Такъ и я постараюсь всѣмъ зараженнымъ какимъ-нибудь порокомъ говорить объ этомъ порокѣ какъ можно чаще, хотя бы одержимые имъ и сами хорошо знали и сознавали всю его грѣховность. Св. ап. Павелъ говоритъ: „писать вамъ о томъ же для меня не тягостно, а для васъ назидательно“ (Филипп. 3, 1).—Буду твердо памятовать эти слова его.

3-го ноября.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ З. осталась послѣ мужа вдова К. съ нѣсколькими малолѣтними дѣтьми. Средствъ къ жизни мужъ ея никакихъ не оставилъ, и она съ величайшимъ трудомъ перебивалась, какъ говорится, съ хлѣба на воду. Пришло время платить подать. К. была въ полномъ отчаяніи и не знала, что дѣлать. Сердобольные сосѣди, видя слезы несчастной вдовы, сжалились надъ нею и заплатили за нее подать... Кто можетъ выразить словами радость К., когда она узнала объ этомъ, и то безграничное чувство благодарности, которое изливала она послѣ этого въ своихъ молитвахъ къ Господу Богу, *созво- рившему тако?..* До глубины души тронуть былъ я добрымъ поступкомъ сосѣдей вдовы К. и при этомъ невольно подумалъ: хорошо было бы, если бы крестьяне и другихъ деревень послѣдовали этому примѣру! Въдь такихъ несчастныхъ вдовъ въ моемъ приходѣ не одна, не двѣ, а цѣлые десятки. Вотъ, напр.; въ ближайшей отъ погоста деревнѣ живетъ другая несчастная вдова Е., которая два года тому назадъ лишилась мужа и осталась съ малыи дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ жизни. Терпя недостатокъ во всемъ, она въ прошломъ году во время сѣнокоса неловко свалилась на землю и сломила себѣ руку. Бѣдная не могла уже послѣ этого ра-

ботать, а помощи ждать не откуда... Господи! помоги мнѣ, вразуми меня, какъ приступить къ дѣлу организаціи разумной и цѣлесообразной помощи подобнымъ несчастнымъ!..

9-го декабря.—Недавно сосѣдній священникъ сообщилъ мнѣ о рѣдкомъ поступкѣ одного воспитанника духовной семинаріи, сына псаломщической вдовы Н. К. К., проживающей въ его приходѣ. Воспитанникъ этотъ еще въ раннемъ дѣтствѣ лишился отца и, какъ сирота, обучался въ духовномъ училищѣ и теперь обучается въ духовной семинаріи на полномъ казенномъ содержаніи. Отправляясь пѣшкомъ изъ дому въ семинарію послѣ каникулъ, онъ никогда не бралъ у матери ни копейки денегъ; чаю онъ не пьетъ (казеннаго не полагается), а о какихъ-либо удовольствіяхъ даже не думаетъ. Но вотъ въ прошломъ году мать, желая побаловать сына, собрала послѣдніе гроши и дала ему „на дорогу“ *три* рубля. Онъ долго отказывался отъ денегъ и только послѣ усиленныхъ просьбъ матери взялъ ихъ и зашилъ въ боковой карманъ пиджака. Зналъ онъ, съ какимъ трудомъ и путемъ какихъ лишеній достались эти *три* рубля матери, и не рѣшился издержать ихъ, а черезъ годъ принесъ въ цѣлости домой и, подавая матери, сказалъ: „Вотъ, мама, возьми твои *три* рубля; я и безъ нихъ хорошо прожилъ, а тебѣ они пригодятся“... Много ли найдется еще такихъ дѣтей вообще и въ частности такихъ семинаристовъ?.. Да ниспошлетъ ему Господь Богъ, по заповѣди Своей, счастье и доголѣтнюю жизнь!..

Свящ. *Василій Преображенскій.*

На день рожденія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, 30-го іюля
1904-го года.

Ликуй, о родина святая!
 Греми могучее „ура“!—
 Царю Супруга молодая
 Младенца-Сына родила!
 Ликуй, престольная столица,
 Великой радостью горя!
 Въ тебѣ зажглась для насъ денница
 Въ лицѣ Наслѣдника Царя!
 Привѣтъ Тебѣ, давно желанный
 Царевичъ юный Алексѣй,
 Рожденный въ дни тревоги бранной
 Державной Матерью Своей!
 Съ надеждой въ будущность, съ любовью
 Мы на Тебя теперь глядимъ,
 И Русь отъ бѣдъ своею кровью
 Съ отвагой мощной оградимъ.
 Пускай ярится врагъ кичливый,
 Пускай грозитъ отвсюду намъ,
 Твое рожденье—знакъ счастливый
 Россіи доблестнымъ сынамъ.
 Съ Тобой зажглась золотая
 Для насъ грядущаго заря...
 Ликуй, о родина святая,
 Молись за Первенца Царя!

Александръ Осинскій.

Руководственныя указанія ходатайствующимъ о назначеніи пенсій.

Заштатные священнослужители, псаломщики, ихъ вдовы и дѣти, входя съ прошеніями о назначеніи имъ пенсій и единовременныхъ пособій, въ большинствѣ случаевъ не соблюдаютъ требованій пенсіоннаго устава въ отношеніи гербоваго сбора, свѣдѣній о службѣ, семейномъ состояніи и времени полученія указовъ, въ подлежащихъ случаяхъ, объ увольненіи за штатъ, чѣмъ ставятъ консисторію въ необходимость вести съ ними и о нихъ обременительную и, при правильной постановкѣ дѣла, ненужную переписку, приводящую консисторію къ необходимости задерживать представленія о пенсіяхъ на заключеніе Св. Синода, впредь до полученія всѣхъ требующихся къ дѣлу свѣдѣній. Для прекращенія подобныхъ ненормальностей, въ видахъ пользы самого заштатнаго духовенства и ускоренія дѣлопроизводства о пенсіяхъ, предлагаются къ свѣдѣнію слѣдующія положенія:

1) Заштатные священнослужители и псаломщики, при подачѣ прошеній епархіальному преосвященному объ исходайствованіи имъ пенсій и единовременныхъ пособій, должны представлять: а) гербовый сборъ въ 1 руб. 20 коп. на прошеніе и отвѣтъ по оному; б) указать казначейство, изъ котораго желаютъ получать пенсію; в) представить формуляръ о службѣ, засвидѣтельствованный благочиннымъ и г) неполучающіе казеннаго содержанія—свѣдѣніе о времени объявленія имъ указа объ увольненіи за штатъ (35 ст. Пенс. Уст.; 160 и 161 ст. Общ. Пенс. Уст.—Св. Зак., т. III, изд. 1896 года).

2) Если пенсія или единовременное пособіе испрашиваются вдовѣ и дѣтямъ, то сверхъ послужнаго списка мужа или отца должна быть представлена метрическая выпись о смерти мужа или отца и таковыя же о рожденіи несовершеннолѣтнихъ дѣтей, оплаченныя гербовымъ сборомъ 60-коп. достоинства (тамъ же).

3) Должно быть въ прошеніи указано и мѣсто жительства просящихъ пенсію.

4) Правомъ на пенсію или пособіе пользуются и дѣти священнослужителей и псаломщиковъ, не исключая рожденныхъ по выходѣ за штатъ ихъ отцевъ. Но не пользуются симъ правомъ: а) дѣти, достигшія 21 года; б) сыновья, вступившіе въ службу или общественное заведеніе на казенное содержаніе; в) дочери замужнія или принятія въ общественное заведеніе на казенное содержаніе (ст. 6 п. 4).

5) а) Священнослужитель или псаломщикъ, выходя за штатъ, въ самомъ прошеніи объ увольненіи отъ службы долженъ предъявить свое право на пенсію или пособіе. Во всякомъ случаѣ, для подачи прошенія о пенсіи назначается трехмѣсячный срокъ, за пропускомъ котораго пенсія назначается уже со дня подачи прошенія; б) непронустившимъ означеннаго срока пенсія назначается со дня прекращенія имъ содержанія по службѣ (казеннаго), а неполучавшимъ казеннаго содержанія — со дня полученія ими указа объ увольненіи; в) вдовамъ и дѣтямъ священнослужителей и псаломщиковъ пенсія назначается со дня смерти мужа или отца, если прошеніе о пенсіи было подано въ теченіе года съ означеннаго дня; въ противномъ случаѣ — со дня подачи прошенія (ст. 29, 30 и 32).

6) Прошенія о назначеніи пенсіи или пособія малолѣтнимъ сиротамъ за службу ихъ отцевъ подаются ихъ опекунами или мѣстными благочинными (Примѣч. къ 28 ст. Пенс. Уст.).

7) Лица, вышедшія за штатъ до 18 іюля 1902 года, и, въ случаѣ ихъ смерти, ихъ семейства не имѣютъ права на пенсію по новому уставу о пенсіяхъ священнослужителямъ и псаломщикамъ (59 ст. Осн. Гос. Зак.—Св. Зак., т. I, изд. 1892 года; опред. Св. Синода отъ 19 іюня 1902 года, № 2495) ¹⁾.

¹⁾ Сам. еп. вѣд.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 18-го октября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Ащ. Общ. Н. Т. Корчакъ Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 31-го октября.

Содержаніе: Духовенство и патриотизмъ.—Нѣсколько словъ о взаимоотношеніи и тѣсной связи между христіанскими догматами и христіанскимъ нравоученіемъ (окончаніе).—О поминовеніи усопшихъ по синодикамъ въ приходскихъ храмахъ.—Практическія указанія относительно церковнаго чтенія.

Духовенство и патриотизмъ.

I.

Тяжкое всенародное испытаніе суждено нынѣ пережить дорогой нашей родиной!.. Навязанная противъ всякаго желанія ея недругами — тайными и явными — война съ врагомъ коварнымъ и упорнымъ заставляетъ ее нести громадныя жертвы и матеріальныя и духовныя. Врагъ, подготовлявшійся къ борьбѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, вѣроломно, по-азіатски обрушился съ своими полчищами на миролюбивѣйшую христіанскую державу, совсѣмъ не готовую къ войнѣ. И вотъ теиерь, въ теченіе уже восьми мѣсяцевъ на сушѣ и на морѣ развертываются предъ цѣлымъ міромъ ужасныя кровавыя картины неравной борьбы. Съ одной стороны—превосходя-

щей численностію своихъ полчищъ, страшный своимъ языческимъ фанатизмомъ и упорствомъ, врагъ; съ другой—наши войска, только-что стягивающіяся на роковое мѣсто войны изъ - за многихъ тысячъ верстъ, и потому все еще не могущія сравняться по численности съ противникомъ. Ясно, какое испытаніе силъ, стойкости и мужеству нашихъ воиновъ представляетъ подобное положеніе... И что же мы видимъ?— Наше православное „христолюбивое и царелюбивое“ воинство, во главѣ съ военачальникомъ и сопутствующимъ ему на полѣ брани духовенствомъ, поражаетъ и удивляетъ весь міръ и даже самихъ враговъ беззавѣтнымъ мужествомъ, вѣрностью своему долгу, увѣренностію въ конечномъ торжествѣ надъ врагомъ, несмотря на временныя и неизбежныя въ ихъ положеніи неудачи. Эти чудныя свойства возрастали въ своей душѣ и принесли съ собою на войну нашъ воинъ изъ той православной народной среды, откуда онъ вышелъ. Тамъ, въ глубинѣ православной Руси, неизсякаемый запасъ тѣхъ народно-духовныхъ силъ, которыя называются вѣрою православной, любовью къ царю и отечеству, патриотизмомъ. Онѣ-то и вдохновляютъ наше войско, онѣ-то спасли и спасаютъ Русь...

Да, въ высшей степени отрадно и утѣшительно обнаруженіе во всемъ блескѣ этихъ неоцѣненныхъ свойствъ въ настоящую трудную годину кровавой борьбы. Народъ, свято сохраняющій ихъ въ глубинѣ своей души и сердца, смѣло можетъ смотрѣть въ глаза будущему, чѣмъ бы оно ни угрожало. Живъ Богъ земли Русской, и жива русская народная душа. Сколько бы трудностей ни предстояло намъ преодолѣть въ настоящей борьбѣ, побѣда и торжество будутъ на сторонѣ русскаго народа; это непременно такъ будетъ—вѣримъ всѣ мы, вѣритъ каждый истинно-русскій человѣкъ. При такомъ твердомъ убѣжденіи и при такой непоколебимой вѣрѣ странными и жалкими кажутся инныя мысли и чувства, проникающія въ нашу печать. При внимательномъ чтеніи нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ нельзя не замѣтить явнаго пес-

симистическаго отношенія къ русской дѣйствительности, недо-
вѣрія къ русской всепобѣждающей мощи и какого-то совѣмъ
неумѣстнаго, преувеличеннаго преклоненія предъ доблестями
врага-азіата, особенно любовно-внимательнаго изученія его
внутренняго государственнаго, общественнаго, даже семей-
наго быта. Отъ подобнаго направленія нѣкоторыхъ газетъ и
журналовъ такъ и вѣтъ духомъ какого-то интернаціонализма,
и онъ, пожалуй, могъ бы сослужить въ данный моментъ плохую
службу, если бы,—Богу благодареніе, что этого нѣтъ,—не
воодушевленъ былъ русскій народъ жизненнымъ, пока еще
ни мало не расшатаннымъ, чувствомъ патріотизма...

Оставляя въ сторонѣ это противонаціональное направ-
леніе не исправимыхъ поклонниковъ всего чужого и дерзко-
презрительно относящихся ко всему исконно-русскому,—тѣмъ
болѣе, что направленіе это не новость и давно уже доказало
свое безсиліе,—остановимся на утѣшительномъ и отрадномъ,
особенно въ настоящее время, проявленіи русской народной
души—нашемъ безавѣтномъ, чудномъ, истинно-христіанскомъ
патріотизмѣ. Заглянемъ въ ту священную, таинственную ла-
бораторію, гдѣ вѣками вырабатывались и дондесъ вырабаты-
ваются лучшія, самыя животворныя мысли и чувства въ умѣ
и сердцѣ народа, служащія вѣрнымъ залогомъ его историче-
скаго роста, его политическаго и общественнаго преуспѣ-
янія.

II.

Какъ всѣ отрицательныя, антинаціональныя теченія рус-
ской мысли и жизни возникали и развивались у насъ всегда
среди людей, порвавшихъ связь съ Церковію, вышедшихъ
изъ-подъ ея вліянія; такъ, напротивъ, положительныя, сози-
дательныя идеи и идеалы вырабатывались и укрѣплялись въ
русскомъ обществѣ, въ русскомъ народѣ подъ прямымъ бла-
готворнымъ воздѣйствіемъ Церкви Православной, ея предста-
вителей. Это неоспоримая истина, засвидѣтельствованная
исторіей и подтверждаемая современною жизнію.

Но чѣмъ особенно сильно, глубоко и дѣйственно вліяніе Церкви въ дѣлѣ воспитанія религіозно-національнаго самосознанія русскаго народа, такъ это тѣмъ, что за высшими представителями Церкви, іерархами—первыми учителями и воспитателями его въ духѣ беззавѣтной преданности и любви къ государю и отечеству—всегда у насъ находилась и находится цѣлая армія ревностныхъ распространителей въ народныхъ массахъ идей православно-русской государственности, мирная армія православнаго приходскаго духовенства. Оно неутомимо и неизмѣнно, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, воспитываетъ на благо и мугущество Россіи народныя массы въ духѣ истиннаго патріотизма. И эта благодарная и многоплодная дѣятельность нашего духовенства дорога и цѣнна еще въ томъ отношеніи, что всегда являлась и является не въ видѣ исполненія принудительной обязанности, а какъ основанное на глубокомъ убѣжденіи самоотверженно-свободное выполненіе своей исторической миссіи. Наши пастыри всегда дѣйствовали здѣсь не по внѣшнему принужденію, но были безкорыстными и убѣжденными охранителями историческихъ основъ русской государственности. И въ настоящее время наше приходское духовенство остается вѣрнымъ своему призванію: оно насаждаетъ, развиваетъ и укрѣпляетъ въ народѣ истинно-русскія здравыя патріотическія идеи и чувства. Стоя въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ массѣ народной, оно болѣе успѣшно и плодотворно, чѣмъ кто-либо другой, проявляетъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Правда, къ тому же призываются у насъ и руководители и насадители народнаго просвѣщенія, и, въ нѣкоторой степени, они могли бы стать соработниками приходскихъ пастырей въ этомъ дѣлѣ; но, пока-что, постановка дѣла народнаго образованія въ духѣ православно-русскаго патріотизма представляется у насъ, за исключеніемъ школъ церковнаго вѣдомства,¹ едва ли еще не *primum desiderium* какъ правительства, такъ и общества...

Взглянемъ же, гдѣ и какъ совершается эта созидательная работа нашего приходскаго духовенства.

Скромно, незамѣтно, но настойчиво и постоянно, подъ сѣнью храмовъ Божіихъ, въ домахъ своихъ прихожанъ, приходскій священникъ-пастырь воспитываетъ духовныхъ чадъ своихъ въ любви и вѣрной, непоколебимой преданности къ Батюшкѣ-Царю, къ родной землѣ. Вмѣстѣ съ наученіемъ ихъ вѣрѣ православной въ Бога, Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, внушаетъ онъ имъ христіанскія понятія о высотѣ и святости царской власти, о беззавѣтномъ повиновеніи ей, *якоже Господу*. Священникъ вѣщаетъ своему приходу о самоотверженныхъ, славныхъ дѣлахъ самодержцевъ на благо своего народа, земли Русской и укрѣпляетъ убѣжденнымъ словомъ своимъ благодарную любовь въ простыхъ и довѣрчивыхъ сердцахъ къ богоданному Государю Императору, неуспно пекущемуся о всѣхъ своихъ подданныхъ. Приходскій священникъ знакомитъ, при удобныхъ случаяхъ и поводахъ, своихъ прихожанъ съ историческимъ прошлымъ и настоящимъ положеніемъ дорогой, многострадальной родины и научаетъ любить ее, какъ мать... И сколько такихъ удобныхъ, благоприятныхъ случаевъ и поводовъ для бесѣдъ, поученій и разговоровъ даетъ приходскому священнику его служеніе, его пастырская практика!..

Возьмите, напр., такія исторической важности событія, какъ восшествіе на престолъ, священное коронованіе царствующаго Государя Императора, выдающіеся случаи въ судьбахъ Царствующаго Дома, въ родѣ 17-го октября. При всѣхъ подобныхъ случаяхъ нашъ приходскій священникъ является первымъ истолкователемъ для простого народа смысла и значенія ихъ, первымъ виновникомъ подъема вѣроподданическихъ, патріотическихъ чувствъ въ массахъ простого православнаго люда. И запечатлѣваются такіе факты и событія въ памяти народной навсегда, надолго, при содѣйствіи и руководствѣ пастырей, многоразличными способами и жертвами со стороны народа: въ память подбонныхъ событій сози-

даются храмы, сооружаются иконы, устроятся школы, совершаются истинно-христианскія дѣла благотворенія. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуется современная намъ лѣтопись русской церковно-приходской жизни, заносщая на свои страницы тысячи, десятки тысячъ такого рода фактовъ.

III.

Но если въ такомъ видѣ проявляется патріотическая дѣятельность нашего приходскаго духовенства при обычномъ, мирномъ теченіи государственной жизни, то еще болѣе высокой и плодотворной должна быть она въ години тяжкихъ общенародныхъ испытаній, какова настоящая война. Пробуждать и поддерживать теперь въ сердцѣ народномъ патріотизмъ—вѣру и надежду на успѣшный исходъ трудной борьбы, мужество и самоотверженіе въ сынахъ Россіи, преданность престолу и отечеству—это, въ переживаемые нами тревожные дни, самое святое и нужное дѣло. И его взяло на себя и выполняетъ честно и достойно духовенство Православной Русской Церкви. Пастыри Церкви возносятъ *едиными усты и единымъ сердцемъ* со своими паствами молитвы и моленія въ безчисленныхъ храмахъ о дарованіи побѣдъ русскому „христіолобивому“ воинству, объ укрѣпленіи въ мужествѣ возлюбленнаго Государя Императора; они молитвенно напутствуютъ воиновъ, отправляющихся на брань; они призываютъ своихъ духовныхъ чадъ на всевозможныя матеріальныя жертвы, облегчающія тяжелое бремя войны.

Насколько плодотворна и дѣйствительна прошлая и настоящая убѣжденно-самоотверженная работа представителей Церкви и приходскаго духовенства въ дѣлѣ насажденія и утвержденія въ народѣ началъ и основъ православно-русской государственности, объ этомъ лучше всего говорятъ факты и событія изъ настоящей войны. Откуда эта беззавѣтная вѣрность своему долгу, храбрость и стойкость нашего воинства, удивляющаго весь міръ своими подвигами самоотверженія? Откуда эти жертвы, непрерывнымъ потокомъ текущія изъ глу-

бины Россіи на нужды военнаго времени? Откуда, наконецъ, то спокойно-выдержанное отношеніе русскаго общества и въ особенности простого народа къ постигшимъ насъ временнымъ неудачамъ въ этой войнѣ, которое явно свидѣтельствуесть о непоколебимой увѣренности истинно-русскихъ людей въ силѣ и мощи дорогой родины?—Не плоды ли это дрящейся изъ вѣка въ вѣкъ плодотворной, хотя и незримой для посторонняго взгляда, работы нашего православнаго духовенства,— работы, совершающейся въ вѣдрахъ, въ глубинѣ народныхъ массъ?..

Въ жизни обыкновенно учителя, воспитатели по праву гордятся своѣми славными учениками. И наше смиренное православное духовенство могло бы съ справедливой гордостью указать на плоды своихъ пастырскихъ трудовъ по воспитанію народа въ духѣ патріотизма. Но оно помнитъ завѣтъ апостола—не хвалиться, но паче сознать немощи свои, чтобы въ него сугубо вселилась сила Христова; и для скромнаго пастыря не можетъ быть большей похвалы и высшаго утѣшенія, какъ видѣть торжество своего дѣла въ силѣ, могуществѣ и счастіи родной православной Россіи.—Пожелаемъ же всѣмъ нашимъ собратіямъ-пастырямъ, да поможетъ имъ сила Христова въ настоящую трудную пору усугубить свои труды въ дѣлѣ поддержанія и укрѣпленія бодрыхъ, патріотическихкихъ чувствъ въ сердцѣ русскаго народа!..

Свящ. *Аванасій Веселмицкій.*

Нѣсколько словъ о взаимоотношеніи и тѣсной связи между христіанскими догматами и христіанскимъ правоученіемъ ¹⁾.

(Окончаніе).

Надобно замѣтить, что всѣ наиболѣе извѣстныя нехристіанскія религіи имѣють болѣе или менѣе опредѣленное теоретическое, такъ сказать, міросозерцаніе, которое оказываетъ могущественное вліяніе и на характеръ нравственной дѣ-

¹⁾ См. № 43-й за 1904 г.

тельности человека. Особенно это нужно сказать о религиях до-христианских, так как они, развиваясь изолированно у известных народов, отличались прямолинейной слепой логикой в развитии своих основных положений и в конечных выводах. На почве этих религий, сосредоточившихся во всемирной тогда римской империи, и возникла новая христианская религия, которая должна была, так или иначе, определить свое положение между ними.

В древнем до-христианском мире важнейшими религиозными мировоззрениями были следующие: 1) единобожие семитов; 2) пантеизм древних индусов; 3) дуализм у иранцев и 4) антропоморфической политеизм у греков и римлян. Все эти религии в существе своем имѣли—или должны были имѣть—союз Бога съ человекомъ; но этотъ союзъ, вслѣдствіе односторонности каждой изъ до-христианскихъ религий, далеко не былъ равноправнымъ для обѣихъ сторонъ, не давалъ возможности правильнаго, всесторонняго развитія личности человека и мало содѣйствовалъ его нравственному самоусовершенствованію. Единобожие семитовъ слишкомъ отдаляло человека отъ Бога, ставило его въ рабскія отношенія къ Божеству и не давало свободнаго развитія личности человека и нравственной его дѣятельности. По другому до-христианскому религиозному мировоззрѣнію—индѣйскому, весь миръ, а въ его общемъ составѣ и человекъ, суть только проявленія всюду разлитой, все объемлющей и все поглощающей божественной силы, и, слѣдовательно, самъ по себѣ человекъ есть ничто и долженъ погрузиться въ ту же общую нирвану, изъ которой случайно вынырнулъ на свѣтъ Божій. При такомъ религиозномъ мировоззрѣніи не можетъ быть и рѣчи о высокомъ значеніи и назначеніи человека и о его свободной нравственной дѣятельности. Несравненно выше представляется иранское (персидское) дуалистическое міросозерцаніе, признающее два почти равносильныхъ верховныхъ начала—доброе и злое, Ормузда и Аримана, которые вѣчно борются между собою и стараются одолѣть другъ друга. Въ

концѣ временъ Ормуздъ одолѣеть Аримана. Соотвѣтственно этому міровоззрѣнію, и жизнь человѣка должна состоять въ неустанной борьбѣ съ Ормуздомъ и за Ормузда противъ Аримана, что придавало иранцамъ извѣстнаго рода энергію въ борьбѣ со зломъ физическимъ и нравственнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ въ иранской религіи былъ только страдательнымъ орудіемъ въ рукахъ борющихся верховныхъ началъ, а не самостоятельною личностію: въ немъ самомъ все доброе принадлежало Ормузду, а злое Ариману, — и на долю человѣка не оставалось ничего самостоятельнаго, заслуживающаго награды или наказанія. Болѣе всего, повидимому, сближала человѣка съ Богомъ греко-римская антропоморфическая религія, представлявшая боговъ такими же почти людьми, какъ и обыкновенные смертные, даже съ ихъ слабостями, пороками и недостатками. Такая близость человѣка къ богамъ окрыляла его и возбуждала его энергію, вслѣдствіе чего греки и римляне въ цвѣтущую пору своего развитія достигли всемірнаго владычества и довели свою культуру и образованность, науки и искусства до высшей, по тому времени, степени совершенства. Но впоследствии греки и римляне, присмотрѣвшись къ своимъ богамъ, увидѣли въ нихъ не болѣе и не менѣе, какъ только созданіе своей собственной фантазіи, совершенно отвергли ихъ и, такимъ образомъ, остались безъ руководящихъ нравственныхъ идеаловъ и принциповъ въ своей жизни. Этимъ безвѣріемъ и религіозною беспомощностію объясняются и ихъ позднѣйшее духовно-нравственное оскудѣніе и упадокъ.

Такимъ образомъ, всѣ религіозныя міросозерцанія древняго до-христіанскаго міра, имѣя несомнѣнное вліяніе на нравственное состояніе и нравоученіе своихъ адептовъ, были крайни и односторонни, то проповѣдуя единобожіе, поставляющее человѣка въ рабскія отношенія къ Божеству, то — пантеизмъ, поглощающій собою личность человѣка, то — дуализмъ, раздвояющій человѣческую личность и представляющій человѣка въ борьбѣ между противоположными началами и съ самимъ собою, то, наконецъ, политеистическій антропоморфизмъ,

уничтожающій собою божественное начало въ религіи и представляющій человѣка самому себѣ. Слѣдовательно, всѣ эти религіи не давали мѣста свободному, православному, всестороннему развитію человѣческой личности и нравственной дѣятельности.

Такъ же крайни и односторонни были и попытки гностиковъ образовать одну общую религіозно-философскую систему — систему эманации (истечения) эоновъ одного изъ другого, потому что эти попытки выходили изъ одного какого-либо односторонняго религіознаго воззрѣнія изъ числа указанныхъ выше міровоззрѣній древняго до-христіанскаго міра.

Что же касается христіанскаго религіознаго міросозерцанія, то и оно, въ соотвѣтствіе съ до-христіанскими религіями, должно было, судя а priori, имѣть огромное значеніе и для выработки и обоснованія христіанскихъ нравственныхъ принциповъ, и для нравственной жизни человѣка - христіанина вообще. Главный, основной догматъ христіанскаго вѣровученія есть догматъ о Пресвятой Троицѣ. Если мы сопоставимъ этотъ догматъ съ пересмотрѣнными нами выше до-христіанскими религіозными міросозерцаніями, то не можемъ не придти къ заключенію, что догматъ о Пресвятой Троицѣ устраняетъ собою всѣ тѣ крайности, какія въ до-христіанскихъ религіяхъ мѣшали полному осуществленію идеала религіи, какъ болѣе или менѣе свободнаго и равноправнаго союза Бога съ человѣкомъ, и стѣсняли и подавляли собою личность человѣка и свободное проявленіе его нравственной дѣятельности, и устанавливаетъ правильныя, свободныя отношенія человѣка къ Богу. Догматъ о Пресвятой Троицѣ уничтожаетъ средостѣніе, отдѣлявшее въ строгомъ единобожіи человѣка отъ Бога, поставляетъ человѣка въ близкія, сыновнія отношенія къ Богу, но такъ, что ни божественное не поглощаетъ собою человѣческаго, какъ у древнихъ индусовъ, ни человѣческое—божественнаго, какъ у грековъ и римлянъ, и, наконецъ, примиряетъ человѣка съ самимъ собою и уничтожаетъ дуализмъ, существовавшій въ иранско-персидской ре-

лиги. Поэтому, въ христіанствѣ человѣкъ впервые почувствовалъ въ себѣ силы къ новой, самостоятельной жизни и дѣятельности,—и христіанство открываетъ собою новый періодъ въ жизни человѣчества, въ отличіе отъ древняго, до-христіанскаго періода.

Великое значеніе христіанства въ дѣлѣ развитія свободной личности человѣка признають и сами свѣтскіе ученые и писатели. По взгляду одного изъ нихъ (Дренера), жизнь новоевропейскихъ христіанскихъ народовъ представляется болѣе полною и разностороннею въ сравненіи съ жизнію древняго міра. Жизнь эта кажется намъ разнообразною, нестройною и бурною. Въ ней существуютъ одновременно всѣ формы, всѣ начала общественной организаціи: духовная и свѣтская власть, элементы теократической, монархической, аристократической, демократической; всѣ классы, всѣ состоянія общества смѣшаны между собою и тѣснятся другъ подлѣ друга; вездѣ представляются до безконечности разнообразныя степени свободы, богатства, вліянія. И всѣ эти силы находятся въ состояніи вѣчной борьбы, при чемъ ни одна изъ нихъ не одерживаетъ рѣшительнаго перевѣса надъ прочими, не овладѣваетъ безусловно обществомъ. Въ древнія времена каждая великая эпоха какъ бы отливала всѣ общества по одной и той же формѣ; новая Европа представляетъ образцы всѣхъ системъ, всѣхъ попытокъ общественной организаціи. Въ идеяхъ и чувствахъ Европы—то же разнообразіе, та же борьба. Въ европейскихъ сочиненіяхъ никогда идея не доведена до своихъ послѣднихъ результатовъ. Нигдѣ мы не видимъ той непоколебимой отваги, той слѣпой логики, которыя поражаютъ насъ въ древнихъ цивилизаціяхъ. Наконецъ, тѣ же отличительныя свойства мы находимъ и въ новыхъ литературахъ. Съ точки зрѣнія формы и художественнаго изящества онѣ во многомъ уступаютъ древнимъ классическимъ литературамъ, но, по содержанію чувствъ и идей, онѣ могущественнѣе, богаче. Душа человѣческая представляется въ нихъ потрясенною съ большаго числа сторонъ и до большей глубины. Отъ этого про-

исходитъ и самое несовершенство формы сравнительно съ формами древне-классическихъ литературъ.—Различныя начала, не имѣя возможности уничтожить одно другое, принуждены были необходимостью къ совмѣстному существованію,— и результатомъ разнообразія и борьбы элементовъ цивилизаціи явилась свобода, составляющая характеристическій признакъ новой христіанской цивилизаціи.

Возбудительное дѣйствіе христіанства на энергію новоевропейскихъ народовъ простиралось какъ на западныхъ, такъ и на восточныхъ христіанъ, хотя и съ нѣкоторыми существенными отличіями. Опуская отличія національныя, остановимся нѣсколько на вѣроисповѣдныхъ отличіяхъ восточныхъ и западныхъ христіанъ, православныхъ и католиковъ съ протестантами. Отличія эти, по нашему мнѣнію, прежде всего и главнымъ образомъ, опредѣляются различнымъ пониманіемъ основнаго христіанскаго догмата о Пресвятой Троицѣ у тѣхъ и другихъ христіанъ.

Извѣстно, что католики къ догмату о Пресвятой Троицѣ допускаютъ прибавку, исповѣдуя, что Третье Лицо Пресв. Троицы—Св. Духъ исходитъ не отъ одного Отца, какъ вѣрують православные, а отъ Отца *и Сына*. Эта незначительная, повидимому, прибавка существенно, однакоже, измѣняетъ и искажаетъ всю систему христіанскаго вѣроученія и придаетъ особенный характеръ всей римско-католической Церкви. Признавалъ исхожденіе Св. Духа и *отъ Сына*, католики какъ бы допускаютъ тотъ утонченный пантеизмъ, который проповѣдывали въ своихъ религіозно-философскихъ системахъ нѣкоторые изъ древнихъ гностиковъ. По ихъ системѣ, изъ верховнаго эона происходитъ второй—низшій эонъ, изъ второго—третій, еще болѣе низшій и т. д. Этимъ какъ бы третьимъ эономъ и является у католиковъ Св. Духъ, исходящій не только отъ Отца, но и отъ Сына и, слѣдовательно, какъ бы подчиненный Послѣднему или низшій Его, тогда какъ Православная Восточная Церковь признаетъ равенство Лицъ Пресв. Троицы. Идя далѣе по этому пути, католики пыта-

ются обожествить Пресв. Богородицу, признають св. ап. Петра и преемниковъ его—своихъ папъ намѣстниками Христа на землѣ и, такимъ образомъ, спускають съ неба на землю цѣль эоновъ, которые, по мѣрѣ приближенія къ землѣ, все болѣе и болѣе принимаютъ тѣлесную оболочку и уменьшаются въ своемъ достоинствѣ. Отъ папы, какъ видимаго намѣстника Христова на землѣ, эта цѣль спускается еще ниже и образуетъ многосложную стройную католическую іерархію, которая подавляетъ своею тяжестью простой народъ, находящійся на самомъ низу этой цѣпи эоновъ, и не даетъ ему никакихъ правъ на участіе въ дѣлахъ церковной іерархіи. Послѣдствіемъ такого давленія римско-католической іерархіи на пасомый ею народъ было выдѣленіе изъ римской Церкви и отпаденіе отъ нея лютеранства.

Но и лютеране, отвергнувъ, изъ противодѣйствія католической Церкви, весьма многое изъ того, что она признавала, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергли и то, что принадлежало не одной римской, а и всей Вселенской Христовой Церкви, и впади въ другую—противоположную крайность, напоминающую до-христіанское монотеистическое міросозерцаніе. Анализируя человѣческимъ разумомъ высочайшія истины св. вѣры, протестанты, въ нѣкоторыхъ своихъ сектантскихъ развѣтвленіяхъ, не признавали равенства Лицъ Пресв. Троицы (ново-аріане) и даже троичности Лицъ въ Божествѣ (анти-тринитаріи), отвергли почитаніе святыхъ, какъ посредниковъ между Богомъ и людьми, и умалили дѣйственное значеніе и силу церковныхъ таинствъ, низведши ихъ какъ бы въ разрядъ простыхъ символическихъ дѣйствій и обрядовъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого раціоналистическаго воззрѣнія протестантовъ въ области религіи явилось у нихъ ученіе объ оправданіи человѣка передъ Богомъ единственно вѣрою въ Іисуса Христа, а не добрыми дѣлами или заслугами и молитвами святыхъ за насъ передъ Богомъ. Такое догматическое протестантское ученіе не способно оживить нравственныя силы человѣка и побудить его къ дѣятельной добродѣ-

тели и вообще къ дѣятельной нравственной жизни; добродѣтель ихъ оказывается чисто пассивною, мертвенною.

Итакъ, высочайшій и существеннѣйшій догматъ христіанскаго вѣроученія, догматъ о Пресвятой Троицѣ, не есть одно только теоретическое познаніе сущности христіанской догматики, но служить также основаніемъ и исходнымъ пунктомъ и для христіанской нравственности и опредѣляетъ ея основной характеръ и дальнѣйшее направленіе. Слѣдовательно, этотъ догматъ долженъ быть поставленъ во главу угла не только догматическаго, но и нравственнаго православнаго богословія.

Такъ какъ догматъ о Пресв. Троицѣ лежитъ въ основаніи всей православной догматики, и изъ него естественнымъ образомъ вытекаютъ всѣ остальные православные догматы, то и эти послѣдніе должны быть изучаемы и разсматриваемы не съ одной только догматической, а вмѣстѣ и съ нравственной точки зрѣнія. Проф. *Н. Петровъ.*

О поминовеніи умершихъ по синодикамъ въ приходскихъ храмахъ.

Въ чинѣ погребенія умершихъ, въ одной изъ стихирь, имѣются слѣдующія слова, обращенныя св. Церковію къ намъ отъ лица умершаго: „прошу всѣхъ и молю: непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не изведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мученія, но да вчинитъ мя, идѣже свѣтъ животный“. Такъ усопшій обращается съ мольбою о поминовеніи къ намъ живущимъ, своимъ приснымъ и знаемымъ, и на насъ возлагается, такимъ образомъ, нравственный долгъ поминать умершихъ, молиться за нихъ. Наступитъ время, когда и мы преставимся и точно такъ же будемъ нуждаться въ молитвахъ оставшихся о нашемъ упокоеніи.

Обыкновенно умирающіе, въ предсмертный свой часъ, въ сознаніи необходимости для нихъ молитвъ св. Церкви въ

лицѣ живыхъ ея членовъ, усердно и перѣдко со слезами просятъ и духовника и близкихъ своихъ не забывать ихъ въ своихъ молитвахъ. Духовный отецъ успокаиваетъ умирающаго, говоритъ о милосердіи Отца Небеснаго и даетъ обѣщаніе молиться. Дѣйствительно, и годъ и два молится, а тамъ, въ суетѣ житейской, забываетъ о данномъ обѣщаніи и перестаетъ помянуть ихъ. Близкіе родные поминаютъ аккуратно лѣтъ 15—20, до написанія новаго помянника, куда покойный не всегда попадаетъ, — и память о почившемъ, такимъ образомъ, совершенно исчезаетъ.

Но счастливы тотъ, кто имѣетъ родныхъ. Сироты, безродные, бѣдные — тѣ перѣдко и до 40 дня не поминаются. Намъ извѣстенъ такой прискорбный фактъ. Псаломщикъ прослужилъ при одной церкви болѣе 50 лѣтъ, — и что же? — когда исполнился сороковой день послѣ смерти этого псаломщика, его вычеркнули изъ церковнаго синодика, несмотря на то, что заслуженная имъ золотая медаль передана была усопшимъ въ приходскій храмъ... Между тѣмъ, по словамъ Кирилла Іерусалимскаго, „превеликая польза бываетъ душамъ, о которыхъ моленіе возносится въ то время, когда святая предлежитъ и безкровная жертва“, когда, при опусканіи въ св. потиръ частицъ, вынутыхъ за живыхъ и умершихъ, читается молитва: *Отмый, Господи, грѣхи здѣ поминавшихся, честною Твоею Кровію, молитвами святыхъ Твоихъ*“.

Отсюда понятно, что пастырямъ Церкви, которые дадутъ на страшномъ судѣ отвѣтъ за каждую душу, а равно и намъ живымъ, должно стараться какъ можно чаще и дольше поименно помянуть умершихъ. Чтобы не забывать умершихъ, слѣдуетъ ихъ записывать въ церковные синодики, а относительно давно уже умершихъ въ томъ или иномъ приходѣ мы рекомендовали бы взять метрическія книги, именно 3-ю часть ихъ — *О умершихъ*, и выписать отсюда имена всѣхъ умершихъ, начиная съ семилѣтняго возраста, съ перваго года существованія метрикъ при той или иной церкви, и составленные

такимъ образомъ синодики постепенно прочитывать на проскомидіи.

Съ перваго взгляда количество именъ можетъ устрашить нѣкоторыхъ. Дѣйствительно, очень много именъ наберется за 100—200—300 лѣтъ; а при этомъ не всегда у причта имѣется достаточно и свободнаго времени. Но это только такъ кажется. Каждую проскомидію можно прочитать не весь синодикъ, а хотя бы, напр., именъ 700, что сдѣлать не трудно даже и въ исключительные дни церковнаго года. Возьмемъ для примѣра самый трудный день въ однопричтовомъ селѣ—храмовой праздникъ. Въ этотъ день требъ много, и духовенство занято съ утра и до вечера. Предположимъ, что крестьянинъ пришелъ въ этотъ храмъ помолиться издалека—версть за 30—50—по обѣщанію. Съ нимъ сосѣди послали свои поминанія, которыхъ у него набралось до десятка (посылаютъ въ нашей мѣстности по 30—40 поминаній). Что же? неужели священникъ откажетъ прочитать всѣ эти поминанія и вынуть частицы изъ просфоръ?—Нѣтъ, этого даже и допустить нельзя. А если эти десять случайныхъ поминаній будутъ прочитаны, то на прочтеніе ихъ потребуется, читая медленно—9 минутъ, а скоро—5 минутъ. Вотъ эти-то 5—9 минутъ пусть и употребитъ ревностный пастырь на каждой проскомидіи на чтеніе церковнаго синодика. Въ дни особенно тяжелые для причта, которыхъ въ году бываетъ не много, можно прочитать лишь 100 именъ, на что потребуется 1½—2 минуты; въ дни же свободные можно употребить на поминовеніе и ¼ часа и прочитать, такимъ образомъ, несравненно больше именъ. Если пастырь не откажетъ помянуть имена крестьянина, который пришелъ къ нему издалека, быть можетъ, единственный разъ въ году, то пусть помнитъ, что, читая синодикъ церковный, онъ дѣлаетъ угодное и полезное для своего *родного дѣтища*, пришедшаго къ нему изъ загробнаго міра.

Какъ цѣлесообразнѣе организовать предлагаемое нами поминовеніе *всѣхъ* усопшихъ прихожанъ, лучше всего пояснимъ примѣромъ.

Въ одномъ селѣ съ пятитысячнымъ населеніемъ обоого пола, въ метрикахъ за 102 года набралось умершихъ, начиная съ семилѣтняго возраста, 4744, а въ другомъ селѣ, въ 1400 душъ м. и ж. пола, за 123 года—2400 душъ. Читая имена скоро, въ минуту, по нашимъ наблюденіямъ, можно прочесть 158 именъ, а употребляя на это доброе дѣло по 5 минутъ за каждой проскомидіей, можно помянуть 790 именъ; слѣдовательно, поминовение 4744 именъ можно окончить въ 6 литургій. Если въ году будетъ отслужено 120 литургій (52 воскресенья, 52 субботы, дванадцатые праздники, заказныя литургіи и мѣстные праздники), то всѣхъ умершихъ можно, стало быть, помянуть въ году 20 разъ; если же читать имена не скоро, то поминовение можно окончить въ 12 литургій, и въ году, слѣдовательно, каждое имя можно помянуть 10 разъ.

При *пятитысячномъ* населеніи существуютъ въ приходѣхъ вторые священники и діаконъ. Въ будніе дни и тотъ и другой могутъ употребить на поминовение по 5 минутъ каждый; въ воскресные же и праздничные дни, если стануть поминать *трое*, то употребятъ 15 минутъ и успѣютъ за одной проскомидіей прочесть половину синодика. Но найдутся пастыри ревностные, которые будутъ употреблять на поминовение по четверти часа (поминать вѣдь такъ отраднo!) и помянутъ всѣхъ умершихъ, читая медленно — въ 4 службы, въ годъ—30 разъ; а читая скоро—въ 2 литургіи, въ годъ—60 разъ.

И три-четыре раза помянуть въ годъ хорошо и весьма полезно будетъ для умершихъ. Можетъ быть, иной душѣ только молитвы и не доставало, чтобы избавиться ада и задержанія на мытарствахъ. И вотъ она, очищенная отъ грѣховъ, вмѣстѣ съ небожителями будетъ умолять милосердаго Господа, чтобы и Онъ простилъ грѣхи того пастыря, который поминаетъ умершихъ, — и Господь, на страшномъ судѣ, помилуетъ такого пастыря за его попеченіе объ умершихъ.

Только такіе молитвенники-пастыри въ правѣ сказать Господу: *се азъ и дѣти. яже ми далъ еси.*

Пастырямъ, которые имѣли родителями священниковъ, надлежало бы, посколькѣ это возможно, выписать имена и всѣхъ похороненныхъ ихъ родителями и поминать и ихъ. Это было бы исполненіемъ сыновняго долга по отношенію къ отцу и, если можно такъ выразиться, дорогимъ подаркомъ для оправданія послѣдняго на страшномъ судѣ.

Чтобы облегчить трудъ читающихъ имена умершихъ по поминаньямъ, считаемъ не лишнимъ присовокупить еще слѣдующее. Крестьяне приносятъ въ храмъ поминанія, написанныя нерѣдко карандашемъ, неразборчиво. Подобныя поминанія трудно разобрать, и невольно приходится *запинаться*, тѣмъ болѣе, что крестьяне пишутъ имена такъ, какъ они называли умершихъ при ихъ жизни, напр.: *Параксеи, Параськи, Горнины* и т. п. вмѣсто *Евпраксіи, Параскевы, Аририны*. Подобныя поминанія пишущій эти строки скоро вывелъ изъ употребленія. Плохо написанныя поминанія я отбиралъ и предлагалъ послѣ литургіи свои услуги переписать въ новыя поминальницы¹⁾, при чемъ рекомендовалъ поминальницы одного мѣстнаго переплетчика, которому предложилъ нарочито изготовить подобныхъ книжекъ штукъ 400. Эти книжки онъ согласился продавать по 5 коп.—безъ прибыли, *ради спасенія души*. Корешокъ у нихъ кожаный, и бумага хорошая (купленная на базарѣ имѣютъ переплетъ бумажный, очень плохи и не практичны). На крышкѣ я надписывалъ деревню, имя, отчество и фамилію владѣльца для того, чтобы легче было найти поминальницу послѣ литургіи. При записи въ новыя поминальницы я не только не возбранялъ записывать, кого хотятъ, но даже предлагалъ обдумывать и просилъ, чтобы желающіе больше записывали родныхъ

¹⁾ Неизвѣстный авторъ Курскихъ епархіальныхъ вѣдомостей предлагаетъ возложить трудъ писанія правильныхъ поминаній на учениковъ церковно-приходской школы подъ наблюденіемъ учителей чистописанія и законоучителей (Кіевск. епарх. вѣд. 1896, № 13, стр. 506—507).

и сиротъ, а особенно сохранившихся у нихъ въ памяти архипастырей, пастырей, благодѣтелей и умершихъ *несчастною смертію*. И крестьяне были очень довольны, потому что они любятъ поминать умершихъ. У меня, такимъ образомъ, появились поминальницы хотя и съ очень большимъ количествомъ именъ, но писанныя моею рукою—отчетливо. Разбирать и задумываться при ихъ чтеніи уже не приходилось, что облегчало чтеніе ихъ, по меньшей мѣрѣ, вдвое.

С. В. П—овъ.

Практическія указанія относительно церковнаго чтенія.

Богослуженіе Православной Церкви состоитъ изъ различныхъ символическихъ дѣйствій, пѣнія и чтенія. Последнее составляетъ одну изъ главныхъ составныхъ частей богослуженія въ теченіе всего года, а въ особенности въ дни Великаго поста; поэтому, вопросъ о возможно лучшей постановкѣ церковнаго чтенія является вопросомъ очень важнымъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить тотъ фактъ, что въ настоящее время хорошіе чтецы, въ особенности среди низшихъ членовъ церковнаго клира, встрѣчаются очень рѣдко. Чѣмъ бы ни обуславливалось это печальное явленіе, но желательность улучшенія чтенія въ церквахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Вопросъ о церковномъ чтеніи уже обсуждался въ духовной литературѣ, и были выпущены въ свѣтъ руководства по церковному чтенію, въ которыхъ образцы этого чтенія были положены на ноты. Эти руководства, впрочемъ, распространенія не имѣли, и притомъ страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что въ нихъ не указывается общихъ

---

¹⁾ Считаю нужнымъ сказать, что чтеніе здѣсь будетъ разумѣться не только клиросное, но также произнесеніе ектеній, возгласовъ и проч.

главныхъ правилъ хорошаго чтенія вообще. Не имѣя претензіи сказать по данному вопросу чего-либо совершенно новаго, оригинальнаго, я считаю не лишнимъ обобщить въ настоящей замѣткѣ тѣ указанія, какія я могъ найти въ различныхъ руководствахъ къ выразительному и объяснительному чтенію и, по возможности, дополнить ихъ и объяснить своими наблюденіями.

Все читаемое вслухъ должно быть слышно всѣмъ, для кого оно предназначается; поэтому, церковное чтеніе прежде всего должно быть достаточно *громкимъ*, чтобы оно было слышно во всѣхъ частяхъ храма. Чтець всегда долженъ сообразоваться съ величиной храма: чѣмъ послѣдній больше, тѣмъ громче должно быть чтеніе; чѣмъ хуже резонансъ въ храмѣ, тѣмъ большее должно быть напряженіе голоса. Чтеніе, не слышное молящимся, или, какъ говорятъ, чтеніе „себѣ подъ носъ“, совершенно не достигаетъ цѣли. Церковный чтець всегда долженъ помнить, что онъ читаетъ не для выполненія положеннаго типикономъ, а для того, чтобы вызвать въ молящихся соотвѣтствующее богослуженію чувство и настроеніе.

Но необходимо замѣтить, что и слишкомъ громкое чтеніе въ небольшомъ храмѣ производитъ непріятное впечатлѣніе крика и „безчиннаго вопля“. Этотъ „воплъ“ проявляется въ особенно рѣзкой формѣ при чтеніи Апостола, Евангелія и при произнесеніи многолѣтій. Весьма часто исадомцикъ или діаконъ въ этихъ случаяхъ, желая поразить молящихся силою своего голоса, забираются на непосильную высоту и издають такіе дикіе, непріятные звуки, какіе совсѣмъ не уместны въ домѣ Божіемъ. Правда, простые русскіе люди любятъ этотъ крикъ, любятъ, чтобы діаконъ „ахнулъ“ въ концѣ чтенія Евангелія; но святость дѣла и мѣста должны удерживать служителей алтаря отъ угожденія неправильнымъ вкусомъ людей. Чтеніе въ церкви должно быть слышно всѣмъ, но оно не должно переходить въ крикъ, который уместенъ при просьбѣ о помощи къ отсутствующимъ людямъ во время опас-

ности, но непристоенъ при молитвѣ къ вездѣсущему Богу. Жрецы Ваала кричали неистово, но бесполезно, а тихая молитва св. Или была услышана.

Громкость чтенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ правильности дыханія и силы голоса читающаго. Но приходится наблюдать, что люди съ сильными голосовыми средствами читаютъ очень тихо, „бурчатъ себѣ подъ носъ“. Этотъ недостатокъ зависитъ уже не отъ природы, а отъ самого читающаго, т. е. отъ неправильнаго дыханія и раскрытія рта. „Съ перваго раза кажется, что если есть въ природѣ процессъ естественный, гдѣ искусству нечего дѣлать, то это процессъ дыханія. Дышать—это значить жить, и мы дышимъ безсознательно. Однако, читаешь хорошо лишь въ томъ случаѣ, когда хорошо дышишь, а умѣнья дышать достигаешь только упражненіемъ“, говоритъ Легуве („Чтеніе, какъ искусство“). Дѣйствительно, дышать въ спокойномъ состояніи и управлять дыханіемъ при чтеніи и пѣніи—не одно и то же. Первое не требуетъ никакихъ упражненій и дается самой природой, а послѣднее есть извѣстное умѣнье, и достигается оно упражненіями.

Дыханіе состоитъ изъ двухъ актовъ: вдыханія, т. е. втягиванія воздуха въ легкія, и выдыханія, т. е. обратнаго движенія воздуха изъ легкихъ. Обычно мы дышимъ только верхушками легкихъ: вдыхаемъ и выдыхаемъ незначительное количество воздуха, при чемъ довольно часто производимъ вдыханіе и выдыханіе. Какъ первое, такъ и второе производится безъ всякаго усилія съ нашей стороны и вполнѣ удовлетворяетъ потребности нашего организма. При чтеніи же, кромѣ необходимаго для нашего организма обмѣна воздуха, мы должны заставить выдыханіемъ колебаться извѣстнымъ образомъ наши голосовыя связки. Ясно, что для двойной работы наше обыкновенное ровное дыханіе является недостаточнымъ. Чѣмъ больше колебаній мы хотимъ придать голосовымъ связкамъ, тѣмъ большее усиліе мы должны употреблять для этого, т. е. тѣмъ сильнѣе должна быть выдыхаемая

нами струя воздуха. Продолжительность же и степень силы выдыханія зависятъ отъ того запаса воздуха, который мы дѣлаемъ при вдыханіи. Ясно, что для достиженія достаточной силы звуковъ при чтеніи мы должны вбирать въ легкія возможно большее количество воздуха. Но тратить этотъ запасъ читающій долженъ бережливо, т. е. ровно столько, сколько нужно для желаемой силы звука. Въ противномъ случаѣ читающему придется очень часто дѣлать новый запасъ воздуха, а вслѣдствіе этого будутъ происходить совершенно нежелательныя остановки тамъ, гдѣ онѣ совсѣмъ не нужны. Для достиженія ровности и правильности дыханія совѣтуется молодымъ, неопытнымъ чтецамъ поставить предъ собой зажженную свѣчу и пѣть на гласной *a* гамму, стараясь при этомъ, чтобы пламя не колебалось отъ движенія воздуха изъ гортани. Звуковыя волны совершенно свободно и плавно вытекаютъ изъ правильно открытаго рта и гортани. Поэтому, каждый чтець, какъ и пѣвецъ, долженъ научиться правильно раскрывать ротъ при произнесеніи гласныхъ звуковъ. Общее правило при этомъ—раскрывать ротъ возможно шире, чтобы звукъ проходилъ не сквозь зубы, а черезъ открытую полость рта. Съ этой цѣлью въ пѣвческихъ хорахъ маленькимъ пѣвчимъ вставляютъ въ ротъ особыя распорки и заставляютъ въ такомъ положеніи тянуть на разной высотѣ звукъ *a*. Взрослый человѣкъ не нуждается, конечно, въ этихъ вспомогательныхъ средствахъ и можетъ заставить себя и безъ нихъ правильно произносить гласные звуки. Для этого слѣдуетъ встать предъ зеркаломъ, возможно шире открывать ротъ и тянуть при этомъ совершенно свободно: *a*, *o*, *e*, *и*, *y*, не сжимая горла и не стараясь придать голосу густоту. Многіе чтецы и пѣвцы, не обладающіе басомъ, стараются достигнуть тембра этого голоса усиленнымъ прижатіемъ подбородка къ груди и неестественнымъ округленіемъ губъ. Отъ такого напряженія происходитъ какое-то непріятное гудѣніе, отъ котораго приходятъ въ ужасъ маленькія дѣти, при чемъ они

причутся въ подолы матерей отъ „буки“, какъ они называютъ чтеца, сисящагося читать басомъ.

Необходимо, чтобы каждый гласный звукъ произносился ясно и правильно, а достигнуть этого возможно постоянными упражненіями. Всѣ слова состоятъ изъ сочетанія звуковъ гласныхъ и согласныхъ, и въ нашей рѣчи послѣдніе преобладаютъ. Первые требуютъ напряженія такъ называемыхъ голосовыхъ связокъ, а вторые—правильной работы органовъ произношенія: губъ, зубовъ, нѣба и гортани. При разговорѣ, а тѣмъ болѣе при чтеніи, каждый звукъ долженъ быть произносимъ безъ сгущенія, а правильное произношеніе гласныхъ звуковъ дѣйствуетъ такъ, что и негромкое чтеніе дѣлается слышнымъ на далекое разстояніе; даже болѣе того—шопотъ можетъ быть слышимъ громкаго разговора. Всякій желающій можетъ провѣрить это на опытъ. Иногда актерамъ на сценѣ приходится, по требованію піесы, говорить шопотомъ, и этотъ шопотъ бываетъ ясно слышимъ въ очень большомъ зрительномъ залѣ.

Правильное произношеніе гласныхъ и согласныхъ звуковъ само за собою ведетъ второе качество хорошаго чтенія—ясность или, какъ говорятъ иначе, *отчетливость, рѣчистость*¹⁾. Важность этого качества понятна сама по себѣ, а потому и распространяться о немъ я не буду.

Церковно-славянскій богослужебный языкъ имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ русскаго языка въ произношеніи нѣкоторыхъ звуковъ и сочетаній ихъ, и эти особенности въ церковномъ чтеніи должны непременно сохраняться, чѣмъ и будетъ достигаться *третье* качество хорошаго чтенія—*правильность*. Общее правило славянскаго чтенія — произношеніе каждой буквы соотвѣтственно ея звуковому значенію. Въ русскомъ языкѣ самымъ правильнымъ говоромъ признается московскій,

¹⁾ Особенное вниманіе читающій долженъ обращать на окончаніе словъ: при неясномъ произношеніи окончаніе сливается съ началомъ слѣдующаго слова, и получается полная безсмыслица, въ родѣ *помилось* вмѣсто *Господи, помилуй*

въ которомъ неударяемые звуки *а*, *о* и *е* переходятъ въ *а*, *е*, *и*, напр.: *салома*, *чесы*, *силеніе* и т. п.; но въ церковномъ чтеніи подобное смягченіе звуковъ не умѣстно, равно какъ не умѣстно и обратное произношеніе *а—о*, что употребительно въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ.

Относительно произношенія согласныхъ точно также должно соблюдаться приведенное правило: каждая согласная буква должна называться соответствующимъ ей звукомъ: такъ, напр., нельзя читать *асъ* вмѣсто *азъ*¹⁾.

Отъ Редакціи. — При слѣдующемъ № будетъ разослано гг. подписчикамъ приложеніе къ ж.: „Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ“, в. II.

---

¹⁾ Донск. еп. вѣд. 1904 г., № 13.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 25-го октября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 45.

Подписка принимается въ редак-
циі журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, ноября 7-го.

Содержаніе: Значеніе церковной археологіи для вразумленія раскольниковъ-старообрядцевъ. — Чтенія съ тѣневыми картинами о пьянствѣ. — Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходской школой. — Замѣтка объ апостольскихъ и евангельскихъ чтеніяхъ въ 1904^г/_г пасхальномъ году.

Значеніе церковной археологіи для вразумленія раскольниковъ-старообрядцевъ.

Въ свѣтскихъ кругахъ русскаго общества въ послѣднее время установился взглядъ на русскихъ раскольниковъ-старообрядцевъ, какъ на лучшихъ русскихъ людей, которые сохранили болѣе или менѣе неприкосновенными древніе патріархальные русскіе обычаи и формы жизни и, при тяжелыхъ испытаніяхъ нашего отечества въ борьбѣ его съ внутренними и ви́шними врагами, всегда оказывали и оказываютъ русскому правительству безкорыстныя услуги, какъ, напр., во время подавленія польскаго мятежа въ 1863 году, въ послѣднюю русско-турецкую войну на Кавказѣ и проч. Даже въ области церковныхъ и вообще религіозныхъ обычаевъ и обрядовъ наши раскольники-старообрядцы кажутся свѣтскому

обществу симпатичнѣе православныхъ, такъ какъ несравненно болѣе, чѣмъ православные, дорожатъ памятниками церковной русской старины, тщательнѣе собираютъ и благоговѣнно хранить ихъ, и, такимъ образомъ, являются у насъ въ Россіи чуть ли не первыми церковными археологами, сохранившими для насъ много цѣннаго церковно-археологическаго матеріала.

Не думая отрицать у нашихъ раскольниковъ-старообрядцевъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія имъ обыкновенно приписываются въ настоящее время мы остановимся только на ихъ церковно-археологическихъ стремленіяхъ, на ихъ уваженіи къ памятникамъ церковной и религіозной старины и сохраненіи этихъ послѣднихъ отъ уничтоженія. Положимъ, все это справедливо приписывается раскольниковъ-старообрядцамъ, но справедливо только отчасти, а не вполнѣ, потому что раскольники-старообрядцы въ своемъ уваженіи къ русской церковной старинѣ руководятся предвзятою мыслию, хотя и эта предвзятая мысль объясняется исторіей русскаго раскола старообрядства, и потому не можетъ быть поставлена въ большую вину старообрядцамъ. Это—простое историческое недоразумѣніе.

Тѣ формы церковной жизни и церковныхъ обрядовъ, которыхъ придерживаются наши раскольники-старообрядцы, стали слагаться лишь въ XVI—XVII вв., послѣ того, какъ Русь, раздробленная прежде на удѣлы, стала собираться въ одно государственное и церковное цѣлое. При этомъ собраніи и объединеніи Руси, всѣ тѣ обрядовыя церковныя разности, какія неизбѣжно существовали въ отдѣльныхъ русскихъ областяхъ и епархіяхъ, теперь становились рядомъ однѣ съ другими, рѣзко бросались въ глаза и вызвали рядъ попытокъ къ уничтоженію этихъ разностей и приведенію всѣхъ ихъ къ единообразной формѣ. Попытки эти, начавшіяся еще со Стоглаваго собора при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, продолжались въ теченіе всего XVII столѣтія, но, вслѣдствіе недостатка образованія у самихъ руководителей дѣла, были

неудачными и привели къ обязательному принятію такихъ формъ, которыя впоследствии оказались далеко не соответствующими живой практикѣ другихъ православныхъ Церквей и особенно Церкви Греческой. Тѣмъ не менѣе эти формы, напр.—двоперстіе, имя *Исусъ*, и проч., успѣли уже въ XVII вѣкѣ утвердиться въ Россіи и пріобрѣсти себѣ разныхъ приверженцевъ и ревнителей не по разуму. Это и были наши старообрядцы-раскольники, изъ-за буквы и обряда самовольно порвавшіе связь съ Православною Церковію и отщепеншіеся отъ нея.

Такимъ образомъ, идеаль русскоѣ церковной старины, предносящійся у нашихъ старообрядцевъ-раскольниковъ, не восходитъ далѣе XVI—XVII вв. Изъ болѣе ранняго времени принимаются ими только такія обрядовыя формы, которыя подходят къ этому идеалу, а всѣ остальные отвергаются, какъ непригодныя ихъ благочестію. Когда не очень давно отдана была кіевскимъ единовѣрцамъ во временное пользованіе древняя кіевская церковь Спаса на Берестовѣ, то они обратились къ кіевскому епархіальному начальству съ просьбою о разрѣшеніи переписать именованное перстосложеніе на нѣкоторыхъ фрескахъ на двоперстіе и заложить кирпичемъ углубленные въ стѣну 4-конечные кресты снаружи этого храма,—но, конечно, получили отказъ въ своей просьбѣ. Зато въ своихъ общественныхъ и частныхъ молебняхъ старообрядцы не допускаютъ никакихъ церковныхъ памятниковъ старины, которые бы противорѣчили ихъ установившимся взглядамъ на извѣстныя чисто-виѣщія и обрядовыя особенности. Извѣстная Филаретовская коллекція древне-русскихъ иконъ въ Церковно-археологическомъ Музеѣ при Кіевской дух. академіи, пріобрѣтенная у бывшаго московскаго раскольника А. Сорокина, хотя и заключаетъ въ себѣ иконы, пачиная съ XIV вѣка, но такъ тщательно подобрана первыми ея хозяевами въ раскольническомъ духѣ, что почти не даетъ матеріала для обличенія и вразумленія раскольниковъ-старообрядцевъ.

Въ виду тенденціозности старообрядческихъ собраній церковныхъ древностей и особенно иконъ, должны получить особое значеніе церковно-археологическіе музеи и древлехрапилища, повсемѣстно учреждаемые теперь въ Россіи и существующіе уже во многихъ епархіяхъ, такъ какъ въ этихъ музеяхъ и древлехрапилищахъ не предполагается предумышленного искусственного подбора такихъ или иныхъ древнихъ церковныхъ памятниковъ, и эти памятники поступаютъ сюда преимущественно изъ православныхъ церквей и отъ православныхъ лицъ; старообрядецъ не понесетъ въ музей иконы, не только оправдывающей его обрядовыя особенности, но и обличающей ихъ. Въ такихъ-то только музеяхъ и древлехрапилищахъ и возможно объективное изслѣдованіе разностей, изъ-за которыхъ старообрядцы порвали связь съ Православною Церковію и уклонились въ расколъ.

Къ прискорбію, есть основанія полагать, что раскольники-старообрядцы не совѣмъ охотно посѣщаютъ такіе церковно-археологическіе музеи и древлехрапилища, находящіеся въ православныхъ рукахъ, такъ какъ нерѣдко видятъ здѣсь обличеніе своей слѣпой привязанности къ буквѣ религіи и излюбленнымъ ими внѣшнимъ обрядамъ. Церковно-археологическій Музей при Кіевской дух. академіи, учрежденный въ 1872 году, въ 1878 году открытъ былъ, въ опредѣленные дни, и для сторонней публики. А нужно замѣтить, что въ этомъ музеѣ есть иконы, восходящія своею древностію до V вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Въ первые годы по открытіи этого музея его изрѣдка посѣщали и старообрядцы-раскольники. Былъ въ немъ однажды и московскій раскольникескій архієпископъ Савватій. Но съ теченіемъ времени посѣщенія раскольниками музея становились все рѣже и рѣже и почти прекратились.

Воспроизводимъ здѣсь, въ существенныхъ чертахъ, одну бесѣду, которую привелось пишущему эти строки вести, вопреки своему желанію, съ раскольниками-старообрядцами вскорѣ по открытіи помянутаго музея для публики.

Однажды явился въ церковно-археологическій музей чуть ли не цѣлый причтъ кievской старообрядческой церкви съ нѣкоторыми изъ своихъ прихожанъ, кievскихъ бушцовъ. Одинъ изъ членовъ этого причта, обозрѣвая музей, постоянно дѣлалъ замѣчанія по поводу разностей, отдѣляющихъ старообрядцевъ-раскольниковъ отъ православныхъ. Какъ и естественно было ожидать, замѣчанія эти касались двоеперстія, 8-конечнаго креста, имени *Исусъ* и т. п.

Увидѣвъ на нѣкоторыхъ древнихъ иконахъ двоеперстіе, старообрядецъ-раскольникъ воскликнулъ:

— Тако подобаетъ креститися православнымъ христіаномъ! —

Я тотчасъ же указалъ ему на другія древнія иконы, но съ именованнымъ уже перстосложеніемъ.

— А почему же вы,—сказалъ онъ,—порицаете иконы съ двоеперстіемъ?

— Не порицаемъ,—отвѣчалъ я,—а, какъ видите, хранимъ въ музеѣ тѣ и другія иконы, т. е. съ двоеперстіемъ и троеперстіемъ, и одинаково ихъ почитаемъ. Правда, иконъ съ двоеперстіемъ въ музеѣ находится больше, чѣмъ иконъ съ троеперстіемъ; но изъ этого не слѣдуетъ, будто бы двоеперстіе было въ старину всеобдержнымъ обычаемъ. Во-первыхъ, въ музеѣ есть коллекція (Филаретовская, или Сорокинская), собранная старообрядцами, изъ которой устранено все, не соответствующее вашему благочестію, и, между прочимъ, троеперстіе; во-вторыхъ, не всякое двоеперстіе служило для крестнаго знаменія. На древнихъ иконахъ двоеперстіе часто означаетъ собою только помаваніе рукою, какъ проповѣдническій приемъ, приглашающій въ началѣ рѣчи слушателей къ молчанію и вниманію. Апостоль Петръ, *помававъ имъ* (апостоламъ) *рукою молчати, сказа имъ, како Господь его изведе изъ темницы* (Дѣян., 12, 17).

Другое замѣчаніе старообрядца относилось къ формѣ креста. Старообрядецъ, видя на древнихъ иконахъ преимущественно 6-ти, 7-ми и 8-ми-конечные кресты, сказалъ, что 4-конечныхъ крестовъ, почитаемыхъ Православною Церковію,

нигдѣ будто бы не видно на древнихъ иконахъ. Въ отвѣтъ на это я указалъ ему формы 4-конечныхъ крестовъ съ апанами на лѣвннхъ и каменныхъ украшеніяхъ изъ древнихъ пещерныхъ храмовъ въ Крыму, на изображеніи маленькихъ 4-конечныхъ крестовъ на ушкахъ древнихъ мѣдныхъ складныхъ нагрудныхъ крестовъ (энколпионовъ) и, наконецъ, на 4-конечные кресты въ рукахъ у мучениковъ на древнѣйшихъ греческихъ иконахъ въ музейномъ собраніи иконъ преосв. Порфирія Успенскаго, и сказалъ, что обѣ формы креста въ нашей Православной Церкви равночестны.

На мое указаніе четверокопечныхъ крестовъ на иконахъ изъ собранія преосв. Порфирія Успенскаго старообрядецъ-раскольникъ замѣтилъ:

— Эти иконы не при насъ писаны.

— Въ томъ-то и бѣда,—отвѣчалъ я,— что иконы, составляющія по своей древности величайшую рѣдкость во всемъ христіанскомъ мірѣ, не при васъ писаны, т. е. вы не понимаете, или не хотите повѣть ихъ, такъ какъ онѣ не оправдываютъ вашей упорной привязанности къ излюбленной вами формѣ креста. Чтобы повѣть эти иконы, для этого нужно безпристрастіе, а главное—знаніе, знаніе и знаніе. Нужно знаніе древнегреческаго иконописнаго искусства, нужно знаніе греческаго языка, чтобы судить о подобныхъ иконахъ и цѣнить ихъ надлежащимъ образомъ. А этого-то безпристрастія, этого-то знанія и недостаетъ у васъ. Напрасно было бы и убѣждать васъ въ томъ, въ чемъ вы упорно не хотите убѣдиться.

Эта строгая нотация видимо смутила моего собесѣдника и его спутниковъ.

Въ цезнаніи греческаго языка пришлось упрекнуть старообрядцевъ и по поводу ихъ замѣчаній объ имени *Исусъ*. Я не сталъ указывать имъ на случаи полного обозначенія имени *Иисусъ*, сокращеніемъ котораго является *Исусъ*, въ древней письменности и въ древней иконописи, а прямо приступилъ къ объясненію того, что въ греческомъ языкѣ полное имя

есть *Iисусъ*. Оно видно и въ надписи надъ изображеніемъ Спасителя на сребренникахъ св равноапостольнаго князя Владимира, съ тою разницею, что *и* восьмеричное (греческая ита), поставлено въ видѣ титла, надъ *I* десятиричнымъ. Самое двоеточіе надъ *I* десятиричнымъ, не существующее въ греческомъ языкѣ, образовалось именно изъ поставленнаго надъ нимъ восьмеричнаго *и*. Слѣдовательно, *Iисусъ* и *Iисусъ* совершенно равносильны и равночестны.

Едва ли не больше всего старообрядцы-раскольники смущены были объясненіями на счетъ бранобритія. Въ картинномъ отдѣленіи музея есть портретъ Галилея, изображеннаго съ большою окладистою бородою. Вѣроятно, старообрядцы раньше слышали объ этомъ *еретикѣ* съ ихъ точки зрѣнія, утверждавшемъ, что не солнце ходитъ вокругъ земли, а земля вокругъ солнца.

— А гдѣ тутъ тотъ человекъ, который говоритъ, что земля крутится?

Я указалъ имъ на портретъ Галилея.

— Почему-жъ у него борода?

— Потому, что выросла.

— А какъ же онъ говоритъ, что земля кружится, когда Моисей сказалъ: *стой солнце и не движися?*

— Во-первыхъ, это не Моисей сказалъ, а Іисусъ Навинъ.

— Да! да! Навинъ! Навинъ!

— Во-вторыхъ, мнѣніе Галилея не есть догматъ вѣры. Его вѣтъ ни въ нашемъ катихизисѣ, ни въ нашемъ богословіи. Думайте, если угодно, что земля на трехъ китахъ стоитъ: это къ вѣрѣ не относится.

Въ виду удивленія старообрядцевъ тому, что еретикъ Галилей носилъ бороду, какъ бы древлеправославный русскій человекъ, я сказалъ, что, наоборотъ, нѣкоторые древніе святые брили бороду, какъ, напр., равноапостольный царь Константинъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, я указалъ старообрядцамъ на копію съ мозаическаго изображенія св. царя

Константина въ Софіи Цареградской, гдѣ онъ изображенъ, съ моделью Константинополя въ рукѣ, безъ бороды. Старообрядцы видимо ошеломлены были этимъ указаніемъ и, кажется, не повѣрили мнѣ, тѣмъ болѣе, что греческая надпись надъ этимъ изображеніемъ не могла быть ими прочитана.

Для подтвержденія своихъ словъ, я обратилъ вниманіе старообрядцевъ на древнія византійскія монеты Константина Великаго и Юліана Отступника. На монетахъ св. Константинъ изображается безбородымъ, а Юліанъ Отступникъ—съ бородою. Въ объясненіе этого я сказалъ, что древніе греческіе языческіе цари носили бороды; св. Константинъ и его ближайшіе предшественники, по образцу римлянъ, брили бороды, а Юліанъ Отступникъ, желая возстановить языческую старину, и въ отношеніи къ бородѣ сталъ слѣдовать древнему языческому обычаю.

Старообрядцы съ большимъ удивленіемъ и въ глубокомъ молчаніи слушали мои объясненія. Не знаю, повѣрили ли они мнѣ, и если повѣрили, то насколько. Но главный ихъ совопросникъ и впослѣдствіи перѣдко встрѣчался и раскланивался со мною, какъ старый знакомый.

Проф. *Н. Петровъ.*

Чтенія съ тѣневыми картинами о пьянствѣ.

Алкоголизмъ, какъ извѣстно, глубоко пустилъ корни въ организмъ русскаго человѣка. Со вкусомъ вина у насъ знакомы даже и дѣти. Такое зло, какъ постепенное отравленіе человѣчества алкоголемъ, настолько серьезно, что оставлять его мыслящимъ людямъ безъ вниманія никакъ нельзя. Всѣ русскіе люди знаютъ, что алкоголь вреденъ для организма человѣка, но не всѣ убѣждены, что онъ—прямо-таки ядъ. У насъ обыкновенно говорятъ: много пить вредно, а умѣренно даже полезно; тогда какъ употребленіе алкоголя—безусловно убійственно.

Въ цѣляхъ ознакомленія взрослого и подросткающаго населенія съ вредомъ пьянства при Малинковской двухклассной церковно-приходской школѣ, Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года было сдѣлано нѣсколько чтеній съ тѣневыми картинами специально по вопросу о пьянствѣ. Слушателямъ было предложено съ надлежащей иллюстраціей одно чтеніе о путяхъ распространенія алкоголя, другое—о послѣдствіяхъ его и третье—о борьбѣ съ нимъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы и намѣрены подѣлиться съ читателями своими наблюденіями за народомъ во время указанныхъ чтеній.

На первый разъ слушателямъ была прочитана исторія одного пьяницы. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе этого чтенія. Герой разказа сначала не пилъ никакого вина, былъ цѣнный работникъ, счастливый семьянинъ. Но друзья уговариваютъ несчастнаго сначала раздѣлить ихъ трактирную компанію только однимъ присутствіемъ, невинной бесѣдой, а потомъ добиваются того, что трезвый сотоварищъ выпиваетъ немного пива, а затѣмъ дѣло доходитъ и до водки. Изъ трезваго герой разказа скоро дѣлается пьющимъ, а потомъ и пьяницей. За нетрезвость Иванъ Петровичъ (имя героя) лишается выгоднаго мѣста, ссорится съ любимой дотолѣ женой, доходитъ до нищеты и, наконецъ, въ припадкѣ бѣшенства убиваетъ своего бывшего добраго хозяина, якобы главнаго виновника своего несчастья, попадаетъ въ тюрьму, гдѣ отъ помѣшательства умираетъ.

Слушателей на данномъ чтеніи было болѣе 400 человекъ. При началѣ чтенія всѣ относились къ разказу, какъ къ обыкновенной исторіи: на первые признаки запоя Ив. П—ча смотрѣли, какъ на явленіе заурядное. Но когда дошло дѣло до того, какъ герой изъ чистаго, опрятнаго, даже богатаго приказчика превратился въ растрепаннаго пьяницу, изъ мирнаго семьянина въ буйнаго человекъ, даже въ истязателя своей жены и невинныхъ дѣтей, у всѣхъ на лицахъ невольно выразилось негодованіе и сожалѣніе къ несчастному.

Тутъ уже среди слушателей начали слышаться вздохи и различныя сужденія.—„Да неужели до этого такъ скоро можно дойти?!“—говорятъ одни.—„И вѣрно, звать, въ винѣ—ядь!“—заключаютъ другіе.—„Вѣдь былъ сначала человѣкъ хорошій, богатый, хорошо одѣтый, и черезъ годъ, черезъ два обнищаль, все проишь, жену довелъ до чахотки, въ гробъ вогналъ, самъ убилъ невиннаго человѣка, попалъ въ тюрьму, гдѣ отъ помѣшательства мечется, какъ звѣрь... Господи! что это за наказаніе такое?!—повторяютъ вдумчивые слушатели.— Былъ хорошій, а вотъ съ ума сошелъ, съ чертями сталъ разговаривать,—до чего дошелъ!.. Мыши, лягушки его заѣдаютъ... Это все ему кажется... бѣдный!.. бѣдный!“—раздается изъ толпы.

Результатъ чтенія былъ очевиденъ.

Вѣсть о первомъ чтеніи быстро разнеслась по селу; на второе чтеніе слушателей собралось еще болѣе. Въ данный разъ было предложено вниманію публики чтеніе о послѣдствіяхъ пьянства. Здѣсь послѣдовательно разбирался весь организмъ здороваго человѣка и пьяницы.

Отдѣлъ этотъ самъ по себѣ трудный, но такъ какъ слушатели на первомъ чтеніи были уже заинтересованы вопросомъ о пьянствѣ, то они, слушая о внутренностяхъ человѣка, старались какъ можно лучше всматриваться во всѣ рисунки. Такъ, появляется на полотнѣ желудокъ трезваго человѣка и пьяницы; многіе переспрашиваютъ, какой чертежъ изображаетъ желудокъ здоровый, какой—отравленный алкоголемъ; просятъ поддержать на полотнѣ рисунокъ, чтобы лучше запомнить всѣ особенности внутреннихъ органовъ пьяницы. И такъ при разборѣ всѣхъ внутренностей человѣка дѣло шло съ остановками, поясненіями. Особенно живой интересъ къ чтенію проявили женщины. Часто страдая отъ пьяницъ-мужей, онѣ готовы были какъ можно глубже уразумѣть все слышанное. Когда дѣло дошло до дѣтей пьяницъ, когда появились на полотнѣ дѣти—уроды, многія женщины, по чувству материн-

ства, даже плакали. Особенно поразила чадолюбивыхъ матерей таблица вымершаго рода.

— Какъ же это, батюшка, такъ произошло?—говорить одна женщина.

— Мы что-то плохо понимаемъ!—произноситъ другая.

— Былъ человекъ Михаилъ, жена у него Пастасія,—прибѣгая къ приему наглядности, поясняя совопросницамъ.— Михаилъ пилъ вино, по-просту сказать—пьянствовалъ. Родилось у нихъ два сына. Старшій былъ пьяница, онъ до брака еще умеръ. Вотъ отъ него никакого потомства и не осталось. Второй сынъ тоже былъ пьяница, его звали Николай. Но Николай женился, продолжалъ пьянствовать; жена его тоже пьянствовала. У нихъ родилось *десять дѣтей—восемь дочерей и два сына*. Дѣвочки всѣ *восемь* маленькими умерли, а *два* мальчика нѣкоторое время жили; но они были оба уроды, оба глухие, потомства отъ нихъ никакого не осталось.

— И... и .. такъ всѣ и померли? — удивленно произнесла одна изъ женщинъ.

— Теперь поняли?—спрашиваю.

— Поняли, поняли!.. Значить, изъ рода Михаила и Пастасіи никого на свѣтѣ не осталось,—заклучилъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ, который все время стоялъ молча у подотна.

На послѣднемъ чтеніи, т. е. на чтеніи о борьбѣ съ пьянствомъ, слушатели всей своей массой держали себя съ достоинствомъ. По обыкновенію, непонятное просили пояснить. Чтеніе велось не слѣзна, съ намѣреннымъ замедленіемъ.

Необходимо отмѣтить для полноты описываемой картины отношеніе слушателей къ таблицѣ расходовъ, которая была предложена ихъ вниманію. Для образца былъ прочитанъ расходъ крестьянина - земледѣльца и фабричнаго рабочаго. Въ таблицѣ были указаны всѣ тѣ статьи расхода, которыя обыкновенно не опускаются въ жизни ни крестьяниномъ - землеманцемъ, ни фабричнымъ. Было указано, сколько тратитъ крестьянинъ на хлѣбъ въ годъ, чай, мясо, вино и многое

другое. И вотъ слушатели обратили вниманіе на данную таблицу. Особенно имъ бросился въ глаза расходъ на вино. Оказалось, что данная статья расхода самая высокая по цифрѣ. На хлѣбъ, мясо, вообще все то, чѣмъ поддерживается человѣческій организмъ, тратится сравнительно очень и очень не много. Данную таблицу пришлось два раза прочитать и сдѣлать нѣкоторыя поясненія; безъ поясненій вести данныя чтенія нельзя было, такъ какъ брошюра, по которой приходилось читать, изложена неудачно, написана языкомъ, можно сказать, научнымъ.

Окончивъ чтенія о пьянствѣ, я невольно задумался, насколько иногда люди заблуждаются при обсужденіи различныхъ вопросовъ у себя дома за чайнымъ столомъ. Передъ открытіемъ чтеній о пьянствѣ ко мнѣ заявился одинъ сельскій интеллигентъ. Увидя у меня брошюры и картины о пьянствѣ, мой гость даже посмѣялся надо мною. Мало того, хотя вѣжливо, по довольно ясно отгѣнилъ мою наивность въ дапномъ предпріятіи.

— Вы, батюшка, убѣждены, что васъ поймутъ?

— Обязательно поймутъ,—отвѣчаю.

— Оказывается, вы совсѣмъ нашъ народъ не знаете. Увѣрю васъ, слушать чтеніе о пьянствѣ не будутъ и ничего не поймутъ. Для сужденія о печенкахъ, сердцахъ, желчахъ, нервахъ нужна достаточная подготовка, а нашъ крестьянинъ что изъ себя представляетъ?—Это поголовные пеньки.

— Я такъ плохо не думаю о русскомъ народѣ.

— Не думаете? Придетъ время, будете думать.

— Богъ дастъ, никогда не придетъ такое для меня время. Все-таки я опытъ чтеній о пьянствѣ произведу. Можетъ быть, и тольк какой будетъ?

— Если ужъ дѣлать дѣло, то дѣлать нужно безъ промаховъ. Мое убѣжденіе—безъ увѣренности въ успѣхѣ дѣла не слѣдуетъ и приступать къ нему. Да потомъ, алкоголь и не такъ вреденъ, какъ предполагають, особенно для русскаго мѣжика.

Я не возражалъ, предпочитая опытъ умозрительнымъ сужденіямъ.

Народъ, масса, какъ уже отмѣчено, съ должнымъ вниманіемъ отнеслись къ чтенію о пьянствѣ. Теперь остается прослѣдить, какъ и что вынесли изъ данныхъ чтеній дѣти.

На чтенія были допущены дѣти—школьники и нешкольники. И вотъ устные и письменныя сужденія школьниковъ о винѣ. Въ первомъ классѣ пришлось ограничиться только однимъ вопросомъ. Ученики старшей и средней группъ сравнительно порядочно передавали исторію пьяницы, рассказывали о внутреннихъ органахъ здороваго человѣка и пьяницы, но забыли о дѣтяхъ-идіотахъ. Мало того, дѣти дѣлали даже свои сужденія о пьянствѣ. Такъ, на примѣръ, развѣ мало смысла въ словахъ: „Какъ страшно, батюшка!.. ребятишки у пьяницъ съ горбами, кривобокія“... „Иванъ Петровичъ (герой разсказа) какой былъ богатый, а сталъ нищимъ... человѣка убилъ, самъ попалъ въ тюрьму,—а все отъ вина!“.. Приведенныя выраженія говорятъ о весьма многомъ. Дѣти, очевидно, не только видѣли на полотнѣ тѣ или другія картины, но и много почувствовали за всѣ три чтенія. Нужно было видѣть у полотна всю ту дѣтвору, которая, расположившись на полу, взирала на отчетливыя картины, чтобы судить безошибочно объ ихъ душевномъ состояніи. Первая картина—опьянѣніа Ив. Петровича—вызываетъ у дѣтей смѣхъ; но картина буйства, плачь несчастной жены, безпомощность дѣтисекъ, нападеніе обезумѣвшаго Ив. Петровича съ ножемъ на бывшаго своего хозяина и т. д. повергаютъ юныхъ слушателей въ неподдѣльный трепетъ. О равнодушномъ отношеніи дѣтей къ данному серьезному чтенію и рѣчи быть не можетъ. Много и очень много запало изъ чтеній въ дѣтскія сердца.

Вотъ записъ учениковъ перваго отдѣленія втораго класса по поводу предложеннаго чтенія. М. Старостинъ пишетъ: „На первомъ чтеніи о пьянствѣ я не былъ, о чемъ весьма жалѣю. Сегодня читали о вредѣ пьянства. Я теперь узналъ, что вино пить бесполезно. У пьяницъ болитъ сердце, печень,

желудокъ. Сердце покрывается жиромъ, кровь начинаетъ вращаться тихо, и человекъ умираетъ. Печень отъ сильнаго пьянства дѣлается маленькой и совсѣмъ не похожей на печень здороваго человека. Желудокъ покрывается большими красными пятнами и сильно увеличивается. Пьяницы не живутъ долго на свѣтѣ“. Какъ видно, мальчикъ довольно обстоятельно записалъ слышанное. Но этого мало,—онъ записываетъ и нѣкоторыя подробности, которыя свидѣтельствуютъ о значительной вдумчивости автора. Ив. Ремизовъ пишетъ: „На чтеніяхъ о пьянствѣ намъ показывали сердце здороваго человека и пьяницы. Сердце пьяницы—страшное, большое. Ранѣе я этого не зналъ и думалъ, что вино пить нѣтъ никакого вреда. Теперь я знаю, что вино пить не слѣдуетъ. У родителей - пьяницъ дѣти рождаются уродами, горбатыми, нѣмыми“.—„Я не стану пить вино, отъ него бываетъ большой вредъ. Я сначала не зналъ объ этомъ, а вчера все узналъ, когда видѣлъ страшныя картины“, пишетъ Матюхинъ П.—„Я до сего времени не зналъ, что вино для человека вредно. Я о вредѣ пьянства ранѣе ничего не слыхалъ. Но теперь я все узналъ и не желаю пить вино. Вино приноситъ вредъ сердцу, печени и желудку человека. Пьяницы скоро умираютъ, а дѣти у нихъ рождаются глухими. Не буду пить вино!“—записалъ Меркуловъ Ив.—„Когда читали о пьяномъ человекѣ и дошли до того мѣста, гдѣ было сказано, что у пьянаго человека все портится—и желудокъ, и печень и сердце, то я думалъ, что не буду пить вино“, отвѣтилъ Ив. Мартиновъ.—„Вчера только я узналъ, что хорошій, трезвый человекъ тогда умираетъ, когда Самъ Богъ захочетъ отнять у него жизнь, а пьяница—когда пьянъ бываетъ, гдѣ-нибудь у берега рѣки, въ сыромъ мѣстѣ, на холоду. Вино приноситъ не пользу человеку, а вредъ. Послѣ чтеній о пьянствѣ такой страхъ началъ на меня, что я рѣшилъ не пить вина“, трактуетъ Б. Стегнинъ и т. д.

Ученики младшаго отдѣленія второго класса—мальчики сравнительно небольшіе, а замѣтили на чтеніяхъ о пьянствѣ, какъ видно, очень и очень многое.

А вотъ и замѣтки учениковъ старшаго отдѣленія. „У человѣка пьяницы сердце покрывается толстымъ слоемъ жира, вся внутренность измѣняется къ худшему. Человѣкъ - пьяница сначала дѣлается больнымъ, а потомъ скоро умираетъ. Какъ я вчера узналъ, нѣкоторые пьяницы умирали при 5° мороза. Сначала я думалъ, что отъ вина человѣку есть польза, что вино согрѣваетъ, но теперь выяснилось, что отъ вина только одинъ вредъ. Дѣти у пьяницъ рождаются съ различными болѣзнями. Вчера на картинахъ я видѣлъ мальчиковъ, которые похожи на дикарей, ихъ называютъ идиотами, т. е. глупыми; я пить вино не буду“, записалъ Д. Шурыгинъ.— „Послѣ чтеній о пьянствѣ я задумался надъ вопросомъ: когда я буду большой, что—пить мнѣ вино или нѣтъ?—Подумавъ о больныхъ, внутренностяхъ пьяницъ, я рѣшилъ вина не пить“, пишетъ А. Бѣляевъ.— „Пьянство есть великій грѣхъ, оно сокращаетъ жизнь человѣка. Прежде я даже не помышлялъ о томъ, что вино доводитъ человѣка до крайней степени паденія и дѣлаетъ самага сильнаго тѣломъ совершенно больнымъ. Выслушавъ чтенія о пьянствѣ, я рѣшилъ не пить вина“, пишетъ М. Чибыркинъ.— „2-го февраля въ нашей Малинковой школѣ было чтеніе о пьянствѣ. Я слышалъ, что пьянство есть самое противное дѣло и вредное для нашей жизни. Пьяницы сами сокращаютъ свою жизнь. Слушалъ я чтеніе съ большимъ вниманіемъ. Прежде я ничего не зналъ и мало слышалъ о вредѣ пьянства. Чтенія съ картинами убѣдили меня, что вино—ядъ. Я не буду пить вина“, пишетъ Ив. Кузнецовъ.— „Второе чтеніе еще болѣе подѣйствовало на меня, я лучше его усвоилъ, потому что я сегодня самъ велъ это чтеніе, поучалъ своихъ крестьянъ. При видѣ почекъ пьяницы и почекъ здороваго человѣка я сильно былъ смущенъ. Читая дальше, я съ трудомъ выговаривалъ, перевиралъ слова. Во все время чтенія я былъ погруженъ въ сильную думу. Наши всѣ семейные пьютъ вино. Приближается масленица; боюсь, какъ бы не произошло въ нашемъ домѣ смуты какой. Особенно сильно подѣйствовала на меня

картина горбатенькаго мальчика съ глупымъ лицомъ; онъ сынъ пьяницы“, пишетъ Гр. Старостинъ.—„Я ранѣе читаль книги о вредѣ пьянства, но не понималъ вреда отъ вина. Я знаю одно семейство. въ которомъ мужъ пьяница. У него родился сынъ съ необыкновенно большой головой, узкой грудью, кривыми ногами. Мальчикъ жилъ только 3½ года, но былъ необыкновенно тяжелъ. Ранѣе я не понималъ, и никто въ нашемъ селѣ не могъ объяснить, гдѣ кроется причина уродливости того малютки. И вотъ только на чтеніяхъ о пьянствѣ все это раскрылось. Поѣду на родину, постараюсь своимъ односельчанамъ кое-что сообщить о пьянствѣ“, пишетъ Андрей Акишинъ.

Нѣтъ необходимости говорить много о вышеприведенныхъ ученическихъ записяхъ по поводу чтеній о пьянствѣ. Дѣти сами за себя, на нашъ взглядъ, достаточно сказали. На одно только обстоятельство необходимо обратить вниманіе. Наши народныя школы, особенно школы, въ которыхъ ведутся чтенія съ тѣневыми картинами, очень и очень много могутъ принести пользы въ борьбѣ съ пьянствомъ. Имѣя брошюры съ подходящими картинами о пьянствѣ, нужно читать и разъяснять о вредѣ пьянства какъ можно чаще. Дѣло необходимо поставить такъ, чтобы всѣ—взрослые и малые—ясно представляли, что происходитъ въ организмѣ человека отъ каждой рюмки алкоголя ¹⁾.

Свящ. *И. Молебновъ.*

---

¹⁾ „Б. Пива“, 1904 г., № 33.

Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою школою ¹⁾).

(Продолженіе).

Января 5 дня.—Состоя въ теченіе двадцати лѣтъ законоучителемъ и завѣдующимъ церковно-приходскою школою въ своемъ приходѣ, а по должности члена уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта имѣя соприкосновеніе и съ другими школами, я не могъ не замѣтить, что славянское чтеніе вообще, а церковное въ особенности въ нашихъ школахъ значительно упало. Живо помню я то благодатное и доброе старое время, когда самъ былъ ученикомъ церковной школы и участвовалъ въ клиросномъ церковномъ чтеніи. Тогда было чтеніе громкое, внятное и членораздѣльное; тогда каждый школьникъ считалъ для себя за великую честь понасть въ ряды чтецовъ церковныхъ, а родители въ особенности дорожили тѣмъ, что ихъ дѣти читаютъ и поютъ на клиросѣ. Не то замѣчается теперь. Теперь въ храмѣ рѣдко услышишь хорошаго чтеца изъ школьниковъ. Послѣдніе почему-то избѣгаютъ клироса и не такъ уже охотно занимаютъ тамъ мѣста, какъ прежде. Что же это значитъ? Чѣмъ слѣдуетъ объяснить столь печальное явленіе?

Объясняется это очень просто. Въ доброе старое время; когда задача церковной школы была менѣ сложна, когда и программа ея была менѣ обширна, когда все дѣло приходской школы состояло въ томъ, чтобы научить школьниковъ только грамотѣ славянской и русской да немного счету и письму,—все вниманіе завѣдующихъ школами было обращено на чтеніе. Практиковалось громкое чтеніе всей школой, при чемъ получался страшный крикъ, шумъ и гамъ, но въ этомъ шумѣ привычное ухо педагога подмѣчало хорошихъ чтецовъ

¹⁾ См. № 34 за 1904 г.

и на нихъ обращалось особое вниманіе. Изъ такихъ-то чтецовъ и пополнялись кадры чтецовъ церковныхъ. Въ настоящее же время, когда программа церковно-приходскихъ школъ значительно расширена, хотя церковно-славянской грамотѣ удѣлено не мало мѣста, все же на чтеніе это обращается меньше вниманія, чѣмъ раньше. Теперь больше обращается вниманія на чтеніе осмысленное и разумное, самый же процессъ чтенія игнорируется. Теперь уже почти нигдѣ не услышите прежняго громогласнаго чтенія всей школой, читаютъ же въ одиночку, вслѣдствіе чего чтецы отличаются робостію, и чтеніе ихъ страдаетъ монотонностію, наводитъ нѣкотораго рода скуку на слушателя. Та же робость, пріобрѣтаемая въ школѣ, отражается и на церковномъ чтеніи, которое, за отсутствіемъ прежней самоувѣренности въ чтецѣ, страдаетъ такими же недостатками, какъ и чтеніе классное. Поэтому, для выработки и подготовки хорошихъ церковныхъ чтецовъ слѣдовало бы обращать побольше вниманія на самый процессъ чтенія. Для этого не менѣе *двухъ* разъ въ недѣлю, по окончаніи уроковъ, необходимо практиковать старое механическое чтеніе всей школой. Когда всѣ начнутъ читать громко и вслухъ не трудно будетъ выбрать *голосистыхъ* хорошихъ чтецовъ. Распредѣливъ между ними составъ суточного богослужебнаго чтенія, заставитъ хорошо протвердить назначенное дома, затѣмъ прослушать внимательно въ классѣ и тогда уже допускать къ чтенію въ церкви. Къ слѣдующему разу произвести перемѣну чтецовъ, потомъ—новую ихъ перемѣну,—и такимъ образомъ составитъ кружокъ чтецовъ, которые будутъ внятно и осмысленно читать все положенное въ церкви. Разумѣется, для того, чтобы чтеніе было осмысленное и толковое, безъ ошибокъ и искаженія словъ, необходимо каждый разъ предъ богослуженіемъ внимательно выслушивать чтецовъ и исправлять ихъ ошибки. Такъ въ моей школѣ практикуется уже давно, и чтеніе церковное всегда стояло—и стоитъ—на подобающей ему высотѣ, а отъ чтецовъ отбоя нѣтъ. Школьники такъ привыкаютъ къ клиросу, что и по выходѣ изъ

школы охотно посѣщаютъ его,—а это очень важно и желательно, въ особенности въ лѣтнее каникулярное время, когда школьныя занятія прекращаются, и на клиросѣ остается только одинъ псаломщикъ.

Помимо чтенія, каждый завѣдующій школою—опъ же и настоятель прихода—долженъ обращать надлежащее вниманіе и на пѣніе церковное. И какъ предметъ школьной программы, и какъ необходимая составная часть православнаго богослуженія, пѣніе должно быть предметомъ особыхъ заботъ учащихся. Это въ особенности необходимо въ настоящее время, когда и сельскіе прихожане не удовлетворяются уже унисоннымъ пѣніемъ псаломщика, а требуютъ пѣнія хороваго. Но, идя навстрѣчу этимъ желаніямъ прихожанъ, многіе завѣдующіе, а въ особенности учителя—регенты хоровъ, доходятъ до крайностей. Не довольствуясь простымъ и обиходнымъ пѣніемъ, многіе руководители хоровъ, не обладая для этого ни надлежащими организаторскими способностями, ни даже необходимымъ для хорошаго регента вкусомъ въ выборѣ піесъ, очень часто берутся за исполненіе весьма сложныхъ, вычурныхъ и совершенно непосильныхъ для деревенскаго хора пѣснопѣній. Вслѣдствіе этого, во многихъ сельскихъ хорахъ вмѣсто умирительнаго и сладкогласнаго пѣнія слышится какое-то завываніе, не только не располагающее къ молитвенному настроенію молящихся, а нерѣдко наводящее ихъ на мысли и возбуждающее въ нихъ чувства совершенно не молитвеннаго характера. Происходитъ это оттого, что большинство деревенскихъ регентовъ, не встрѣчая никакого препятствія со стороны „батьшекъ“, слишкомъ увлекаются „партеснымъ“ пѣніемъ. А такое пѣніе зачастую бываетъ далеко хуже монотоннаго одnogлоснаго пѣнія псаломщика и не должно быть допускаемо въ сельскомъ храмѣ, а гдѣ оно уже успѣло пустить корни, должно быть всячески сокращаемо. Хорошо было бы, если бы завѣдующій школою посѣщаль спѣвки и слѣдилъ за подготовкою тѣхъ пѣснопѣній, которыя предназначаются къ ближайшему праздничному или воскресному

дню. При этомъ онъ могъ бы дѣлать указанія, что слѣдуетъ пѣть въ храмѣ, и чего не слѣдуетъ. А еще лучше будетъ, если завѣдующій школою устроить хоръ изъ *всей* школы. Такой хоръ не можетъ браться за исполненіе партесныхъ пѣснопѣній, а будетъ исполнять только доступное ему простое пѣніе и можетъ положить основаніе будущему всенародному пѣнію въ церкви. Посредствомъ ежегодной подготовки составится большой контингентъ пѣвцовъ, вполнѣ обученныхъ и знакомыхъ съ напѣвами церковными; за этими пѣвцами легко будутъ уже пѣть и всѣ присутствующіе въ храмѣ. А съ такимъ величественнымъ и торжественнымъ пѣніемъ, въ которомъ всѣ *единими усты и единымъ сердцемъ* хвалятъ Господа, не можетъ сравниться никакое партесное пѣніе.

Января 8-го дня. — Открытіе занятій, прерванныхъ Рождественскими каникулами, сопровождалось въ моей школѣ инцидентомъ, о которомъ не могу умолчать въ настоящихъ своихъ запискахъ.

Когда я пришелъ сегодня на урокъ Закона Божія, то засталъ учителя за разслѣдованіемъ проступка одного изъ учениковъ, который былъ уличенъ въ воровствѣ. Покупая перья въ лавочкѣ, онъ, пользуясь тѣмъ, что лавочникъ былъ занятъ отпускомъ товара для другого покупателя, стащилъ незамѣтно нѣсколько перьевъ и принесъ ихъ въ классъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ всей школѣ, а затѣмъ и учителю. Последній публично изобличилъ ворнишку, выяснивъ школьникамъ всю гнусность и неблаговидность его поступка, при чемъ объявилъ, чтобы уворовавшій перья отнесъ ихъ, вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, лавочнику и извинился предъ нимъ.

Я одобрилъ такое рѣшеніе учителя и обратился ко всему классу со словомъ назиданія и увѣщанія, направленнымъ противъ присвоенія чужой собственности. Вообще, частое напоминаніе о *восьмой* заповѣди ученикамъ школы я считаю дѣломъ самымъ необходимымъ и настоятельнымъ. Правда, воровство между школьниками бываетъ, въ большинствѣ слу-

чаевъ, самое мелочное; но если на него не обращать вниманія, оно современемъ можетъ развиться и дойти до большихъ размѣровъ. Поэтому, всякаго рода маловажные проступки и нарушенія школьной дисциплины должны быть обращаемы въ предметъ для увѣщаній и наставленій со стороны учащихся, тѣмъ болѣе, что „стащить“ у товарища перо, карандашъ, кусокъ хлѣба, пирога почти не считается преступленіемъ, а между тѣмъ всѣ эти, повидимому—маловажные, проступки отражаются на нравственномъ обликѣ учащихся, и выясненіе каждый разъ предосудительности подобнаго рода проступковъ должно принести не малую долю пользы.

Помимо присвоенія чужой собственности, среди учениковъ разветы также и другіе проступки, на которые должны обращать надлежащее вниманіе воспитатели. Въ этомъ отношеніи въ особенности бросается въ глаза неуважительное отношеніе къ предметамъ священнымъ, и даже имя Божіе часто призывается всеу въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно по преимуществу должно чтиться и святиться со страхомъ. Поэтому, на распространенный среди школьниковъ порокъ частаго и напраснаго призыванія имени Божія должно обращать особенное вниманіе и посредствомъ выясненія грѣховности такой привычки искоренять его среди питомцевъ школы. Можно даже учредить контроль надъ призывающими имя Бога всеу изъ самихъ же учениковъ. Пусть слѣдятъ они одни за другими, чтобы имя Божіе не призывалось всеу, — и навѣрное этотъ распространенный среди крестьянъ порокъ постепенно утратитъ свой острый и нежелательный характеръ.

Не должна также школа игнорировать и весьма распространеннаго среди крестьянъ и школьниковъ обычая давать различныя прозвища, къ тому же далеко не всегда безобидныя. Митька *Косой*, Оедька *Рябой*, Ванька *Кривой*, Данилка *Лышій*—такія и имъ подобныя прозвища не только въ большомъ ходу среди школьниковъ, но ихъ иногда употребляютъ и сами учителя. Школа должна искоренять въ своихъ питомцахъ все грубое и унижающее человѣческое достоинство,

въ томъ числѣ и прозвища, заключающія въ себѣ въ большинствѣ случаевъ издѣвательство надъ физическимъ или нравственнымъ недостаткомъ, который скорѣе долженъ бы вызывать сожалѣніе и сочувствіе, а не злую насмѣшку. Пусть каждый, чувствующій за собою тотъ или иной недостатокъ, встрѣчаетъ братское участіе къ себѣ, — и тогда его слабости (а въ комъ ихъ нѣтъ?) будутъ менѣе чувствительны и для него и для окружающихъ.

Свящ. С. Брояковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка объ апостольскихъ и евангельскихъ чтеніяхъ въ 190⁴₅ пасхальномъ году.

Какъ извѣстно, отъ Пятидесятницы до недѣли Мытаря и Фарисея назначены апостольскія и евангельскія чтенія на литургіи для 32 седмиць. Но если „Пасха виѣ“, т. е., если въ послѣдующемъ году Пасха позже, чѣмъ въ предыдущемъ, то между Пятидесятницей и недѣлей Мытаря и Фарисея больше 32 седмиць. Въ 1905 году воскресенье 33-й недѣли будетъ 2-го января, а недѣля Мытаря и Фарисея—только 6 февраля; такимъ образомъ, недостаетъ чтеній для *пяти* седмиць. Въ такомъ случаѣ, согласно указанію Устава ¹⁾ (послѣ 7-го января, о недѣлѣ по Просвѣщеніи), пужно „возвратиться на мимошедшія недѣли“, т. е. повторить чтенія *пяти* седмиць. Но такъ какъ *шесть* воскресныхъ дней (недѣли „предъ“ и „по“ Воздвиженіи, Рождествѣ Христовѣ и Просвѣщеніи) имѣютъ особыя евангельскія и апостольскія чтенія на литургіи, то въ эти воскресные дни можно опустить рядовыя чтенія ²⁾.

Кромѣ того, согласно указанію Служебнаго Евангелія ³⁾, чтенія изъ Евангелія Луки (которое начинается съ понедѣль-

¹⁾ Уставъ. Изданіе Почаевской Лавры 1867 года, л. 154.

²⁾ См. Уставъ, л. 125 и 126, 17-го и 18-го декабря.

³⁾ См. Служебное Евангеліе. Москва. 1868 года, л. 4-й.

ника 18-й седмицы) не могут начинаться до праздника Воздвиженія Креста Господня. Поэтому, съ понедѣльника 13-го сентября 1904-го года нельзя начинать Евангелія отъ Луки, а въ пять дней (съ 13-го по 17-ое сентября включительно) нужно повторить апостолы и евангелія какой-нибудь предшествующей седмицы. Въ субботу 18-го сентября можно читать апостоль и евангеліе субботы по Воздвиженіи, а 19 го сентября—только недѣли по Воздвиженіи, оставляя рядъ (недѣли 18-ая), и тогда начинать чтеніе Евангелія отъ Луки съ 20-го сентября—понедѣльника по Воздвиженіи.

На основаніи этихъ указаній Устава и Евангелія, апостольскія и евангельскія чтенія по воскресеньямъ въ 190⁴/₅ пасхальномъ году должны быть распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: семнадцать недѣль отъ Пятидесятницы до 12-го сентября (недѣли 17-ая и „предъ Воздвиженіемъ“) читать согласно Указателю. 19-го сентября—недѣля по Воздвиженіи. Начиная съ слѣдующаго воскресенья, апостолы и евангелія должны отставать на одну недѣлю сравнительно съ Указателемъ: такъ, напр., 26-го сентября должно читать апостоль и евангеліе Іоанну Богослову и недѣли 18-ой, а не 19-ой; 3-го октября—недѣли 19-ой, а не 20-ой и т. д.

28-го ноября, такимъ образомъ, должно читать евангеліе и апостоль 27-ой, а не 28-ой недѣли. 5-го декабря апостоль 28-ой, а евангеліе 29-ой недѣли, потому что евангеліе 28-ой, а апостоль 29-ой недѣли должно читать въ недѣлю свв. Прародецъ ¹⁾ (12 декабря 1904 года).

19-го декабря—недѣля свв. Отецъ.

26 декабря 1904 года—недѣля по Рождествѣ Христовомъ.

2 января 1905-го года—недѣля предъ Просвѣщеніемъ.

9-го „ „ недѣля по Просвѣщеніи.

16 „ „ 30-ая недѣля по Пятидесятницѣ.

23 „ „ 31-ая „

¹⁾ См. Уставъ, 11 декабря, листъ 121.

30 января 1905-го года 32-ая недѣля по Пятидесятницѣ (о Закхѣѣ и апостольѣ и евангеліе тремъ святителямъ).

6-го февраля—недѣли Мытаря и Фарисея (начало Тріоди Постной).

Апостолы и евангеліа будничныхъ дней тоже должны отставать на одну седмицу, начиная съ 20-го сентября, вслѣдствіе вышеприведеннаго требованія Служебнаго Евангелія: „Аще бо въ Пасха будетъ... возвращайся вспять, и отнюду же хочеша, чти пять дней... Отъ Луки же святое Евангеліе четется отъ начала въ понедѣльникъ по Воздвиженіи Креста“...¹⁾

Если, согласно этому указанію, начать читать Евангеліе отъ Луки съ 20-го сентября, то апостольскихъ и евангельскихъ чтеній, согласно Указателю, станетъ до 8-го января 1905 года. Съ 10-го же января по 5-ое февраля (въ теченіе *трехъ седмиць*) придется повторить чтенія 30, 31 и 32-ой седмиць.

Нужно еще имѣть въ виду и то, что въ этомъ году одна суббота между Рождествомъ Христовымъ и Крещеніемъ; поэтому, въ Уставѣ указано²⁾, что апостольѣ и евангеліе субботы по Рождествѣ должно читать въ пятницу 31-го декабря, а 1-го января — субботы предъ Просвѣщеніемъ и Обрѣзанія (Волынск. еп. вѣд. 1904 г., № 28). Свящ. *Н. С.*

Отъ Редакціи.—При этомъ № разсылается гг. подписчикамъ приложение къ журналу: „Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ“, в. II.

---

¹⁾ Служебное Евангеліе, л. 4-й. „Сказаніе, приемлющее всего лѣта число евангельское, и евангелистомъ пріятіе, откуда начинаютъ, и до гдѣ стоятъ“.

²⁾ Уставъ, 26 декабря, л. 141.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ

Печатать дозволяется. Кіевъ, 1-го ноября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. № 46. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1904 года, 14-го ноября.

Содержаніе: Вечерніе классы и участіе въ нихъ духовенства.—Церковное богослуженіе, какъ средство пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ.—Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходской школой (продолженіе).—Благое дѣло (письмо въ редакцію).—Къ вопросу объ упадѣ нашей церковной проповѣди.—Объявленіе объ изданіи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ 1905-мъ подписномъ году.

Вечерніе классы и участіе въ нихъ духовенства.

Постоянно и довольно быстро расширяющаяся сѣть школъ разныхъ типовъ и наименованій все ближе и ближе подвигаетъ къ окончательному рѣшенію вопросъ о всеобщемъ обученіи у насъ, и можно быть увѣреннымъ, что не такъ далеко уже то время, когда вопросъ этотъ найдетъ себѣ и практическое осуществленіе. Но какъ бы широко, однако, и какъ бы прочно ни было поставлено школьное обученіе, все же въ школѣ были, есть и будутъ свои пасынки, по тѣмъ или инымъ причинамъ оставшіеся за бортомъ ея. И вотъ, доживаетъ такой человѣкъ до зрѣлыхъ лѣтъ, на каждомъ шагу чувствуетъ онъ свою темяту—и готовъ бы поправить дѣло,

да какъ быть?—Помочь горю во всѣхъ подобныхъ случаяхъ могутъ такъ называемые *вечерніе классы*.

Вечерніе классы—дѣло сравнительно новое; существуютъ они пока только въ городахъ, при министерскихъ школахъ, при чемъ учителя получаютъ за свои занятія въ вечернихъ классахъ особое вознагражденіе.

Вечерніе классы пользуются весьма большимъ успѣхомъ въ городахъ; несомнѣнно, что и въ селахъ они будутъ имѣть не мало посѣтителей, такъ какъ польза грамотности признана уже и въ селахъ, а школъ здѣсь несравненно меньше, чѣмъ въ городахъ.

Вопросъ о *вечернихъ классахъ* не лишенъ своего значенія и интереса и для духовенства, такъ какъ въ рукахъ духовенства сосредоточены церковно-приходскія школы, и на *классы* эти возлагаются большія надежды. Церковно-приходская школа не можетъ равнодушно отнестись къ тому, что значительный процентъ дѣтей остается совсѣмъ внѣ ея вліянія; не можетъ церковная школа, далѣе, не желать упрочить и углубить свое вліяніе и на тѣхъ, кто уже учился въ ней; а для этого *вечерніе классы* представляютъ весьма большое удобство.

Но возможны ли вообще *вечерніе классы* въ селѣ, въ деревнѣ?—на этотъ вопросъ отвѣтить не трудно. Насколько это дѣло зависитъ отъ народа, его сочувствія, *вечерніе классы* въ сельской и деревенской школѣ будутъ желаннымъ нововведеніемъ; досуга въ селахъ и деревняхъ зимою—особенно въ селахъ и деревняхъ земледѣльческихъ—достаточно, и часто этотъ досугъ тратится по меньшей мѣрѣ непроизводительно на *посидѣлкахъ, вечерницахъ* и т. д. Мѣстомъ для *вечернихъ классовъ* можетъ служить та же школа, въ данномъ случаѣ церковно-приходская.

Возможно ли участіе въ *вечернихъ классахъ* духовенства?—Этотъ вопросъ невольно возстаетъ предъ нами по слѣдующему поводу. Намъ пришлось однажды присутствовать на благотворительномъ собраніи. Трактовался весьма интересный

вопросъ—объ участіи духовенства въ *воскресныхъ* школахъ. Отвѣтъ отъ духовенства послѣдовалъ отрицательный на томъ основаніи, что духовенство по воскресеньямъ и праздникамъ занято многочисленными трудами. Что касается *вечернихъ классовъ*, то они только и могутъ быть въ будніе дни, и притомъ не наканунѣ праздниковъ; а въ такіе дни по вечерамъ духовенство сельское бываетъ обыкновенно совершенно свободно. Дѣло въ томъ, что большая часть трудъ совершается по селамъ и деревнямъ утромъ и днемъ: напутствіе больныхъ — до вкушенія пищи, похороны — до захода солнца, браки—послѣ литургіи и т. д.; слѣдовательно, у сельскаго духовенства вечера являются свободными, и отъ личнаго усердія и старанія каждаго зависитъ удѣлить часъ-другой на *вечерніе классы*. При этомъ, фактическое постоянное участіе духовенства въ *вечернихъ классахъ* мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ, но *не необходимымъ*. Здѣсь, прежде всего, драгоцѣнно участливое отношеніе духовенства къ *вечернимъ классамъ*, вниманіе его къ доброму дѣлу. Если священникъ найдетъ себѣ достойныхъ и надежныхъ во всѣхъ отношеніяхъ сотрудниковъ въ вечернихъ занятіяхъ въ лицѣ своихъ сослуживцевъ, членовъ семьи, мѣстныхъ интеллигентныхъ людей,— то онъ смѣло можетъ привлекать ихъ къ участію въ своемъ трудѣ; священникъ можетъ—и долженъ—взять на себя общее наблюденіе за вечерними занятіями и уроки Закона Божія.

Вечерніе классы даютъ священнику, какъ воспитателю своего прихода, особенно молодежи, такія удобства, какихъ не даетъ и сама церковно-приходская школа. Какъ бы то ни было, въ школѣ священникъ нѣсколько стѣсненъ какъ обязательной программой, которую онъ долженъ стараться выполнить въ теченіе короткаго учебнаго года, такъ и самымъ возрастомъ дѣтей, для которыхъ многое изъ того, что имъ необходимо сообщить, мало доступно. На вечернихъ занятіяхъ священнику предоставляется значительно больше свободы какъ въ наборѣ слушателей, такъ и въ самомъ мате-

ріалъ для занятій. Смотри по составу слушателей, ихъ потребностямъ, священникъ можетъ выбирать и матеріалъ для преподаванія. Въ одной школѣ могутъ преобладать на вечернихъ занятіяхъ лица, совсѣмъ не бывшія въ школѣ, не знакомыя ни съ молитвами, ни съ священной исторіей,—съ этими священнику придется начать, такъ сказать, съ азовъ; могутъ быть слушатели, окончившіе уже курсъ въ школѣ, желающіе идти дальше, впередъ; могутъ, наконецъ, быть и тѣ и другіе, что всего чаще и бываетъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ вторые могутъ быть даже помощниками священнику.

Самый характеръ, оттѣнокъ преподаванія священника будетъ на вечернихъ занятіяхъ опредѣляться мѣстными нуждами и запросами: въ одномъ случаѣ священникъ можетъ придать своимъ занятіямъ миссіонерскій характеръ, въ другомъ приходѣ, по мѣстнымъ нуждамъ, онъ больше обратитъ вниманія на нравственныя истины и т. д.

Полезъа отъ *вечернихъ классовъ* можетъ быть самая разносторонняя. Лицамъ, почему-либо не имѣвшимъ возможности учиться въ школѣ въ дѣтскіе годы, они дадутъ хотя элементарныя школьныя свѣдѣнія и тѣмъ восполнятъ большой пробѣлъ въ ихъ жизни, научатъ грамотѣ, познакомятъ со счетомъ, что на каждомъ шагу пригодится въ жизни; самое же главное—дадутъ въ руки книгу жизни—Евангеліе.

Вечерніе классы—превосходное средство для священника продолжить занятія и бесѣды со своими бывшими учениками, двигать ихъ религіозно-нравственное и умственное сознаніе впередъ, не дать заглухнуть тѣмъ сѣменамъ, какія были посеяны въ ихъ душахъ въ школѣ. Во время вечернихъ занятій священникъ можетъ раздавать своимъ слушателямъ книжки для чтенія, вести бесѣды о прочитанномъ; здѣсь же онъ можетъ съ удобствомъ провѣрять свои не только школьныя, но и пастырскіе проповѣдническіе уроки въ церкви, слѣдить за тѣмъ, что прочно и что слабѣе удержалось въ памяти его учениковъ, какія были недостатки и пробѣлы въ его трудахъ, каковы результаты этихъ трудовъ.

Въ заключеніе настоящей своей краткой замѣтки считаемъ долгомъ оговориться, что *вечерніе классы* мы проектируемъ, вовсе не какъ нѣчто *обязательное* для всѣхъ приходовъ и для всего духовенства. Условія пастырскаго труда на Руси крайне разнообразны; количество свободнаго времени у духовенства тоже не одинаково въ разныхъ приходяхъ. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, церковная школа не должна отставать отъ министерской и на *вечерніе классы* также должна обратить свое вниманіе.

Свящ., В. Пестряковъ.

Церковное богослуженіе, какъ средство пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ.

Средства пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ естественнѣе всего раздѣлить на *общія*, т. е. такія, которыя принадлежатъ пастырскому званію по самому существу послѣдняго, а потому находились и находятся въ распоряженіи всѣхъ пастырей, независимо отъ того, когда и гдѣ они служили и служатъ, и *частныя*, которыя отличаются болѣе или менѣе относительнымъ характеромъ, а потому имѣютъ временное значеніе, ограничиваются извѣстными мѣстными районами. Къ *общимъ* средствамъ относятся: совершеніе богослуженія съ поученіями, пастырскія посѣщенія пасомыхъ, содѣйствіе пастырю со стороны общества при его служеніи приходу, обличенія, запрещенія, или епитеміи, церковныя благотворенія и благословенія, обращеніе пастыря къ содѣйствію гражданскихъ властей ¹⁾.

Въ настоящее время у насъ въ Россіи въ церковно-приходской практикѣ далеко не всѣ средства имѣютъ одинаковое приложеніе. По свидѣтельству преосв. Антонія, еп.

---

¹⁾ Проф. В. Пѣвницкій: „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя“, стр. 35—149.

Казанскаго, богослуженіе—это—, первое средство въ рукахъ пастыря для воздѣйствія на пасомыхъ, ибо сущность его заключается въ молитвѣ, между тѣмъ главное требованіе со стороны пасомыхъ къ пастырю — требованіе дара молитвеннаго. Народъ и оцѣниваетъ пастыря съ этой именно точки зрѣнія. Когда въ народѣ говорятъ о священникѣ, то первый отзывъ касается того: хорошо или худо служить онъ. Подъ *хорошимъ* служеніемъ здѣсь разумѣется то, что въ возгласахъ и ектеніяхъ священника слышится духъ искренней молитвы... Русскій народъ вообще любитъ молиться, такъ что, если священникъ желаетъ имѣть успѣхъ въ матеріальномъ отношеніи, то непременно долженъ быть богомольнымъ¹⁾. Несомнѣнно, богослуженіе всею совокупностью своихъ элементовъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, оказываетъ громадное вліяніе на религіозно-настроенную, непосредственно чувствующую душу русскаго простолюдина и является, поэтому, его первою потребностью. Чтобы понять всю силу этого вліянія, нужно обратить вниманіе на слѣдующіе *три* фактора, составляющіе рассматриваемое явленіе: 1) нашего крестьянина со стороны его склада и привычекъ, 2) среду, условія, которыя его окружаютъ, и 3) самое богослуженіе съ его составными частями и элементами.

Существенная черта народнаго характера — непосредственность. При неразвитости крестьянина, эта черта обращаетъ его въ полнаго почти раба по отношенію къ условіямъ жизни; послѣднія дѣлаются тѣмъ масштабомъ, по которому выкраиваются всѣ почти стороны духовной жизни нашего народа. Если теперь принять во вниманіе, что жизнь нашего простонародья приняла почти исключительно экономическое направленіе, вырабатывающее въ дѣйствительности грубый практическій субъективизмъ; что между строемъ церковно-приходской и соціально-деревенской жизни существуетъ

¹⁾ Еп. Аптоній: „Лекціи по пастырск. богословію“, Казань, 1900 г., стр. 95—99.

полное раздѣленіе, которое со времени манифеста 26 января 1903 г. едва лишь начинаетъ устраняться; если, наконецъ, вспомнимъ, что благочестивое съ религіозной окраской направление жизни составляетъ исконную особенность русскаго простонародья: то мы ясно увидимъ, что въ душѣ всякаго истинно - русскаго простолюдина существуетъ до настоящаго времени большой пробѣлъ.

Наживъ въ себѣ исторически извѣстныя приходскія привычки, воспитавъ въ себѣ тѣмъ же путемъ и практически-благочестивыя чувства и чрезъ это создавъ опредѣленный житейски и церковно-гражданскій идеаль, современный русскій крестьянинъ поставленъ настоящими условіями своего существованія въ невозможность осуществлять этотъ идеаль. Отсюда — тоска по идеалу, неудовлетворенныя стремленія, которыя, при темнотѣ и вообще спутанности внутренней жизни, носятъ въ большинствѣ характеръ скорѣе инстинктивнаго желанія возвратиться къ доброму, благочестивому прошлому, чѣмъ къ непонятному и нехорошему настоящему. Этому-то состоянію общей неудовлетворенности и приходитъ на помощь церковное богослуженіе.

Оно идетъ навстрѣчу всеѣмъ благочестивымъ традиціямъ крестьянина; своимъ непосредственнымъ языкомъ, чуждымъ всякой отвлеченности, какъ нельзя болѣе понятно народу и притомъ — различіемъ элементовъ чтенія, пѣнія и священнодѣйствій вполне отвѣчаетъ всеѣмъ сторонамъ душевной жизни; наконецъ, богослуженіе вполне объективно, и потому не можетъ вызвать никакихъ движеній чувственной природы. Это послѣднее свойство богослуженія церковнаго дѣлаетъ его чрезвычайно важнымъ, особенно въ жизни современнаго намъ крестьянина. Въ настоящее время, какъ извѣстно, господствуютъ въ семьяхъ крестьянъ различныя, по преимуществу практическія, настроенія, имѣющія своимъ источникомъ либо произволь родителей, либо разгулъ дѣтей. Отсюда — постоянныя семейныя неурядицы, жалобы на которыя слышатся почти вездѣ. Мотивъ ихъ — страстныя личныя возбужденія. Вотъ

здѣсь-то объективный характеръ богослуженія и оказываетъ существенную услугу. Подъ вліяніемъ богослуженія дикіе, кровожадные иногда инстинкты утихаютъ, крестьянскую натуру — простую, лишенную всякой образовательной дрессировки, невольно заражаетъ тотъ величавый объективизмъ, какимъ дышитъ наше богослуженіе, тѣмъ болѣе, что этотъ объективизмъ—не естественный, а сверхъестественный, запечатлѣнный Божественнымъ авторитетомъ. Мало того, нерѣдко, подъ вліяніемъ православнаго церковнаго богослуженія, совершаются удивительные перевороты въ душахъ даже уже огрубѣвшихъ людей. Не такъ давно на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“ сообщенъ былъ фактъ, какъ одинъ только церковный звонъ удержалъ руку убійцы.

Это — чисто механическое вліяніе церковнаго богослуженія. Имъ дѣло, конечно, не ограничивается. Самая внѣшняя обстановка богослуженія вызываетъ въ народѣ благоговѣйныя чувства; духъ, которымъ проникнуты внѣшнія формы его, питаетъ чувство молящагося, даетъ чувству его положительное содержаніе. Оттого въ наше время пастыри, совершающіе службы съ благоговѣніемъ, пользуются въ народѣ особеннымъ уваженіемъ; оттого къ о. Іоанну Кронштадтскому¹⁾ стекаются милліоны простого люда, чтобы послушать его богослуженіе, исповѣдаться и причаститься у него. Народъ нашъ любитъ богослуженіе,—это—фактъ, стоящій внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ иногда не уважаетъ пастыря, потому что послѣдній часто не стоитъ на высотѣ своего призванія; но онъ безусловно благоговѣетъ предъ богослуженіемъ, которое говоритъ его чувству языкомъ не человѣческимъ, измѣнчивымъ и лживымъ, а божественнымъ и естественнымъ, проникающимъ непосредственно въ самую глубь его существа. Но такъ какъ въ нашемъ народѣ, какъ мы видѣли, указанное стремленіе направлено не къ однимъ формамъ, а

¹⁾ См. о вліяніи богослуженія, совершаемаго о. Іоанномъ Кроншт. Замѣтки іером. Миханла въ „Новгор. еп. вѣд.“. 1903 г., № 23.

и къ жизни субъективной, которая сокрыта за ними, къ носителямъ и совершителямъ богослужебнаго культа, то, хотя народъ и не отождествляетъ послѣднихъ съ самымъ духомъ культа, однако и отъ нихъ требуетъ нѣкоторой чистоты, святости. Къ этому побуждаетъ современныхъ крестьянъ и сравнительно бѣльшая ихъ развитость. — Нельзя сказать, чтобы богослуженіе въ настоящее время совершенно удовлетворяло эту потребность нашихъ крестьянъ. О послѣднемъ свидѣтельствуя многочисленныя жалобы не только со стороны штундистовъ и разнаго рода сектантовъ, но и со стороны самихъ православныхъ на поборы со стороны духовенства, на разнаго рода порочныя наклонности отдѣльныхъ личностей изъ среды его и т. п. Безъ особеннаго преувеличенія можно сказать даже, что религіозно-нравственная распущенность, которая замѣчается въ послѣднее время въ нашемъ народѣ, въ значительной степени составляетъ результатъ кое-какихъ недочетовъ въ томъ же отношеніи со стороны духовенства. Намъ лично приходилось бесѣдовать съ однимъ изъ извѣстныхъ въ Кіевѣ старцевъ-схимниковъ, у котораго перебивали многіе десятки тысячъ крестьянъ-богомольцевъ изъ разныхъ концовъ Россіи для духовнаго утѣшенія и назиданія. И, по его увѣренію, громадное большинство приходящихъ оправдываютъ свои дурныя привычки и грѣховныя пороки соблазномъ со стороны своихъ духовныхъ пастырей. Очевидно, не совсѣмъ безупречная въ нравственномъ или другомъ какомъ отношеніи личность пастыря представляетъ значительный тормазъ въ дѣлѣ механически-непосредственнаго вліянія совершаемыхъ имъ священнодѣйствій на пасомыхъ; послѣдніе, не удовлетворяясь этимъ средствомъ, ищутъ *святого* на сторонѣ ¹⁾.

---

¹⁾ Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что наше народное стремленіе къ паломничеству не исчерпывается одними указанными мотивами. Русскій народъ не потому только паломничаетъ, что не удовлетворяется домашними средствами спасенія, а и по многимъ другимъ причинамъ, въ частности—вслѣдствіе воспитанной исторіей склонности къ путешествіямъ по святымъ мѣстамъ.

Отсюда, у насъ въ одной части народа (старообрядцы) развита вѣра въ то, будто настоящая, *правильная вѣра* и Церковь находится гдѣ-то далеко за моремъ,—и они искали ихъ всюду, какъ въ Сибири, такъ и въ Малой Азій; въ другой части народа (православные) эта вѣра выражается въ формѣ путешествій по св. мѣстамъ, въ паломничествѣ. Вліяніе на народъ этихъ послѣднихъ средствъ настолько велико, что даже та часть его, которая порвала всякія связи съ Церковью, уклонилась въ штундизмъ, баптизмъ и др. секты, поддается иногда ихъ воздѣйствію. Въ недавнее время преосв. Николаемъ Таврическимъ было организовано паломничество штундистовъ съ религіозно-просвѣтительными цѣлями въ Кіевъ на поклоненіе св. мощамъ. По возвращеніи изъ этого паломничества всѣ почти участники его возвратились въ лоно Православной Церкви. То же было сдѣлано и для униатовъ Люблинской епархіи по инициативѣ мѣстнаго епархіальнаго миссіонера, — и въ результатѣ получилось окончательное утвержденіе ихъ въ вѣрности православію. Даже раскольники—и тѣ поддаются убѣдительности свидѣтельства святыхъ Православной Церкви, особенно послѣ скандальнаго случая съ открытыми на Кавказѣ въ 70-хъ годахъ „мощами“ ихъ единовѣрцевъ.

Что же именно даетъ богослуженіе нашему простому народу? какъ вліяетъ оно на его жизнь?

Безусловно вѣрно, что сохраненіемъ на протяженіи тысячелѣтней почти исторіи глубоко-благочестиваго, идеально-христіанскаго (по существу, а не по формѣ) настроенія нашъ народъ болѣе всего обязанъ именно богослуженію и всему, что однородно съ нимъ по своему вліянію на душу.

Богослуженіе уже однимъ, такъ сказать, существованіемъ своимъ въ значительной степени содѣйствуетъ поддержанію равновѣсія въ соціальной и индивидуальной жизни нашихъ крестьянъ, спланиваетъ—въ религіозно-церковномъ, конечно, отношеніи — шатающіяся, неустойчивыя мысли и

чувства, составляя изъ нихъ въ концѣ концовъ, большею частью къ старости, цѣльный жизненный синтезъ; оно, по самому своему внутреннему смыслу, обуславливаетъ даже для слабыхъ (въ религіозно-нравственномъ отношеніи) крестьянъ (со стороны, такъ сказать, естественной) возможность возрожденія, подъема, а для сильныхъ (въ томъ же отношеніи)—служить къ естественному же укрѣпленію. Съ практически-бытовой стороны значеніе богослуженія въ жизни нашихъ крестьянъ можно охарактеризовать такъ: „оно поднимаетъ душу, несмотря на то, что народу мало понятно, благодаря славянскому языку. Оно окружаетъ правду (основное стремленіе русской души) свѣтомъ праздника, отрываетъ душу отъ обычныхъ впечатлѣній дня, напоминаетъ о существованіи неба, о возможности жить по-другому, по-свѣтлѣе, по-Божьи.—Идутъ сѣрые дни въ заботахъ о хлѣбѣ, о себѣ, и вотъ ихъ разрываетъ праздникъ съ обѣдней, со звономъ колокольнымъ. Понятно, что человѣкъ встрепенется, рѣнется, оглянется. Евангеліе, которое читаетъ діаконъ изъ *золотой большой книги* торжественно и громко, понятно народу только кусочками, но важно то, что эти кусочки освѣщены торжественностью, звучатъ особенно, какъ слова особенной книги. Добро, любовь, взаимопомощь — всѣ эти истины Евангелія мужичками представляются освѣщенными, радостными, необходимыми для жизни, великими, свѣтлыми, — и онъ тянется къ нимъ, какъ листочки дерева къ солнцу“¹⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что значеніе церковнаго богослуженія въ дѣлѣ современной пастырской практики почти чисто идейнаго характера. Въ опредѣленныхъ практически формахъ оно выражается сравнительно слабо, но зато поддерживаетъ въ народѣ чувство идейности жизни, вѣру въ ея религіозный смыслъ, въ Бога (эти внутренніе факторы жизни русскаго народа всегда были и есть въ немъ, но подъ

¹⁾ Новг. еп. вѣд. 1903 г., № 23, стр. 1404—1405.

огрубляющимъ вліяніемъ условій часто ослабѣвають), и въ этомъ своемъ значеніи должно быть признано однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ.

Л—скій.

Изъ записокъ завѣдующаго церковно-приходскою школою.

(Продолженіе¹).

Января 10 дня. По пути въ школу пораженъ былъ слѣдующимъ возмутительнымъ зрѣлищемъ. Двѣнадцатилѣтній мальчуганъ жестоко истязалъ чахлую лошаденку, запряженную въ телѣгу, которая была непомерно нагружена дикимъ камнемъ. Обезсилѣвшее животное остановилось среди дороги и не могло двинуться съ мѣста, какъ ни безпощадно билъ ее мальчуганъ. Бѣдняжка „рвалась и металась“, „а возу все не было ходу“. Я счелъ своимъ долгомъ вступить за несчастное животное и усовѣстилъ истязателя не мучить его понапрасну, а лучше облегчить тяжесть. Когда, при помощи прохожихъ, часть тяжести была сброшена съ телѣги, лошаденка засѣменила ногами и двинулась въ дальнѣйшій путь.

Картины подобнаго рода можно видѣть на каждомъ шагу. Онѣ краснорѣчиво говорятъ о грубости нравовъ простого народа. Поэтому, я, какъ только пришелъ въ школу, тотчасъ же сообщилъ ученикамъ о видѣнномъ мною прискорбномъ фактѣ и обратился къ нимъ съ словомъ увѣщанія и наставленія быть ласковыми съ животными, по слову: „блаженъ иже и скоты милуетъ“.

Подобнаго рода бесѣды, какъ убѣдился я на личномъ опытѣ, имѣютъ весьма важное значеніе. Не нужно забывать, что въ число главныхъ задачъ народной школы должно входить не только обогащеніе ума питомцевъ ея знаніями, но и

¹) См. № 45-й за 1904 г.

воспитаніе ихъ и облагороженіе ихъ нравовъ. А нравы крестьянскихъ дѣтей очень и очень нуждаются въ исправленіи и облагороженіи. Много есть еще дикости и жестокости въ правахъ нашихъ крестьянъ, много еще осталось у нихъ грубыхъ обычаевъ отъ сѣдой, часто даже языческой старины. Въ этомъ отношеніи не послѣднее мѣсто занимаетъ жестокое обращеніе простаго народа съ животными и птицами, которыя истребляются самымъ безошаднымъ образомъ. Крестьянскія дѣти громадными массами уничтожаютъ совершенно безотчетно птичьи гнѣзда, яйца и маленькихъ птенчиковъ. Въ особенности безжалостны бываютъ въ нашей мѣстности крестьянскія дѣти съ птенчиками воробьевъ: выдираютъ ихъ изъ гнѣздъ, раскладываютъ на землѣ, завязываютъ потомъ себѣ глаза, берутъ длинную палку въ руку и стараются этою палкою попасть въ беззащитныхъ жертвъ... Что можетъ быть ужаснѣе этого безцѣльнаго и жесточайшаго способа истребленія самыхъ, можно сказать, полезнѣйшихъ птицъ?.. А вѣдь все это объясняется одними только простыми недоразумѣніями. Среди нашихъ крестьянъ распространено повѣрье, будто бы въ то время, когда Спаситель висѣлъ на крестѣ, и воины пришли посмотрѣть, живъ ли еще божественный Страдалецъ, и нужно ли Ему, поэтому, раздробить голени, воробьи, летая вокругъ креста, кричали: „живъ! живъ!“ . И крестьяне считаютъ, что не только не грѣшно, а даже какъ бы богоугоднымъ дѣломъ является самое безжалостное истребленіе воробьевъ...

На чьей же обязанности, какъ не на обязанности дѣятелей начальной школы, лежитъ—разъяснить школьникамъ, что истребленіе птицъ какимъ бы то ни было способомъ, не говоря уже о столь варварскомъ, грѣшно и вредно, такъ какъ онѣ—созданія Божіи, оглашающія воздухъ чуднымъ пѣніемъ и приносящія, въ то же время, громадную пользу людямъ, истребляя безчисленное множество разнаго рода вредныхъ насѣкомыхъ. Самымъ подходящимъ и удобнымъ временемъ для разъясненій грѣховности жестокаго обращенія съ животными

и птицами могутъ служить февраль и мартъ мѣсяцы. Въ это время въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ начинается пробуждаться отъ зимняго сна природа, пахарь задаетъ больше корму рабочему скоту и готовитъ борону и соху, возвращаются къ намъ изъ теплыхъ краевъ перелетныя птицы. Тогда, по нашему мнѣнію, всего умѣстнѣе будетъ избирать въ школѣ для объяснительнаго чтенія именно статьи изъ жизни природы и міра птицъ и животныхъ. На этихъ статьяхъ слѣдуетъ останавливаться возможно подробнѣе, стараясь уяснить дѣтямъ-школьникамъ всю пользу для человѣка животныхъ и птицъ и необходимость вытекающаго отсюда гуманнаго обращенія съ ними. Кромѣ класснаго чтенія соотвѣтствующихъ статей и бесѣдъ по поводу прочитаннаго во время уроковъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и даже Закона Божія ¹⁾, весьма полезно было бы вести съ учениками и частныя бесѣды о пользѣ животныхъ и птицъ, а также предлагать имъ спеціальныя въклассныя публичныя чтенія. А еще цѣлесообразнѣе и практичнѣе было бы устраивать при школахъ общества покровительства животнымъ и птицамъ. Въ число обязанностей членовъ этого общества, каковыми должны быть *непремѣнно всѣ ученики школы*, долженъ входить, главнымъ образомъ, надзоръ за тѣмъ, чтобы никто изъ односельцевъ не обращался жестоко съ животными и не разорялъ бы птичьихъ гнѣздъ. Такое общество, думается намъ, можетъ сдѣлать очень много. Достаточно будетъ уже того, если школьникъ, замѣтивъ, что кто-либо жестоко обращается съ рабочей скотиною или истребляетъ птицъ, сдѣлаетъ, какъ бы вскользь и про себя, такое замѣчаніе: „а намъ въ школѣ батюшка и учитель говорили, что грѣшно такъ бить скотину“, или „истреблять птицъ и разорять ихъ гнѣзда“. Подобное замѣчаніе, безъ сомнѣнія, смутитъ мучителя и заставитъ его при-

¹⁾ Удобнымъ для этого моментомъ, напр., могутъ служить священно-историческіе рассказы о выходѣ Ноя изъ ковчега послѣ потопа, о принесеніи Иосифомъ и Марією въ храмъ двухъ птенцевъ голубиныхъ въ 40 день по рожденіи Господа Иисуса Христа и т. п.

задуматься о своемъ поступкѣ. А о самихъ школьникахъ и говорить уже нечего: изъ опасенія, чтобы ихъ поступки не дошли до ушей батюшки или учителя, они, навѣрное, перестанутъ обижать птицъ и разорять ихъ гнѣзда. Изъ будущихъ учениковъ школы современемъ составитя приходское общество, съ малыхъ лѣтъ воспитанное въ томъ убѣжденіи, что истязать животныхъ и обижать птицъ не слѣдуетъ, такъ какъ это грѣшно предъ Богомъ и вредно для людей. А чего же больше и желать въ этомъ отношеніи?..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. С. Брояковскій.

Благое дѣло.

(Письмо въ редакцію).

Пишу эти строки подъ впечатлѣніемъ только - что прочитанной мною въ № 39-мъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ статьи: „О соборѣ Японской Православной Церкви въ 1904-мъ году“.

Честь и слава преосв. Николаю за его труды по дѣлу распространенія и утвержденія православной вѣры въ Японіи! Именно—это пастырь добрый, который не бѣжитъ отъ волковъ, но *право правитъ слово истины*, несмотря ни на какія препятствія.

Если онъ въ чужой сторонѣ, между враждебными людьми, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, трудится для благовѣстія Христова, — трудится съ великою пользою для дѣла, то что же мы, пастыри Русской Церкви, можемъ сказать въ свое оправданіе, если не будемъ дѣлать того, что намъ подобаешь дѣлать?.. Намъ пужно поучиться,—да и есть чему поучиться,—у преосв. Николая.

Прежде всего, онъ своею неутомимою, ревностною дѣятельностію подаетъ примѣръ всѣмъ своимъ соработникамъ;

онъ, какъ хорошій военачальникъ, возбуждаетъ къ неустанному дѣланію своихъ подчиненныхъ. Онъ смѣло можетъ говорить: *будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу* (см. рѣчь его). И всѣ его сподвижники, имѣя такого опытнаго и дѣятельнаго руководителя, будутъ стараться—и дѣйствительно стараются—исполнять свое дѣло, какъ должно.

А какія рѣчи говорить преосв. Николай! Если при чтеніи ихъ чувствуешь въ себѣ особенный подъемъ духа, то что же должны испытывать непосредственные слушатели?.. А какое смиреніе проглядываетъ въ этихъ рѣчахъ!.. „Безъ притворной скромности,—говоритъ преосвященный,—что считаю себя предъ Богомъ хуже и ниже cadaго изъ васъ и т. д.“... О, если бы Богъ далъ и намъ всѣмъ такое же смиреніе!..

А эти соборы—это великое дѣло! Собираются дѣятели со всѣхъ мѣстъ, взаимно обсуждаютъ свои дѣла церковныя, происходитъ живой обмѣнъ мыслей. Здѣсь нѣтъ бумажной переписки, нѣтъ посредниковъ между начальникомъ и подчиненными; здѣсь лично выслушиваются наставленія опытнаго руководителя и т. д. Что можетъ быть полезнѣе, многоплоднѣе этихъ соборовъ?..

Тамъ, въ Японіи, бывають соборы не одного только духовенства, а и соборы мірянъ и миссіонерскія собранія, которыя также представляютъ собою великое дѣло.

Какъ видно, дѣла церковныя тамъ правятся не бумажнымъ только путемъ, не черезъ канцеляріи только и не единолично и въ разбродъ, а живымъ обществомъ, взаимно, при участіи всѣхъ дѣятелей. А въ единеніи — сила. Недаромъ нашъ извѣстный настырь о. Іоаннъ Кронштадтскій, въ бесѣдѣ съ настырями въ г. Саранулѣ (см. № 39 „Церк. Вѣд.“) говорилъ: „ничто такъ не одушевляетъ челоуѣка въ какомъ угодно дѣлѣ, какъ сознаніе общенія, общности въ дружной работѣ. И въ Божіемъ дѣлѣ, въ служеніи ближнему, особенно тяжело переживать чувство одиночества. Правда, мы всѣ живемъ въ святой Церкви въ молитвенномъ общеніи со всѣми отошедшими изъ міра праведниками Божіими; но и на землѣ

необходима намъ помощь отъ братій нашихъ—и духовная, и молитвенная, и въ самой жизни“.—Это именно единеніе, „эта помощь отъ братій“, безъ сомнѣнія, и служить главною причиною успѣшной дѣятельности сотрудниковъ преосв. Николая.

Если же такъ, то честь и слава не одному только руководителю, потому что „одинъ въ полѣ не воинъ“, а и помощникамъ его. Они всѣмъ сердцемъ отзываются на призывъ своего архипастыря, съ полною готовностію исполняютъ его совѣты и приказанія, изо всѣхъ силъ трудятся для блага Церкви, что очень поучительно для всѣхъ насъ пастырей духовныхъ. Имъ приходится быть пионерами, приходится готовить почву для сѣянія—и они усердно работаютъ; мы же, грѣшные, находясь въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, дѣлаемъ ли все то, что намъ подобаешь дѣлать?.. Тамъ, въ Японіи, всѣхъ дѣлателей только 188 человекъ, и они въ теченіе прошлаго года, обратили къ вѣрѣ Христовой 720 человекъ! Насъ же въ Россіи, сравнительно съ ними, неисчислимое множество; но, положи руку на сердце, спросимъ себя: сдѣлали ли мы столько, сколько они?.. Счастливы тѣ изъ насъ, которые своимъ примѣромъ, своею проповѣдію отвратили хотя нѣсколькихъ прихожанъ отъ пьянства, воровства, сквернословія и т. п.: такимъ не стыдно читать о дѣятельности нашихъ японскихъ собратьевъ...

Не могу не упомянуть здѣсь, что и у насъ есть подобія японскихъ соборовъ—это наши благочинническіе и епархіальныя сѣзды. Но какъ они—эти сѣзды—не похожи на японскіе! Тамъ больше всего и прежде всего занимаются дѣлами Церкви, а потомъ уже—хозяйственными дѣлами; у насъ же на сѣздахъ занимаются исключительно только, такъ сказать, *матеріальными вопросами*—изысканіемъ средствъ содержанія учебныхъ заведеній и т. п.—а о томъ, какъ нужно вести дѣло преподаванія Закона Божія въ школахъ, дѣло проповѣданія Слова Божія и т. п.,—объ этомъ не слышно, чтобы велись когда на сѣздахъ разсужденія... Именно, у насъ нѣтъ

единенія, нѣтъ взаимопомощи въ нашемъ трудномъ пастырскомъ дѣлѣ. Я не говорю уже о пререканіяхъ, которыя часто бывають на нашихъ сѣздахъ; не говорю объ обильныхъ угощеніяхъ, которыя бывають на благочинническихъ сѣздахъ... Нѣтъ, не то должно быть на этихъ собраніяхъ нашихъ, которыя мы всегда спѣшимъ скорѣе окончить, а должно быть то, что практикуется въ Японской Церкви—живое общеніе. Если наши прихожане нуждаются въ просвѣщеніи, то и мы сами, ихъ пастыри, тоже нуждаемся въ томъ, чтобы была возгрѣваема въ насъ благодать, данная намъ при рукоположеніи. Вѣдь мы живемъ въ глуши, безъ общества, безъ книгъ, постоянно заботясь о средствахъ жизни,—и не удивительно, что мы не всегда и не всѣ стоимъ на высотѣ своего призванія. Насъ нужно поддерживать, укрѣплять, а подчасъ—и руководить.

Соборы, подобныя японскимъ, могутъ принести весьма и весьма много пользы для нашего приходскаго духовенства, а еще больше—для блага Церкви. А потому, намъ, духовнымъ лицамъ, нужно бы постараться о томъ, чтобы были и у насъ такіе же соборы, какъ въ Японіи; въ крайнемъ же случаѣ, необходимо обратить болѣе серьезное вниманіе на наши соборы - сѣзды, чѣмъ какое обращалось на нихъ до сихъ поръ, и сообщить имъ иную постановку.

Свящ. В. Д.

Бъ вопросу объ упадкѣ нашей церковной проповѣди.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднее время наша церковная проповѣдь падаетъ. О церковныхъ проповѣдникахъ,—если исключить іеромонаха Михаила (доцента С.-Петербургской дух. академіи) и извѣстнаго священника Г. С. Петрова, которые—больше свѣтскіе ораторы на духовныя темы, чѣмъ церковныя,—что-то въ послѣдніе дни не слышно.

Пусть бы не было *витій, знаменитыхъ* проповѣдниковъ: таланты и гени въ любой области рождаются въками. Сказать по совѣсти, всматриваясь въ церковную жизнь—города ли, деревни, мы не находимъ и просто *усердныхъ* проповѣдниковъ. Апостольская заповѣдь: „настой..., обличи, запрети, умоли“... все болѣе и болѣе забывается, и это тѣмъ грустнѣе, что поводовъ къ настоящему обличенію и запрещенію становится не меньше, а больше.

Гдѣ же причины этого?

Сколько намъ извѣстно, на первыхъ порахъ молодые священники съ интересомъ относятся къ своему великому долгу церковнаго учительства: готовятся, пишутъ и говорятъ проповѣди не только по дванадесятимъ праздникамъ. Но проходитъ годъ, другой,—и духовный воинъ складываетъ свое духовное оружіе.

Бесѣдуешь съ батюшкой:—Ну, какъ у васъ идетъ церковное учительство? Поди, сдѣлались настоящимъ ораторомъ? каждый праздникъ назидаете?

— Да нѣтъ, знаете, — откровенно сознается батюшка: — первые годы говорилъ, а теперь рѣдко приходится.

— Отчего такъ?—спрашиваешь.

— *Толку нѣтъ*. Имъ (т. е. прихожанамъ) говоришь одно, а они продолжаютъ дѣлать другое, свое. *Такъ и бросятъ*.

Вдумываясь въ этотъ отвѣтъ, нельзя не признать, что въ упадкѣ церковной проповѣди виноватъ нашъ „бѣдный Маркаръ“, наша духовная школа—и не своей постановкой преподаванія *теоріи проповѣди*, или гомилетики, а постановкой *воспитательной дисциплины*.

Нѣтъ у насъ *скромности* и *настойчивости*, качество голубя и змѣи (непремѣнно пройдетъ, куда захочетъ), запастись которыми и по заповѣди Спасителя необходимо Христовымъ проповѣдникамъ, особенно когда имъ приходится быть въ положеніи овецъ среди стаи волковъ.

Нѣтъ у насъ скромности и настойчивости... Мы хотѣли бы пожать плоды раньше, чѣмъ достаточно обработали почву. Уроки для вѣчности мы хотѣли бы вложить въ сердца слушателей *въ годъ, въ полода*,—сразу достигнуть того, чего хотимъ, иначе говоримъ: „толку нѣтъ, не стоитъ“.

Мы хотѣли бы, чтобы наше слово было дѣйствительнѣе и успѣшнѣе словъ великихъ проповѣдниковъ, самого Златоуста. Ибо и имъ, и самому Златоусту приходилось быть чрезвычайно настойчивыми и терпѣливыми, чтобы достигнуть желаемого успѣха.

Не думайте, что *одна сила краснорѣчія* увлекала ихъ слушателей на путь евангельской правды. Краснорѣчіе улаживаетъ, но не перевоспитываетъ. Перевоспитываетъ же терпѣніе и настойчивость, въ соединеніи со скромностью,—ибо нескромный не способенъ быть и терпѣливымъ, а нетерпѣливый—не способенъ быть и настойчивымъ.

Кто читалъ Іоанна Златоуста, тотъ знаетъ, что знаменитому витіи, который, вдобавокъ, соединялъ краснорѣчіе со святостью жизни, приходилось *десятками разъ* говорить слушателямъ объ одномъ и томъ же, десятками разъ подъ рядъ, чтобы побудить слушателей жить по слову. Подъ рядъ 12 разъ, начиная съ IV „бесѣды о статуяхъ“ по XVI-ю, онъ увѣщаетъ антиохійцевъ воздерживаться отъ клятвъ. И еще повторяетъ это же въ бесѣдахъ 19-й, 20-й... „Знаю,—говоритъ онъ,—что кажусь я уже скучнымъ и обременительнымъ, досаждаю непрерывнымъ повтореніемъ этого увѣщанія; однако не отстаю, чтобы вы, устыдившись хоть моего нестыдѣнія, отстали отъ дурной привычки къ клятвамъ. Если и судья немилосердный и жестокой (Лук. 18, 2—5), устыдись неотступныхъ просьбъ вдовицы, перемѣнилъ свой нравъ, тѣмъ болѣе сдѣлаете это вы“ (Собр. твореній І. Златоуста, т. II, ч. I, стр. 127).

Недаромъ и христіанскіе подвижники, которымъ приходилось столько же перевоспитывать себя, сколько и другихъ,—и по трудности и по условіямъ усиѣнности, то и

другое—одно,—прежде всего вооружались скромностью, терпѣніемъ и настойчивостью, употребляя для сего иногда исключительныя средства.

Такъ, всякому, вѣроятно, знакомъ разсказъ житій подвижниковъ о томъ, какъ одинъ инокъ, поступившій на послушаніе къ одному подвижнику, долженъ былъ, по его повелѣнію, поливать ежедневно утромъ и вечеромъ сухой колъ, пока не прорастетъ. Такъ вырабатывались подвижниками неощѣненные качества, залогъ успѣшнаго перевоспитанія себя и другихъ.

Вооружившись скромностью, терпѣніемъ и настойчивостью, достаточно только изъ праздника въ праздникъ повторять то, что нужно, что хочешь вложить слушателямъ, до тѣхъ поръ, пока не замѣтно будетъ желанное дѣйствіе.

Психологія внушенія говоритъ, что если даже человѣкъ будетъ повторять каждый день себѣ одну фразу: „будь добръ“ или другую какую, онъ незамѣтно, но непремѣнно измѣнится въ желаемую сторону. Неужели Слово Божіе, евангеліе правды лишено этой силы, а не имѣетъ ея сугубо?!

Мы сказали: вооружившись тѣми качествами, достаточно только повторять... Но тѣ качества избрѣтутъ и другія воспообляющія средства, о которыхъ упоминаетъ, между прочимъ, тотъ же великій Златоустъ. Скромность великаго проповѣдника не надѣется исключительно на свои силы въ дѣлѣ перевоспитанія паствы. Она привлекаетъ къ нему и другихъ братій, изъ самой паствы. „Вышедши отсюда,—говоритъ Златоустъ въ 11 бесѣдѣ о статуяхъ (т. II, ч. I, стр. 137),—пока у васъ еще живо слышанное, увѣщывайте другъ друга, и какъ разстаетесь вы съ пожеланіемъ здравія, такъ и уходи каждый домой съ увѣщаніемъ и говоря ближнему: помни и смотри, какъ бы тебѣ соблюсти эту заповѣдь; тогда мы, конечно, будемъ имѣть успѣхъ. Каждый изъ васъ пусть считаетъ ближняго должникомъ себѣ, обязаннымъ вмѣсто денегъ исполнять эту заповѣдь, и при встрѣчѣ съ нимъ пусть

наиминаетъ ему объ уплатѣ долга, зная, что не малая угрожаетъ намъ опасность, если нерадимъ о братіяхъ“...

Не ограничиваясь привлеченіемъ къ дѣлу перевоспитанія каждаго въ отдѣльности, І. Златоустъ организуетъ для этого соотвѣтствующія братства и товарищества. „Знаю хорошо,—говоритъ онъ тамъ же, въ 11-й бесѣдѣ,—что вы старались отстать отъ этого грѣха (злоупотребленія клятвами), но какъ каждому изъ насъ самому по себѣ не легко сдѣлать это, то составимъ братства и товарищества; и какъ бѣдные, когда хотятъ устроить пирь, и каждый изъ нихъ самъ по себѣ не можетъ угостить всѣхъ, собираются вмѣстѣ и въ складчину дѣлаютъ пирь, такъ поступимъ и мы: поодионочкѣ мы безпечны, такъ составимъ братства, станемъ дѣлать другъ другу совѣты, увѣщанія, убѣжденія, укоризны, напоминанія, угрозы“. И въ другомъ мѣстѣ о томъ же: „для того мы и живемъ вмѣстѣ, чтобы *другъ друга тяготы носить* (Галат. 6, 2), чтобы исправлять другъ друга отъ грѣховъ“ (Бесѣда о статуяхъ XVI-я).

Настойчивость проповѣдника не позволяетъ ему ограничиваться проповѣдническимъ словомъ. Онъ дѣятельно слѣдитъ и за тѣмъ, насколько оно проникаетъ въ жизнь пасомыхъ. Ибо онъ учитель не только въ храмѣ, но и въ великой Божіей церкви—въ жизни. Справляясь о степени усвоенія паствой своихъ увѣщаній, Іоаннь Златоустъ говоритъ: „Не безчестіе для врача освѣдомляться о болящемъ; и намъ не зазорно всегда разузнавать о вашемъ спасеніи, поелику, узнавъ такимъ образомъ, что вами исполнено, и что осталось не сдѣланнымъ, мы съ должнымъ разумѣніемъ приложимъ и остальныя лѣкарства“ (Бесѣда о статуяхъ IV-я)¹⁾.

II. Соколовъ.

¹⁾ Екатериносл. еп. в., 1904 г., № 21.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ 1905
подписномъ году.

Въ 1905 подписномъ году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, вступая въ 46-й годъ существованія, останется вѣрнымъ своей задачѣ—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ православнаго русскаго духовенства и содѣйствовать ему въ его святомъ и многотрудномъ дѣлѣ. Наше время особенно настойчиво призываетъ пастырей къ единой и одушевленной работѣ на нивѣ народнаго образованія во имя Христа и Церкви и къ энергической борьбѣ съ врагами вѣры православной, прикрывающимися нерѣдко обманчивой личиной друзей и защитниковъ ея. Замѣтно оживилъ въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ интересъ къ вопросамъ приходской жизни и дѣятельности пастырей, какъ устроителей и руководителей различныхъ приходскихъ учреждений. Православному духовенству, испытанному въ многолѣтнемъ служеніи русскому народу, не страшны рѣзкія нападки и обвиненія извѣстной части общества и печати, но ему полезно прислушиваться къ дружественному голосу свѣтскихъ писателей, совѣтамъ и руководственнымъ указаніямъ опытныхъ писателей. Во взаимообщеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣятельности и для успѣшной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями.

Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями опыта и самой дѣятельностію пастырей, журналъ въ 1905 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ свѣдѣнія въ формѣ достаточно полныхъ обзорѣній о церковной и пастырской жизни отечественной, восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквей.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ *три* тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“. Кромѣ того, въ 1905 г. редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, „*Богослуженіе Православной Церкви*“. Выпускъ 1-й. *Божественная литурія св. Іоанна Златоуста* (параллельно славянскій и русскія тексты церковныхъ молитвословій и цѣснопѣнній съ общедоступными объясненіями подъ строкой).

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи **шесть** рублей. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1905 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ Пастырей“.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 4-го ноября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 47.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, ноября 21-го.

Содержаніе: Пастыри Церкви—герои русско-японской войны.—Память о введеніи во храмъ Пресв. Дѣвы Маріи и Ея жизни въ отроческій періодъ на горѣ Моріа (изъ впечатлѣній паломника).—О нежела- тельныхъ развлеченіяхъ въ домѣ священника.—Недоумѣнные во- просы касательно повѣнчанія браковъ.

Пастыри Церкви—герои русско-японской войны.

„Война героевъ въ міръ рождаетъ славныхъ“.
Ломоносовъ.

Все болѣе и болѣе развертывающіяся событія русско- японской войны успѣли уже всѣмъ показать, что, вслѣд- ствіе новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій въ обла- сти военнаго искусства, такой, войны міръ еще не видѣлъ, равно какъ не видѣлъ еще онъ и боевого состязанія такихъ войскъ, какими заявили себя войска русскія и японскія. Передъ боями при Тюренченѣ, Цзинь-чжоу, Ва-фан-гоу, Да- шій-цао, Ляо-янѣ, Мукденѣ, передъ непрерывными ожесточен-

нѣйшими штурмами Портъ-Артура блѣднѣютъ извѣстные военной исторіи кровопролитнѣйшіе бои и самыя упорныя и отважныя штурмы. Это—эпическая борьба титановъ, а не бой обыкновенныхъ смертныхъ. Славѣ войскъ Юлія Цезаря, Суворова, Наполеона и другихъ величайшихъ міровыхъ полководцевъ сильно угрожаетъ теперь слава войскъ русскихъ и японскихъ; съ безпримѣрною доблестью севастопольскихъ героевъ соперничаетъ не менѣе безпримѣрная доблесть героевъ портъ-артурскихъ. Испытанная въ бояхъ съ многочисленными народами разныхъ странъ и покрывшая себя на пространствѣ цѣлаго тысячелѣтія историческаго существованія Россіи неувядаемыми лаврами, наша побѣдоносная армія встрѣтила въ лицѣ арміи японской достойнаго себѣ противника. Японцы не знаютъ страха смерти, какъ будто не чувствуютъ ни изнуренія, ни усталости; ихъ нисколько не смущаютъ ни рѣки крови, ни 20-30-40-50-тысячныя гекатомбы. Зато они не знаютъ и жалости, не даютъ ни малѣйшей пощады своему противнику, добывая нашихъ раненыхъ, въ особенности нашихъ безстрашныхъ казаковъ, если только самоотверженные санитары, по какому-либо несчастному стеченію обстоятельствъ, не успѣютъ подобрать ихъ съ поля битвы; не признаютъ они и принятыхъ всѣми цивилизованными націями постановленій международнаго права, разстрѣливая поѣзда Краснаго Креста, разбойнически нападая на наши суда на мирныхъ стоянкахъ до объявленія войны и въ нейтральныхъ портахъ въ разгаръ ея, передѣвая свои передовые полки въ наши солдатскія шинели и папахи, предательски пользуясь нашими сигналами и т. п. и т. п. Думаемъ—безъ преувеличенія можно сказать, что борьба съ такимъ противникомъ по силамъ только русскому побѣдоносному воинству, по плечу, какъ говорится, только русскому народу, уже одинъ разъ выдержавшему страшный натискъ тогда еще дикихъ монголовъ и закрывшему отъ нихъ своею мощною многострадальною грудью всю Европу.

Насильно навязанная намъ настоящая война, какъ видно изъ хода событій, затянется еще надолго, а уже безчисленное множество славныхъ героевъ нашихъ успѣли записать свои безсмертныя отнынѣ имена на страницы исторіи. А сколько ихъ будетъ впереди?.. Въ эту войну всѣ участники ея съ нашей стороны какъ будто соперничаютъ другъ съ другомъ въ героизмѣ, такъ что не знаешь, кому и чему больше удивляться: мудрости ли и дальновидности военачальниковъ, стойкости ли и безграничной храбрости русскаго солдата, неустрашимости ли моряковъ, самоотверженію ли и неутомимой энергіи врачей, сестеръ милосердія и санитаровъ, распорядительности ли интендантовъ и завѣдующихъ путями сообщенія, бдительности ли охранной стражи? О портъ-артурскихъ львахъ нечего уже и говорить: ихъ сверхчеловѣческіе подвиги, ихъ непрерывная денно-нощная оборона крѣпости затмятъ собою самыя славныя страницы военной исторіи всего міра...

Но что особенно отрадно—въ настоящую войну не менѣе другихъ прославились, какъ *герои* въ полномъ смыслѣ этого слова, и многіе изъ нашихъ пастырей Церкви—полковые священники и флотскіе іеромонахи. Они не ограничиваются уже только возбужденіемъ духа отправляющихся въ бой, утѣшеніемъ раненыхъ, напутствованіемъ умирающихъ, отпѣваніемъ убитыхъ, но принимаютъ, съ крестомъ въ рукахъ, непосредственное и весьма дѣятельное участіе въ самыхъ бояхъ. По заявленію генерала В. А. Романова (см. „Московск. Вѣдом.“ 1904 г., № 273), наши пастыри Церкви на театрѣ военныхъ дѣйствій—„просто святые люди, люди не отъ міра“. „Съ крестомъ они храбро идутъ впереди полка во время битвы, по окончаніи помогаютъ перевязывать раненыхъ и вообще не брезгаютъ никакою работою“. Не менѣе же лестныя, а иногда прямо восторженныя, отзывы о священнослужителяхъ дѣйствующей арміи даютъ и почти всѣ корреспонденты различныхъ газетъ.

Дорогу, такъ сказать, въ этомъ отношеніи показаль всѣмъ священнослужителямъ дѣйствующей арміи о. *Стефанъ Щербаковскій*, священникъ 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, незабвенный герой перваго же нашего сухопутнаго—Тюренченскаго боя съ японцами. Съ трогательною пастырскою скромностію самъ онъ сначала разсказаль только въ слѣдующихъ немногихъ словахъ о своемъ славномъ подвигѣ, не видя въ немъ рѣшительно ничего особеннаго, а одно лишь исполненіе долга: „Всталъ я 18-го апрѣля въ три часа ночи, зная, что бой будетъ отчаянный. Я рѣшилъ исполнить долгъ свой и показать примѣръ своею смертію. Въ четыре часа утра я помолился, составилъ завѣщаніе и сталъ въ знаменной ротѣ. Рота двинулась въ бой. Я благословилъ солдатъ и бросился впереди знамени съ крестомъ въ рукѣ. Рядомъ шель мой церковникъ Іосифъ Перчь. Пули, осколки засыпали насъ. Первой раны я не чувствовалъ, отъ второй—въ лопатку — упаль, потерявъ сознаніе. Когда я открылъ глаза, надо мною рыдалъ церковникъ. Видя меня живымъ, онъ схватилъ на руки, вынесъ съ поля и принесъ на перевязочный пунктъ; онъ—герой“ („Нива“, № 9).—Гораздо подробнѣе сообщилъ потомъ о. Щербаковскій о дѣлѣ на Ялу корреспонденту „Новостей дня“ г. Вахновскому.

11-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ стоялъ въ Тен-цзы 18 апрѣля. Затѣмъ его приблизили къ Тюренченской позиціи. Батарея Муравскаго была вызвана на позицію. 11-й полкъ въ резервѣ томился бездѣйствіемъ. Это было, по словамъ о. Щербаковскаго, самое тяжелое время; невольный страхъ закрадывался въ душу... Тутъ о. Щербаковскій набросаль въ записной книжкѣ краткое свое духовное завѣщаніе. Когда онъ взглянулъ на часы, было *три* по-полудни. Въ это время полкъ выстроился и подъ звуки полкового марша двинулся въ атаку на наступавшихъ японцевъ. О. Щербаковскій взялъ крестъ и пошелъ во главѣ стрѣлковъ. Безъ малѣйшаго колебанія шли славные стрѣлки на вѣрную смерть, въ адскомъ огнѣ, среди рвущихся снарядовъ. Потомъ,

взявши ружья на перевѣсъ, они пустились бѣгомъ. Врагъ, однако, не принялъ атаки. Передовыя японскія части, раздѣлившись, бросились въ стороны, а стоявшіе за ними резервы въ далекомъ разстояніи съ большой дистанціи открыли такой убійственный огонь, что наши ряды быстро стали таять. Видя, что имъ не добѣжать до японцевъ, стрѣлки остановились и залегли. О. Щербаковскій очутился одинъ позади опередившихъ его стрѣлковъ, которые лежа стрѣляли по японцамъ, вновь перешедшимъ въ наступленіе. Онъ говоритъ, что въ это время всякое чувство страха исчезло. Пули и шрапнель всюду сѣяли смерть. Жужжаніе пуль, гудѣніе и затѣмъ трескъ лопавшихся снарядовъ не давали никакой возможности сосредоточиться, оцѣнить опасность положенія. Чувствовалось только, что смерть кругомъ, что все неизбежно и непреодолимо, хотя и эти ощущенія были смутны и неопредѣленны. Но вотъ офицеры, еще не выбывшіе изъ строя, подняли на ноги своихъ стрѣлковъ, такъ какъ японцы снова приблизились. Полковой оркестръ выстроился и заигралъ „Боже, царя храни“. Подъ звуки народнаго гимна полки, лишившіеся уже многихъ офицеровъ, съ ружьями на перевѣсъ, снова пошли въ атаку. О. Щербаковскій, передъ тѣмъ опустившійся на колѣни, всталъ и присоединился къ полку. Тутъ, подъ звуки гимна, сигналовъ и командныхъ приказаній, въ рядахъ своихъ солдатъ, онъ началъ болѣе сознательно относиться къ окружающему. Онъ чувствовалъ, что надо идти съ своими дальше, во что бы то ни стало. Среди солдатъ о. Щербаковскій не замѣтилъ ни малѣйшаго колебанія. Стрѣлки смотрѣли только на своихъ офицеровъ и слѣпо исполняли всѣ ихъ приказанія, какъ на ученѣѣ. Только каждый, передъ тѣмъ какъ двинуться въ бой, крестился. Эту *вторую* молодецкую атаку, вѣрнѣе сказать—моментъ ея начала, о. Щербаковскій очень хорошо запомнилъ. Потомъ все какъ-то смѣшалось. Музыка тотчасъ же смолкла. О. Щербаковскій почувствовалъ сильнѣйшій ударъ въ руку и въ ногу и упалъ навзничь, потерявши сознаніе. Когда онъ потомъ очнулся,

наши отступали. Церковникъ отыскалъ о. Щербаковскаго, помогъ ему подняться и повелъ подь огнемъ назадъ. Къ нимъ присоединился стрѣлокъ охотничьей команды и также поддерживалъ по пути раненаго. О. Щербаковскій припоминаетъ, что налѣво, на высотахъ, показался какой-то баталіонъ нашихъ, какъ онъ предполагаетъ—9-го полка (предположеніе это основано на томъ, что раньше, когда 11-й полкъ былъ въ резервѣ, ближе къ нему стоялъ 9-й). Японцы сосредоточили весь свой огонь на этомъ баталіонѣ, благодаря чему остаткамъ 11-го и 12-го полковъ явилась возможность отступить по довольно крутому подъему горы, которой японцы не успѣли пока обойти. О. Щербаковскій, пройдя еще около 2¹/₂ версты пѣшкомъ, былъ перевязанъ и помещенъ въ лазаретную повозку, изъ которой потомъ пересѣлъ въ полковой экипажъ.

Другому журналисту о. Щербаковскій разсказалъ: „Меня поразила та глубокая вѣра и безстрашіе, которыя воодушевляли солдатъ. Я также не нахожу словъ, чтобы вполне выразить геройскую доблесть офицеровъ нашего 11-го полка во главѣ съ погибшимъ командиромъ, полковникомъ Лаймингомъ. Командиръ 3-го баталіона Раевскій вмѣстѣ съ своимъ баталіоннымъ адъютантомъ въ самый разгаръ сраженія обратились ко мнѣ за благословеніемъ. Потомъ я видѣлъ Расвскаго ни на минуту не терявшимъ присутствія духа и командовавшимъ громко, пока онъ не былъ сраженъ вражеской пулей. Я видѣлъ командира полка Лайминга на бѣломъ конѣ впереди, громко поощрявшаго солдатъ словами: *Братцы, впередъ!*—Часамъ къ тремъ бой усилился, перевязочный пунктъ, съ которымъ я былъ, очутился подь сильнымъ огнемъ и долженъ былъ перебѣгать съ мѣста на мѣсто. Старшій врачъ Швецовъ отличался при этомъ изумительнымъ хладнокровіемъ и самоотверженно перевязывалъ раненыхъ, не обращая вниманія на визгъ пуль. И когда уже было приказано отступать, онъ не покинулъ тяжело раненыхъ: продолжалъ перевязку и попалъ вмѣстѣ съ ними въ плѣнъ.—Когда пошли

въ атаку, то на горѣ я почувствовалъ ударъ сзади, упалъ и затѣмъ уже при перевязкѣ узналъ, что раненъ также и въ руку. Унтеръ-офицеръ Перчь, мой церковникъ, увидя меня на противоположной горѣ съ крестомъ въ рукѣ, бросился подъ градомъ пуль ко мнѣ и, несмотря на мои протесты, остался до конца со мной и перевязалъ мнѣ раны. Я доложилъ объ этомъ командующему арміей, генераль-адъютанту Куронаткину, который наградилъ Перча 100 рублями и представилъ его къ Георгію". — При вопросѣ о томъ, какое впечатлѣніе произвело на него сраженіе, какъ на человѣка мирной профессіи, симпатичное лицо о. Щербаковскаго стало вдругъ грустнымъ, и онъ, немного подумавши, сказалъ: „Впечатлѣніе ужаснаго сновидѣнія. Я видѣлъ кругомъ то, чего не должно быть среди людей.. Хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, когда въ самомъ разгарѣ битвы я наблюдалъ въ бинокль, то мнѣ представилась величественная картина презрѣнія офицеровъ и солдатъ къ смерти.. Я видѣлъ духъ человѣка, властвовавшего надъ страхомъ; я видѣлъ людей, умиравшихъ за идею“... („Кормч.“ 1904 г., № 30).

О. Щербаковскій очень скромный человѣкъ. Несмотря на молодость, онъ отнюдь не рисуется своимъ подвигомъ, и вообще вниманіе и удивленіе, которыя онъ видитъ и слышитъ отовсюду, нисколько не вскружили ему головы. Когда корреспондентъ „Новостей дня“ г. Вахнонскій низко поклонился ему и сказалъ, что въ бою 18-го апрѣля онъ сдѣлалъ рѣшительно все, что возможно и доступно въ этихъ случаяхъ для военнаго священника, о. Щербаковскій даже сконфузился. Офицеры и солдаты 11-го полка, видимо, любятъ и цѣнятъ своего „батюшку“. Въ настоящее время онъ находится въ лазаретѣ Елисаветинской общины Краснаго Креста, состоящей подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны. Здоровье его хотя и медленно, но поправляется. Вслѣдствіе большой потери крови, рана на рукѣ причиняла много хлопотъ врачамъ, такъ какъ въ ней постоянно образовывалось нагно-

ніе; при всемъ томъ, рана эта не особенно болѣзненна. Весьма значительныя страданія причиняла шрапнельная рана въ ногу и довольно опасная контузія въ бокъ. О. Щербаковскій рассчитываетъ тотчасъ же вернуться въ полкъ, какъ только оправится. На вопросъ: пойдетъ ли онъ снова въ атаку на японцевъ?— о. Щербаковскій скромно отвѣчалъ, что, если это будетъ нужно, пойдетъ:— „Вѣдь—обязанность“, присовокупилъ онъ.— Жена о. Щербаковского—также на театрѣ военныхъ дѣйствій: она состоитъ сестрой милосердія въ Портъ-Артурѣ и въ началѣ думала было, что мужа уже нѣтъ въ живыхъ, такъ какъ прошелъ слухъ, будто онъ убитъ въ сраженіи 18-го апрѣля, и вскорѣ послѣ того Портъ-Артуръ былъ отрѣзанъ; но потомъ, безъ сомнѣнія, до нея дошли подробныя вѣсти о геройскомъ подвигѣ мужа, и объ удовлетворительномъ состояніи его здоровья.

Между прочимъ, геройскій подвигъ о. Стефана Щербаковского послужилъ канвой для небольшого, но невольно захватывающаго своею жизненностью и чисто классическою простотой, разказа: „О. Иванъ 11-го полка“ (см. „С.-П. В.“). Нѣкоторыя частности и фактическія мелочи здѣсь переданы не точно, но идейная сторона подвига сохранена во всей своей неприкосновенности.

О. Іоаннъ былъ мужчина высокій, коренастый, съ открытымъ, честнымъ лицомъ, заросшимъ густою растительностью, съ громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ и широкими, размашистыми жестами. Когда онъ проходилъ по невылазнымъ дебрямъ лагерной стоянки, высоко поднимавъ черную рясу и обнажая выростковые грубые сапоги, солдатики на линіи еще издали съ какою-то особою, мягкою улыбкой говорили:

— Вонъ, пошелъ нашъ о. Иванъ!..

О. Іоаннъ мужественно шагаль черезъ грязныя лужи, вѣромъ раскидываль кругомъ воду своими тяжелыми сапогами и, улыбаясь поднявшимся ему навстрѣчу солдатамъ, зычнымъ голосомъ кричалъ:

— Здорово, ребята!.. Богъ вамъ на помощь, молодцы—Христовы воины!..

Нахохлившіеся отъ дождя лохматые стрѣлки встряхивались и бодро отвѣчали:

— Здравія желаемъ, о. Иванъ! Благословите...

И грубыя, мозолистыя ладони „ковшикомъ“ тянулись къ горячо любимому полковому священнику со всѣхъ концовъ.

— Богъ да благословитъ васъ всѣхъ, друзья... Передъ боемъ не пейте, не сквернословьте, не ссорьтесь: трудно попасть въ царство Божіе пьяному да сквернословному чело-вѣку... Помолитесь крѣпче, рубахи чистыя надѣньте, простите грѣхи другъ другу... Помните, друзья: за Русь святую бьетесь. Въ бой надо идти съ чистымъ сердцемъ, къ смерти готовымъ.

Такъ говорилъ о. Іоаннъ. И крѣпили простыя сердца, прочь отлетала жалкая робость, готовая сорваться съ языка брань замирала... И глаза уходили куда-то въ глубь, точно провидѣли близкую судьбу...

Не хорошо на Ялу... Не русская сторона—все дико... Впереди шумитъ непривѣтливая рѣка; чуть зеленѣетъ чахлая поросль... Вѣтеръ рветъ перистыя облака. Сѣрѣетъ туманная даль... Съ неба сыплется мелкій-мелкій, пропизывающій дождикъ.

Отсырѣли землянки, но терпѣливы стрѣлки: мокнуть, жмутся, ежатся,—а молчатъ.

Не великъ храмъ Божій у о. Іоанна: весь помѣстился въ одной землянкѣ. Тутъ и св. Дары, и св. Евапгеліе, и облаченіе походное да нары жесткія, наскоро сколоченныя.

— Ничего,—говоритъ о. Іоаннъ: — „въ полѣ и жукъ мясо“. На авнапостахъ стоимъ...

Свыкъся крѣпко о. Іоаннъ съ полковою жизнью. Полюбился ему 11-й полкъ, и все рѣже и рѣже воспоминается то время, когда жилъ онъ привольно своимъ домомъ въ богатомъ селѣ на Волгѣ.

Много воды утекло. Рано жену Богъ къ Себѣ призывалъ, и овдовѣвшій о. Іоаннъ опредѣлился священникомъ въ 11-й полкъ, а тамъ съ полкомъ и на войну пошелъ.

— Не оставлять же своихъ въ бѣдѣ!

Неспокойно на Ялу... Лазутчики донесли: готовится врагъ большой силой,—не нынче—завтра черезъ Ялу переваливать начнетъ. Одна армія подошла уже, другую поджидаютъ...

Нашихъ два полка всего, да отъ начальства пришелъ крѣпкій наказъ: позиціи не оставлять, передъ врагомъ не отступать, держаться стойко.

— Значить, помирать надо,—просто рѣшили стрѣлки. И рубахи чистыя стали готовить.

О. Іоанну работы по горло. Ему бы на перевязочномъ пунктѣ надо быть: раненыхъ утѣшать, умирающихъ благословлять... Но какъ слышалаь первые боевые звуки, такъ и потянуло его на линію.

— Не мертвымъ, живымъ я нуженъ,—рѣшилъ онъ:—живымъ теперь хуже, чѣмъ мертвымъ...

Жарко на Ялу... Тучей валить японецъ... Всѣ понтоны залѣпилъ народомъ. По горамъ павшихъ идетъ, силой движется...

Крѣпко держатся стрѣлки. Залпъ за залпомъ даютъ, а убитыхъ своихъ и считать перестали:—много ихъ... Только и слышать команду:

— Сомкнись! Сомкнись!..

За бугоркомъ присѣлъ о. Іоаннъ. Кругомъ пули свистятъ, снаряды съ визгомъ землю бороздятъ.

Не слышитъ бранныхъ звуковъ о. Іоаннъ:—съ Богомъ бесѣдуетъ...

— Господи! вразуми и укрѣпи духомъ недостойнаго раба Твоего!.. Помоги малымъ симъ!.. Простри благодать Твою на нихъ—неповинны они въ крови сей... Не они призвали смерть сюда, не на нихъ и грѣхъ долженъ быть... Господи!

спаси людей Твоихъ! дай силу миѣ, недостойному слугѣ Твоему, поддержать ихъ духъ!..

Мимо шарахнулась кучка солдатъ, забѣжала за бугоръ и стала.

— Командира убило! — закричалъ кто-то вдали: — носилки!

Захолонуло въ сердцѣ о. Іоанна. Крѣпко сжалъ онъ крестъ въ рукахъ. Горячую молитву шепчуть уста.

— Ротнаго убило!..

Дрогнули стрѣлки и подались назадъ.

— Японецъ обходить!.

Все смѣшалось... Врагъ кругомъ... Огрѣзаны.

Свинцовымъ огнемъ засыпаны стрѣлки.

— Съ нами Богъ! За мной, ребята!

Ахнули стрѣлки. Впереди о. Іоаннъ. И не узнать его! Высоко и ярко свѣтитса крестъ въ его рукахъ... путь показываетъ.

И за минуту передъ тѣмъ растерявшаяся, жалкая куча людей вдругъ сомкнулась въ грозную, колючую щетину.

Началась штыковая работа.

—

Кромѣ о. Стефана Щербаковского, сдѣлались уже извѣстными всѣмъ своими геройскими подвигами на театрѣ военныхъ дѣйствій и другіе пастыри Церкви, краткія сообщенія о которыхъ помѣщены на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 273). Такъ, въ Халнскомъ бою восточнаго отряда геройски павшаго на полѣ битвы графа Келлера особенно отличились врачи Тугановъ и Соболевъ и священникъ *10-го стрѣлковаго полка о. Ремизовъ*. Они подъ огнемъ безстрашно выходили за цѣпь, подбирали и перевязывали раненыхъ.

Въ срединѣ мая изъ Харькова отбылъ на Дальній Востокъ стоявшій тамъ долго на квартирахъ *122-й Тамбовскій пѣхотный полкъ*. Незадолго передъ походомъ въ эту часть

назначенъ былъ новый священникъ — о. Александръ Любомудровъ, человекъ необыкновенной энергіи и воли. Предъ выступленіемъ изъ Харькова онъ обратился съ проповѣдью къ бригадѣ, состоявшей изъ 122-го Тамбовскаго и 121-го Пензенскаго полковъ. Вдохновенное слово пастыря произвело потрясающее впечатлѣніе на воиновъ. Говорилъ онъ свою проповѣдь на площади, — говорилъ страстно, зажигая всѣхъ своимъ порывомъ, своею готовностью идти противъ врага и побѣждать. „Говорятъ, — пишетъ С. Яблоновскій („Русск. Слово“ 1904 г., № 204), — это было что-то исключительное; казалось даже, что этому человеку можно дать, вмѣсто креста, въ руки мечъ, и онъ будетъ первымъ изъ первыхъ въ бою. И когда онъ горячо призывалъ войска къ самопожертвованію, всѣ загорѣлись отъ его словъ, а одинъ солдатъ не выдержалъ и закричалъ изъ строя:

— Постараемся, батюшка!..

Черезъ два мѣсяца, 16-18-го іюля, Тамбовцы участвовали уже въ первомъ сраженіи на Юшулинскомъ перевалѣ и выдержали геройскій бой съ противникомъ, въ три или четыре раза превосходившимъ ихъ своими силами. Въ теченіе 16 часовъ полкъ оставался на позиціяхъ, отбивши врага на всѣхъ пунктахъ. Шрапнели непрерывно разрывались надъ головами героевъ, пули осыпали ихъ частымъ дождемъ, — но полкъ не уступилъ ни пяди земли, выпустилъ нѣсколько сотенъ тысячъ патроновъ, оставаясь весь день безъ ѣды. За водой спускались подъ сплошнымъ огнемъ. Командиръ лично руководилъ боемъ, оставаясь все время въ переднихъ рядахъ. — Полкъ потерялъ 5 офицеровъ убитыми и умершими отъ ранъ и 9 ранеными. Въ числѣ выбывшихъ изъ строя чиновъ полка, между прочимъ, значится: „Священникъ Александръ Любомудровъ умеръ отъ ранъ; онъ поступилъ въ Тамбовскій полкъ передъ самымъ выступленіемъ въ походъ, и *біографическихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ*“... Надѣмся, что лица, близко знавшія о. Александра Любомудрова, подѣлятся со всѣми хотя

краткими свѣдѣніями объ этомъ доблестномъ пастырѣ, собственною кровію запечатлѣвшемъ свое святое служеніе.

Болѣе *шести* мѣсяцевъ вотъ уже прошло, какъ отрѣзанъ почти отъ всего міра многострадаальный, но съ этихъ поръ бессмертный въ лѣтописяхъ всего свѣта Портъ-Артуръ. Многіе герои его извѣстны уже и по именамъ и по фотографіямъ даже малымъ дѣтямъ, но о многихъ мы узнаемъ только лишь послѣ окончанія войны, а о нѣкоторыхъ, безъ сомнѣнія, и никогда ничего не узнаемъ. Отрывочныя свѣдѣнія о жизни и изумительныхъ подвигахъ защитниковъ Портъ-Артура мы узнаемъ только изъ случайныхъ сообщеній пробравшихся черезъ тѣсное желѣзное кольцо съ опасностью жизни отважныхъ храбрецовъ да изъ краткихъ извѣстій, писанныхъ на папирсной бумагѣ и доставленныхъ тѣмъ же путемъ. Въ одномъ изъ такихъ извѣстій, между прочимъ, говорится: „Въ осажденной крѣпости находится нѣсколько священниковъ. Послѣ отбитія послѣднихъ штурмовъ, ими были отслужены благодарственныя молебствія. Во время сраженія они находятся на позиціяхъ съ крестомъ въ рукахъ и тутъ же, подъ огнемъ, напутствуютъ и причащаютъ умирающихъ“.

Когда разразилась война, должность настоятеля церкви Николаевской Академіи генеральнаго штаба занималъ *священникъ Георгій Шавельскій*. Немедленно же онъ оставилъ свое спокойное и почетное мѣсто и отправился въ дѣйствующую армію. Тамъ онъ не забылъ родной ему Суворовской церкви и, получивъ 4000 рублей за совершеніе брака гдѣ-то въ Манчжуріи, пожертвовалъ всю эту сумму на нужды академической церкви. На войнѣ, дѣля труды и опасности съ *33-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ*, въ которомъ о. Шавельскій состоитъ священникомъ, онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ бояхъ, въ томъ числѣ и въ знаменитыхъ бояхъ подъ Ва-фан-гоу и у Ляояна, при чемъ въ послѣднемъ бою былъ контуженъ.

Въ началѣ сентября скончался на полѣ брани священникъ Николай Ивановичъ *Курловъ*. Онъ былъ раньше священникомъ

Спасо-Преображенской церкви, что за Московской заставой въ С.-Петербурѣ, но при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій онъ отправился на театръ войны и здѣсь раздѣлялъ съ русскими войсками всѣ невзгоды боевой жизни. Отъ Ляо-яна войска отступали въ образцовомъ порядкѣ. Забирали раненыхъ, а полковые священники напутствовали умирающихъ—и все это подъ грохотъ и громъ артиллерійскихъ выстрѣловъ. Много нужно имѣть человѣколюбія, чтобы среди свиста пуль склоняться надъ умирающими и утѣшать ихъ предъ отходомъ въ вѣчность. Однимъ изъ такихъ человѣколюбцевъ былъ и о. Николай Курловъ, отличившійся на своемъ тяжеломъ посту 3-го сентября около Куогендзы, во время отступленія русскихъ войскъ къ Мукдену. Здѣсь онъ заболѣлъ тифомъ и скончался. Почившій былъ извѣстенъ, между прочимъ, какъ знатокъ церковнаго пѣнія. Въ этой области онъ потрудился не мало и своими критическими статьями (печатались какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и отдѣльными брошюрами), и образцами переложенія церковныхъ мотивовъ на *четыре* голоса. Смерть постигла его въ самомъ расцвѣтѣ силъ.. Добрую память оставилъ по себѣ этотъ доброволецъ-пастырь, на брани животъ свой положившій („Русск. Пал.“, № 43).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Память о введеніи во храмъ Пресв. Дѣвы Маріи и Ея жизни въ отроческій періодъ на горѣ Моріа.

(Изъ впечатлѣній паломника).

Въ бытность свою въ Іерусалимѣ въ 1899 г. мы имѣли случай посѣтить, между прочимъ, гору Моріа, на которой нѣкогда красовался храмъ Соломоновъ, разрушенный потомъ Навуходоносоромъ, царемъ Вавилонскимъ (585 г.), устроенный вновь спустя 50 слишкомъ лѣтъ Зоровавелемъ и украшенный незадолго до пришествія въ міръ Спасителя царемъ

іудейскимъ Иродомъ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, именно 18 іюня, въ 12 часовъ дня мы, рускіе богомольцы, отпра- вились въ сопровожденіи *двухъ* кавасовъ на гору Моріа, верх- няя площадь которой теперь называется *Харам-еш-шерифъ*, или просто Харамъ, что значить „благородное святилище“.

Со времени разрушенія Іерусалима и храма Іерусалим- скаго римлянами (въ 70 г. по Р. Хр.) много пронеслось по- литическихъ бурь и невгодъ надъ горой Моріа. Сначала, въ теченіе *двухъ* слишкомъ вѣковъ послѣ роковой катастрофы надъ этимъ мѣстомъ, именно разрушенія его полководцемъ римскимъ Веспасіаномъ, здѣсь были хозяевами язычники- римляне, устроившіе на горѣ Моріа капище Юпитеру; со временъ имп. Константина Великаго (312—338 г.) въ тече- ніе около 300 лѣтъ мѣсто это принадлежало христіанамъ; наконецъ, съ завоеваніемъ Іерусалима арабами (638 г.), здѣсь утвердились магометане. Съ тѣхъ поръ только на непродол- жительное время (1099—1187 г.) гора Моріа перешла было снова въ руки христіанъ-католиковъ, крестоносцевъ; остальное же время она въ теченіе около *двѣнадцати* столѣтій почти непрерывно находится въ рукахъ магометанъ. Суровые и фанатическіе послѣдователи Магомета окружили священную гору своими преданіями и долгое время не допускали сюда ни христіанъ, ни іудеевъ, и смерть угрожала тому, кто осмѣ- лился бы проникнуть внутрь храма. Только послѣ Севасто- польской войны турки стали допускать христіанъ на г. Мо- ріа и даже въ мечеть, называемую Омаровою, и то лишь въ извѣстное время и за извѣстный „бакшишъ“.

И теперь, какъ и во времена іудейскія, вершина горы Моріа представляетъ двойную четырехугольную площадь,—на- ружную, пониженную, и внутреннюю, поднимающуюся надъ первую на 3 метра высоты,—и окружена съ *четырехъ* сто- ронъ стѣнами и постройками, а посрединѣ ея возвышается красивая мечеть, называемая *Куббетъ-ес-Сахра*, или „куполь скалы“ (Омаровой называется эта мечеть неправильно). Не мало здѣсь мы видѣли и слышали диковиннаго и страннаго,

только все это мало говорить христіанскому сердцу, все носить чуждый намъ характеръ магометанскій. Страшно поразило насъ безлюдье и какая-то мертвенность на этой горѣ. Точно мы попали не на мѣсто постоянного служенія Богу, а на какое-то кладбище. А между тѣмъ, то ли здѣсь было во времена іудейскія, когда тысячи священниковъ и левитовъ служили въ ветхозавѣтномъ храмѣ Истинному Богу, и когда десятки и сотни тысячъ народа стекалось сюда не только изъ Палестины, но и изъ отдаленныхъ странъ востока, запада, сѣвера и юга на поклоненіе?.. Въ особенности въ воображеніи нашемъ рисовалось то „лѣто Господне пріятное“, когда Спаситель нашъ ходилъ здѣсь среди шумнаго собранія народнаго и проповѣдывалъ; когда еще 12-лѣтнимъ Отрокомъ поражалъ Онъ Своихъ совопросниковъ небесною мудростью; когда изгонялъ торгующихъ изъ храма; когда разоблачалъ хитросплетенія книжниковъ, фарисеевъ и соддукеевъ; когда, наконецъ, выступалъ сюда, какъ Царь новаго Израиля, *возсѣдый на жеребяти осли*, при кликахъ народныхъ: *Осанна Сыну Давидову! благословенъ Грядый во имя Господне!* Да, много разъ бывалъ здѣсь Господь нашъ, и не удивительно, если и теперь сохранились объ этомъ нѣкоторыя преданія. Но насъ поразило то, что здѣсь не умерла и память о введеніи сюда и пребываніи при храмѣ въ теченіе 12 лѣтъ Пречистой Богоизбранной Отроковицы Дѣвы Маріи. Правда, храмъ іудейскій и жилища при немъ теперь исчезли безъ всякаго почти слѣда, но замѣчательна живучесть древняго преданія объ Отроковицѣ Маріи не только у христіанъ, а и у магометанъ.

Посѣтителямъ горы Моріа въ настоящее время бросается въ глаза прежде всего красивая мечеть Куббетъ-ес-Сахра, занимающая почти средину внутренней площади Харама. Въ средніе вѣка (XI—XII в.) крестоносцы были такъ поражены изяществомъ этой постройки, что готовы были считать ее храмомъ іудейскимъ. На самомъ дѣлѣ между этой мечетью и ветхозавѣтнымъ храмомъ нѣтъ почти ничего общаго.

Храмъ іудейскій разрушенъ былъ еще римлянами такъ, что не осталось и камня на камнѣ. На его мѣстѣ сперва было воздвигнуто капище Юпитера, а потомъ, во времена христіанскія (съ IV ст. до полов. VII ст.), оно оставалось въ совершенномъ запустѣніи, согласно пророчеству Іисуса Христа. Только съ завоеваніемъ Іерусалима Омаромъ (840 г.), гора Моріа начала застраиваться; тогда была устроена и настоящая мечеть—только не Омаромъ, а, какъ полагаютъ на основаніи надписи внутри нея, халифомъ эль-Меликомъ въ 691 г. и обновлена спустя 150 лѣтъ слишкомъ халифомъ эль-Машуномъ (въ IX в.). Но, по крайней мѣрѣ, не занимаетъ ли эта мечеть того мѣста, гдѣ былъ храмъ іудейскій?—Нѣтъ, хотя несомнѣнна близость ея къ тому мѣсту. Зданіе мечети довольно красиво. Оно представляетъ правильный восьми-угольникъ, увѣнчиваемый прекраснымъ почти полу-сферическимъ куполомъ, надъ которымъ на шпилѣ высится золотой полумѣсяцъ. Снаружи мечеть обложена красивыми фаянсовыми-голубыми, зелеными и бѣлыми плитками, а ниже—мраморомъ; по карнизу вокругъ священныя мусульманскія надписи (изъ Корана). Съ четырехъ сторонъ въ мечеть ведутъ двери. Насъ ввели въ нее восточными дверями, которыя называются „Давидовыми“ (или еще—„воротами Соломоновой цѣпи“). У входа въ мечеть мы сперва должны были обуться въ туфли. У самыхъ дверей есть навильонъ, стоящій на мраморныхъ колоннахъ и выложенный мраморнымъ мозаическимъ поломъ. Сюда вынесенъ былъ цѣлый ворохъ истрепанныхъ кожаныхъ туфель со шнурками. Мы вкладывали свои ноги съ обувью въ эти туфли и предоставляли турку завязывать ихъ на ногѣ, за что платили „бакшишъ“. Затѣмъ мы вошли въ мечеть. Въ ней вокругъ *два* ряда колоннъ, расположенныхъ одинъ въ другомъ. Надъ среднею частью храма простерся громадный почти полусферическій куполь (высоты отъ полу около 30 метровъ, отъ арокъ 11 м. и въ діаметрѣ около 20 м.), утверждающійся на *четыре*хъ столбахъ и укра-

шенный изображеніями цвѣтовъ, а также надписями изъ Корана. Мечеть прекрасно освѣщена мягкимъ свѣтомъ, который льется изъ 16 мозаическихъ оконъ въ стѣнахъ и куполѣ. По самой срединѣ мечети главная святыня ея—громадный камень, окруженный бронзовой рѣшеткой. Камень этотъ неправильной формы (17, 7 м. длины, 13, 5 м. шир. и 1, 25—2 м. выс.). Сверху камень неровень, имѣеть въ однихъ мѣстахъ выпуклости, въ другихъ углубленія. Онъ играетъ важную роль въ преданіяхъ какъ іудеевъ, такъ и мусульманъ. По іудейскимъ преданіямъ, здѣсь будто бы Авраамъ и Мелхидесекъ приносили жертвы, и Авраамъ хотѣлъ даже заклать сына своего Исаака, а Іаковъ возлилъ будто бы на этотъ камень елей (вопреки Быт. 28, 19). На немъ будто бы лежалъ и ковчегъ завѣта, а потомъ подъ нимъ скрытъ этотъ ковчегъ въ пещерѣ пр. Іеремія (по 2 Маккав. 2, 5,— въ пещерѣ горы Нево)... Магометане, съ своей стороны, цѣлуютъ много диковинныхъ вещей объ этомъ камнѣ, напр., будто бы Магометъ, послѣ посѣщенія Іерусалима, съ него взлеталъ на небо на своей кобылицѣ Буракъ и мн. др. нелѣпостей. Что же на самомъ дѣлѣ означаетъ этотъ камень? чѣмъ могъ служить онъ въ ветхозавѣтныя времена?—По мнѣнію авторитетныхъ изслѣдователей горы Моріа (напр., проф. А. А. Одесницкаго, архитектора Іерусалима Шика), камень этотъ есть натуральная выдающаяся часть скалистой горы Моріа, которая служила въ древности основаніемъ жертвенника всеожженій. Хотя и теперь въ мечети можно видѣть нѣкоторые остатки украшеній храма іудейскаго, напр. — колонны и мраморные барельефы¹⁾, но эти остатки были помѣщены здѣсь при постройкѣ мечети. Самый храмъ іудейскій (т. е. святилище и св. святыхъ) отстоялъ отъ этой скалы и мечети далѣе, на нѣкоторомъ разстояніи къ западу. Ближе всего были 15 ступеней, по которымъ, согласно преданію, была

¹⁾ Такіе барельефы мы видѣли на юго-западной колоннѣ, на которой опирается куполъ, вблизи священной скалы.

введена во храмъ Пречистая Отроковица Марія. Съ юго-востока скалы внутри мечети есть дверь, ведущая въ пещеру подъ самой скалой. Туда мы спустились по 11 ступенькамъ. Пещера эта темна и совершенно пуста. Провожавшій насъ мулла сказалъ, что здѣсь жила Марія, и постоянно твердилъ намъ: „давай на масло (лампадное), давай, давай“... Однако сопровождавшій насъ кавасъ замѣтилъ: „Это—неправда; пещера эта служила мѣстомъ для стока жертвенной крови и для сбрасыванья сюда ненужныхъ остатковъ жертвы, напр.—перьевъ птицы или внутренностей животныхъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ камнѣ и теперь замѣтны углубленія, доказывающія существованіе въ древности каналовъ для стока жидкости, а вправо отъ входа въ пещеру есть отверстіе, въ которое могли быть сбрасываемы внизъ ненужныя части жертвы. Мы не станемъ здѣсь передавать разныхъ мусульманскихъ розсказней, связанныхъ съ этой таинственной пещерой, напр.—о существующемъ будто бы надъ ней колодцѣ умершихъ, которые здѣсь собираются *два* раза въ недѣлю на молитву и т. п.

Мѣстность горы къ западу отъ Куббетъ-ес-Сахра теперь почти совершенно пустая, ничѣмъ не занятая, кромѣ развѣ нѣсколькихъ навѣсовъ надъ древними цистернами по окраинѣ площади. Здѣсь-то, вѣроятно, и былъ ветхозавѣтный храмъ, т. е. святилище и св. святыхъ, и при нихъ боковыя пристройки въ *три* этажа, изъ которыхъ въ каждомъ было по 15 комнатъ. Здѣсь, въ одной изъ этихъ комнатъ, жила и Пречистая Отроковица, вблизи прообразовавшихъ Ее великихъ святыхъ Ветхаго Завѣта. Теперь все здѣсь исчезло: и святилище, и св. святыхъ, и ковчегъ завѣта, и скрижали, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и стамна золотая съ манною... Не осталось и слѣдовъ храма и святыхъ, не сохранилось, по слову Господа, и камня на камнѣ. Безмолвно и жутко здѣсь. Но намъ, христіанамъ, понятно значеніе всего совершившагося: къ чему теперь тѣнь, символы, прообразы, когда наступила самая истина? Явился Самъ *одушевленный Кивотъ*—

Божія Матерь, ставшая престоломъ Божиимъ, осѣненнымъ Божественною славою, *скрижалями*, на которыхъ отпечатлѣлся съ юныхъ лѣтъ богописанный законъ,—*жезломъ* произрастившимъ отъ Духа Святого обѣтованное Сѣмя *изъ корене Исеева*, — *стамной* нищи Божественной... Опустѣло мѣсто, гдѣ въ смиреніи росла и воспитывалась Пресв. Дѣва, но зато нынѣ во всемъ мірѣ славится имя Ея, по Ея собственнымъ пророческимъ словамъ: *се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роды.*

На горѣ Моріа есть еще другое мѣсто, съ которымъ связывается память о введеніи во храмъ Пресв. Дѣвы Маріи. Оно находится на южной окраинѣ горы. Туда, по выходѣ изъ Куббетъ-ес-Сахра, мы и направились. Пройдя среднюю площадь къ юго-востоку и спустившись по лѣстницѣ на наружную, болѣе низкую площадь горы, мы очутились передъ другою мечетью, называемой *Эль Акса* (что значить „самое отдаленное святилище“ ¹⁾). Это, полагаютъ, древняя церковь, построенная еще императоромъ Юстиніаномъ В. (въ VI в.) въ честь Пресв. Дѣвы Маріи. Одинъ изъ современниковъ имп. Юстиніанъ— писатель Прокопій подробно описалъ ее. Впослѣдствіи, говорить, халифъ Омаръ обратилъ ее въ мечеть. Съ тѣхъ поръ постройка эта испытала много перемѣнъ. Она часто разрушалась землетрясеніемъ и опять возобновляема была халифами; при ней жили и рыцари тампліеры. Мечеть эта (древняя церковь), по преданію, стоитъ надъ той дорогой, по которой вели Пресв. Дѣву Марію Ея праведные родители въ храмъ. Сперва мы посѣтили самую мечеть. Она чрезвычайно обширна (80 м. длины и 50 м. шир., не считая пристроекъ къ ней). Въ зданіи *шесть* рядовъ древнихъ разноцвѣтныхъ колоннъ и *семь* продольныхъ кораблей, съ сѣвера на югъ. Крыша двухскатная, какъ и въ Вифилеемскомъ храмѣ надъ пещерою Рождества Христова. Въ южномъ концѣ средняго

¹⁾ Такъ названа она въ Коранѣ по своей отдаленности отъ главной святыни мусульманъ—Каабы (въ Меккѣ).

корабля мечети есть куполь, но несоразмѣрно малой величины въ сравненіи съ обширнымъ зданіемъ мечети. Въ куполѣ мозаика—такая же, какъ и въ Куббетъ-ес-Сахра, съ преобладаніемъ розоваго цвѣта. Въ зданіи бросается въ глаза пустота и отсутствіе единства частей и общаго плана: видно, что послѣ времянь имп. Юстінина эта постройка испытала много передѣлокъ отъ мусульманъ. Теперь даже не замѣтно мѣста, гдѣ былъ алтарь. Все-таки и теперь здѣсь замѣтны слѣды христіанскихъ преданій, хотя и затемненные со стороны мусульманъ. Такъ, въ самомъ концѣ средняго корабля, почти подъ куполомъ, вправо отъ того мѣста, гдѣ долженъ бы быть въ стѣнѣ алтарный абсидъ (полукругъ), мы увидѣли особое отдѣленіе въ видѣ часовенки; тамъ горѣла лампадка, а подъ нею внизу лежалъ большой камень съ продолговатымъ углубленіемъ. Магометане утверждаютъ, будто это—отпечатокъ стопы Іисуса Христа, одинъ изъ двухъ, оставленныхъ Имъ на Елеонской горѣ при вознесеніи на небо (другой отпечатокъ и теперь на горѣ Елеонской, на мѣстѣ вознесенія). Ходя по обширнымъ галлереймъ и боковымъ комнатамъ этой мечети, мы встрѣтили одну комнату съ именемъ „мечети сорока мучениковъ“, другую—будто бы на мѣстѣ убіенія пр. Захаріи, сына Варахиина, хотя, по Писанію, онъ былъ убитъ не здѣсь, а дальше на горѣ, „между храмомъ и жертвенникомъ“ (Мѡ. 23, 35). У магометанъ хотя преданія и темны и не точны, но въ нихъ также бываетъ отголосокъ истинныхъ древнѣйшихъ преданій (іудейскаго и христіанскаго). Вправо отъ выше упомянутаго мѣста съ камнемъ и отпечаткомъ стопы Іисуса (вѣроятно, мнимой) тянется къ западу вдоль южнаго края наружной площади обширный и длинный двойной коридоръ съ остроконечными сводами: это теперь—мечеть для женщинъ, называемая „бѣлою“. Въ XII в. она принадлежала рыцарямъ тамплиерамъ и служила ихъ оружейною палатою и мѣстомъ орденскихъ собраній. А еще раньше, въ іудейскія времена, здѣсь и по всей южной окраинѣ горы тянулся обширный портикъ, или притворъ, называвшійся „царскимъ“ и

состоявший изъ нѣсколькихъ галлерей. Здѣсь, полагають, во времена Иисуса Христа была и обширная синагога, гдѣ за-сѣдали книжники іудейскіе, бесѣдуя между собою и съ народомъ. Здѣсь могъ быть обрѣтенъ Іосифомъ и Маріею и 12-лѣтній Отрокъ совопрошающимъ книжниковъ и удивляющимъ ихъ Своею мудростію.

Но мечеть Эль Акса (древн. церковь Пресв. Дѣвы Маріи) стоитъ лишь надъ мѣстомъ, по которому должна была пройти торжественная процессія, провожавшая Пресв. Отроковицу на священную гору. Подъ мечетью есть остатокъ древняго хода, или туннеля, черезъ который всходили на храмовую гору. Туда, по обозрѣннй мечети, намъ и предложили спуститься проводники наши. Тотчасъ по выходѣ изъ мечети мы сошли въ длинный и широкій коридоръ, понижающійся къ югу по ступенькамъ (числомъ 18) и раздѣляемый на два пролета сначала глухою стѣною, затѣмъ четырехугольными, сложенными изъ камня, колоннами и, наконецъ, цѣльными каменными столбами (монолитами). Пониже обыкновенной лѣстницы мы спустились на небольшую площадку, а затѣмъ снова шли лѣстницей о 9 ступеняхъ внизъ.—„По этимъ ступенямъ,—сказалъ нашъ кавасъ,—введена была на гору во храмъ Дѣва Маріи, сопровождаемая сонмомъ дѣвъ съ пѣніемъ и возженными свѣтильниками“... Пониже ступеней, въ самомъ концѣ подземнаго коридора, мы вошли въ залу съ четырьмя плоскими связанными въ сводахъ куполами, арки которыхъ посрединѣ утверждаются на высокой, толстой монолитной колоннѣ, принадлежащей, по мнѣнію ученыхъ (напр., А. А. Олесницкаго), несомнѣнно къ іудейскимъ временамъ. Зала теперь пуста (если не считать мусульманскаго мѣста для молитвы), а прежде (во времена византійскія и крестовыхъ походовъ) она, говорятъ, была церковью. Въ южной стѣнѣ коридора и вмѣстѣ залы имѣются остатки древнихъ воротъ, такъ называемыхъ *двойныхъ*, или, по-еврейски, воротъ *Хумьда* („воротъ туннеля“). Основаніе этихъ воротъ относится учеными еще по временамъ Соломона; послѣ этого царя они были

поддерживаемы и впоследствии царями и правителями изъ іудеевъ; при Иродѣ были обновлены. Двойныя ворота теперь задѣланы; еще и нынѣ сохранились въ нихъ *три* главныхъ столба изъ очень большихъ камней и притолоки: для поддержки притолокъ (изъ которыхъ одна, восточная, отъ нависшей на нее тяжести даже раскололась) къ нимъ поставлены еще двѣ колонны (очевидно, уже впоследствии). Ворота эти были дѣйствительно двойныя: они состоятъ изъ двухъ выходовъ, соответствующихъ двумъ коридорамъ нынѣшняго подземнаго хода. Снаружи отъ подошвы вверхъ по горѣ вела къ нимъ дорога, слѣды которой открыты въ наше время (расконками Варрена). По этому пути и чрезъ эти ворота, можно полагать, часто проходили Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Богоматерь, особенно съ праздничными процессіями. Весьма вѣроятно, что по нему именно была взведена на гору къ храму іудейскому и Богоизбранная Отроковица Марія Своими праведными родителями Іоакимомъ и Анною, сопровождаемая ликомъ дѣвъ со свѣтильниками.

Прошло девятнадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ. Смѣнилось много поколѣній. Много перемѣнъ совершилось во Св. Градѣ. Сокрушились древнія твердыни. Погибла краса священной горы Моріа. Но имя Преплагословенной Дѣвы Маріи и теперь витаетъ здѣсь, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Воистину, память Ея живетъ и будетъ жить здѣсь, какъ и во всемъ мірѣ, *въ родъ и родъ!*

II. Петрушевскій.

О нежелательныхъ развлеченіяхъ въ домѣ священника.

Едва ли будетъ ошибкою сказать, что въ настоящее время наиболѣе распространенными изъ всѣхъ развлеченій являются танцы и карточная игра. На всѣхъ балахъ, вечерахъ и вечеринкахъ молодежь обыкновенно танцуетъ, люди

болѣе солидные сидятъ за зеленымъ столомъ. Такъ проходятъ вечера и въ средѣ нашего духовенства. Святками или масленицей, когда у батюшки собираются гости, барышни и молодые люди по большей части развлекаются танцами, а ихъ родители, отцы іереи и матушки, усаживаются за карты. Иногда примѣру родителей слѣдуютъ и дѣти-подростки: они тоже составляютъ гдѣ-нибудь въ другой комнатѣ игру „по маленькой“. Сначала игра обыкновенно носитъ характеръ довольно покойный, потомъ мало-по-малу участники входятъ въ азартъ, страсти разгораются, на лицахъ появляется возбужденіе, начинается взаимное озлобленіе, зависть, нерѣдко брань и ссоры. Картина получается далеко не изъ красивыхъ.

Мы совсѣмъ не склонны считать всякое вообще развлеченіе, всякое пріятное и веселое времяпровожденіе чѣмъ-то дурнымъ; но, тѣмъ не менѣе, не можемъ не признать неумѣстности и нежелательности карточной игры и танцевъ въ домѣ священника. Конечно, если бы въ этихъ развлеченияхъ самихъ по себѣ не было ничего предосудительнаго, то они могли бы быть безъ всякихъ ограниченій допущены и въ семьѣ пастыря Церкви. Но разъ внимательное разсмотрѣніе откроетъ въ нихъ какой-либо immoralный элементъ, то мы должны будемъ признать ихъ нежелательность во всякомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ средѣ духовенства, обязаннаго своимъ поведеніемъ подавать примѣръ другимъ.

Прежде всего, танцы должны быть признаны явленіемъ далеко не высокаго качества по самому своему происхожденію. Они получаютъ начало въ томъ мірѣ мишурнаго блеска, легкомыслія и золоченаго разврата, гдѣ кажутся смѣшными всякія идеи о добродѣтели, о долгѣ, объ ограниченіи страстей, гдѣ царствуютъ веселье и чувственная красота. Центромъ, откуда исходятъ законы моды и всевозможныхъ приличій, въ настоящее время является Парижъ—этотъ городъ, не напрасно получившій названіе новаго Вавилона. Здѣсь какая-нибудь кафешантанная балерина или даже, быть можетъ, модная кокетка, граціознымъ движеніемъ ногъ полагаетъ

начало новому танцу, и вотъ „люди общества“ всего міра, подчасъ очень лѣнныя дѣлать настоящее дѣло, считаютъ непремѣннымъ долгомъ изучить новый танецъ, хотя бы это стоило денегъ и большого труда. Молодой человѣкъ, не умѣющій танцевать, считается многими погибшимъ для общества, ненужнымъ и лишнимъ въ его собраніяхъ. Отсюда, и небогатый батюшка считаетъ себя обязаннымъ тратить послѣднія деньги на обученіе дочери вальсу или мазуркѣ, введенныхъ даже въ курсъ преподаванія въ нѣкоторыхъ женскихъ духовныхъ училищахъ. Уступка времени, конечно, извинительная, но въ принципѣ необходимо признать, что тщательное стараніе усвоить какое-либо движеніе, впервые установленное лицомъ далеко не почтеннымъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто унижительное. Правда, танцы существуютъ всюду, даже въ высшихъ классахъ общества; но намъ, духовнымъ, нечего обращать вниманія на это. Тамъ, гдѣ дѣло хотя сколько-нибудь касается нравственности, мы должны идти впереди, а не слѣдовать за другими. Пусть наше духовное юношество нисколько не считаетъ себя обязаннымъ усвоивать законы моднаго свѣта, пусть неумѣнье танцевать и тому подобныя якобы отрицательныя качества не считаются недостаткомъ, — и въ этомъ проявится не бурсацизмъ и невѣжество, а духовная самостоятельность и независимость взглядовъ.

Происходящее изъ нечистаго источника уже въ силу одного этого едва ли можетъ быть чистымъ по существу. Большинство тѣлодвиженій, являющихся элементами модныхъ танцевъ, отражаетъ въ себѣ создавшее ихъ настроеніе. Всѣ они не просто граціозны и, вслѣдствіе этого, эстетически-красивы, но и обольстительны или, по крайней мѣрѣ, бьютъ на это. Нѣкоторыя же изъ нихъ прямо рассчитаны на раздраженіе чувственности. Легко догадаться, что въ этомъ именно заключается одна изъ причинъ привлекательности танцевъ для молодежи; но здѣсь же лежитъ и корень ихъ развращающаго дѣйствія на юношей и въ особенности на подростковъ.

Помимо эротичности отдѣльных тѣлодвиженій, вся структура танцевъ такова, что она легко способствуетъ возбужденію страстности и развитію флирта. Здѣсь между молодыми людьми обоюга пола устанавливается и признается дозволи- тельной такая близость, которая во всѣхъ другихъ случаяхъ считается совершенно неприличной. Если мы присоединимъ сюда возбужденіе, охватывающее танцующихъ, поднятіе ихъ нервной дѣятельности и разгоряченіе крови, то увидимъ, что изъ всего этого создается атмосфера, весьма благопріятная для развитія эротическихъ чувствованій и ощущеній. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, чтобы молодой, цвѣтущій юноша, обхватывая станъ красивой дѣвушки и прижимая ее къ себѣ, не испытывалъ въ это время никакого возбужденія; чтобы и послѣ, вспоминая этотъ моментъ, онъ не находилъ въ немъ повода къ нѣкоторымъ не совсѣмъ чистымъ пред- ставленіямъ. Если мы вчитаемся въ описаніе танцевальныхъ ве- черовъ у современныхъ беллетристовъ, то увидимъ, что въ бальной атмосферѣ, среди танцующихъ паръ, обнаженныхъ плечъ и головокружительной быстроты движеній, всего чаще происходятъ *влюбленія*, всего болѣе воспитывается любовь къ чувственности и внутреннему разврату. Обратившее на себя всеобщее вниманіе въ послѣднее время развитіе флирта между подростками (даже между дѣтми 10-13 лѣтъ) въ значитель- ной степени обязано дѣтскимъ вечерамъ и баламъ. Среди крестьянъ и вообще среди трудового класса о подобномъ явленіи не можетъ быть и рѣчи. Нѣтъ его и среди духовной молодежи. Наши семинаристы и „епархіалки“, слава Богу, развиваются гораздо болѣе нормально, чѣмъ питомцы и пи- томицы свѣтскихъ учебныхъ заведеній и до самаго вступле- нія въ бракъ сохраняютъ внутреннее цѣломудріе—это необ- ходимое условіе духовнаго и физическаго здоровья. Задача родителей въ этомъ отношеніи—не подражать людямъ свѣта изъ позорнаго благоговѣнія предъ ихъ внѣшними, мишурными достоинствами, а показывать имъ примѣръ твердой дисци- плины духа и чистоты нравовъ.

Если танцы не могут быть признаны морально безразличными съ точки зрѣнія аскетическаго принципа нравственности, то азартная карточная игра должна быть осуждена, какъ противорѣчающая альтруистическому началу—любви къ ближнимъ. При этомъ, въ защиту танцевъ все же можно привести много доводовъ, чего нельзя сказать относительно карточной игры. Какъ бы то ни было, но танцы удовлетворяютъ эстетической потребности, въ значительной степени способствуютъ физическому развитію и доставляютъ молодежи въ часы отдыха отъ тяжелаго перѣдко труда много пріятныхъ и веселыхъ минутъ. Наконецъ, самое сближеніе половъ, возникающее на канвѣ этого рода, создавая, съ одной стороны, почву, удобную для возникновенія имморальныхъ чувствованій и представлений, съ другой—даетъ возможность лицамъ брачнаго возраста лучше познакомиться другъ съ другомъ и затѣмъ, такъ сказать, реализовать возникшее чувство любви въ супружествѣ. Наоборотъ, карточная игра на деньги является безусловно безнравственной и нетерпимой въ домѣ священника, съ какой бы точки зрѣнія мы на нее ни посмотрѣли.

Но возрѣнію христіанства, съ которымъ согласно и большинство моралистовъ, сущностью нравственности является любовь къ ближнимъ, т. е. желаніе имъ того же, чего желаемъ мы сами себѣ. Противоположностью любви и вмѣстѣ съ тѣмъ основнымъ элементомъ зла логически-последовательно долженъ быть признанъ эгоизмъ, желаніе другому противоположнаго тому, что признается благомъ для себя. Чѣмъ болѣе въ отношеніяхъ между людьми личное счастье обратно пропорціонально счастью ближнихъ, тѣмъ въ большей степени эти отношенія являются ненормальными. Главное зло жизни въ томъ именно и состоитъ, что счастье однихъ людей построяется на несчастьи другихъ; что бѣдность бѣдныхъ является условіемъ богатства богатыхъ; что слезы, кровь и страданія погибающихъ составляютъ основу для благоденствія побѣдившихъ въ жизненной борьбѣ. Въ области психики при-

ходится наблюдать то же самое, что и въ области фактовъ. Мы часто желаемъ позора и страданій своимъ ближнимъ въ надеждѣ извлечь изъ нихъ для себя выгоду, часто злорадствуемъ при ихъ несчастіи въ надеждѣ урвать клочъ погибшаго для нихъ счастья для своей собственной личности. Но въ дѣйствительной жизни подобныя факты и настроенія—по крайней мѣрѣ, въ принципѣ—признаются ненормальными. Всѣ мы сознаемъ, что этого не должно быть съ идеальной точки рзѣнія, что фактъ противорѣчія между блаженствомъ отдѣльныхъ индивидуумовъ составляетъ зло и ненормальность. Наоборотъ, во время карточной игры эгоизмъ возводится въ законъ и принимается за норму. Чѣмъ хуже для тебя, тѣмъ лучше для меня,—несчастье другого нисколько не прикровенно дѣлается здѣсь условіемъ собственнаго счастья. Всѣ усилія партнера направляются къ тому, чтобы „уязвить“ противника, всякая ошибка, всякій неудачный ходъ перваго заставляютъ злорадствовать послѣдняго. Такимъ образомъ, карточная игра является школою эгоизма и въ то же время отраженіемъ, подобіемъ жизни въ ея наиболѣе отталкивающимъ моментѣ, при чемъ то, что въ дѣйствительности признается зломъ, здѣсь принимается за норму. И нельзя говорить, что карточная игра есть шутка, невинная забава, не подлежащая даже этической квалификаціи. Вспомнимъ о проигрываемыхъ состояніяхъ, о самоубійствѣ вслѣдствіе карточнаго долга. Впрочемъ, дѣло здѣсь не въ количествѣ проигрыша, а въ антиморальности того настроенія, которымъ бывають охвачены игроки. Сущность этого настроенія—злорадство съ одной стороны, зависть, злоба и ненависть съ другой. Кому не приходилось видѣть постепенное обнаруженіе страсти при азартной игрѣ отражающееся въ лицевыхъ мускулахъ, въ блескѣ глазъ и въ голосѣ? Физиономія выигрывающаго мало-по-малу принимаетъ выраженіе какого-то противнаго довольства, а иногда демоническаго злорадства, лицо проигрывающаго искажается злобой. И это настроеніе иногда остается надолго по окончаніи игры.

Могутъ сказать: карточная игра есть дѣло добровольное; рискъ здѣсь одинаковъ съ обѣихъ сторонъ, и проигрывающій самъ виноватъ, если терпитъ страданія. „Хотящему не бываетъ обиды“—*volenti non fit injuria*.— Но такъ разсуждать можно лишь съ юридической точки зрѣнія, а не съ моральной. Да и правосудіе не всегда руководствуется этимъ принципомъ. Убійство или изувѣченіе при согласіи и даже по просьбѣ жертвы признаются нашими законами за уголовное преступленіе,—и это, конечно, вполне справедливо. Нельзя судить въ данномъ случаѣ лишь съ внѣшней, формальной стороны. Вѣдь безнравственность настроенія убійцы сохраняется и въ томъ случаѣ, если онъ лишаетъ жизни другого по его просьбѣ. То же разсужденіе приложимо и къ карточной игрѣ. Пусть она происходитъ по обоюдному согласію; но вѣдь это не исключаетъ развитія во время самаго процесса игры эгоистическихъ чувствованій, злорадства, зависти и злобы? не уничтожаетъ страданій, какъ послѣдствій проигрыша? не препятствуетъ игрѣ быть школою эгоизма?— А разъ приступающій къ ней обо всемъ этомъ знаетъ, то, слѣдовательно, онъ поступаетъ безнравственно.

Главное условіе привлекательности азартныхъ игръ—это соединенное съ ними чувство риска. Послѣднее едва ли можетъ быть признано здоровымъ и нормальнымъ, каковое обстоятельство уже само по себѣ наклоняетъ вѣсы его этической оцѣнки въ отрицательную сторону. Присущій ему элементъ болѣзненности, нервности и страстности фізіологически выражается усиленнымъ сердцебіеніемъ и возбужденіемъ нервной системы. Психологически разсматриваемое состояніе можетъ быть разложено на цѣлый рядъ безконечно малыхъ моментовъ удовольствія и страданія съ необыкновенною быстротою чередующихся одинъ на мѣсто другого. Представленія возможныхъ удач и неудачъ вызываютъ соотвѣтствующія пріятныя и непріятныя эмоціи, которыя борются другъ съ другомъ, производи болѣзненную пертурбацію въ душѣ и заставляя ее находиться въ состояніи нервнаго напряженія.

Рискъ заключаетъ въ себѣ устраненіе собственной воли и разума и введеніе въ процессъ игры фаталистическаго элемента. По словамъ св. Василія Великаго, въ азартныхъ играхъ проявляется „демонъ, воспламеняющій бѣшенство“,—демонъ, „который одни и тѣ же деньги переводитъ то на ту, то на другую сторону, то одного возноситъ побѣдой, а другого погружаетъ въ уныніе, то, наоборотъ, послѣдняго дѣлаетъ гордымъ, а перваго покрываетъ стыдомъ“ („Шестодневъ“, изд. 1902 г., стр. 134). Извѣстно, что главнымъ условіемъ выигрыша или проигрыша является „счастье“. Человѣкъ отдается въ руки судьбы, говоритъ себѣ: „будь, чтò будетъ“,—и постушаетъ такъ или иначе. Обративъ вниманіе на эту сторону дѣла, мы открываемъ новое основаніе къ признанію этически-отрицательной цѣнности за карточной игрою. Однимъ изъ основныхъ требованій справедливости является то, чтобы счастье личности завоевывалось собственными усиліями, трудомъ и служеніемъ на общественную пользу. Кто не трудится, тотъ не имѣетъ права на пищу, говоритъ св. ап. Павель. По убѣжденію Фауста, являющемуся конечнымъ выводомъ изъ всей его многосодержательной жизни,

Вся мудрость въ томъ, чтобы познать,

Что тотъ свободы съ жизнью лишь достоинъ,

Кто ежедневно долженъ ихъ стяжать

(„Фаустъ“, пер. Фета, М., 1889, ч. 2, стр. 410).

А между тѣмъ, усаживающійся за карточный столъ явно идетъ въ разрѣзъ съ этимъ принципомъ. Онъ хочетъ безъ всякаго серьезнаго труда и усилія, единственно благодаря счастью или умѣнью играть (которое, конечно, нельзя признать дѣйствительнымъ достоинствомъ), получить извѣстную сумму денегъ, привимаемыхъ обычно за условіе счастья. Удачи въ игрѣ особенно развиваютъ эту привычку жить не трудясь, а вмѣстѣ съ привычкой—и превратный взглядъ, что можно пользоваться благами жизни безъ всякихъ заслугъ и усилій. Карточная игра, фатовство, донъ-жуанство, пьянство

и нравственное легкомысліе всего легче уживаются другъ съ другомъ. И если пустота жизни, отсутствіе серьезнаго дѣла, устойчивыхъ принциповъ и идеаловъ всего болѣе заставляютъ человѣка прибѣгать къ азартнымъ играмъ, то можно сказать и наоборотъ, что эти послѣднія приучаютъ его къ эгоизму, *сухосердечію*, равнодушію къ страданіямъ ближнихъ, праздности и безпечности.

Шивель Левитовъ.

Недоумѣнные вопросы касательно повѣнчанія браковъ.

Одинъ изъ священниковъ Новгородской епархіи обратился въ мѣстную консисторію съ просьбою разъяснить ему слѣдующіе недоумѣнные вопросы изъ церковной практики брака: 1) Можетъ ли заявленіе женщины до брака или во время вѣнчанія брака о томъ, что женихъ ранѣе далъ обѣщаніе жениться на ней, служить поводомъ къ отмѣнѣ или прекращенію вѣнчанія брака? 2) Какъ поступить, если женихъ послѣ домашняго благословенія, совершеннаго священникомъ, обольстил невѣсту и не желаетъ вступить съ нею въ бракъ, а проситъ священника повѣнчать его съ другою дѣвицею, обольщенная же невѣста, въ свою очередь, обращается съ жалобами и просьбами къ священнику о недопущеніи жениха къ повѣнчанію съ другою избранною имъ невѣстою?

Обсудивъ вышеизложенные недоумѣнные вопросы, Новгородское епархіальное начальство *разъяснило по первому вопросу*: Кормчая книга, гл. 50, предписываетъ останавливать вѣнчаніе такихъ браковъ, при совершеніи которыхъ откроется недостатокъ взаимнаго согласія сочетающихся; посему, заявленіе женщины, сдѣланное священнику о данномъ ранѣе ей женихомъ обѣщаніи жениться на ней, не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ, а тѣмъ болѣе къ прекращенію совершенія вѣнчанія брака съ другою невѣстою, при взаимномъ

и непринужденномъ ихъ согласіи, но по неимѣнію такого согласія между нимъ и первою его невѣстой. *По второму вопросу:*—въ случаяхъ, подобныхъ тѣмъ, какой указанъ въ вопросѣ священника, прямой долгъ пастыря кроткимъ своимъ пастырскимъ словомъ склонить жениха-обольстителя вступить въ бракъ съ обольщенной по взаимному согласію. Въ случаѣ же безуспѣшности принятыхъ къ взаимному соглашенію законныхъ пастырскихъ мѣръ, не допускать жениха къ вступленію въ бракъ съ другою избранною имъ невѣстою, при взаимномъ ихъ согласіи, несмотря ни на какія жалобы и просьбы прежней его невѣсты, священнику права закономъ *не предоставлено*, въ виду неимѣнія на то согласія ея жениха.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 14-го ноября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 48.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, 28-го ноября.

Содержаніе: Старый больной вопросъ.—Пастыри Церкви—герои русско-японской войны (окончаніе)—Какую газету выписать?—Вопросъ о второбрачїи вдовыхъ священниковъ въ „лво-путейскомъ“ освѣщенїи и рѣшенїи.—О необходимости разумной близости пастыря къ пасомымъ.—Объявленіе.

Старый больной вопросъ.

„Пойте Богу нашему... пойте всѣ
разумно“ (Цс. 46, 7—8).

Иногда случайная обстановка способна вскрыть предъ сознаниемъ больной вопросъ съ поразительною яркостью, до такой степени глубоко, что взволнованная душа мучительно и надолго поникаетъ въ тягостномъ недоумѣнїи и скорби...

Обновленный только-что сельскій храмъ въ Малороссїи сіяетъ праздничными огнями... Совершается всеобщая наканунѣ дванадесятаго праздника. Поетъ небольшой хоръ: дѣти-школьники, крестьяне-любители...

Храмъ полонъ молящихся. Плечо въ плечо стоитъ громадная толпа: женщины въ праздничныхъ малороссійскихъ уборахъ, крестьяне въ новыхъ свиткахъ, много дѣтвора...

Мѣрно раздаются возгласы батюшки, довольно стройно поетъ хоръ, довольно невнятно читаетъ немолодой дьячекъ...

Я стоялъ въ алтарѣ... „Пойте Богу нашему, пойте: пойте Цареву нашему пойте“—какъ-то особенно сильно прошесть по сердцу исаломскій стихъ... „Пойте *всѣ разумно*“, ворвалось въ душу... Въ эту минуту я окинулъ взглядомъ въ открытую дверь молящихся. Серьезныя, строгія, сосредоточенныя лица, напряженное вниманіе, истовые кресты, шепчущія молитву уста...

„Пойте *всѣ разумно*“... Но, Боже мой! разумно ли поютъ Тебѣ эти простыя души?

Жутко, тоскливо на душѣ, жалостью сжимается сердце...

Почувствовать въ часъ-другой, что не одинокъ ты въ громадномъ мірѣ, что не пылика безпомощная, что, когда сердце твое бьется отъ думъ твоихъ человѣческихъ, его біеніе сливается съ великимъ движеніемъ сердець небожителей;—почувствовать, что въ часъ твой молитвенный небо все преклоняется къ тебѣ, что тамъ, въ праведныхъ небесахъ каждый твой вздохъ, каждая слеза покаянная усчитаны, видимы, переживаются, находятъ сочувственный откликъ, потому что твоя жизнь есть лишь малая часть вселенской жизни и на землѣ и на небѣ,—какая отрада!..

И этой отрады... лишень народъ...

Идетъ вечерня, идетъ утренняя... Картина за картиной проходятъ времена ветхозавѣтныя. Творческое „да будетъ“, Духъ жизни, рѣющій надъ хаосомъ... Райское блаженство. Скорбная повѣсть изгнанія изъ рая... Тоска покаянія, жажда приблизиться, увидѣть, воспыть „осанну“ грядущему спасенію... Понять, что эта большая повѣсть есть повѣсть и твоего собственнаго блаженства, паденія и богоисканія; что все это нѣкогда пережито, выстрадано человѣческой душой въ прошлой исторіи и завершено небеснымъ прощеніемъ и тро-

тательнымъ словомъ любви: „прїидите ко Миѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ... Грядущаго ко Миѣ не изгоню вонъ“..; понять, что это завершеніе и для тебя звучить, и тебя, бѣдствующаго въ борьбѣ съ собою, готово покрыть и облобызать всякую минуту,—понять это—значить дать духу мощныя крылья орла...

И это угѣшеніе въ часъ вечерней молитвы чуждо народу!..

Но вотъ литургія... Всѣ великіе моменты величайшаго акта любви Господней къ намъ... Повѣсть страдающей грѣшной души подошла къ послѣдней главѣ. Ветхозавѣтная завѣса поднялась. Открылся міру Христосъ. Во мгновеніе часа душа окружена дивными воспоминаніями: виолеемскія ясли, Агнецъ, взявшій на Себя грѣхи міра, шествующій, какъ Чаюніе людей; Агнецъ, идущій на закланіе; голгоѣскій крестъ, погребеніе; воскресеніе; восшествіе на небо... Съ потрясающею силою врываются въ душу эти священнѣйшіе моменты дѣла Христова... Это—поучительныя воспоминанія, поднимающія душу до высоты живого созерцанія Господа-Искупителя. А на престолѣ—Самъ предложенный въ снѣдь вѣрнымъ Божественный Агнецъ...

Страшная, но и спасительная тайна! И проповѣдь спасенія, и самое спасеніе... И каждый вѣрный—участникъ этого спасенія...

Здѣсь ли мѣсто одиночеству души! О, конечно, конечно, нѣтъ... Самъ Господь среди насъ, святые съ нами, ангелы окружаютъ престолъ Господень и лица закрываютъ предъ неизреченной тайной, и съ нами поютъ „Животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь“...

Но... церковь полна... „Строгія, сосредоточенныя лица, напряженное вниманіе, шепчущія уста“... Увы! внѣ сознанія этой богобоязненной массы совершается тайна, малосознанная воспринимается ею...

Конечно, эта тысячная толпа стоит предъ Лицемъ Божиимъ не тща... Много думъ, горя, нужды, умиленного прошенія она слагаетъ предъ престоломъ Божиимъ...

Но не такъ ли здѣсь бываетъ, не очевидно ли такъ: молитва церковная совершается сама по себѣ, внутреннее молитвенное настроеніе слагается несомнѣнно подъ вдохновляющимъ вліяніемъ церковной обстановки, а вся чудная поэзія пѣнія, чтенія,—смысль богослужебныхъ дѣйствій,—священный языкъ молитвеннаго настроенія закрыты для пониманія молящихся...

Старый вопросъ. Можетъ быть, даже скажутъ: слишкомъ старый и достаточно уже „обслѣдованный“ вопросъ... Вѣрно. И все же—вполнѣ ли исчерпанный? Развѣ это вопросъ только теоретическаго рѣшенія? Это—*вопросъ жизни*; это—*дѣло*, не вопросъ, а именно отвѣтственное *дѣло* устроенія души народной. Развѣ рѣшенъ онъ, если по нему исписаны даже тысячи умныхъ страницъ?..

Тысячи разсужденій мало измѣнили дѣло, новыя тысячи—мало улучшаютъ дѣло. Остается все то же: народъ почти во всей своей много-милліонной массѣ одинокъ въ храмѣ съ своей собственной несложной молитвой... Вотъ въ чемъ-горе, вотъ въ чемъ—ужасъ!..

„Но позвольте,—съ горячностью отвѣтилъ на эти размышленія одинъ собесѣдникъ:—тогда не преступленіе ли совершаете вы, скрывая отъ народа силу и поучительность нашего богослуженія?“..

Преступленіе... Тяжкое слово!.. Слѣдуетъ, пора серьезно призадуматься надъ нимъ. Развѣ въ немъ не слышится вполнѣ справедливаго осужденія намъ, пастырямъ?..

Не разсужденія,—дѣло нужно. Народъ безмолвно просить свѣта. Надо поспѣшить къ нему на помощь, истиннымъ благодатнымъ свѣтомъ разумнаго служенія Богу осіять его жадно къ небу простирающуюся душу, пока онъ не пошелъ искать себѣ ложнаго свѣта у враговъ Церкви... „Дніе лукави суть“...

Свящ. *Евгеній Капрановъ.*

Отъ редакціи. Вполнѣ раздѣляя мысль достопочтеннаго своего сотрудника о. Е. Капралова о настоятельной необходимости притти на помощь народу, жаждущему свѣта вѣры, и оказать возможное содѣйствіе ему въ уразумѣніи смысла и значенія совершаемыхъ въ храмѣ Божіемъ священнодѣйствій и обрядовъ, Редакція предпринимаетъ съ 1905 г. изданіе, въ видѣ опыта, такого рода объясненій богослуженія Православной Церкви, которая, представляя собою популяризацию всего лучшаго, что есть въ современной литургической наукѣ по части изъясненія богослужебныхъ нашихъ чиновъ и послѣдованій, были бы доступны пониманію народа. Уповавая на помощь Божию, Редакція въ наступающемъ 1905 г. займется составленіемъ объясненій на *литургію св. Іоанна Златоустаго*.

Пастыри Церкви—герои русско-японской войны¹⁾.

(Окончаніе).

Доблестными героями заявили себя въ настоящую русско-японскую войну священнослужители изъ среды блага духовенства, не меньшею славою покрыли себя и наши флотскіе оо. іеромонахи, которымъ, нужно правду сказать, во время всякаго морского боя приходится несравненно труднѣе, чѣмъ священнослужителямъ во время боя сухопутнаго. Пока мы еще имѣемъ мало свѣдѣній о подвигахъ флотскихъ оо. іеромонаховъ; но и то, что сдѣлалось уже извѣстнымъ, невольно заставляетъ въ глубокомъ уваженіи преклониться предъ ними.

Во время извѣстнаго, имѣвшаго такой печальный исходъ для насъ, морского боя 28-го іюля Портъ-Артурской эскадры состоящій священникомъ на крейсерѣ „Аскольдъ“ о. іеромо-

¹⁾ См. № 47-й за 1904 г.

нахъ Порфирій безстрашно ходилъ по верхней палубѣ судна съ крестомъ, благословляя и воодушевляя команду крейсера.

Еще болѣе отличился состоявшій священникомъ на нашемъ погибшемъ крейсере „Рюрикъ“ о. іеромонахъ Алексій Оконешниковъ. Безыскусственный, простодушный рассказъ его (см. „Нов. Вр.“ 1904 г., № 10277) о боѣ Владивостокскихъ крейсеровъ съ эскадрой японскаго адмирала Камимуръ, о гибели злосчастнаго „Рюрика“ и о пребываніи въ плѣну у японцевъ исполненъ такого захватывающаго интереса, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести его здѣсь почти съ буквальной точностью.

Нашъ Владивостокскій отрядъ, въ составѣ трехъ крейсеровъ: „Россіи“, „Громобоя“ и „Рюрика“, вышелъ изъ Владивостока 31-го іюля, въ 5 часовъ утра, при чемъ только въ морѣ уже сдѣлалось извѣстно, что онъ идетъ на соединеніе съ Портъ-Артурской эскадрой, которая 28-го іюля должна была прорвать тѣсную и сильную блокаду адмирала Того. 1-го августа, около половины пятаго часа утра, на горизонтѣ показались *четыре* непріятельскихъ быстроходныхъ крейсера (20—22 узла въ часъ): „Изума“, „Ивате“, „Азума“ и „Токива“, всѣ вмѣстѣ въ 9750 тоннъ водоизмѣщенія. Они шли прямо навстрѣчу нашему отряду и, приближаясь, начали строиться въ кильватерную колонну, такъ что загородили нашимъ крейсерамъ путь. Подошедши на 15—20 кабельтовъ, японское адмиральское судно дало первый выстрѣлъ. „Я,— рассказываетъ о. Алексій,— ушелъ въ свое мѣсто расписанія—лазаретное отдѣленіе. Черезъ какихъ-нибудь полчаса у насъ уже была масса раненыхъ. Первымъ убитъ офицеръ К. Ф. Штакельбергъ, находившійся въ носовомъ отдѣленіи около пушекъ; вскорѣ же былъ раненъ лейтенантъ Н. Н. Хлодовскій, спускавшійся съ передняго мостика въ кормовое отдѣленіе, гдѣ въ то время случился пожаръ. Спусти еще немного времени, въ лазаретахъ уже не представлялось возможнымъ дѣлать перевязки: всѣ проходы были полны ранеными, и два доктора не успѣвали подавать помощь. Я

началь было исповѣдывать раненыхъ,—причащать ихъ не представлялось возможности—всюду было тѣсно, и я боялся пролить св. Дары“. Скоро пришлось отложить и исповѣдываніе... О. Алексій спустился въ лазаретъ, наполнилъ карманы подрясника бинтами и сталъ ходить по верхней и батарейной палубамъ и дѣлать перевязки раненымъ. Матросы бились самоотверженно; легко раненые тотчасъ же послѣ перевязки снова шли въ бой. Проходя по верхней палубѣ, о. Алексій увидѣлъ матроса съ переломленной ногой, которая чуть только держалась на кожѣ и жилахъ. О. Алексій хотѣлъ было перевязать раненаго, но матросъ воспротивился.

— Идите, батюшка, дальше, тамъ много раненыхъ, а я обойдусь, — сказалъ онъ, и съ этими словами вынулъ свой матросскій ножъ, и самъ себѣ отрѣзалъ переломленную ногу, а когда потомъ о. Алексій снова проходилъ около этого матроса, то увидѣлъ, что онъ, подперевшись какой-то палкой, наводилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пушку на неприятеля, далъ выстрѣлъ и упалъ, какъ подкошенный.

Услышавши съ батареи, что раненъ командиръ Е. А. Трусовъ, о. Алексій побѣжалъ къ нему и нашелъ его лежащимъ въ боевой рубкѣ и истекающимъ кровью. Къ счастью, по близости оказалась вода; о. Алексій обмылъ раны и перевязалъ ихъ. Въ это время крейсеромъ командовалъ лейтенантъ, старшій минеръ Н. И. Зениловъ. Наверху, на мостикѣ, происходило что-то ужасное; всѣ сигнальщики, дальномѣрщики были перебиты, палуба была полна трупами и отдѣльными оторванными частями человѣческаго тѣла. Послѣднимъ запасомъ марли о. Алексій сдѣлалъ еще нѣсколько перевязокъ и пошелъ-было вновь въ лазаретъ за марлей. „Спустился на батарейную палубу,—продолжаетъ о. Алексій свой рассказъ:—тамъ ужасный пожаръ; навстрѣчу бѣжить съ забинтованной головой лейтенантъ Постельниковъ; вдвоемъ съ нимъ мы взялись тушить пожаръ; раненые—кто ползкомъ, кто на колѣняхъ, кто хромяя—помогали и держали планги. Пожаръ удалось потушить“. О. Алексій побѣжалъ въ лазаретъ; док-

торъ, оказывается, уже распорядился унести раненыхъ въ каютъ-компанію. Наставали слишкомъ тяжелыя минуты. Приблизительно около 8 часовъ утра „Рюрикъ“ лишился возможности управляться: всѣ провода были порваны, при поворотѣ руль положили на правый бортъ, и тутъ его заклинило. Румбовое и рулевое отдѣленія были затоплены, въ каютъ-компанію—нѣсколько пробоинъ, большинства которыхъ не успѣвали задѣлывать. Воду сначала отливали, но скоро это сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Лейтенантъ Зениловъ былъ раненъ въ голову, и въ командованіе крейсеромъ вступилъ лейтенантъ К. П. Ивановъ 13-й. Вдругъ съ мостика пришла вѣсть, что одинъ изъ непріятельскихъ крейсеровъ выбылъ изъ строя. Умирающій лейтенантъ Хлодовскій крикнулъ „ура“, которое тотчасъ же было подхвачено командой, и всѣ стали еще дружиѣе работать. „Все время,—по словамъ о. Алексія,—особеннаго замѣшательства не замѣчалось, побуждать кого-либо не было нужды; всѣ держались хладнокровно, работали превосходно и стойко, криковъ и шуму не было, слышались только стоны умирающихъ и раненыхъ. Хлодовскій лежа все время пѣлъ „*Боже, царя храни*“ и посылалъ о. Алексія ободрять команду. Трусова скоро не стало: непріятельскій снарядъ попалъ въ грибъ боевой рубки, и Трусова совсѣмъ разнесло. Большинство орудій было подбито, но стрѣлять не переставали. Въ *девятомъ* часу „Громобой“ и „Россія“ пытались всячески спасти „Рюрика“. Съ этою цѣлью они подходили къ находившемуся въ крайне критическомъ положеніи сотоварищу, принимали на себя сосредоточенный огонь непріятельскихъ судовъ,—но ничего уже нельзя было сдѣлать. Убѣдившись въ полной безпомощности „Рюрика“ и желая спасти другіе *два* крейсера отряда, адмиралъ поднялъ сигналъ: „Крейсерамъ полный ходъ“—и направился къ Владивостоку; въ погоню за „Россіей“ и „Громобоемъ“ бросились *три* японскихъ крейсера. На „Рюрикѣ“ къ этому времени были убиты мичманы—Платоновъ и Плазовскій, тяжело раненъ Ханьковъ, ранены: лейтенанты—Постельниковъ и Бергъ,

мичманы—Ширяевъ и Терентьевъ, штурманскій капитанъ Саловъ и старшій докторъ Салуха; младшаго доктора Брауншвейга тяжело ранило осколками снаряда, попавшаго въ лѣвый минный аппаратъ, на глазахъ о. Алексія, а его самого почти въ тотъ же моментъ отбросило съ такою силой, что онъ пробилъ головой парусинную переборку каютъ-компани и отъ ушиба потерялъ сознание. Сколько времени былъ онъ въ безпамятствѣ, о. Алексій этого не знаетъ. Но вотъ онъ пришелъ въ себя, поднялся и отправился наверхъ. Убитыхъ было уже такъ много, что по палубѣ приходилось пробираться съ трудомъ, строевыхъ оставалось мало. Лейтенантъ Ивановъ 13-й послалъ барона Шиллинга приготовить все для взрыва крейсера. О. Алексій побѣжалъ въ кормовое отдѣленіе. Здѣсь *два* или *три* комендора стрѣляли изъ одного орудія; снаряды подавать было некому, и о. Алексій принялся помогать комендорамъ. Лейтенантъ Ивановъ 13-й, узнавши, что взорвать крейсера нельзя, такъ какъ уничтожены всѣ провода, отдалъ приказъ немедленно открыть книгстоны и распорядился выносить раненыхъ, привязывать ихъ къ койкамъ и спускать за бортъ. Тогда о. Алексій поспѣшилъ къ умирающимъ, чтобы исповѣдывать ихъ. О частной исповѣди, разумѣется, нечего было и думать; началась общая исповѣдь среди множества труновъ, среди массы оторванныхъ человѣческихъ рукъ и ногъ, среди крови и стоновъ. Исповѣдь, по словамъ о. Алексія, „была потрясающа: кто крестился, кто протягивалъ руки, кто, не будучи въ состояніи двигаться, смотрѣлъ“ на него „широко раскрытыми полными слезъ глазами... Картина была ужасная“... Между тѣмъ, крейсеръ все бодѣе и бодѣе погружался въ воду. Когда о. Алексій вышелъ на верхнюю палубу, на водѣ было много уже плавающихъ. Лейтенантъ Ивановъ 13-й передалъ ему спасательный кругъ и совѣтовалъ какъ можно скорѣе оставить крейсеръ. О. Алексій сталъ раздѣвать тяжело раненыхъ Ханыкова и Зенилова. Умирающій докторъ просилъ не спасать его.

— Все равно, не буду человѣкомъ, — сказалъ онъ:— пусть я погибну за отечество. Раздѣвши офицеровъ, о. Алексій сталъ раздѣваться и самъ. Рядомъ съ нимъ обвязывался койкой старшій механикъ Ивановъ 6-й.

— Пойдемъ погибать вмѣстѣ,—сказалъ ему о. Алексій.

— Нѣтъ, батюшка, я плавать не умѣю, пойду лучше погибать на своемъ посту,—рѣшилъ онъ и отбросилъ отъ себя койку.

О. Алексій бросился послѣ этого въ воду. Кругъ его перехватилъ тонувшій матросъ, и о. Алексій началъ было уже опускаться на дно, но вскорѣ вынырнулъ и увидѣлъ около себя плавающую койку, за которую и ухватился. Около него *шесть* матросовъ, почти всѣ раненые, держались за доску; нѣкоторые изъ команды стали подплывать къ нему и, узнавши, что у о. Алексія сводить ноги, подали ему плававшую неподалеку дощечку, которую онъ и подложилъ себѣ подъ спину, чтобы имѣть возможность двигать ногами. Судороги прошли. О. Алексій сталъ держаться противъ теченія. Японскія суда были довольно далеко. Скоро „Рюрикъ“ началъ „сидиться“: носъ его приподнялся такъ, что виденъ былъ киль. „Одно мгновеніе,—говоритъ о. Алексій,—и не стало нашего красавца и дѣдушки *Рюрика*, какъ мы всѣ называли свой крейсеръ. Странное, щемящее чувство овладѣло мною; я плакалъ, какъ дитя; но, пересиливъ (себя), крикнулъ *ура*, за мной последовали другіе,— и море разъ *десять* огласилось этимъ крикомъ“. Въ это время подошли ближе *три* японскихъ крейсера 2-го ранга и *пять* миноносокъ, къ нимъ присоединились крейсера, погнавшіеся было за „Россіей“ и „Громобоемъ“. Всѣ они стали спускать шлюпки и подбирать плававшую во всѣхъ направленіяхъ команду „Рюрика“. О. Алексія сперва взяли на миноноску, а потомъ повезли на „Азуму“. На палубѣ „Азумы“ успѣли уже почти все привести въ порядокъ и строили рядами нашихъ плѣнныхъ матросовъ, которые недоумѣвали, чтò съ ними хотятъ дѣлать. Со-

образивши, что японцы имѣютъ въ виду пересчитать плѣнныхъ, о. Алексій командовалъ русскимъ матросамъ:

— Стройся по четыре въ рядъ!

Всѣхъ плѣнныхъ оказалось 120 человекъ. О. Алексій кое-какъ по-англійски объяснилъ, кто онъ такой; хотѣлъ было указать при этомъ на волосы, но, дотронувшись руками до головы, увидѣлъ, что они всѣ опалены. Скоро плѣнныхъ повели въ жилую палубу; о. Алексію дали офицерскую каюту и предложили ванну. Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ голову и рану на ногѣ, сдѣлалъ перевязку и посоветовалъ совсѣмъ остричь волосы. На крейсерѣ оказался превосходный цирюльникъ—японецъ, жившій раньше во Владивостокѣ. Затѣмъ о. Алексію принесли матросское платье и пригласили къ командиру „Азумы“, капитану Фюджи, который почему-то оказался съ нашимъ орденомъ св. Анны 2-й степени. При входѣ въ каюту, о. Алексій поклонился капитану, но Фюджи съ самымъ серьезнымъ видомъ указалъ на висѣвшій тутъ же портретъ микадо; пришлось поклониться и микадо. Послѣ этой церемоніи капитанъ пригласилъ о. Алексія къ столу, уставленному виномъ, фруктами, сигарами, папиросами и кофе.

— Куда вы шли?—спросилъ по-англійски капитанъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ о. Алексій.

Капитанъ не настаивалъ, продолжалъ задавать другіе вопросы и рассказалъ о боѣ нашей эскадры подъ Портъ-Артуромъ. При прощаніи онъ предложилъ о. Алексію офицерскій костюмъ и неизмѣнную у японцевъ пачечку бумаги. Немного времени спустя, о. Алексій присутствовалъ на операціи, сдѣланной *двумъ* русскимъ морякамъ, а затѣмъ и на похоронахъ одного нашего матроса. Похороны происходили на верхней палубѣ, на которой собрались японскіе матросы и наши, уже одѣтые въ чистое японское платье. Командиръ крейсера былъ въ мундирѣ. О. Алексій совершилъ краткую литію, японцы дали *три* залпа,—и тѣло матроса, скончавшагося передъ самой операціей, спустили въ море. Послѣ

похоронъ о. Алексій обратился съ словомъ утѣшенія къ русскимъ матросамъ и напомнилъ, что имъ, какъ нижнимъ чинамъ, ничего не слѣдуетъ отвѣчать на разспросы японцевъ. Проходя затѣмъ мимо командира крейсера, русскіе моряки отдали Фюджи честь; о. Алексій съ своей стороны счелъ долгомъ поблагодарить за почести, оказанныя нашему умершему матросу.

— Мы храбрыхъ уважаемъ,—отвѣтилъ на это Фюджи.

Все только-что описанное происходило на пути въ Сасебо. Не доходя до Симоносекъ, миноноски и минные крейсера получили какое-то приказаніе, а „Азума“ около 8 часовъ вечера сталъ на якорь въ проходѣ въ Сасебо. „Часовъ въ девять выхожу,—продолжаетъ свой разсказъ о. Алексій,— въ коридоръ, и, къ своему изумленію, встрѣчаю здѣсь капитана Салова и *двухъ* нашихъ чиновниковъ—комиссара и шкипера, старика Анисимова, державшаго на своей груди икону Спасителя, которою я благословилъ на *Рюрикѣ* умирающихъ: Анисимовъ подобралъ ее на водѣ. Встрѣченныя мною лица, какъ оказывается, путешествовали съ одного крейсера на другой и попали, наконецъ, на *Азуму*“.—Къ утру наши плѣнные подошли въ Сасебо и часовъ въ девять стали собираться на шлюпку; тутъ же везли нашихъ плѣнныхъ и съ другихъ крейсеровъ. Среди нихъ рѣзко выдѣлялся баронъ Шиллингъ, одѣтый въ одно только нижнее бѣлье: вслѣдствіе большого роста барона Шиллинга, у японцевъ не нашлось для него подходящаго платья. Плѣнныхъ высадили на берегъ; любопытныхъ было мало. Офицеровъ, среди которыхъ, кромѣ названныхъ выше, были еще: лейтенантъ Ивановъ 13-й, мичманъ Терентьевъ, прапорщикъ Орашидши и инженеръ-механикъ Денъ, повели въ морскія казармы, довольно чистое помѣщеніе которыхъ было уставлено кроватями съ пологами, но безъ подушекъ. На слѣдующее утро лейтенанту Иванову 13-му велѣно было составить списокъ военно-плѣнныхъ; ихъ оказалось 604 человекъ, включая въ это число и раненыхъ (убитыхъ на „Рюрикѣ“ было 192 человекъ, раненыхъ—230,

изъ нихъ тяжело—33 человекъ; изъ числа 374 здоровыхъ, строевыхъ на крейсерѣ къ концу боя оставалось всего около 100 человекъ). На четвертыя сутки всѣхъ нашихъ офицеровъ вызывали поодиночкѣ къ начальнику штаба въ Сасебо, гдѣ производили различные разспросы.— Жизнь въ Сасебо для нашихъ плѣнныхъ офицеровъ была довольно тягостною: кромѣ неотлучно находившагося при нихъ японскаго офицера, къ дверямъ казармы приставлены были часовые, ни на минуту не спускавшіе съ нихъ глазъ; на дворѣ, у выхода, также были поставлены часовые. Японцы зорко слѣдили буквально за каждымъ шагомъ плѣнныхъ. По утрамъ ихъ ежедневно посѣщалъ докторъ. Бумаги и карандашей, а тѣмъ болѣе газетъ, имъ не давали; въ пицѣ старались приспособляться къ русскому столу и вообще кормили довольно сносно. На пятый день вызвали въ штабъ и о. Алексія. Въ штабѣ, на разспросы адмирала о военномъ положеніи Владивостока, о нашихъ походахъ и судахъ, о. Алексій, пользуясь своимъ духовнымъ саномъ, не отвѣчалъ; адмиралъ извинился, что, за неимѣніемъ другого помѣщенія, держитъ его вмѣстѣ съ плѣнными. При прощаніи о. Алексій обратился къ адмиралу съ просьбой, нельзя ли хоронить нашихъ умирающихъ въ Нагасаки, гдѣ есть русская церковь, и гдѣ о могилахъ ихъ будутъ знать соотечественники.

— Объ этомъ именно я и хотѣлъ съ вами посоветоваться,— сказала адмиралъ:— Сасебо—закрытый портъ, хоронить здѣсь не удобно.

По возвращеніи къ офицерамъ, о. Алексій сообщилъ имъ свое предположеніе, что его, вѣроятно, скоро отдѣлятъ, а то, можетъ быть, и совсѣмъ вышлютъ изъ Сасебо, при чемъ сказала, что одинъ онъ не вернется въ Россію. Лейтенантъ Ивановъ 13-й тотчасъ же собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшили, что о. Алексію непременно надо ѣхать и какимъ бы то ни было способомъ доставить донесеніе по начальству. Въ ту же ночь лейтенантъ сталъ писать краткое донесеніе. У кого-то случайно оказался карандашъ, а о. Алексій вспо-

мнилъ при этомъ о пачечкѣ бумаги, подаренной ему капитаномъ „Азумы“. Донесеніе составляли, лежа въ постели; о. Алексій помѣстился справа отъ Иванова, а баронъ Шиллингъ—слѣва, и оба исполняли роль караульныхъ, стараясь, при каждомъ появленіи у дверей часового, всячески замаскировать свое занятіе. Къ *четыремъ* часамъ утра донесеніе было готово, и о. Алексій положилъ его въ вату, которою прикрылъ рану на своей ногѣ, и затѣмъ забинтовалъ марлей. На другой день утромъ пришелъ докторъ дѣлать перевязку; ему помогали фельдшеръ. О. Алексію разбинтовали ногу; онъ какъ бы нечаянно завѣтнюю вату бросилъ подлѣ себя. Рану промыли, и о. Алексій попросилъ новой ваты.

— Да вѣдь эта совсѣмъ чистая,—сказалъ фельдшеръ, подавая прежнюю вату.

Донесеніе, такимъ образомъ, осталось не замѣченнымъ; не нашли его и послѣ, когда о. Алексію объявили свободу и тщательно обыскивали при этомъ, а также и на пароходѣ изъ Сасебо въ Нагаски.—Грустно было о. Алексію разставаться съ своими, тѣмъ болѣе, что при прощаніи даже запретили разговаривать съ ними. Затѣмъ о. Алексія подъ конвоемъ отвели на пристань и посадили на маленькій пароходикъ, и только въ пути уже онъ узналъ, что ѣдетъ въ Нагасаки. „Этого грустнаго путешествія, — говоритъ о. Алексій,—мнѣ не забыть во всю свою жизнь: среди чужихъ людей, не говорящихъ даже по-англійски, рядомъ съ *четырьмя* гробами русскихъ матросовъ, я, священникъ, сидѣлъ въ японскомъ костюмѣ и кенкѣ. Угнетающее, тяжелое чувство; слезы лились сами“. Въ Нагасаки о. Алексія направили къ французскому консулу, который встрѣтилъ его очень любезно и увѣдомилъ, что на слѣдующій день предстоятъ похороны русскихъ матросовъ.—Отпѣваніе происходило въ японскомъ храмѣ Шинто, куда о. Алексія съ гробами покойниковъ перевезли на катерѣ черезъ рейдъ. Въ присутствіи французскаго консула, губернатора Нагасаки, полиціймейстера и роты съ военнаго японскаго корабля *три* ихъ священника по обряду

Шинто стали отпѣвать нашихъ матросовъ, говорили рѣчи. На могилѣ отпѣлъ покойниковъ уже самъ о. Алексій, надѣвши, поверхъ бывшаго на немъ японскаго костюма, епитрахиль и ризу, добытыя въ русской часовнѣ. Послѣ панихиды онъ сказалъ и съ своей стороны рѣчь по-русски; рѣчь тотчасъ же перевели японцамъ, и они остались, видимо, довольны.—Въ Нагасаки о. Алексій пробылъ *девять* дней въ ожиданіи парохода—и все съ донесеніемъ на ногѣ; тайная японская полиція не оставляла его ни на минуту. При отъѣздѣ въ Шанхай ему дали 35 руб. на билетъ. „Въ Шанхаѣ,—заканчиваетъ свой въ высшей степени интересный рассказъ о. Алексій,—къ моему несчастью, всѣ принимали меня за японца: я происхожу изъ сѣверныхъ инородцевъ-якутовъ, и типъ мой могъ дѣйствительно ввести въ заблужденіе. Встрѣча съ адмираломъ Рейценштейномъ, попавшимъ сюда на *Аскольдъ*, прекратила мои мытарства. Ему я передалъ свое донесеніе, а въ мѣстныхъ англійскихъ газетахъ съ моихъ словъ написали правду о *Рюрикѣ*“. — 19-го сентября о. Алексій выѣхалъ изъ Шанхая, а 7-го октября былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ удостоился всемилостивѣйшаго представленія Государю Императору.

Мы представили свѣдѣнія о тѣхъ доблестныхъ подвигахъ пастырей Церкви, которые (подвиги) сдѣлались уже достояніемъ печати. А сколько ихъ остается и останется не извѣстными?.. Отраднo за русскаго солдата, который видитъ въ настоящую войну въ лицѣ своихъ пастырей не только молитвенниковъ и духовныхъ руководителей и утѣшителей своихъ, но и высокіе образцы чисто воинской доблести. Такое безпримѣрное поведеніе пастырей Церкви невольно отгѣняетъ ту сторону, ту особенность русско-японской войны, что она есть война не только за Царя и отечество, но и за *вѣру православную*; она по преимуществу можетъ быть названа *священной* по тѣмъ сокровенно-внутреннимъ побужденіямъ, которыя Самимъ Богомъ положены въ основу неизбѣжности веденія ея. „Этою войною впер-

вые рѣшается отчасти тотъ великій міровой вопросъ, который нѣкогда, по откровенію свыше, былъ намѣченъ спасшимся отъ всемірнаго потопа патриархомъ Ноемъ, когда онъ, благословляя передъ смертію своихъ сыновей, сказалъ среднему изъ нихъ—Іафету: *Да распространитъ Богъ Іафета, и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ; Ханаанъ же будетъ рабомъ ему* (Быт. 9, 27). Мы, іафетиты, неисповѣдими судьбами Промысла Божія теперь поставлены на первое мѣсто, чтобы исполнить волю закона Божія о народахъ Востока и защитить непреложность пророчества. Теперь происходитъ борьба *двухъ* народныхъ расъ—бѣлой европейской и желтой азіатской; рѣшается вопросъ: кто долженъ первенствовать на Дальнемъ Востока—непочтительный ли Хамъ, или же богобоязненный и снисходительно-человѣколюбивый Іафетъ; народы ли языческаго Востока, имъ же число тьмы темъ, или же мы, наслѣдники *шатровъ Симовыхъ*, т. е. наслѣдники Божія обѣтованія о спасеніи рода человѣческаго? Глубоко, поэтому, вѣримъ, что Господь не посрамитъ насъ, исполнителей Его святой воли въ настоящей войнѣ“ (Херс. еп. вѣд. 1904 г., № 20, стр. 491—492). Эту же особенность настоящей русско-японской войны отмѣчаютъ и лучшіе представители западно-европейскаго общества. Такъ, „Gaulois“, одна изъ серіознѣйшихъ парижскихъ газетъ, въ № отъ 15-го октября говоритъ: „Русскіе солдаты бьются за честь русскаго оружія и умираютъ, думая о благѣ родины. Мы, французы, должны съ благоговѣніемъ чтить память этихъ безыменныхъ героевъ, которые *своею кровью защищаютъ нашу старую европейскую цивилизацію* противъ возродившагося варварства желтолицыхъ Дальняго Востока. *Русскіе солдаты являются нынѣ авангардомъ европейско-христіанской цивилизаціи*. Они своею жизнію платятся за то, что ясно показываютъ намъ, въ чемъ состоитъ желтая опасность“. Японцы уже множество разъ успѣли показать, что европейская цивилизація коснулась ихъ только внѣшней своей, технической, такъ сказать, стороной. Въ одномъ изъ сентябрьскихъ №№ издавав-

шейся до послѣднихъ почти дней въ Портъ-Артуръ газеты „Новый Край“ читаемъ: „Цивилизованность Японіи—одинъ изъ тѣхъ мыльныхъ пузырей, что очень красивы, пока не лопнули, и отъ которыхъ ровно ничего не остается потомъ. Мы воюемъ съ варварами. Европѣ остается только констатировать этотъ несомнѣнный фактъ, когда война будетъ окончена. Свѣтъ цивилизаціи не только не проникъ въ народныя массы, но заимствованный блескъ ея соскакиваетъ скоро даже и съ культурныхъ слоевъ японскаго высшаго общества, къ которому, конечно, принадлежатъ всѣ графы, бароны и маркизы, стоящіе во главѣ японскихъ войскъ. Настоящій азіатецъ, звѣрскій, жестокій, безчеловѣчный сказывается въ нихъ. Что таковы всѣ эти графы и бароны, мы теперь видимъ здѣсь, подъ Портъ-Артуромъ“.—Кичливо драпируясь въ эффектныя складки европейской цивилизаціи, они въ особенности послѣднимъ своимъ поступкомъ, увѣковѣченнымъ ими же самими въ тысячахъ фотографическихъ снимковъ, показали и доказали предъ цѣлымъ свѣтомъ, что азіатское варварство—ихъ родная стихія, изъ которой они не выйдутъ еще долго, по крайней мѣрѣ—до тѣхъ поръ, пока вѣра Христова не озаритъ ихъ своимъ всеильнымъ свѣтомъ, и животоворящая любовь христіанская не согрѣетъ и не смягчитъ озвѣрѣлыхъ душъ, окаменѣлыхъ сердецъ: „...Японскія власти въ Корей совершаютъ положительно звѣрства,—читаемъ въ телеграммѣ С.-Петербуржскаго телеграфнаго агентства изъ Шанхая отъ 28-го октября:—*трое* корейцевъ, обвиненныхъ въ покушеніи на порчу желѣзной дороги около Сеула, *распяты на видныхъ мѣстахъ на крестахъ. Ихъ подвергли разстрѣливанію отдѣльными выстрѣлами съ длинными промежутками для снятія съ нихъ фотографій. Одного несчастнаго, не умершаго послѣ седьмого выстрѣла, докололъ японскій жандармъ. Фотографіи звѣрства продавались открыто въ Сеулъ до тѣхъ поръ, пока японскій посланникъ въ Корей, испугавшись произведеннаго на иностранцевъ впечатлѣнія,*

не запретилъ продажи. Въ этой новой Голофъ слѣдуетъ видѣть продолженіе глумленія надъ христіанствомъ и бѣдами. Есть свѣдѣнія, что нѣсколько десятковъ подобныхъ казней продѣлано на линіи Сеулъ-Фузанъ, на глазахъ иностранцевъ...“

Нужно ли да и можно ли прибавить еще что-либо къ этому?—Великій крестъ несетъ теперь на себѣ народъ русскій; неизреченно великая радость подана была въ свое время міру крестомъ!.. Будемъ вѣрить и надѣяться!..

Какую газету выписывать?

(Братьямъ-сопастырямъ).

„Внемли чтенію“ (1 Тим. 4, 13)

Паступаетъ пора подписки на газеты и журналы, и каждый № періодическаго изданія на послѣднихъ страницахъ помѣщаетъ объявленія, одно другого заманчивѣе. Тенденція почти всѣхъ этихъ объявленій та, чтобы предложеніемъ возможно большаго количества печатнаго матеріала за возможно дешевую плату заманить, такъ сказать, подписчика на удочку выгоды. Подписчикъ легко идетъ на эту удочку, и потому мы видимъ, что наибольшее распространеніе имѣютъ тѣ изданія, которыя предлагаютъ наиболѣе выгодныя съ коммерческой точки зрѣнія условія. Это и понятно. Русскій подписчикъ, даже образсванный, въ большинствѣ случаевъ, беретъ то, что ему даютъ, лишь бы оно было подешевле; рѣдко онъ избираетъ для выписки изданіе по строго обдуманному основанію. Объясняется это явленіе недостаткомъ въ нашемъ читающемъ обществѣ установившагося, выработаннаго міровоззрѣнія, большимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ которому опредѣлялся бы для читателя выборъ того или иного изданія. Казалось бы, духовенство должно составлять въ этомъ случаѣ исключеніе, такъ какъ врядъ ли другой классъ читателей

обладаетъ такимъ строго опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, какъ духовенство. На нашъ взглядъ, однако, и среди нашего сословія далеко недостаетъ должнаго отношенія къ тому, что оно читаетъ. Мы въ особенности имѣемъ въ виду газету. Газета оказываетъ громадное вліяніе на весь строй мыслей читателя. Частое, а тѣмъ болѣе—ежедневное, общеніе съ извѣстнымъ лицомъ, особенно превосходящимъ насъ силою духа или обладающимъ авторитетомъ, приводитъ къ большому или меньшему родству нашего міросозерцанія и настроенія съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ этого лица. Въ этомъ заключается сила вліянія на насъ среды: „съ преподобнымъ преподобенъ будеши, со строптивымъ развратишия“; „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ“. Газета именно является ежедневнымъ нашимъ собесѣдникомъ, притомъ такимъ, который заставляетъ насъ слушать себя, не отвѣчая на наши вопросы, и говоритъ намъ только то, что захочетъ, а не то, что намъ хотѣлось бы услышать. Большинство читателей не способно критически отнестись къ тому, что внушаетъ этотъ безмолвный собесѣдникъ, и для такихъ читателей газета является несомнѣннымъ авторитетомъ. Запросъ на газету возрастаетъ у насъ быстро; кругъ читателей расширяется, захватывая и низшіе слои народа, до простаго крестьянина включительно. Издатели идутъ навстрѣчу этому запросу, все болѣе и болѣе понижая подписную цѣну. Давно ли единственнымъ, кажется, органомъ (о спеціальныхъ изданіяхъ не говоримъ) съ подписной цѣною 1 руб. въ годъ былъ „Сельскій Вѣстникъ“? Почти не было изданій дешевле 4 руб. въ годъ. Въ настоящее же время такія изданія можно считать чуть не десятками. Вообще, является фактомъ несомнѣннымъ, что распространеніе газеты идетъ у насъ быстрыми шагами, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаетъ и ея вліяніе на общество. Съ другой стороны, для всякаго внимательнаго наблюдателя современной общественной жизни очевидно, что нынѣшнее время—время особенно углубленной работы мысли надъ идеалами, которыми до сихъ поръ жило обще-

ство,— время нарождающихся *настроений*. Среди новыхъ вѣяній сильно заявляетъ себя, между прочимъ, и стремленіе къ усвоенію христіанскаго вѣроученія и построенія на началахъ его жизни общественной. Но стремленіе это далеко не всегда приводитъ въ ограду св. Церкви и имѣетъ своимъ результатомъ построеніе жизни именно по укладу церковному. Напротивъ, большинство ищетъ христіанства безцерковнаго и стремится на „новые пути“. Христіанство превращается у большинства новаторовъ въ одно чисто моральное ученіе. Требования св. Церкви замѣняются у большинства интеллигентнаго общества началами *гуманности*,— понятія туманнаго, понимаемаго, чаще всего, въ смыслѣ сердечности, не регулируемой какими-нибудь опредѣленными принципами, и *свободы*, понимаемой въ смыслѣ необязательности никакихъ авторитетовъ и полнаго произвола. На почвѣ этихъ *двухъ* общихъ началъ сходятся разнообразныя теченія религіозно-раціоналистическаго, національно-сепаратистскаго и соціально-экономическаго характера. И изобрѣтатель „новаго“, исправленнаго христіанства, и буддистъ, и сектантъ, и инородецъ, мечтающій о политической самостоятельности, и республиканецъ, и социалистъ, и просто поклонникъ чистой науки— все эти и другія разновидности вышшняго интеллигента согласятся всегда во враждѣ къ Православной Церкви, почти всегда— въ отрицаніи самодержавной власти и очень перѣдко— въ презрѣніи ко всему истинно-русскому. Не хотимъ этимъ сказать, что таково все интеллигентное общество; слава Богу, знаемъ мы такихъ интеллигентовъ, для которыхъ все указанная начала святы, но едва ли ошибемся, если скажемъ, что не эти, сравнительно рѣдкіе, представители интеллигенціи даютъ тонъ ея жизни. Посмотрите кругомъ: упадокъ воспитанія въ нашей средней и высшей школѣ; разнузданныя безчинства студенческой молодежи, соединенныя съ оскорбленіемъ святыни (въ Спб. Казанскомъ соборѣ), бунты крестьянъ и рабочихъ, террористическія убійства министровъ, застрачиваніе массою подпольныхъ листовъ и прокламацій противоправи-

тельственного содержанія и, наконецъ, даже „союзъ борьбы съ православіемъ“, т. е. съ самымъ кореннымъ устоемъ русской жизни!.. Всѣ эти печальныя, потрясающія спокойное теченіе нашей государственной жизни, явленія ясно говорятъ о слабомъ вліяніи на жизнь современнаго образованнаго общества здоровыхъ православно-русскихъ началъ. Характерно при этомъ, что всѣ разнообразныя теченія общественной мысли всячески стремятся къ усиленному пропагандированію своихъ идей и къ проведенію ихъ въ жизнь. Въ этомъ отношеніи періодическія изданія, и особенно газеты, являются однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ.

Глубокую важность, поэтому, для всѣхъ, кому дорого нормальное развитіе русскаго народа въ духѣ началъ, искони его питавшихъ и возрадившихъ въ великій народъ— „бого-носецъ“, имѣеть вопросъ: какія же идеи проводятся въ газетахъ, нынѣ повсюду читаемыхъ? какая духовная пища въ нихъ предлагается? Въ особенности для насъ, пастырей, высокимъ саномъ своимъ обязанныхъ стоять на стражѣ душъ, ввѣренныхъ намъ Божественнымъ Пастыреначальникомъ, никоимъ образомъ не можетъ быть безразличнымъ вопросъ: внушаетъ ли газета читателю своему всѣмъ, чѣмъ можетъ внушить, глубокую преданность родному православію, искреннее почтеніе и послушаніе служителямъ св. Церкви, нелицемѣрную вѣрность Самодержавному Царю-Помазаннику, честное радѣніе о благѣ общественномъ и государственномъ, теплую любовь ко всему, что воплощаетъ въ себѣ лучшія черты народнаго духа? Не старается ли она, напротивъ, привнять довѣрчивому читателю религіозный индифферентизмъ или симпатіи къ какому-нибудь пантеизму, сектантству, язычеству и т. п.? не подрываетъ ли у вѣрующаго въ простотѣ уваженіе къ пастырямъ Церкви, подвергая послѣднихъ осмѣянію или сообщая намѣренно лишь однѣ темныя черты изъ ихъ жизни? дорожитъ ли она всякимъ поводомъ, чтобы оживить въ читателѣ вѣрноподданническое чувство, научить его честному выполненію общественнаго и государственнаго долга, възгрѣ-

вать въ немъ любовь къ отечеству и всему родному?— Не говорите, что цензура наша достаточно строга для того, чтобы допустить въ періодическомъ изданіи проведеніе вредныхъ, разрушительныхъ идей. Правда, наши законы о печати достаточно гарантируютъ невозможность открытой противозаконной проповѣди, однако большую опасность представляетъ и прикрытое такъ или иначе, но систематическое проведеніе извѣстной антирусской идеи. Бываютъ случаи, когда нельзя не говорить: отъ избытка сердца уста невольно должны заговорить у каждаго, въ комъ бьется русское православное сердце; въ такихъ случаяхъ и молчаніе является многозначительнымъ. Характерный въ этомъ отношеніи примѣръ имѣлъ мѣсто въ прошедшемъ году, 19-го іюля, въ день прославленія новаго великаго угодника земли Русской, преп. Серафима Саровскаго.— Могла ли газета, руководимая въ православно-русскомъ направленіи, умолчать о такомъ важномъ событіи въ жизни русскаго народа? могла ли не остановиться на выясненіи глубокаго значенія Саровскаго торжества, не сообщить хотя бы кратко о ходѣ торжествъ и т. п.? Не знаемъ, о чемъ писали въ этотъ день *всѣ* русскія газеты, хотя было бы интересно это установить; но относительно московскихъ газетъ можемъ сказать, что въ то время, какъ большинство изъ нихъ свое вниманіе въ №№ отъ 19-го іюля посвятило, главнымъ образомъ, Саровскимъ торжествамъ, *двѣ* газеты не обмолвились о нихъ ни словомъ. Одна изъ нихъ („Курьеръ“) посвятила передовую статью ликованію не по поводу торжества въ Саровскомъ монастырѣ, а по поводу торжества французскаго министра-президента г. Комба, *упразднившаго всѣ монастыри во Франціи*. Другая газета („Русскія Вѣдомости“), вмѣсто Саровскаго торжества, трактовала въ передовой статьѣ о всеобщемъ обученіи (вопросъ, конечно, важный, но о немъ можно было бы поговорить хотя бы даже въ слѣдующемъ №). Между прочимъ, упомянувъ въ статьѣ о томъ, что еще въ XVII вѣкѣ „одинъ изъ сановниковъ Православной Церкви“ усиленно требовалъ учрежденія училищъ, газета продол-

жаеть: „конечно, понятіе о размѣрахъ и характерѣ образованія за два съ половиной вѣка измѣнилось, и, повторяя приведенныя слова одного изъ сановниковъ Православной Церкви, мы *разумѣемъ, конечно, ничто иное, чѣмъ разумѣлъ онъ*“. Телеграмму о цѣломъ рядѣ исцѣленій, совершившихся въ Саровской обители предстательствомъ прен. Серафима, газета эта напечатала болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ остальные, — очевидно, желая показать сравнительную ея маловажность ¹⁾. А самая видная изъ кievскихъ газетъ, которую, притомъ, нельзя упрекнуть въ полнѣмъ равнодушіи къ вопросамъ церковнымъ, сочла болѣе важнымъ, чѣмъ Саровское торжество, предметомъ для передовой статьи 19 іюля „отставку прусскаго военнаго министра“!

Фактъ знаменательный! Если даже такое событіе, какъ прославленіе новаго угодника Православной Церкви, игнорируется русской газетой, издающейся, главнымъ образомъ, для русскихъ читателей, то это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что руководители ея не вполнѣ проникнуты міровоззрѣніемъ, которымъ живетъ русскій человѣкъ. — Не достаточно ли ясно подобные факты показываютъ намъ, русскимъ читателямъ вообще, а священникамъ, духовнымъ руководителямъ народа, въ особенности, какъ пужно быть внимательнымъ въ выборѣ газетъ? Не захочу я имѣть ежедневнаго общенія съ человѣкомъ, не только противоположныхъ моимъ взглядовъ и ко мнѣ недоброжелательнымъ, но даже просто упорно отмалчивающимся на интересующіе меня вопросы; и, напротивъ, пріятно мнѣ возможно частое общеніе съ человѣкомъ, съ которымъ можно „отвести душу“, т. е. подѣлиться думами и впечатлѣніями, которыя будутъ встрѣчены съ доброжелательнымъ вниманіемъ. Не нужны намъ эти органы, въ рекламъ которыхъ красуются слова, въ родѣ такихъ, какъ „правда, законность, гуманность, достоинство Россіи“; все это хорошія слова, но такія, которыя можно понимать, какъ

¹⁾ Передаемъ со словъ „Московск. Вѣдом.“, 20-го іюля, 1903 года № 197, статья: „Либералы и Саровское торжество“.

угодно, и которыя,—ни для кого не тайна,—понимаются и проводятся въ жизнь въ смыслѣ, желательномъ лишь еврейско-либеральствующимъ космополитамъ. Намъ нужна такая газета, которая указывала бы, какъ смотрѣть на извѣстное явленіе и какъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы оставаться пастырями Православной Церкви. Она нужна намъ для выработки собственнаго нашего міросозерцанія и опредѣленныхъ, устойчивыхъ началъ для дѣятельности; она нужна для того, чтобы и своимъ пасомымъ мы имѣли возможность помочь разобраться въ сложныхъ явленіяхъ современной жизни съ точки зрѣнія православно-русскаго сознанія.

На страницахъ духовныхъ органовъ не разъ высказывалась мысль о необходимости развитія солидарнаго пастырскаго сознанія и возбужденія пастырской самодѣтельности, какъ кореннаго средства для измѣченія недостатковъ современной приходской жизни.

Давно пора намъ—пастырямъ объ этомъ подумать! Въ единеніи—сила. Этотъ девизъ лежитъ въ основѣ возникающихъ въ послѣднее время разнаго рода союзовъ религіозно-просвѣтительнаго характера, «Русскаго Собранія» въ Спб. съ провинціальными его отдѣленіями и другихъ подобныхъ, учрежденіе которыхъ является особенно благопотребнымъ по обстоятельствамъ нынѣшняго «смутнаго», по вѣрному выраженію преосвящ. Макарія Томскаго, времени. Въ наше время особенно чувствуется нужда въ выясненіи и строгой формулировкѣ началъ православно-русскаго сознанія и твердомъ, систематическомъ проведеніи ихъ въ жизнь. Для достиженія этой цѣли сущестуютъ, конечно, и другія средства, помимо вышеуказанныхъ. Но говорить о нихъ не входитъ теперь въ нашу задачу. Мы имѣемъ въ виду лишь указать, что въ ряду этихъ средствъ далеко не послѣднимъ является хорошая русская газета. Не грѣшно ли будетъ пренебрегать этимъ

могучимъ средствомъ намъ, у которыхъ все должно бытъ къ *созиданію* себя и другихъ во спасеніе² 1).

Свящ. М. А—ій.

---

¹) Не думаемъ, чтобы собрать наши затруднились въ выборѣ газеты съ настоящимъ русскимъ направленіемъ. Такихъ газетъ не много. Изъ петербургскихъ можемъ указать на „Свѣтъ“; подписная цѣна - 4 руб. въ годъ безъ приложеній; изъ московскихъ—„Московск. Вѣдомости“. Последнія слѣдуетъ поставить во главѣ органовъ православно-русскаго направленія, какъ газету, особенно отличающуюся глубокою преданностью интересамъ Православной Церкви, ея пастырства, и русской государственности (подписная цѣна—17 руб., для священнослужителей Западнаго и Балтійскаго края—10 руб.). Можно еще указать на „Гражданинъ“ (Сиб.), „Южный Край“ (Харьковъ), „Варшавскій Дневникъ“ (Варшава) и нѣк. друг.

Вопросъ о второбрачїи вдовыхъ священнослужителей въ „ново-путейскомъ“ освѣщенїи и рѣшенїи.

Въ августовской книжкѣ журнала—«Новый Путь», въ отдѣлѣ: «Изъ частной переписки», помѣщена статья нѣкогого священника П.—«Двойная несправедливость». Въ этой статьѣ свящ. П., по поводу опредѣленія Св. Синода, разрѣшающаго новый бракъ лицамъ, разведеннымъ вслѣдствіе прелюбодѣянїя, высказываетъ желаніе, чтобы былъ разрѣшенъ второй бракъ вдовымъ священнослужителямъ. Вдовство—«бремя неудобно-носимое», говоритъ свящ. П.; оно не цѣлесообразно, потому что «принимающій рукоположеніе не произноситъ обѣтовъ безбрачїя» (стр. 244). Отсюда вытекаетъ, по мнѣнію о. П., необходимость разрѣшить второй бракъ вдовымъ священнослужителямъ. Этотъ свой выводъ авторъ „Двойной несправедливости“ мотивируетъ тѣмъ, что изъ вдовыхъ священнослужителей *никто* будто бы не блюдетъ отмѣннаго цѣломудрія духа, потому что въ душѣ каждаго изъ нихъ лежатъ «образы уже познанныхъ брачныхъ отношеній»; что священникъ съ потерей жены, среди скуки одиночества, «прибѣ-

¹⁾ Не думаемъ, чтобы собратья наши затруднились въ выборѣ газеты съ настоящимъ русскимъ направленїемъ. Такихъ газетъ не много. Изъ петербургскихъ можемъ указать на „Свѣтъ“; подписная цѣна—4 руб. въ годъ безъ приложений; изъ московскихъ—„Московск. Вѣдомости“. Послѣдняя слѣдуетъ поставить во главѣ органовъ православно-русскаго направленїя, какъ газету, особенно отличающуюся глубокою преданностью интересамъ Православной Церкви, ея пастырства, и русской государственности (подписная цѣна—17 руб., для священнослужителей Западнаго и Балтійскаго края—10 руб.). Можно еще указать на „Гражданинъ“ (Сиб.), „Южный Край“ (Харьковъ), „Варшавскій Дневникъ“ (Варшава) и нѣк. друг.

гаетъ къ чаркѣ вина»; что „дѣти у него вырастаютъ въ языкахъ, возбуждающихъ глубокое сожалѣніе о несчастной ихъ долѣ“ (245—6). Все это даетъ основаніе свящ. П. называть Закснъ, запрещающій второй бракъ священникамъ, „малочеловѣчнымъ“, «жестокимъ лицемѣриемъ». Есть у него еще и другія доказательства въ пользу второбрачія священниковъ, но мы покамѣстъ ограничимся только приведенными.

Мы не будемъ подвергать критикѣ мысль свящ. П. о дозволенности второго брака вдовымъ священнослужителямъ съ точки зрѣнія Свящ. Преданія и каноновъ церковныхъ,— это задача слишкомъ широкая и можетъ составить предметъ отдѣльной статьи. Мы остановимъ вниманіе читателей только на аргументахъ свящ. П. Аргументы эти слишкомъ неопредѣленны и неосновательны. Такъ, свящ. П. требуетъ разрѣшить второй бракъ священнослужителямъ, прежде всего, потому, что познавшій супружескія отношенія не можетъ быть цѣломудреннымъ по духу, а, слѣдовательно, и по тѣлу.—Но, допустимъ, желаніе свящ. П. исполнено: разрѣшенъ второй бракъ вдовымъ священникамъ. А какъ же придется поступить въ томъ случаѣ, когда священникъ овдовѣетъ и во второй разъ?—Согласно принципу свящ. П., нужно разрѣшить и *третій* бракъ, потому что въ душѣ вторично овдовѣвшаго священника еще болѣе, еще сильнѣе, конечно, хранятся «образы брачныхъ отношеній»... Но вотъ священникъ овдовѣлъ и послѣ третьяго брака (правда, это бываетъ рѣдко, но все-таки бываетъ). Тутъ уже, вѣроятно, и самъ о. П. станетъ въ тупикъ: дальнѣйшій бракъ не разрѣшается даже мірянамъ, а если о. П. захочетъ быть послѣдовательнымъ, въ такомъ случаѣ придется уже узаконить для священниковъ и гражданскій бракъ.

Такимъ образомъ, первсе доказательство свящ. П. въ пользу второбрачія вдовыхъ священнослужителей приводитъ къ безвыходному положенію, совершенно уничтожающему собою проповѣдуемую имъ реформу.

Да и независимо отъ этого, принципъ свящ. II., по своему характеру, слишкомъ чувственный и грубый и напоминаетъ собою принципъ разнаго рода громилъ, которые, на томъ основаніи, что у нихъ есть желаніе овладѣть извѣстнымъ предметомъ, потому что раньше они узнали его пользу и пріятность, могутъ требовать себѣ закономъ дозволенія разрѣшенія свободно грабить. Но если разрѣшать все, чего хочетъ каждый, если нигдѣ не ставить преграды человѣческимъ желаніямъ, то тогда рухнетъ вся правовая система, выработанная человѣчествомъ для урегулированія и упорядоченія жизни.

Что же касается остальныхъ доводовъ свящ. II., то они опровергаются самою жизнью. Утвержденіе, будто *никто* изъ вдовыхъ священниковъ не хранитъ заповѣди цѣломудрія, показываетъ, что или кругъ его наблюденій былъ слишкомъ узокъ, или же онъ исключенія возвелъ въ правило, чтобы придать больше силы своимъ словамъ. Противъ такого смѣлаго утвержденія могутъ возразить очень многіе изъ вдовыхъ священниковъ, смиренно несущіе выпавшій на ихъ долю крестъ вдовства. Конечно, и въ священнической средѣ есть исключенія. Но какое положеніе и званіе не знаютъ ихъ?... Отсюда—смущаться ими, придавать имъ больше значенія, чѣмъ только они имѣютъ на самомъ дѣлѣ, будетъ большой ошибкой.

Точно также ошибочно утверждать, будто дѣти вдовыхъ священниковъ не получаютъ никакого воспитанія и вырастаютъ „возбуждая сожалѣніе“. Однако, сколько вдовыхъ священниковъ—да и свѣтскихъ лицъ—даютъ своимъ дѣтямъ доброе воспитаніе!.. Правда, въ послѣднемъ будутъ отсутствовать несомнѣнно важный педагогическій элементъ—пезамѣнимая ничѣмъ материнская любовь и материнскія ласки; но это не значитъ еще, что неиспытавшія всего этого дѣти выйдутъ непременно нравственно испорченными. Если бы это было справедливо, то тѣ дѣти, у которыхъ живы родители, являлись бы лучшими впоследствии людьми, лучшими гражданами и сынами Церкви; на самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ.

Не вполне справедливо, наконецъ, утверждение о П., что „священникъ съ потерей жены, среди скуки одиночества... прибѣгаетъ къ чаркѣ вина“. У насъ на Руси, къ сожалѣнію, есть священники, и не терявшіе жены, но не чуждые этого порока. Кто искренно и глубоко воодушевленъ идеей пастырскаго служенія, кто смотритъ на него, не какъ на средство къ жизни, а какъ на святое призваніе свое—учить другихъ; тотъ не будетъ отчаиваться, когда у него, по поущенію Божию, умретъ жена, и не станетъ прибѣгать ни къ какому другому средству заглушить и смягчить горе, какъ только къ молитвѣ.

Вообще, статья свящ. П. является выраженіемъ того тлетворнаго духа, который, къ глубокому сожалѣнію, проникаетъ въ послѣднее время въ среду нашего духовенства. Преосв. Антовій Волинскій въ своей рѣчи при погребеніи Кіевскаго митрополита Теоноста, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Николаевская эпоха вырабатывала въ сынахъ своихъ твердую, желѣзную волю, которая въ наше дряблое, капризное и развращенное время... есть весьма счастливый даръ, достигающійся въ удѣлъ немногимъ нашимъ современникамъ“. И это—не напрасное нареканье на современность, не недовольство настоящимъ укладомъ жизни, а дѣйствительная и вѣрная ея характеристика. Точно также не будетъ нареканьемъ, если скажемъ, что и значительная часть духовенства поддалась дряблости, этой общей болѣзни нашего времени. Въ самомъ дѣлѣ, чтó значать высказываемыя теперь все чаще и чаще желанія, чтобы упразднена была специальная одежда для священниковъ, чтобы имъ безпрепятственно можно было посѣщать театръ и разныя подобныя общественныя собранія?—Это ясный показатель, что духовенство наше, увлекаемое общимъ потокомъ, сдѣлалось рабомъ культуры, не отличая въ ней здоровыхъ элементовъ отъ вредныхъ. А рассматриваемый нами фактъ служитъ иллюстраціей того, насколько нравственно ослаблены и хилы нѣкоторые отдѣльныя личности въ средѣ нашего духовенства.

Малѣйшее житейское несчастье вызываетъ въ нихъ ропоть и отчаяніе. Сознаніе, что пастырское служеніе есть подвигъ по преимуществу, у многихъ изъ священниковъ совершенно отсутствуетъ. Если когда, то именно теперь священникъ долженъ особенно вникнуть въ смыслъ великихъ словъ Спасителя: *аще соль обуяетъ, чимъ осолится* (Мѹ 5, 13). Онъ долженъ знать не умомъ только, а чувствовать всей душой, что идетъ впереди, а за нимъ слѣдуютъ тысячи; что его паденіе гибельно отзовется на многихъ и многихъ изъ его пасомыхъ.

Н. Я—ій.

О необходимости разумной близости пастыря къ пасомымъ.

Служеніе приходскихъ священниковъ въ нынѣшнее время встрѣчаетъ нѣкоторыя особенныя затрудненія, создаваемые иногда самимъ же духовенствомъ. Одно изъ такихъ затрудненій заключается въ томъ, что духовенство держится нѣсколько отдаленно или отчужденно отъ прихожанъ. Наблюдая и изучая жизнь деревенскаго пастыря, нельзя не замѣтить,—говорять „Томбольск. еп. вѣд.“,—что многіе пастыри держатъ себя нѣсколько высоко по отношенію къ пасомымъ. Нынѣшнее, особенно молодое, поколѣніе сельскихъ священниковъ уже считаетъ для себя часто унизительнымъ раздѣлить при удобномъ случаѣ скромную трапезу съ прихожаниномъ какъ у него, такъ и у себя, побесѣдовать съ нимъ въ его домѣ, посѣтивъ его частнымъ образомъ. Отсюда понятны—отдаленность прихожанъ отъ священника и нѣкоторое недовольство имъ, помимо, конечно, всякихъ иныхъ, къ сожалѣнію, не рѣдкихъ въ наше время, недоразумѣній пастыря съ пасомыми. Между тѣмъ, чѣмъ ближе къ паствѣ будетъ пастырь, тѣмъ лучше. Только на близости жизни пастыря съ пасомыми зиждется его авторитетъ въ приходѣ и вліяніе, и ничто такъ не убиваетъ жизненныхъ связей между

извѣстными лицами, какъ отсутствіе между ними близкихъ и искреннихъ отношеній. Жизнь представляетъ въ этомъ отношеніи разительные примѣры. Иной пастырь, повидимому, не стоящій на высотѣ идеальнаго призванія, благодаря исключительно близости къ паствѣ, пользуется ея полной любовью и благорасположенностью: *и овцы гласъ его слышатъ*. А другіе изъ современныхъ пастырей, несмотря на неослабную энергію въ исполненіи обязанностей по учительству въ церкви и школѣ, не пользуются надлежащимъ авторитетомъ въ приходѣ, и сѣмя ихъ проповѣди далеко не даетъ того плода, который оно несомнѣнно принесло бы при иныхъ условіяхъ ихъ жизнедѣятельности („В. и Р.“).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ 1905
подписномъ году.

Въ 1905 подписномъ году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, вступающій въ 46-й годъ существованія, останется вѣрнымъ своей задачѣ—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ православнаго русскаго духовенства и содѣйствовать ему въ его святомъ и многотрудномъ дѣлѣ. Наше время особенно настойчиво призываетъ пастырей къ единопламенной и одушевленной работѣ на нивѣ народнаго образованія во имя Христа и Церкви и къ энергической борьбѣ съ врагами вѣры православной, прикрывающимися верѣдкою обманчивой личиной друзей и защитниковъ ея. Замѣтно оживилъ въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ интересъ къ вопросамъ приходской жизни и дѣятельности пастырей, какъ устроителей и руководителей различныхъ приходскихъ учре-

ждепій. Православному духовенству, испытанному въ много-вѣковомъ служеніи русскому народу, не страшны рѣзкія нападки и обвиненія извѣстной части общества и печати, но ему полезно прислушиваться къ дружественному голосу свѣтскихъ писателей, совѣтамъ и руководственнымъ указаніямъ опытныхъ пастырей. Во взаимообщеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣятельности и для успѣшной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями.

Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями опыта и самой дѣятельностію пастырей, журналъ въ 1905 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ свѣдѣнія въ формѣ достаточно полныхъ обзорѣній о церковной и пастырской жизни отечественной, восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквей.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ *три* тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго бібліографическаго Листка“. Кроме того, въ 1905 г. редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, „*Богослуженіе Православной Церкви*“. Выпускъ 1-й. *Божественная литургія св. Іоанна Златоуста* (параллельно славянскій и русскіе тексты церковныхъ молитвословій и пѣснопѣній съ общедоступными объясненіями подъ строкой).

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи **шесть** рублей. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, Правленій

семинарій и училищъ и благотворныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1905 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ Пастырей“.

При этомъ № разсылается всѣмъ оо. и гг. подписчикамъ объявленіе еженедѣльнаго журнала „Южныя Записки“:

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 21-го ноября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

АКАКОУДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Дѣна годовому изданію на мѣсть ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ № 49. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1904 года, декабря 5-го.

Содержаніе: Господи, силою Твоею да возвеселится Царь! (Къ 6 декабря).— Современныя способы распространенія сектантскихъ заблужденій въ народѣ и необходимыя мѣры противодѣйствія имъ.—Къ столѣтнему юбилею Британскаго Библейскаго Общества.—Батюшка-фельетонистъ (очеркъ).—Привыкъ (стихотвореніе).—Необходимая поправка къ стр. 139 „Сборника рѣшеній недоумѣн. вопросовъ“ выш. II

Господи, силою Твоею да возвеселится Царь!

(Къ 6 декабря).

Скоро—годъ кровавой борьбы съ сильнымъ врагомъ...

Сколько крови, сколько слезъ и рыданій, безутѣшнаго горя! „Стономъ стонъ стоитъ“ по лицу страждущей Русской земли!.. Но чье сердце такъ же глубоко страдаетъ, такъ же мучительно болитъ—не за одного, не за двухъ безвременно сраженныхъ вражеской рукой, а за всѣхъ, изнывающихъ въ рапахъ, въ болѣзняхъ, въ денно-нощныхъ опасныхъ трудахъ, и за положившихъ душу свою въ честномъ бою, какъ не сердце Царя, „Отца и Кормильца“ Русской земли?

Когда вернулись домой тѣ немногіе изъ уцѣлѣвшихъ отъ неизбѣжной, казалось, гибели въ пучинѣ морской герои

съ „Варяга“ и „Корейца“, дорогое слово услышали они изъ устъ Царя, вызвавшее слезу умиленія не у нихъ однихъ, а у всѣхъ русскихъ людей. „Родные мои“—называлъ героевъ-моряковъ русскій Царь. Это значить: сердце Царево связано такою кровною связью съ русскими людьми, что оно *не можетъ не болеть* за нихъ и не страдать вмѣстѣ съ ними. Родственный союзъ между Царемъ и Его подданными, жизнь по однимъ и тѣмъ же общимъ началамъ, отеческія заботы и попеченія о подданныхъ—какъ это отрадно и утѣшительно для *русскаго* духа! Гдѣ Царь, тамъ сердцемъ и подданные Его; и гдѣ они, тамъ и Его любящая душа, ободряющая въ напастяхъ и ласкою своею вызывающая невѣдомыя для нихъ самихъ дотолѣ, внутри сокровенныя, безпредѣльныя, кажется, силы. Вѣдь этою ласкою Царя, Его словомъ любви, съ такими препятствіями долетающимъ до измученныхъ непрерывной и неравной борьбой защитниковъ Портъ-Артура, питаются эти послѣдніе, совершая чудеса героизма и храбрости, удивляющія весь міръ, и не колеблясь заявляютъ устами своего храбраго военачальника, этого понтиифъ богатыря стародавнихъ временъ, Стесселя, что не отдадутъ врагамъ своей святыни, будутъ защищать ее, если даже маленькая горсть людей останется въ живыхъ. Да, отнынѣ Портъ-Артуръ, прежде мало кому извѣстный, а теперь уже называемый едва начавшимъ лепетать ребенкомъ, съ тѣхъ поръ, какъ коснулось къ нему и стало биться около него сердце Царя и съ Нимъ сердце всей Россіи,—Портъ-Артуръ—святыня для насъ. И никто не дерзнетъ назвать титаническую борьбу съ врагомъ его защитниковъ ничѣмъ неоправдываемой, напрасной потерей русскихъ жизней. Льется тамъ кровь, но это—та очистительная кровавая жертва приносится, которая, по суду Божію, потребна бываетъ въ извѣстныя времена для духовнаго возрожденія народа. Въ ея результатъ—*новое сердце*, не сердце плотяное, покрытое скверною грѣховъ, беззаконій и неправдъ нашихъ, а чистое, сверкающее добродѣтелями, какъ драгоценными камнями...

Въ разгарѣ кровопролитія уже засвѣтился свыше воз-
 женный, благодатный лучъ радостныхъ надеждъ. Даровалъ
 Господь радость Царю, давно Имъ жданную, и возликовала
 тогда съ Нимъ вся Его вѣрнопопдавшая Россія... Въ обсто-
 ятельствахъ, сопровождавшихъ не такъ давно прошедшіе дни
 общей русской радости рожденія Порфироснаго Младенца-
 Наслѣдника престола, останавливаетъ вниманіе одно знаме-
 нательное событіе, которое тогда привлекало къ себѣ духов-
 ные взоры русскихъ людей. Августѣйшій Родитель воспріем-
 никами Царственнаго Младенца отъ св. купели нарекъ
 тѣхъ, въ комъ русскій духъ наиполнѣе теперь воплощается
 и живетъ, нашихъ героевъ на Дальнемъ Востокѣ, которые,
 ни минуты не колеблясь, по требованію долга, готовы поло-
 жить душу свою за вѣру, Царя и отечество. Лучшіе русскіе
 люди—вотъ кто были воспріемниками новопросвѣщеннаго
 Младенца. Порфиророднаго Своего Наслѣдника-Сына Бла-
 гочестивѣйшій Государь сродняетъ съ тѣми, съ которыми
 Онъ и Самъ исповѣдалъ и Свое духовное родство, и притомъ—
 что замѣчательнѣе всего—родство это устанавливаетъ на выс-
 шихъ—духовныхъ, *религіозныхъ* началахъ, заключая его у
купели благодатнаго таинства крещенія. Царь отдаетъ любви
 народной Того, Кто для Него Самого такъ безконечно дорогъ,
 и воспринимаетъ въ отвѣтъ всю ту безграничную ширь и
 неисчерпаемую глубину беззавѣтной преданности и готовности
 пожертвовать собою за идеалы русскіе, которыми всегда
 одушевлялось и не перестанетъ одушевляться истинно русское
 сердце.

Обстоятельства нынѣшняго времени соединили въ тро-
 гательный союзъ *живой* любви Русскаго Царя и вѣрный Ему
 русскій народъ несравненно сильнѣе, чѣмъ могло соединить
 что бы то ни было другое.

Но текутъ слезы изъ очей Царскихъ, и не смолкаетъ
 плачь Русской земли...

Доколь, Господи, гнѣваешься на ны?!

Когда щедрая милость Твоя обратится къ русскому народу? Когда свѣтлою радостью озаришь Ты сердце Царево?..

Припадемъ нынѣ съ мольбою и восплачемъ предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, да ниспешлетъ на страждущую Русь Онъ *силу* Своей помощи свыше и да возвеселитъ ея сердце Благовѣрнаго Царя Русскаго!.. *Н. Пальмовъ.*

Современные способы распространенія сектантскихъ заблужденій въ народѣ и необходимыя мѣры противодѣйствія имъ.

У насъ на Руси привыкли все на вѣмца сваливать. Нѣмецъ и обезьяну выдумалъ, нѣмецъ и штунду завелъ. Конечно, нѣмецъ въ его медленномъ, но неуклонномъ „походѣ на востокъ (drang nach osten)“ не брезгаетъ добровольцами изъ штундо баптистовъ, и этотъ видъ русскаго сектантства (штундобаптизмъ) столько же черпаетъ изъ „сокровищницы нѣмецкаго ума“, сколько и изъ денежныхъ кассъ всевозможныхъ „Трактантныхъ Обществъ“, поддерживающихъ протестантскую миссію на востокѣ. Но думать, что штундо-баптизмъ,—а онъ главнымъ образомъ несетъ въ народъ сектантскія заблужденія,—держится политической проагандой и денежнымъ подкупомъ нѣмцевъ, было бы чрезвычайно успокоительно. Живой, хотя бы и сектантской, вѣры деньгами и политикой не создать, и въ нихъ опасности для православія не можетъ быть.

Сектантскія заблужденія, какъ и истина христіанская, проникаютъ въ народъ только однимъ путемъ—проповѣдью, проповѣдью устнымъ словомъ и письменнымъ. „Какъ слышать безъ проповѣдующаго, какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы“?—говорилъ еще св. ап. Павелъ. Всѣ другіе пути: подкупъ, насиліе, обманъ, различныя общественныя, семейныя и хозяйственныя обстоятельства слишкомъ ничтожны сравни-

тельно съ неумолкающею проповѣдью сектантства, и если создаютъ сектантовъ, то неискреннихъ, лицемѣрныхъ.

Сектантство—дѣло не одного лишь простого народа. Въ числѣ различныхъ качествъ, которыми стараются охарактеризовать наше время, часто отмѣчаютъ и его сектофильство, или лучше—сектаторство. Въ сектантствѣ—политическомъ и религіозномъ—видятъ залогъ лучшаго будущаго. И гдѣ теперь не слышится проповѣдь сектантства, не воздается хвала ему, не высказываются сожалѣнія о стѣсненіяхъ его? На этомъ сходятся такія крайности, какъ гр. Л. Толстой и публицисты „Русскаго Богатства“ (марксисты), женеvские анархисты и такіе государственники, какъ покойный Бобринцевъ-Пушкинъ, *небогословы* изъ „Новаго Пути“ и изобразитель „самыхъ новѣйшихъ теченій русской жизни“—позитивистъ г. Боборыкинъ. Всѣ верхи, отъ сановниковъ и до „приказчика номѣщищевой усадьбы“, готовы считать сектантство, въ пику православному духовенству, силой прогрессивной, явленіемъ желательнымъ.

Впрочемъ, это сектофильство верхнихъ слоевъ—скорѣе настроеніе, чѣмъ реальное утвержденіе среди нихъ сектантскихъ заблужденій. Чтобы быть сектантомъ, надо сохранить въ себѣ способность вѣрить и жить по вѣрѣ,—а эту-то способность наша интеллигенція давно утратила. Религіозное сектантство какъ-то не удается интеллигентамъ. Пашковщина, начавшаяся среди интеллигенціи, скоро тамъ замерла и спустилась въ простой народъ; толстовство стало сразу пародіей на крестьянскія сектантскія общины, современное *небогословство* дальше однихъ разговоровъ не пойдетъ и общины религіозной не создастъ. Всѣ интеллигентные почитатели прогрессивной силы сектантства для себя лично считаютъ его необязательнымъ. Въ этомъ отношеніи одни считаютъ его бредомъ больного, экзальтированнаго ума, другіе—дѣтски-наивною вѣрою, но въ то же время охотно помогутъ зависящими отъ нихъ мѣрами и средствами идти этому больному уму и этой наивной незрѣлой вѣрѣ въ простой народъ.

При помощи именно интеллигентныхъ силъ и совершается проповѣдь въ народѣ сектантскихъ заблужденій черезъ посредство спеціальныхъ проповѣдниковъ, а также журналовъ, книгъ, листовъ и брошюръ. Каждый сектантъ есть проповѣдникъ своей вѣры, и вся жизнь его есть неумолкающая проповѣдь. Но пути этой проповѣди сколько реальны, столько же и неуловимы, и мы можемъ говорить только о болѣе замѣтной нарочитой проповѣди сектантства.

Спеціальныхъ проповѣдниковъ имѣеть только штундо-баптизмъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи,—напр., въ Тифлисѣ, на Сѣверномъ Кавказѣ, въ Таврической, Херсонской и Кіевской губерніяхъ,—онъ создалъ довольно прочно организованныя общины съ большими денежными средствами. Эти общины и содержатъ спеціальныхъ проповѣдниковъ, или миссіонеровъ, съ опредѣленными райномъ проповѣди, программой и матеріальнымъ содержаніемъ. Миссіонеры эти ежегодно представляютъ годичному собранію или конференціи сектантскихъ пресвитеровъ отчеты о своей дѣятельности, получаютъ дальнѣйшія распоряженія и проч. Главная цѣль дѣятельности этого рода миссіи—возможно большее число совращеній въ сектантство изъ другихъ вѣроисповѣданій, и лучшими миссіонерами считаются болѣе искусные въ этомъ умѣніи совращать. Но у штундо баптистовъ есть миссіонеры, такъ сказать, и всероссійскіе, занимающіеся періодическими поѣздками для обозрѣнія общинъ и для проповѣди по всей Россіи, какъ, напр., Павловъ, Балихинъ, Прохановъ и др., люди образованные и весьма способные. Нѣкоторые изъ нихъ получили образованіе въ баптистической семинаріи въ Гамбургѣ, устроенной Онкеномъ, гдѣ учится немало русскихъ воспитанниковъ. Они являются какъ бы епископами штундо-баптистическихъ общинъ, которыя устраиваютъ при ихъ посѣщеніи торжественныя собранія. На этихъ собраніяхъ, происходящихъ нѣсколько разъ подъ рядъ, по воскреснымъ днямъ и наканунѣ ихъ, пріѣзжій проповѣдникъ и произноситъ свои поученія. Проповѣдники штундистскіе славятся своимъ

краснорѣчіемъ и производятъ своими рѣчами глубокое впечатлѣніе. Вотъ почему сектанты стараются приглашать на свои собранія съ такими проповѣдниками возможно большее число слушателей изъ православныхъ и, благодаря ихъ краснорѣчивой проповѣди, собираютъ богатую жатву новыхъ совращеній.

Нужно сказать, что выдающіеся сектантскіе проповѣдники спеціализуются на двухъ-трехъ проповѣдяхъ и только искусно умѣютъ притягивать ихъ ко всякому случайному поводу, такъ что то, что кажется изъ сердца льющейся импровизаціей, давно и много разъ повторяется въ другихъ мѣстахъ и по другому поводу. Эти проповѣди только „дѣлаютъ впечатлѣнія“, засѣваютъ сѣмя сектантства, а возвращеніе сѣмени, черновая работа укрѣпленія заблужденій совершается рядовыми рабочими, т. е. всякимъ сектантомъ и проповѣдниками, существующими во всякой сектантской общинѣ.

Кромѣ штундобаптистовъ, миссіонеры, или отхожіе проповѣдники есть еще у малеванцевъ. Но это дѣло у нихъ не организовано, и ихъ миссіонерство является дѣломъ вдохновенія отдѣльныхъ лицъ. Малеванскіе проповѣдники имѣютъ еще большій успѣхъ, чѣмъ штундобаптистскіе. Въ 1899 году достаточно было явиться одному малеванцу Ивану Лысенку въ село Турбовку, Сквирскаго у., Кіевской г., чтобы жившіе до того времени спокойно штундобаптисты бросили свое имущество и въ числѣ свыше 80-ти человекъ двинулись въ Казань къ Малеванному. Въ 1901 году малеванецъ Моисей Тодосіенко довелъ своими проповѣдями непротивленцевъ-толстовцевъ села Павловки, Харьковской губ., до открытаго бунта и разрушенія православнаго храма. Въ 1903 году нѣсколько малеванцевъ Кіевской губ. довели до полнѣйшаго безумія разсудительныхъ раціоналистовъ-баптистовъ села Петроострова, Херсонской губ., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ до такого же безумія довели цѣлую сотню православныхъ села Павловки, Уманскаго у., Кіевск. губ., въ продолженіе многихъ лѣтъ отстаивавшихся предъ самою яростною пропагандою штундо-

баптизма. Эти и подобные примѣры свидѣтельствуютъ о страшной разрушительной силѣ малеванской проповѣди.

Распространителями сектантскихъ заблужденій, кромѣ устной проповѣди на молитвенныхъ собраніяхъ, является проповѣдь письменная: журналы, книги, листки, брошюры.

Изъ журналовъ, распространяющихъ и поддерживающихъ сектантство, ни одинъ не служилъ и не служитъ исключительно только какой-либо сектѣ, а сектантству вообще. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Пейкеръ въ Россіи издавалъ журналъ съ сектантствующимъ направленіемъ „Русскій Рабочій“; Прохановъ въ Тульчѣ, за границей,—„Бесѣду“; Чертковъ и Бирюковъ, въ сотрудничествѣ съ студентомъ Московской духовной академіи Трегубовымъ, въ Лондонѣ издають и теперь „Свободное Слово“ и „Листки Свободнаго Слова“. Въ нынѣшнемъ году за границей же стали издаваться русскими эмигрантами (партіи Струве) журналъ „Разсвѣтъ“, посвященный также русскому сектантству. Много вниманія удѣляетъ сектантамъ и журналъ соціально-революціонной партіи „Искра“—подпольнаго изданія.

Ни одинъ изъ указанныхъ журналовъ, за исключеніемъ развѣ „Бесѣды“, въроучительными вопросами не занимается, и они служатъ собственно не распространенію сектантскихъ заблужденій, а лишь ободренію и укрѣпленію сектантовъ въ ихъ борьбѣ съ законностью и Православною Церковью, для чего и пытаются свести сектантскій вопросъ съ почвы религіозной на соціально-политическую. Они стараются развить у сектантовъ правовое самосознаніе, сообщаютъ ободряющіе примѣры успѣшности различныхъ домогательствъ сектантскихъ общинъ предъ правительствомъ, собираютъ различные факты изъ жизни духовенства и миссіонеровъ соблазняющаго свойства, подъ рубрикой: „Гоненія за вѣру“ ведутъ судебную хронику (дѣла сектантовъ предъ судомъ) и т. п.

Кромѣ этихъ журналовъ, въ большомъ распространеніи среди сектантовъ книги, брошюры, листки и различнаго рода

письма, или посланія. Этого рода литература преслѣдуетъ уже чисто вѣроучительныя и правоучительныя цѣли въ сектантскомъ духѣ и является однимъ изъ могущественныхъ средствъ распространенія сектантскихъ заблужденій.

Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить Пашковское евангеліе. Извѣстный основатель пашковщины—гвардіи полковникъ Пашковъ—пріобрѣлъ *три тысячи* экземпляровъ Новаго Завѣта синодальнаго изданія на русскомъ языкѣ и приспособилъ ихъ для пропаганды сектантскихъ заблужденій слѣдующимъ образомъ. *Два* главныхъ текста *о спасеніи въроу* онъ отчеркнулъ *четырьмя* черточками вертикальными на полѣ и *одной* параллельной подчеркнулъ текстъ подъ строкой. Затѣмъ нѣсколько текстовъ—*три* вертикальными и параллельной, далѣе—рядъ текстовъ *двумя* вертикальными и параллельной, *одной* вертикальной и параллельной, только *одной* параллельной и только *одной* вертикальной. Каждый экземпляръ такого евангелія снабженъ предисловіемъ, въ которомъ содержится руководство, какъ по этимъ условнымъ знакамъ читать евангеліе (въ указанномъ выше порядкѣ). У читателя при такомъ подборѣ текстовъ получается связь мыслей и понятій совершенно односторонняя, въ духѣ чистаго протестантизма, такъ какъ въ этихъ евангеліяхъ старательно обойдено все, что говоритъ въ пользу догматики Православной Церкви (напр., о храмѣ, крестѣ, постѣ, обрядности св. таинствъ и проч.) Штундобаптисты воспользовались идеей и трудомъ Пашкова и къ его *тремъ тысячамъ* экземпляровъ, быстро разошедшимся, присоединили тысячи копій своихъ.

Нужно сказать, что Библія, даже и не въ пашковскомъ приспособленіи, служитъ главнымъ средствомъ распространенія и укрѣпленія сектантскихъ заблужденій. Библія—главная и часто единственная книга въ домѣ сектантовъ, и тотъ, кто склоняетъ слухъ свой къ проповѣди сектантской, грамотный и неграмотный, на послѣдніе гроши покупаетъ Библію. Но разсмотрите любой экземпляръ этихъ Библей въ домахъ сектантовъ, и вы замѣтите, что она читается и перечитывается

только въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, частяхъ, именно въ тѣхъ, которыя говорятъ, повидимому, въ пользу сектантства и противъ Православной Церкви.

Первоначально раціоналистическіе сектанты, — какъ прежніе молокане, такъ и нынѣшніе штундобаптисты, — ограничивались одною Библіей, какъ источникомъ и вѣроученія и назиданія. Но стремленіе формулировать и закрѣпить свое вѣроученіе и распространять его въ видѣ готовыхъ опредѣленныхъ формулъ почувствовалось скоро. Появились различныя изложенія вѣры, отчасти предназначаемыя для представленія въ судъ и властямъ, отчасти для цѣлей катихизаціи. Всѣ эти изложенія весьма не удачны и широкаго распространенія не имѣли (напр., косяковское изложеніе вѣроученія, составленное Ковалемъ, изложеніе вѣроученія екатеринославскихъ штундобаптистовъ и др.).

На помощь штундистамъ пришелъ гр. Л. Толстой и составилъ извѣстный „Катихизисъ Иисусова Братства по евангелію (штунды)“. Катихизисъ этотъ представляетъ собою чистое толстовство, сводъ антихристіанскихъ и соціалистическихъ воззрѣній гр. Л. Толстого, изложенныхъ въ катихизической формѣ. Штундобаптисты дались было въ обманъ, но вскорѣ поняли антихристіанскій характеръ этого катихизиса, и теперь онъ держится только въ тѣхъ сектантскихъ общинахъ, которыя переходятъ въ чистое толстовство, покончивъ съ вѣрою въ Божество Господа Иисуса Христа.

Въ самое послѣднее время, года два-три, появилось у штундобаптистовъ „Краткое изложеніе вѣроученія христіанъ евангельскаго исповѣданія, пріемлющихъ водное крещеніе по вѣрѣ“ и получило у нихъ самое широкое распространеніе, служба общеприняемой ими формулировкой ихъ вѣроученія. Исторія происхожденія его стоитъ въ связи съ неудачей штундобаптистовъ присвоить себѣ офиціально названіе, — а слѣдовательно — и права, — нѣмецкихъ баптистовъ — секты, допущенной закономъ 1879 г. для нѣмцевъ - переселенцевъ. Штундобаптисты не могли доказать администраціи и судеб-

ной власти тожества своего вѣроученія съ вѣроученіемъ баптистовъ и своего перехода въ баптизмъ „съ соблюденіемъ законныхъ формъ перехода“, чего требовали соотвѣтствующіе циркуляры гг. Министровъ—Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи. Тогда они рѣшили выдавать себя за новую секту, ничего общаго не имѣющую ни съ штундизмомъ, ни съ баптизмомъ, надѣясь на примѣненіе къ себѣ „Высочайше утвержденного 3-го мая 1863 г. Мнѣнія Государственнаго Совѣта о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ“, въ виду того, что это Мнѣніе Государственнаго Совѣта не различаетъ сектантовъ отъ раскольниковъ и подъ раскольниками разумѣтъ всѣхъ, отдѣлившихся отъ Православной Церкви. При дѣятельномъ участіи сочувствующихъ сектантамъ дѣятелей судебного міра, въ Кіевѣ было составлено такое изложеніе вѣроученія штундистовъ, которое, содержа въ себѣ дѣйствительныя догмы штундобаптизма, въ то же время не давало бы возможности отождествить его съ вѣроученіемъ штундистовъ, какъ оно характеризуется въ „Высочайше утвержденномъ 4 іюля 1904 г. Положеніи Комитета Министровъ“, воспретившемъ молитвенныя собранія штундистовъ, какъ секты особо вредной. Штундистамъ удалось отпечатать въ Одессѣ, съ разрѣшенія цензуры, свое новое изложеніе вѣроученія, и въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ они стараются распространить это изложеніе какъ среди самихъ сектантовъ, такъ и среди православныхъ. Искусно составленное, оно обращаетъ на себя вниманіе и привлекаетъ къ штундистамъ симпатію, возбуждая значительный интересъ въ читателяхъ.

У штундистовъ продолжаютъ служить, въ качествѣ богослужбныхъ книгъ, изытые Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати изъ числа ранѣе допущенныхъ къ печати и распространенію, слѣдующіе сборники: „Любимые стихи“, „Пѣсни Сіона“, „Собраніе стихотвореній“, „Голосъ вѣры“, „Сборникъ духовныхъ стихотвореній для христіанъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія“ и „Духовныя стихотворе-

нія“. Въ большомъ обращеніи находятся также изданныя учрежденнымъ въ 1879 году „Обществомъ поощренія духовно-нравственнаго чтенія“ слѣдующія брошюры съ нѣтическимъ протестантскимъ направлениемъ: 1) „Брачная одежда“, 2) „Молишься ли ты?“, 3) „Первая молитва Джешки“, 4) „Пастухъ и овцы“, 4) „Иисусъ Назорей идетъ“, 6) „Спасенъ ли ты, или погибъ?“, 7) „Что такое христіанинъ?“, 8) „Благая вѣсть“, 9) „Напоминаніе христіанамъ отъ Слова Божія“, 10) „У Бога не останется безсильнымъ никакое слово“, 11) „Жизнь Иисуса Христа по Св. Писанію“, 12) „Брачный пиръ“, 13) „Встрѣча со старушкой“, 14) „Приди ко Иисусу Христу“, 15) „Рай и адъ“, 16) „Сегодня или никогда“, 17) „Застигнутые врасплохъ“, 18) „Краткое руководство къ чтенію Новаго Завѣта“, 19) „Бесѣда двухъ друзей о возрожденіи“, 20) „Истинная радость“, 21) „Примирился ли ты съ Богомъ?“, 22) „Званіе христіанина и его значеніе“, 23) „Два слова о святой Библии“, 24) „Переключка“, 25) „Разговоръ двухъ матросовъ послѣ бури“, 26) „Благодатное дитя“, 27) „Онъ любитъ меня“, 28) „Христось все и во всемъ“, 29) „Какъ былъ завоеванъ яблонный дворъ“, 30) „Путь ко спасенію“, 31) „Два брата“, 32) „Радостная вѣсть“.—Всѣ эти брошюры Св. Синодъ призналъ вредными по своему направленію и противными православному христіанскому ученію, вслѣдствіе чего онѣ должны быть изъяты изъ употребленія.

Кромѣ указанныхъ изданій „Общества поощренія духовно-нравственнаго чтенія“, среди штундистовъ распространены еще слѣдующія изданія, также явно сектантскаго направленія: 1) „Новая Русская азбука для всѣхъ“, 2) „Два пути и предѣлы ихъ“, 3) „Пора домой“, 4) „Исполняете ли вы волю Божию?“, 5) „Голосъ времени“; а также изданія болѣе скрытой сектантской тенденціи: 1) „Благодаришь ли ты Бога?“, 2) „Любезный читатель, прочти сіе повѣствованіе о слѣпомъ“, 3) „Слѣпая дѣвушка и Евангеліе“ и 4) „Встревожился Іерусалимъ“. Эти брошюры также не дозволены Св.

Синодомъ, по разсмотрѣніи ихъ, къ вторичному печатанію и распространенію въ народѣ

Въ самое послѣднее время выпущены, неизвѣстно гдѣ и кѣмъ, прекрасно отпечатанныя въ 16-ю долю листа нѣсколько мелкихъ брошюръ явно сектантскаго (штундистскаго) содержанія: „Дивная тайна“, „Жизнь по плоти“, „Путь жизни въ Богѣ“, „Избавленіе отъ власти грѣха“, „Предостереженіе новообращенному“ и др. Эти брошюры получили быстрое распространеніе благодаря тому, что составлены изъ текстовъ Свящ. Писанія.

Вся перечисленная литература служитъ сектантамъ столько же для развитія и укрѣпленія собственнаго своего сектантскаго міровоззрѣнія, сколько и для пропаганды. Разрѣшеніе къ печати этихъ изданій духовной цензурой играетъ въ данномъ случаѣ не малую роль, такъ какъ сектанты ставятъ читателямъ изъ православныхъ на видъ, что пропускъ цензуры обозначаетъ согласіе высшаго церковнаго правительства съ содержаніемъ брошюры, и что сектантство далеко не есть вѣра однихъ лишь неграмотныхъ крестьянъ.

Священникъ-миссіонеръ *С. Потъхинъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ столѣтнему юбилею Британскаго Библейскаго Общества.

Въ настоящемъ году исполнилось *сто* лѣтъ со времени учрежденія Британскаго Библейскаго Общества. Въ теченіе своего вѣкового существованія названное Общество проявляло столь энергичную дѣятельность и оказало столь значительныя услуги дѣлу религіозно-нравственнаго просвѣщенія, что было бы несправедливымъ не вспомнить о немъ въ его юбилейную годовщину.

„Британское Библейское Общество“ было открыто 7 марта 1804 года. Возникновеніе Общества явилось

результатомъ того настроенія умовъ, которое въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. господствовало въ Англіи, а затѣмъ и во всей Европѣ. Какъ извѣстно, настроеніе это было реакціей противъ идей свободомыслящихъ писателей первой половины XVIII в. Реакція эта проявилась въ указанный періодъ во всѣхъ областяхъ жизни, но съ особенной силой она выступила въ сферѣ религіозной. Англійскіе деисты, Вольтеръ и энциклопедисты въ своихъ произведеніяхъ подвергли критикѣ и отвергли совершенно не только католичество, но и христіанство вообще; а французскіе революціонеры замѣнили даже христіанство особымъ культомъ разума. Въ концѣ XVIII в. критика религіозныхъ истинъ смѣнилась апологіей ихъ; на мѣсто индифферентизма и даже отрицанія религіи явилось религіозное одушевленіе и прямо религіозная экзальтація. Ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо еще, эти явленія выступили въ концѣ XVIII в. въ Англіи. Указанный періодъ въ Англіи ознаменовался чрезвычайнымъ развитіемъ миссіонерскаго духа и филантропической дѣятельности. Здѣсь основано было нѣсколько обществъ съ цѣлью распространенія евангелія среди язычниковъ, учреждены въ разныхъ городахъ школы для подготовки миссіонеровъ и затѣмъ такъ называемые „Ланкастерскія школы взаимнаго обученія“, назначавшіяся, главнымъ образомъ, для бѣдныхъ. Стремленіе къ религіозному просвѣщенію массъ и къ проповѣди среди язычниковъ въ скоромъ времени дало почувствовать нужду въ Библии, какъ книгѣ, которая должна быть основой просвѣщенія и проповѣди. Хотя въ Англіи и въ Германіи существовали уже общества, которыя ставили одной изъ задачъ своей дѣятельности распространеніе книгъ Свящ. Писанія, но, тѣмъ не менѣе, Библия въ концѣ XVIII в. была рѣдкой и дорогой книгой, и въ нѣкоторыхъ областяхъ Англіи не имѣлось ни одного экземпляра ея. Въ виду такого положенія дѣла, возникла мысль объ учрежденіи особаго Общества для распространенія Библии. Первая мысль объ этомъ принадлежала Томасу Чарльзу. Т. Чарльзъ былъ англикан-

скій священникъ, не имѣвшій прихода и странствовавшій по селамъ и деревнямъ Уэльза въ качествѣ народнаго учителя и проповѣдника. Во время этихъ странствованій онъ и пришелъ къ сознанію настоятельной нужды въ болѣе широкомъ распространеніи книгъ Свящ. Писанія. Идея Чарльза встрѣтила сочувствіе, и вотъ 7 марта 1804 г. явилось „Британское Библейское Общество“. Учредителями его были: англиканскій священникъ Джонъ Овенъ, лютеранскій пасторъ докторъ Штейнкофъ, баптистскій пасторъ Джозефъ Гьюгъ и нѣкоторые другія лица, уже ранѣе прославившія себя филантропической дѣятельностью. Тогда же былъ выработанъ и уставъ Общества, остающійся безъ существенныхъ измѣненій и до настоящаго времени. По § 1 Устава, „единственной цѣлью“ Общества было поставлено распространеніе Библіи „безъ примѣчаній и объясненій“. Параграфъ этотъ вызвалъ сильныя возраженія. Раздавались голоса, что Библія безъ объясненій непонятна народу и прямо можетъ вводить въ заблужденіе. Поэтому, предлагалось присоединить къ Библіи хоть молитвенникъ, чтобы отсюда читатель могъ узнать важнѣйшія истины Свящ. Писанія. Но изъ опасенія, что въ объясненіяхъ и примѣчаніяхъ Слово Божіе можетъ быть затемнено человѣческими мнѣніями, это предложеніе было отклонено.

Первоначально районъ дѣятельности Общества, естественно, предполагалось ограничить Англіей. Но 2-мъ параграфомъ Устава предполагалось, по упроченіи положенія Общества, перенести его дѣятельность и въ другія страны—въ среду язычниковъ, магометанъ и христіанъ. Въ виду этой задачи, Общество уже со времени учрежденія называлось Британскимъ и *Иностраннымъ*. Соответственно указанной задачѣ, было организовано и управленіе Общества. Поставленному во главѣ его Комитету изъ 36 членовъ былъ приданъ интернаціональный характеръ: въ составъ его вошло 6 иностранцевъ, имѣющихъ пребываніе въ Лондонѣ; затѣмъ 15 членовъ Уставомъ предложено выбирать изъ лицъ, принадлежащихъ къ англиканской церкви, и 15 изъ лицъ разныхъ другихъ

христіанскихъ исповѣданій. При этомъ, § 9-мъ Устава въ число членовъ Комитета закрытъ былъ доступъ лицамъ духовнаго званія. Этотъ параграфъ былъ внесенъ въ Уставъ не по враждѣ къ духовенству, а исключительно изъ желанія устранить отъ дѣятелей Общества всякое подозрѣніе въ клерикализмъ, отгнѣнить обще-христіанское значеніе предпріятія.

Первымъ президентомъ Общества былъ лордъ Тейгмутъ, остававшійся на своемъ посту въ теченіе 30 лѣтъ. Въ періодъ его управленія Общество начало жить и завоевывать себѣ то положеніе, которое оно занимаетъ теперь. Общество озабочилось, прежде всего, снабженіемъ экземплярами Библіи мѣстностей Уэльза, нужды котораго подали и самую мысль объ учрежденіи Общества.

Оно напечатало 20 т. экзempl. полной Библіи и 5 т. экз. Новаго Завѣта на уэльскомъ нарѣчій и въ 1806 г. отправило ихъ въ Уэльзъ. Первый возъ съ Библіями былъ принятъ, какъ ковчегъ завѣта израильтянами, съ радостью, и народъ съ криками восторга ввезъ его въ городъ. вмѣстѣ съ этимъ Общество стало снабжать библіями Шотландію, Ирландію и вообще всѣ области Великобританіи. Но дѣла Общества пошли такъ хорошо, что оно вскорѣ имѣло возможность расширить свою дѣятельность и перенести ее даже за предѣлы Британіи. Скоро въ разныхъ мѣстахъ Англіи образовались такъ называемыя „вспомогательныя общества“, которыя стали покупать на свой счетъ экземпляры Библіи и распространять ихъ, раздавая бѣднымъ даромъ. Въ то же время основаны были отдѣленія Общества въ другихъ странахъ, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи. Должно сказать, что первые дѣятели Общества проявили необыкновенную энергію. Секретари Общества Штейнкопфъ, Овенъ, Гьюгсъ неутомимо трудились, ведя громадную переписку съ сотрудниками и корреспондентами въ разныхъ концахъ свѣта. Агенты Общества, для изученія новыхъ языковъ и отысканія новой почвы для „библейскаго дѣла“, странствовали повсюду: отправлялись въ киргизскія степи, посѣщали уединенные острова, жили среди

сибирскихъ бурятъ, проникали даже въ отдаленный Охотскъ, гдѣ снабдили Библией каждый домъ. Необычайное одушевленіе и полное безкорыстіе первыхъ дѣятелей Британскаго Общества внушали къ нимъ невольное уваженіе, возбуждали сочувствіе и дѣйствовали прямо увлекающимъ образомъ. Естественно, поэтому, что число филиальныхъ отдѣленій Общества въ Англіи и за предѣлами ея быстро возрастало, и Общество скоро имѣло право сравнить себя съ бананомъ, который можетъ пріютить въ своей тѣни цѣлыя сотни людей, и вѣтви котораго, наклоняясь къ землѣ, пускаютъ въ ней корни и растутъ вповь, какъ особыя деревья... Менѣе успѣшна была дѣятельность Общества въ странахъ католическихъ, потому что здѣсь она задерживалась папскими запрещеніями. Въ 1824 г., напр., папа Левъ XII въ энцикликѣ къ духовенству писалъ: „вамъ не безызвѣстно, достопочтенные братья, что нѣкоторое Общество, называющееся Библейскимъ Обществомъ, съ дерзостью стремится распространиться по всему міру. Презирая преданія св. отцевъ и вопреки извѣстнымъ постановленіямъ Тридентскаго Собора, всею силою и всеми средствами работаетъ надъ тѣмъ, чтобы переводить Свящ. Писаніе на родной языкъ каждаго народа или, лучше, извращать его. Это предпріятіе заставляеть насъ крайне опасаться, чтобы ложнымъ и превратнымъ толкованіемъ евангеліе Христово не было превращено въ евангеліе человѣческое или еще хуже—въ евангеліе діавола. Поэтому, мы увѣщаемъ васъ всякими способами отклонять ваши общины отъ этихъ лукавыхъ пастибищъ, въ убѣжденіи, что если Свящ. Писаніе будетъ распространено, то отсюда возникнетъ болѣе вреда и зла, чѣмъ пользы“.

Тѣмъ не менѣе, изданія Библейскаго Общества находили доступъ и въ католическія страны. Что касается настоящаго времени, то теперь трудно указать даже такой уголокъ свѣта, куда бы эти изданія не проникали...

Празднуя свой столѣтній юбилей, Британское Общество имѣетъ полное право сознавать, что оно постоянно шло вне-

редь и достигло крупныхъ успѣховъ. Въ первые годы его расходы опредѣлялись скромной суммой въ 17 т. франковъ. Въ 1851 г. Общество могло израсходовать 149 т. фр., а по Отчету за 1903 г., расходы Общества достигли уже крупной цыфры 6 милл. фр. Въ такой же пропорціи возрастало и количество изданій Общества. До 1804 года, по подсчетамъ историковъ Общества, въ мірѣ было распространено не болѣе 4 милл. экземпляровъ Библии, при чемъ Свящ. Писаніе существовало только на 50 языкахъ. Въ 1854 г., празднуя пятидесятилѣтній юбилей, Британское Общество уже могло указать, что, благодаря его трудамъ, Библия переведена на 148 языковъ и распространена въ количествѣ 46 милл. экземпляровъ. Къ исполнившемуся столѣтію Общества цыфры эти значительно возросли: Британское Общество издаетъ теперь Библию уже на 370 языкахъ, печатаетъ ее ежегодно въ количествѣ около 6 милл. экзempl. и опредѣляетъ число распространенныхъ имъ книгъ Свящ. Писанія огромной цыфрой 180 милл.

Въ настоящее время Британское Общество имѣетъ въ Лондонѣ, на улицѣ Викторіи, собственный домъ. Главную достопримѣчательность этого „библейскаго дома“ составляетъ библіотека, въ которой находится 12 тысячъ библий на 400 языкахъ и въ разныхъ изданіяхъ. Въ складахъ „библейскаго дома“ кипитъ необыкновенно оживленная дѣятельность. Ежедневно отсюда вывозится отъ 6 до 7 тыс. экземпляровъ Свящ. Писанія, тщательно упакованныхъ для перевозки моремъ. Эти тысячи экземпляровъ направляются изъ складовъ въ 300 депо, которыя имѣетъ Общество во всѣхъ странахъ свѣта. Здѣсь они раздаются книгоношамъ и ими уже разносятся. Послѣднюю задачу исполняетъ цѣлая армія книгоношей, которые состоятъ на службѣ у Общества. Въ настоящее время Общество пользуется услугами 850 мужчинъ и 650 женщинъ.

Количество экземпляровъ Свящ. Писанія, распространяемыхъ Обществомъ въ послѣдніе годы, какъ замѣчено выше, достигаетъ почти 6 милл. Обыкновенно Общество свои книги

продаетъ. Первоначально оно широко практиковало раздачу священныхъ книгъ даромъ. Но потомъ отказалось отъ этого — и не только по недостатку средствъ, но и по убѣжденію, что люди мало цѣнятъ то, что не стоитъ денегъ. Вслѣдствіе этого, книгоноши Общества имѣютъ предписаніе требовать за книги плату, которая можетъ состоять не только изъ денегъ, но также изъ продуктовъ земледѣлія, издѣлій ремесла, предметовъ торговли и т. п. Впрочемъ, въ случаяхъ особенной бѣдности, желающимъ Библия дается даромъ. Въ большомъ количествѣ раздаются также даромъ экземпляры Библии солдатамъ во время войны, раненымъ и плѣннымъ, пострадавшимъ отъ стихійныхъ бѣдствій, и покидающимъ родную страну эмигрантамъ. Продажная цѣна изданій Общества весьма не высока и значительно ниже стоимости книгъ самому Обществу. Такъ, напр., экземпляръ Новаго Завѣта на китайскомъ языкѣ обходится Обществу въ 43 сант., а продается за 25. Съ книгъ же, отпускаемыхъ миссіонерамъ, Общество выручаетъ только 40 процентовъ затрачиваемой на нихъ суммы. При этомъ, предметомъ особенныхъ заботъ Британскаго Общества является удешевленіе его изданій. Общество достигло въ этомъ отношеніи очень многого. Во время основанія его англійская Библия стоила 15 фр. (около 5 р. 50 к.); теперь она стоитъ только 2½ ф. (около 90 к.). Экземпляръ нѣмецкой Библии теперь продается на наши деньги за 44 коп., а за 80—95 к. отъ Общества можно получить уже прекрасное изданіе Библии въ большомъ форматѣ. Кроме того, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Британское Общество распространяетъ въ Англии „копеечныя“ изданія Новаго Завѣта, удовлетворяющія, однако, въ отношеніи вѣрности самымъ строгимъ требованіямъ.

Противъ дѣятельности Британскаго Библейскаго Общества издавна раздавались разнаго рода возраженія. Такъ, католическая іерархія обличала Общество въ социалистическихъ и коммунистическихъ стремленіяхъ и находила вредной самую идею распространенія Свящ. Писанія въ народѣ. Другіе соблазнялись практикой Общества — распространять Библию

безъ примѣчаній, видя въ этомъ стремленіе къ какому-то безъисповѣдному христіанству. Были и инныя возраженія. Но если въ вѣковой дѣятельности Общества, и особенно отдѣльныхъ его агентовъ, были какія-либо крайности, односторонности и ошибки, то все же и заслуги его несомнѣнны: оно дѣйствительно пронесло евангельское благовѣстіе во всѣ концы міра и подготовило почву благодатному дѣйствию Слова Божія. Милліоны экземпляровъ священной книги, распространенныя Обществомъ, конечно, просвѣтили, утѣшили, научили милліоны человѣческихъ душъ... Въ одномъ изъ своихъ отчетовъ Британское Общество такъ характеризуетъ свое значеніе: „Общество ничѣмъ не стѣсняетъ работы проповѣдниковъ Слова Божія, напротивъ того—способствуетъ ей всѣми средствами, какія только находятся въ его распоряженіи. Предоставляя толкованіе Библии тѣмъ, которые къ тому призваны, Библейское Общество облегчаетъ ихъ трудъ, въ изобиліи снабжая ихъ экземплярами Свящ. Писанія. Тамъ же, куда не проникалъ еще миссіонеръ, гдѣ нѣтъ благовѣстителей и наставниковъ, Общество предлагаетъ святую книгу и вѣрить, что она, при содѣйствіи Духа Божія, приготовитъ путь Господу и умудритъ людей во спасеніе, вѣрою во Христа Иисуса“.

Въ заключеніе нельзя не вспомнить, что Британское Общество много сдѣлало для распространенія Свящ. Писанія и въ нашемъ отечествѣ. По инициативѣ агентовъ его, въ 1812 г. у насъ было открыто „Русское отдѣленіе Британскаго Общества“, переименованное два года спустя въ „Россійское Библейское Общество“. „Россійское Общество“ въ теченіе своего недолголѣтняго существованія находилось въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ Лондонскимъ комитетомъ, получая отъ него указанія, щедрыя денежныя пожертвованія и пользуясь помощью его агентовъ. Россійскому Обществу, какъ извѣстно, наше отечество обязано распространеніемъ въ значительномъ количествѣ рѣдкихъ у насъ въ то время книгъ Свящ. Писанія. Россійскому Обществу, кромѣ

того, принадлежит благотворная идея изданія перевода Библии на русскій языкъ и первый опытъ самаго перевода. Если все это составляетъ безспорную заслугу Русскаго Библейскаго Общества, то, очевидно, часть этой заслуги принадлежит и празднующему свой юбилей Британскому Обществу, сыгравшему, такимъ образомъ, замѣтную роль въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія.

Въ 1824 г., по разнымъ причинамъ, было закрыто у насъ Библейское Общество. вмѣстѣ съ этимъ временно прекратилась въ Россіи и дѣятельность Общества Британскаго. Вновь она возобновилась въ царствованіе императора Николая I. Съ этого времени въ Петербургѣ сталъ жить агентъ Общества, который имѣлъ складъ изданій Общества и распространялъ ихъ въ предѣлахъ Россіи. Дѣятельность Британскаго Общества въ Россіи не прекращается и въ настоящее время. Во многихъ большихъ городахъ, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и др., имѣются склады изданій Общества. Распространяются они въ значительномъ количествѣ. Напр., по отчету за 1900 г., Общество продало и роздало 587,372 экзempl. свѣщ. книгъ на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ 450 т. синодальныхъ изданій. Продавая книги по пониженной цѣнѣ, Британское Общество расходуетъ въ Россіи изъ собственныхъ средствъ 120 тыс. рублей, которые и составляютъ ежегодное приношеніе Общества русскому народу. Не ограничиваясь однимъ распространеніемъ Библии, Общество заботится и о новыхъ переводахъ свѣщ. книгъ на языки нашихъ инородцевъ: на счетъ Общества, напр., приготовляются переводы Четвероевангелія на башкирское, вотяцкое, черемисское и мордовское нарѣчія, и издано евангеліе на киргизскомъ языкѣ.

Въ виду всего этого, и мы, русскіе, имѣемъ побужденія вспомнить о Британскомъ Обществѣ въ его столѣтнюю годовщину и присоединиться къ тѣмъ пожеланіямъ дальнѣйшей плодотворной и энергичной дѣятельности, которыя оно получаетъ теперь отовсюду.

В. Рыбинскій.

Батюшка-фельетонистъ.

(Очеркъ).

За нѣсколько недѣль до наступленія Нового года выбиралъ я изъ массы лежавшихъ предо мной объявленій и рекламъ, что бы такое выписать себѣ на будущій годъ изъ газетъ и журналовъ. Мое вниманіе приковало объявленіе отъ одной ежедневной газеты, бойкой и распространенной. Въ немъ возвѣщалось о дѣятельномъ участіи въ газетѣ моднаго публициста и фельетониста, имя котораго крупнымъ, жирнымъ шрифтомъ выдѣлялось на объявленіи, а строчкой ниже—тоже крупно и жирно,—было напечатано: еженедѣльные фельетоны священника NN, и въ скобкахъ—его литературно-свѣтскій псевдонимъ.

Реклама о еженедѣльныхъ фельетонахъ батюшки въ свѣтской газетѣ дала толчокъ для работы моей неутомимой фантазіи, и она услужливо нарисовала такую довольно вѣроятную картину происхожденія этой занимательной строчки въ объявленіи.

Сысой Митричь, книжный и газетный издатель,—одинъ изъ тѣхъ смѣтливыхъ мужичковъ, что приходятъ въ столицы съ котомкой за плечами и становятся капиталистами,—за послѣднее время замѣтилъ въ своихъ почтенныхъ кліентахъ, „потребителяхъ“ его изданій, любопытство къ церковнымъ и религіознымъ вопросамъ. Чутко прислушивался онъ, какъ вокругъ него почтенная публика толкуетъ вкривь и вкосъ на темы „отъ божественнаго“; не ускользнуло отъ Сысои Митрича и то, къ чьему голосу прислушивается публика, чьи книжки на-расхватъ раскупаютъ. Слава Богу, не мало онъ уже пораспродать этого товара, который сдаетъ ему на изданіе сходно любимой публикой модный духовный писатель. „Вотъ бы этого батюшку да въ газету—отбоя не будетъ отъ подписчика, только объявить объ его сотрудничествѣ!—Откла-

дывать нечего, надо теперь же оборудовать дѣло—толкомъ поговорить и сойтись въ цѣнѣ съ батюшкой“...

Изъ дѣловаго кабинета почтеннаго Сысой Митрича полетѣло телефонное приглашеніе въ фешенебельную квартиру публициста-священника.

— Потревожилъ васъ, дорогой о. Гавріиль Степановичъ,— можетъ, отъ дѣла оторваль, но иначе нельзя было... Мысль тутъ мнѣ одна хорошая подвернулась, до васъ касается, обсудить только съ вами надобно,—встрѣчалъ хозяинъ входившаго чрезъ часъ послѣ телефонной сигнализациі батюшку, радушно усаживая его рядомъ съ собой.

— Много довольны мы—и я и почтенная публика—вашиими писаніями, о. Гавріиль. Не мнѣ вамъ рассказывать, какъ васъ публика любитъ читать; ваши книжки, ваши писанія—золото... Большая пріятность и мнѣ, старику, печатать ваши труды,—потому, дѣло—вѣрное: товаръ не залежится. Зато и спасибо вамъ,—жить нашему брату помогаете... Вотъ и теперь мысль у меня одна бродитъ касательно вашего участія въ напей газетѣ: думаю, не откажете въ услугѣ знакомому старику!

— Какой же это услуги отъ меня вамъ нужно, почтеннѣйшій Сысой Димитріевичъ?—прервалъ эту вступительную рѣчь хозяина гость, заранѣе предугадывая въ словахъ его какую-нибудь новую издательскую аферу, тонко рассчитанную на его писательскую популяриность.—Если дѣло выполнимое, почему не услужить. Только при чемъ тутъ мое участіе въ вашей газетѣ: вѣдь я же въ ней сотрудничаю уже?..

— Вотъ, вотъ—объ этомъ сотрудничествѣ вашемъ, батюшка, я и хочу съ вами поговорить. Дорого, пріятно оно намъ, но всё какъ будто не то, чего можно отъ него ожидать. Скажемъ такъ: у насъ въ газетѣ пишете вы, какъ и другіе свѣтскіе писатели, о разныхъ современныхъ дѣлахъ и матеріяхъ и подписываетесь псевдонимомъ; но что, кабы стали вы писать прямо, какъ священникъ, и поучать публику *отъ божественнаго*, въ родѣ проповѣдей, что ли?.. Думаю я своимъ

умомъ: отъ этого, по нынѣшнему времени, большой интересъ получить газета, да и читателю польза... Не въ каждой газетѣ найдетъ онъ такое, а въ нашей будетъ... Васъ вонъ какъ любитъ слушать образованная публика, когда вы поучаете ее въ своихъ бесѣдахъ! или взять ваши книжки про Евангеліе—съ руками отрываютъ!.. Такъ какъ же, батюшка, согласны будете? Мы бы и объявлениице подходящее приготовили: „еженедѣльные, молъ, фельетоны извѣстнаго проповѣдника-священника Гавріила Степановича“, или въ родѣ того.

По существу чего-нибудь оригинальнаго и неудобь-пріемлемаго въ предложеніи Сысой Митрича не было; но тѣмъ не менѣе оно на минуту заставило призадуматься батюшку: сами собою возникали предъ нимъ нѣкоторыя затрудненія въ случаѣ принятія предложенія.

— Будетъ ли только удобно, Сысой Димитріевичъ, предлагать читателямъ различныхъ вѣрованій и убѣжденій религіозныя статьи православному священнику?—съ замѣтнымъ колебаніемъ началъ было говорить батюшка:—что, какъ иному читателю вашей газеты покажутся неприятными мои разсужденія, моя православно-церковная точка зрѣнія? Не ошибитесь бы вамъ въ расчетахъ.

— Ну, ужъ это не вамъ бы говорить, дорогой батюшка! Въ томъ-то и дѣло, что у васъ есть тактъ и умѣнье никого не задѣть, не пообидѣть: съ вами всякій сойдется. Мой одинъ пріятель—голова-человѣкъ!—про васъ говорилъ какъ-то: вотъ священникъ, не какъ другіе,—и православному и раскольнику, и нѣмцу и,—простите ужъ, батюшка, за чужія слова,—жиду и татарину можно почитать и послушать... Золотое это свойство по нынѣшнему времени!

— Если вы уже такъ увѣрены,—уступчиво сказалъ батюшка,—то не отказываюсь отъ вашего предложенія. Въ добрый часъ... О денежной сторонѣ вопроса, думаю, разговаривать не будемъ...

— Объ этомъ что толковать! Накинемъ за ваши будущіе труды тридцать сребрен.,—тъфу ты!—отплюнулся Сысой

Митричь на свой lapsus linguae,—тридцать процентиковъ. Спасибо вамъ—одолжили своимъ согласіемъ!..

Плодомъ пріятнаго дѣловаго разговора явилось интересное газетное объявленіе-реклама, а потомъ въ газетѣ еженедѣльно стали появляться фельетоны—бесѣды на евангельскія темы любимаго публикой оратора писателя-батюшки, чередуясь съ бульварными романами Бувье. Сысой Митричь считалъ вѣрно: подписчиковъ на газету прибавилось чуть не вдвое; не устоялъ и я отъ искушенія—подписался также, и № моей бандероли, кажется, 100,666-й. *С. А. В.*

П р и з ы в ъ.

Когда на жизненномъ пути,
 Среди сомнѣній и тревоги,
 Сумѣешь ты, мой другъ, найти
 Къ сокрытой истинѣ дорогу, —
 Иди по ней безъ колебанья,
 Безъ лишнихъ словъ и долгихъ думъ;
 Она, чрезъ пламень испытанья,
 Ведетъ къ познанью пылкой умъ.
 Иди впередъ, не надай духомъ;
 Борись со зломъ, за правду стой!
 Умѣй ловить привычнымъ ухомъ
 Призывъ къ добру, къ любви святой.
 Иди средь дня, иди средь ночи,
 Не нужно „спать“ — жизнь коротка!
 Настанетъ часъ — померкнутъ очи,
 Безъ силъ опустится рука...
 Наступятъ позднія терзанья
 О жизни, праздно прожитой.
 И, въ часъ предсмертнаго страданья,
 Ты вспомнишь съ жгучею тоской,
 Что жизнь дала тебѣ такъ много
 Отваги, бодрости и силъ, —
 Но даръ, полученный отъ Бога,
 Безъ пользы въ землю ты зарылъ.

Ал. Осипскій.

Необходимая поправка къ стр. 139 „Сборника рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ“ вып II—„О помазаніи св. миромъ престола и стѣнъ освящаемаго священникомъ храма“.

Вопросъ о помазаніи Св. миромъ престола и стѣнъ освящаемаго храма разсматривался Св. Синодомъ въ самое послѣднее время и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. По благословенію Св. Синода, изданъ особою книжкою и весь *Чинъ* освященія храма священникомъ. „Историческая справка о помазаніи свитымъ миромъ храма при освященіи его священникомъ“, представленная въ Св. Синодъ о. прот. К. Т. Никольскимъ, напечатана въ № 39 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1903 г. (стр. 1500 несофиц. части)¹⁾.

---

¹⁾ Считаемо должнымъ выразить глубокую признательность о. прот. К. Т. Никольскому за сдѣланное по сему поводу указаніе намъ въ частномъ письмѣ.

Ред.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется, Кіевъ, 28-го ноября 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 50.

Подписка принимается въ редакціи
журнала, при Кіевской духовной
Семинаріи.

1904 года, декабря 12-го.

Содержаніе: Къ постановкѣ борьбы съ издавнимъ народнымъ недугомъ—пьянствомъ.—Церковныя поученія, какъ средство пастырскаго вліянія на прихожанъ.—Современные способы распространенія сектантскихъ заблужденій въ народѣ и необходимыя мѣры противодѣйствія имъ.—Новая задача для приходской дѣятельности.—Объ отдачѣ въ аренду церковныхъ и монастырскихъ земель.

Къ постановкѣ борьбы съ издавнимъ народнымъ недугомъ—пьянствомъ.

Всея народолюбцы и истинные патріоты обязаны вести самую энергичную борьбу съ ужаснымъ недугомъ народнымъ, съ врагомъ челоѳческаго благополучія—пьянствомъ. Бѣдность, болѣзни, развратъ, различные преступленія—все это, главнымъ образомъ, обусловливается неумѣреннымъ употребленіемъ нашимъ народомъ алкоголя. Статистика свидѣтельствуєтъ, что 42% сумасшествій, 38% самоубійствъ, 80% преступленій, 40% случайныхъ смертей—результаты пьянства...

Много уже говорилось, много писалось, у насъ о борьбѣ съ пьянствомъ; много, пожалуй, и сдѣлано въ этомъ напра-

вленіи. Но почему же зло стоитъ непреклонно, съ неумолимой силой охватываетъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ всё новыя и новыя области? Еще Достоевскій сказалъ, что народъ нашъ загноился отъ пьянства; Тургеневъ устами одного своего героя замѣтилъ, что „Россія штофъ съ очищенной всей пятерней сжимаетъ“. Увы! сказанное Достоевскимъ и Тургеневымъ вѣрно и „до сего дне“... Но что особенно при-скорбно, оказывается—пьянство проникло уже и въ среду дѣтей-школьниковъ. Педагогическое бюро Курскаго губернскаго земства предложило недавно учителямъ вопросъ: „пьютъ ли дѣти водку?“. Изъ *всѣхъ* 797 земскихъ школъ губерніи отвѣтъ дали только 486 школъ, при чемъ 369 дали отвѣтъ утвердительный, 117 же школъ отвѣтили отрицательно. Одинъ учитель пишетъ, что изъ 56 учениковъ его школы лишь одинъ (!) не знаетъ вкуса водки; другой учитель говоритъ, что у него 10% учениковъ „не пьютъ водки“. Случается не рѣдко, что дѣти пьютъ при первой возможности на уворованныя деньги¹⁾..

Почему же, повторяемъ, пьянство не поддается искорененію, если и правительство, и духовенство, и учителя, и сами сельскія общества противодѣйствуютъ ему? Или, видоизмѣняя вопросъ: какова должна быть постановка борьбы съ этимъ недугомъ?

Неоспоримо то, что постановка борьбы со всякой вообще болѣзнью зависитъ всецѣло отъ правильнаго діагноза ея.— Говорятъ: причина пьянства кроется въ отсутствіи въ народной средѣ разумныхъ развлеченій, а потому, какъ противоудіе пьянству, устраиваютъ спектакли, вечера, открываютъ чайныя и т. п. Другіе убѣждены, что все зло—отъ народнаго невѣжества,—и вотъ заводятся школы, чтенія, выписываются газеты, учреждаются бібліотеки, классы для взрослыхъ и т. д.—И правда, разумныя развлеченія необходимы, а просвѣщеніе—болѣе, чѣмъ полезно. Но дѣло въ томъ, что и вы-

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1904 г., № 271, стр. 6.

сокопросвѣщенные люди нерѣдко пьютъ и гибнутъ, что и развлеченія не уничтожаютъ опасности. Значить, не въ отсутствіи развлеченій и не въ невѣжествѣ—главная причина пьянства, а въ чемъ-то другомъ. Поскольку извѣстно, только Толстой старался дать психологическое рѣшеніе вопроса: „зачѣмъ люди одурманиваются?“ А между тѣмъ, изслѣдованіе духовнаго корня страсти къ пьянству въ высшей степени необходимо. Вѣдь всѣ эти факторы,—въ родѣ отсутствія развлеченій, невѣжества,—сами не составляютъ *причины* пьянства, они—лишь *поводы*, или *почва*, на которой развивается страсть къ пьянству. Коренная же причина, или основа этой страсти лежитъ въ неодолимомъ, всегда имѣющемся въ человѣческой душѣ побужденіи, въ опредѣленномъ стремленіи духа человѣческаго. Выяснить себѣ это стремленіе для борьбы съ пьянствомъ—равно, по своей важности, діагнозу болѣзни.

Начать съ того, что всегда и всюду можно слышать объясненіе: „онъ предается пьянству съ горя“. И это объясненіе понятно. Надъ человѣкомъ стряслось несчастье, онъ страдаетъ, ему нуженъ помощникъ, другъ, который бы раздѣлилъ его горе, облегчилъ бы это горе. И если среди людей такой несчастный не находитъ себѣ сочувствія, то, какъ это иногда бываетъ, онъ обращается даже къ животнымъ. Въ разсказѣ Чехова: „Тоска“ прекрасно изображено это. Чаше же всего человѣкъ искусственно создаетъ себѣ друга-утѣшителя... въ винѣ. И, можетъ быть, поэтому вино всегда обыкновенно изображается *олицетвореннымъ*, при чемъ въ очень распространенномъ изображеніи его на дешевыхъ картинахъ, которыя можно встрѣтить во многихъ крестьянскихъ избахъ, скрывается, какъ увидимъ, глубокой психологической смыслъ. Вино радуется, развлекаетъ человѣка, прогоняетъ его тоску,—словомъ, дѣйствуетъ, какъ живой другъ. И потому, надорвалась ли хозяйка и слегла, скотина ли домашняя пала, прижалъ ли староста съ податями или свой братъ—кулакъ,—первое, что приходитъ въ темную голову—„залить горе“. Происходитъ именно то, что какой-то безымянный живописецъ

изобразилъ на упомянутой выше картинѣ. Картина эта изображаетъ свѣжее пепелище и стоящаго на немъ одиноко крестьянина. Все сгорѣло, остались только обуглившіяся бревна да развалины печки. Крестьянинъ *одинокъ* съ своимъ страданьемъ. А тамъ, вдали, виднѣтся вывѣска: „Утѣшеніе“. И естественно, этотъ одинокій крестьянинъ пойдетъ туда съ своимъ горемъ, потому что ему необходимо утѣшиться, а другого утѣшителя и брата нѣтъ... Развѣ это не чрезвычайно частое явленіе?.. Что въ винѣ человѣкъ ищетъ именно „утѣшенія въ скорби“, это фактъ, всюду наблюдаемый. А онъ-то, этотъ фактъ, и можетъ служить исходнымъ пунктомъ для другихъ наблюденій.

Человѣческая душа всегда ищетъ друга, всегда хочетъ, жаждетъ, чтобы её любили другіе. Что для цвѣтка—солнце, то для души—сторонняя любовь. Человѣкъ самъ безгранично малъ и слабъ въ Божіемъ мірѣ, и онъ чувствуетъ это и всегда ищетъ сторонней поддержки. Въ умственной дѣятельности человѣку необходимъ авторитетъ, чтобы санкціонировать его мысли; въ нравственной—онъ ищетъ одобренія и ободренія со стороны другихъ людей. Сердце наше хочетъ, чтобы другіе люди любили насъ; оно ищетъ неустанно друга. Поэтому и говорятъ, что „сердце сердцу вѣсть подаетъ“; оттого и дѣйствуетъ на человѣка такъ благотворно сочувствіе его горю, нуждѣ: его сердце алчетъ имѣть друга. И если человѣкъ не замѣчаетъ этого неумолкающаго требованія своего существа, то это лишь указываетъ, что онъ не привыкъ къ самоанализу; но стоитъ ему вдумчиво присмотрѣться къ кореннымъ основамъ своихъ обыденныхъ дѣйствій, обзрѣть свою дѣятельность хотя бы за послѣдніе два-три года, и онъ непремѣнно долженъ будетъ сознаться, что многое, очень многое дѣлалъ съ цѣлью заслужить любовь другихъ, найти себѣ друга. Какъ Адамъ, наблюдая безчисленныя породы животныхъ, „не нашель“ (значить—*искалъ!*) подобнаго себѣ существа, такъ и каждый человѣкъ ищетъ себѣ именно помощника, любящее существо. Оттого такъ невыносимо чело-

вѣку одиночество. Оно даже не возможно для человѣка. И всѣ затворники жили не въ одиночествѣ, а съ Богомъ, въ Которомъ видѣли Отца своего и Друга,—какъ они и выражались иногда сами. И лишь потому пустынное жительство было имъ драгоцѣннѣе царскихъ чертоговъ. У Бьёрнстёрне-Бьёрсона въ пьесѣ: „Банкротство“ одно дѣйствующее лицо говоритъ другому, что „люди должны открывать одинъ другому свое сердце“... И не только должны, а и съ радостью открываютъ, если встрѣчаютъ друга. Короче,—въ человѣкѣ существуетъ неодолимая „потребность друга, и если эта потребность не будетъ удовлетворена, если, несмотря на всѣ поиски, душа не найдетъ дружбы и любви, человѣкъ роковымъ образомъ прибѣгаетъ, въ большинствѣ случаевъ, къ вину, въ немъ ищетъ облегченія скорби. Такимъ образомъ, коренная причина пьянства заключается въ неимѣннн друга и въ болѣе или менѣе установившемся убѣжденн въ невозможности найти его среди людей.

Намъ пришлось какъ-то слышать отъ одного человѣка, что онъ пьетъ потому, что *въ этомъ лишь* находитъ себѣ радость, утѣху:—„Выпьешь... и кажется, будто всѣ повеселѣли, и самъ веселѣе дѣлаешься. Въ этомъ вотъ—и удовольствн“. Мы не рѣшились бы сослаться на это наблюдение, сдѣланное человѣкомъ надъ самимъ собою, если бы оно не могло быть проверено всякимъ. Но каждый можетъ отъ любого пьяницы услышать подобное же объяснение, потому что психологическое состоянне охмелѣвшаго именно таково. На него всѣ смотрятъ, какъ на невмѣняемаго, прощаютъ ему то, чего трезвому не прощаютъ, къ его рѣчамъ относятся, какъ къ дѣтскимъ (да онъ и на самомъ дѣлѣ беззащитенъ, какъ ребенокъ). Вино, такимъ образомъ, представляетъ ему людей въ другомъ свѣтѣ,—они становятся для него „веселѣе“, снисходительнѣе... „Забудь свою кручину, сведемъ съ тобою дружбу, мой милый, дорогой“, говоритъ въ пѣснѣ одинъ другому. Въ этихъ словахъ безотчетно выражена вся психологня человѣка, прибѣгающаго къ винопитню: ему хочется забыть свою

кручину, найти себѣ постояннаго друга,—но, къ сожалѣнію, онъ находитъ все это лишь въ винѣ.

Народъ нашъ называютъ грубымъ, неспособнымъ къ тонкимъ, нѣжнымъ чувствамъ. Но у знатока русскаго народа—Тургенева есть маленькое, прекрасное стихотвореніе: „Щи“, въ которомъ поэтъ говоритъ, что и простой народъ можетъ чувствовать глубоко и нѣжно. Народъ нашъ лишентъ непосредственнаго согрѣвляющаго дѣйствія любви образованныхъ людей, онъ не имѣетъ ихъ около себя. Это—не преувеличеніе, это—лишь перифразъ заключенія разсказа Чехова: „Мужики“. Народъ ищетъ любви къ себѣ. Послушайте, какъ до-вѣрчиво, какъ охотно и подробно рассказываетъ онъ о своихъ нуждахъ каждому и какъ благодаритъ за выраженіе сочувствія; поистинѣ, онъ записываетъ это на скрижаляхъ сердца свсего, какъ рѣдкую, великую услугу. Душа каждаго алчетъ дружбы. Но друзей народъ не видитъ, ихъ почти нигдѣ для него нѣтъ, а потому онъ и прибѣгаетъ къ единственному оставшемуся на его долю утѣшенію. Весьма знаменателенъ тотъ фактъ, что чѣмъ заброшеннѣе какой-нибудь уголокъ, тѣмъ сильнѣе здѣсь проявляется общенародная болѣзнь—пьянство. Не отъ невѣжества лишь пьянство отуманило нашъ народъ такъ, что онъ загноился отъ него, а, главнымъ образомъ, потому, что народъ нашъ одинокъ, безпомощенъ, не имѣетъ дружески расположенныхъ къ нему людей, которые явились бы для него утѣшителями, наставниками, заступниками. Гдѣ *добрый* священникъ, тамъ всегда меньше пьянства, такъ какъ народъ чувствуетъ любовь къ себѣ, и въ какой мѣрѣ онъ её чувствуетъ, какъ разъ въ такой же отходить отъ искусственнаго утѣшителя, т. е. отъ вина.

Но почему же человекъ, удовлетворяя эту потребность, обращается именно къ вину?—Вино даетъ ему иллюзію силы, ступшеываетъ всю непроходимую пропасть между нимъ и другими, т. е. уничтожаетъ самую главную причину недружелюбія; оно, давая иллюзію равенства съ другими, какъ бы общаетъ вмѣстѣ и дружбу съ ними хотя бы то на самое

короткое время.—Говорятъ, что въ винѣ человѣкъ ищетъ забвенія. Но какого забвенія?—Вино не даетъ забвенія: и пьяный помнить свое горе, жалуется на него, рассказываетъ о немъ по-многу разъ, плачетъ и т. д. Нѣтъ, вино даетъ не забвеніе, а, повторяемъ, иллюзію силы; человѣку кажется, что силы его увеличились,—и самое горе представляется ему уже не такимъ страшнымъ: для безсильнаго ужасно нести пудовую ношу, но для сильнаго это не составляетъ труда. „Вино,—какъ говорить псалмопѣвецъ,—веселитъ сердце человѣка“. Вотъ за эти-то свойства вина, какъ укротителя страданій, греки считали богомъ его изобрѣтателя, а всѣ люди ищутъ въ немъ утѣшенія. Поэты очень часто, восхваляя вино, какъ-то, точно нечаянно, начинали говорить о дружбѣ, о любви: очевидно, вино и дружба могутъ быть соединимы, и между ними есть какая-то тайная связь. Вино удовлетворяетъ сердце, просящее дружбы, любви, снисхожденія.

Есть и еще основанія, которыя говорятъ въ пользу указаннаго нами объясненія главной причины пьянства. Подобно тому, какъ евангельскій блудный сынъ палъ въ бездну нравственнаго безобразія на чужбинѣ, такъ и большая часть людей пріучается къ пьянству вдали отъ родного очага. Въ любящихъ ихъ людей они испытываютъ сердечный голодъ, переносятъ холодъ человѣческихъ отношеній. Нигдѣ нѣтъ такого пьянства, какъ на фабрикахъ въ большихъ городахъ. Человѣкъ не имѣетъ на чужбинѣ любящаго существа, фабрика же употребляетъ его, какъ вещь, ей нужны его руки. Вотъ отсутствіе друга и подвигаетъ человѣка къ пьянству,—нужно же утѣшеніе, нужно разсѣяніе невеселыхъ думъ! Въ грубыхъ семьяхъ, и особенно тамъ, гдѣ есть отчимъ или мачеха, очень часто проявляется страсть къ пьянству—и именно по той же самой причинѣ: дѣти не имѣютъ друга и инстинктивно ищутъ его въ винѣ. И если говорятъ, что на такого-то человѣка дурно повліяла среда, пріучила его пить спиртные напитки, то это лишь значитъ, что среда отнеслась къ человѣку холодно, равнодушно, не произнесла для него ла-

сковаго слова, не выставила для него любвеобильнаго товарища и друга. Въ добрыхъ семьяхъ благоухаетъ трезвость; здѣсь не нуженъ искусственный утѣшитель и возбудитель, здѣсь сіяютъ дружба, радость, любовь. Дитя видитъ друга въ матери, въ отцѣ, въ братьяхъ, сестрахъ. И во время пребывания своего въ родномъ домѣ подростокъ не научится пить вино,—это психологически не возможно; если же онъ пьетъ въ компаніи товарищей, то все же безъ страсти, равнодушно.

Большинство обыкновенно начинаетъ пить въ періодъ зрѣлости (отъ 16 до 22 лѣтъ). Причина ясна. Это—годы кипучей энергіи и наиболѣе интенсивнаго исканія дружбы. Потребность дружбы въ этомъ возрастѣ бываетъ особенно сильна, и если юноша не видитъ друга, не находитъ любви, онъ обращается часто къ вину. А сколько такихъ, которые начинали пить вслѣдствіе несчастной любви!.. Возвышенная потребность, не будучи удовлетворена, хватается за бездушнаго, опаснаго утѣшителя.—Нуждаясь, опять-таки, въ другѣ, человѣкъ вступаетъ въ бракъ, и бракъ оказываетъ на него разныя вліянія. Бываетъ, что раньше предававшійся пьянству прекращаетъ совершенно употребленіе спиртныхъ напитковъ; иногда же замѣчается діаметрально противоположное явленіе, а еще чаще — человѣкъ и до брака и послѣ остается безъ измѣненія. Въ первомъ случаѣ перемѣна можетъ быть объяснена тѣмъ, что человѣкъ нашелъ въ женѣ друга, любящее, отзывчивое существо, и потому ничто его не влечетъ больше къ вину; чувствуя инстинктивно эту истину, говорятъ иногда, что единственное средство для того, чтобы такой-то пьянствующій юноша образумился, это—женитьба его на хорошей, доброй дѣвушкѣ. Во второмъ, а равно, и въ третьемъ случаяхъ жена не оказалась чуткой, внимательной по отношенію къ мужу и не воспрепятствовала ему искать друга въ винѣ. При реальной же дружбѣ не бываетъ ни пьянства, ни вина; живая человѣческая любовь исключаетъ присутствіе вина, какъ своего соперника; дѣйствительный другъ не допускаетъ рядомъ съ собою присутствія фиктив-

наго друга въ видѣ вина. Хорошей иллюстраціей послѣдней мысли можетъ служить сцена въ разсказѣ Потапенки: „Призваніе“. Молодой студентъ семинаріи Константинъ Онцевъ женится на любимой и любящей его дѣвушкѣ. Послѣ вѣнца, на брачномъ пиру, онъ встрѣчается съ своимъ товарищемъ по семинаріи и пьетъ съ нимъ... до полного охмелѣнія. Голова закружилась, и онъ долженъ былъ выйти въ садъ. Слѣдомъ за нимъ идетъ его жена. Онцевъ начинаетъ клясться и увѣрять её, что никогда больше не будетъ пить, *не будетъ оскорблять её*. Она не высказала мужу ни малѣйшаго порицанія, но Онцевъ понялъ, что своимъ поведеніемъ *оскорбилъ* ее: при наличности ея любви и дружбы онъ пьетъ вино,—это является чѣмъ-то, похожимъ на невѣріе въ ея дружбу, чѣмъ-то въ родѣ измѣны.—Если же „добрые знакомые“ при всякомъ удобномъ случаѣ пьютъ вино, и если только при помощи его оживляются ихъ разговоры, смягчаются ихъ сердца, то почти навѣрное можно сказать, что они только воображаютъ себя друзьями, на самомъ же дѣлѣ—совершенно посторонніе люди относящіеся другъ къ другу такъ же, какъ относились къ Ивану Ильичу его „друзья“ („Смерть Ивана Ильича“ Толстого). Дружбы нѣтъ, видна неискренность, чувствуется лицемѣріе, ихъ давитъ натянутость,—нужно, значитъ, для пріятнаго сообщества создать хотя призракъ дружбы. А вино создаетъ это какъ нельзя лучше. Да люди и прямо говорятъ, что они пьютъ ради *объединенія, сближенія* другъ съ другомъ, т. е. признають реальною разрозненность, холодность и взаимное безучастіе. Они не могутъ безъ вина провести вечера, имъ становится скучно, неловко,—а вино даетъ имъ иллюзію ихъ дружбы.

О чемъ, наконецъ, говоритъ самый видъ человѣка нетрезваго? Развѣ онъ не выдаетъ скрытаго дотолѣ побужденія?—Человѣкъ становится неузнаваемо общителенъ, разговорчивъ, охотно рассказываетъ о своихъ нуждахъ, жалуется на свои несчастія и буквально проситъ себѣ сочувствія. Въ немъ является дѣтская довѣрчивость, онъ всѣми средствами старается возбудить въ другомъ интересъ къ себѣ и внима-

ніе; словомъ, онъ желаетъ видѣть въ собесѣдникѣ своемъ друга своего. Отсюда—столь обычныя у пьяныхъ сентиментальность и слезы. Они обнимаютъ собесѣдника, цѣлуютъ его, кланяются въ ноги, клянутся помнить вѣчно ласковое обращеніе, за рукопожатіе готовы сдѣлать все. Есть народныя пословицы, хорошо выражающія это состояніе. Намъ (и едва ли только намъ) также приходилось наблюдать, что въ пьяномъ видѣ человѣкъ становится болѣе самоотверженъ и, напр., бросается въ воду для спасенія утопающаго... Но бываетъ и наоборотъ: иной разъ отъ вина человѣкъ дѣлается гордымъ, раздражительнымъ, требовательнымъ; въ немъ пробуждается самохвальство, онъ осуждаетъ всѣхъ, кромѣ себя; скромный дотолѣ, онъ говоритъ дерзости даже своему начальству, протягиваетъ руку тому, кому въ трезвомъ видѣ лишь раболѣпно кланяется.—Но если хорошенько разобраться, то можно будетъ и здѣсь замѣтить общую основу пьянства, а именно—неудовлетворенное желаніе имѣть друга; оно и въ этомъ случаѣ проявляетъ себя, или лучше—заявляетъ о себѣ. Вѣдь человѣкъ держитъ себя не равнодушно по отношенію къ окружающимъ, а, наоборотъ, вызывающе, заносчиво; это потому, что онъ сознаетъ себя въ данный моментъ успокоеннымъ: „вы и не нужны мнѣ, — какъ бы говорить онъ: — оказывается, при помощи вина я могу быть вполне доволенъ и одинъ“. Отсюда—его безпокойный тонъ, его придирчивость. Очевидно, душа его, выражаясь образно, раньше тайно приближалась къ постороннимъ лицамъ, искала у нихъ себѣ любви, но не нашла, и лишь теперь высказываетъ по этому поводу скорбь и непріязнь свою. Потому-то и бываетъ, что охмелѣвшій обвиняетъ другого въ томъ, въ чемъ этотъ другой чувствуетъ себя совершенно невиновнымъ, и никакъ не можетъ понять его жалобы: онъ, конечно, не знаетъ тайныхъ движеній души охмелѣвшаго, какъ, напр., мы не знаемъ навѣрное, что думаетъ о насъ тотъ или другой человѣкъ. Пьянство, такимъ образомъ, является здѣсь чѣмъ-то въ родѣ мести другимъ за ихъ нечувствительность къ запросамъ души,

ищущей друга. Стоит лишь всмотрѣться въ героевъ Горькаго, вслушаться въ ихъ рѣчи,—и придется невольно согласиться съ этимъ.

Итакъ, глубочайшею, метафизическою причиною прискорбнаго народнаго недуга—пьянства является неудовлетворенное стремленіе духа крестьянина къ дружбѣ, неимѣніе близкаго любящаго сердца. Если же у всѣхъ людей одинаковая природа и одинаковые запросы духа, а пьянству предаются не всѣ, то это оттого, что одни удовлетворяютъ свои порывы къ дружбѣ, т. е. имѣютъ друга въ дѣйствительности, а у другихъ не такіе интенсивные самые порывы къ дружбѣ, потребность въ ней... Какая пѣжная потребность—и какіе убійственные результаты!..

Теперь, полагаемъ, ясно, чего можетъ достигнуть пастырь, любящій народъ, сочувствующій его скорбямъ и нуждахъ. Именно—надо *любить* и *любить* духовныхъ чадъ своихъ!.. Тогда пьянство исчезнетъ безвозвратно, совершенно. Все то, что нынѣ предпринимается въ противодѣйствіе пьянству, возникнетъ само собою—легко и послѣдовательно; но тогда эти библіотеки, читальни, спектакли, школы будутъ безопадными врагами пьянства, между тѣмъ какъ теперь не имѣютъ почти никакого успѣха въ борьбѣ съ нимъ. Полюбить своихъ прихожанъ, научиться смотрѣть на нихъ, какъ на близкихъ, какъ на дѣтей, сельскому пастырю легче, чѣмъ городскому, потому что члены сельскихъ приходоу тѣснѣе сплочены между собою и ближе стоятъ къ своему „ба-тюшкѣ“.

Неизмѣримо-громадное значеніе имѣетъ семья въ дѣлѣ воспитанія добродѣтели или порока. А потому, прежде всего сюда и долженъ пастырь вносить свѣтъ любви Христовой, оживлять ею человѣческія отношенія; умиротворить семью, засвѣтить въ ней свѣтильникъ мира и взаимнаго сочувствія—значить въ корнѣ уничтожить здѣсь опасность зараженія пьянствомъ. А какъ это дѣлать, объ этомъ едва ли можно и спрашивать: священникъ всегда имѣетъ поводъ и случай

быть у крестьянина и учить его. Пусть прихожане увидятъ въ „батюшкѣ“ своего друга, благого руководителя; пусть они въ трудную минуту обращаются къ его помощи, — тогда явится побѣдоносный бичъ недуга, наложившаго струны на народный организмъ. Надо внушать народу, что пьянство есть ужасная болѣзнь, надо самому пастырю чувствовать состраданіе къ народу...

На фундаментѣ любви надо затѣмъ уже устраивать такъ называемыя общества трезвости. Чѣмъ неразвитѣе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе подчиняетъ его волю общественное мнѣніе, каждая насмѣшка сосѣда готова сломить его рѣшеніе не пить больше. Вотъ съ этой-то стороны общество трезвости и облегчаетъ борьбу съ пьянствомъ. Рѣшившійся отвыкнуть видеть, что онъ — не одинъ, что у него есть поддержка. Общество трезвости можетъ легко стать стихіей, восполняющей и удовлетворяющей потребность человѣка къ дружбѣ, здѣсь легко могутъ возникнуть взаимная поддержка и участіе.

Итакъ, любовью должно быть богато сердце дѣятеля, желающаго отрезвить своихъ меньшихъ братьевъ; объ этомъ надо прежде всего и заботиться, а остальное приложится. Истинная любовь не станетъ скрываться въ глубинѣ духа, не будетъ пассивной, — пѣтъ, она проявится внѣ и *сотворитъ плодъ много* при содѣйствіи благого Помощника — Христа Спасителя!

И. Триодинъ.

Церковныя поученія, какъ средство пастырскаго вліянія на прихожанъ.

Церковныя поученія—въ древности существенная часть богослуженія—имѣють весьма важное значеніе въ дѣлѣ пастырскаго служенія. Новѣ пользованіи этимъ средствомъ нужно столько умѣнья, осторожности, воодушевленія и огня, что въ современной пастырской практикѣ оно оказываетъ, къ сожалѣнію, сравнительно мало вліянія на народъ.

Въ одномъ изъ недавно обнародованныхъ писемъ къ священнику С. А. Рачинскій говорить, что „простой народъ смотритъ на проповѣдь, какъ на одно только благочестивое времяпровожденіе“. „Проповѣдью, — разъясняетъ эту мысль одинъ изъ новгородскихъ священниковъ, — ты можешь крестьянина растрогать, расчувствовать, умилишь, но тѣмъ не менѣе въ глубинѣ своего сознанія онъ не перестанетъ смотрѣть на нее, какъ на вѣчто, не могущее имѣть практическаго примѣненія въ жизни, такъ что и послѣ выслушанія проповѣди, напр., о порочности лжи, обмана, крестьянинъ попрежнему въ своихъ дѣлахъ будетъ допускать и то и другое“. Все это въ значительной степени вѣрно, но далеко не во всѣхъ районахъ Россіи. Весьма возможно, что на сѣверѣ (въ частности, въ Новгородской губ.) простой народъ смотритъ на проповѣдь, именно, какъ на „благочестивое времяпровожденіе“, потому что тамъ, какъ возможно предположить изъ мѣстныхъ условій жизни, преобладаетъ типъ „беззащитныхъ“ предъ внѣшними вліяніями крестьянъ, которые, проводя всю почти жизнь въ постоянныхъ шатаніяхъ съ мѣста на мѣсто съ цѣлью добыть кусокъ хлѣба, естественно ищутъ прежде всего покоя, „пристанца“ ¹⁾ и не имѣютъ опредѣленныхъ, устойчивыхъ церковно-приходскихъ стремленій и привычекъ. Къ такимъ крестьянамъ скорѣе всего можетъ относиться вышеприведенная аттестація какъ названнаго новгородскаго священника, такъ и Рачинскаго. Но въ Южной и Юго-Западной Россіи, гдѣ условія жизни и сами крестьяне совершенно иные, гдѣ преобладаютъ типы „сильныхъ“ и положительныхъ крестьянъ съ отгѣнкомъ индивидуалистическимъ въ теоретической и практической областяхъ, — здѣсь врядъ ли могутъ относиться къ проповѣди, какъ къ „благочестивому“ только „времяпровожденію“, потому что, если бы дѣло обстояло такъ, то непонятно было-бы возникновеніе и усиленіе сектантства именно здѣсь, на югѣ. Последнее показываетъ, что потребность въ

¹⁾ См. „Горе стараго кабана“ Златовратскаго.

духовно-религіозномъ учительствѣ здѣсь чрезвычайно усилилась, и потому къ поученіямъ съ церковной кафедры здѣсь прислушиваются въ высшей степени внимательно ¹⁾).

Народъ какъ здѣсь по преимуществу, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ испытываетъ глубокую потребность, чтобы для него „раскрыли въ сильномъ и вдохновенномъ словѣ высоту и святость православно-христіанскаго ученія, показали ни съ чѣмъ несравнимую назидательность и умилительность православнаго богослуженія и, наконецъ, что очень важно, представили живые примѣры высокой жизни по Евангелію“ ²⁾), Къ нечашью, современная проповѣдь, особенно народная, не стоитъ на надлежащей высотѣ.

Въ области высшаго духовнаго краснорѣчія мы имѣемъ множество выдающихся представителей (митр. Филаретъ Дроздовъ, архіеп. Никаноръ Херсонскій, архіеп. Иннокентій Херсонскій, еп. Іоаннъ Смоленскій, архіеп. Амвросій Харьковскій, еп. Антоній Волинскій и др.), въ области же народной проповѣди—очень немного, да и не столь выдающихся (Путятинъ, Стратилатовъ, Недѣльскій и пр). И это весьма понятно, потому что народная проповѣдь требуетъ чрезвычайно тонкаго, искуснаго примѣненія къ различнымъ мѣстнымъ условіямъ, тѣмъ или инымъ крестьянскимъ типамъ; она должна быть *своя, особая* не только въ отдѣльныхъ районахъ и въ отношеніи къ различнымъ классамъ, но (даже необходимо) должна примѣняться къ мелкимъ приходскимъ единицамъ, къ потребностямъ мѣстной общины и составляющихъ ее индивидовъ. Проповѣдь публицистически-ораторскаго типа напра-

---

¹⁾ Намъ лично приходилось не разъ произносить поученія въ различныхъ мѣстахъ Кіевской епархіи, и непремѣнно почти послѣ каждаго находилось много желающихъ послушать то же въ болѣе распространенномъ видѣ; предлагались при этомъ разные недоумѣнные вопросы по поводу тѣхъ или иныхъ явленій дѣйствительной жизни и ихъ несогласія съ началами и понятіями христіанскими. Все это еще болѣе подтверждаетъ высказанную нами выше мысль.

²⁾ Тульскія епархіальн. вѣдом. 1903 г. 15 марта, 373 стр.

влена вообще ко всякому образованному человѣку и можетъ дѣйствовать на каждаго; проповѣдь народная не можетъ быть одинаковою для всѣхъ.

Но главная причина того, почему такъ слабо развита у насъ народная проповѣдь, заключается въ крайней неблагопріятности практической почвы для ея развитія. Образованный классъ духовенства у насъ, по большей части, разсѣянъ по городамъ и, слѣдовательно, не можетъ быть въ достаточной степени знакомъ съ нуждами народными, чтобы проповѣдывать о послѣднихъ. Въ селахъ же и деревняхъ, особенно въ послѣднее время, священствуютъ часто люди, не получившіе иногда даже и средняго образованія, а окончившіе только курсъ духовнаго училища. Само собою понятно, что учительность такихъ пастырей, какъ проповѣдниковъ церковныхъ, весьма невысокаго качества. Кромѣ того, существуетъ еще одно довольно стѣснительное для народно-церковной проповѣди условіе,—это духовная цензура. Каждый священникъ, желающій произнести „свою“ (не печатную) проповѣдь, обязанъ представить ее для просмотра благочинному и потомъ уже, съ разрѣшенія послѣдняго, произносить. Легко себѣ представить, знаи неподвижность нашего сельскаго духовенства, какъ подобное условіе вліяетъ даже на тѣхъ немногихъ изъ сельскихъ священниковъ, которые бы хотѣли часто проповѣдывать у себя. Притомъ, такая проповѣдь должна быть составлена и подана благочинному значительно раньше произнесенія ея, слѣдовательно, по необходимости она должна быть шаблонною, трактующею объ общихъ матеріяхъ; въ ней не можетъ быть того огня, какой сообщается проповѣди непосредственнымъ воодушевленіемъ говорящаго, если онъ говоритъ по поводу только-что имъ замѣченныхъ недостатковъ, которые смутили и возмутили его.

Предположимъ даже, что проповѣдь написана подъ вліяніемъ искренняго, глубокаго воодушевленія. И въ этомъ случаѣ она, изложенная на бумагѣ, не можетъ уже произвести такого впечатлѣнія на слушателей, какъ если бы была тотъ-

часть же произнесена, потому что въ логической и стилистической обработкѣ она потеряетъ весьма значительную долю эмоціальныхъ, вліяющихъ на чувство, элементовъ и, слѣдовательно, мало пригодна для произнесенія передъ сельскими прихожанами, рѣдко и съ трудомъ поддающимися теоретическимъ, отвлеченнымъ доводамъ и убѣжденіямъ.

Отсюда, естественно, возникаетъ вопросъ: какая же проповѣдь наиболѣе пригодна для села—печатные ли образцы, или же импровизація?—По этому вопросу, намъ думается, не можетъ быть двухъ мнѣній. Печатные образцы, которые имѣются по церквамъ отдѣльными изданіями и рассылаются въ качествѣ приложений при различныхъ духовныхъ журналахъ, едва ли могутъ быть названы вполне удовлетворительными. Въдѣ въ каждомъ почти приходѣ существуютъ свои нужды, слѣдовательно, проповѣдь, написанная часто совершенно при иныхъ условіяхъ, можетъ удовлетворить означеннымъ *мѣстнымъ* нуждамъ только случайно. Въ большинствѣ же, если бы даже она была вполне безукоризненно составлена, явится только хорошимъ разсужденіемъ о разныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, болѣе теоретическаго характера, чѣмъ практическаго, прослушавъ которое, крестьянинъ похвалитъ, но, по выходѣ изъ церкви, тотчасъ же и забудетъ его. Такъ дѣйствительно часто и бываетъ у тѣхъ священниковъ, которые „читаютъ“ проповѣди въ церкви.

Возможно, правда, здѣсь и счастливое исключеніе. Случаются пастыри (больше изъ молодыхъ), которые не только продумаютъ, но и прочувствуютъ приготовляемую для произнесенія печатную проповѣдь,—конечно, если она подходит къ мѣстнымъ нуждамъ. Но несравненно лучше и полезнѣе для нашего народа импровизація, т. е. живое, свободное изложеніе пастыремъ передъ пасомыми уроковъ священно-евангельской исторіи примѣнительно къ установленному порядку празднованій круга годичнаго и непремѣнно въ связи съ различными явленіями мѣстной приходской жизни, дающими основаніе и поводъ для тѣхъ или иныхъ нравствен-

ныхъ выводовъ. Можно, конечно, говорить и не по поводу праздниковъ, а по различнымъ поводамъ частнымъ изъ мѣстной приходской жизни; но при этомъ необходимо отыскивать для прихожанъ въ этихъ послѣднихъ поводахъ ихъ высшій нравственный смыслъ и указывать на Бога, какъ высшаго всеблагого виновника всего. И если цѣль церковной проповѣди—быть живымъ органомъ для словесно-учительнаго общенія между пастыремъ и пасомыми,—органомъ, вполне выражающимъ всѣ колебанія жизни приходской, то таковымъ органомъ необходимо должна сдѣлаться именно проповѣдь въ формѣ импровизаціи.

Л—скій.

Современные способы распространения сектантских заблуждений въ народѣ и необходимыя мѣры противодѣйствія имъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Чтобы покончить съ сектантскою литературой, какъ могущественнымъ средствомъ распространения сектантскихъ заблуждений, скажемъ еще объ имѣющихъ большое распространение среди сектантовъ и православныхъ простолюдиновъ адвентистскихъ брошюръ и листовъ малеванскихъ и іеговистическихъ.

Адвентисты (*пришельцы субботняго дня*) нашли въ русскихъ штундистахъ весьма благопріятную почву для распространения своихъ заблуждений. Штундобантисты съ ихъ стремленіемъ устроить жизнь свою по буквѣ заповѣдей Свящ. Писанія не встрѣтили въ Писаніи слѣдовъ замѣны празднованія субботняго дня воскреснымъ и легко склонились къ проповѣди адвентистовъ. Брошюрки и книжки послѣднихъ: „Какой день празднуешь ты?“, „Библейскія чтенія о насто-

¹⁾ См. № 49-й за 1904 г.

ящей истинѣ“ и др., хотя и были встрѣчены враждебно вожаками штундистовъ и производили въ началѣ большой со-блазнъ, однако въ послѣднее время усердно читаются, и большинство штундистовъ перешло къ празднованію суббот-наго дня.

Брошюры адвентистовъ довольно гладко составлены образованными сектантами, и распространеніе ихъ въ средѣ штундистовъ, поэтому, понятно. Но что трудно понять, это довольно широкое распространеніе безграмотно стоставленныхъ и бѣдныхъ содержаніемъ листковъ малеванскихъ, подъ заглавіемъ: „Посланія Іисуса Христа“.

Посланія эти первоначально были простыми письмами Кондрата Малеваннаго къ оставшейся на родинѣ въ г. Таращѣ, Кіевск. губ., женѣ его. Но затѣмъ эти письма стали принимать все болѣе и болѣе видъ вѣроучительныхъ посланій. Малеванный въ каждомъ письмѣ сталъ напоминать семейству о своемъ особомъ назначеніи въ мірѣ. „Вы знаете,— постоянно пишетъ онъ,— о чемъ я сказалъ вамъ, когда былъ съ вами, а теперь оставилъ васъ; вы знаете пути мои, и что должно сбыться со мною... Богъ далъ мнѣ жизнь и Духа Своего премудрости, чтобы я свѣтилъ Его свѣтомъ людямъ, чтобы, подобно тому, какъ вы узнали сей свѣтъ Незаходимаго Солнца правды, и всѣ люди такими же признаками узнали едипую творческую любовь и жили во всѣхъ концахъ свѣта у Его благодати, которую даровалъ всѣмъ вамъ“ и т. д.

Такія посланія Малеваннаго если не распространяють его заблужденій, то сильно ихъ укрѣпляютъ, и когда они читаются на собраніяхъ малеванцевъ, то производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Возбужденные и умиленные малеванцы, послѣ чтенія, падаютъ на колѣни и съ воздѣтыми руками вопіють: „о, приди, приди, спасителю нашъ!“...

Наконецъ, что касается дѣйствія распространяемыхъ въ народѣ, и также преимущественно среди штундистовъ и штундистами, повидимому, не имѣющихъ прямого къ этой сектѣ отношенія, листковъ іеговистическихъ, то оно—прямо ужасно.

Всѣ іеговистическіе листки—произведеніе основателя секты штабсъ-капитана артиллеріи Ильина. Въ настоящее время главнымъ средоточіемъ секты и мѣстомъ, откуда распространяются произведенія Ильина, является Баранчинскій горный заводъ, Оренбургской губерніи.

Произведенія Ильина многочисленны и написаны частью въ видѣ гимновъ, эпиграммъ и эпитафій стихами, частью въ видѣ прозаическихъ произведеній. Тѣ и другіе не столько вѣроучительнаго, сколько сатирическаго содержанія, и нѣтъ ни одного христіанскаго и нехристіанскаго (іудейскаго, магометанскаго) вѣрованія, нѣтъ ни одного религіознаго вѣрованія или обычая, которые избѣжали бы необыкновенной злобности и ненависти этихъ произведеній Ильина. Называя себя посланникомъ Іеговы, Ильинъ ненавидитъ и въ ненависти своей старается если не разрушить, то въ непередаваемо-гнусныхъ словахъ унижить, оскорбить все, чтò составляетъ святыню каждаго вѣрующаго. Онъ далекъ столько же отъ еврейства, сколько и отъ православія, хотя ядъ свой по преимуществу изливаетъ на Церковь и ея установленія.

Всѣ листки іеговистовъ пишутся отъ руки печатнымъ шрифтомъ, со множествомъ подстрочныхъ примѣчаній и ссылокъ на К. С., т. е. на главное произведеніе Ильина: „Книгу съ неба“, или „Сіонскую вѣсть“. Заглавія листовъ вычурны, напр.: „Маршъ лаодикійскихъ побѣдителей“, „Камень, оторвавшійся съ горы и покатившійся“, „Семитысячелѣтняя битва Христа съ Веліаромъ“, „Общечеловѣческая истина, прорвавшаяся наконецъ въ сей адски-митуційся міръ чрезъ всѣ въ немъ сатанински-христіанскія инквизиціи, или религія по разуму разрушающая всѣ 666 адски-суевѣрныя христіанства и сатанинское іудейство“, „Эссенція изъ животворящаго свѣта нынѣшняго всемірнаго свѣтителя, посланная Ёговой въ сей омраченный сатаною міръ“ и т. п.

Листки іеговистовъ имѣютъ значеніе въ отношеніи распространенія сектантскихъ заблужденій не столько по своему положительному содержанію, сколько по разрушительному своему характеру. Въ томъ мистическомъ бредѣ, который Ильинъ выдаетъ за новое откровеніе Іеговы, трудно разо-

браться; но кто чувствует какое-либо недовольство Православною Церковью, найдетъ въ листкахъ іеговистовъ подходящій, съ діавольскою услужливостію предлагаемый, матеріаль. Въ этомъ, какъ кажется, тайна распространенія іеговистическихкихъ листовъ штундистами, по своему вѣроученію ничего общаго съ іеговистами не имѣющими.

Мы указали различнаго вида устную и письменную проповѣдь сектантскихъ заблужденій въ русскомъ народѣ. Чтобы понять, что эта проповѣдь является дѣйствительнымъ средствомъ распространенія этихъ заблужденій, нужно ясно себѣ представить, на какую почву падаютъ сѣмена ея. А почва эта, къ несчастью, въ высокой степени благопріятна. И не въ энергіи и настойчивости этого проповѣданія, не въ знаніяхъ и способностяхъ сектантскихъ проповѣдниковъ, не въ богатствѣ или оригинальности содержанія проповѣди ихъ кроется причина сектантскихъ успѣховъ. Малая освѣдомленность наша въ вопросахъ вѣры и инертность нашей церковной жизни—вотъ что даетъ успѣхъ проповѣди сектантской. Какъ ложь предъ истиной, такъ сектантство предъ православіемъ не могло бы устоять и имѣть какой-либо успѣхъ; но истина православія остается нами малосознанной и мало проникаетъ въ жизнь нашу. Вотъ почему сектантство на пути своемъ встрѣчаетъ не отпоръ, а уклоны безъ удержу распространяется среди народа нашего.

Еще покойный архіеп. Никапоръ говорилъ съ горечью, что нѣтъ другого христіанскаго народа, который бы, при полной преданности своей вѣрѣ, такъ мало зналъ ее, какъ мы, русскіе. Безграмотный въ теченіе многихъ вѣковъ, народъ нашъ всю свою религіозную правоту полагалъ въ авторитетѣ духовенства, знающаго „божественныя книги“. Необыкновенное преклоненіе предъ печатною книгою, рѣшительное отрицаніе всякаго иного, кромѣ буквального, исполненія того, что написано, создало расколъ. Такое же преклоненіе предъ буквою Писанія безъ знанія духа его даетъ успѣхъ и сектантству. Только сектантство выдѣлило изъ всѣхъ книгъ,

одинаково божественныхъ для простолюдина, Библию, Слово Божіе и, ставъ на букву его, дѣлаеть пересмотръ всему укладу церковной жизни. Съ этой точки зрѣнія оно не находитъ въ Библии прямыхъ указаній на многіе догматы Православной Церкви и заповѣдей относительно многихъ установленій церковныхъ, а потому отвергаетъ Церковь, содержащую эти догматы и установленія. Незнакомый съ Библией, незнающій значенія для нашей вѣры Свящ. Преданія, весь нашъ простой народъ застигнуть врасплохъ этой критической работой сектантства и остается безотвѣтенъ.

Къ великому сожалѣнію, не помогли ему разобраться въ этой лживой, имѣющей только видъ истиннаго Слова Божія, критикѣ и тѣ, на чей авторитетъ полагался простолюдинъ, т. е. приходскіе пастыри. И они были застигнуты врасплохъ. Знакомые съ систематическими доказательствами правоты своей вѣры, они оказались совершенно незнакомыми съ жизненными отрицаніями ея. Нападкамъ на основаніи буквы Писанія, какъ источника нашей вѣры, они противопоставляли Преданіе, т. е. какъ разъ то, что сектанты старались разрушать. Происходило взаимное непониманіе и ожесточеніе, а мечъ Слова Божія оставался въ рукахъ нападающаго. Только въ послѣднее время, стараніями миссіонеровъ, борьба съ сектантствомъ стала въ этомъ отношеніи на правильную дорогу. Миссіонеры разъяснили народу, что Слово Божіе служитъ источникомъ вѣроученія Православной Церкви, и что сектанты совершенно извращаютъ его смыслъ. Дѣятельности миссіонеровъ обязанъ штундизмъ своимъ распаденіемъ. Часть сектантовъ вынуждена была окончателно остановиться на буквѣ Писанія и повернула къ Вѣтхому Завѣту: субботѣ, опрѣснокамъ, обрѣзанію; часть, потерявъ вѣру въ Писаніе вообще, создала малеванщину, т. е. мѣстическую хлыстовщину—только не тайную, а открытую, явную.

Другимъ уклономъ, по которому вкатывается, такъ сказать, сектантство въ простой русскій народъ, является инертность, малоодвижность нашей церковно-приходской жизни.

Цало крѣпостное право, народъ сталъ свободнымъ, явилась свобода передвиженій, распространилась грамотность, а съ нею стали проникать въ народъ новыя идеи общественной жизни, личности и сословныхъ отношеній, стали воскресать забытыя и, повидимому, мертвыя формы церковныхъ братствъ и приходскихъ попечительствъ не для одного лишь строительства церковнаго и благолѣнія храмовъ Божіихъ. Тамъ, гдѣ приходскій священникъ, „разумѣя знаменія временъ“, шель навстрѣчу новому времени,—тамъ дѣло налаживалось и шло, какъ должно. Къ сожалѣнію, не вездѣ такъ было. Во многихъ мѣстахъ приходскіе пастыри намѣренно и упорно не замѣчали въ своихъ приходахъ ничего новаго, не свѣрялись ни съ какими настроеніями прихожанъ. И много новаго, въ которомъ однако слышалась старина вѣчно юнаго духа церковнаго, ушло въ сектанство. Уходили въ сектанство тѣ, которые хотѣли принять болѣе активное, чѣмъ простое стояніе въ храмѣ, участіе въ отиравленіи богослуженія—въ чтеніи и пѣніи, и получили отказъ со стороны членовъ причта; уходили тѣ, которые замѣчали недостатки церковнаго чина и не видѣли исправленія; уходили тѣ, которые соблазнялись господствующими среди прихожанъ пороками и попущеніями ихъ со стороны церковной дисциплины,—которые задумывали для отвлеченія отъ господствующаго пьянства пристраиваться къ обществамъ трезвости, для благочестиваго провозженія досуга—составлять собранія съ чтеніями и пѣніемъ, для матеріальной помощи другъ другу производить денежные сборы. Сектантскія проповѣди находили себѣ слушателей среди не невѣждъ и подкунныхъ людей только, но часто среди лучшихъ элементовъ прихода. Сколько горестныхъ и позднихъ сожалѣній приходится выслушивать теперь по этому поводу со стороны пастырей! А возмись всѣ они во-время со всею пастырскою ревностью за дѣло устроенія приходской жизни сообразно съ назрѣвавшею нуждою и выяснявшимися потребностями,—и сектантской проповѣди не было бы мѣста, и по-

выя настроенія прихожанъ нашли бы себѣ удовлетвореніе у нашей матери-Церкви.

Что же дѣлать теперь, когда уже распространеніе сектантскихъ заблужденій идетъ въ народъ многоразличными способами? когда они, такъ сказать, носятся въ воздухѣ и проникаютъ одинаково въ самые благополучные и неблагополучные приходы?—Исторія распространенія сектантства въ простомъ народѣ, къ сожалѣнію, больше богата ошибками въ различныхъ мѣропріятіяхъ противъ него, чѣмъ успѣхами и добрыми плодами, и гораздо легче, поэтому, сказать, *чего не должно дѣлать*, чѣмъ сказать, *что дѣлать должно*.

А не должно, прежде всего, пастырю Церкви искать себѣ помощи тамъ, куда его можетъ послать только полное забвеніе своего назначенія. Прочтите любое донесеніе приходскаго священника о появленіи въ его приходѣ сектантства, и вы непременно встрѣтите претензію на безучастное отношеніе къ его печалямъ полиціи и вообще гражданскихъ властей. Эти не по времени надежды приходскихъ священниковъ на содѣйствіе властей въ церковно-приходской борьбѣ съ сектантствомъ, эти претензіи и сожалѣнія создаютъ такое настроеніе у миссіонеровъ, идущихъ на помощь приходскому духовенству въ его борьбѣ съ сектантствомъ, что въ пору и руки опустить...

Работать можно съ успѣхомъ только тогда, когда есть сознаніе достаточности силъ. А это сознаніе никогда не должно изсякать у духовенства. Вѣдь не пустой звукъ—обѣтованіе Господа нашего Иисуса Христа о неодолимости Церкви? А если такъ, если мы вѣримъ въ Церковь,—а безъ этой вѣры можетъ ли быть истинный пастырь?—то въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ не должно быть никакого малодунія, никакой растерянности. При извѣстіи о появленіи сектантства въ приходѣ, пастырь Церкви не долженъ обращаться ни къ воздѣйствію сельской и полицейской власти (урядника и станового), ни къ карѣ суда. Дѣло бываетъ положительно неоправимо, если вмѣсто пастырскаго вниманія со стороны священника

совратившійся въ сектантство на первыхъ порахъ своего религіознаго блужданія встрѣтитъ насиліе со стороны власти или приговоръ суда. Боже, сохрани отъ того, чтобы въ этихъ внѣшнихъ воздѣйствіяхъ замѣшана была личность священника, его доносъ или наговоры, его вліянія! Мы знаемъ сотни примѣровъ, когда сектанты не сдавались на самые ясные доводы миссіонеровъ только потому, что одного по недѣлямъ въ станъ гоняли, другой въ тюрьмѣ отсиѣлъ, третьяго урядникъ вызывалъ въ кабинетъ священника „для увѣщанія“, съ четвертымъ односельчане расправлялись въ школѣ, на сходѣ въ управѣ, а то и подлѣ храма послѣ неуспѣшнаго увѣщанія батюшки... Эти *раны* сектантами никогда не забываются...

Приходскій священникъ долженъ знать только свое духовное начальство, которому и долженъ доносить о своихъ нуждахъ и печаляхъ. Конечно, священникъ—человѣкъ и гражданинъ своего государства; онъ не долженъ отказываться отъ своихъ гражданскихъ правъ, какъ и отъ своихъ гражданскихъ обязанностей. Но въ данномъ случаѣ должно соблюдать большую осмотрительность и осторожность, чтобы не повредить дѣлу церковному. Законъ караетъ, между другими преступленіями, и преступленія противъ вѣры; но священникъ, безъ уполномочія на каждый отдѣльный случай своего духовнаго начальства, не долженъ возбуждать дѣлъ объ этихъ преступленіяхъ и взывать къ закону. У закона для этого дѣла есть много нарочитыхъ агентовъ, священникъ же, при каждомъ изъ преступленій противъ вѣры, долженъ прибѣгать къ духовному увѣщанію. Тамъ, гдѣ власть готова придти на помощь, пусть приходитъ безъ зова священника: священникъ о ней помолится и её благословитъ. Тамъ же, гдѣ власть ждетъ зова священника, пусть никогда не раздастся этотъ зовъ. Народъ долженъ знать, что власть исполняетъ свой долгъ или не исполняетъ не по волѣ и зову священника. Пусть никогда народъ не слышитъ за спиной священника окрика становаго или приговора суда; мы не оставимъ тогда

для нашихъ преемниковъ тяжелаго наслѣдства. Вообще, мы рѣшительно высказываемся противъ того, чтобы приходскіе священники доносили полиціи о пріѣзжихъ сектантскихъ проповѣдникахъ и книгоношахъ, о происходящихъ молитвенныхъ общественныхъ собраніяхъ, погребеніяхъ, крещеніяхъ и бракахъ сектантовъ, о случаяхъ совращеній въ сектантство и проч. Тамъ, гдѣ дѣянія сектантовъ носятъ явно уголовный характеръ,—напр., поруганіе святыни, кощунство, изувѣрство и насиліе,—тамъ, прежде всего, священникъ долженъ донести своему духовному начальству и, по вызову только суда и власти, долженъ явиться въ качествѣ эксперта или свидѣтеля, отъ каковой обязанности онъ не можетъ отказаться; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, священникъ долженъ всячески стараться, чтобы сектанты не заподозрили въ немъ обвинителя, дѣйствующаго по своей личной волѣ, а не въ силу требованія закона.

Высказываясь противъ обращенія за содѣйствіемъ къ внѣшней власти на случай распространенія сектантства въ приходъ или преступныхъ дѣйствій сектантовъ, мы отнюдь не стоимъ на томъ, чтобы игнорировать эти печальныя явленія. Наоборотъ, самое внимательное, при помощи всѣхъ доступныхъ для этого средствъ, наблюденіе за всѣмъ совершающимся въ сектантскомъ мірѣ даетъ возможность пастырю предпринять соотвѣтствующія мѣропріятія для противодѣйствія распространенію сектантскихъ заблужденій. Если на пріѣздъ въ приходъ сектантскихъ проповѣдниковъ онъ отвѣтитъ усиленнымъ собственнымъ своимъ проповѣдничествомъ и на ложь—истиной; если въ противовѣсъ сектантскимъ брошюрамъ распространитъ православныя; если прислушается къ говору народному, возбужденному сектантствомъ и возвыситъ свой пастырскій голосъ и авторитетъ,—его миссія на правильной дорогѣ, и за нимъ останется сознаніе исполненнаго долга. Пусть его дѣятельность не будетъ такъ радикальна, какъ изгнаніе и заточеніе сектантскихъ проповѣдниковъ, уничтоженіе сектантскихъ книгъ и брошюръ, прекращеніе молитвенныхъ сек-

тантскихъ собраній; но она въ общей исторіи православія въ его приходѣ отразится несравненно болѣе благопріятно. Церковь основана на вѣки вѣковъ, и наше пастырское дѣло—свѣять и поливать, а не исторгать; возвращаетъ же все Богъ...

Священникъ-миссіонеръ *С. Потъхинъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новая задача для приходской дѣятельности.

За послѣднее время много говорилось и писалось по вопросу о пробужденіи нашей церковно-приходской жизни. Писали по этому вопросу въ духовныхъ журналахъ, писали и въ свѣтскихъ. Въ числѣ другихъ надъ этимъ вопросомъ много поработалъ А. А. Панковъ, поставившій не мало задачъ для приходской дѣятельности. Заботамъ приходской общины г. Панковъ, между прочимъ, поручаетъ и дѣло начальнаго образованія. Къ этой же мысли начинаютъ приходить и другіе представители свѣтской печати. Мы имѣемъ въ виду помѣщенную въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за настоящій годъ (№ 6) статью А. Раменскаго—„Къ вопросу объ объединеніи духовнаго и учебнаго вѣдомствъ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія“.

Въ своей статьѣ г. Раменскій расширяетъ задачи приходской общины въ ея заботахъ о народномъ образованіи: онъ призываетъ приходскихъ дѣятелей къ участию въ осуществленіи такого важнаго дѣла, какъ объединеніе дѣятельности школъ церковно-приходскихъ и земскихъ. Статья, между прочимъ, отличается рѣдкимъ для свѣтскаго автора безпристрастнымъ отношеніемъ къ церковной школѣ. Г. Раменскій, вопреки противоцерковнымъ стремленіямъ извѣстной части общества, не только вполне признаетъ всѣ права церковныхъ школъ на существованіе, но находитъ совсѣмъ нежелательнымъ мѣшать ихъ самостоятельности. Въ настоящее время, — пишетъ онъ, — когда школы обоюго тина заключаютъ себѣ де-

сятки тысячъ учащихся, имѣютъ опредѣленную организацію, многолѣтній опытъ, специальное управленіе, нельзя признать цѣлесообразнымъ исключительное сосредоточеніе дѣла народнаго образованія въ одномъ какомъ-либо вѣдомствѣ. Подобное сосредоточеніе оказалось бы значительнымъ тормазомъ въ безостановочномъ и за послѣднія 20 лѣтъ сравнительно быстромъ развитіи школьнаго и внѣшкольнаго образованія народа. „Пятно невѣжества велико еще въ Россіи, и широко поприще для совмѣстнаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія представителямъ разныхъ вѣдомствъ и всѣхъ сословій“.

Приведенныя слова г. Раменскаго напоминаютъ намъ недавно произнесенную рѣчь другого дѣятеля на почвѣ народнаго просвѣщенія—попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Г. Ч. Заіончковскаго. „Мы не одни,—говоритъ г. Заіончковскій въ этой рѣчи,—дѣятели на нивѣ народнаго просвѣщенія: съ нами встрѣчаются на ней другія вѣдомства. Нива эта широка, а дѣлателей мало: всѣмъ хватить мѣста, и никакая между-вѣдомственная борьба недопустима хотя уже потому, что каждое вѣдомство дѣлаетъ одно и то же Государево и земское дѣло“.

Такъ же разсуждаетъ и г. Раменскій, убѣдительно доказывающей необходимость сближенія школьныхъ дѣятелей духовныхъ и свѣтскихъ. Въ интересахъ наилучшей постановки начальной школы и успѣшнаго осуществленія просвѣдительныхъ мѣропріятій важно, по его мнѣнію, согласованіе дѣятельности органовъ того и другого вѣдомствъ, точное установленіе ихъ взаимныхъ отношеній въ томъ направленіи, чтобы духовенство и учебное вѣдомство могли осуществлять Высочайшее повелѣніе о совмѣстной работѣ и дружной взаимопомощи „духовенства и всѣхъ просвѣщенныхъ людей страны“.

Гдѣ же теперь искать средства къ желанному сближенію?—Такое средство и хочетъ найти г. Раменскій. Этимъ средствомъ могло бы быть учрежденіе приходскихъ школь-

ныхъ совѣтовъ. По примѣру городскихъ, по положенію 1872 г., воскресныхъ второклассныхъ школъ,—говоритъ г. Раменскій,—въ каждой школѣ для первоначальнаго образованія долженъ быть учрежденъ школьный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ законоучителя или настоятеля церкви, если Законъ Божій преподаетъ свѣтское лицо или діаконъ, въ составѣ всѣхъ учащихся школы и попечителя. Школьный совѣтъ и является непосредственно завѣдующимъ въ дѣлѣ по организаціи учебно-воспитательной части и школьнаго хозяйства. Слѣдующей инстанціей въ ряду мѣстныхъ учреждений, способствующихъ объединенію и взаимопомощи между свѣтскими и церковными школами, являются, по мнѣнію г. Раменскаго, особыя приходскія попечительства о народномъ образованіи. Въ составѣ этихъ попечительствъ должны войти всѣ учащіе и попечители мѣстныхъ училищъ, наблюдатель и завѣдующій бібліотеками и не менѣе троихъ (смотря по числу селеній въ приходѣ) выборныхъ отъ сельскихъ обществъ. По должности входятъ въ составъ совѣта: благочинный и всѣ мѣстные священники, волостной старшина, церковный и сельскій старосты. Предсѣдатель приходскаго совѣта можетъ участвовать въ засѣданіяхъ уѣзднаго отдѣленія училищнаго совѣта. Приходскія попечительства извѣстнаго района опредѣляются согласно съ мѣстными условіями примѣнительно къ благочинническимъ округамъ или земскимъ участкамъ. Изъ нихъ выбираются уполномоченные для присутствованія на засѣданіяхъ соединенныхъ собраній уѣзднаго училищнаго совѣта и отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ заключеніи своей статьи г. Раменскій излагаетъ довольно сложную систему соединенныхъ засѣданій и собраній различныхъ училищныхъ совѣтовъ обоихъ вѣдомствъ.

Мы не будемъ вдаваться въ спеціальное обсужденіе указанной системы г. Раменскаго, не будемъ останавливаться и на его нѣсколько неустойчивомъ опредѣленіи территоріи начальныхъ приходскихъ школьныхъ совѣтовъ:—приходскій совѣтъ у него является, съ одной стороны, учрежденіемъ какъ

бы чисто приходскимъ, и территоріей его является территорія прихода; съ другой стороны—этотъ совѣтъ предполагается обнимающимъ цѣлый благочиннической округъ или земскій участокъ. Но мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, какъ близко г. Раменскій подошелъ къ правильному рѣшенію затронутого имъ вопроса. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не признать въ высшей степени справедливой, хотя и не новую, мысль его—привлечь къ дѣлу народнаго образованія приходскую общину. Это обстоятельство должно въ значительной степени оживить приходскую дѣятельность. Но особенно счастливою нужно признать мысль г. Раменскаго о томъ, что на почвѣ именно приходской братской близости и сожителства прежде всего нужно искать единенія дѣятелей школъ духовной и свѣтской, и здѣсь именно легче всего можно достигнуть этого единенія. И если кто здѣсь можетъ придти на помощь дѣлу, то именно наши церковно-приходскія попечительства. Когда эти органы церковно-приходской жизни выйдутъ изъ своей снѣжки, то, нужно надѣяться, они не оставятъ безъ вниманія и даннаго обстоятельства, поставивъ своею задачею—удовлетворить всѣмъ запросамъ современности въ дѣлѣ народнаго образованія. Эта задача подсказывается имъ не только прошлою исторіей приходской жизни, не только современными запросами и нуждами послѣдней, но и свѣтскими дѣятелями школьнаго дѣла.

В. Родниковъ.

Объ отдачѣ въ аренду церковныхъ и монастырскихъ земель.

Псковская духовная консисторія объявляетъ настоятелямъ монастырей и причтамъ церквей епархіи, чтобы они отдавали земли въ аренду на одинъ годъ по письменному условію непремѣнно, а если земля отдается на срокъ болѣе одного года, то съ торговъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, по письменному условію—нотаріальному, или съ засвидѣтельство-

ваніємъ въ мѣстномъ волостномъ правленіи; при ходатайствѣ о разрѣшеніи аренды, настоятели монастырей и причты должны неотложно представлять слѣдующія свѣдѣнія епархіальному начальству: 1) что отдаваемая въ аренду земля въ безспорномъ владѣніи, укрѣплена за монастыремъ или церковью законными документами; 2) что отдаваемая земля была прежде въ арендѣ на такой-то срокъ, по письменному—домашнему или нотаріальному условію и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства; если же отдавалась на годъ и болѣе года, то при семъ ходатайствѣ непременно прилагать прежнія письменныя за истекшіе сроки условія аренды; 3) свѣдѣнія, когда были торги, а если не были, то почему именно, и при семъ представлять проектъ условій на новую аренду за подписью настоятелей или причтовъ, церковныхъ старостъ и арендаторовъ. Причты же должны при семъ представлять, кромѣ вышеуказанныхъ, свѣдѣнія: какая земля отдается въ аренду—усадебная или полевая, занятая или свободная отъ аренды и построекъ, церковная или причтовая, сколько земли для причта надѣльной—болѣе 33 десят. на причтъ, или менѣе. Непредставленіе вышеуказанныхъ свѣдѣній при ходатайствѣ о разрѣшеніи аренды церковныхъ и монастырскихъ земель ведетъ къ излишней перенискѣ и замедленію дѣлопроизводства, часто къ невыгодамъ причтовъ, въ которыхъ они сами виновны, и повлечетъ за собою на будущее время взыскація, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го декабря 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Унверситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Дѣна годовому изданію на мѣсть **№ 51.** Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, декабря 19-го

Содержаніе: Живое дѣло.—Современные способы распространенія сектант-
скихъ заблужденій въ народѣ и необходимыя мѣры прогнѣвдѣй-
ствія имъ (продолженіе). — Изъ случайныхъ бесѣдъ съ штунди-
стами.—На пароходѣ (съ натуры). — О приходской жизни.

Ж и в о е д ѣ л о .

Въ № 34-мъ журнала „Руководство для сельскихъ па-
стырей“ за текущій годъ была помѣщена, какъ помнятъ, вѣ-
роятно, читатели, статья: „Пасынки прихода“. Статья отмѣ-
чала одно въ высшей степени нежелательное и однако весьма
распространенное явленіе въ церковно-приходской жизни на-
шихъ смѣшанныхъ приходовъ. Указывалось, что въ прихо-
дахъ съ смѣшаннымъ—разнороднымъ и разноплеменнымъ—
населеніемъ не всѣ элементы являются одинаковыми участни-
ками духовной жизни прихода, не всѣ стоятъ равно близко
къ церкви и пользуются вниманіемъ ея представителей—ду-
ховенства. Такъ, въ приходахъ съ русскимъ и инородческимъ
населеніемъ инородцы весьма часто оказываются въ незавид-
номъ положеніи *пасынковъ*; въ такое же положеніе попадаютъ

и подгородніе крестьяне, причисленные къ городскимъ приходамъ. Но особенно печально и незavidно положеніе иногородца, если оцъ имѣть несчастье принадлежать къ приходу городского собора или городской церкви.

Рядомъ съ отмѣченнымъ роковымъ недостаткомъ нашей церковно-приходской жизни высказывалась, однако, увѣренность, что при добромъ желаніи, энергіи и рѣшимости со стороны духовенства возможна борьба съ укоренившимся зломъ; выражалась свѣтлая надежда, что, будь побольше любви къ меньшему брату-инородцу, побольше рѣшимости и безкорыстія со стороны руководителей церковно-приходской жизни, и отмѣченная, вѣтвшаяся въ нашъ церковно-приходскій строй, ненормальность можетъ быть устранена. Будутъ и пасынки прихода призваны къ активному участию въ его духовной жизни, и они сдѣлаются равноправными членами царства Божія на землѣ.

И высказанныя въ названной статьѣ свѣтлыя упованія оказались не напрасными и не суетными. Мы имѣемъ въ виду въ настоящей замѣткѣ познакомить читателей съ одной поучительной попыткой, сдѣланной уже въ этомъ направленіи. Положимъ, это только опытъ, добрый начинъ, но онъ показываетъ, что наше духовенство чутко и отзывчиво къ современнымъ назрѣвшимъ нуждамъ церковно-приходской жизни и подчасъ смѣло вступаетъ въ борьбу съ укоренившимися ея недостатками. Добрый, утѣшительный это признакъ, пріятно и отмѣтить его на страницахъ пастырскаго журнала въ ободреніе дѣлателей на нивѣ Христовой. Сущность добраго, свѣтлаго начинанія въ слѣдующемъ.

Въ одной сѣверо-восточной губерніи Европейской Россіи есть уѣздный городокъ Г-въ, представляющій собою центръ инородческаго—вотскаго населенія, иногда въ шутку называемый его русскими обывателями „вотской столицей“. Церковно-приходская жизнь сосредоточивается здѣсь вокругъ городского собора: весь городокъ и прилежащія къ нему деревни, населенныя почти исключительно вотяками, составляютъ

одинъ соборный приходъ. Другихъ приходскихъ церквей въ Г-вѣ нѣтъ. Можно, поэтому, представить себѣ незавидное положеніе инородцевъ, входящихъ въ составъ городского соборнаго прихода въ количествѣ, превышающемъ 10 тысячъ! Положимъ, — къ чести соборнаго духовенства, — всѣ эти инородцы и раньше пользовались возможнымъ вниманіемъ своихъ духовныхъ руководителей, но до сей поры они все-таки являлись во многихъ отношеніяхъ пасынками прихода. Соборъ, говоря искренне и откровенно, существовалъ не для нихъ: богослуженіе на непонятномъ языкѣ, проповѣдь, приспособленная къ пониманію городского русскаго населенія, не могли привлекать инородца. Поэтому, вотяки являлись случайными посетителями своего приходскаго храма, предпочитая проводить время на городскомъ базарѣ.

Но, неожиданно и негаданно для этихъ нашихъ меньшихъ братій, въ одинъ поистинѣ благословенный воскресный день за литургіей пасынки прихода, въ самомъ ограниченномъ числѣ тѣснившіеся у порога, услышали вдругъ простое, безыскусственное слово благовѣстія на своемъ родномъ языкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣщаніе, что это духовное брашно будетъ имъ предлагаемо каждый воскресный день. „Приходите, други, сюда, въ храмъ Божій и въ слѣдующее воскресенье; скажите и своимъ сосѣдямъ, своимъ братьямъ, сестрамъ, женамъ, отцамъ и матерямъ, что они услышатъ здѣсь на своемъ языкѣ слово Христово!“. И въ слѣдующій воскресный день соборный храмъ по составу молящихся былъ неузнаваемъ; когда, за причастнымъ, вышелъ на амвонъ скромный проповѣдникъ, онъ увидѣлъ предъ собой многочисленную толпу инородцевъ, стоявшихъ тѣсными рядами и, видимо, жаждущихъ услышать слово Христовой истины. Слово это было имъ опять предложено на ихъ родномъ языкѣ, и они слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ и даже прямо съ благоговѣніемъ. Нужно было посмотрѣть на выраженіе лицъ этихъ простыхъ слушателей, чтобы убѣдиться, что сѣмя сѣется на добрую землю: въ лицахъ этихъ свѣтились и восторгъ, и радость, и

простодушное удивленіе. Младенчествующіе въ вѣрѣ вотяки-инородцы, не слыхавшіе до тѣхъ поръ слова благовѣстія, но любящіе Христа и вѣрующіе въ Него по-дѣтски искренне и просто, не могли не умилиться духомъ, не тронуться благо-вѣстіемъ на родномъ языкѣ о томъ, что должно быть для каждаго вѣрующаго дороже всего. А сознаніе такъ неожиданно совершившейся важной переменны въ ихъ положеніи за богослуженіемъ въ соборномъ храмѣ,—фактъ, что они отъ „прага церковнаго“ призываются къ амвону наравнѣ съ почетными гражданами,—не должно ли было послужить къ „духовному дерзновенію“, къ подъему ихъ приниженаго духа?..

Прошло уже болѣе мѣсяца, какъ инородцы въ первый разъ привлечены были къ участию въ духовной трапезѣ, и начатое святое дѣло продолжаетъ итти съ возрастающимъ успѣхомъ...

Инициаторомъ этого новаго у насъ и *живого* дѣла явился недавно назначенный къ собору протоіерей изъ кандидатовъ богословія, который не остановился въ нерѣшительности предъ укоренившейся ненормальностію церковно-приходской жизни. Проповѣдывать вотякамъ на ихъ языкѣ вызвался одинъ изъ мѣстныхъ діаконовъ—Д-нъ, знающій въ совершенствѣ языкъ инородцевъ. Какъ пойдетъ дѣло дальше, и будутъ ли наши инородцы и въ другихъ отношеніяхъ выведены изъ положенія пасынковъ прихода, покажетъ будущее. Хорошо, если граждане оцѣнятъ по достоинству доброе начинаніе и примирятся съ тѣмъ, что имъ придется стоять въ храмѣ рядомъ съ вотякомъ-инородцемъ и дышать менѣе чистымъ воздухомъ. А съ этимъ можно бы примириться ради спасенія меньшихъ братій, тѣмъ болѣе, что граждане не терпятъ лишенія въ назиданія: и для нихъ, какъ раньше, предлагается неопустительно проповѣдь на русскомъ языкѣ.

Дай Богъ успѣха новому и *живому* дѣлу!

С. А. В.

Современные способы распространения сектантских заблуждений въ народѣ и необходимыя мѣры противодѣйствія имъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Можно уяснить себѣ многоразличные способы распространения сектантскихъ заблуждений, но нельзя предложить подробныхъ правилъ въ руководство, какъ противодѣйствовать, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, распространенію этихъ заблуждений. Въмѣсто подробныхъ правилъ, которыя могутъ имѣть значеніе въ рукахъ только искуснаго уже врача, намъ кажется лучшимъ—предложить основныя черты, или принципы этого искусства. Эти черты, или принципы пусть каждый усвоитъ себѣ сообразно съ своимъ душевнымъ складомъ и своими силами. Въмѣсто точнаго исполненія правилъ и проистекающей отсюда весьма часто безжизненности явится тогда творческая, плодотворная работа. Мы постараемся, по-этому, воспроизвести лишь въ нѣкоторыхъ характерныхъ чертахъ тотъ строй церковно-приходской жизни, который желателенъ въ наше время борьбы съ сектантскими заблужденіями. Будетъ глубокимъ недоразумѣніемъ думать, что этой борьбой занимается и должна заниматься одна лишь миссія, какъ её понимаетъ большинство, т. е. собесѣдники съ сектантами. Нѣтъ, всѣ миссіонерскіе официальные отчеты и вся миссіонерская литература давно уже говорятъ, что собесѣдованія съ сектантами только тогда могутъ имѣть послѣдствіемъ прекращеніе распространения сектантскихъ заблуждений, когда они происходятъ въ приходѣ, гдѣ осуществлены хотя въ нѣкоторой мѣрѣ идеи миссіонерскаго церковно-приходскаго строя жизни. Церковно-приходская жизнь, созданная и направляемая священникомъ къ миссіонерскимъ цѣлямъ, приноситъ

¹⁾ См. № 50 за 1904 г.

плодъ несравненно большій, чѣмъ всѣ усилія цѣлой арміи постороннихъ для прихода миссіонеровъ.

Эта дѣятельность приходскаго священника должна направляться, прежде всего, къ укрѣпленію православныхъ прихожанъ въ ихъ связи съ Церковію съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ ихъ уклоненіе отъ нея, а затѣмъ уже—къ борьбѣ съ распространяющимися въ народѣ сектантскими заблужденіями. Этою двойкою цѣлью опредѣляются и двойкія средства устроенія церковно - приходской жизни въ миссіонерскомъ духѣ.

Средства перваго рода входятъ въ тѣсный кругъ чисто пастырской дѣятельности приходскаго священника и могутъ считаться миссіонерскими по отдаленной лишь своей цѣли—ослабить причины уклоненія прихожанъ въ сектантство, не дать мѣста сектантской пропагандѣ. *Первое* и самое общее изъ этихъ средствъ—оживленіе церковно-приходской жизни во всѣхъ ея частяхъ и въ богослужебной въ особенности. Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ священникъ долженъ проводить въ жизнь ихъ ту мысль, что Церковь, какъ живое Тѣло Христово, составляютъ не одни только совершители таинствъ—священники, а и всѣ правовѣрующіе прихожане, и что во всякомъ церковномъ дѣлѣ послѣдніе должны проявлять самое дѣятельное и сознательное участіе. Если пастырямъ Церкви въ церковныхъ собраніяхъ принадлежитъ предстоительство и тайноводство, то мірянъ-прихожанъ не только не должно устранять, напротивъ—должно всячески пріохочивать къ дѣятельному, активному участію въ жизни Церкви и прихода. Прихожане должны быть живыми членами церковныхъ собраній. Принимая сознательное и дѣятельное, насколько это допускаютъ церковные каноны, участіе во всякомъ дѣлѣ церковномъ, они будутъ чувствовать сильнѣе къ себѣ церковную жизнь, и у нихъ, вслѣдствіе этого, будетъ крѣпче связь съ приходскою церковію и ея настоятелемъ и меньше побужденій уклоняться въ сектантскія общины.

И прежде всего, не пассивное, выражающееся въ одномъ формальномъ, безжизненномъ исполненіи церковныхъ требованій, не одно слушаніе церковныхъ службъ, а, насколько возможно, живое участіе въ церковныхъ богослужебныхъ собраніяхъ—вотъ та цѣль, къ которой долженъ вести священникъ своихъ прихожанъ, если онъ не хочетъ, чтобы послѣдніе чувствовали влеченіе къ живымъ молитвеннымъ собраніямъ сектантскимъ. Теперь все больше и больше наши сельскіе храмы пустуютъ во время богослуженія. Священникъ въ алтарѣ, псаломщикъ на клиросѣ, нѣсколько стариковъ да старухъ вокругъ стѣнъ да мальчики и дѣвочки церковно-приходской школы—вотъ та обычная картина сельскаго храма, которую рисуютъ въ наше сектантствующее время. Отчего же прихожане не идутъ въ храмъ и не сливаются, хотя бы за богослуженіемъ, въ одно тѣло, въ одну Церковь о Господѣ?—Оттого, очевидно, что прихожане въ храмѣ и за богослуженіемъ не удовлетворяютъ своей христіанской потребности истиннаго церковнаго единенія вѣрующихъ съ Господомъ и между собою, не постигаютъ благодатной силы богослуженія. А не удовлетворяютъ и не постигаютъ потому, что не живутъ живою истинно-церковною жизнью въ храмѣ. Прихожане, если приходятъ въ храмъ, то только пассивно слушаютъ то, что тамъ читается и поется, но большей части, ничего не понимаютъ, вслѣдствіе чего имъ скучно въ храмѣ, и они тяготеютъ церковными службами.

И въ самомъ дѣлѣ, простоять два-три часа въ напряженномъ вниманіи къ тому, чего не понимаешь и на что, поэтому, не отвѣчаешь чувствомъ,—это—подвигъ, на который была лишь способна простая, сильная, непосредственная вѣра нашихъ предковъ въ спасительность церковныхъ службъ. А наше время пробужденнаго религіознаго сознанія и сектантской проповѣди самоличнаго и единоличнаго спасенія—увы!—далеко отъ этой вѣры предковъ!..

Сознательная церковная вѣра требуетъ и соответствующихъ формъ церковной жизни, и, какъ ни объяснять себѣ

способы распространения сектантских заблуждений, несомненно одно, что, вслѣдъ за религіознымъ критицизмомъ, неудовлетворенность прихожанъ своимъ пассивнымъ положеніемъ въ церковно-приходской жизни влечетъ ихъ въ сектантскія общины. Оживите приходъ, пробудите въ немъ любовь и влеченіе къ своей церковной жизни, къ своимъ богослужебнымъ собраніямъ,—и вы, если не остановите религіознаго критицизма, то дадите ему исходъ не въ уклоненіи въ сектантство, а въ большей и большей сознательной привязанности къ Церкви.

Какъ непосредственное сознание, такъ и миссіонерскіе отчеты по разнымъ епархіямъ показываютъ, что привязанность, любовь прихожанъ къ Церкви усиливаются тамъ и тогда, гдѣ и когда прихожане ближе стоятъ къ пониманію и самому совершенію богослуженія. Толковое, внятное, направленное, главнымъ образомъ, не столько къ тому, чтобы непременно все вычитать по уставу, сколько къ тому, чтобы читаемое было понятно слушателямъ, чтобы трудный въ настоящее время для пониманія церковно-славянскій языкъ сдѣлать болѣе понятнымъ путемъ яснаго, раздѣльнаго и выразительнаго чтенія,—вотъ что прежде всего привлекаетъ прихожанъ къ церковному богослуженію. Прихожане должны и сами принимать участіе въ церковномъ чтеніи. Всякому достаточно грамотному, способному къ толковому церковному чтенію, прихожанину долженъ быть открытъ доступъ на клиросъ.

Еще большее мѣсто должно имѣть личное чтеніе прихожанами церковныхъ молитвъ при требоисправленіи. Церковный уставъ требуетъ, чтобы нѣкоторыя молитвы при совершеніи таинствъ читались тѣми, кто приступаетъ къ таинству, а не священникомъ и не псаломщикомъ. Пусть приступающіе къ таинствамъ прихожане—воспріемники, иновѣдники, причастники и проч.—прочтутъ эти молитвы съ ошибками и съ поправками (конечно, несущественными) священника, но пусть прочтутъ сами, и это личное участіе въ обрядѣ таинства привяжетъ ихъ и къ самому таинству, и къ

совершителю его священнику, и къ благодатной Церкви Христовой.

Къ богослужебнымъ церковнымъ собраніямъ привязывается, далѣе, церковное пѣніе. Стройный хорошо организованный хоръ, искусное пѣніе возбуждаютъ теплоту чувства и привязываютъ и къ богослуженію и къ мѣсту его—св. храму. Впрочемъ, нужно остерегаться, чтобы это пѣніе не перешло въ искусственность и не разсѣвало вниманія молящихся. Къ сожалѣнію, наше обычное хоровое пѣніе являетъ собою дурные примѣры и развило уже во многихъ приходсахъ дурные вкусы. Въ миссіонерскихъ цѣляхъ пѣніе избраннаго хора отнюдь не должно быть единственнымъ въ приходской церкви. Оно должно уступать тамъ, гдѣ только можно, общему пѣнію всѣхъ по возможности прихожанъ. Пусть это общее пѣніе въ началѣ будетъ грубо, нестройно, но пусть къ общей звучной молитвѣ, подѣ главенствомъ псаломщика, каждый прихожанинъ присоединитъ свой собственный голосъ; онъ почувствуетъ такое умиленіе, что храмъ ему будетъ казаться истиннымъ домомъ Божиимъ и алтаремъ его души, священникъ—пастыремъ ея, а всѣ вѣрующіе—братьями...

Что только можно дѣлать въ нашихъ церковныхъ собраніяхъ возможно большимъ числомъ прихожанъ, то такъ и нужно дѣлать. Въ концѣ концовъ наладится живой строй церковно-богослужебной жизни, и въ немъ все будетъ благообразно и по чину, чего требуетъ св. апостоль. И дороги тогда станутъ прихожанамъ свои собственные церковныя собранія и все, что совершается въ нихъ, и любовь и нескученъ будетъ имъ свой храмъ, и ихъ не будетъ тянуть на сектантскія собранія, какъ теперь, куда ихъ привлекаютъ оживленность, чувствительныя рѣчи, „сладкія пѣсни“, братское единеніе и равенство.

Высказываютъ опасеніе, какъ бы дѣятельное, активное участіе мірянъ въ церковно-богослужебной жизни не повело къ паденію авторитета священника.—Опасеніе—напрасное. Если священникъ будетъ держать себя всегда на должной

высотѣ, съ подобающимъ достоинствомъ предстоятеля и совершителя благодатныхъ таинствъ, то никакое „оживленіе“ мірянъ не отодвинетъ его на второй планъ въ церковной жизни прихода.

Священникъ-миссіонеръ *С. Потъхинъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ случайныхъ бесѣдъ съ штундистами.

Съ штундистами нищущему эти строки случайно приходилось встрѣчаться нѣсколько разъ. Еще въ 1873 году, когда только-что стали циркулировать въ печати первые слухи о появленіи первой штундистской секты, проѣздомъ черезъ г. Немировъ, Подольской губерніи, я остановился закусить въ одной изъ тамошнихъ гостиницъ и здѣсь засталъ небольшую компанію, повидимому, изъ мастеровыхъ. Я не имѣлъ вида чиновнаго человѣка, и мастеровые открыто и свободно бесѣдовали на тему о „поповскихъ“ яко-бы вымогательствахъ. Бесѣдою овладѣлъ какой-то бойкій говорунъ, который бранилъ „поповъ“ и говорилъ, что они „дерутъ съ живого и съ мертваго“. Выведенный изъ терпѣнія неумолчной болтовней невоздержнаго на языкъ мастерового, я вмѣшался въ разговоръ, начавъ съ того, что вотъ-де вы, кажется, мастеровые, и каждый изъ васъ живетъ своимъ мастерствомъ. Сапожникъ никому даромъ не сошьетъ сапогъ, столяръ не сдѣлаетъ безъ денегъ стола или другой мебели и т. д. А какъ же священнику ничего не брать съ прихожанъ за требы, когда онъ не владѣетъ никакимъ мастерствомъ да и не можетъ имъ заниматься?! Говорунъ немедленно куда-то исчезъ, а его собесѣдники не безъ вниманія слушали мою рѣчь. Впрочемъ, я скоро долженъ былъ пуститься въ дальнѣйшій путь и оставить своихъ собесѣдниковъ.

Болѣе серьезную попытку познакомиться съ штундистами, ихъ воззрѣніями и ихъ методомъ пропаганды секты я сдѣ-

лалъ лѣтъ пять тому назадъ, когда, по иниціативѣ пннѣ покойнаго архіепископа Сергія (Лапина), бывшаго тогда викаріемъ Кіевской епархіи, заведены были въ Кіевѣ публичныя собесѣдованія со штундистами. Сначала собесѣдованія эти открыты были на Подолѣ, въ Контрактовомъ домѣ. Они велись по заранѣе выработанной программѣ, и каждое собесѣдованіе посвящено было *одному* предмету, отступать отъ котораго въ сторону не позволялось. Между тѣмъ, большинство штундистовъ—начетчики, не привыкшіе къ систематическому мышленію. Они стѣснялись строго опредѣленными рамками извѣстнаго собесѣдованія, постоянно обнаруживали склонность выйти изъ этихъ рамокъ и даже обвиняли руководителей собесѣдованій въ томъ, что эти послѣдніе не даютъ штундистамъ воли и возможности вполне высказаться, и что православные держатся строго опредѣленной программы въ тѣхъ будто бы видахъ, чтобы самымъ не потерпѣть пораженія при внезапно поставленныхъ возраженіяхъ. Во всякомъ случаѣ, штунда стѣснялась установленными условіями публичныхъ собесѣдованій и не вполне высказывалась. Мнѣ привелось взглянуть на нее въ натуральномъ, неподкрашенномъ ея видѣ, благодаря, впрочемъ, отчасти тѣмъ же самымъ публичнымъ собесѣдованіямъ.

Дѣло въ томъ, что помѣщеніе для публичныхъ собесѣдованій было очень тѣсно для многочисленной публики, посѣщавшей ихъ. Кто запаздывалъ, того уже не пускали на публичныя собесѣдованія, и запоздавшіе собирались группами около зданія, въ которомъ происходили собесѣдованія, и безъ всякаго стѣсненія вступали въ религіозныя словопренія между собою. Впрочемъ, такъ было только на первыхъ порахъ. Во время *перваго* же публичнаго собесѣдованія, возлѣ Контрактоваго дома велись на улицѣ такія оживленныя и невоздержныя пренія между сектантами и православными, что полиція должна была принять свои мѣры къ ихъ прекращенію и разсѣянію собиравшагося на площади народа. Но я не зналъ

еще объ этихъ мѣрахъ и пошелъ къ Контрактовому дому, когда въ немъ происходило *второе* публичное собесѣдованіе.

Здѣсь еще издалека замѣтно было нѣсколько небольшихъ группъ уличныхъ собесѣдниковъ. Я подошелъ къ ближайшей изъ нихъ. Въ срединѣ ея стоялъ высокій и полный представительный мужчина среднихъ лѣтъ и что-то говорилъ окружающимъ его слушателямъ. Это былъ на видъ человѣкъ съ хитрецей, себѣ на умѣ, любившій поговорить, но не спраста, а экивоками и аллегорически.

— Слово Божіе—живая вода; она омываетъ, очищаетъ, освящаетъ человѣка и т. д.

— Къ чему ты клонишь свою рѣчь?—спросилъ я его.

Вмѣсто отвѣта, ораторъ продолжалъ свою рѣчь, уснащая ее синонимическими выраженіями о животворной дѣйственности Слова Божія. Но въ это время къ толпѣ подошла какая-то старушка и, раздвигая руками толпу, спросила:

— А гдѣ тутъ штунда?

— Я—штунда!—отвѣтилъ я ей:—что тебѣ нужно?

Старушка не нашлась, что сказать, сконфузилась и, при общемъ смѣхѣ, поплелась назадъ.

— Иди, иди, голубушка, туда, откуда пришла, т. е. въ кабакъ!—послалъ ей въ догонку ораторъ.

— Вотъ ваши православные только пьянствуютъ да по шинкамъ валяются!—обратился ко мнѣ штундистъ-ораторъ.

— Я не знаю, пьяна ли была старушка,—отвѣчала я:—а если и была пьяненька, то ужели ты думаешь, что наша Церковь поощряетъ пьянство? Напротивъ, сколько нашими священниками говорится и печатается проповѣдей противъ пьянства! Да и въ вашей общинѣ, судя по печатнымъ слухамъ, далеко не всѣ трезвенники. Сначала-то мало-мальски крѣпились, а потомъ—слышно—стали попивать и водочку, только секретно, по-фарисейски, чтобъ люди не видали. Наконецъ, если измѣрять правовѣріе водкою, то выйдетъ, что евреи гораздо правовѣрнѣе насъ русскихъ, а татары и турки

и совсѣмъ будутъ святыми, потому что Магометъ въ своемъ Коранѣ строго запретилъ имъ пить вино.

Взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на послѣднія мои слова. Штундистъ-ораторъ потерялъ свое прежнее душевное равновѣсіе и яростно сталъ нападать на православныхъ священниковъ.

— Это все попы ваши выдумываютъ о насъ и поносятъ *имя* наше *яко зло Сына человеческого ради*. Они же обозвали насъ и браннымъ словомъ „штунда“.

— Неправда!—сказалъ я:—священники не могли выдумать этого слова. Знаешь ли ты, что значить слово „штунда“?

— Что-то хуже проклятаго.

— Совсѣмъ не то! Штунда происходитъ отъ нѣмецкаго слова *Stunde*—часъ; а штундистами названы тѣ люди—сектанты, которые не любятъ долгихъ церковныхъ моленій и молятся Богу только *часокъ*. Значить, слово „штунда“—вовсе не бранное и выдуманно не нашими священниками, а нѣмцами, которымъ вы во всемъ подражаете. Выходить, что не наши священники на васъ клеветуютъ, а вы на нихъ клеветаете и *поносите имя ихъ яко зло Сына человеческого ради*.

На этомъ пунктѣ бесѣды полицейскій попросилъ все болѣе и болѣе увеличивавшуюся толпу разойтись, и штундистъ-ораторъ первый воспользовался этимъ приглашеніемъ и исчезъ. Я остался и, мимоходомъ замѣтивъ полицейскому, что я—православный, направился къ виднѣвшейся вдали группѣ. За мной потянулись и другіе.

Въ этой группѣ спорили двое—православный и штундистъ. Православный, съ виду мѣщанинъ, говорилъ угрюмому, фанатичному штундисту о единствѣ Христовой Церкви.

— Пойдешь въ Братство,—говорилъ православный,—одно поють; пойдешь къ великомученицѣ Екатеринѣ (т. е. въ греческій Екатерининскій монастырь)—то же поють; у Петра и Павла (въ Петропавловской, бывшей семинарской, цер-

кви)—то же поютъ. Вотъ что значитъ единая святая Православная Церковь!

— А читалъ ты Откровеніе Іоанна?—спросилъ штундистъ православнаго.

Рѣчь шла объ Апокалипсисѣ св. Іоанна Богослова; но православный, очевидно, не привыкъ къ русскому названію этой священной книги и смущенъ былъ вопросомъ штундиста. Тутъ я рѣшился выступить на помощь православному.

— Помню, я когда-то читалъ это Откровеніе Іоанна. Чтò же тамъ написано?

— А читалъ ты объ ангелахъ церквей?

— Ахъ, да, припоминаю. Тамъ сказано: *и ангелу* такой-то *церкви напиши: знаю твои дѣла* и проч. Такъ?

— Такъ!

— И почти за каждою изъ этихъ церквей замѣчены Господомъ какіе-либо недостатки, и каждой изъ церквей дано предостереженіе, что Господь придетъ скоро и каждой церкви воздастъ по дѣламъ ея. Такъ?

— Такъ.

— Значить, почти каждая изъ семи апокалипсическихъ церквей имѣла свои недостатки и прегрѣшенія; но тѣмъ не менѣе Господь не отвергалъ ихъ отъ Себя, а только предостерегалъ,—и всѣ онѣ составляли единую Христовую Церковь. Такъ ли?

— Такъ!

— Какъ же, послѣ этого, вы рѣшаетесь считать себя избранными Божиими, святыми людьми, и считаете лишенными общенія съ Господомъ людей согрѣшающихъ? Развѣ Господь не для того приходилъ на землю и пострадалъ, чтобы спасти грѣшниковъ?

— Нѣтъ, мы не считаемъ себя святыми людьми!

— Врешь, врешь,—послышалось изъ толпы.—А чтò ты говорилъ на прошломъ собесѣдованіи преосвященному Сергію, когда зашла рѣчь о св. Маріи Магдалинѣ? А? Тогда ты всѣхъ своихъ штундистовъ называлъ святыми.

Припертый къ стѣнѣ возраженіями, штундистъ тоже, какъ и его предшественникъ, набросился на православныхъ священниковъ и сталъ обвинять ихъ въ явномъ потакательствѣ разврату и чуть ли даже не въ освященіи его молитвами Церкви. Ходъ его мыслей былъ такой: если штундисты— и не святые люди, то все-таки они гораздо выше въ нравственномъ отношеніи православныхъ, у которыхъ развратъ освящается даже молитвами Церкви.

— А ваши попы,— говорилъ онъ,— за деньги освящаютъ публичные дома.

— Клевету ты взводишь на православныхъ священниковъ,— сказалъ я,— и *проносишь имя ихъ яко зло Сына Человѣческаго ради*. Вѣдь, дома терпимости у насъ въ Кіевѣ содержатся больше евреями, которые уже никонмъ образомъ не приглашаютъ православныхъ священниковъ для освященіи своихъ непотребныхъ домовъ.

Въ толпѣ послышался всеобщій смѣхъ.

— Иѣтъ, былъ такой случай, что попъ освятилъ публичный домъ,— наставлялъ штундистъ.

— Но ты не указываешь, гдѣ и когда именно былъ такой случай. Допустимъ, однако, что такой случай былъ. Да вѣдь священникъ и долженъ былъ освятить такой домъ, такъ какъ, въ случаѣ отказа, подвергался бы отвѣтственности за неисполненіе своихъ обязанностей. Благодать Божія не можетъ быть осквернена никакимъ мѣстомъ, а, напротивъ, сама освящаетъ и омываетъ всякую скверну.

— Попъ долженъ бы обличить содержателя публичнаго дома, запретить ему, а не освящать этотъ домъ,—возразилъ штундистъ.

— Священникъ не можетъ запретить того, что допускаютъ или *терпятъ* правительства всѣхъ странъ, какъ меньшее изъ золъ для избѣжанія зла большаго. Священникъ можетъ дѣйствовать на насомыхъ только духовными средствами. А можешь ли ты утверждать, что священникъ не увѣщевалъ хозяина непотребнаго дома оставить свой постыдный промы-

сель и не вложилъ на него соотвѣтственной епитиміи?! Вѣдь, это—тайна исповѣди!

— Да! Да! Тайна! тайна!—послышались энергическія восклицанія изъ толпы.

Возрастающее оживленіе группы и увеличеніе ея числа обратило на себя особенное вниманіе полиціи, которая настойчиво попросила насъ разойтись. Я направился домой, а со мной пошло и нѣсколько человѣкъ и въ числѣ ихъ одинъ старшій солдатъ.

— А можно ли, господинъ, трубочку закурить?—спросилъ меня солдатъ.

— Судя по человѣчески, — говорю, — можно. Конечно, это—человѣческая слабость; но любвеобильная мать наша Православная Церковь охотно прощаетъ намъ слабости наши, лишь бы мы каялись въ нихъ, старались исправиться и хоть бы однимъ бочкомъ прислониться къ ней.

— Значить, она можетъ прощать намъ до семи разъ семьдесяти?.. Апостоль Петръ однажды спросилъ Иисуса Христа: сколько разъ прощать брату? прощать ли ему до семи разъ?—Вишь, апостоль-то Петръ самъ отрекался отъ Христа и провинился предъ Нимъ *семь* разъ. По себѣ думая, онъ и спрашивалъ: можно ли прощать брату *семь* разъ? А Господь ему сказалъ: не *семь* разъ прощай, а *семь* разъ *семьдесятъ* (Матѳ. 16, 21—22)!

— Это вѣрно, что Господь велѣлъ прощать брату *семь* разъ *семьдесятъ*. Но чтобы св. апостоль Петръ *семь* разъ палъ къ тому времени, когда давалъ такой вопросъ, это не вѣрно. Апостоль Петръ тогда еще не отрицался троекратно отъ Христа и не падалъ *семь* разъ. Но мысль твоя, пожалуй, вѣрна: кто изъ людей падалъ и былъ прощаемъ, тотъ скорѣе и охотнѣе будетъ сочувствовать другимъ согрѣшающимъ и *прощать* имъ.

Признаемся, что слишкомъ малъ и не значителенъ былъ нашъ опытъ свободнаго, непринужденнаго собесѣдованія съ штундистами, и потому рискованно было бы дѣлать какіе-

либо общіе выводы изъ него. Сдѣлаемъ только нѣкоторыя замѣчанія, непосредственно вытекающія изъ этого опыта.

1) Штундисты первые начинаютъ свои религіозныя собесѣдованія съ православными и, такъ сказать, ведутъ наступательную войну противъ нихъ. 2) Особенно опасны для православныхъ штундисты, прикрывающіе свои мысли иносказаніями и аллегоріями, которыя простой православный народъ мало понимаетъ, считая ихъ, однакоже, выраженіемъ глубокой мысли и обширнаго знанія. Поэтому, въ бесѣдахъ съ штундистами нужно стараться все темное въ ихъ словахъ и мысляхъ приводить къ ясному свѣту сознанія и раскрывать подлинныя мысли и стремленія штундистовъ. 3) Штундисты весьма часто перескакиваютъ въ своихъ словопреніяхъ съ предмета на предметъ—частію по недостатку правильнаго умственного развитія, а частію для того, чтобы, въ случаѣ безвыходнаго положенія, уклониться отъ прямого отвѣта на вопросъ и выбрать изъ арсенала своей памяти такое тяжело-вѣсное орудіе, которое, по ихъ миѣнію, прямо и рѣшительно могло бы нанести смертельный ударъ православію. Такимъ орудіемъ обыкновенно является у нихъ клевета на православное духовенство, которую, однакоже, какъ бы она ни искусно была составлена, весьма легко понять и опровергнуть. 4) Въ уличныхъ бесѣдахъ штундисты мало прибѣгаютъ къ Свящ. Писанію для обоснованія своихъ заблужденій, а если и прибѣгаютъ къ нему, то обыкновенно вырываютъ отдѣльныя выраженія изъ контекста священнон рѣчи и даютъ имъ другое сочетаніе и другой смыслъ, иногда прямо противоположный смыслу Свящ. Писанія. 5) Въ словопреніяхъ съ православными штундисты забрасываютъ своихъ противниковъ вопросами, не всегда понятными съ перваго раза, на которые трудно и отвѣчать имъ, не зная, къ чему клонятся эти вопросы. Но если самимъ штундистамъ задавать вопросы и настаивать на рѣшеніи ихъ, то штундисты скоро теряютъ нить своихъ мыслей и доказательствъ и отступаютъ назадъ.

б) Православные изъ простого народа сильно интересуются штундистскими бесѣдами, стараются, по мѣрѣ силъ, оспаривать и опровергать штундистовъ и выражаютъ самое живое сочувствіе болѣе или менѣе удачнымъ отвѣтамъ на возраженія штундистовъ. Но предоставить православныхъ въ ихъ уличныхъ бесѣдахъ съ штундистами самимъ себѣ было бы весьма опасно, въ виду незначительнаго развитія и безпомощности ихъ, а потому уличныя бесѣды православныхъ съ штундистами, никѣмъ не руководимыя и не контролируемыя, скорѣе вредны, а не полезны для дѣла православія. II.

Н а п а р о х о д ъ

(Съ натуры).

Плавно, какъ лебедь, шель вверхъ по Волгѣ красавецъ-пароходъ, то и дѣло обмѣниваясь сигналами съ встрѣчными пароходами, барками и плотами. Темная вода рѣки съ ревомъ и пѣной бурлила около огромныхъ колесъ его, вздымаясь позади въ могучіе, красивые валы. Какъ въ калейдоскопѣ, мѣнялись прибрежныя картины: суровый и непроглядный, какъ ночь, лѣсъ уступалъ мѣсто мѣловымъ горамъ, бѣлымъ, высокимъ и отвѣснымъ... Терялись позади горы,—и съ одной стороны открывались поросшіе мелкимъ кустарникомъ ровные холмы, а съ другой— ровная же, безграничная степь... Стоялъ августъ, но было солнечно и тепло. Рѣзвые чайки беззаботно кружились въ воздухѣ и играли вокругъ парохода: то садились высоко на мачтахъ, то вдругъ ныряли въ волнахъ, чтобы поймать тамъ беззаботно игравшую рыбешку или брошенную съ палубы корочку хлѣба.

Зала третьяго класса была переполнена пассажирами. Одни пили за столиками чай, другіе мирно бесѣдовали. Нѣкоторые просматривали свѣжіе номера различныхъ газетъ. Двери, ведущія на носовую часть парохода, были настежь открыты, и въ нихъ, опершись на косякъ, стоялъ высокій,

бѣлый, какъ лунь, прилично одѣтый старикъ и задумчиво смотрѣлъ въ даль. Немного позади его, за однимъ изъ столиковъ, сидѣли два молодыхъ человѣка—матросъ съ Каспійскаго моря и уволенный въ отпускъ солдатъ. Передъ ними стояло нѣсколько бутылокъ пива и дешевая закуска. Оба были слегка на-веселѣ и разговаривали громче другихъ. Какимъ-то образомъ зашла рѣчь о пѣніи.

— Да, было время,—возбужденно говорилъ матросъ,— пѣлъ и я. Да какъ еще пѣлъ! Бывало, въ деревнѣ ни одной службы безъ меня не обходилось. Первымъ на клиросѣ считался. За псаломщика часто вставалъ. Всю службу, почитай, наизусть зналъ. Батюшка не разъ говаривалъ мнѣ:—„учись, учись, братъ; пой, читай; не лѣнись. Голосъ у тебя,—говорить,—замѣчательный. Выучишься уставу, какъ разъ псаломщикомъ тебя сдѣлаемъ. А тамъ и дальше пойдешь“.—И пошелъ бы,—горячо продолжалъ матросъ:—вѣрно слово—пошелъ бы, если-бъ не это зелье проклятое!—Матросъ при этомъ указалъ рукой на бутылки.—Загубило оно меня. Голосъ пропадать сталъ, о церкви забываю... Эхъ, оправиться бы! Можно бы вѣдь еще! Не старъ! 30 лѣтъ всего... Покрѣпиться бы немножко!.. Да не знаю какъ... Опустился уже очень... А голосъ есть еще все-таки и теперь. Могъ бы попѣть...

— А ну-ка, спой что нибудь сейчасъ,—попросилъ матроса солдатъ.

— Э, да что тутъ пѣть?—отвѣтилъ матросъ:—Божественное здѣсь пѣть неловко, а пѣсни я не особенно уважаю.

— Какую-нибудь коротенькую,—не успокаивался солдатъ:—больно люблю я слушать пѣніе-то.

Матросъ нѣсколько минутъ угрюмо промолчалъ, а потомъ, наклонившись низко къ столу, тихо запѣлъ. Это была характерная народная русская пѣсня съ обращеніями къ широкимъ полямъ и дремучимъ лѣсамъ и съ упоминаніемъ о вѣчинѣ-думѣ и злодѣйкѣ-тоскѣ.. Хорошо, выразительно и задушевно пѣлъ матросъ! Казалось, онъ хотѣлъ вылить въ своей пѣснѣ собственное, давно стѣсненное грудь его, горе.

Съ каждымъ новымъ куплетомъ матросъ воодушевлялся, постепенно выпрямляясь и переходя на полный голосъ. А голосъ у него былъ мягкій, пріятный и сильный, хотя немного и надтреснувшій. Разговоры по близости на пароходѣ незамѣтно стихли. Общее вниманіе было привлечено матросомъ.

— Что ты?—толкнулъ вдругъ матросъ солдата,—который, очевидно, былъ готовъ заплакать:—никакъ ревѣть хочешь? Эхъ, ты! баба! А еще солдатомъ прозываешься!.. Давай-ка, вотъ, лучше съ дѣдушкой потолкуемъ. Что-то онъ сердито на насъ смотреть.

Матросъ указаль на старика, что стоялъ въ дверяхъ залы, а теперь сидѣлъ за столикомъ по сосѣдству.

— Что, дѣдушка, сурьезно ужъ очень глядишь?—заговорилъ матросъ:—выругать, что-ль, за какую провинность насъ хочешь? Или такъ себѣ загрустился о чемъ?

— Да что же и не погрузить?—спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ старикъ:—иной разъ и погрузить, подумать надъ чѣмъ-нибудь слѣдуетъ.

— Нѣтъ, мы вотъ не думаемъ, веселимся!

— Веселимся,—усмѣхнулся старикъ:—то-то ты и вытягиваль сейчасъ у всѣхъ душу-то!..

— Какъ это?

— Да вотъ пѣль-то...

— А, пѣль! Ну, пѣть я, дѣйствительно, люблю. Ничего не надо, только бы пѣть...

— Да, вѣдь, пѣніе пѣнію рознь. Есть грустное, а есть и веселое. Человѣкъ, которому весело всегда, поетъ что-нибудь веселое, а ты сейчасъ, почитай, плакалъ. Значить, и тебѣ не совсѣмъ весело? И въ тебѣ, значить, грусть какая-то кроется?

— Вѣрно, вѣрно, дѣдушка. Правду говоришь. Сказать по совѣсти—не до веселья и мнѣ. Какое тамъ веселье! Прямо скажу—тоска одолеваетъ... Пить, видишь ли, дѣдушка, все хочу бросить, а мочи, мочи-то и нѣтъ...

— А зачѣмъ пьешь?

— Да... какъ тебѣ... сказать...

— Дѣлать, что-ль, нечего? Занятій подходящихъ не имѣешь? Иль, можетъ, родныхъ никого нѣтъ, близкихъ людей? Скучно тебѣ, что ли? Отчего пьешь-то?

— Эхъ, дѣдушка! Что спрашивать! Пью, да и все тутъ... Я и самъ не знаю, отчего пью... Какъ подумаешь эдакъ, такъ ровно бы и не отъ чего мнѣ пить.. Дѣло у меня есть, и охочь я работать. Теперь я матросомъ по Каспю хожу, а то и въ пѣвчихъ гдѣ-нибудь могъ бы найти службу. И находилъ. Слава Богу... О родныхъ тоже нечего говорить. Есть у меня и родные. Жена да дѣвочка-дочка есть. Къ нимъ, вотъ, и ѣду сейчасъ. Давно ждуть. Жаловались все, что долго не повижусь съ ними, гостинцевъ не привезу... а какіе гостинцы отъ меня... пропойцы?.. И теперь... вотъ... Друзей хорошихъ всегда нашель бы я, да тѣ горе—не ищу я хорошихъ-то! Схожусь все съ такими же, какъ самъ. Не друзья мнѣ, видишь, нужны, а, какъ говорится, собутыльники... Ину пору кажется, что отъ этихъ собутыльниковъ и пропадаю я. Иной разъ случается—не пьешь, работаешь только. Работаетъ эдакъ недѣлю, двѣ... Дѣла идутъ, какъ по маслу. Живешь себѣ и радуешься, что вотъ, молъ, наконецъ, оправился, на ноги сталь... Вдругъ—встрѣлся гдѣ-нибудь съ веселой компаніей, и кончено... Закрутишь и закутишь! И словно силой какой дьявольской завлекутъ товарищи. Говоришь: нѣтъ, не буду пить, ни за что!—Анъ смотришь—ужь пьяный гдѣ-нибудь подъ лавкой валешься.

— Такъ вотъ тебѣ и урокъ, — наставительно сказала старикъ:—разъ совратили тебя товарищи, другой разъ ужь бойся ихъ, какъ огня. Бѣги отъ нихъ. Въ работѣ пусть они тебѣ будутъ товарищами, а какъ они за водку принимаются, за стаканъ берутся,—ищи себѣ другихъ товарищей.

— Дѣдушка! Не говори! Нешто подъ силу это нашему слабому брату?!

— Не подь силу!—ухмыльнулся дѣдушка:—а мнѣ, вотъ, небось, подь силу было... Если хочешь знать, такъ когда-то и я, какъ ты, въ пьяныхъ компаніяхъ все путался, а потомъ-таки выбрался на настоящую дорогу. Не сгибь въ конецъ то... Разказалъ бы я тебѣ свою прежнюю жизнь,—предложилъ старикъ матросу,—да долго... Слушать, пожалуй, не будешь?

— Нѣтъ, ничего,—отозвался матросъ:—до пристани, кажись, еще съ часъ пройдемъ. Разкажи, послушаю.

— Двадцать лѣтъ мнѣ было,—началь старикъ,—какъ отецъ послалъ меня изъ деревни на Волгу работать. Поступилъ я къ одному лѣсопромышленнику. Сталъ *плоты* да *бѣляны* ¹⁾ по рѣкѣ гонять. Много разъ „исходилъ“ я кормилицу изъ конца въ конецъ. И полюбилъ я ее... дюже полюбилъ. Самъ знаешь: раздолье, красота, свобода... Работалъ я здорово. Чуть не каждый мѣсяць посылалъ отцу деньги. Сперва плоховато мы жили въ деревнѣ-то, а тутъ, какъ я работать пошелъ, поправляться начали. Новую избу поставили, скотинку завели и все такое прочее... По зимамъ я домой, въ Симбирскую губернію, приходилъ. Дома жилъ. Помогалъ отцу хозяйничать. А какъ весна на дворъ, я на Волгу собираюсь... Прошло такъ-то года 3—4, и зажили мы съ отцомъ на славу. Себѣ, значить, на радость, людямъ на удивленіе. Родитель во мнѣ души не чаялъ, мать какъ за малымъ дитѣй ухаживала. И вотъ, захотѣли меня родные женить. Что же? Я согласился, и свадьбу сыграли. Прожилъ я съ женой мѣсяца четыре и опять сталъ на Волгу собираться. Схожу, думаю, еще, пока самъ молодъ, и отецъ въ силахъ, чтобы по дому похозяйничать. Такъ... Ну, извѣстно, проводили меня. Мать лепешекъ напекла, жена дала котомку, рубахъ да всякаго бѣлья, у отца взялъ на дорогу синенькую. Отслужили молебень, и я отправился... Работы на этотъ разъ я что-то долго некалъ,—не было подходящей. Прожилъ всѣ свои деньги, го-

¹⁾ *Бѣляна*—особое судно для слава лѣсу.

лодать началъ и хотѣлъ ужъ было домой пойти, какъ встрѣтился съ однимъ знакомымъ подрядчикомъ. Даль онъ мнѣ хорошее мѣсто, и я остался на Волгѣ. Тутъ-то и приключилась мнѣ бѣда. На радостяхъ ли, что послѣ долгихъ поисковъ нашель выгодную работу, или отъ думы, что, молъ, теперь я женатый, и самъ себѣ полный господинъ и судья, началъ я съ товарищами компанію водить. Спервоначалу по праздникамъ выпьешь рюмку-другую, а потомъ и на будни дѣло перешло. Дальше—больше, и загулялъ я... Бывало, какъ не пилъ, товарищи пьянствуютъ, а на меня и вниманія не обращаютъ: „непьющій, дескать“. А какъ началъ пить,—отбою отъ товарищей не стало. Безъ меня, будто, и выпить не могутъ. Приставутъ:—пей да пей. Одинъ хохоль былъ, такъ тотъ по-своему приговаривалъ: „що-жъ то,—говорить,—за чоловікъ, якъ горілки не пьє!“ „Горилка“—то—водка выходитъ, по-ихнему... Ну, и пьешь, конечно... Отець пишетъ: „Что съ тобой? не заболѣлъ ли? Домой иди. Жена плачетъ“.—А я не то, что домой иди, *рубашу сталъ узлами завязывать*¹⁾. Стыдно сказать... Знакомый подрядчикъ меня скоро уволилъ, и поступилъ я въ Нижній на пристань кули таскать. Заработашь, бывало, въ день копеекъ 30—40, придешь въ ночлежку, какъ избитый. Спины не чувствуешь, ногъ не чувствуешь. Въ головѣ пустота... Думаешь, закусить надо бы,—да и бѣда-то въ ротъ нейдетъ. Недолго думая, возьмешь полубутылку водки, выбьешь о колѣвку пробку, пропустишь въ горло-то, да, какъ свинья, прости Господи, куда-нибудь въ уголъ и повалишься... Встанешь рано. Опять нужно на работу. Выйдешь къ Волгѣ—заря въ рѣкѣ улыбается. Стоитъ матушка алая вся, какъ невѣста нарядная... Вспомнишь былое время, какъ, трезвый, въ волю могъ любоваться Волгой... Эхъ,—вздохнешь только!.. Человѣкомъ, молъ, былъ... А теперь что?—скотъ! Потерялъ образъ Божій! Звѣремъ оборотился... А тутъ еще боли разныя. Голова трещить, во всемъ

¹⁾ Поволжское выраженіе; означаетъ крайнюю ветхость одежды.

тѣлѣ ломота, ноги дрожать, еле держишься... Что дѣлать? Надо работать, а силъ нѣтъ. Хоть помирай... Возьмешь, выпьешь еще шкаликъ, опохмелишься да и опять за кули... И такъ изо дня въ день, изо дня въ день... Какъ-то разъ, пьяный, чуть не утонулъ. Вытащили товарищи, откачали... Отъ смерти спасся, ну, а горячку все-таки схватилъ. Долго въ больницѣ пролежалъ. Высохъ весь, совсѣмъ расклеился, разныя тамъ внутреннія болѣзни появились,—а пить все не бросилъ. Встрѣтился разъ въ трактирѣ съ землякомъ. Добрый былъ мужикъ. Большую торговлю хлѣбомъ велъ. Хорошій былъ хозяинъ. И умный былъ... Книгочетъ... Узналъ онъ меня въ трактирѣ-то, подзвалъ къ себѣ, чаю налилъ, калача отрѣзалъ да и говорить: „Что это ты, братъ, дѣлаешь? На кого ты похожъ сталъ? Желтый, скулистый,—на мертваго, вѣдь,ходишь... А на душѣ-то, чай, у тебя что? Совѣсть-то пропилъ?—спрашиваетъ:—воруешь, небось? развратничаешь?“—Я молчу. Знаю, что во всемъ виновенъ предъ Богомъ. А землякъ все усовѣщиваетъ: „А отецъ-то,—говорить,—какъ убивается! Бабы-то плачутъ. Остепенись,—говорить,—одумайся, выкинь дурь изъ головы-то. Ну, посмотри, какой ты теперь есть работникъ? На что годишься?... Такъ всю жизнь и будешь скитаться да нищенствовать?..—Эхъ, братъ! Отъ души тебѣ совѣтую: скорѣе поднимайся на ноги, нечего дремать. Какъ можно скорѣе иди къ доктору. Лѣчись отъ болѣзней своихъ. И отъ пьянства лѣчись. А знаешь,—говорить,—какъ отъ пьянства лѣчиться?—Скажу тебѣ, какъ нашъ священникъ въ проповѣди говорилъ. Болѣзни, скажу тебѣ, есть разныя. Однѣ лѣчатъ пластырями тамъ да микстурами, а другія—прямо ножомъ или щипцами. Скажу, примѣрно, зубъ у человѣка гниетъ и другіе зубы заражаетъ. Какъ тутъ болѣзнь лѣчатъ?—Да просто берутъ щипцы да и рвутъ гнилой зубъ. Больно, да зато полезно. Такъ и съ пьянствомъ нужно расчитываться. Нужно бросить его разъ навсегда. Запустишь болѣзнь,—бѣда! стибнешь и съ тѣломъ и съ душой... Да!.. Такъ тебѣ и докторъ скажетъ... Ступай,—

говорить мнѣ землякъ,—къ такому-то доктору. Я знаю, онъ хорошо лѣчитъ такихъ, какъ ты. Только слушайся его!.. А главное, скажу я тебѣ, Богу, Богу молись усердиѣе. Страхъ Божій въ сердцѣ имѣй. Большая это поддержка въ соблазнахъ слабому человѣку“... Долго землякъ говорилъ мнѣ эдакъ-то. Часа два посидѣли мы съ нимъ. Поблагодарилъ я его за умную рѣчь, за чай-сахаръ да и отправился прямо къ доктору. Велѣлъ мнѣ докторъ раздѣться, осмотрѣлъ всего, постучалъ по груди молоточкомъ да и говоритъ: „Плохо; лѣчиться нужно, а пить перестань совершенно; слышишь,—говорить:—*совершенно*. Иначе не одобровать тебѣ. Жить-то,—спрашиваетъ,—хочешь? а?.. И какъ-то разомъ вспомнилъ я все свое прошлое: и мать, какъ она ласкала меня, въ дѣтствѣ; и садъ въ своей деревнѣ, гдѣ мальчишкой игралъ съ товарищами; и церковь, куда любилъ я ходить молиться; и красавицу-Волгу; и отца, какъ онъ съ радостью встрѣчалъ меня на побывкахъ дома...—И такъ-то мнѣ страшно стало смерти, такъ-то захотѣлось жить!.. Докторъ, должно быть, замѣтилъ это.—„То-то!—говорить:—положу тебя въ больницу. Лѣчить буду.. Грамотный?“—„Грамотный“, говорю.—„Ну, вотъ! читать будешь. Книжекъ тебѣ дамъ. Съ товарищами здѣшними познакомишься. Бесѣдуйте больше. Не скучай только. А о водкѣ и прежнихъ товарищахъ и не думай“...

— Прошло мѣсяцевъ пять. Я довольно поправился. Боли полегчали, силъ прибыло. О водкѣ какъ будто пересталъ скучать. Началъ проситься у доктора домой.—„Устоишь ли?“—спрашиваетъ. — „На Бога, — говорю, — надѣюсь. Его милость“.—„Ну, что же,—говорить докторъ,—ступай. Только сейчасъ же берись за какую-нибудь работу. Дѣлай, что придется по дому, по двору. Въ полѣ работай. Въ церковь чаще ходи. Говѣй. Причащайся. У батюшки проси наставлений. Книжекъ не забывай... Словомъ, старайся, чтобы голова твоя всегда была занята чѣмъ-нибудь добрымъ и полезнымъ. Скоро и совсѣмъ забудешь, что такое водка. Тогда хоть и на рѣку или въ городъ опять иди Крѣпкимъ ужъ будешь. Скоро не соблазнишься. А прежде всего—опасайся пока дурныхъ товарищей. Съ перваго же раза дай имъ понять, что они—сами по себѣ, а ты—самъ по себѣ. Сначала будутъ приставать, а потомъ, небось, отойдутъ. Поймутъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Прямо говори: не пью, докторъ запретилъ. Вотъ имъ и весь сказъ“.

— Отпустилъ меня докторъ, и пошелъ я домой... Сказать не могу, какъ обрадовались мои родные! Не чаяли, видишь, что живымъ вернусь домой. Мать слова не могла сказать отъ радости. Жена только плакала...—Сталъ я жить въ

деревнѣ. Домомъ началъ опять управлять, хозяйство въ порядокъ приводить: безъ меня поразстроилось оно нѣсколько,— не до него было—по мнѣ все тужили да плакали.. Дюже я работалъ въ ту пору! Отдыху не зналъ!.. Семья скоро начала оправляться. Деньжонки лишнія завелись... И опять откуда-то стали приходить мнѣ въ голову мысли, что не худо бы иной разъ выпить. И товарищи деревенскіе, мужики, которые, значить, пили, начинали подзадоривать: охота, вѣдь, на чужой то счетъ проѣхаться.. Да нѣтъ! Какъ вспомнишь прежнюю грязь, срамъ, горячку, слова докторовы,—страхъ всего проймаешь! Бросишь всѣхъ пріятелей и пойдешь опять за работу или въ церковь молиться... Такъ вотъ и дожиль до сѣдыхъ волосъ. Не пью. И давно ужъ не тянетъ совсѣмъ. Хоть бы и не было совсѣмъ водки.. Какъ родители померли, въ городъ, въ Симбирскъ, съ семьей переѣхалъ. Купилъ тамъ клочокъ землицы, домикъ поставилъ, торговлю свою завелъ... Да! Благодареніе Господу Богу! Отъ лихой болѣзни помогъ Онъ мнѣ излѣчиться!.. За себя радъ, за другихъ теперь болѣю сердцемъ. Такъ-то жаль всѣхъ, кто, какъ я когда-то, въ пьянствѣ погибаетъ... Не буду скрывать, и тебя, голубчикъ, жаль,—обратился старикъ къ серьезно слушавшему матросу.— Да и какъ не жалѣть-то! Молодой, здоровый,—только бы жить, работать да радоваться. А тутъ, вотъ, бѣда!.. Что же, братъ?—закончилъ свою рѣчь старикъ: — поучись у меня, старого. Ступай по моему примѣру. Встряхни съ себя пьяный-то сонъ. Богъ тебѣ поможетъ, люди добрые поддержать ..

Пароходъ причалилъ къ пристани. До залы третьяго класса долетѣли громкіе звуки пѣсни.

— Товары грузять,—замѣтилъ старикъ.—Пойти послушать. Важно, кажись, поютъ.

Собесѣдники поднялись съ своихъ мѣстъ и пошли на звуки.

Посреди парохода, окруженные толпой пассажировъ, стояли человекъ десять крючниковъ и на канатахъ выкатывали изъ трюма громадныя бочки груза. Одинъ запѣвалъ:

Эхъ, помолимся мы Богу
И возьмемся за работу...

— Эхъ, дубинушка, ухнемъ! — дружно подхватывали остальные, дюжими руками перебирая канатъ.

Раззеленая сама пойдетъ!
Идетъ—идеть...
Подернемъ!
Идетъ—идеть...

Бочка выкатывалась. Сейчас же ее подхватывали другія руки и быстро катили по мосткамъ на пристань. А тѣмъ временемъ изъ трюма появлялась новая бочка, за ней другая, третья..

— Здорово работаютъ!—проговорилъ старикъ. Смотрѣть любо. И ребята все молодцоватые... А, вѣдь, шибко небось пьютъ! Удержать-то некому. Сторона чужая... А жаль, жаль ребятъ! Смотри, какіе ловкіе.. И имъ бы, вотъ, рассказали свою жизнь...

Н. К—въ.

Н а п а р о х о д ъ

(Съ натуры).

Плавно, какъ лебедь, шель вверхъ по Волгѣ красавецъ-пароходъ, то и дѣло обмѣниваясь сигналами съ встрѣчными пароходами, барками и плотами. Темная вода рѣки съ ревомъ и пѣной бурлила около огромныхъ колесъ его, вздымаясь позади въ могучіе, красивые валы. Какъ въ калейдоскопѣ, мѣнялись прибрежныя картины: суровый и непроглядный, какъ ночь, лѣсъ уступалъ мѣсто мѣловымъ горамъ, бѣлымъ, высокимъ и отвѣснымъ... Терялись позади горы,—и съ одной стороны открывались поросшіе мелкимъ кустарникомъ ровные холмы, а съ другой— ровная же, безграничная степь... Стоялъ августъ, но было солнечно и тепло. Рѣзвые чайки беззаботно кружились въ воздухѣ и играли вокругъ парохода: то садились высоко на мачтахъ, то вдругъ ныряли въ волнахъ, чтобы поймать тамъ беззаботно игравшую рыбешку или брошенную съ палубы корочку хлѣба.

Зала третьяго класса была переполнена пассажирами. Одни пили за столиками чай, другіе мирно бесѣдовали. Нѣкоторые просматривали свѣжіе номера различныхъ газетъ. Двери, ведущія на носовую часть парохода, были настежь открыты, и въ нихъ, опершись на косякъ, стоялъ высокій,

бѣлый, какъ лунь, прилично одѣтый старикъ и задумчиво смотрѣлъ въ даль. Немного позади его, за однимъ изъ столиковъ, сидѣли два молодыхъ человѣка—матросъ съ Каспійскаго моря и уволенный въ отпускъ солдатъ. Передъ ними стояло нѣсколько бутылокъ пива и дешевая закуска. Оба были слегка на-веселѣ и разговаривали громче другихъ. Какимъ-то образомъ зашла рѣчь о пѣніи.

— Да, было время,—возбужденно говорилъ матросъ,— пѣлъ и я. Да какъ еще пѣлъ! Бывало, въ деревнѣ ни одной службы безъ меня не обходилось. Первымъ на клиросѣ считался. За псаломщика часто вставалъ. Всю службу, почитай, наизусть зналъ. Батюшка не разъ говаривалъ мнѣ:—„учись, учись, братъ; пой, читай; не лѣнись. Голосъ у тебя,—говорить,—замѣчательный. Выучишься уставу, какъ разъ псаломщикомъ тебя сдѣлаемъ. А тамъ и дальше пойдешь“.—И пошелъ бы,—горячо продолжалъ матросъ:—вѣрно слово—пошелъ бы, если-бъ не это зелье проклятое!—Матросъ при этомъ указалъ рукой на бутылки.—Загубило оно меня. Голосъ пропадать сталъ, о церкви забываю... Эхъ, оправиться бы! Можно бы вѣдь еще! Не старъ! 30 лѣтъ всего... Покрѣпиться бы немножко!.. Да не знаю какъ... Опустился уже очень... А голосъ есть еще все-таки и теперь. Могъ бы попѣть...

— А ну-ка, спой чтонибудь сейчасъ,—попросилъ матроса солдатъ.

— Э, да что тутъ пѣть?—отвѣтилъ матросъ:—Божественное здѣсь пѣть неловко, а пѣсни я не особенно уважаю.

— Какую-нибудь коротенькую,—не успокаивался солдатъ:—больно люблю я слушать пѣніе-то.

Матросъ нѣсколько минутъ угрюмо промолчалъ, а потомъ, наклонившись низко къ столу, тихо запѣлъ. Это была характерная народная русская пѣсня съ обращеніями къ широкимъ полямъ и дремучимъ лѣсамъ и съ упоминаніемъ о вѣчинѣ-думѣ и злодѣйкѣ-тоскѣ.. Хорошо, выразительно и задушевно пѣлъ матросъ! Казалось, онъ хотѣлъ вылить въ своей пѣснѣ собственное, давно стѣсненное грудь его, горе.

Съ каждымъ новымъ куплетомъ матросъ воодушевлялся, постепенно выпрямляясь и переходя на полный голосъ. А голосъ у него былъ мягкій, пріятный и сильный, хотя немного и надтреснувшій. Разговоры по близости на пароходѣ незамѣтно стихли. Общее вниманіе было привлечено матросомъ.

— Что ты?—толкнулъ вдругъ матросъ солдата,—который, очевидно, былъ готовъ заплакать:—никакъ ревѣть хочешь? Эхъ, ты! баба! А еще солдатомъ прозываешься!.. Давай-ка, вотъ, лучше съ дѣдушкой потолкуемъ. Что-то онъ сердито на насъ смотреть.

Матросъ указаль на старика, что стоялъ въ дверяхъ залы, а теперь сидѣлъ за столикомъ по сосѣдству.

— Что, дѣдушка, сурьезно ужъ очень глядишь?—заговорилъ матросъ:—выругать, что-ль, за какую провинность насъ хочешь? Или такъ себѣ загрустился о чемъ?

— Да что же и не погрузить?—спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ старикъ:—иной разъ и погрузить, подумать надъ чѣмъ-нибудь слѣдуетъ.

— Нѣтъ, мы вотъ не думаемъ, веселимся!

— Веселимся,—усмѣхнулся старикъ:—то-то ты и вытягиваль сейчасъ у всѣхъ душу-то!..

— Какъ это?

— Да вотъ пѣль-то...

— А, пѣль! Ну, пѣть я, дѣйствительно, люблю. Ничего не надо, только бы пѣть...

— Да, вѣдь, пѣніе пѣнію рознь. Есть грустное, а есть и веселое. Человѣкъ, которому весело всегда, поетъ что-нибудь веселое, а ты сейчасъ, почитай, плакалъ. Значить, и тебѣ не совсѣмъ весело? И въ тебѣ, значить, грусть какая-то кроется?

— Вѣрно, вѣрно, дѣдушка. Правду говоришь. Сказать по совѣсти—не до веселья и мнѣ. Какое тамъ веселье! Прямо скажу—тоска одолеваетъ... Пить, видишь ли, дѣдушка, все хочу бросить, а мочи, мочи-то и нѣтъ...

— А зачѣмъ пьешь?

— Да... какъ тебѣ... сказать...

— Дѣлать, что-ль, нечего? Занятій подходящихъ не имѣешь? Иль, можетъ, родныхъ никого нѣтъ, близкихъ людей? Скучно тебѣ, что ли? Отчего пьешь-то?

— Эхъ, дѣдушка! Что спрашивать! Пью, да и все тутъ... Я и самъ не знаю, отчего пью... Какъ подумаешь эдакъ, такъ ровно бы и не отъ чего мнѣ пить.. Дѣло у меня есть, и охочь я работать. Теперь я матросомъ по Каспю хожу, а то и въ пѣвчихъ гдѣ-нибудь могъ бы найти службу. И находилъ. Слава Богу... О родныхъ тоже нечего говорить. Есть у меня и родные. Жена да дѣвочка-дочка есть. Къ нимъ, вотъ, и ѣду сейчасъ. Давно ждуть. Жаловались все, что долго не повижусь съ ними, гостинцевъ не привезу... а какіе гостинцы отъ меня... пропойцы?.. И теперь... вотъ... Друзей хорошихъ всегда нашель бы я, да тѣ горе—не ищу я хорошихъ-то! Схожусь все съ такими же, какъ самъ. Не друзья мнѣ, видишь, нужны, а, какъ говорится, собутыльники... Ину пору кажется, что отъ этихъ собутыльниковъ и пропадаю я. Иной разъ случается—не пьешь, работаешь только. Работаетъ эдакъ недѣлю, двѣ... Дѣла идутъ, какъ по маслу. Живешь себѣ и радуешься, что вотъ, молъ, наконецъ, оправился, на ноги сталь... Вдругъ—встрѣлся гдѣ-нибудь съ веселой компаніей, и кончено... Закрутишь и закутишь! И словно силой какой дьявольской завлекутъ товарищи. Говоришь: нѣтъ, не буду пить, ни за что!—Анъ смотришь—ужь пьяный гдѣ-нибудь подъ лавкой валешься.

— Такъ вотъ тебѣ и урокъ, — наставительно сказала старикъ:—разъ совратили тебя товарищи, другой разъ ужь бойся ихъ, какъ огня. Бѣги отъ нихъ. Въ работѣ пусть они тебѣ будутъ товарищами, а какъ они за водку принимаются, за стаканъ берутся,—ищи себѣ другихъ товарищей.

— Дѣдушка! Не говори! Нешто подъ силу это нашему слабому брату?!

— Не подь силу!—ухмыльнулся дѣдушка:—а мнѣ, вотъ, небось, подь силу было... Если хочешь знать, такъ когда-то и я, какъ ты, въ пьяныхъ компаніяхъ все путался, а потомъ-таки выбрался на настоящую дорогу. Не сгибь въ конецъ то... Разказалъ бы я тебѣ свою прежнюю жизнь,—предложилъ старикъ матросу,—да долго... Слушать, пожалуй, не будешь?

— Нѣтъ, ничего,—отозвался матросъ:—до пристани, кажись, еще съ часъ пройдемъ. Разкажи, послушаю.

— Двадцать лѣтъ мнѣ было,—началъ старикъ,—какъ отецъ послалъ меня изъ деревни на Волгу работать. Поступилъ я къ одному лѣсопромышленнику. Сталъ *плоты* да *бѣляны* ¹⁾ по рѣкѣ гонять. Много разъ „исходилъ“ я кормилицу изъ конца въ конецъ. И полюбилъ я ее... дюже полюбилъ. Самъ знаешь: раздолье, красота, свобода... Работалъ я здорово. Чуть не каждый мѣсяць посылалъ отцу деньги. Сперва плоховато мы жили въ деревнѣ-то, а тутъ, какъ я работать пошелъ, поправляться начали. Новую избу поставили, скотинку завели и все такое прочее... По зимамъ я домой, въ Симбирскую губернію, приходилъ. Дома жилъ. Помогалъ отцу хозяйничать. А какъ весна на дворъ, я на Волгу собираюсь... Прошло такъ-то года 3—4, и зажили мы съ отцомъ на славу. Себѣ, значить, на радость, людямъ на удивленіе. Родитель во мнѣ души не чаялъ, мать какъ за малымъ дитѣй ухаживала. И вотъ, захотѣли меня родные женить. Что же? Я согласился, и свадьбу сыграли. Прожилъ я съ женой мѣсяца четыре и опять сталъ на Волгу собираться. Схожу, думаю, еще, пока самъ молодъ, и отецъ въ силахъ, чтобы по дому похозяйничать. Такъ... Ну, извѣстно, проводили меня. Мать лепешекъ напекла, жена дала котомку, рубахъ да всякаго бѣлья, у отца взялъ на дорогу синенькую. Отслужили молебень, и я отправился... Работы на этотъ разъ я что-то долго некалъ,—не было подходящей. Прожилъ всѣ свои деньги, го-

¹⁾ *Бѣляна*—особое судно для слава лѣсу.

лодать началъ и хотѣлъ ужъ было домой пойти, какъ встрѣтился съ однимъ знакомымъ подрядчикомъ. Даль онъ мнѣ хорошее мѣсто, и я остался на Волгѣ. Тутъ-то и приключилась мнѣ бѣда. На радостяхъ ли, что послѣ долгихъ поисковъ нашель выгодную работу, или отъ думы, что, молъ, теперь я женатый, и самъ себѣ полный господинъ и судья, началъ я съ товарищами компанію водить. Спервоначалу по праздникамъ выпьешь рюмку-другую, а потомъ и на будни дѣло перешло. Дальше—больше, и загулялъ я... Бывало, какъ не пилъ, товарищи пьянствуютъ, а на меня и вниманія не обращаютъ: „непьющій, дескать“. А какъ началъ пить,—отбою отъ товарищей не стало. Безъ меня, будто, и выпить не могутъ. Приставутъ:—пей да пей. Одинъ хохоль былъ, такъ тотъ по-своему приговаривалъ: „що-жъ то,—говорить,—за чоловікъ, якъ горілки не пьє!“ „Горилка“—то—водка выходитъ, по-ихнему... Ну, и пьешь, конечно... Отець пишетъ: „Что съ тобой? не заболѣлъ ли? Домой иди. Жена плачетъ“.—А я не то, что домой иди, *рубашу сталъ узлами завязывать*¹⁾. Стыдно сказать... Знакомый подрядчикъ меня скоро уволилъ, и поступилъ я въ Нижній на пристань кули таскать. Заработашь, бывало, въ день копеекъ 30—40, придешь въ ночлежку, какъ избитый. Спины не чувствуешь, ногъ не чувствуешь. Въ головѣ пустота... Думаешь, закусить надо бы,—да и бѣда-то въ ротъ нейдетъ. Недолго думая, возьмешь полубутылку водки, выбьешь о колѣвку пробку, пропустишь въ горло-то, да, какъ свинья, прости Господи, куда-нибудь въ уголъ и повалишься... Встанешь рано. Опять нужно на работу. Выйдешь къ Волгѣ—заря въ рѣкѣ улыбается. Стоитъ матушка алая вся, какъ невѣста нарядная... Вспомнишь бывшее время, какъ, трезвый, въ волю могъ любоваться Волгой... Эхъ,—вздохнешь только!.. Человѣкомъ, молъ, былъ... А теперь что?—скотъ! Потерялъ образъ Божій! Звѣремъ оборотился... А тутъ еще боли разныя. Голова трещить, во всемъ

¹⁾ Поволжское выраженіе; означаетъ крайнюю ветхость одежды.

тѣлѣ ломота, ноги дрожать, еле держишься... Что дѣлать? Надо работать, а силъ нѣтъ. Хоть помирай... Возьмешь, выпьешь еще шкаликъ, опохмелишься да и опять за кули... И такъ изо дня въ день, изо дня въ день... Какъ-то разъ, пьяный, чуть не утонулъ. Вытащили товарищи, откачали... Отъ смерти спасся, ну, а горячку все-таки схватилъ. Долго въ больницѣ пролежалъ. Высохъ весь, совсѣмъ расклеился, разныя тамъ внутреннія болѣзни появились,—а пить все не бросилъ. Встрѣтился разъ въ трактирѣ съ землякомъ. Добрый былъ мужикъ. Большую торговлю хлѣбомъ велъ. Хорошій былъ хозяинъ. И умный былъ... Книгочетъ... Узналъ онъ меня въ трактирѣ-то, подзвалъ къ себѣ, чаю налилъ, калача отрѣзалъ да и говорить: „Что это ты, братъ, дѣлаешь? На кого ты похожъ сталъ? Желтый, скулистый,—на мертваго, вѣдь,ходишь... А на душѣ-то, чай, у тебя что? Совѣсть-то пропилъ?—спрашиваетъ:—воруешь, небось? развратничаешь?“—Я молчу. Знаю, что во всемъ виновенъ предъ Богомъ. А землякъ все усовѣщиваетъ: „А отецъ-то,—говорить,—какъ убивается! Бабы-то плачутъ. Остепенись,—говорить,—одумайся, выкинь дурь изъ головы-то. Ну, посмотри, какой ты теперь есть работникъ? На что годишься?... Такъ всю жизнь и будешь скитаться да нищенствовать?..—Эхъ, братъ! Отъ души тебѣ совѣтую: скорѣе поднимайся на ноги, нечего дремать. Какъ можно скорѣе иди къ доктору. Лѣчись отъ болѣзней своихъ. И отъ пьянства лѣчись. А знаешь,—говорить,—какъ отъ пьянства лѣчиться?—Скажу тебѣ, какъ нашъ священникъ въ проповѣди говорилъ. Болѣзни, скажу тебѣ, есть разныя. Однѣ лѣчатъ пластырями тамъ да микстурами, а другія—прямо ножомъ или щипцами. Скажу, примѣрно, зубъ у человѣка гниетъ и другіе зубы заражаетъ. Какъ тутъ болѣзнь лѣчатъ?—Да просто берутъ щипцы да и рвутъ гнилой зубъ. Больно, да зато полезно. Такъ и съ пьянствомъ нужно расчитываться. Нужно бросить его разъ навсегда. Запустишь болѣзнь,—бѣда! стибнешь и съ тѣломъ и съ душой... Да!.. Такъ тебѣ и докторъ скажетъ... Ступай,—

говорить мнѣ землякъ,—къ такому-то доктору. Я знаю, онъ хорошо лѣчитъ такихъ, какъ ты. Только слушайся его!.. А главное, скажу я тебѣ, Богу, Богу молись усердиѣе. Страхъ Божій въ сердцѣ имѣй. Большая это поддержка въ соблазнахъ слабому человѣку“... Долго землякъ говорилъ мнѣ эдакъ-то. Часа два посидѣли мы съ нимъ. Поблагодарилъ я его за умную рѣчь, за чай-сахаръ да и отправился прямо къ доктору. Велѣлъ мнѣ докторъ раздѣться, осмотрѣлъ всего, постучалъ по груди молоточкомъ да и говоритъ: „Плохо; лѣчиться нужно, а пить перестань совершенно; слышишь,—говорить:—*совершенно*. Иначе не одобровать тебѣ. Жить-то,—спрашиваетъ,—хочешь? а?.. И какъ-то разомъ вспомнилъ я все свое прошлое: и мать, какъ она ласкала меня, въ дѣтствѣ; и садъ въ своей деревнѣ, гдѣ мальчишкой игралъ съ товарищами; и церковь, куда любилъ я ходить молиться; и красавицу-Волгу; и отца, какъ онъ съ радостью встрѣчалъ меня на побывкахъ дома...—И такъ-то мнѣ страшно стало смерти, такъ-то захотѣлось жить!.. Докторъ, должно быть, замѣтилъ это.—„То-то!—говорить:—положу тебя въ больницу. Лѣчить буду.. Грамотный?“—„Грамотный“, говорю.—„Ну, вотъ! читать будешь. Книжекъ тебѣ дамъ. Съ товарищами здѣшними познакомишься. Бесѣдуйте больше. Не скучай только. А о водкѣ и прежнихъ товарищахъ и не думай“...

— Прошло мѣсяцевъ пять. Я довольно поправился. Боли полегчали, силъ прибыло. О водкѣ какъ будто пересталъ скучать. Началъ проситься у доктора домой.—„Устоишь ли?“—спрашиваетъ. — „На Бога, — говорю, — надѣюсь. Его милость“.—„Ну, что же,—говорить докторъ,—ступай. Только сейчасъ же берись за какую-нибудь работу. Дѣлай, что придется по дому, по двору. Въ полѣ работай. Въ церковь чаще ходи. Говѣй. Причащайся. У батюшки проси наставлений. Книжекъ не забывай... Словомъ, старайся, чтобы голова твоя всегда была занята чѣмъ-нибудь добрымъ и полезнымъ. Скоро и совсѣмъ забудешь, что такое водка. Тогда хоть и на рѣку или въ городъ опять иди Крѣпкимъ ужъ будешь. Скоро не соблазнишься. А прежде всего—опасайся пока дурныхъ товарищей. Съ перваго же раза дай имъ понять, что они—сами по себѣ, а ты—самъ по себѣ. Сначала будутъ приставать, а потомъ, небось, отойдутъ. Поймутъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Прямо говори: не пью, докторъ запретилъ. Вотъ имъ и весь сказъ“.

— Отпустилъ меня докторъ, и пошелъ я домой... Сказать не могу, какъ обрадовались мои родные! Не чаяли, видишь, что живымъ вернусь домой. Мать слова не могла сказать отъ радости. Жена только плакала...—Сталъ я жить въ

деревнѣ. Домомъ началъ опять управлять, хозяйство въ порядокъ приводить: безъ меня поразстроилось оно нѣсколько,— не до него было—по мнѣ все тужили да плакали.. Дюже я работалъ въ ту пору! Отдыху не зналъ!.. Семья скоро начала оправляться. Деньжонки лишнія завелись... И опять откуда-то стали приходиться мнѣ въ голову мысли, что не худо бы иной разъ выпить. И товарищи деревенскіе, мужики, которые, значить, пили, начинали подзадоривать: охота, вѣдь, на чужой то счетъ проѣхаться.. Да нѣтъ! Какъ вспомнишь прежнюю грязь, срамъ, горячку, слова докторовы,—страхъ всего проймаешь! Бросишь всѣхъ пріятелей и пойдешь опять за работу или въ церковь молиться... Такъ вотъ и дожидь до сѣдыхъ волосъ. Не пью. И давно ужъ не тянетъ совсѣмъ. Хоть бы и не было совсѣмъ водки.. Какъ родители померли, въ городъ, въ Симбирскъ, съ семьей переѣхалъ. Купилъ тамъ клочокъ землицы, домикъ поставилъ, торговлю свою завелъ... Да! Благодареніе Господу Богу! Отъ лихой болѣзни помогъ Онъ мнѣ излѣчиться!.. За себя радъ, за другихъ теперь болѣю сердцемъ. Такъ-то жаль всѣхъ, кто, какъ я когда-то, въ пьянствѣ погибаетъ... Не буду скрывать, и тебя, голубчикъ, жаль,—обратился старикъ къ серьезно слушавшему матросу.— Да и какъ не жалѣть-то! Молодой, здоровый,—только бы жить, работать да радоваться. А тутъ, вотъ, бѣда!.. Что же, братъ?—закончилъ свою рѣчь старикъ: — поучись у меня, старого. Ступай по моему примѣру. Встряхни съ себя пьяный-то сонъ. Богъ тебѣ поможетъ, люди добрые поддержать ..

Пароходъ причалилъ къ пристани. До залы третьяго класса долетѣли громкіе звуки пѣсни.

— Товары грузять,—замѣтилъ старикъ.—Пойти послушать. Важно, кажись, поютъ.

Собесѣдники поднялись съ своихъ мѣстъ и пошли на звуки.

Посреди парохода, окруженные толпой пассажировъ, стояли человекъ десять крючниковъ и на канатахъ выкатывали изъ трюма громадныя бочки груза. Одинъ запѣвалъ:

Эхъ, помолимся мы Богу
И возьмемся за работу...

— Эхъ, дубинушка, ухнемъ! — дружно подхватывали остальные, дюжими руками перебирая канатъ.

Раззеленая сама пойдетъ!
Идетъ—идеть...
Подернемъ!
Идетъ—идеть...

Бочка выкатывалась. Сейчас же ее подхватывали другія руки и быстро катили по мосткамъ на пристань. А тѣмъ временемъ изъ трюма появлялась новая бочка, за ней другая, третья..

— Здорово работаютъ!—проговорилъ старикъ. Смотрѣть любо. И ребята все молодцоватые... А, вѣдь, шибко небось пьютъ! Удержать-то некому. Сторона чужая... А жаль, жаль ребятъ! Смотри, какіе ловкіе.. И имъ бы, вотъ, рассказали свою жизнь...

Н. К—въ.

О приходской жизни.

Вопросъ о приходской жизни—одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ въ текущей литературѣ. Вопросъ этотъ усердно разрабатывается въ печати. И нельзя не почувствовать тѣмъ лицамъ, которыя хотять пробудить въ приходахъ тотъ братскій—общинный строй, какимъ отличался нашъ древній приходъ. Къ числу лицъ, стремящихся рѣшить вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ и много потрудившихся въ этомъ направленіи, слѣдуетъ отнести А. А. Панкова. Онъ основательно изучилъ исторію приходской жизни и приходскаго строя въ древней Руси. Это изученіе показало почтенному ученому всю правильность современнаго приходскаго строя, а также помогло ему придти къ нѣкоторымъ выводамъ относительно средствъ къ оживленію современнаго строя приходской жизни. Главная задача, которая, по мнѣнію его, должна быть положена въ основу преобразованія прихода—это возстановленіе христіанской общительности какъ между пастыремъ и пасомыми, такъ и между самими прихожанами. „Появится эта чудодѣйственная общительность—воскреснетъ и приходъ“. Приходская община должна быть семьею высшаго порядка, гдѣ жизнь должна строиться на великомъ началѣ братской любви, обществомъ людей безъ различія состояній и сословій. Для поддержанія и развитія этой общительности г. Панковъ рекомендуетъ учрежденіе воскресныхъ собраний, приходскихъ совѣтовъ, заведеніе главной приходской книги и проч.

(Однимъ изъ средствъ къ такому сближенію и сплоченію членовъ приходской общины Черниговскія еп. извѣстія (1902 г. № 2) считаютъ общее церковное пѣніе, которое въ послѣднее время стало практиковаться все чаще и чаще, и для развитія котораго открываются даже общества, какъ, напр., въ

Казани. „Если искусство вообще сближаетъ людей,—говорить Черниг. еп. извѣстія,—то особенно это нужно сказать о пѣніи и, въ частности, о пѣніи церковномъ. Оно невольно заставляетъ насъ переноситься мысленно въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ тягостнаго различія и мучительнаго соревнованія между людьми, а есть только одна правда и любовь. Но нигдѣ сила и значеніе церковнаго пѣнія такъ не обнаруживаются, какъ въ пѣніи общецерковномъ, гдѣ каждый молящійся принимаетъ живѣйшее и непосредственное участіе въ общемъ молитвенномъ настроеніи, а не остается только присутствующимъ при богослуженіи. Общее пѣніе потому есть лучшее средство къ пробужденію той братской общительности, той братской настроенности, какія необходимы для оживленія нашего приходскаго строя. Недаромъ религіозныя собранія древнихъ христіанскихъ общинъ, гдѣ такъ высоко стояла братская любовь, сопровождалась общимъ пѣніемъ. Такъ было въ апостольское время (1 Кор. 14, 26; Кол. 3, 16; Ефес. 5, 19), такъ было и потомъ. У Филона мы читаемъ о христіанахъ І вѣка, что первосвященникъ ихъ, окончивъ во время богослужебнаго собранія слово, пѣлъ хвалебную пѣснь Богу, при концѣ коей всѣ возносили гласъ, какъ мужи, такъ и жены. Они (христіане) во время священныхъ своихъ бдѣній, всѣ вставъ, раздѣлялись на два лика посреди храмины, мужи съ мужами и жены съ женами, и на обоихъ ликахъ былъ свой искусный запѣвало. Наконецъ, оба лика, насладившись особо симъ сладкопѣніемъ, соединялись въ одинъ общій ликъ, или хоръ“. Предстоятели древней Церкви ясно сознавали высокое религіозно-воспитательное значеніе общаго пѣнія, служившаго выраженіемъ единенія въ вѣрѣ и жизни христіанской, и потому заботились о его развитіи, призывая къ церковному пѣнію всѣхъ христіанъ. „Составьте изъ себя всѣ до одного хоръ,—пишетъ Игнатій Богоносець ефесянамъ, убѣждая къ единенію со своимъ епископомъ,—чтобы, согласно настроенные въ единомысліи, дружно начавши пѣснь Богу, вы единогласно пѣли ее Отцу чрезъ Іисуса Христа“¹⁾.

¹⁾ Совр. Об., 1904 г., № 31.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 12-го декабря 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 52.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1904 года, декабря 26—31.

Содержаніе: Христось—миръ нашъ.—Современные способы распро-
страненія сектантскихъ заблужденій въ народѣ и необходимыя мѣры про-
тиводѣйствія имъ (окончаніе).—Нѣсколько словъ о нашихъ духов-
ныхъ журналахъ и епархіальныхъ извѣстіяхъ.—Мѣры и средства
къ устраненію неправильныхъ записей въ метрическихъ книгахъ
(практическая замѣтка).*

Христось—миръ нашъ.

„Слава въ вышнихъ Богу, и на
земли миръ, во человецѣхъ благово-
леніе“.

Чудной чарующей музыкой прозвучала, среди величе-
ственной обстановки восточной ночи, надъ давно незнавшей
мира землею радостная вѣсть небожителей о мирѣ. Точно
вѣяніе живительнаго вѣтерка нѣжно пахнуло на опаленный
зноємъ страстей тревожно дремавшій міръ. Благодатная роса
ниспала на сухое руно и вѣяніемъ духовной свѣжести разли-
лась по всему существу искренно чалвшихъ Утѣхи Израиле-
вой. Почувялъ благодатное дыханіе *хлада тонка* и остальной
міръ, чуждый мессіанскихъ надеждъ и ожиданій; но, вмѣсто

свѣжести и мира, ощутилъ болѣе сильную тревогу и новый приливъ вражды и злобы.

Съ тѣхъ поръ прошло 19 вѣковъ. Дыханіе *жлада тонка* давно уже превратилось въ ясно слышанный шумъ *якоже носиму дыханію бурну*; едва замѣтная роса превратилась въ обильные источники *воды живой*; воспѣтая въ спасительную ночь пѣснь небожителей стала достояніемъ всей земли, облѣтѣла всю вселенную. А міръ и *все, иже отъ міра*, до сихъ поръ въ недоумѣніи вопрошаютъ: „Гдѣ же то царство мира и покоя, которое принесъ съ собою на землю Христосъ? Всмотритесь пристальнѣе въ разнообразныя явленія жизни, прислушайтесь внимательнѣе къ таинственному ропоту ея волнъ,---и сладкія иллюзіи и мечты о мирѣ исчезнутъ: жизнь знаетъ только борьбу, страданія и горе“.

Да, земная жизнь наша не есть безпрерывный праздникъ и веселье; съ пришествіемъ Спасителя людское горе не исчезло; міръ, вопреки ожидаціямъ мечтателей, никогда не превратится въ пышный садъ, гдѣ будутъ процвѣтать только счастье и добродѣтель. Христіанство всегда учило о неизбежности горя и страданій. Ап. Павелъ указываетъ на существованіе въ мірѣ бѣдъ и скорбей, какъ на неизбежный законъ, которому въ одинаковой степени подчинены всѣ земнородные. На вѣрныхъ послѣдователей Христа даже въ большей степени обрушиваются житейскія бѣды и невзгоды. „Всѣ, желающіе жить благочестиво во Христѣ,— читаемъ въ посланіи къ Тимоѳею, будутъ гонимы. Злые же люди и обманщики будутъ преуспѣвать во злѣ, вводя въ заблужденіе и заблуждаясь“ (2 Тим. 3, 12—13). Вѣрнымъ рабамъ Своимъ Господь „судилъ быть какъ бы приговоренными къ смерти“, сдѣлаться „позорищемъ для міра“, терпѣть „голодъ и жажду, и наготу, и побои“, усиленно трудиться и работать собственными руками, терпѣливо переносить разнаго рода хулы, злословіе и гоненіе, такъ что поистинѣ они являются, „какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый“ (1 Кор. 4, 9—13). Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ жизнь самого ап.

Павла. Онъ, по собственнымъ его словамъ, былъ постоянно „въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, болѣе (всѣхъ другихъ) въ темницахъ, и многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано“ ему „было по сороку ударовъ безъ одного. Три раза“ его „били палками, однажды камнями побивали.... Много разъ былъ... въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ...., въ трудѣ и изнуреніи, часто въ бдѣніи, въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ“ (2 Кор. 11, 23—37). Но одинъ ли Апостоль языковъ былъ „позорищемъ и соромъ для міра?“—Согласно слову Божественнаго Владыки, всѣ послѣдователи Его въ мірѣ имѣютъ и „будутъ имѣть скорбь“ (Іоанн. 16 33); всѣ должны входить въ царство небесное съ усиленіемъ, узкимъ тернистымъ путемъ страданій и скорбей. Исторія первобытной Церкви христіанской—это скорбная повѣсть о самыхъ ожесточенныхъ преслѣдованіяхъ, о самыхъ вопіющихъ неправдахъ и оскорбленіяхъ, которымъ непрестанно подвергали міръ вѣрныхъ слугъ Христовыхъ. Отъ первой до послѣдней страницы она писана слезами и кровію, запечатлѣна сотнями тысячъ самыхъ разнообразныхъ и ужасныхъ смертей. Это—обширное поле, усѣянное крестами, озаренное кострами, взоранное мечами, политое потомъ, слезами и кровью, оглашенное безчисленными воплями, столами и рыданіями, заросшее терніемъ и волчцами...

Но если такъ, то не иллюзія ли въ самомъ дѣлѣ принесенный на землю Христомъ миръ?

Что миръ на землѣ, дѣйствительно, существуетъ, лучшимъ доказательствомъ служить внутреннее сознаніе тѣхъ самыхъ послѣдователей Христовыхъ, которые вмѣняются міромъ въ соръ и прахъ, всѣми попираемый. Оно ясно свидѣтельствуетъ, что миръ, воспѣтый въ ночь Рождества Христова небожителями, не благовѣщенъ только Христомъ „дальнимъ и ближнимъ“ (Еф. 2, 17), но и дарованъ си-

лою креста и сдѣлался достояніемъ вѣрующихъ. Оттого послѣдніе неизмѣнно и непрерывно „благодушествуютъ“ (2 Кор. 5, 6), съ „великою радостію принимаютъ, когда впадаютъ въ различные искушенія“ скорбями и страданіями (Іак. 1, 2), „хвалятся скорбями, зная, что отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда“ (Римл. 5, 3—4). Въ искренности этого сознанія легко убѣдиться изъ ихъ жизни и поведенія. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ дѣйствуютъ эти люди, всѣми преслѣдуемые и презираемые?—Съ царственнымъ величіемъ и спокойствіемъ, какъ власть имущіе, а не какъ всѣми попираемые. Вотъ враги имени Христова, будучи не въ состояніи „противостоятъ мудрости и Духу“, Которымъ говорилъ архид. Стефанъ, жестоко оклеветали его, возбудили противъ него народъ и, схвативъ, повели въ синагогѣ. Тамъ, представивъ „ложныхъ свидѣтелей, которые говорили: „этотъ человѣкъ не перестаетъ говорить хульные слова на святое мѣсто сіе и на законъ“ (Дѣян. 6, 10 и д.), рѣшили предать его мучительной смерти. Но осужденный невозмутимо спокоенъ. Лицо его, какъ „лицо ангела“: нѣтъ въ немъ ни малѣйшаго признака волненія... Какая рѣзкая противоположность съ настроеніемъ послѣдователей міра сего! Тѣ совершенно не могутъ владѣть собою отъ злобы, кричатъ, „затыкаютъ уши“ и, въ порывѣ величайшаго озлобленія, выводятъ мученика за городъ и побиваютъ его камнями (Дѣян. 7, 58). А онъ молится: „Господи Іисусе! прійми духъ мой!“—преклонивъ затѣмъ колѣна, восклицаетъ: „не вмѣни имъ грѣха сего!“ Съ этими словами всепрощенія на устахъ онъ и умираетъ (Дѣян. 7, 59—60).

Вотъ исполненные зависти „первосвященникъ и съ нимъ всѣ, принадлежащіе къ ереси саддукейской“, „наложили руки на апостоловъ и заключили ихъ въ темницу народную“ (Дѣян. 5, 17—18), въ надеждѣ, что они отстанутъ отъ проповѣдуемаго ими ученія. Но, освободившись, при помощи ангела, отъ заключенія, апостолы изъ темницы отправляются прямо въ храмъ и, вошедши въ него утромъ, учатъ тому же

(ст. 19—21). Начальникъ стражи со служителями снова приводитъ ихъ въ синедрионъ. Ихъ подвергаютъ оскорбленіямъ, позорному насилію. А они идутъ изъ синедриона „радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять безчестіе“ (ст. 40—41), а потомъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ „всякій день въ храмѣ и по домамъ не перестаютъ учить и благовѣствовать объ Иисусѣ Христѣ“ (ст. 42).

Вотъ Сялу и Павла, исцѣлившаго служанку, которая была одержима духомъ прорицательнымъ, приказываютъ бить палками. Давши имъ много ударовъ, ввергаютъ ихъ въ темницу, ноги забиваютъ въ колоду. Но они не унываютъ. Въ виду явно грозящей имъ смерти, они молясь воспѣваютъ Бога (Дѣян. 16, 16—25).

Вся послѣдующая исторія Церкви служитъ непрерывнымъ продолженіемъ тойже побѣды мира надъ зломъ жизни. Церковное небо въ первые вѣка христіанства просіяло такими чудными и лучезарными свѣтилами, что предъ величіемъ ихъ въ изумленіи остановилось кровожадное язычество, тщетно испробовавшее всѣ способы насилія и жестокостей для нарушенія этого ненобъдимаго душевнаго мира христіанъ и достигшее только большаго его укрѣпленія и рапространенія. И нынѣ истинные подвижники Христовы торжествуютъ славную побѣду, поражая ослѣпленный враждою міръ красотой своего мирнаго душевнаго настроенія и невозмутимымъ спокойствіемъ.

Почему же не знало этого благословеннаго мира ветхозавѣтное человѣчество, и гдѣ источникъ его для человѣка новозавѣтнаго?

Ветхозавѣтное человѣчество не знало мира потому, что невозрожденная благодатію природа человѣка въ самой себѣ носила начало великихъ бѣдъ и несчастій—грѣхъ: „грѣхъ произвелъ между Богомъ и людьми великую вражду и разлучилъ ихъ бездною непроходимою“ (Догмат. Антонія, стр. 176), потому что, давши преобладаніе плоти надъ духомъ, онъ какъ

бы оплотняли духъ, сдѣлалъ его „плотию“ (Іоан. 3, 6), наполнилъ умъ человѣка „плотскими помысленіями“, сердце привязанностію къ плотскимъ удовольствіямъ, волю направилъ къ сохраненію плотской жизни. А это все, по выраженію ап. Павла, „вражда на Бога“ (Римл. 8, 7), потому что „закону Божию не покарается“ (Римл. 8, 7). Эта „вражда на Бога“ явилась преградой, средостѣніемъ, разлучающимъ насъ отъ Бога. Между тѣмъ какъ найти миръ и удовлетвореніе мы могли только въ единеніи со своимъ Творцомъ и Промыслителемъ.

Тяжесть положенія усугублялась тѣмъ, что естественныя силы человѣка пришли въ полное разстройство. Природа человѣка раздвоилась: *закону ума*, указывавшему путь истинной жизни, противостоялъ *иной законъ противоюущъ* ему. Отсюда вѣчная борьба въ естественномъ человѣкѣ съ самимъ собою. До какой степени мучительности доходила эта внутренняя борьба двухъ противоположныхъ началъ, свидѣтельствуешь та бездна стчаянія, въ которой томилось язычество, обезсиленное и утомленное ею, предпочитавшее нерѣдко смерть существованію.

Если для людей благодатствованныхъ эта борьба была настолько тяжела, что ап. Павелъ восклицаетъ: „бѣдный я человѣкъ! Кто избавить меня отъ сего тѣла смерти?“ (Римл. 7, 24)—то для людей съ естественными силами она была совсѣмъ непосильна.

Но мы соединены тѣснымъ и неразрывнымъ союзомъ съ другими людьми и съ міромъ окружающей насъ внѣшней природы. Въ этомъ заключался новый источникъ страданій и тревогъ, такъ какъ падшіе люди, руководясь грѣховнымъ чувствомъ самолюбія, *взыскала помысловъ многихъ* (Еккл. 7, 30). Отсюда—разладъ и нестроеніе въ обществѣ людей; отсюда—все виды бѣдъ въ человѣчествѣ: *бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во лжебра-тѣи* (2 Кор. 11, 26).

Съ своей стороны и природа, поднавши за грѣхъ чело-
вѣка тяжкому проклятію Божію, вся подверглась суетѣ, во-
оружилась на челоуѣка и тѣснить его, какъ идущаго вопреки
богоучрежденному порядку, вооружается на насъ местію
(Прем. Сол. 5, 17—24). До какой степени напряженія дохо-
дила эта борьба челоуѣка съ тварію, ясно свидѣтельствуютъ
такіе страшные перевороты, какъ потопъ, сожженіе Со-
дома, поглощеніе моремъ египтянь и др. разрушительныя
явленія природы.

Такимъ образомъ, вся жизнь естественнаго невозрожден-
наго челоуѣка была съ его стороны бранію и, въ свою оче-
редь, возбуждала брань сильнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ
противниковъ, своею дѣятельностію разрушавшихъ всѣ по-
пытки челоуѣка къ умиротворенію. Но совершенно все измѣ-
нилось съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ на землю Сынъ Божій,
давый Себе избавленіе за всѣхъ. Изъ врага Божія искуплен-
ный челоуѣкъ сдѣлался Его другомъ, которому Господь
открываетъ во всей доступной для челоуѣка полнотѣ *безвѣст-
ная и тайная премудрости Своя*, такъ какъ главный источ-
никъ и начало вражды, лежавшей въ отношеніяхъ челоуѣка
къ Богу,—грѣхъ, по благодати Божіей, былъ уничтоженъ.
Ветхій челоуѣкъ, какимъ стало потомство Адама послѣ грѣ-
хопаденія, умираетъ, распинается въ христіанинѣ при креще-
ніи; вмѣсто него является *новая тварь о Христѣ Иисусѣ*.
Рожденное отъ плоти умерло, ожило рожденное отъ Духа и
стало само духомъ. „Мы спогреблись съ Нимъ крещеніемъ
въ смерть, дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ
славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни“
(Римл. 6, 4).

Какъ жизнь по духу, противоположная жизни по плоти,
раждающей „помышленія плотскія“, которыя „суть вражда
противъ Бога“, „обновленная жизнь“ челоуѣка наполнила его
умъ „помышленіями духовными“, которыя суть „жизнь и
миръ“ (Римл. 8, 6), изгнавши вонъ всѣ помышленія плотскія;

отняла у него „сердце каменное отъ плоти“ (Иезек. 36, 26), преданное плотскимъ вожделѣніямъ, и „дала, согласно пророческому предреченію, сердце ново“, способное къ святымъ чувствованіямъ и желаніямъ; волю, „выступившую изъ закона воли Божіей“, снова ввела въ порядокъ жизнь по волѣ Божіей (Еп. Теоф. стр. 52) и даровала новыя благодатныя силы, *яже къ животу и благочестію*, дающія возможность, по выраженію пророка, въ заповѣдяхъ Божіихъ ходить и суды Его сохранить и сотворить. Съ „новымъ сердцемъ“ сообщилось человѣку и новое чувство—безконечной любви, благодарности и благоговѣнія къ Творцу этого „новаго сердца“.

Безконечно томившійся нѣкогда духовною жаждою, теперь человѣкъ нашель обильный и цѣльбоносный источникъ „воды живой“. Теперь между человѣкомъ и безконечнымъ источникомъ жизни и радости—Богомъ нѣтъ зіяющей бездны: она уничтожена крестомъ, разрушившимъ „средостѣніе“ и примирившимъ *обою*. Мучительная жажда утолена: покрывавшая душу грязь грѣховныхъ вожделѣній омыта; запятпанную одежду преступленія смѣнила свѣтлая; риза спасенія. Жизнь возрожденнаго человѣка стала ничѣмъ ненарушимою радостію о Господѣ. Но самая высшая и совершенная радость, о которой и не мечталъ естественный человѣкъ, состоитъ въ томъ, что человѣкъ самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ соединился со Христомъ, подобно дикой маслинѣ, привился ко Христу, сдѣлался храмомъ Духа Святаго въ святѣйшемъ таинствѣ евхаристіи.

Но возстановленіи человѣка, и отношенія къ нему другихъ тварей измѣнились на лучшія. Вооружившіеся нѣкогда противъ человѣка ангелы, видя его вѣнчаннымъ новою славою и честію, снова примирились „съ братіями своими по духу, плоть носящими, имѣющую въ свое время явиться въ силѣ своей“ (Теоф. Толк. посл. къ Колос., 54 стр.). Силою креста Своего Господь „возвелъ человѣка къ ангеламъ, возвелъ на небо того, кого тамъ не любили. Ангелы опять ста-

ли являться на землѣ, потому что и человекъ явился на небѣ. Земля стала небомъ, потому что небо имѣло пріять еже отъ земли. Теперь небо уже не заграждено отъ насъ непроходимую преградою, и каждый вѣрующій имѣетъ своего ангела“ (стр. 55).

„Самая земля,—по словамъ преосв. Димитрія, архіеп. Херсонскаго,—на которой воскресъ Христосъ, съ того времени, какъ Христосъ омылъ клятву ея Своею кровію, бывъ по насъ клятвою, стала благословенною нивою, на которой растеть и спѣеть пшеница Христова—избранные Его, доколѣ соберутся они въ житницу небесную“ (т. 1, стр. 167—168).

Съ воцареніемъ въ сердцахъ возрожденныхъ людей Христа, и отношенія между ними измѣнились. Теперь истинные послѣдователи Христовы управляются всѣ единою волею Божіею, имѣютъ умъ Христовъ, руководятся въ своей жизни и дѣятельности святымъ и возвышеннымъ началомъ любви къ Богу и ближнему, составляютъ единое таинственное тѣло съ единымъ Главою—Христомъ, а потому и думаютъ одно и то же, и желаютъ одного и того же, и стремятся къ одному и тому же.

Имѣя источникомъ своимъ обповлеченное сердце, посвящее въ себѣ залогъ Духа святого, миролюбивое настроеніе человека возрожденнаго не можетъ быть нарушено ничѣмъ внѣшнимъ, какъ бы тяжело и враждебно ему ни было послѣднее. Наоборотъ, душевный миръ христіанина тогда-то особенно и процвѣтаетъ, когда христіанинъ видитъ вокругъ себя ополчающихся враговъ мира, потому что, „если внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется“ (2 Кор. 4, 16); если же внутренній обновляется, то возрастаютъ и благодатный миръ и спокойствіе духа, „умножается Христомъ и утѣшеніе наше“ (2 Кор. 1, 5). Внѣшній человекъ—это грѣховная плоть со всѣми ея склонностями, стремленіями и вождедѣніями. Онъ тлѣетъ и умираетъ тогда, когда все грѣховное, плотское побѣждается, когда внѣшняя жизнь и жизнь плоти цѣнятся настолько, насколько онѣ способству-

ютъ осуществленію религіозно-нравственныхъ цѣлей, а потребности плоти удовлетворяются въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для сохраненія жизни. Но для побѣдоносной борьбы съ врагами спасенія необходимо знать ихъ, а намъ грѣховныя склонности нерѣдко долгое время совершенно ничѣмъ о себѣ не заявляютъ. Необходимо, поэтому, почаще выводить наружу сокровенные наши недуги и слабости. Этой цѣли и служатъ постигающія насъ внѣшнія бѣдствія и огорченія. „Если бы,—говоритъ преосв. Херсонскій Димитрій,— у насъ не было этихъ огорченій, мы могли бы почитать себя почти ангелами, и сами не подозрѣвали бы, сколько зла таится у насъ въ сердцѣ. Но когда огорченія проникаютъ въ нашу душу, когда неприятности житейскія начинаются, такъ сказать, пробовать наше сердце съ разныхъ сторонъ, то гнѣздящіяся въ немъ страсти обнаруживаются одна за другою, выползаютъ, какъ змѣи, изъ своего убѣжища.“ Отсюда ясно, что мужественное перенесеніе скорби есть торжество надъ „внѣшнимъ человѣкомъ“, оживающимъ въ насъ или въ окружающихъ насъ при встрѣчѣ съ огорчающими насъ явленіями; и чѣмъ чаще „новая тварь“ торжествуетъ надъ „ветхимъ человѣкомъ“, тѣмъ болѣе очищается и совершенствуется въ святой и непорочной жизни христіанинъ, тѣмъ ближе и тѣснѣе соединяется со Христомъ, источникомъ радости и мира. Съ нимъ происходитъ то же, что бываетъ съ золотомъ въ горнилѣ. Недаромъ ап. Іаковъ совѣтуетъ вѣрующимъ: „съ великою радостію принимайте, братія мои, когда впадаете въ различныя искушенія, зная, что испытаніе вашей вѣры производитъ терпѣніе; терпѣніе же должно имѣть совершенное дѣйствіе“ (Іак. 1, 2—4). И ап. Павелъ подтверждаетъ: „мы хвалимся и скорбями, зная, что отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда“ (Римл. 5, 3—4). „Какъ дерево,—говоритъ преосв. Димитрій,—перенесшее дожди и бури, бываетъ крѣпко и долговѣчно; такъ и душа, пріобыкшая къ терпѣнью, всегда сохраняетъ постоянство и невозмущаемый миръ“. Ничто

не повергнетъ ее въ уныніе, такъ какъ она приобрѣла надежду или упованіе, слѣдовательно—знаетъ, что все случается съ ней по волѣ Божіей, которая все [направляетъ ко благу человѣка; что, посылая намъ скорби, безконечная благодать Божія даетъ намъ и силы перенести ихъ, посылаетъ и необходимыя утѣшенія,—и она съ вѣрою ждетъ этихъ благодатныхъ утѣшеній и всецѣло передаетъ себя въ руцѣ Божіи. „Тогда наступаетъ для человѣка,—по словамъ преосв. Дмитрія,—*блаженная* жизнь во Христѣ: онъ начинаетъ вкушать отъ плодовъ своихъ наслажденіе, счастье и миръ. Радость дѣлается его постояннымъ спутникомъ на всѣхъ стезяхъ жизни, потому что по существу своему она есть пріятное чувство сердца, находящаго въ самомъ себѣ довольство и полноту жизни, умиротвореніе всѣхъ помысловъ, успокоеніе всѣхъ чаяній и стремленій“.

Итакъ, кто хочетъ обладать постояннымъ, ничѣмъ ненарушимымъ душевнымъ миромъ, тотъ долженъ помнить, что источникъ его есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, примирившій насъ съ Богомъ; что рождается этотъ миръ на развалинахъ нашей падшей природы, у могилы „ветхаго человѣка“, распятаго благодатію Божіею при крещеніи: возрастаетъ при содѣйствіи *божественныхъ силъ, яже къ животу и благочестію*; питается животворящимъ Тѣломъ и всечестною Кровію Сына Божія; укрѣпляется и совершенствуется въ горнилѣ житейскихъ скорбей и огорченій; достигаетъ полноты и совершенства дѣлами любви и милосердія христіанскаго. Но помнить мало, а нужно еще и безбоязненно шествовать по этому тернистому, но царскому пути,—и миръ Божій вселится тогда въ насъ богато.

К. Перевозниковъ.

Современные способы распространения сектантских заблуждений в народъ и необходимыя мѣры противодѣйствія имъ.

(Окончаніе). ¹⁾

Второе средство, которымъ можетъ и долженъ священникъ остановить распространение въ приходѣ сектантскихъ заблуждений, это—церковное учительство, примѣнительное къ обстоятельствамъ его прихода. Мы указывали, какъ сектанты увлекаютъ православныхъ чтеніемъ и толкованіемъ Библіи. Да и помимо прямой сектантской пропаганды, развивающееся, вмѣстѣ съ распространеніемъ грамотности, чтеніе книгъ и Евангелія ведетъ къ возникновенію различныхъ религіозныхъ и церковно-религіозныхъ вопросовъ, а при неудовлетворительномъ разрѣшеніи ихъ—къ сектантству. Вотъ здѣсь и должно выступить церковное учительство.

Въ противовѣсъ сектантству и въ отвѣтъ на запросы грамотныхъ, читающихъ Слово Божіе, прихожанъ, церковная проповѣдь должна излагать церковное вѣроученіе на основаніи Свящ. Писанія, и притомъ такъ, чтобы не оставалось мѣста недоумѣннымъ вопросамъ, чтобы яснымъ и основательнымъ изложеніемъ предупреждать ихъ.

Но одной церковной проповѣди мало. Она должна перейти въ учительство на частныхъ нарочитыхъ собраніяхъ православныхъ прихожанъ. Пусть пастыри Церкви снизойдутъ къ назрѣвшимъ интересамъ нашего времени и нашихъ колеблющихся въ православной вѣрѣ приходоѡ; пусть они, какъ выражался покойный епископъ Теофанъ, заведутъ свою собственную штунду—православную; пусть въ долгиіе осенніе и зимніе вечера собираютъ они вокругъ себя хотя на часъ (по нѣмецки—*штундэ*) своихъ прихожанъ и почитаютъ съ ними Св. Писаніе, уясняя имъ церковное истинное понима-

¹⁾ См. № 51-й за 1904 г.

ніе его:—и создастся такая крѣпость вѣры и любви къ святой Православной Церкви, къ ея божественному ученію и пастырству, что никакое оболъщеніе, никакая лесть сектантская не будутъ страшны православнымъ. Прихожане получаютъ удовлетвореніе своей пытливости, своей жаждѣ разумной вѣры отъ своего пастыря и не будутъ увлекаться всякимъ вѣтромъ новыхъ и чуждыхъ ученій.

Третье средство—школа. „Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“, говоритъ русскій народъ. Но въ церковномъ отношеніи не всякое ученіе и не всегда приноситъ свѣтъ истины, а неученіе не всегда обозначаетъ тьму невѣжества. Грамотный „ученый“ сектантъ, перевирающій и искажающій христіанскую вѣру и въ Свящ. Писаніи наталкивающійся на одно лишь „неудобовразумительное“, есть „невѣжда и неутвержденный“, по слову апостола, въ то время какъ неграмотный, но повинующійся разуму Церкви, видитъ свѣтъ истины. И если весьма много школъ, распространяющихъ нынѣ на Руси просвѣщеніе, отданы въ вѣдѣніе и ввѣрены руководству духовенства, то отъ приходскихъ священниковъ зависитъ, чтобы грамотность и ученіе въ школѣ научали подрастающее поколѣніе не только знаціямъ полезнымъ, но и религіознымъ, церковнымъ.

Кромѣ общаго направленія школы, въ этомъ случаѣ конечно, имѣетъ главное значеніе преподаваніе Закона Божія. Для нашего времени необходимо, чтобы это преподаваніе носило миссіонерскій характеръ. Необходимо, знакомя школьниковъ съ истинами вѣры и Церкви, не только защищать послѣднія отъ тѣхъ возраженій, которыя раздаются уже въ приходѣ и не могутъ не быть извѣстны и школьникамъ, но и опровергать несогласныя съ ними сектантскія положенія.

Самый методъ преподаванія долженъ имѣть въ виду эту миссіонерскую цѣль. Необходимо возможно чаще задавать школьникамъ отрицательные вопросы, предварительно подготовивши ихъ такъ, чтобы они сами, безъ прямого подсказы-

ванія законоучителя, давали православные отвѣты. Нужно познакомить ихъ съ самимъ источникомъ вѣроученія—Свящ. Писаніемъ. Здѣсь не нужно систематическаго истолковательнаго изученія его,—оно не можетъ быть доступно въ приходской школѣ. Нужно пріучить лишь школьниковъ читать Свящ. Писаніе, не стараясь находить въ немъ непременно что-то новое, невѣдомое и скрываемое будто бы православными священниками. Нужно, при этомъ, напередъ познакомить ихъ съ ложно толкуемыми сектантами текстами Свящ. Писанія, такъ чтобы случайное нахожденіе ихъ въ Библии не породило недоумѣнныхъ, приводящихъ часто къ сектантству, вопросовъ. Такихъ текстовъ не много, и чтеніе ихъ на урокахъ Закона Божія не слишкомъ расширитъ программу его, но принесетъ громадную пользу въ борьбѣ съ начинающимся или распространяющимся сектантствомъ. Обученные такимъ образомъ школьники въ будущемъ явятся оплотомъ приходской церкви, не только какъ твердые въ православіи прихожане, но и какъ защитники его и обличители сектантовъ. Изъ болѣе способныхъ и ревностныхъ изъ нихъ священникъ можетъ создать приходскую миссію, которая, стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ сектантамъ, какъ односельчане, будетъ весьма полезнымъ пособникомъ священнику въ его миссіонерской дѣятельности.

Четвертое и послѣднее средство—близкое участіе священника во всей жизни прихода, во всѣхъ интересахъ прихожанъ. Если въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ священникъ явится въ приходѣ, какъ представитель христіанской правды и христіанскаго милосердія, и если въ каждомъ дѣлѣ прихода, требующемъ общаго участія, онъ обратится къ доброму сердцу и сочувствію своихъ прихожанъ и вызоветъ ихъ участіе, то цѣлость и крѣпость церковная получаютъ новые жизненные устои. Сектантскія общины сильны своею трезвостью, трудолюбіемъ, нравственною крѣпостью, взаимною поддержкою. Все это у нихъ создаетъ вѣра. Пусть же приходскій священникъ постарается развить и укрѣпить въ своихъ при-

хожанахъ эти общественныя добродѣтели. Пусть сектанты не имѣютъ права говорить, что только они— „не пьяницы, не бійцы, не злорѣчивы“, пусть эти качества привьются, стараніемъ священника, къ православнымъ прихожанамъ,—и никакая укоризна сектантовъ не будетъ имѣть мѣста и основанія, а ихъ фарисейская похвальба своими несомнѣнными добродѣтелями потеряетъ свою исключительную привлекательность.

Сектантскія общины представляютъ крѣпкую сплоченность вокругъ своихъ вожаковъ. Пусть и православный приходъ собирается вокругъ священника не для однихъ богослуженій и обращается къ нему не для однихъ требъ; пусть священникъ будетъ во главѣ общаго церковно-приходскаго ума и приходской воли, мірской силы и благожелательности.— тогда не будетъ того отчужденія отъ прихода, которое замѣчается нынѣ. Подъ главенствомъ священника организуется и общество трезвости, и общество взаимопомощи. Безъ шума и регламентаціи, зарождаясь и развиваясь живою жизнью, подъ сѣнію Церкви, они воссоздадутъ древній свято-русскій приходъ съ его всеобъемлющею силою. Каждый прихожанинъ все найдетъ въ своей православной общинѣ, и ему незачѣмъ будетъ обращать взоры къ сектантамъ и общественному и нравственному укладу ихъ жизни...

Все эти мысли объ особомъ строѣ церковно-приходской жизни для борьбы съ сектантствомъ даютъ, какъ мы уже сказали, современная миссіонерская литература и миссіонерскіе официальные отчеты. И если, по апостолу, „подобаетъ ересемъ въ насъ быти, да искусніи бывають въ насъ“, то мы, къ утѣшенію нашему, можемъ сказать, что распространившееся уже по всей Россіи сектантство создало много такихъ „искусныхъ“ пастырей Церкви, надъ дѣятельностью которыхъ съ отрадою останавливается взоръ наблюдателя современной церковно-приходской жизни. И если такіе пастыри въ конецъ и не уничтожили сектантства въ своихъ приходахъ, то лишили его всякой силы и обаянія. Больше того,

они уничтожили всякій поводъ къ протесту сектантовъ противъ Православной Церкви, смирили ихъ мятежный духъ и смягчили ихъ враждебность къ православнымъ священникамъ и паствѣ. А это уже громадный шагъ на пути къ возвращенію сектантовъ въ Церковь.

Отъ чисто пастырскихъ средствъ противодѣйствія распространенію сектантскихъ заблужденій перейдемъ къ средствамъ, такъ сказать, спеціально миссіонерскимъ. Средства эти—частныя и публичныя собесѣдованія съ сектантами.

Съ учрежденіемъ внутренней миссіи въ Россіи, среди духовенства сразу установился было ложный взглядъ, что дѣло борьбы съ сектантствомъ есть дѣло нарочито назначаемыхъ для этого миссіонеровъ. Этотъ взглядъ на борьбу съ сектантствомъ сопровождался печальнѣйшими послѣдствіями, и потребовалось особое опредѣленіе Св. Синода для разясненія, что „съ учрежденіемъ епархіальныхъ, уѣздныхъ и окружныхъ миссіонеровъ, дѣйствующихъ въ указываемыхъ имъ предѣлахъ епархіи и только временно посѣщающихъ мѣстности, зараженныя расколомъ и сектантствомъ, отнюдь не освобождается отъ миссіонерской дѣятельности и каждый священникъ, который, по своей пастырской обязанности, долженъ непрерывно вести миссіонерское дѣло“.

Частныя собесѣдованія приходскій священникъ можетъ вести съ большимъ удобствомъ и пользою, чѣмъ публичныя, пользуясь для этого всякимъ случаемъ, который позволяетъ ему зайти въ избу сектанта или позвать его къ себѣ. Здѣсь, въ частной бесѣдѣ, не требуется ни особеннаго краснорѣчія, ни искусной діалектики; здѣсь нѣтъ того многолюдства и той торжественности, которыми отличаются собесѣдованія публичныя, и которыя стѣсняють свободную рѣчь одинокаго въ своей защитѣ православія и въ обличеніяхъ сектантства приходскаго пастыря.

Предпочитая частныя бесѣды, приходскій священникъ лишь съ большою осторожностью можетъ устраивать публичныя собесѣдованія. Послѣднія рѣдко достигаютъ обращенія

заблудшихъ, но, умѣло поставленные, они почти всегда ведутъ къ прекращенію распространенія сектантскихъ заблужденій. Публичныя собесѣдованія весьма часто принимаютъ характеръ острой полемики, гдѣ не всегда истина, а лишь искусство въ преніяхъ и ловкая діалектика требуются для того, чтобы выйти побѣдителемъ среди криковъ и возбужденныхъ страстей противниковъ. Все это—мало пригодныя условія для дѣйствія Слова Божія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда удается доказать истину православія и ложь сектантства, сектанты долго не могутъ примириться съ публичнымъ обличеніемъ, и это задерживаетъ ихъ на пути къ возвращенію въ Церковь.

Но для православныхъ слушателей публичныя собесѣдованія съ сектантами имѣютъ громадное значеніе, и кто можетъ ихъ вести, тотъ не долженъ пренебрегать этимъ могущественнымъ средствомъ для противодѣйствія сектантству. Для православныхъ—это публичный судъ надъ ихъ постоянными смутьянами-сектантами. Православное населеніе, часто безграмотное, бессильно въ своихъ отвѣтахъ на смущающія ихъ рѣчи сектантовъ, и, чистые въ своей вѣрѣ, они со скорбію видятъ, что сектанты *обличаютъ* ихъ съ Евангеліемъ въ рукахъ. Публичныя собесѣдованія въ этомъ случаѣ—торжество православія надъ сектантствомъ. На нихъ раскрывается ложь сектантскаго ученія, и доказывается правда православія на основаніи того же Евангелія. Вотъ почему православные такъ пегодуютъ, если сектанты уклоняются отъ публичныхъ собесѣдованій, отъ этой очной ставки истины православія съ ложью сектантской. Необходимо, поэтому, чтобы на публичныхъ собесѣдованіяхъ торжество православія было полное, рѣшительное, чтобы у слушателей-православныхъ не оставалось никакого сомнѣнія относительно того, чья вѣра истинная, и кто правъ. Для этого, конечно, со стороны православныхъ собесѣдователей требуется большое искусство и большой опытъ въ веденіи собесѣдованій. Это обстоятельство и выдвинуло специальныхъ миссіонеровъ...

Мы не можем не закончить настоящаго очерка современныхъ способовъ распространенія сектантскихъ заблужденій и мѣръ противодѣйствія сектантству отвѣтомъ на вопросъ: если волны сектантства катятся по уклонамъ церковной жизни, и если остановить эти волны можетъ только пастырская дѣятельность духовенства, сообразованная съ духомъ миссіонерства, то зачѣмъ же существуютъ и развиваются учрежденія миссіонерскія? Неужели для однихъ публичныхъ собесѣдованій?—Въ этомъ вопросѣ заключается и отвѣтъ на него. Когда приходское духовенство будетъ въ силахъ справиться съ сектантствомъ безъ помощи миссіонеровъ, тогда миссіонеровъ не будетъ. Миссія во внутренней жизни Церкви—явленіе временное, пастырство—вѣчное.

Священникъ-миссіонеръ. *С. Потъхинъ.*

Нѣсколько словъ о нашихъ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ извѣстіяхъ.

Въ духовныхъ журналахъ духовенство ищетъ какъ наставленія въ своихъ пастырскихъ трудахъ и дѣйствіяхъ, такъ и утѣшенія. Оно является преобладающимъ читателемъ этихъ журналовъ, наконецъ, оно же главнымъ образомъ—своимъ личнымъ, или церковнымъ грошемъ—и поддерживаетъ эти журналы. Думаемъ, поэтому, что духовенство имѣетъ нѣкоторое право высказывать и свои желанія по отношенію къ этимъ журналамъ, предъявлять даже нѣкоторыя къ нимъ требованія.

Значеніе этихъ желаній усиливается еще тѣмъ, что священникъ въ данномъ случаѣ будетъ выражать не только свои личныя желанія, но нерѣдко и желанія своего прихода, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его членовъ: книги и журналы, выписываемые на церковный счетъ, поступаютъ въ церковныя бібліотеки; слѣдовательно, ихъ могутъ, съ разрѣшенія свя-

щенника, читать и прихожане, такъ что эти книги и журналы пріобрѣтають уже обще-приходское значеніе. Вотъ почему мы и рѣшаемся высказать нѣсколько своихъ такихъ желаній, напередъ извиняясь, если въ нихъ будетъ что-либо субъективное, не вполне, быть можетъ, ясно выраженное.

Первое, чего бы мы желали отъ духовныхъ журналовъ, это—усиленія въ нихъ *назидательнаго* элемента,—того элемента, который дѣйствуетъ на сердце, воспитывая въ немъ любовь и преданность Богу. Этотъ элементъ важенъ для священника потому, что послѣдній призванъ прежде всего и главнѣе всего *спасаться и другихъ спасать*; восхожденію къ совершенству духа, святости—вотъ чему прежде всего должны учить духовные журналы. Если мы посмотримъ на тотъ огромный матеріалъ, какимъ наполняется наша духовная журналистика, то увидимъ, что $\frac{3}{4}$ этого матеріала имѣють въ виду умъ читателя, а не его сердце. Да не подумаютъ читатели, будто мы вооружаемся противъ статей научнаго, отвлеченнаго характера: онѣ имѣють свою цѣну и значеніе, но должны быть поставлены въ надлежащія рамки. Не отрицаемъ, что духовенство наше относительно развито, но оно вовсе не научно *настроено*, отъ науки оно отвлекается своими практически-жизненными задачами,—и въ этомъ нѣтъ ничего худого. Статьи *строго-научнаго* характера духовенство, по нашимъ наблюденіямъ, читаетъ мало. Повторяемъ: духовенство въ книгѣ прежде всего ищетъ наставленія, руководства, нравственной поддержки въ своихъ трудахъ. Чрезмѣрное увлеченіе отвлеченностями въ ущербъ практически-жизненнымъ интересамъ и пастырскимъ задачамъ ведетъ къ чахлости и захудалости самыхъ духовныхъ журналовъ и къ уменьшенію количества подписчиковъ. *Епархіальныя извѣстія* должны бы быть живѣйшимъ изъ живыхъ органовъ. На самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. И тутъ примѣшалась „научность“, да еще часто самая неудачная, не нашедшая себѣ мѣста въ солидныхъ научно-богословскихъ журналахъ. Во многихъ *епархіальныхъ извѣстіяхъ* на сотни страницъ тянутся историческія изслѣдованія, всего чаще о епархіяхъ или о семинаріяхъ; и

все это изложено самым сухим языкомъ, уснащено сотнями хронологическихъ датъ, столькими же выносками и цитатами. Само собою понятно, что для науки подобныя статьи имѣютъ важное значеніе, но слишкомъ ужъ все это для обычнаго читателя скучно, не интересно; положи руку на сердце, скажемъ, что въ громадномъ числѣ церковныхъ библиотекъ №№ съ такимъ „научнымъ“ матеріаломъ остаются совершенно не разрѣзанными. И если священнику въ этихъ №№ остается прочесть распоряженія епархіальнаго начальства или перечень вакантныхъ мѣстъ, то для недуховнаго читателя и этотъ матеріалъ совершенно не интересенъ....

Затѣмъ, въ *епархіальныхъ извѣстіяхъ* слѣдовало бы сократить официальный матеріалъ. Отчеты епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ иногда тянутся въ десяткахъ №№ изъ года въ годъ, пересчитываются служащіе духовно-учебныхъ заведеній, при чемъ объ отдѣльныхъ переимѣнахъ въ составѣ ихъ тоже каждый разъ сообщается въ свое время. Кому все это нужно и полезно? ¹⁾ Вообще, для пастыря Церкви въ духовныхъ журналахъ всего желательнѣе было бы видѣть хорошо поставленными *два* отдѣла: религіозно-назидательный и церковно-практическій; къ нимъ можетъ быть прибавленъ отдѣлъ научно-философскій и историческій, но въ значительно меньшемъ размѣрѣ.

Духовнымъ журналамъ, въ томъ числѣ и *епархіальнымъ извѣстіямъ*, необходимо обратить вниманіе также на *приложенія*, занявшись популяризацией классическихъ произведеній отцовъ Вселенской и Русской Церкви и т. п. Высказываемъ смѣлую увѣренность, что подобныя солидныя приложенія значительно увеличили бы спросъ на духовные журналы, увеличили бы и ихъ матеріальныя средства. Свѣтскіе

---

¹⁾ Приѣкорбно, что въ нѣкоторыхъ *епархіальныхъ извѣстіяхъ* или совсѣмъ не печатаютъ, или печатаютъ очень поздно разрядные списки учениковъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній. Этимъ духовенство интересуется больше, чѣмъ списками педагоговъ въ тѣхъ же заведеніяхъ...

журналы давно поняли значеніе *приложеній*, и издатель „Швы“ приобрѣлъ ими сотни тысячъ подписчиковъ.

Кто изъ пастырей не сказалъ бы сердечное спасибо, получивши, напр., въ видѣ *приложенія* труды такихъ корифеевъ богословія, какъ *Филарета*, митр. Московскаго, Димитрія, архіеп., Херсонскаго, Макарія, митроп. Московскаго, Амвросія, архіеп. Харьковскаго и мн. др.? Могутъ возразить, что такія *приложенія* не по средствамъ редакціямъ. Мы и не отрицаемъ этого, при чемъ и не требуемъ, чтобы того или другого автора редакція полностью выдавала за годъ. По частямъ, за нѣсколько лѣтъ—и то было бы хорошо; тогда и расходъ на такое *приложеніе* не былъ бы тяжелымъ. Напримѣръ: въ *епархіальныхъ извѣстіяхъ* иногда печатаются проповѣди—всего чаще случайнаго характера и нерѣдко посредственнаго качества. Печатаются онѣ всегда *post factum*—послѣ произнесенія ихъ, послѣ тѣхъ священныхъ дней, къ которымъ приурочены, а потому и особенно полезными быть не могутъ. Не лучше ли было бы для церковной бібліотеки и для священника получить тѣ же проповѣди отдѣльнымъ, небольшимъ сборничкомъ въ видѣ *приложенія*, а еще лучше—получить одинъ томикъ какого-либо классическаго проповѣдника?

Что трудно сдѣлать одной редакціи, то могли бы сдѣлать 2—3 вмѣстѣ; напримѣръ: приобрести право изданія того или другого автора *епархіальнымъ извѣстіямъ* одной епархіи трудно, *епархіальнымъ же извѣстіямъ* нѣсколькихъ епархій это было бы вполне доступно.

Въ духовныхъ журналахъ и *епархіальныхъ извѣстіяхъ* желательна, далѣе, болѣе широкая свобода мнѣній въ обсужденій разныхъ вопросовъ церковнаго характера. Мало-мальски статья *обличительнаго*, какъ говорятъ, характера, отмѣчаетъ временные недостатки церковной жизни,—ея не примутъ въ духовномъ органѣ. Въ пишущемъ это вызываетъ огорченіе, недовольство, и иногда приходится встрѣчать статьи своего же собрата—духовнаго въ свѣтскомъ органѣ.

Въ своемъ духовномъ органѣ такая статья была бы *частнымъ* мнѣніемъ, вызвала бы живой обмѣнъ мнѣній—и только; въ свѣтскомъ органѣ въ нее прибавятъ подчасъ *соли*, снабдятъ комментаріями,—и она *нерѣдко* *приобрѣтаетъ* характеръ скандала, которому иные круги не прочь порадоваться. Зачѣмъ же отталкивать, бросать въ чуждый лагерь своего же собрата, который, быть можетъ, руководится самыми лучшими чувствами, отмѣчая тѣ или другія несовершенства во временномъ строѣ церковной жизни?..

Наконецъ, по нашему мнѣнію, въ каждомъ духовномъ журналѣ необходимъ справочный отдѣлъ, *почтовый ящикъ*, при помощи котораго каждый подписчикъ имѣлъ бы возможность получить свѣдѣнія по интересующему его отдѣльному вопросу. Такой отдѣлъ есть, напр., въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“—„Отвѣты редакціи“. Для подписчиковъ это было бы огромнымъ удобствомъ во многихъ затруднительныхъ случаяхъ, когда не у кого справиться, не у кого найти совѣта; редакціи же это дало бы богатый матеріалъ для статей, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ такихъ запросовъ редакція могла бы судить, чѣмъ живетъ, чѣмъ интересуется читатель ея изданія..

Въ заключеніе не можемъ не выразить искренняго желанія, чтобы тѣ изъ сопастырей, которые интересуются книгой и любятъ ее, высказались и по затронутому нами вопросу: быть можетъ, изъ такихъ отдѣльныхъ мнѣній *окормляющіе* насъ духовные органы печати извлекли бы свою долю пользы.

Свящ. В. Пестряковъ.

Мѣры и средства къ устраненію неправильныхъ записей и пропусковъ въ метрическихъ книгахъ.

(Практическая замѣтка.)

Никто не станетъ спорить о важности метрическихъ записей. Онѣ, прежде всего, на ряду съ другими документами, свидѣтельствуютъ о правахъ гражданскаго состоянія,

почему бываютъ необходимы для каждаго отдѣльнаго лица въ разнообразныхъ условіяхъ его личнаго, семейнаго и общественнаго быта. Отсюда—всякая неточность и погрѣшность въ выдаваемыхъ причтами метрическихъ свидѣтельствахъ, выписяхъ и справкахъ сопровождаются, въ практическомъ отношеніи, разными неудобствами, затрудненіями и хлопотами для лицъ, нуждающихся въ этихъ документахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осложняютъ дѣлопроизводство въ консисторіяхъ, обременяя послѣднія дѣлами, возникновеніе которыхъ, при правильномъ веденіи записей въ метрическихъ книгахъ, не имѣло бы совсѣмъ мѣста. Въ то же время причты бываютъ сами же виновниками и тѣхъ непріятностей и каръ, которыя зачастую постигаютъ ихъ вслѣдствіе небрежнаго веденія записей въ метрическихъ книгахъ.

Для устраненія неправильностей въ записяхъ и пропусковъ самыхъ записей въ метрическихъ книгахъ въ существующихъ на этотъ счетъ узаконеніяхъ указаны слѣдующія правила веденія этихъ записей: 1) вѣрное и исправное содержаніе приходскихъ метрическихъ книгъ возлагается на общую и нераздѣльную отвѣтственность не только священниковъ, но и діаконовъ и причетниковъ (т. IX. Зак. о сост., ст. 870); родившіеся, бракосочетавшіеся и умершіе записываются въ метрики приходскимъ священникомъ или черезъ причетниковъ немедленно по исправленіи каждой требы, со всевозможною вѣрностью и исправностью, и только въ случаѣ отсутствія по какимъ-либо обстоятельствамъ приходскаго священника, случающіеся въ это время браки, рожденія и крещенія младенцевъ и погребенія умершихъ записываются исправлявшимъ требу стороннимъ священникомъ (т. IX. Зак. о сост., ст. 864—867); 3) всякія подчистки въ метрическихъ записяхъ строго воспрещаются, и если бы случилась погрѣшность записавшаго, то погрѣшительно написанное надлежитъ оградить со всѣхъ сторонъ чертами и потомъ продолжать писать, что должно (т. IX. Зак. о сост., ст. 866); по совершеніи требы и по внесеніи объ этомъ записи

въ метрическія книги, священнослужители, въ отвращеніе ошибокъ, тогда же приглашаютъ участвовавшихъ и присутствовавшихъ обозрѣть вѣрность показанія и засвидѣтельствовать о томъ на самыхъ мѣтрикахъ (тамъ же, ст. 872 и Уст. дух. Конс., ст. 100) ¹⁾; 4) если бы причтамъ не представлялось возможности предъявить къ засвидѣтельствуванію метрическую запись лицамъ, ближайшимъ образомъ прикосновеннымъ къ событіямъ, по ихъ ли нежеланію, или по чему-нибудь другому, — напр., по неграмотности, — и если, къ тому же, встрѣчается сомнѣніе относительно вѣрности показанія званія или фамиліи и т. п., то въ такихъ случаяхъ причту надлежитъ навести возможные справки по обыскнымъ книгамъ или по исповѣднымъ росписямъ и другимъ документамъ.

Но такъ какъ приведенными указаніями все-таки не устраняются неправильности и пропуски въ метрическихъ документахъ, въ особенности въ записяхъ о рожденіи и крещеніи, то на правильное и тщательное веденіе этого рода записей слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, въ уясненіе чего мы и намѣрены высказать нѣсколько посильныхъ соображеній.

Какъ извѣстно, большимъ камнемъ преткновенія и поводомъ къ неправильностямъ служатъ обыкновенно дѣти, рожденныя отъ матерей, находящихся въ законномъ бракѣ, но не живущихъ съ своими мужьями. Въ данномъ случаѣ нѣкоторые причты, на основаніи словесныхъ заявленій или самой матери младенца, или, родственниковъ ея, а иногда даже стороннихъ лицъ, записываютъ такихъ дѣтей незаконнорожденными. Но они поступаютъ совершенно неправильно, такъ какъ право оспаривать законность младенца, родившагося при существованіи брака, принадлежитъ только мужу его матери, и самый вопросъ о признаніи законности или незаконности рожденія подлежитъ исключительно рѣшенію судеб-

¹⁾ Въ сельскихъ приходахъ мѣра эта не всегда достигаетъ цѣли въслѣдствіе того, что большинство прихожанъ не грамотны

ныхъ учреждений и до обязанностей причтовъ не относится. Въ настоящее время это недоумѣніе разъяснено особымъ опредѣленіемъ Св. Синода, въ силу котораго дѣти, рожденныя отъ матерей, состоящихъ хотя бы и въ незаконномъ бракѣ, доколѣ онъ не признанъ надлежащимъ духовнымъ судомъ недѣйствительнымъ, и если и признанъ, то, буде послѣ таковаго признанія прошло *меньше* трехсотъ шести дней (Высочайшее повелѣніе 3 іюня 1902 г.), записываются на имя сихъ послѣднихъ и ихъ мужей (т. X, ч. I, ст. 119 и Высоч. повел. 3 іюня 1902 г. ст. 131). Дѣти, рожденныя вдовою, или разведенною съ мужемъ, или той, бракъ коей признанъ недѣйствительнымъ, записываются на имя матери и ея умершаго или разведеннаго мужа, если со дня смерти мужа матери, или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ до дня рожденія ребенка прошло *меньше* трехсотъ шести дней (т. X, ч. I, ст. 119). Но имѣя въ виду, что въ распоряженіи составляющихъ метрическую запись не всегда могутъ имѣться точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о времени смерти мужа матери крещаемаго младенца или ея развода съ нимъ, непогрѣшительна въ такихъ случаяхъ запись крещаемаго и на имя только одной его матери, съ обозначеніемъ ея вдовою такого-то или бракоразведенною съ такимъ-то, и притомъ отнюдь не должно быть допускаемо внесеніе въ запись слово, „незаконнорожденный“. Дѣти женщины, родившей вскорѣ послѣ смерти прежняго ея мужа или вскорѣ послѣ развода, но во время состоянія ея во второмъ (вообще новомъ) бракѣ, записываются на имя ея и настоящаго ея мужа, который, буде пожелаетъ, можетъ, на основаніи 1348 ст. т. XVI, ч. I, Уст. гражд. суд., оспаривать правильность такой записи. При безвѣстномъ отсутствіи мужа или ссылкѣ его въ Сибирь, если эти обстоятельства надлежаще удостовѣрены, и если со времени ихъ прошло *больше* трехсотъ шести дней, допустима, согласно приложенной къ ст. 861 т. IX формѣ метрической записи, запись дѣтей, рожденныхъ отъ матерей, состоящихъ въ бракѣ, только на имя

матерей, безъ добавленія таковой записи словомъ „незаконнорожденный“. Согласно новымъ Высочайше утвержденнымъ 3-го іюня 1902 года Правиламъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей, всѣ дѣти: а) рожденные незамужнею, б) происшедшія отъ прелюбодѣянія и в) рожденные по смерти мужа матери, или по расторженіи брака разводомъ, или же послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, когда со дня смерти мужа матери, или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ до дня рожденія прошло *болѣе* трехсотъ шести дней, именуются дѣтьми *внебрачными* (Высочайшее повелѣніе, ст. 132), а потому они должны быть записываемы въ метрическія книги на имя ихъ матерей, безъ обозначенія таковыхъ дѣтей „незаконнорожденными“. При внесеніи въ метрическія книги записи событія о крещеніи подкидыша, родители котораго не обнаружены, или вообще внебрачныхъ дѣтей, матери которыхъ по какимъ-либо причинамъ скрываютъ свое имя и званіе, запись должна быть учиняема такъ: имя крещаемого, а также время и мѣсто его рожденія, поскольку таковыя будутъ обнаружены офиціальными данными, напр., удостовѣреніемъ родовспомогательнаго заведенія, если рожденіе ребенка произошло тамъ, свѣдѣніями отъ полиціи и т. п. или свидѣтельскими показаніями; въ графѣ же о родителяхъ слѣдуетъ написать: „родители его не извѣстны“ (Оур. Св. Син. 4 марта 1886 г. № 2, 23 дек. 1889 № 15 и 14—окт.—8 ноября 1880 г., 20 мая 1903 г.).

Всякаго рода отступленія отъ этихъ узаконеній и постановленій ведутъ обыкновенно къ неправильностямъ въ записяхъ или же къ совершенному пропуску ихъ по метрическимъ книгамъ. Такъ, не могло бы быть вовсе пропусковъ по метрическимъ книгамъ, если бы всѣ приходскіе причты оставили ничѣмъ не оправдываемый обычай предварительной записи метрическихъ актовъ на запискахъ, а сразу бы дѣлали ихъ въ самыхъ метрическихъ книгахъ. Пропуски оттого происходятъ, что записки теряются. Въ особенности это часто случается, когда, за отсутствіемъ мѣстнаго священника, со-

вершаетъ потребу сосѣдній. До сихъ поръ еще во многихъ приходяхъ существуетъ давній обычай, въ силу котораго, за отсутствіемъ мѣстнаго священника, совершившій потребу иноприходный священникъ отмѣчаетъ обыкновенно совершенный имъ актъ на запискѣ и эту записку поручаетъ передать „своему батюшкѣ“. Но такой способъ передачи бываетъ очень ненадежнымъ. Часто случается, что переданныя записки теряются, или же то лицо, которому поручено передать записку, вспомнить о ней спустя уже нѣкоторое время, вслѣдствіе чего бываетъ то пропускъ по метрическимъ книгамъ, то несвоевременныя записи. Для устраненія этихъ нежелательныхъ явленій необходимо, опять-таки, въ точности исполнять существующія на этотъ счетъ Синодальныя постановленія, въ силу которыхъ актъ крещенія долженъ быть записанъ совершившимъ его въ метрическую книгу того прихода, въ которомъ совершено таинство; также и разныя требы должны быть записываемы лицомъ, и совершившимъ ихъ, по мѣсту самаго совершенія. Для того же, чтобы не было пропусковъ, необходимо священнику или самому дѣлать запись, или проконтролировать, чтобы она была точно сдѣлана лицомъ, которому поручена.

Изъ причинъ *неправильности* записей въ метрическихъ книгахъ слѣдуетъ указать также торопливость и небрежность, съ которыми часто онѣ производятся, вслѣдствіе чего въ записяхъ бываютъ недомолвки, перепутываются имена и отчества, искажаются фамиліи. Ничего подобнаго не было бы, если бы лица, которымъ надлежитъ дѣлать записи въ метрическихъ книгахъ, совершали эти большой важности акты не торопясь, основательно опрашивая имена, отчества и фамиліи лицъ, подлежащихъ записи, не смѣшивая фамиліи съ *прозвищами*, а въ случаѣ сомнѣній—справляясь съ посемейными списками и другими документами.

При совершеніи крещенія, для того, чтобы потомъ не вышло какого-либо недоразумѣнія, имя, которое дается новорожденному, должно объявлять прежде совершенія таинства.

Этимъ можно достигнуть *двухъ* цѣлей: 1) дать имя, которое желательнѣе самимъ родителямъ и воспріемникамъ крещаемаго; 2) данное имя тверже запомнится воспріемниками, и не произойдетъ потомъ никакихъ недоразумѣній. Если же не объявлять напередъ имени крещаемаго, то можетъ случиться такъ, что священникъ назоветъ и запишетъ его *Емельяномъ*, а кумовьямъ послышится *Илья*, *Борисъ* смѣшаютъ съ *Денисомъ*, *Денисъ*—съ *Онисимомъ* и т. п. Для увѣренности въ правильности записи весьма полезно каждую запись прочитывать вслухъ лицу, которое заинтересовано въ ней. Этимъ можно достигнуть того, что, въ случаѣ какихъ-либо неправильностей, ихъ съ соответствующимъ оговоромъ можно сейчасъ же и исправить; если же неправильность записи обнаружится уже по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, тогда исправленіе ея неминуемо вызоветъ сложное и довольно хлопотливое дѣлопроизводство.

Свящ. *Серапіонъ Брояковскій*.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го декабря 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.